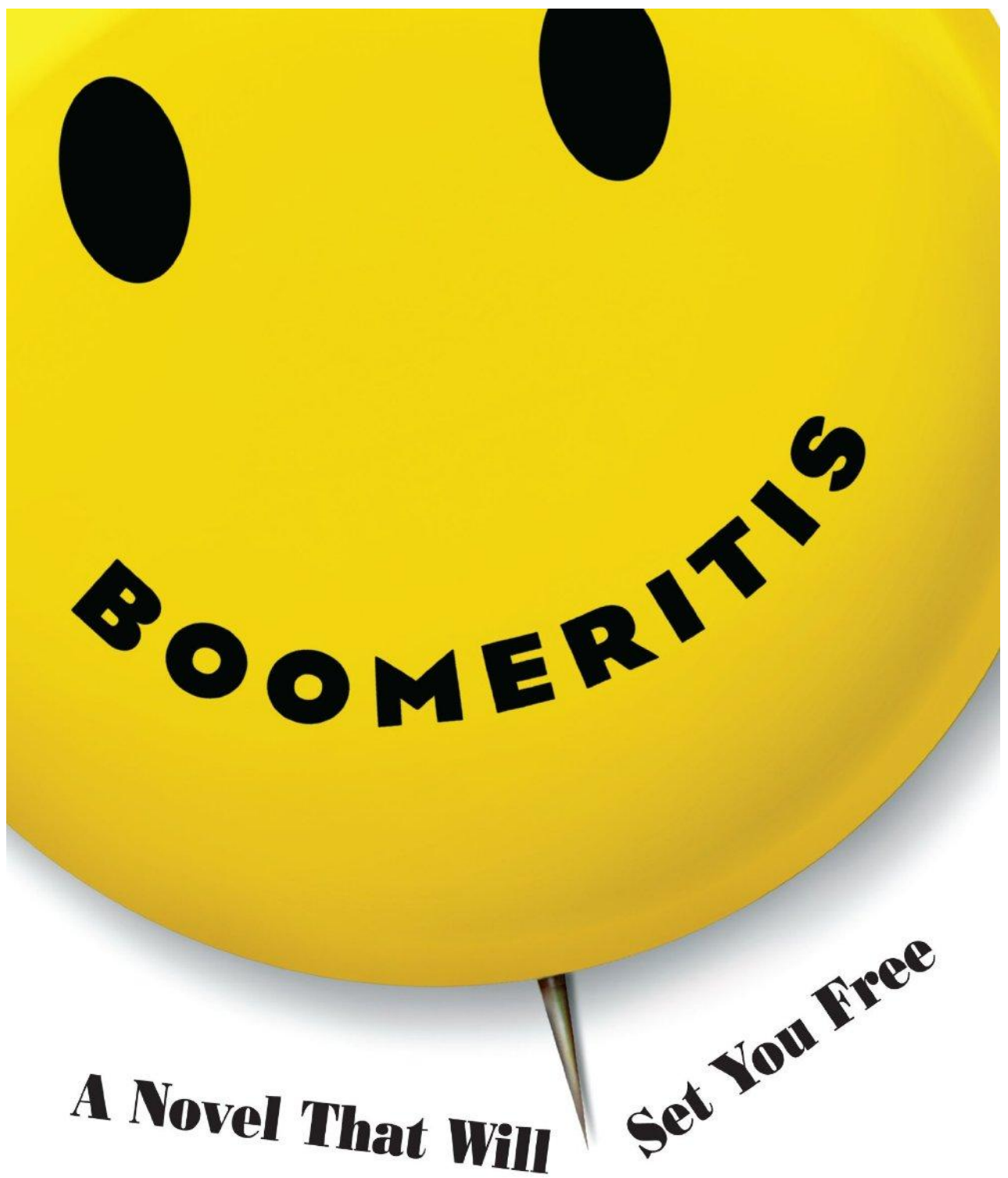

"A highly entertaining postmodernist novel . . .
destined to be a cult classic."—*Library Journal*

KEN WILBER

«Бумерит» не слишком отличается от любого другого художественного текста длиной в 350 страниц. Если говорить в общем, не раскрывая всех карт, это роман о молодом человеке двадцати лет, который изучает Искусственный интеллект в МИТе. Он одержим вполне распространённой в кругу ИИ-специалистов идеей о том, что приблизительно через 30 лет интеллект машин достигнет уровня человеческого интеллекта. Поэтому он убеждён, что в его собственной жизни он получит возможность полностью загрузить своё сознание в кремниевый кибер-город, послав прощальный поцелуй миру мерзкой плоти.

В процессе исследования этого вопроса ему начинает казаться, что если он действительно хочет понять, как будет выглядеть эволюция сознания в кремниевом мире будущего, он должен изучить эволюцию и развитие сознания в углеродном мире, то есть на примере людей, благодаря чему у него, возможно, появятся какие-то догадки. Это решение, в конце концов, приводит его в Интегральный центр в Кембридже, который очевидным образом списан с Интегрального института, но с несколькими постмодернистскими уловками, в которых отчасти состоит юмор книги — и, конечно же, я не могу рассказать вам, в чём они заключаются!

По мере того, как углубляется его понимание развития человеческого сознания, его захватывает идея о том, что кремниевое сознание также будет расти и эволюционировать — в сущности, в своей эволюции оно может пройти весь спектр сознания и достичь самого Духа. Так им овладевает — полностью овладевает — вопрос: кто первым в массовом порядке откроет Бога — Углерод или Кремний?

Очевидно, это всё, что я могу сообщить вам, не раскрывая всей истории. Могу добавить лишь одно: роман задуман как критика бумерита или плюрализма, заражённого нарциссизмом. Поэтому основное требование при его написании заключалось в том, чтобы сам он был примером всего, что критикует, представляя собой самосознающую пародию на объекты собственной критики — ведь именно этим является бумерит. Посему эта

книга объявлена «великим постмодернистским романом» (которым её уже успели окрестить некоторые критики) — следуя доброй постмодернистской традиции, она кусает собственный хвост.

Подробную критику бумерита, которую прорабатывает роман, разумеется, можно понять, лишь прочитав его. Могу лишь сказать, что это продолжительное и серьёзное критическое исследование бумерита, заразившего собою постмодернизм, почти все плюралистические течения, духовность нью-эйджа, притязания на новую парадигму, трансперсональную психологию, транзитную астрологию и даже истории о похищении инопланетянами — всё, что влияет на двадцатилетнего юношу, родители которого являются собой «клинический» пример всего вышеперечисленного.

— *Кен Уилбер*

(из онлайн примечаний к книге)

Кен Уилбер

Бумерит

книга, которая тебя освободит

Электронное издание

Shambhala: Boston & London, 2003

Проект осуществлён при поддержке

Издательства и Центра практик «Открытый Мир»

www.openw.ru

Интернет-портала «Сообщество Интегрального Мира»

www.integralportal.ru

Интегрально-информированной инициативы Ipraktik

www.ipraktik.ru

Отдельная благодарность за помощь Олегу Линецкому, Максиму Голубю и Нелее Мариевской, а также всем членам российского интегрального сообщества, внесшим свой вклад в реализацию данного проекта.

Перевод с английского *Ольги Турухиной*

Редакторы *Евгений Пустошкин* и *Александр Нариньяни*

Издательство «Ориенталия», 2013

Omega_Doom@FutureWorld.org (Канун_Омеги@МирБудущего.org)	6
Seminar_1@ProblemChild.com (Семинар_1@ТрудныйРебёнок.com)	10
1. Cyber_RaveCity@XTC.net (Цифровой_Город_Рэйва@Экстази.net)	10
2. The_Pink_Insides_of_CyberSpace@LookingGlass.org (Розовые_Внутренности_Киберпространства@Зеркало.org)	54
3. The_Lay_of_the_Within@SpiralDynamics.net (Внутреннее_Устройство@СпиральнаяДинамика.net)	84
4. And_It_Is_Us@FuckMe.com (И_Это_Мы_Сами@МоюМать.com)	151
Seminar_2@BoomeritisRules.com (Семинар_2@БумеритПулит.com)	214
5. Subvert_Transgress_Deconstruct@FuckYou.com (Разрушай_Низвергай_Деконструируй@ВашуМать.com)	214
6. Dot-com_Death_Syndrome@ReallyOuch.com (Точка-com-смерти_синдром@СовсемБеда.com)	267
7. The_Conquest_of_Paradise@MythsAreUs.net (Покорение_Рая@МифыЭтоМы.net)	326
8. The_New_Paradigm@WonderUs.org (Новая_Парадигма@АйДаМы.org)	395
Seminar_3@BeyondTheMeGeneration.com (Семинар3@ЗаПределамиПоколенияЯ.com)	464
9. Pluralism_Falls_Apart@DisIntegrationCity.com (Крах_Плюрализма@ГородДезИнтеграции.com)	464
10. The_Integral_Vision@IC.org (Интерпальное_Видение@ИЦ.org)	503
11. Cosmic_Consciousness@OriginalFace.org (Космическое_Сознание@ИстинноеЛицо.org)	558
12. Happily_Ever_After@HereAndNow.com (Долго_И_Счастливо@ЗдесьИСейчас.com)	598
Об авторе	601

OMEGA_DOOM@FUTUREWORLD.ORG

(КАНУН_ОМЕГИ@МИРБУДУЩЕГО.ORG)

Я продукт недолговечного союза двух совершенно запутавшихся в жизни людей. Одного из них стыжусь я, другой стыдится меня. Мы перестали даже разговаривать друг с другом, и очень рады, что избавились от этой досадной необходимости. Мои родители единодушны в своём недовольстве настоящим — им хочется поскорее переделать всё под себя. Одному из них для этого нужно разрушать, другому — созидать. Вам может показаться, будто они созданы друг для друга, будто должны пройти земной путь, держась за руки, и будто небеса соединили их, чтобы нести перемены. Несколько лет назад они развелись, так что вряд ли кто-то в нашей семье с вами согласится.

Один мой родитель дышит огнём бунтов и революций и, стремясь покончить с тиранией жестокого и легкомысленного прошлого, выдаёт на гора руду цивилизованного безумия в надежде найти изначальную человеческую доброту, давно погребённую под жестокостью истощённого пороками современного мира. Вторая мечтает об ином — она, стоя на цыпочках, вглядывается в туман будущего, ожидая всемирной трансформации. Мне она всё время твердит, что эта трансформация, вероятно, будет величайшей в истории. Рисуя образы прекрасного будущего, которое уже почти наступило, она практически теряет сознание от восторга — она очень чувствительная натура, и видит всё именно так. Мне достался один глаз от мамы, а другой — от отца, и эти глаза, как два прибора, создающие друг для друга помехи, мешают мне чётко видеть мир — он предстаёт перед моим косым взором как картина Пикассо, на которой вещи не очень-то согласуются друг с другом. Хотя, возможно, благодаря своему косоглазию я вижу всё яснее, чем остальные?

Одно я могу сказать точно: я дитя своего времени, и время как будто движется одновременно в двух несовместимых направлениях. С одной

стороны, мы постоянно слышим, что мир раздроблен и истерзан противоречиями, что он вот-вот погибнет, разорванный на части машинами огромных цивилизаций, всё быстрее мчащихся в разные стороны, подальше друг от друга. Так что глобальные культурные войны являются величайшей угрозой будущему. К тому же стремительное развитие информационных технологий (уже через тридцать лет компьютеры станут умнее человека) и прогресс в генной инженерии, нанотехнологиях и робототехнике грозят обернуться концом человечества. Нас либо заменят машины, либо уничтожит какая-нибудь выведенная в лаборатории зараза. Какому ребёнку понравится такое будущее?

У себя дома мы каждый день, каждый час и каждую минуту видим доказательства того, что общество трещит по швам. Количество неграмотных в стране выросло с 5% в 1960 году до сегодняшних 30%. 51% детей в Нью-Йорке рождается вне брака. Территория Монтаны, усыпанная отрядами вооружённых ополченцев, напоминает побережье Нормандии, занятое готовящимися к вторжению фашистами. Непрекращающиеся культурные войны, гендерные войны и идеологические войны в научном сообществе, если и уступают международным конфликтам в масштабе, то уж точно не уступают в ожесточённости. Сидящий в моей голове глаз отца видит мир плюралистической раздробленности, и когда этот мир, наконец, отбушует и разрушится, останется только корчащаяся от боли человеческая масса беспрецедентных по историческим меркам размеров.

Через глаз своей матери я вижу столь же реальный, но совершенно иной мир: скоро любовь (или как там вы это называете) соединит нас всех, и мы превратимся в одну огромную семью. Вспомните историю человечества: мы прошли путь от изолированных стад и племён к крупным сельскохозяйственным поселениям, затем — к городам-государствам, феодальным империям, многонациональным государствам и глобальной деревне. И вот сейчас, в преддверие нового тысячелетия, мы стоим перед лицом невероятной, не имеющей равных в истории трансформации, которая так прочно и так глубоко свяжет всех людей, что все вместе, и каждый в отдельности

сможет почувствовать в своих венах пульсацию Эроса, предвещающую рассвет глобального сознания, которое изменит мир до неузнаваемости. Моя мама — чувствительная натура и видит мир именно так.

Я не разделяю ни один из этих взглядов, или, скорее, разделяю оба, и это сводит меня с ума. Планету разрывают на части, хотя и не без посторонней помощи, силы-близнецы: глобализм и дезинтеграция, объединяющая любовь и мучительное желание смерти, исцеляющая доброта и калечащая жестокость невообразимых масштабов. И я, незаконнорождённый, шизофреничный и припадочный сын, смотрю на этот мир будто через разбитое стекло и, не понимая происходящего, постоянно мотаю головой, в надежде увидеть чёткую картину.

Если из этих фрагментов в стиле Пикассо сложить постмодернистское произведение, суетливые образы начинают обретать ясность — наверное, в мире и в правду действуют силы объединения, слияния и интеграции, любящие Бог или Богиня, нежно, но неумолимо возвращающие в людей понимание, заботу и сострадание. И, наверное, их благим делам препятствуют какие-то злонамеренные силы. Наверное, между ними идёт война, которая не прекратится, пока одна из этих сил не будет уничтожена, что приведёт либо к объединению, либо к разрушению мира. Либо любовь, либо кровь на новом ковре.

В тот год я увидел, и уже не мог не замечать флаг Армагеддона, установленный на расстоянии трёх десятилетий от меня. Через тридцать лет (всего 30 лет!) компьютерный интеллект сравняется с человеческим и превзойдёт его. Людей почти наверняка заменят машины — всё-таки они будут умнее нас. Хотя более вероятно, что наши умы или сознания (или как там это называется) будут загружены в компьютер — мы отдадим машинам свои души. Какому ребёнку понравится такое будущее?

И именно в тот год произошло событие, которое перевернуло всю мою жизнь. В тот год произошло чудо, и человеческая машина ожила. Это был год идей, от которых у меня болела голова, а мозг воспалился и опух, потому что он, казалось, действительно рос, напирая на стенки черепа, выталкивая

глаза из орбит, пульсируя в висках и стараясь вырваться наружу. Я практически не помню, где я тогда находился. В моих воспоминаниях присутствуют какие-то размытые пейзажи, несколько конкретных мест, и нет практически никаких деталей. Был только поток разговоров и стремительных видений, которые разрушили мою прежнюю жизнь, а взамен дали то, чего человечество никогда не поймёт. Это уничтожило мою мораль и въелось в мою плоть, улыбающуюся небесам.

SEMINAR_1@PROBLEMCHILD.COM

(СЕМИНАР_1@ТРУДНЫЙРЕБЁНОК.COM)

1. CYBER_RAVECITY@XTC.NET (ЦИФРОВОЙ_ГОРОД_РЭЙВА@ЭКСТАЗИ.NET)

Я брожу по переулкам Сан-Франциско в поисках бара, и темнота ночи мне в этом нисколько не помогает. Моя мать говорит, что в свои двадцать лет я гораздо умнее своего возраста. Но моя мать считает, что все души умнее своего возраста, так что, похоже, вся моя мудрость — это скорее запоздалое следствие этой мысли, хотя с этим она вряд ли согласится. На моём извилистом пути ложатся силуэты теней, с грохотом открываются невидимые двери, сотрясая мой нежный внутренний мир. Я вижу вывеску «Кибер Рэйв Сити», но почему-то продолжаю идти.

Когда я последний раз разговаривал с отцом, он был в Манхэттене. Он улаживает одно дельце, пытается запустить в северо-восточной Африке проект по борьбе со СПИДом. Я говорю «улаживает дельце», потому что, по словам отца, несколько транснациональных корпораций хотят нажиться на эпидемии СПИДа, довольно неуклюже прикрываясь благими намерениями. (Отец строит гримасу и восклицает: «Дзззынннь! Со смертью!» — как будто кассовый аппарат звенит над человеческими останками). Отец заявляет, что на этот раз собирается принять их «жалкое свинское предложение», так как в противном случае вообще ничего не будет сделано. Уверен, он тоже сегодня не спит.

«Кен, ты должен это попробовать», — сказала Хлоя, положив мне на язык таблетку экстази. Она вцепилась в мою талию и не отпускала. Мой мозг наполнила небесная музыка, тело омывали потоки тепла, загорались и потухали крошечные огоньки, и я не был уверен, вижу я их или представляю. «Чувствуешь?» — всё время спрашивала Хлоя, и больше я почти ничего не помню. Позже той ночью мы занимались чем-то вроде секса, хотя

на самом деле мы как будто и не начинали им заниматься, а скорее даже закончили — по сравнению с сияющим наслаждением, подаренным экстази, телесный секс был шагом назад, грубым вторжением в лучезарно-восхитительное, крутящееся и вращающееся пространство; на фоне этого волнующего блаженства даже груди Хлои не представляли интереса. Где кончается тело и начинается музыка? Будем ли мы чувствовать что-то похожее, когда растворимся в киберпространстве? Освободившись от тела, путешествовать со скоростью мысли в цифровой форме, описываемой миллиардами бит, льющихся по оптоволоконным кабелям,— приключение, на фоне которого даже секс кажется унылым занудством...

«Кен, ты должен это попробовать», — и я отключился, вышел в астрал, был оцифрован и отправился в путешествие по киберпространству.

Хлоя, как и я, — ребёнок бумеров¹. Как и я, она не думала об этом до того, как мы вместе начали размышлять о себе. То есть лишь с началом пубертатного периода мы заметили, что наши родители из бумеров, и что бумеры действительно существуют. Говорят, что в подростковом возрасте дети отделяют себя от родителей. А если родители оказываются бумерами, всё только усложняется, потому что бумеры не родители, а явление природы.

Хлоя пыталась покончить с собой, но я не думаю, что это было связано с бумерами. Просто она так привлекает к себе внимание. Я познакомился с ней в Кембридже, где-то через год после её попытки самоубийства, на обязательном курсе «Сдвигая культурные парадигмы», который, как я позже выяснил, был скорее о бумерах, чем о культурных парадигмах. Но уже тогда я понял, что собственная парадигма — такой же важный атрибут бумера, как брюки клёш.

В Хлое мне нравились её глаза и смех, который как бы говорил: «Меня не

¹ Бумер (англ. *boomer*) — здесь и далее — представитель поколения бэби-бума 40-х — 60-х годов XX века. — Прим. пер.

удивишь». И ещё то, что у неё хватило смелости попытаться покончить со всем этим или самым решительным образом продемонстрировать свою глупость — это как посмотреть. «Кен, ты должен это попробовать», — это я слышал от неё как минимум пару раз в неделю, и со временем начал подозревать, что её попытка самоубийства была не результатом глубокой депрессии, а всего лишь новым увлекательным опытом. Хлоя стала моим лекарством от депрессии, той удушающей депрессии, которая в моем случае была реальной и неотвязной, как сиамский близнец, приросший к бедру. И раз самоубийство входило в развлекательную программу, подготовленную Хлоей, признаюсь, я не исключал возможности это попробовать. Но наверное, из-за того что у меня внутри было что-то неправильно, самоубийство после депрессии стало бы для меня таким же разочарованием, как секс после экстази.

Искусственный интеллект для меня не только специализация, но и самоощущение. Я сам искусственный интеллект. Все мои мысли искусственные, они кем-то или чем-то созданы и не принадлежат мне. Сконструированные, неживые мысли. Они не оживут, даже если будут нестись со скоростью света. Кто запрограммировал этого уродца, который считается мной?

«Кен Уилбер, ты должен это попробовать. Послушай меня, Кен Уилбер!» Но даже нежные мольбы Хлои, особенно убедительные благодаря её голому телу, не так много значат для меня.

Искусственный интеллект. ИИ. На втором курсе обучения в МИТе, пока я был заперт в Кембридже, построенном крошечными пилигримами и вызывающем сильнейшую клаустрофобию у людей нормального размера, моё воображение будоражили (или, скорее, программировали) мысли об ИИ. Если киберпространство и искусственный (компьютерный — компьютеры, между прочим, уже сейчас могут хранить столько данных, сколько не поместится в мозгах всех людей на планете) интеллект живут внутри вас в счастливом браке, тогда, наверно, вы на пути к бесконечности? Тогда будущее превратится в бестелесное путешествие под экстази сквозь поток

света, а сознание, навсегда простившись с болезненным и запутанным телесным миром, будет загружено в идеально спроектированный компьютерный рай.

Вот это настоящее лекарство от депрессии.

Это видение будущего не так необычно, как может показаться. Вообще, что-то подобное себе представляют почти все люди, занимающиеся ИИ. Эта тема всё лето была популярна в новостях. Билл Джой (Bill Joy), сооснователь Sun Microsystems, немало сделавший для грядущей цифровой революции, шокировал мир, высказав обобщённое мнение экспертов в области ИИ: *всего через тридцать лет* компьютеры станут умнее человека и сделают его существование, в целом, бессмысленным. Джой писал: «Теперь, когда в ближайшие тридцать лет могут появиться компьютеры, по интеллекту не уступающие человеку, я невольно задаюсь вопросом: а что, если я разрабатываю инструменты для создания технологии, которая вытеснит людей как биологический вид?» Называлась эта статья соответственно: «Почему мы не нужны будущему?»²

Мистера Джоя эта новость, похоже, расстроила, но я уверен, только потому, что он посмотрел на уравнение не с той стороны. Для человеческого сознания это путь не на задворки истории, а напрямик к окончательному, радикальному и экстатическому освобождению. Оно, то есть мы, то есть наше сознание просто-напросто будет загружено в сверхумные компьютеры, что положит конец большинству главных проблем человечества — от голода и болезней до самой смерти. При этом у нас останется возможность как душе угодно программировать свою блестящую цифровую участь. Сознание поменяет свой носитель с углерода на кремний, и от винта! Билл Джой,

² «Why the future doesn't need us» — статья Билла Джоя, опубликованная в апреле 2000 года в журнале Wired. В интернете можно найти как оригинал статьи, так и её перевод на русский язык. — Прим. пер.

присоединившись к команде неудачников, показал себя не очень дальновидным человеком.

Летом Мишн Дистрикт в Сан-Франциско кишит гиками и бездомными изгоями. И те, и другие могли бы устроиться получше, если бы полностью переселились в киберпространство. Я уже видел на горизонте дивный новый мир компьютерных сетей, в котором древние духовные устремления сочетаются с суперсовременными цифровыми технологиями: человеческое сознание готово соединиться с искрящимися и переливающимися цифровыми программами и полететь со скоростью света, чего мы никак не могли себе позволить с нашими человеческими телами и органами чувств. Хотя какая-то часть меня была против, большая часть согласилась, что после квантового скачка от углерода к кремнию на Земле, в конце концов, наступит рай. В одной книге это называлось «Жемчужными воротами киберпространства». В другой — «Техногнозисом». В третьей для этого придумали слово «КиберБлагодать». Это был тот поезд, на который мне обязательно нужно было успеть, потому что сесть в него могли бы только представители моего поколения. Бумеры начали его проектировать, иксеры³ — собирать, но билеты достанутся только игрикам⁴, которые оседлают солнечный луч и рванут к бесконечности. И этот луч никогда не вернётся назад.

Отец говорит, что мои кибер-мечты антигуманны, имея в виду, что от меня нет никакой пользы, — можете называть это как хотите.

— Киберпространство — это дополнение, а не замена человека, — посто-

³ Иксеры — здесь и далее — Поколение X, люди, родившиеся в период с середины 1960-х до начала 1980-х (обычно: с 1965 по 1982 год). — Прим. пер.

⁴ Игрики — здесь и далее — Поколение Y, люди, родившиеся в период с начала 1980-х до середины 1990-х (обычно: с 1982 по 1995 год). — Прим. пер.

янно твердит он.

— Что это значит? Я даже не понимаю, что это значит, пап.

— Ты думаешь, что все мы будем жить невидимой жизнью внутри суперкомпьютеров, и что мы... нас... человеческий ум будет загружен на кремниевый чип или другую такую же хрень. Ты что, не видишь, какое это безумие? Мог бы хоть немного задуматься.

— А что бы от этого изменилось? Ты ведь уже для себя всё уже решил. Дело даже не в том, что ты не слушаешь, пап, потому что ты слушаешь. Ты просто не слышишь то, что слушаешь. Ты слышишь то, что думаешь.

— Вот как? И что же *это* значит?

— *Это* значит то, что, ну, может, ты тоже когда-то был молодым?

— О господи Иисусе.

— Я серьёзно. Тебя что, никогда не увлекали новые идеи? Не всегда же ты копался в своём дерьме.

— Копался в своём дерьме? Хорошо сказано, сынок. Такое киберпространство, о котором ты говоришь, не поможет людям — оно отделается от них. Меня должно это восхищать?

Тут отец затягивает свою любимую мантру о голодающих в Азии.

— Оставь мальчика в покое, Фил, — всегда говорит мама. Мальчик. Как камень, растение или дом. Мне всегда было интересно, что происходит в их головах, в их искусственных интеллектах, когда она так с ним разговаривает. И все ли «мальчики» чувствуют себя Европой, территорию которой после Второй мировой войны делят две супердержавы? Или так, как будто их четвертуют (я о той замечательной средневековой пытке, когда лошади в разные стороны тянут привязанного к ним человека, пока не разорвут его на несколько кусков)?

— Но ты ведь не думаешь, что эти ваши с ним воображаемые перемены и есть всемирная космическая трансформация?

Произнося «с ним», он смотрит в мою сторону. Мама отвечает мягко, но искусно:

— А *ты* действительно думаешь, что живые существа — это исключительно материальные объекты, перемещающиеся в пространстве под действием нескольких сил? Уж лучше его — или моя — трансформация, чем та тупость, которую ты пытаешься доказать. Ох, Фил, только не злись...

Отец начинал горячиться, но до откровенной ярости дело никогда не доходило, он этого не умел. Он мог бы спасти мир, но не свою семью.

Хлоя голая. Неистовые движения её тела рассчитаны на то, чтобы напомнить мне о существовании моего собственного тела.

— Что тебе нужно в этом кибермире? — настойчиво спрашивает она.

— Сначала я и сам не знал. Наверно, сначала я искал каких-нибудь развлечений и бегства от реальности.

— А, ну это обычно одно и то же.

— Может быть. Просто мне нужно что-то такое, что... имело бы для меня вес.

Хлоя заливается тем коварным смехом, который я обычно люблю, и коварно обрушивает на меня своё голое тело.

— Но, сладкий мальчик, ведь тема киберпространства именно в том, что там нет никаких тел, поэтому нет и веса. Так что киберпространство не может иметь для тебя вес.

Какое-то время мне кажется, что она права, но потом я собираюсь с мыслями и начинаю думать о... моём теле?

— Может, очень даже может, — не соглашаюсь я.

Кембридж, Портер-Авеню. Здание с вывеской «Интегральный центр». «Кен, ты должен это попробовать», — говорит Хлоя, пролезая в дверь

одновременно со Скоттом, Каролиной и Джонатаном. Я слушаю в пол уха, а может, и в оба уха, но слова не доходят до моего мозга — они почти ничего для меня не значат. «Возможно, у них действительно получится изменить мир», — говорит Хлоя, и Джонатан со знанием дела кивает.

— И какие же трансформации они тут толкают? — спрашиваю я. — Эти интегральные чуваки? Я ведь знаю, что они что-то толкают. — Но уже тогда я почувствовал это: он был там.

— Да нет, это правда классно. Как будто эти древние бумеры устраивают сеанс психоанализа своему поколению. Бумеры пожирают бумеров. На это стоит посмотреть, — влезает в разговор Каролина.

— Но почему я должен на это смотреть? — отнекиваюсь я. — Лучше уж питаться едой из самолета.

— Потому что это самоубийство целого поколения. Ну и вообще, это захватывающе и очень интересно.

— Как если бы столкнулось пятьдесят машин.

— Вот именно!

— Слушай, — уговаривает Хлоя, — я знаю, почему тебе это будет интересно: потому что ты сможешь раз и навсегда разобраться с этим. Бумеры говорят, что все поколения до них — это отстой, а после — бездельники. Разве не здорово? Пойдём, посмотрим, как они поедают своих отпрысков.

— Их отпрыски — это мы, дурочка, — поправляю я.

— Вот именно, — отвечает Хлоя, и мне кажется, что её суицидальные наклонности вышли на новый уровень.

Третий курс колледжа, Кембридж. Нас всех будоражат два последних научных достижения: теория струн, которую ещё называют М-теорией (хотя никому неизвестно, что именно означает буква «М», некоторые говорят, что это «мать всех теорий»), и открытия в области искусственного интеллекта, к великому огорчению Билли Джоя по всем фронтам наступающего на то, что

когда-то считалось творческим умом. Но никто точно не знает, как определить, что мы действительно создали машину, обладающую разумом. У меня был собственный тест, получше чем у Тьюринга: если компьютеру удастся убедить меня покончить с собой, значит, он обладает разумом. Единственным рациональным ответом существованию является гамлетовская дилемма «быть или не быть», поэтому первое, что должна сделать *по-настоящему* умная машина, — это окунуться в пучину ужаса и решить, нужно ли покончить со всем этим, и если да, то как. Вот тогда *это* будет действительно умная машина: охваченная страхом и отвращением, с трепетом и содроганием она посмотрит в лицо смерти, и цифровой крик, словно живьём из картины Мунка, сотрясёт кремний. Но пока что компьютеры очень далеки от этого идеала.

Тогда же до меня дошло, как выразить мою неудовлетворённость. Я хотел положить конец своему внутреннему четвертованию при помощи лошадей, и мне нужно было знать, виноваты ли в этом мама с отцом или бытие само по себе, или моё собственное бытие, или отсутствие моего бытия, что казалось наиболее правдоподобным вариантом. В общем, мне не нравилось, что я как какой-то дурацкий турист наблюдаю за своими собственными внутренними пытками.

Я иду по Портер Авеню с лекции по «Постмодернистской деконструкции гендерной асимметрии». До сих пор не понимаю, почему этот курс обязателен для технических специалистов, ведь на всех занятиях по постмодернизму твердят, что наука не реальна, и не может заниматься поиском «истины», потому что «объективная истина» — это всего лишь предназначенный для угнетения людей социальный конструкт. Я один, поэтому решаю заглянуть в Интегральный центр⁵, чтобы немного послушать, о чём же там на самом деле говорят. Сейчас там как раз проходит серия семинаров под названием

⁵ Далее, в основном, ИЦ. — Прим. пер.

«Бумерит», и кажется, это именно то, что мне нужно. Хлоя сказала, что там бумеры пожирают своих отпрысков. Раньше я отмахивался от посещения ИЦ, теперь же, озираясь по сторонам, украдкой пробрался внутрь.

Семинар открыл седой, приятный, улыбающийся джентльмен. Внешне он немного похож на отца, но говорит практически так же, как мама.

— Нам сейчас сложно представить, что практически на всем протяжении существования человечества, то есть в течение примерно миллиона лет, человек рождался внутри культуры, которая абсолютно ничего не знала о существовании других культур. Вы, например, могли родиться китайцем, воспитываться как китаец, жениться или выйти замуж за китайца, придерживаться китайской религии и провести всю жизнь в лачуге на клочке земли, где столетиями жили ваши предки. Время от времени эта культурная изоляция прерывалась, благодаря странной и гротескной форме Эроса под названием «война». Хотя война — это насильственное и жестокое столкновение, её скрытым следствием всегда являлась эротическая связь между культурами. Культуры познавали друг друга (даже если и в библейском смысле), и этот сладкий тайный садомазохизм двигал историю в направлении создания современной глобальной деревни. От изолированных кланов и племён к небольшим сельскохозяйственным поселениям, затем — к ранним городам-государствам, феодальным империям-завоевателям, расширяющимся многонациональным государствам и глобальной деревне, — для того чтобы приготовить этот потрясающий мировой омлет пришлось разбить много яиц. Движение к интегральному миру болезненно и, тем не менее, кажется абсолютно закономерным.

Ну и что дальше? Я уже сто раз слышал это от мамы. О, великая, великолепная, восхитительная грядущая мировая трансформация... Как будто углеродный мир ещё может что-то предложить.

— Бумеры были первым поколением, выросшим в глобальной деревне. Наша душа, от которой так много зависит, сформировалась под сильнейшим влиянием этого фактора. И уже не важно, бумер вы или нет, мы все подключены к одному глобальному сознанию, и никто из нас сегодня не может от

него отсоединиться. Мы действительно живём в удивительное время: *все* мировые культуры *получили доступ друг к другу* — раньше такого никогда не было. Хорошо это или плохо, но в этом наполненным разнообразием мультикультурном мире сотни культур всё лучше узнают друг друга, притираются друг к другу, толкаются, заползают друг на друга и смешиваются, стараясь понять, что к чему. Крошечная глобальная деревня уменьшается с каждой минутой. И в этой глобальной деревне, единственной, которая у нас есть, нам нужно держаться вместе, иначе придётся умереть по отдельности.

Ну и скука. В школе он, наверно, встречался с моей мамой. Так и вижу, как они пишут друг другу в выпускные альбомы: «Увидимся на трансформации!»

Я посмотрел вокруг. Пришло где-то 150, может быть 200 человек. Большинство — бумеры, примерно треть — помоложе: представители так называемых Поколения X и Поколения Y (или Поколения Некст, или Поколения Миллениума — интересно, нам, детям бумеров, когда-нибудь окончательно подберут имя)? Не понятно, что они делают на этом семинаре. Наверно, пришли посмотреть на обещанный бумерицид.

— *Интегральный* — слово, подразумевающее интеграцию, объединение, соединение, связывание, включение. Но не в смысле единообразия или искоренения всех замечательных различий, цветов, и узоров, свойственных человечеству, а в смысле единства-в-многообразии и сохранения как общего, так и отличающегося. То есть взаимное признание вместо ненависти, уважение вместо вражды, вечеринка в палатке взаимопонимания, на которую приглашены все. Я не обязан *соглашаться* со всем, что вы говорите, но должен, по крайней мере, попытаться *понять* вас, потому что там, где нет взаимопонимания, есть война.

Он продолжал:

— Казалось бы, какой простой выбор: война или мир. Однако история свидетельствует о том прискорбном факте, что очень многие люди упорно и

последовательно выбирают войну. На каждый год мира в истории человечества приходится четырнадцать лет войны. Похоже, что мы очень вспыльчивый вид, и сложности внедрения интегрального подхода скорее доказывают это правило, чем являются исключением.

Четырнадцать лет войны, год мира. *Именно поэтому* мы и переселяемся в Кремниевый Город. Почему начинаются войны? За что сражаются люди? За власть, еду, имущество, территорию, а иногда, наверно, просто ради острых ощущений. Но когда сознание будет загружено в цифровую вечность, никто не будет испытывать недостатка в этих вещах, и необходимость воевать пропадёт. Хотите вторгнуться в Польшу, насиловать, грабить и убивать? Отлично, создайте такую компьютерную игру и ни в чем себе не отказывайте. Если вы не чувствуете разницы между «виртуальной» и «реальной» войной, значит, это то что надо! Почему отец — и, очевидно, этот придурок тоже — не может этого понять? Если вам кажется, что можно прекратить войны в мире, где люди сделаны из мяса, что ж, продолжайте мечтать.

— В аспирантуре со мной учился один студент из Палестины. Это был очень деликатный, способный, культурный, остроумный и сострадательный человек. Однажды я спросил Саймона, что будет делать его сын, которому на тот момент было шесть лет, когда вырастет. Нежное лицо Саймона на несколько секунд побагровело от ярости. «Я научу его резать глотки израильтян и пить их кровь!». Потом, очень быстро, буря улеглась, и мы спокойно продолжили есть наши сэндвичи, будто ничего не случилось.

— Конечно же, я так и не смог этого забыть. Вообще-то, у меня самого внутри живёт несколько таких Саймонов. И я уверен, что у вас тоже. Это не зависит от того араб вы или израильтянин, белый или другого цвета, европеец или азиат. Это зависит только от ваших взглядов и наклонностей. Некоторые считают, что агрессия характерна исключительно для тестостероновых самцов, поэтому если нами будут править женщины, войны прекратятся. Но я был знаком с Пашой — чудесной женой Саймона, и она точно так же хотела, чтобы их героический сын присоединился к борьбе. Поэтому пока нами правят Саймоны и Паши, войны будут продолжаться,

так?

Не так. Войны будут продолжаться, пока мы живём в мясном, мире, а не в киберпространстве. Мясо жрёт мясо. Война порождает войну. Это неизбежно, чувак.

— На пути к миру и интегральному объединению столько препятствий, что кажется, их никогда не преодолеть. Может ли существовать подлинная интегральная культура в мире культурных войн, политики идентичности, миллиона новых противоречащих друг другу парадигм, деконструктивного постмодернизма, нигилизма, плюралистического релятивизма и политики индивидуализма? Может ли кто-то в такой атмосфере согласиться с интегральным видением, не говоря уже о том, чтобы ему следовать? Земля войны или земля мира? Интегральная культура вообще возможна? И если да, то что она из себя представляет?

— Мы уже знаем, как выглядит противоположность интегральной культуры: Саймоны и Паши всего мира рвут друг друга на части, заливая кровью глобальную деревню. Иными словами, так выглядит наш мир сейчас. А теперь давайте спросим себя абсолютно серьёзно: действительно ли мы сможем поддерживать интегральный мир? И что может этому помешать — как в рамках культурной элиты, так и в остальном мире?

Помешать может мясо. Почему все старики такие *тугодумы*?

— Совершенно очевидно, что это очень сложный вопрос. Многие люди считают, что интегральный мир — земля мира — это безнадёжно наивный идеал. Может быть и так. Но мне кажется, что есть несколько очень простых вещей, которых мы до сих пор не замечали. В рамках этого цикла обсуждений мы рассмотрим только одну такую вещь.

Я снова оглядел комнату. Что же это могли быть за важные вещи, которые я не учёл в своём уравнении? Я вообще сомневаюсь, что этот чувак или, лучше сказать, старый пердун, сможет пролить хоть какой-то свет на вопрос, в котором я уже всё для себя решил. Углеродные формы жизни не могут без войны.

— Они пытаются склеить свои жизни.

— Простите?

— Бумеры. Пытаются склеить осколки. Я Ким.

— Приятно познакомиться, Ким. Какие осколки?

— Ты знаешь, что такое «интегральный»? Что это значит?

— Да, это такой тип исчисления.

— Как тебя зовут?

— Кен, эээ... Уилбер.

— Так вот послушай, Кен эээ Уилбер, это не тип исчисления. Это, как только что сказал доктор Морин, сплочение или объединение. Вот что такое «интегральный», debil.

И она улыбнулась. Она была моего возраста, может быть, старше на год или два. Но главное, у неё была очень большая грудь — одна из тех вещей, о которых я действительно буду скучать на кибернебесах. Виртуальные сиськи почему-то нравятся мне меньше.

— Это я debil? *Дебил*? — я закатил глаза. — А ты почему здесь? Тоже пытаешься что-то склеить?

— Нет, я сплю с Морином, — она почему-то думала, что это всё объясняет.

— Во сколько раз он тебя старше? В двадцать?

— У него IQ в двадцать раз выше твоего. Я убеждена в том, что он говорит.

— То есть?

— Ну, привет. Ты чем вообще слушаешь? Интересно, есть тут кто-нибудь тупее тебя? А, постой, я тебя узнала. Ты друг «как-там-её-зовут» Хлои. Она была в моём классе по культурной матрице. Она занимается архитектурой, да? Надо было взять её с собой на этот семинар, раз тебе тут так интересно.

— Мне не интересно. Просто любопытно.

— Как бы там ни было, ты здесь.

— Вообще, дело не в этом.

Я собирался доходчиво объяснить, в чём именно дело, наврать ей чего-нибудь, но Морин заговорил громче, старательно выделяя слова, и его голос заглушил всё остальное.

— Давайте посмотрим, какие *препятствия* стоят на пути у *интегрального видения* в нашем поколении.

Давайте не будем. Я попытался подняться, чтобы уйти, но Ким схватила меня за локоть, её огромная грудь ударилась о моё плечо, и я подумал: ну окей.

— У поколения бэби-бума, рождённого после Второй мировой войны, как и у любого другого поколения, есть свои сильные и слабые стороны. Сильные стороны — это невероятная жизненная энергия, творческие способности, идеализм и желание экспериментировать с новыми идеями, выходящими за рамки традиционной морали. Некоторые социологи называли бумеров «пробуждающимся поколением», имея в виду их потрясающее творческое мышление во всём: от музыки и компьютерных технологий, до политической деятельности, образа жизни, охраны окружающей среды и движения за гражданские права. Я убеждён, что мы можем поставить бумерам в заслугу те блага, которые они создали своими стараниями.

Некоторые бумеры в аудитории одобрительно забормотали, кое-кто из иксеров и игриков зашикал на них, но в большинстве своём дружелюбно.

— Практически все критики единодушны в том, что слабость бумеров — это невероятной силы увлечённость собой и такой нарциссизм, что большинство людей, в том числе и бумеров, сразу же соглашается, когда их поколение называют Поколением Я.

Послышались редкие аплодисменты иксеров и игриков.

— Профессор Ральф Уайтхед, выступая здесь в МИТе, так сказал об этом:

«Поколение бэби-бума было поглощено самим собой, его представители, в отличие от их родителей, определили себя не через жертву, а через потворство собственным желаниям».

Морин сделал паузу и улыбнулся.

— Вследствие этого родилось расхожее представление о бумерах, с юмором изложенное в газете «Онион»: «Эксперты утверждают, что долгожданное вымирание бэби-бумеров не за горами. Скоро мы сможем наслаждаться жизнью в новом мире, где никому больше не нужно будет слушать истории о выступлении Джоан Баэз⁶ на Вудстоке. Постаревшим бумерам придётся заплатить за разгульную молодость. Самое одиозное, по мнению некоторых, поколение в истории Америки навсегда уйдёт со сцены».

Ладно, это становится интересно.

Морин подошёл к краю сцены и посмотрел в зал. Для создания эффекта он повторил фразу «самое одиозное поколение в истории Америки», и каждое его слово звучало как часть обвинительного приговора.

Он оглядел аудиторию. Бумеры нахмурились и молчали, иксеры и игрики тоже. Морин мягко улыбнулся и продолжил.

— Похоже, что моё поколение представляло собой исключительную смесь величия и нарциссизма, и эта странная болезнь заражала всё, что мы делали. Нам не достаточно найти новую идею — нам нужна новая парадигма, которая возвестит о начале величайшей трансформации в мировой истории. Мы не хотим просто перерабатывать использованные бутылки и бумагу — мы хотим героически бороться за жизнь планеты, Геи⁷, воскресить и

⁶ Джоан Баэз (Joan Baez, род. 1941) — американская певица и автор песен в стилях фолк и кантри, помимо прочего, известная своими левыми политическими взглядами. Посещала Советский Союз для встречи с диссидентами, в том числе с Андреем Сахаровым. — Прим. пер.

⁷ «Теория Геи» — предложенная в 1970-е годы химиком Джеймсом Лавлоком и микробиологом Линн Маргулис концепция, согласно которой все организмы и

навсегда освободить Богиню, которую безжалостно подавляли предыдущие поколения. Мы не способны ухаживать за собственным садом, но обязаны преобразить лицо планеты самым невероятным в истории глобальным пробуждением. Нам непременно нужно видеть себя в авангарде чего-то исторически беспрецедентного — вот каково чудо нашей жизни.

Все в зале рассмеялись.

— Да, если подумать, можно найти в этом много весёлого, и я совершенно не хотел никого обидеть. У каждого поколения своя червоточина, и это наша, по крайней мере в какой-то степени. В моём поколении, как мне кажется, мало кто не поддался духу нарциссизма. Об этом написаны сотни критических работ, в том числе такие тонкие, как «Культура нарциссизма» Лаша⁸, «Ищущие себя» Рестака⁹, «Привычки сердца» Беллы¹⁰ и «Я. Американский нарцисс» Стерна¹¹. Профессор Фрэнк Лентричча в статье для журнала «Lingua Franca: The Review of Academic Life» так описывает нынешнее состояние дел в университетах: «Ясно одно: сложно переоценить силу и отвагу *самолюбования*, свойственного литературной и культурной критике в академической среде».

— Увы и ах. Но рано или поздно до вас начинает доходить, что значит «сила и отвага *самолюбования*». И тогда вы начинаете задумываться об этом странном бедствии, обрушившемся на моё поколение, этой причудливой

их неорганическое окружение тесно интегрированы в единой сложной саморегулирующейся системе, обеспечивающей условия, необходимые для поддержания жизни на планете. Эта концепция вдохновила ряд популярных экологических движений и очень популярна среди бумеров. — Прим. ред.

⁸ Christopher Lasch, «The Culture of Narcissism». — Прим. пер.

⁹ Richard Restak, «The Self Seekers». — Прим. пер.

¹⁰ Robert N. Bellah, «Habits of the Heart». — Прим. пер.

¹¹ Aaron Stern, «Narcissistic American». — Прим. пер.

смеси замечательного творческого интеллекта с нарциссизмом невиданных доселе пропорций. Похоже, что бумеры завели роман *avec soi*¹². Оскар Левант¹³ однажды спросил у Гершвина: «Скажи, Джордж, если бы ты мог начать всё сначала, ты бы снова влюбился в себя?»

В зале снова раздались нестройные аплодисменты и добродушный смех.

Нарциссизм бумеров — это не новость, хотя моё поколение понятия о нём не имело, пока нам не понадобилось избавиться от его гнёта, что оказалось практически так же невозможно, как для мыши выбраться из-под упавшего на неё холодильника. Когда мы узнали об их нарциссизме, было уже поздно, хотя никто из нас на самом деле так не считает. Сейчас только бумеры озабочены нарциссизмом бумеров, потому что бумеры озабочены бумерами. Если эти семинары будут продолжаться в таком духе, думаю, мне тут нечего делать. Пусть бумеры пожирают своих отпрысков, а Ким сколько угодно цепляется за мой локоть. Я бы остался из-за её огромных сисек, но тут же повсюду ещё и эти огромные эго, что делает ситуацию достаточно опасной, хотя...

— Чтобы понять, какие препятствия стоят на пути к интегральному миру, полезно немного разобраться с психологией развития. Возможно, она поможет понять эту актуальнейшую из проблем?

Всё, ухожу. Сейчас каждый школьник знает, что психология мертва, её называют «наукой из помойки». Доктор Морин покинул сцену, и к микрофону вышла привлекательная женщина лет пятидесяти. Морин грустно осмотрел зал, ища кого-то глазами — наверное, Ким и её огромные...

— Это Джоан Хэзелтон, — сказала Ким. — Она потрясающая.

Когда Хэзелтон начала своё выступление, я уже засыпал, но она произнес-

¹² *Avec soi* (франц.) — с собой. — Прим. пер.

¹³ Оскар Левант (Oscar Levant, 27 декабря 1906 г. — 14 августа 1972 г.) — американский композитор, пианист, комик и актер. — Прим. пер.

ла фразу, которая привлекла моё внимание, буквально встряхнула меня: «квантовый скачок в гиперпространство сознания второго порядка». Квантовый скачок сознания от углерода к кремнию был моим главным, важнейшим и даже маниакальным увлечением. Так что мне стало интересно, о каком квантовом скачке говорит она, и связан ли её квантовый скачок с моим квантовым скачком. При мысли, что это возможно, я почувствовал себя так, будто в моём лесу появились браконьеры. К тому же в Хэзелтон что-то было — возможно, это прозвучит глупо, но мне казалось, что само пространство искривлялось вокруг неё.

— Психология развития изучает рост и развитие сознания. И самое удивительное в современной психологии развития то, что, в широком смысле, все её модели согласуются друг с другом. Вообще-то, один наш коллега из Интегрального Центра написал книгу под названием «Интегральная психология», в которой объединил около ста теорий крупнейших мировых исследователей. Поразительно, но ему удалось создать цельную картину: все они говорят о росте и развитии сознания как о *развёртывающейся последовательности уровней*.

— Это самое интересное, — прошептала Ким мне на ухо.

— Почему?

— Потому что большинство людей никогда об этом не слышали, хотя это многое объясняет. Подожди, сам увидишь.

Ким придвинулась ко мне и снова дотронулась до моего плеча. Я откинулся на спинку стула. Думаю, я могу ещё чуть-чуть подождать.

— В качестве примера я хочу рассмотреть одну из этих моделей, — продолжала Хэзелтон. — Она называется спиральной динамикой и основана на новаторской работе Клэра Грейвза (Clare Graves). Грейвз предложил простую и элегантную модель человеческого развития, которая была проверена и усовершенствована в ходе дальнейших исследований. Грубо говоря, Грейвз обнаружил около *восьми основных уровней или волн человеческого сознания*, которые, как мы увидим, открывают перед нами потрясаю-

щую картину.¹⁴

— Не нужно забывать, что описание практически всех этих стадий основано на результатах обширных исследований. Это не просто концептуальные догадки или милые сердцу теории — все положения спиральной динамики подкреплены фактами. На самом деле, многие стадии этой модели досконально изучались в странах Первого, Второго и Третьего мира. К настоящему моменту модель Грейвза протестирована на 50 000 людей со всего мира, и нигде не было обнаружено больших отклонений от её общей схемы. Следовательно, любая инициатива интегрального объединения должна учитывать эту модель, поскольку она *указывает путь, ведущий прямиком к интегральной осознанности*.

Хлоя трётся о меня своим голым телом, предлагая тепло взамен холода осенней ночи. Её грудь опускается мне на колени, губы складываются буквой «О», сводя меня с ума, а задница бешено движется под «Now Is the Time» Элис Диджей¹⁵.

— *Это* мы тоже интегрируем, — шепчет она. — Кен, ты *должен* это попробовать.

— Дон Бек (Don Beck) и Кристофер Кован (Christopher Cowan) продолжили и усовершенствовали работу Грейвза, создав модель под названием спиральная динамика. (Позвольте упомянуть, что «спиральная динамика» — это торговая марка, принадлежащая Национальному центру ценностей в Дентоне, штат Техас, которая используется мной с великодушного разреше-

¹⁴ В течение этого года я сделал множество записей о том, что я узнавал, и о том, что со мной происходило, поскольку это определило ход моей дальнейшей жизни. Все эти записи доступны по адресу <http://wilber.shambhala.com>.

¹⁵ Alice DeeJay, «Now Is the Time» («Время пришло»). — Прим. пер.

ния её владельцев.) Бек и Кован не были обычными кабинетными учёными — они активно участвовали в проекте, положившем конец апартеиду в Южной Африке. Принципы спиральной динамики успешно использовались для реорганизации бизнеса, восстановления городов, усовершенствования системы образования и снятия напряжения в неблагополучных городских районах. К тому же, как уже известно большинству из вас, Бек является одним из основателей Интегрального центра.

Доктор Хэзелтон замолчала, оторвалась от своих записей и весело улыбнулась слушателям. Я пытался сфокусироваться на её лице, и не мог понять, почему у меня это не получается. Она была не просто красива — в ней было что-то ещё. Когда она осматривала аудиторию, её взгляд на секунду остановился на мне, и почему-то это заставило меня задержать дыхание, а потом выдохнуть и посмотреть на Ким, чтобы выяснить, заметила ли она это.

— Спиральная динамика, — продолжила Хэзелтон, — рассматривает человеческое развитие как последовательность восьми основных стадий, которые также называются *мемами*. — В зале послышались вздохи. — Знаю, знаю, мем — очень противоречивый термин, который в наши дни используется во множестве значений. Но для спиральной динамики мем — *это просто одна из основных стадий развития, проявляющаяся в любом виде деятельности*. Позже мы увидим множество подтверждений этому! К тому же, дорогие друзья, мемы — это не статичные уровни, а струящиеся волны, которые сплетаются и накладываются одна на другую, образуя динамически развёртывающуюся спираль сознания. Развитие — это не каменная лестница, а текучая и подвижная штука.

— Ким, ты знакома с Хэзелтон?

— Да.

— Похоже, она очень милый человек.

Ким медленно повернула голову и посмотрела на меня. Я смотрел прямо перед собой.

— Первые шесть уровней сознания называются уровнями первого порядка. За ними следует *революционное изменение сознания*: возникают уровни второго порядка. Этому квантовому скачку в гиперпространство сознания второго порядка мы уделим особое внимание.

Я выпрямился и посмотрел по сторонам.

— Вот краткое, но волнующее описание всех восьми уровней сознания, — улыбаясь продолжала Хэзелтон. — Тут показан процент жителей планеты на каждой волне и процент социального могущества, которое им принадлежит.

По какой-то причине идея уровней сознания, или волн существования, идея, что у всех людей могут быть разные представления о мире, болезненно притягивала меня. И это притяжение положило начало череде событий, следствием которых стало горькое откровение и конец моего собственного существования в том виде, к которому я привык. Он не просто был там: в конце реального тоннеля забрезжил слабый, но реальный огонёк.

Хэзелтон начала описывать волны существования. Я находил примеры для каждой волны, мысленно перебирал имена знакомых, проводивших большую часть времени на той или иной волне. В этом наверняка кроется какая-то опасность? И всё-таки это невероятно увлекательная игра.

— Я же говорила, что это интересная часть, — сказала Ким, подпрыгивая и подрагивая, хотя мне уже было не до этого.

На стене появился огромный слайд со спиралью развития, на котором каждая из восьми волн сознания была сопровождена комментарием.

— Для обозначения стадий мы используем как названия, так и цвета. Вам, друзья, в общем-то, *не* обязательно ничего из этого запоминать или заучивать. Позвольте мыслям об этих стадиях свободно витать в ваших головах и посмотрите, удастся ли вам узнать хотя бы некоторые из них. Я расскажу всё, что вам нужно знать. Я хочу, чтобы для вас это был приятный и увлекательный опыт. И ещё вы могли бы спросить себя: а что, если эти уровни сознания действительно существуют?

Я посмотрел на Ким. Она улыбнулась.

8. **Целостный взгляд**
Синергия и макроуправление.
7. **Гибкий поток**
Интеграция и упорядочение систем.
6. **Связь между людьми**
Исследование собственного «я», уравнивание в правах других.
5. **Дух соперничества**
Анализ и стратегии для процветания.
4. **Сила Истины**
Нахождение предназначения, наведение порядка, обеспечение будущего.
3. **Боги силы**
Импульсивное самовыражение, стремление высвободиться и быть сильным.
2. **Духи рода**
Стремление к гармонии и безопасности в таинственном мире.
1. **Выживание**
Острота инстинктов и врождённых чувств.

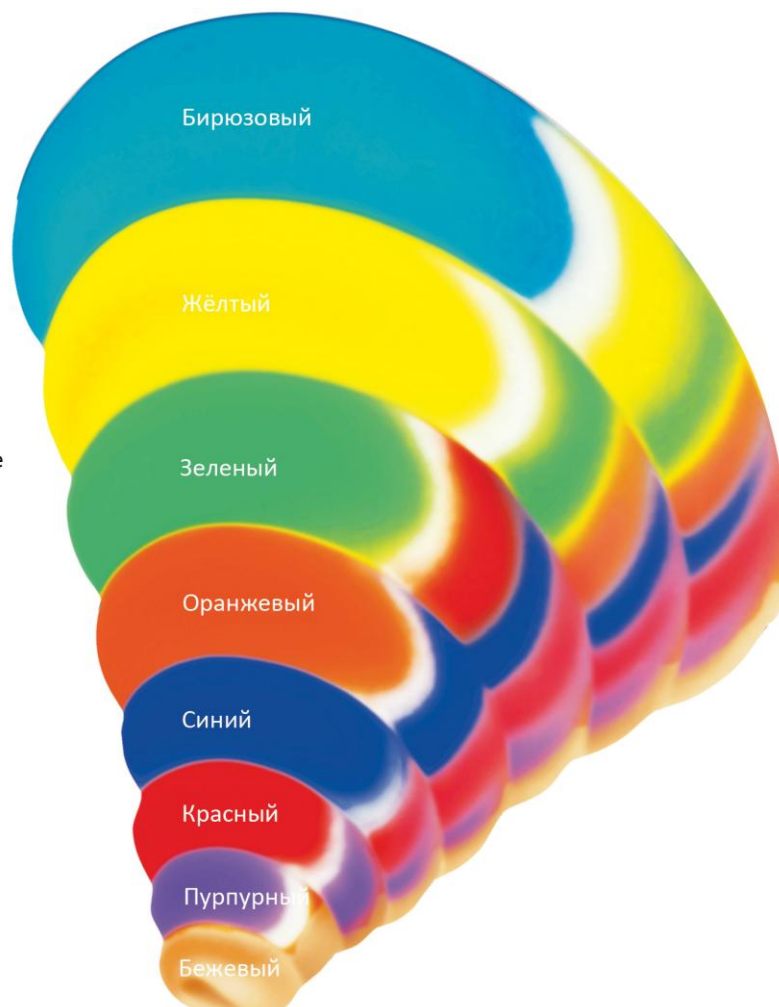

Рис. 1.1. Спираль развития. Используется с разрешения Дона Бека и Кристофера Кована, заимствовано из их книги: «Спиральная динамика: Управляя ценностями, лидерством и изменениями» (Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 1995)

— Уровень 1. *Бежевый* или *архаико-инстинктивный*. Главные приоритеты этого уровня — выживание и всё, что с ним связано: еда, вода, тепло, секс, безопасность. Все инстинкты и привычки используются, чтобы выжить. Отдельное «я» почти не осознаётся. Люди сбиваются в *стаи*, чтобы сохранить жизнь. Тут мы видим первые человеческие объединения, людей страдающих болезнью Альцгеймера в последней стадии, новорождённых

младенцев, слабоумных стариков, душевнобольных бродяг, голодающих, военных невротиков. Это примерно 0,1% населения, 0% власти.

— Это про тебя, debil.

— Спасибо, Ким.

— Уровень 2. *Пурпурный* или *магико-анимистический*. Мышление анимистическое. Волшебные духи, добрые и злые, незримо витают над землёй, благословляя и проклиная, их чары определяют ход событий. Люди объединяются в *этнические племена*. Духи существуют в предках и скрепляют единство племени. Политические связи устанавливаются через родственные узы и наследование. Может показаться, что этот уровень «холистический», но на самом деле он атомизирован. Как сказал Грейвз, «они давали название каждому изгибу реки, но не самой реке». Тут мы видим: веру в проклятия вуду, клятвы на крови, древнюю вражду, амулеты, кровную месть, семейные обряды, магические верования и суеверия. Широко распространён в странах Третьего мира, преступных группировках, спортивных командах и корпоративных «племенах». К нему же можно отнести магические верования нью-эйджа, волшебные кристаллы, таро и астрологию. Примерно 10% населения, 1% власти.

— Эй, Ким, это отчасти про мою маму.

— Она верит в нью-эйдж, да?

— Ну, типа того.

— В нью-эйдже есть несколько высших мемов, но в целом он насквозь пурпурный.

— Но в этом же нет ничего плохого?

— Да во всём этом вообще нет ничего плохого — это просто карта ланд-

шафта сознания.

— Уровень 3. *Красный* или *уровень богов силы*. Иногда его ещё называют эгоцентрическим. «Я» впервые полностью отделяется от племени. Сила, импульсивность, эгоцентризм, героизм; мифические духи, архетипы, драконы и чудовища. Могущественные архетипические боги и богини, добрые и злые силы, с которыми необходимо считаться. Феодалы защищают своих подданных в обмен на покорность и труд. *Феодалы империи*, основанные на военной мощи и богатстве. Мир — это джунгли, кишмя кишевшие опасными хищниками. Завоевания, интриги, подчинение. Безоглядное и бездумное потворство собственному «я». Действуй, ориентируясь на сиюминутное настоящее. На этом уровне мы видим: кризис двухлетнего возраста, подростковый протест, психологию фронта¹⁶, феодальные государства, эпических героев, злодеев из «Джеймса Бонда», солдат удачи, буйных рок-звёзд, Аттилу, «Повелителя мух», вовлечённость в эпос. 20% населения, 5% власти.

— У всех есть знакомые с красного мема, — сказала Ким. — Они же всегда так охрененно выделяются! Иногда они действительно герои — пилоты-испытатели или пожарные, а иногда — просто огромные, надоедливые, вонючие, крикливые, бесцеремонные жопы. К сожалению, мой отец как раз из таких — мерзкий ублюдочный хрен.

У меня чуть глаза не вылезли из орбит, когда я услышал от Ким такие выражения, достойные водителя-дальнобойщика.

¹⁶ Фронт (англ. *frontier*) — общий термин для обозначения пограничных областей (географических, интеллектуальных и проч.), в которые удаляются пассивные личности, не находящие себе места в конвенциональном обществе. В девятнадцатом веке примером географического фронта являлся американский Дикий Запад. — Прим. ред.

— Что, и твой отец тоже?

— Мой отец? Мм... Нет, нет. Мне кажется, нет. Но я ещё не видел другие мемы.

— Уровень 4. *Синий* или *мифический порядок*. Жизнь имеет смысл, направление, цель, происходящее определяется всемогущим Другим или Порядком. Священный Порядок навязывает правила поведения, основанные на абсолютных и неизменных представлениях о добре и зле. За нарушение предписаний и правил предусмотрено жестокое, иногда вечное наказание. Правоверные, соблюдающие правила, вознаграждаются. Основа *древних национальных государств*. Жёсткие социальные иерархии, патриархат, признаётся один и только один взгляд на любые вещи. Закон и порядок. Импульсивные проявления сдерживаются чувством вины. Буквально трактуемые положения фундаментализма. Беспрекословное подчинение букве Закона. Повсеместный консерватизм и конформизм. Зачастую сочетается с религиозностью в мифологико-фундаменталистском понимании. Грейвз и Бек называют этот уровень «праведным/абсолютистским», на нём могут находиться не только религиозные, но и светские или атеистические Порядки и Миссии.

— Тут мы видим пуританскую Америку, конфуцианский Китай, диккенсовскую Англию, сингапурскую дисциплину, тоталитаризм, кодексы рыцарской чести, благотворительность, религиозный фундаментализм (в т.ч. христианский и исламский), бойскаутов и гёрлскаутов, «моральное большинство»¹⁷, патриотизм. 40% населения, 30% власти.

¹⁷ Моральное большинство (англ. *Moral Majority*) — евангелико-христианское фундаменталистское движение и организация, занимавшаяся политическим лоббированием республиканских интересов, утверждавшая, что она представляет т. н. «моральное большинство» населения. — Прим. ред.

— Чёртовы республиканцы, — сказала Ким.

— В смысле?

— Ну, столько республиканцев находятся на синей волне. Марк говорит — хотя ты ещё его не видел, но всё равно — он говорит, что мы должны теоретически понять все восемь волн и принять их, но, скажу тебе честно, некоторые я просто ненавижу. Ненавижу республиканцев. Синеносые благочестивые паиньки, которые повесят тебя на ближайшем дереве, если ты с ними не согласен.

— Ну да, точно. Уверен, я тоже их ненавижу, — по крайней мере, мой отец всегда их ненавидел. — Но семинар ещё только начался, а ты уже кого-то ненавидишь. Может, стоит быть потолерантней?

Ким повернулась, бросила на меня испепеляющий взгляд, а потом улыбнулась.

— Вообще-то, я была в лос-анджелесском Музее Толерантности, и устроила там драку.

Она протянула руку, дотронулась до моей руки, нежно сжала её и долго не отпускала. Ну, *отличный* же семинар, разве нет?

— Уровень 5. *Оранжевый* или уровень *научных достижений*. На этой волне «я» освобождается от синего «стадного чувства» и ищет истину в идеализме и науке. Мир — это рациональный, хорошо смазанный механизм, подчиняющийся законам, которые можно понять, приручить и использовать в собственных целях. Ориентация на достижения и приобретение материальных благ (особенно в Америке). Научные законы управляют политикой, экономикой и человеческими отношениями. Мир — это шахматная доска, и на ней ведутся игры, победители которых возвышаются над проигравшими и получают дополнительные привилегии. Торговые союзы. Использование ресурсов земли для решения собственных стратегических задач. На этом уровне основываются *корпоративные государства*. Тут мы видим Просвещение, «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд, Уолл-стрит, формирование

мирового среднего класса, косметическую промышленность, охоту за трофеями, колониализм, Холодную войну, индустрию моды, материализм, рыночный капитализм, либеральный эгоизм. 30% населения, 50% власти.

— Ким, но ведь с этим мемом всё в порядке? — во время рассказа я чувствовал себя уютно, потому что, кажется, родился с крепким оранжевым стержнем внутри.

— Да, всё в порядке, Кен, всё в порядке. Скажу тебе больше, все мемы важны, даже если иногда мы об этом забываем, — она пожала плечами и робко улыбнулась. Я наклонился к ней, чтобы что-то сказать, но Хэзелтон начала зачитывать описание следующей волны, и аудитория зашумела. Пока она читала, аплодисменты в зале постоянно сменялись неодобрительными выкриками — было понятно, что Хэзелтон задела за живое.

— Ким, я никогда не был на лекции, где белые люди так бы шумели.

— Ну, вообще-то, весь этот семинар посвящён бумериту — что он такое и что это означает. Понятное дело, некоторые бумеры от этой темы чересчур возбуждаются, и часть из них начинает это открыто демонстрировать. За три или четыре года существования этого семинара уже, можно сказать, сложилась традиция поднимать шум по нескольким противоречивым вопросам. Даже иксеры и игрики иногда в этом участвуют. Это очень весело. И громко.

— Но что такого противоречивого в следующей теме? Некоторые уже орать начали. Зелёный мем. И что дальше?

— Господи, ну потерпи немного.

— Уровень 6. *Зелёный* или *чувствительная самость*. Коммунитаризм, человеческие взаимосвязи, внимание к экологии, нетворкинг. Люди должны освободиться от жадности, догм и разногласий. Чувства и забота вместо холодной рациональности. Забота о земле, Гее, жизни. Неприятие иерархий.

Установление горизонтальных связей. Самость, открытая наружу, направленная на отношения. Смешение различных социальных групп. Важность диалога, отношений. На этом уровне формируются *сообщества на основе ценностей*, то есть возникают объединения единомышленников. При принятии решений учитываются интересы всех сторон (недостаток такого подхода — бесконечные обсуждения и невозможность прийти к единому мнению). Обновление духовности, создание гармонии, расширение человеческих возможностей. Сильные эгалитарные, антииерархические, плюралистические настроения, социальное конструирование реальности, разнообразие, мультикультурализм, релятивистская система ценностей — эти взгляды обычно называют *плюралистическим релятивизмом*. Субъективное, нелинейное мышление. Внимание и забота по отношению к Земле и всем её обитателям.

— Тут мы видим глубинную экологию, постмодернизм, голландский идеализм, психологическое консультирование Роджерса, канадскую систему здравоохранения, гуманистическую психологию, теологию освобождения¹⁸, совместное исследование, Всемирный совет церквей, Гринпис, экопсихологию, права животных, экофеминизм, постколониализм, Фуко/Деррида, политическую корректность, движения меньшинств, движение за права человека, мультикультурализм. 10% населения, 15% власти.

Я точно знал, что мама с отцом отсюда. Задним числом я решил, что в маме при этом было немного пурпурного, а в отце много красного. Но, выражаясь языком людей из ИЦ, «центром притяжения» для них определённо был зелёный. Я начал думать о том, как это объясняло их поведение, но

¹⁸ Теология освобождения (англ. *liberation theology*) — направление в христианском богословии, интерпретирующее учение Иисуса Христа с точки зрения освобождения от несправедливых экономических, политических и социальных условий. — Прим. ред.

Хэзелтон уже перешла к теме, которая меня так интересовала. Её слова взбудоражили меня.

— После зелёного мема сознание совершает квантовый скачок к «мышлению второго порядка». Клэр Грейвз называл это «важнейшим скачком через глубочайшую смысловую пропасть». И, люди, не могу вам описать, насколько после этого скачка всё меняется.

Хэзелтон остановилась, ожидая, когда аудитория впитает её слова. Потом она улыбнулась и медленно, с торжественным, и немного угрожающим видом продолжила.

— Позже вы поймёте всю значимость этого перехода. А пока, давайте, я вкратце обо всём расскажу. Добравшись до уровней второго порядка, вы, в сущности, первый раз получаете возможность *отчётливо увидеть всю спираль развития*, и поэтому можете понять, насколько каждый уровень, каждый мем, каждая волна важна для здоровья всей спирали в целом, так что все уровни заслуживают заботы и принятия. Проще говоря, сознание второго порядка позволяет вам увидеть картину целиком, и мир предстаёт перед вами в новом, ярком и удивительном свете.

Хэзелтон посмотрела в зал.

— Важно понимать, что *все эти уровни потенциально доступны любому человеку*. Как говорит Бек, «мы фокусируемся не на типах человека, а на типах в человеке». Поэтому любая волна может быть активирована при изменении условий жизни. Например, в чрезвычайной ситуации мы можем активировать силу красной волны, в ответ на хаос — синий порядок, в поисках работы — оранжевую целеустремлённость, в семье и с друзьями — зелёную близость.

— Но на что не способен ни один из мемов первого порядка — это *полноценно признать существование других мемов*. Каждый из мемов первого порядка считает, что его точка зрения — единственно верная, и если кто-то ставит её под сомнение, во всеоружии бросается на обидчика. Синему порядку очень неприятны импульсивность красного мема и индивидуализм

оранжевого. Оранжевый индивидуализм считает, что синий порядок для неудачников, а зелёный эгалитаризм — для слабаков и чудиков, которые верят в волшебство. Зелёному эгалитаризму трудно довести дело до конца и получить отменный результат, расставить приоритеты, конструировать большие системы и иерархии, он не выносит авторитаризма, и поэтому часто воюет с синим, оранжевым и всеми более высокими мемами. Ребята, давайте на чистоту: любой мем первого порядка всегда будет мешать установлению мира на земле.

Меня как молнией ударило. Я вцепился в кресло. Ким посмотрела на меня.

Голос Хэзелтон становился громче, яснее, настойчивей, пространство вокруг неё искривилось.

— Когда мы получаем доступ к сознанию второго порядка, всё меняется. Так как сознание второго порядка знает о других уровнях развития и может отойти подальше и рассмотреть картину целиком, оно признаёт *необходимость всех остальных мемов*. Сознание второго порядка мыслит в терминах всей спирали бытия, а не только в терминах собственного уровня. Поэтому для сознания второго порядка мир обретает смысл, впервые становится целостным и логичным. Сознание второго порядка открывает манящую дорогу к подлинному миру.

— Это круто, — сказала Ким.

— Ким, скажи, пожалуйста, — я невольно посмотрел на её грудь, которая оказалась ближе, чем я думал, — почему тебе это интересно?

— А... Сисястая Ким такая тупица, да? Ты просто дебил.

— Да нет, честно, я совсем не это имел в виду, я...

— Слушай, могу тебе гарантировать, когда ты действительно поймёшь спираль развития, твой ум освободится. Всё станет понятно, весь мир откроется для тебя, ты сможешь перемещаться в обширном пространстве и больше не будешь привязан к одному крошке-мему. Даже идиот, вроде тебя, должен был это понять. — В ответ на эти слова я робко улыбнулся.

Хэзелтон оглядела зал.

— В то время, как зелёный мем — высший из мемов первого порядка — начинает замечать удивительное разнообразие и потрясающий плюрализм множества культур, мышление второго порядка идёт *ещё на шаг дальше*. Оно ищет то общее, что могло бы объединить это множество культур, поэтому начинает рассматривать все системы и объединять, включать, *интегрировать* их в холистические спирали и интегральные мешворки¹⁹. Иными словами, мышление второго порядка — это способ перейти от *плюрализма* к *интегрализму*. Громкое заявление, да? Плюрализм и интегрализм. Не волнуйтесь, вы всё поймёте.

Она снова замолчала и улыбнулась.

— Всесторонние исследования, проведённые Грейвзом, Беком и Кованом, выявили, по крайней мере, две основные волны сознания второго порядка.

— Это и есть знаменитый *скачок в гиперпространство*, — сказала Ким, выделяя каждое слово. — Это тебе ясно?

— Скачок в гиперпространство. Ну, я сюда как бы за этим и пришёл, типа, думаю, я о нём раньше слышал, то есть раньше, чем сейчас, что всегда имеют в виду, когда говорят «раньше», если только это не позже, чем тогда, что не верно, если, конечно, это не так, но ты, наверно, уже всё это знаешь, так что позволь мне всё подытожить...

¹⁹ Мешворк (англ. *meshwork*) — термин, заимствованный теорией спиральной динамики из нейронаучных концепций Мануэля Деланда, опирающихся на понимание нелинейных динамических систем. В спиральной динамике понятие «мешворка» подразумевает, например, интеграцию и взаимодействие личностей в динамически организуемых группах без какой-либо потери индивидуальности, причём группы разрабатывают решения ориентированные не на один уровень, но с прицелом на множество уровней спирали бытия и развития. Соответственно, мешворк есть структура социальных связей, основывающаяся на принципе интенсивного динамизма. — Прим. ред.

Ким смотрела на меня, едва сдерживая улыбку.

— Ну и кто здесь тупица, Кен ээ... Уилбер?

— Уровень 7. *Жёлтый* или *интегративный*. Жизнь — это калейдоскоп взаимосвязанных, подвижно флюктуирующих систем. Основные приоритеты: гибкость, спонтанность, функциональность. Различные точки зрения можно интегрировать, представив в виде зависящих друг от друга естественных потоков. Эгалитаризм сочетается с естественным стремлением к совершенству, признанием важности качественных различий и оценок. Место силы, статуса и элитарности занимают знание и компетентность. Господствующий мировой порядок — это результат существования *различных уровней реальности* (мемов) и неизбежных паттернов движения вверх и вниз по Спирали. Эффективное управление способствует возникновению новых элементов более высокой сложности (вложенная иерархия). 1% населения, 5% власти.

— Уровень 8. *Бирюзовый* или *холистический*. Всемирная холистическая система, волны интегрирующей энергии. Чувства соединяются со знаниями. Множество уровней сплетено в одну созnaющую систему. Основа для всеобщей целостности. Живой, сознательный мировой порядок, не ограниченный внешними правилами (синий) или рамками связей внутри сообщества (зелёный). «Великое объединение» или большая картина возможна как в теории, так и на практике. Иногда порождает новые формы духовности в мешворке всего бытия. Бирюзовое мышление полностью интегрально и использует все уровни спирали. Видит множество уровней взаимодействия. Наблюдает гармонию, мистические силы и повсеместно встречаемые потоковые состояния, пронизывающие любую систему. 0,1% населения, 1% власти.

— Ким, это же ужасно, на втором порядке всего 2% населения. Мы в полной жопе или мы в жопе полнейшей?

— Мы в полнейшей жопе.

— Из того, что на уровнях второго порядка находится менее 2% населения, а на бирюзовом уровне — всего 0,1%, можно заключить, что сознание второго порядка встречается довольно редко, поскольку сейчас это «передний край» коллективной эволюции человека. В качестве примеров второго порядка Дон Бек приводит такие явления, как глобальная деревня, ноосфера Тейяра де Шардена, распространение интегральной психологии, теории хаоса и сложности, спектр сознания, интегрально-холистические системы мышления и всемирная гармония Ганди. И таких примеров будет появляться всё больше. Хотя и ещё более высокие мемы готовятся выйти из-за горизонта...

Я посмотрел на Ким, потом на Хэзелтон. Это было как раз то, что я имел в виду, когда говорил, что хочу «положить конец своему внутреннему четвертованию». Всё то лето я постоянно повторял себе: я не хочу разрываться изнутри. Наверно, именно поэтому я был на какое-то время очарован, даже загипнотизирован Хэзелтон. Её искусственный интеллект запрограммировал мой искусственный интеллект. И всё же это был удар в самое сердце моего искалеченного тела. Хотел бы я, чтобы мне всё это рассказали без связи с бумерами.

Хэзелтон повторяла одну фразу: «квантовый скачок в гиперпространство сознания второго уровня», и на один короткий, неуловимый миг я был зачарован.

— Я же говорила, что она потрясающая.

— Заткнись, Ким.

— Как неоднократно повторял Дон Бек, мышление первого порядка должно возникнуть в условиях яростного сопротивления этому со стороны первопорядкового мышления. В частности, постмодернистская версия зелёного мема с его плюрализмом и релятивизмом активно пытается помешать появлению более интегрирующего и холистического мышления. Но как бы там ни было, без мышления второго порядка человечество

обречено страдать от глобальной аутоиммунной болезни, при которой различные мемы бьются друг с другом за превосходство.

— Как только что было сказано, мемы первого порядка сопротивляются проявлению мемов второго порядка. Например, религиозный фундаментализм (синий), как правило, ненавидит мемы второго порядка за то, что, как ему кажутся, они пытаются разрушить установленный Порядок. Эгоцентризм (красный) вообще игнорирует второй порядок. Магический мем (пурпурный) пытается наслать на него порчу. Зелёный обвиняет сознание второго порядка в авторитаризме, следовании иерархиям, патриархальности, маргинальности, деспотизме, расизме и сексизме.

Одно лишь упоминание зелёного мема снова заставило аудиторию шуметь от негодования и аплодировать. Похоже, в зале были представители двух лагерей, между которыми назревал конфликт, обещавший превратить средней занудности учебную лекцию в потасовку с применением тухлых помидоров.

— В последние три десятилетия зелёный отвечал за культурные исследования. Вы, наверно, уже запомнили многие стандартные ключевые слова зелёного мема, такие как плюрализм, релятивизм, разнообразие, мультикультурализм, деконструкция, антииерархичность и так далее.

— С одной стороны, великодушие плюрализма и мультикультурализма зелёного мема позволило включить в канон культурных исследований людей, истории и идеи, прежде считавшиеся маргинальным. Он с осторожностью и заботой старался бороться с нарушениями социального равновесия и избегать дискриминации. Именно поэтому зелёный мем называется «чувствительной самостью». Ему принадлежат основные достижения в области гражданских прав, здравоохранения и защиты окружающей среды. В рамках него была разработана сильная и зачастую убедительная критика многих философских систем, метафизики и социальных проявлений конвенционального религиозного (синий) и научного (оранжевый) мемов с их дискриминационными, патриархальными, сексистскими и колониалистскими замашками.

— Но одновременно со своей, безусловно, эффективной критикой более низких стадий, зелёный мем обрушился на *более высокие стадии*, что привело к абсолютно катастрофическим последствиям. Зелёные оказались неспособны принять более широкую, объединяющую, интегральную точку зрения, то есть, фактически, не смогли добраться до второго порядка.

Беспорядочный шум в зале, аплодисменты, шиканье.

— Вот тут-то и появляется бумерит.

Из зала полетели одобрителные возгласы и насмешки.

— Бог ты мой, Ким, тут всегда так жарко?

— С каждым разом всё хуже. Но вообще да, это своего рода традиция.

— Слушай, Ким, не обижайся, что я сказал тебе заткнуться, я в последнее время немного в не себе.

— У Хэзелтон был рак груди. Доктора говорили, что ей осталось жить всего несколько месяцев. Это было почти пять лет назад. С тех пор у неё появилась какая-то сверхчеловеческая аура. Ты не замечаешь *сияние* вокруг неё?

А я как раз собирался сказать, что видел, как вокруг неё искривляется пространство.

— Субъективизм. Забавное слово, правда? Я хочу сказать, что когда плюралистический релятивизм (зелёный), преодолевая мифический абсолютизм (синий) и формальную рациональность (оранжевый), добирается до узорчатой ткани индивидуалистических контекстов, одной из главных его характеристик становится *субъективизм*. Окей, давайте без занудства: что всё это на самом деле значит? Это значит, что стремление зелёного к добру и справедливости в целом основано на индивидуальных предпочтениях, то есть имеет силу до тех пор, пока не причиняет вреда другим. То, что правильно для вас, не обязательно правильно для меня. Истина — это всего лишь то, что люди или культуры договорились считать истинным. Любые

попытки найти универсальную истину обречены на провал. Каждый человек сам выбирает для себя ценности и никому больше их не навязывает. «Занимайся своим делом, а я буду заниматься своим» — так обычно звучит эта точка зрения.

— Вот поэтому зелёная самость и называется чувствительной самостью. Она знает о существовании многочисленных контекстов и версий истины — в этом, в общем-то, и заключается суть плюрализма — и из кожи вон лезет, чтобы оградить каждую истину от обвинений в ненужности и маргинальности. Ситуация со словом «маргинализация» такая же как с «антииерархичностью», «плюрализмом», «релятивизмом» и «эгалитарностью»: если вы слышите это слово, можете быть практически на сто процентов уверены, что столкнулись с зелёным мемом.

— Это благородное намерение, разумеется, имеет свои отрицательные стороны. Как правило, любые переговоры, участники которых придерживаются зелёных принципов, проходят по одному и тому же сценарию: каждый получает возможность высказать свои чувства в отношении обсуждаемого вопроса (что обычно занимает несколько часов), потом начинается бесконечное обсуждение всех заслушанных точек зрения, за которым обычно не следует никаких конкретных решений и планов действий, поскольку любой план действий идёт в разрез с чьей-то точкой зрения. Хотя раздаются призывы учитывать все точки зрения, редко объясняется, как это сделать на практике, поскольку на самом деле не все точки зрения обладают одинаковыми достоинствами. Чтобы переговоры были признаны успешными, не обязательно приходить к соглашению — главное, чтобы все смогли поделиться своими чувствами, поскольку считается, что все точки зрения одинаково хороши, невозможно сформировать иного плана действий, кроме плана высказать свою точку зрения. Единственное, что можно сказать с уверенностью, это то, что все неплюралистические точки зрения гадкие и угнетающие. В шестидесятые часто говорили: «Свобода — это бесконечные переговоры». Ну, в том, что это что-то *бесконечное*, они не ошиблись.

На этот раз аудитория поддержала Хэзелтон аплодисментами. Даже если

не все были с ней согласны, все понимали, о чём она говорит.

— Мои преподаватели всё время этим занимаются, — прошептала Ким, — устраивают бесконечные обсуждения какой-нибудь фигни. А твои?

— Мои, вообще-то, не часто. Я занимаюсь теорией систем, которая, по моему, в основном жёлтая, и зелёного там немного. Хотя все занятия на других кафедрах такие, как ты говоришь. Поэтому они мне и не нравятся, да и вообще никто из изучающих ИИ, кажется, не принимает их всерьёз. Мы думаем, что это удел старых гуманитарных пердунов. Мне как-то даже и в голову никогда не приходило, что в этом есть что-то ещё.

Что мне приходило в голову, так это мысли о Хэзелтон. Она сияла, от звуков её голоса по спине бежали мурашки, пространство искривлялось, сцену наполняло мерцание, и это явно было не из-за содержания её выступления, потому что оно до сих пор было мне не совсем понятно, хотя Ким, кажется, всё схватывала на лету.

— А теперь, дорогие друзья, слушайте внимательно, потому что речь пойдёт о бумерите. В настоящий момент в академической среде зелёный мем или плюралистический релятивизм доминирует. Колин Макгуинн (Colin McGuinn) так характеризует эту позицию — немного техническим языком, но давайте попробуем разобраться: «согласно этой концепции, человеческий рассудок по своей сути локален, зависим от культуры и прочно связан с человеческой природой и историей; это совокупность дивергентных „частиц“, „форм бытия“, „точек отсчёта“ и „систем координат“. Не существует таких стандартов мышления, которые выходили бы за границы данного общества или данной эпохи, и вера в то, что мы должны быть снисходительны к болезни когнитивной несостоятельности, не имеет никаких оснований. Быть справедливым значит быть признанным справедливым, и у всех людей могут быть свои, в равной степени законные причины признавать что-то или отвергать. В конце концов, любое утверждение обосновано, только если оно „обосновано для меня“». Как объясняет Клэр Грейвз, «в этой системе мир рассматривается с позиций релятивизма. Такое мышление демонстрирует нам радикальное, практически маниакальное стремление смотреть на всё в

рамках релятивистской, субъективной системы координат».

— Хорошо, ближе к делу: вы помните, что сегодня говорил доктор Морин в начале выступления? О странной смеси развитого интеллекта и самопоглощённого нарциссизма, характерной для бумеров? Наверно, сейчас вам стало лучше понятно, что он имел в виду: в высшей степени *субъективистские позиции зелёного плюрализма делают его лёгкой жертвой нарциссизма*. В этом-то и состоит суть проблемы: плюрализм, как магнит, притягивает нарциссизм, невольно превращаясь в питательную почву для Культуры Нарциссизма.

В зале поднялся недовольный шёпот. Ким улыбалась. Я напрягся, автоматически вцепившись в подлокотники своего кресла, как будто сидел в космическом корабле, который должен был взлететь.

— Как мы позже увидим, заслуга бумеров в том, что они, по сути, были *первым поколением в истории, достигшим зелёного уровня*. Это очень важный момент, и мы ещё не раз будем об этом говорить. Бумеры преодолели синий *традиционализм* и оранжевый научный *модернизм* и открыли *постмодернистское*, плюралистическое, мультикультурное мышление — зелёный мем и чувствительную самость. Именно поэтому бумеры и возглавили борьбу за гражданские права, сохранение окружающей среды, права женщин и культурное разнообразие. Это то, что плавает на поверхности коктейля — впечатляющие достижения поколения бумеров и революционных взрывов шестидесятых — широкомасштабный переход от синего и оранжевого к зелёному. Вдумайтесь: это же выдающееся достижение, просто выдающееся.

— Но у каждого мема есть своя обратная, теневая сторона, своя патология. Изъян зелёного мема заключается в том, что он, в сущности, превращается в гигантский магнит, притягивающий нарциссизм: я занимаюсь своим делом, а вы занимайтесь своим, всё внимание сосредоточено на «мне» и «моём». И это разрушительная сторона уравнения бумера, то, что плавает на дне коктейля, и в результате этой патологии зелёный мем создал практически столько же проблем, сколько смог решить. Нас до сих пор трясёт от

зловещих кошмаров и культурных катастроф, порождённых Нацией Вудстока.

Я оглядел аудиторию — над ней повисла напряжённая тишина.

— Давайте для начала рассмотрим один пример, который, как обычно, станет понятным в ходе дальнейшего обсуждения.

— Плюрализм, эгалитаризм и мультикультурализм в своих лучших проявлениях зарождаются на очень высокой стадии развития — зелёной, и, исходя именно из своих благородных убеждений в необходимости справедливости и заботы, зелёный мем пытается относиться ко всем более низким мемам с одинаковым вниманием и участием. Но чрезмерная увлечённость эгалитаризмом не позволяет ему разглядеть *собственное* исключительное, элитарное *положение* (около 10% населения, как мы уже видели). Зелёный — первый мем, принимающий эгалитаризм. Хуже того: зелёный *яростно отрицает* существование всех *породивших* его стадий, потому что считает, что все мемы равны. Но как мы уже видели, до зарождения эгалитаризма были пройдены, по меньшей мере, шесть основных стадий развития, после чего зелёный мем начал отрицать это развитие во имя эгалитаризма!

Громкие аплодисменты и одобрительные выкрики вперемешку с улюлюканьем и свистом. Хэзелтон замолчала, ласково улыбнулась и продолжила почти шёпотом.

— Плюрализм великодушно поощряет все предшествующие волны существования «быть собой», не важно, насколько неглубокими, эгоцентрическими и нарциссическими они являются, потому что «ни одна волна не может считаться хуже других». Но если взгляды «плюрализма» справедливы, почему бы нам не пригласить нацистов и Ку-клукс-клан на этот мультикультурный банкет, ведь раз ни одна позиция не хуже и не лучше других, значит, и обращаться с ней нужно в соответствии с принципами эгалитаризма. И вот тут-то на сцену выходят внутренние противоречия плюрализма.

— Так что плюрализм, находящийся на очень высокой стадии развития, которой предшествовали, по меньшей мере, пять других стадий, внезапно

начинает *отрицать сам путь*, по которому нужно было пройти, чтобы добраться до его собственных благородных взглядов. Он готов заключить в свои эгалитарные объятия все, даже самые недалёкие и нарциссические точки зрения. Поэтому чем больше эгалитаризм применяется на практике, тем больше он поощряет Культуру Нарциссизма и способствует её распространению. Ну а Культура Нарциссизма — это антитезис интегральной культуре, противоположность миру на земле.

Ким толкнула меня локтём и улыбнулась, а аудитория начала аплодировать, на этот раз почему-то обойдась без осуждающих выкриков.

— Ким, ты всё это понимаешь? Как-то это всё чересчур абстрактно.

— Не волнуйся, дальше проще. Надо дожидаться последних семинаров серии — на них, когда начинаются примеры, появляются кровавые подробности! — она взвизгнула от удовольствия. — Ты и представить себе этого не можешь!

— Это уж точно.

— Короче говоря, — снова послышался голос Хэзелтон, — достаточно высокая позиция плюрализма начинает притягивать достаточно низкое состояние эгоистического нарциссизма. А это значит, что мы наконец добрались до бумерита.

— *Бумерит* — это всего лишь плюрализм, заражённый нарциссизмом. Вы поймёте, что именно это означает, когда я начну приводить примеры. А пока я ограничусь техническим определением: бумерит — это странное смешение очень высоких когнитивных способностей (зелёный мем и благородный плюрализм) с довольно незрелым эмоциональным нарциссизмом (пурпурный и красный мемы), что *неоднократно замечали многие социальные критики*. Закономерным результатом этого становится то, что чувствительная самость, искренне стараясь быть полезной, преувеличивает собственную значимость. Она уверена, что создаст новую парадигму, которая станет причиной величайшей трансформации в истории человечества, революционным образом изменит общество, в котором мы живём, спасёт и планету, и

Гею, и Богиню, встанет во главе грядущей социальной трансформации, которая перевернёт всю историю, и не только...

— В общем, Бумервиль зацветёт пышным цветом. Именно поэтому многие из тех, кто занимается социальными исследованиями, отмечают, я снова повторю слова Лентриччи, что «ясно одно: сложно переоценить силу и отвагу самолюбования». Ещё раз хочу напомнить: история бумеров этим не ограничивается, но представить её без этого тоже невозможно. В частности, бумерит ответственен за пристрастность в академических исследованиях, культурные войны, игры в деконструкцию, политику идентичности и практически за все проявления нью-эйджа. Каждый день он производит на свет новую парадигму. Наверное, нет такой темы, отношение к которой стараниями бумерита не было бы полностью пересмотрено, в чём мы убедимся на следующих сессиях нашего семинара.

— Проще говоря, бумерит — это высокий плюрализм, смешанный с низким нарциссизмом. И если бы ни этот престранный состав, которым было пропитано каждое событие и каждое явление в истории Поколения Я, жизнь этого поколения превратилось бы в волшебную сказку. И, если вы это поймёте, дорогие друзья, то проникните в самую суть поколения.

— Проникни в *это*, — говорит Хлоя и трётся своим обнажённым телом о моё тело. Плоть соприкасается с разгорячённой плотью и дрожит под звуки трека DJ Libra «[Anomaly \(Calling Your Name\)](#)»²⁰.

— Хлоя, а ты когда-нибудь задумывалась о том, что бумеры называют всех нас бездельниками? Всех, кто родился после них? Я сегодня в «Херальд Трибьюн» прочитал такую фразу: «Бумеры ощущают своё превосходство над следующими поколениями. Они не могут без этого». Почему, Хлоя?

²⁰ «Anomaly (Calling Your Name)» (англ.) — «Аномалия (призывая тебя по имени)». — Прим. пер.

— Если они и правда лучше, пусть попробуют сделать *так*.

— Если при нормальном развитии на смену зелёному плюрализму в конце концов приходит сознание второго порядка и интегральное объединение, то почему моё поколение так заиклилось на зелёном меме, на своём ощущении превосходства и своих взглядах? На плюралистском релятивизме, крайнем эгалитаризме, мультикультурализме и разнообразии, доходящем до помешательства, на ненависти к иерархиям, деконструктивном постмодернизме, на «я занимаюсь своим делом, а ты занимайся своим», на приоритете «я» и «моего»? Именно эта заикленность породила то, что многие называют самым одиозным поколением в истории Америки.

— В общем-то, как мы уже видели, это произошло потому, что крайний субъективизм зелёного мема стал магнитом и прибежищем нарциссизма, который по тем или иным причинам завладел Поколением Я. Комбинация высокого плюрализма и низкого нарциссизма называется бумеритом, и *бумерит*, похоже, является *одним из основных препятствий на пути к интегральному объединению*.

— Разумеется, все мемы первого порядка сопротивляются появлению мемов второго порядка. Но зелёный, последний и высший мем первого порядка, является последней чертой, через которую сложнее всего переступить, и не в последнюю очередь из-за нарциссической привязанности к ней. Коктейль из плюрализма и нарциссизма, который мы называли бумеритом — это последняя преграда на пути к миру на земле.

Хэзелтон посмотрела в зал. В завершении выступления голос её зазвучал настойчивей и громче.

— Доктор Морин начал сегодняшний семинар вопросом, можем ли мы превратить эту планету в добрую, заботливую, интегральную землю мира? Похоже, что да, если нам удастся совершить скачок от первого порядка ко второму, преодолеть последний барьер в виде бумерита. Короче говоря, друзья мои, либо мы обуздаем бумерит, либо нам придётся принять участие

в разрушении и уничтожении завтрашнего дня, и эта угроза уже распространилась по всему миру. Либо мы справимся с бумеритом, либо принесём клятву верности миру войны.

Она повернулась и медленно спустилась со сцены. Слушатели аплодировали стоя. Пробивающиеся сквозь овации крики и свист неодобрения говорили о том, что не все в зале были единодушны, однако само присутствие Хэзелтон заставляло с уважением относиться к сказанному ей, и люди охотно на это соглашались (хотя, скорее всего, они не заметили, как она искривляла пространство).

И тут до меня дошло. То, что Хэзелтон называла бумеритом, настолько же было прерогативой бумеров, как болезнь Лу Герига²¹ — прерогативой Лу Герига. Заболеть этой болезнью мог кто угодно, просто название ей дали в честь самой знаменитой жертвы.

Я поднялся, чтобы уйти. Ким коснулась моего плеча.

— Если придёшь завтра, я открою тебе один секрет, — улыбнулась она. Я с опаской посмотрел на неё, потому что понятия не имел, что всё это могло значить.

²¹ Боковой амиотрофический склероз — заболевание центральной нервной системы, ведущее к параличу и атрофии мышц. — Прим. пер.

2. THE_PINK_INSIDES_OF_CYBERSPACE@LOOKINGGLASS.ORG

(РОЗОВЫЕ_ВНУТРЕННОСТИ_КИБЕРПРОСТРАНСТВА@ЗЕРКАЛО.ORG)

Это крошечная, бесконечная, всепоглощающая темнота, своего рода мрачное кристальное чрево, влажное и удушающее. В нём протянуты светящиеся изнутри оптические волокна. По одному из таких волокон... несусь я. Я — сияющий луч света, бестелесный Экстаз, само существование которого уже является наслаждением. Ко мне плывёт голая, пульсирующая, вибрирующая, с раскачивающейся грудью, огромными сосками и набухшими половыми губами, манящая Хлоя. Я хочу наброситься на неё, но не могу пошевелиться. И вдруг понимаю почему: у меня нет тела. Свет, которым я являюсь, может наслаждаться только собственным существованием, без тела он не может насладиться существованием других. Радующийся самому себе свет сначала медленно, а потом странно подрагивая, угасает, уступая место черноте бесконечного вакуума. Начинается медленный и болезненный процесс умирания. Мне хочется кричать, но у меня нет рта, хочется забиться в конвульсиях, но у меня нет тела, хочется...

— ГОСПОДИ ИИСУСЕ! — наконец выкрикиваю я.

— Кен, Кен, посмотри на меня. Проснись, сладкий мальчик. Посмотри на меня.

— Хлоя, я понял, я всё понял. Это ужасно, Хлоя, трудно объяснить, но это просто ужасно, ужасно. Это вроде... типа... ну, типа вроде... чего-то... *ужасного*.

Гарвард Сквер — очень мрачное место. Когда-то давно, только начав учиться в старших классах, я оказался здесь и решил, что обязательно сюда вернусь, когда поступлю в колледж. Поражённый очарованием и красотой

этого одновременно провинциального и космополитичного уголка, я в тайне радовался своему счастью. Но уже через несколько лет после этого Гарвард Сквер выглядел так же, как любая другая площадь в любом другом городе любой страны индустриального мира: там, где раньше были местные магазины, теперь открылись сетевые: тут Gap, прямо напротив — Barnes and Noble, там — Wendy's, а за углом я, слава Богу, могу купить себе пару джинсов Banana Republic. Пол Ревир²² теперь героически скачет напротив Макдоналдса. Я сам практически живу в Макдоналдсе, и все же...

Ещё одна причина, по которой Гарвард Сквер нагоняет тоску, заключается в том, что сама жизнь стала унылой. Кажется, это началось 8 апреля 1994 года. «Кобейн был единственным музыкантом, не уступающим в гениальности Джону Леннону», — сказал отец, наверное, желая сделать исключительный комплимент. Если так, надо было просто дать ему героин, и оставить его в покое. А теперь он мертвее мёртвого. Я чувствую себя глупым и заразным, вот и мы, развлекайте нас.²³ Почему он убил себя вот так? Зачем системе понадобилось влезть в его тело и завладеть его рукой, которая приставила к его голове ружье. Система инсценировала всё так, будто Курт сам нажал на курок, хотя в действительности это лицемерие общества зарядило ружье, сняло его с предохранителя и выстрелило. Может быть, *день, когда умерла музыка*, был в 1959-ом²⁴, а может быть, у каждого

²² Пол Ревир (Paul Revere) — герой американской Войны за независимость, прославившийся благодаря тому, что верхом на лошади за ночь объехал позиции повстанцев и предупредил их о приближении англичан. В Бостоне, где находится МИТ, установлен конный памятник Ревире. Прим. пер.

²³ «I feel stupid and contagious, here we are now, entertain us» — строчки из песни «Smells Like Teen Spirit» группы Nirvana, солистом которой был Курт Кобейн. Прим. пер.

²⁴ «День, когда умерла музыка...» («The day the music died...») — строки из известнейшей песни «American Pie». 1959-й — год, когда в автокатастрофе погиб-

поколения есть свой день смерти музыки. Музыка моего поколения умерла в 1994-ом, и вместе с ней умерло что-то внутри меня, причём ни музыку, ни это что-то до сих пор не удалось возродить. Возможно, именно тогда появилось это моё ощущение отчаяния, и в мою душу под прикрытием лёгкой меланхолии проникла депрессия. С тех пор меня не покидает одна мысль: может быть, *мой сиамский близнец — это призрак Курта Кобейна?*

Кое-что беспокоило меня в Хэзелтон с её волнами бытия. Это было понятие о *внутреннем*, мысль, что сознание нельзя свести к материи. Ведь сама возможность искусственного интеллекта основывается на том убеждении, что сознание, конечно же, можно свести к материи, представить как чрезвычайно хитроумное программное обеспечение, работающее на чрезвычайно хитроумном аппаратном обеспечении. Один из моих учителей Марвин Мински (Marvin Minsky) в ответ на вопрос о том, научатся ли когда-нибудь машины думать, сказал: «Я машина, и я умею думать». Хотя один остроумный критик заметил, что, по меньшей мере, одна из частей этого утверждения неверна, у официального ИИ-сообщества было чёткое представление о том, что только материя имеет значение.

Ну да, мы говорим, что киберпространство «нематериально», но на самом деле мы имеем в виду, что информация передаётся посредством электричества или света, которые являются формами электромагнитной энергии, а энергия, разумеется, материальна, поскольку связана с массой всем уже порядком надоевшим уравнением $E=mc^2$. Иными словами, киберпространство — это хоть и очень тонкая, электромагнитная, но всё же материя, которая совершенно не пугает материалиста, мечтающего, чтобы всё в мире оказалось сложными соединениями грязи.

Мысль о том, что во вселенной нет ничего, кроме материи, огорчает

ли музыканты Бадди Холли, Ричи Валенс и Биг Боппер, считавшийся первопроходцами американского рок-н-ролла. — Прим. пер.

романтиков, поэтов и большинство адекватных женщин. Но хардкорных материалистов этот элегантный редукционизм не огорчает, а наоборот, заставляет кончать в собственные штаны, как выражается мой отец, — мама всегда краснеет, когда он так выражается. Мой отец является историческим материалистом (или марксистом, как это раньше называли), я — фотонный материалист (верю в кремниевые кибергорода, соединённые оптическими кабелями), но материя есть материя, так что в данном случае яблоко действительно укатилось недалеко от яблони.

Причина, по которой все в МИТе строят прогнозы относительно дня захвата мира разумными роботами, или «ботами», состоит в том, что, как мы все убеждены, сознание может быть загружено на цифровые оптические устройства, в своего рода киберпространство гиперкомпьютеров, и когда это произойдёт, кому вообще будут нужны люди? Разве что боты захотят посадить нас в зоопарк и демонстрировать своим оптическим отпрыскам как предшествующую им ступень эволюции — дарвинистский киберкошмар, простое предостережение, смешанное со страхом перед сиятельными ботами, к которым я, разумеется, собираюсь присоединиться.

В моей лаборатории до сих пор торчат древние бумеры типа Рэя Курцвейла (Ray Kurzweil), Билла Джоя и старика Негропonte (Nicholas Negroponte), а Эрик Дрекслер (Eric Drexler) и Ганс Моравек (Hans Moravec) всё ещё копаются в этих вопросах. Про них всё понятно по названиям книг, которые они пишут: «Машины творения», «Век духовных машин», «Робо-сапиенс» и «Робот: от простой машины к трансцендентному сознанию». Но на самом деле они вообще не понимают, о чём говорят. Они пытаются представить, что БЫ произошло, если бы их собственное оттюнингованное сознание было введено в киберпространство, но моему поколению лучше знать, как всё будет: мы уже подготовились к этому путешествию за рамки всего, что можно себе представить.

И всё же именно эта тема про *внутренний* мир меня беспокоит.

— Это потому что ты полный идиот.

— Спасибо, Джонатан.

— Хлоя всем рассказывает, что ты кричишь во сне. Это довольно забавно. И это тоже потому, что ты полный идиот. Если всерьёз верить, что мы все исчезнем в компьютерах, конечно, рано или поздно начнутся проблемы с головой. Эй, привет? Есть кто дома? У кого от таких мыслей не будет кошмаров? Это же само по себе полный кошмар, старик.

— Точно, Джонатан. Зато ты каждый день часами медитируешь и бормочешь себе под нос «хум-хум-хум» или «ом-ом-ом», ну или что ты там бормочешь. И единственное, что ты в результате этого приобрёл, — это мерзкий характер.

— Прекрасное приобретение, правда? Не завидуй, это тебе не поможет. Пойдёшь сегодня на Стюарта Дэвиса (Stuart Davis)?

— Я думал, буддистам полагается быть добрыми и сострадательными. Знаешь, как Далай-лама говорит: «Моя религия — это доброта к людям», ну и всё такое. Это как-то совсем не вяжется с твоими колкостями. На Дэвиса?

— Ну, знаешь, этот певец, который выпустил «[Kid Mystic](#)» и «Bright Apocalypse»²⁵.

— А, точно. Да, пойдём.

— Слушай друг, я сейчас специально для тебя достану из чулана свой приятный характер и кое-что тебе расскажу. Ты должен понять одну вещь о сознании, о своём собственном уме: либо ты веришь, что знаешь его изнутри, прямо сейчас, вот в эту самую секунду, и поэтому его невозможно свести ни к чему другому, либо ты веришь, что это всего лишь побочный продукт произвольной и бессмысленной материальной эволюции. И ты, кричащий и трясущийся комок человеческого мяса, веришь вот во что...

— Как мило.

²⁵ «Малыш-мистик» и «Весёлый апокалипсис» (англ.). — Прим. пер.

— Ты веришь, что эволюция начинается с Большого взрыва, когда не пойми откуда вдруг появляется куча материи. Почему это произошло? Ну, если послушать тебя, это просто случайное «ой», «безо всякой причины», «так получилось». А потом бессмысленная тупая материя миллиарды лет, я подчёркиваю, *миллиарды*, изо всех сил эволюционирует, пока, наконец, не превращается в разумных существ, сидящих за этим столом. Ну, или по крайней мере в одно разумное существо за этим столом. Но с чего вдруг грязь ожила и начала писать стихи? Ты считаешь, это *случайно*? Так можно думать, только разве что отказавшись от наличной реальности твоего сознания. Ты вообще *признаешь*, что обладаешь сознанием? Нееееет, ты думаешь, что твоё сознание — это только проделки шаловливой грязи. Понятно, почему ты не спишь.

— Всё не так просто.

— Ну да, для идиотов, может, и не просто. Но для разумных существ очень даже просто.

— Зачем ты вообще сидишь тут и действуешь мне на нервы? Тебе ведь нужно считать свои вдохи-выдохи? Может, тебе пойти подышать благовоениями и ещё поработать над своим безупречным образом?

— Хлоя говорит, ты дребезжишь, когда занимаешься любовью.

— Ну всё, меня это действительно достало. Хлоя бы никогда так не сказала.

— А-а, вместо «это неправда», ты говоришь «Хлоя бы так не сказала».

— Я даже не понимаю, что значит «дребезжишь, когда занимаешься любовью». Что это значит?

— А по-моему всё понятно. Это значит, что ты становишься машиной, и твои детали гремят и дребезжат, даже когда ты занимаешься любовью, — Джонатан запрокинул голову и залился смехом.

— Словарное определение термина «нарциссизм»: «излишне сильная

озабоченность своим „я“, своей важностью, грандиозностью, способностями; эгоцентризм». Врачи утверждают, что внутреннее состояние *нарциссизма* — это, как правило, состояние расщеплённого «я», отчаянно пытающегося заполнить пустоты в своей структуре, преувеличивая собственную значимость и принижая других. Эмоциональный настрой: «*Никто мне не указ!*»

На сцене была доктор Клара Фуэнтес, страстная и взрывная как полцентнера динамита. Казалось, она стоит на какой-то непоколебимой опоре, но от этого не становится высокомерной или бесцеремонной. Хотя, возможно, «опора» — не совсем то слово, и лучше назвать это «уверенностью». Через шорох и шум, производимые опоздавшими к началу, я пытался расслышать её слова. И хотя часть меня до сих пор считала эту науку из помойки до смерти скучной, другая часть заподозрила, что эволюция сознания углеродных форм жизни может помочь разобраться с эволюцией сознания кремниевых форм жизни.

В общем, до меня дошло, что мне не мешает послушать этих чуваков из ИЦ. И ещё до меня начало доходить, что *он* был там, и он был моей судьбой, которая с рёвом неслась на меня по конвульсирующему лабиринту будущего.

— Большинство психологов сходятся во мнении, что, хотя существует множество проявлений нарциссизма, его наличие абсолютно нормально для детей, и в идеальном случае с возрастом он исчезает, или, по крайней мере, значительно уменьшается. В общем-то, развитие можно рассматривать как *последовательное уменьшение эгоцентризма*. Новорождённый младенец, по большому счёту, погружён в собственный мир и в основном не замечает окружающей его обстановки и контактов с другими людьми. Когда его сознание становится достаточно сильным и вместительным, он учится осознавать себя и узнавать других, позже — ставить себя на место других, тем самым развивая в себе заботу, сострадание и подлинное интегральное принятие, — ничто из этого не является врождённым.

— Как напоминает нам гарвардский психолог Говард Гарднер (Howard

Gardner), «младенец полностью эгоцентричен, но это не означает, что он эгоистично думает только о себе — напротив, он не способен думать о себе. Эгоцентричный ребёнок не может отделить себя от остального мира, он не отличает себя от других людей и неживых объектов. Поэтому ему кажется, что другие тоже чувствуют его боль и удовольствие, без труда понимают его лепет и видят всё так же, как видит он, что даже животные и цветы являются частью его сознания. Играя в прятки, он может спрятаться у всех на виду, потому что его эгоцентризм не даёт ему понять, что кто-то может его найти. Всю историю человеческого развития можно назвать постепенным уменьшением эгоцентризма».

Я до сих пор не рассказал Хлое или кому-то ещё, что начал постоянно ходить в Интегральный центр, ведь меня бы не поняли. Никаких особых положительных причин ходить туда у меня не было. Даже если эти углеродные «уровни сознания» были реальны, я хотел убедить себя, что их можно описать в терминах ИИ, а следовательно — загрузить в кибермир будущего. Все эти разговоры о внутреннем мире и волнах застали меня врасплох, и мне нужно было удостовериться, что всё это просто вычислительные алгоритмы, что эти внутренние процессы, как и любые другие процессы, можно представить в цифровом виде, сделать полностью материальными. Мне нужно было знать, что эти мемы тоже дребезжат, когда занимаются любовью.

Я занял своё место, тихонько притаился, спрятал своё существование под ковёр. И Ким тут же меня засекла.

— Рада видеть, что тебе всё так же неинтересно, — сказала она, плюхнувшись рядом со мной.

— Сегодня будет, эээ, выступать Хэзелтон?

Ким повернулась ко мне и произнесла: «Ооооооо...»

— Ну, перестань.

— Сегодня только Карла. Зато завтра Джоооооан будет весь день, так что увидимся завтра, да?

— Это не смешно, Ким.

— Нет, смешно, Кен.

— Сегодня вообще будет интересно? Начало какое-то вялое.

— Будет здорово, правда. Когда она рассказывает про студенческие протесты шестидесятых в Беркли кто-нибудь из бумеров обязательно начинает кричать, улюлюкать, некоторые даже выбегают из зала — это очень весело. Хотя это и не так круто, как когда Карла рассказывает о коренных американцах и их *настоящей* религии, и сравнивает своё описание с тем, что на эту тему считают бумеры.

— Это будет, когда начнутся конкретные примеры бумерита?

— Да, на следующей неделе. Но сегодня тоже будет круто. Хотя ты, Кен эээ Уилбер, наверно, всё равно всё проспичь. А где Хлоя?

— Это не важно.

— Да уж, наверняка.

— Поэтому развитие по большей части подразумевает *уменьшение* нарциссизма и *возрастание* сознания. К примеру, Кэрол Гиллиган (Carol Gilligan) выяснила, что существуют три основных стадии морального развития женщины: она называет их *своекорыстием*, *заботой* и *универсальной заботой*. На каждой из этих стадий область применения заботы и сострадания увеличивается, а эгоцентризм уменьшается. Сначала молодая девочка заботится в основном о себе (стадия эгоизма), потом начинает заботиться о других, например, о семье и друзьях (стадия заботы), и, в конце концов, распространяет своё участие и доброжелательность на всё человечество (стадия универсальной заботы). Переход на более высокую стадию не означает, что вы перестаёте заботиться о себе: просто в дополнение к заботе о себе это позволяет вам выражать своё искреннее участие и сострадание по отношению ко всё большему числу людей.

— Мужчины, кстати, тоже проходят через эти общие три стадии, хотя, как утверждает Гиллиган, их больше интересуют *права* и *справедливость*, в то

время как женщин — *забота* и *отношения*. Гиллиган считает, что пройдя все три стадии, и мужчины, и женщины могут интегрировать обе позиции, так что на универсально-интегральной стадии и мужчина, и женщина получает как мужской, так и женский голос, объединяя, таким образом, справедливость и сострадание.

— Ким, ты обещала открыть мне небольшой секрет.

— Обещала, да?

— Ну, перестань.

— Серьёзно, Кен, где Хлоя? Она что, такое не любит?

— Нет, не любит. И я, вообще-то, тоже не очень. В смысле, психологию. Знаешь, как у нас в ИИ-лаборатории называют психолога с половиной мозга?

— Как?

— Одарённым.

— Эти три основных стадии, которые проходят мужчины и женщины, в основном характерны для большинства форм развития. Их называют по-разному: доконвенциональная, конвенциональная и постконвенциональная; эгоцентрическая, этноцентрическая и мироцентрическая; «я», «мы» и «все мы».

Фуэнтес пританцовывала на сцене, излучая энергию как живой провод, подключённый к невидимой космической розетке. Я попытался сконцентрироваться на её выступлении.

Заметив мой страдальческий взгляд, вызванный чрезмерным напряжением, Ким наклонилась ко мне.

— Эти три стадии — всего лишь сильно упрощённая версия восьми стадий спиральной динамики. Так что радуйся, сегодня тебе, чтобы понимать происходящее, понадобится напрягаться в два раза меньше.

Она улыбнулась. Я храбро кивнул в знак согласия.

— Согласись с *этим*, — говорит голая Хлоя, вниз головой раскачиваясь на люстре. Её грудь колыхается, а попка манит, обещая всевозможные удовольствия — стоит только протянуть руку. DJ Pollywog играет трек Ультрасоника «Girls Like Us Go Boom Boom»²⁶. Смерть без тела — вот в чём загвоздка. Тело Хлои плывёт ко мне, окружённое сотнями обнажённых женских тел, и я опробую их все. Я — отстранённое монологическое глазное яблоко, односторонний наблюдатель, ненавидимый моим преподавательницам-феминисткам. Я, отстранённый и бестелесый, смотрю на всех них, превращая их в объекты, уменьшая и унижая. Я декартовский бог, явившийся поиздеваться над миром. Какой толк быть мужчиной, если нельзя во всём видеть сексуальный объект? Я вижу всё, я хочу всё, я хочу использовать всё для своего собственного освобождающего взрыва, в котором моя депрессия на время теряет имя и мой сиамский близнец покидает меня, только для того, чтобы набраться сил и спланировать своё скорое возвращение.

Я не могу заниматься сексом без тела. Женщины не могут строить отношения без тела. Киберпространство без тела — такое вообще возможно?

— Чёрт с тобой, сладкий мальчик, это были *виртуальные* тела. Думаю, это не считается, да?

Волны бытия развёртываются в стадии, великие и могучие волны развивающегося сознания... *А что, если это правда?* Какая безумная мысль, какое безумное путешествие.

— Эгоцентризм, этноцентризм, мироцентризм. Эгоцентрическая или

²⁶ Ultrasonic, «Girls Like Us Go Boom Boom» (англ.) — «Девочки вроде нас делают бум-бум». — Прим. пер.

своекорыстная стадия обычно называется *доконвенциональной*, поскольку находящиеся на ней младенцы и маленькие дети ещё не усвоили конвенциональных правил и ролей, они ещё не социализированы. Они ещё не могут поставить себя на место другого, и поэтому не могут развить настоящую заботу и сострадание. Так что они остаются эгоцентричными, эгоистичными, нарциссичными и т.д. Это *не* значит, что маленькие дети равнодушны к окружающим или совершенно аморальны. Это значит только то, что по сравнению с дальнейшим развитием, на этой стадии их чувства и мораль до сих пор сильно зависят от собственных импульсов и определяются их собственной, достаточно узкой оценкой ситуации.

— В возрасте 6—7 лет происходит глубокий сдвиг в сознании. Ребёнок учится *ставить себя на место другого*. Допустим, у вас есть книга, передняя обложка которой синего цвета, а задняя — оранжевого. Покажите обе стороны этой книги пятилетнему ребёнку. Потом поместите книгу между собой и ребёнком, так чтобы вам была видна оранжевая сторона, а ему — синяя. Спросите у ребёнка, какой цвет он видит, и он даст верный ответ: синий. Спросите его, какой цветы видите вы, и он снова ответит: синий. А семилетний ребёнок скажет, что оранжевый.

— Другими словами, пятилетний ребёнок не может поставить себя на ваше место и принять вашу точку зрения. Его когнитивные способности не достаточно развиты, чтобы на время покинуть свою шкуру и оказаться в вашей. Поэтому он никогда не сможет по-настоящему понять вашу точку зрения, никогда не сможет понять *вас*. Вы не сможете достичь *взаимопонимания*. И поэтому его никогда не будет действительно волновать ваша точка зрения, вне зависимости от того, насколько он любит вас на эмоциональном уровне. Но всё меняется, когда ребёнок становится способен принимать точку зрения другого, это Гиллиган называет переходом от *своекорыстия* к *заботе*.

— Стадия заботы, которая обычно продолжается с 7 лет до пубертата, иначе называется *конвенциональной, конформистской* или *этноцентрической*, а это означает, что центром внимания на этой стадии является группа

(семья, ровесники, племя, нация). Ребёнок выходит за грань собственной точки зрения и начинает разделять взгляды и мнения других до такой степени, что оказывается их *заложником*, то есть конформистом. Эту стадию часто называют «хороший мальчик, хорошая девочка», «права моя страна или нет — это моя страна» и т.д., что говорит о беспрекословном подчинении, давлении сверстников и господстве группы, характерных для этого периода. Хотя на этой стадии человек уже может несколько отойти от собственной точки зрения, он ещё не может отойти от точки зрения группы. Он уже проделал путь от «меня» до «нас», на котором его эгоцентризм сильно уменьшился, но застрял на позиции «права моя страна или нет — это моя страна».

— Всё меняется с наступлением пубертата, когда возникает *постконвенциональное* и *мироцентрическое* сознание. Эгоцентризм снова уменьшается, потому что теперь взгляды членов группы, в которую входит человек, также подвергаются анализу. Возникает вопрос: что правильно и справедливо не только для меня, моего племени или моей нации, но и для всех людей, независимо от расы, вероисповедания, пола и убеждений? Происходит переход от этноцентризма к мироцентризму. Подросток может превратиться в ярого идеалиста, разрывающегося между открывшимися перед ним возможностями и мечтающего начать свой крестовый поход во имя справедливости, революцию, которая должна потрясти мир. Конечно, кое-что из происходящего можно объяснить неистовством гормональных взрывов. Однако положительная сторона этого процесса заключается в появлении представлений об *универсальной заботе*, справедливости и равенстве. В общем-то, в этот момент всего лишь приоткрывается возможность возникновения интегрального сознания и... мира во всем мире.

На полной громкости орёт «The Donnas Turn 21»²⁷, неоновый воздух,

²⁷ «The Donnas Turn 21» (англ.) — «Доннам исполняется 21» — название альбома 2001 года группы The Donnas. — Прим. пер.

шипя, переливаясь, звеня и гремя, наполняют звуки «[Are You Gonna Move It for Me?](#)», «Gimme a Ride» и «[Hot Pants](#)»²⁸, тела обмениваются болезненно электрическим возбуждением.

— Хлоя, а я мироцентричен?

— Ну да, Кен. Ты такой.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты согласишься переспать с любой женщиной, вне зависимости от расы, цвета кожи и вероисповедания.

— Не думаю, что это одно и то же, Хлоя.

Тогда голое тело Хлои превращается в голое тело Ким и плывёт ко мне. Пленительно голые тела, голые тела в мироцентрическом пространстве.

— А семинар становится *действительно* интересным, да?

— Эти три основных стадии — эгоцентрическая, этноцентрическая и мироцентрическая — конечно же, просто объединяют множество волн сознания, однако, глядя на них, вы должны были заметить, что развитие, как говорит Гарднер, — это уменьшение эгоцентризма. Иными словами, чем выше вы растёте, тем больше перерастаете самого себя. Все волны развития характеризуются *уменьшением* нарциссизма и расширением сознания, или развитием способности к пониманию всё более широких и глубоких точек зрения.

Ким нагнулась ко мне.

— Скажи, ну не круто ли? Но утренняя сессия идёт всего час и скоро закончится. Сейчас Карла покажет схему, которая подытожит всё сказанное.

²⁸ «Подвигаешь этим для меня?», «Давай прокатимся» и «Горячие штанишки» (англ.). — Прим. пер.

Мне куда больше нравится, как она ведёт дневную сессию — это просто безумие.

— Дневная сессия — просто безумие? Ты серьёзно?

— На ней начинается разговор о бумерите, и некоторых бумеров это, мягко говоря, немного бесит.

— Класс.

— Разумеется, существуют модели посложнее, содержащие больше трёх стадий. На вводном семинаре доктор Хэзелтон говорила о развитии на примере модели спиральной динамики, в которой 8 волн развития. Тут на стене есть схема, которой мы будем пользоваться на следующих сессиях, однако она может быть вам полезной уже сейчас. (См. рис. 4.1) В спиральной динамике к доконвенциональным стадиям относятся бежевая (архаико-инстинктивная), пурпурная (магико-анимистическая) и красная (эгоцентрическая). На следующей стадии (синяя, конформизм) нарциссизм распространяется на целую *группу*: я могу ошибаться, но моя страна — никогда! Ещё одной конвенциональной/конформистской стадией является оранжевая. После неё идут постконвенциональные стадии (зелёная, жёлтая и бирюзовая).

Я посмотрел на схему и кое-что для себя отметил. Ким воспринимала всё так спокойно, как будто это была самая простая вещь на свете. Я начал подозревать, что её *интеллект... был настоящим*.

— В общем, с развитием от доконвенциональных и конвенциональных стадий к постконвенциональным — или от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму — нарциссизм и эгоцентризм медленно, но верно уменьшаются. Человек, выросший до постконвенциональной осознанности, уже не считает мир продолжением своего «я», а, руководствуясь принципами взаимопонимания и взаимоуважения, будучи «я» в обществе других «я», играет по правилам, которые устанавливает этот мир. Спираль развития — это спираль сострадания, развёртывающаяся от меня к нам, а затем ко всем нам, раскрывая перед нами возможность мира на земле.

Клара Фуэнтес улыбнулась, слегка поклонилась, аккуратно сложила свои записи и, оставив их на кафедре, медленно спустилась со сцены под сдержанные аплодисменты. Выплывший откуда-то Чарльз Морин улыбнулся и объявил перерыв на обед. «Всем радикалам и революционерам настоятельно рекомендую посетить дневную сессию, на которой мы обычно вызываем полицию», — произнёс он с лукавой усмешкой.

Я посмотрел на Ким.

— Полицию?

— А, он говорит о дневной сессии, на которой Фуэнтес рассказывает о студенческих восстаниях. Вообще-то они не вызывают полицию, но бывают к этому близки, потому что некоторые бумеры по-настоящему разъяряются, — Ким ухмыльнулась. — Я обедаю с Морином. Хочешь присоединиться? Приводи Хлою, будет весело.

Я набрал Хлою, но прервал звонок, как только услышал гудки, потому что этот разговор, определённо, требовал каких-то объяснений. Моё лицо выдало моё смущение.

— Эээ... Может, позже.

Ким уставилась на меня.

— Как хочешь.

Ресторан Скарпеллис скрывался в небольшом переулке рядом с Чарльз Авеню. Мы уже около десяти минут сидели, пили Пеллегрино и грызли хлебные палочки, как Багз Банни свою морковку, когда лёгкой походкой в ресторан вошёл доктор Чарльз Морин. Не погрешу против истины, если скажу, что это был низкий, коренастый, толстый, заурядной внешности человек. Его волосы, кожа и костюм были одинакового серого цвета. Но в нём было какое-то движение, какой-то огонь. Казалось, что он постоянно подрагивает, в лучшем смысле этого слова, если у него, конечно, есть такой смысл. Он подрагивал под своей серостью или сквозь неё. (Я практически слышал над своим ухом голос Скотта: «Если бы я дрючил сисястую Ким, я бы тоже начал подрагивать».)

— Ну, Кен Уилбер, тебе нравится семинар?

— Ну, знаете, я вообще-то занимаюсь ИИ, так что это всё для меня в новинку.

— А, кремниевый город, кибернебеса, прощайте, люди и всё такое? — он добродушно рассмеялся.

Я был слегка обескуражен той лёгкостью, с которой он обращался с главной страстью моей жизни.

— Ну, знаете, это действительно возможно. Возникновение кремниевых форм жизни или форм кремниевых форм жизни, или наоборот, ну то есть не совсем так, а скорее так, как будто по-другому, что, разумеется, не совсем верно, если вы меня понимаете, хотя может, и нет, но вы, наверное, уже знаете, что...

— Да, понятно, — Морин посмотрел на Ким и ухмыльнулся.

— Не знаю, что и сказать. Он просто подошёл и сел рядом со мной на семинаре.

— Окей, окей, я немного возбуждён. Перебрал Пеллегрино. Я, то есть мы, мы в ИИ-лаборатории пытаемся выяснить, возможно ли создание машины, по уровню интеллекта не уступающей человеку. Мы думаем, то есть мои профессора думают, и я тоже думаю, я часто думаю, в общем, мы думаем, что где-то через 30 лет искусственный интеллект сравняется с человеческим, и, когда это произойдет, ИИ начнёт стремительно расти, экспоненциально усложняться, потому что тогда машины уже возьмут дело в свои руки и найдут способ развиваться быстрее, чем когда-либо были или будут способны люди. Ну, как-то так.

— Да, всё это довольно понятно, — сказал Морин. — Что мне не понятно, так это то, доживёт ли человечество до того момента, когда всё это сможет случиться. Уверен, твои профессора рассказывали тебе и о том, что в эти тридцать лет люди научатся создавать наноботов — микроскопических самовоспроизводящихся роботов, которые смогут в буквальном смысле сожрать всю биосферу за одни выходные и уничтожить жизнь на планете в

том виде, в котором мы её знаем. А, может, из генетических лабораторий вырвется вирус, который съест печень всех людей с бобами фава и под бутылочку хорошего Кьянти. — Он усмехнулся. — А ещё возможно, что какой-нибудь террорист с чемоданом развеет над Манхэттенем биологическое оружие массового поражения и за несколько секунд убьёт миллионы людей. Уверен, ты знаешь десятки подобных сценариев.

— Ну да, и поэтому, прежде чем такое случится, я хочу загрузить своё сознание в киберпространство.

— Я пытаюсь вам сказать, молодой человек, что вы можете не успеть сделать это, «прежде чем такое случится». Как было сказано на утренней сессии, если не появится больше людей с мироцентрическим сознанием, вместо того чтобы попасть на кибернебеса, мы самоуничтожимся в результате эгоцентрического и этноцентрического геноцида.

— Я как-то никогда об этом не думал.

Нам принесли салат. Ким выглядела довольной, Морин — озабоченным, почти взволнованным, но всё так же любопытно подрагивал.

— Ну, ты не одинок, потому что большинство людей об этом никогда не думают. Они думают, что для решения мировых проблем мы должны что-то сделать во *внешнем* мире: перестать загрязнять атмосферу, усилить контроль за вооружениями, прекратить ядерные испытания, использовать солнечную энергию и т.д., и т.п. — в общем, нам обязательно нужно исправить что-то во *внешнем* мире. Это, конечно, очень важно, но настоящая проблема у нас *внутри*, мы должны помочь своему сознанию совершить путь от эгоцентрических и этноцентрических стадий до мироцентрических, иначе *нам даже не захочется исправлять все эти вещи во внешнем мире!* — Морин ударил кулаком по столу, и несколько посетителей обернулись, чтобы посмотреть, что происходит. — Это же очевидно, что люди только на мироцентрическом уровне начинают интересоваться глобальными мировыми проблемами и путями их решения. Эгоцентрики и этноцентрики клали с прибором на всё глобальное! А на мироцентрической стадии всего лишь 20% населения

планеты! Господи, блин, Иисусе! Не удивительно, что планета в жопе, в полной жопе, малыш! — И он снова ударил по столу.

Ким протянула руку и дотронулась до его руки.

— Чарльз, почему бы тебе не рассказать нам, что ты действительно думаешь?

Морин засмеялся, дрожь вернулась, и он с улыбкой посмотрел на меня.

— В общем, вот этим мы и занимаемся в ИЦ. Мы серьезно озабочены поиском путей содействия росту и развитию, и не только во внешнем мире, но и во внутреннем. Росту и развитию сознания. Потому что без этого нам всем крышка.

— Значит, вопрос в том, получится ли это у нас? Наберётся ли достаточно людей с мироцентрическим видением? — спросил я с неподдельным волнением.

— Об этом мы рассказываем на последних сессиях. Наши исследования дали совершенно потрясающие результаты, но я не хочу сейчас раскрывать все карты, — ответил он, широко улыбнувшись. Что-то в этом человеке цепляло, и очень медленно, против своей воли, я начал ему симпатизировать. («Раз вы с ним теперь такие друзья, спроси у него, каково это дружить нашу цыпочку Ким?» — прошептал мне в ухо Скотт.)

— Но одно я могу тебе сказать, — добавил Морин. — Основная проблема сейчас — это флатландия. Ты знаешь, что такое флатландия²⁹?

— Эээ, не уверен. Думаю, нет.

— Это просто, — подхватила Ким. — Флатландия — это убеждение, что мир плоский и что уровней сознания не существует. В общем-то, мы живём во флатландии, и это настоящая проблема, да, Чарльз?

²⁹ От англ. «flatland» — буквально, «плоская земля», «плоскоземье». — Прим. пер.

— Да, совершенно верно. Мы не можем даже объяснить людям, что им нужно развиваться, поднимаясь на более высокие уровни сознания, если они вообще понятия не имеют, что эти уровни существуют. Так что одна из наших задач — чисто образовательная, нам нужно донести эти идеи. Если ты веришь только в то, что предлагает флатландия, ты обречён.

Я посмотрел на них. Хотя внешне они не походили на пару, между ними было что-то такое — даже не знаю, как это назвать — как будто их энергии гармонизировали друг с другом. (“Трах, трах, трах... Слышишь, как хрустят пружины старого матраса, Кен?”) Я рассмеялся.

— Ой, ничего, то есть не обращайтесь внимание, нет, нет, то есть да, да, конечно же это главная проблема. Образование. Я понял. То есть *понял*. Я понял. Я понял, я согласен, что образование — это важно. — Я густо покраснел.

— У меня один вопрос, — сказал я, пытаюсь прийти в себя. — В конце утренней сессии вы что-то говорили про радикалов и революционеров. Бурные шестидесятые. О чём это вообще?

— А, это тема дневной сессии. Обычно она всех довольно сильно злит. Дело в том, и ты это сам увидишь, что хотя бумеры считают себя революционерами до мозга костей, они всё-таки не могут выбраться из флатландии. Вместо того чтобы преодолеть флатландию, они приняли её, увязли в ней и в конце концов начали прославлять. Это главный сюжет нашего времени. Флатландия.

— Я думал, этот семинар про бумерит.

— Это то же самое. Бумерит — это современная версия флатландии, позже ты в этом убедишься. А флатландия — это проблема.

Морин улыбнулся, сверкнул и вздрогнул, непонятным образом дополняя сидевшую рядом Ким. И в то же время я начал замечать, что он был каким-то отстранённым, как будто парил в недостижимом пространстве, которого никто кроме него не видел.

— Ладно, с сегодняшней сессией всё ясно. Но вы что-то говорили про

удивительные результаты исследований того, сколько людей сможет перейти на мироцентрический уровень. Хотя немного введите меня в курс дела, ну пожалуйста...

Морин посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ладно, малыш Кен, цифры и правда интересные. Судя по нашим данным, твоё поколение постепенно становится жёлтым. Ты знаешь, что такое жёлтый?

— Да, конечно, это первый мем второго порядка.

— Верно. Бумеры были первым в истории поколением зелёного мема. Твоё поколение, то есть, в общем-то, и иксеры и игрики, имеют шанс стать первым в истории поколением жёлтого мема, то есть первым интегральным поколением в истории.

Эта идея застала меня врасплох, и я застыл, очарованный такой возможностью. Я ощутил адреналиновую дрожь, электрическое возбуждение во всем теле. DJ Jazzy Jazz играет трек The Future Sound of London «[Expander](#)»³⁰, и его ритм отдаётся в моём мозгу, сбитом с толку экстази. Мне никогда — *никогда* — не приходило в голову, что «квантовый скачок в гиперпространство сознания второго порядка» может касаться моего поколения. Клетки моего мозга гудели, взбудораженные картинами будущего, о котором я до сих пор даже не задумывался.

Ким радостно улыбнулась мне, как будто говоря: вот почему я в него влюбилась («Ага, Ким, и ночью ты чпокаешься с его мозгами...»). Я громко рассмеялся, на этот раз ещё и под впечатлением открывшихся мне безумных возможностей.

— Вы обо всём этом будете говорить на последних сессиях? — спросил я.

— Да, обязательно.

³⁰ «Расширитель» (англ.).

— Чёрт, я приду это послушать.

— Вообще-то, ты уж прости, сынок, но нужно посещать все сессии с самого начала, следить за развитием темы, иначе ты так ничего и не поймёшь, или, по крайней мере, не поймёшь того, что хочешь понять.

— Вот гадство, ещё домашнее задание.

— Да нет, не совсем. К тому же скоро должен начаться фейерверк.

Я на секунду задумался о маме и об отце.

— Но ваши слова про первое интегральное поколение... значат ли они, что бумеры уже не успеют, не успеют стать интегральными, добраться до второго порядка?

— Ну, на этот счёт мы выяснили, что...

— Ого! Чарльз, время!

— А, верно, давайте быстрее обратно. Малыш Кен Уилбер, обещаю, что позже ты всё узнаешь.

Мы с Ким заняли свои места. Я украдкой огляделся и опять затаился. Клара Фуэнтес, повторив последнюю сказанную перед уходом на перерыв мысль, продолжила. Я взглянул на Ким, которая всё ещё улыбалась, и вдруг у меня появилось желание остаться на дневной сессии, и не только потому, что там меня ждал второй порядок, но ещё и потому что, как мне пообещали, назревает серьёзная драка.

— Спираль развития — это спираль растущего сострадания, расширяющего свои границы от меня, к нам и ко всем нам, причём на последней стадии становится возможным интегральное объединение и мир на земле.

— Спешу добавить, что это вовсе не означает, будто развитие — это сплошное удовольствие и радость или серия захватывающих скачков по одномерной лестнице прогресса. На самом деле каждая стадия открывает не только новые возможности, но и новые бедствия, не только новые способно-

сти и новый потенциал, но и новые патологии, не только новые силы, но и новые болезни. Для эволюции вообще характерно то, что возникающие новые системы всегда сталкиваются с новыми проблемами: раком может заболеть собака, но не атом. К великому сожалению, за каждый новый виток развития сознания приходится платить, так что никогда не стоит забывать об этой «диалектике прогресса»: есть хорошие новости, и есть плохие новости. И всё же сейчас главное помнить о том, что развёртывание каждой следующей волны сознания по крайней мере даёт нам возможность сделать ещё один шаг по пути к интегральному объединению, стать более заботливыми, сострадательными, справедливыми и милосердными.

— Теперь *это* на твоём пути к интегральному объединению, — говорит Хлоя и трётся своим голым телом о моё тело.

— Хлоя, ты знала, что мы, возможно, станем первым интегральным поколением в истории? Первым поколением жёлтого мема.

Я пытаюсь схватить Хлою, прижать её, присвоить её себе, но, не сумев устоять на скользком участке пространства-времени, падаю в необъятную тёмную могилу, из которой невозможно выбраться. Я застрял внутри какого-то содрогающегося искривления времени, зацикленного на самом себе и стирающего своё собственное существование. В какой-то момент восторг от возможностей, которые откроются перед поколением жёлтого мема, заставляет меня ожить: этот мем называется жёлтым, потому что сияет ярко, как солнце! Но затем я снова скатываюсь в депрессию. Я — тонкий ценитель меланхолии, я вокалист Radiohead, [я ничтожество](#)³¹, а теперь я Бек, [так почему же ты](#)

³¹ «I am a creep, I'm a weirdo» (англ.) — «я пугало, я странный» — строчки из песни «Creep» группы Radiohead. — Прим. пер.

не убьёшь меня³². Бам-бам-бам — играет Crystal Method. «Кен, ты должен это попробовать».

В воздухе висит голос Билли Джо, Green Day поёт обо мне:

У тебя есть время послушать моё нытье? Обо всем и ни о чём.

Конечно же, я один из этих мелодраматических, насквозь невротичных дураков.

Иногда я сам себя пугаю. Иногда мой ум со мной играет. Давление всё растёт. Мне кажется, я скоро сломаюсь.³³

Я встряхиваю головой и поворачиваюсь к Ким. От эгоцентрического к этноцентрическому и к мироцентрическому. Ким смотрит на меня и улыбается.

И мама, и отец мироцентричны, хотя и на свой лад. Точнее, когда отец говорит, он красивого ярко-зелёного цвета, когда что-то делает — оранжевого, а для особых случаев, таких как спасение мира, у него припасена хорошая порция красного, потому что Спасителем должен стать именно он, а это, как не трудно догадаться, красный эгоцентризм чистейшей воды. Но его центр притяжения — это всё-таки зелёный, ведь он действительно не равнодушен, не равнодушен до такой степени, что иногда мне кажется, он умрёт очень несчастным, потому что средств, которыми он располагает,

³² «I'm a loser baby, so why don't you kill me» (англ.) — «я неудачник, детка, так почему ты не убьёшь меня» — строчки из песни «Loser» Бека (Beck). — Прим. пер.

³³ «Do you have the time? To listen to me whine? About nothing and everything all at once? I am one of those, melodramatic fools, neurotic to the core, no doubt about it. Sometimes I give myself the creeps. Sometimes my mind plays tricks on me. It all keeps adding up. I think I'm cracking up...» — строчки из песни «Basket Case» группы Green Day. — Прим. пер.

совершенно недостаточно, чтобы решить все проблемы. Так что он умрёт с той же неудовлетворённостью, с которой прожил всю жизнь, хотя на его могильной плите будет написано: «Он очень старался». Мама часто думает на зелёном уровне, но клянусь, действует всегда с пурпурного — ей кажется, что все предметы живут своей магической жизнью, скалы, палки, камни и растения говорят с ней, а она — с ними, они очень дружны, и она никогда их не подведёт.

Можно ли сказать, что мама с отцом интегральные, в том смысле, о котором говорят люди из ИЦ? Я точно не уверен, но кажется, нет.

Мама с отцом точно подходят под описание Морина: они из поколения зелёного мема, остановившегося прямо перед интегральными уровнями. Кажется, именно поэтому они продолжают из кожи вон лезть и сотрясать воздух в поисках чего-то. На самом деле они ищут этот «квантовый скачок в гиперпространство сознания второго порядка». А кто не ищет? Готов поспорить, даже сияющие боты по-своему мечтают о гиперпространстве.

Всё это навело меня на одну мысль: я почти уверен, что эти внутренние волны сознания могут быть сведены к... то есть загружены в кремниевые микросхемы киберпространства будущего. Сгау создаст суперкомпьютер, который воспроизведёт все нюансы человеческого сознания, и ещё что-нибудь добавит от себя. Дип Сот³⁴ уже обыграл Каспарова как младенца, и теперь тот, не находя себе места от горя, постоянно думает о самоубийстве. Но следующие поколения, начиная с моего, будут наблюдать за угасанием человечества по другую сторону микросхемы.

А потом на меня вдруг снизошло озарение, огромное сияющее неоновое озарение. Мой собственный искусственный интеллект так раскочегарил нейроны моего мозга, что он грозил взорваться. *Боты тоже будут расти и развиваться. У них будут собственные уровни сознания!* Конечно, обяза-

³⁴ «Deep Thought» — шахматный компьютер, созданный компанией IBM. — Прим. пер.

тельно будут! Вся идея ИИ в том, что человеческое сознание можно полностью воспроизвести внутри компьютера. Но человеческое сознание — в этом я готов согласиться с Хэзелтон и Фуэнтес — развёртывается в виде волн или стадий развития. Следовательно, самосознание компьютеров, компьютерное сознание, также будет расти и развиваться. Так что когда компьютеры станут по-настоящему разумными, им придётся пройти через собственные стадии развёртывающегося сознания. Ботам самим понадобится вырасти от эгоцентризма и этноцентризма до мироцентризма. *И тот, кто поймёт эти компьютерные волны сознания, получит ключи от киберпространства!* И тогда...

Мои нейроны просто разрываются. Дыши, дыши, дыши. Мне нужно это обдумать. В моём уме зажглась неоновая вывеска: КОГДА ТЫ ПОКИНЕШЬ ФЛАТЛАНДИЮ, УВИДИШЬ МОРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

Но сейчас Фуэнтес говорит о чём-то другом, и мне нужно слушать. Внезапно я решил для себя, что не хочу потерять ни одного фрагмента этого пазла.

— Кен, ты в порядке?

— Не поверишь, насколько!

Фуэнтес рассказывает о воплощении бумерита. Нужно сосредоточиться на её словах. Нужно применить их к ботам в киберпространстве. Но пока речь о людях в мясопространстве.

— Эээ, Ким, так о чём речь? Мне очень, очень надо знать.

Ким с недоумением смотрит на меня.

— Ну, речь о росте и развитии сознания от эгоцентризма до этноцентризма и до мироцентризма и о том, что при этом могут возникнуть разные проблемы, например, бумерит.

— Да, да, это я знаю.

— Итак, одна из причин нарциссизма — это неспособность расти и

развиваться. В частности на трудном пути от эгоцентризма к этноцентризму некоторые элементы сознания сопротивляются движению и застревают в эгоцентрической сфере, усложняя адаптацию к социальным ролям и правилам. Конечно же, некоторые из этих ролей и правил могут не заслуживать уважения, их необходимо как можно скорее пересмотреть, от них необходимо отказаться. Но *постконвенциональное* видение, исследующее, осознающее и критикующее социальные нормы, можно обрести, лишь *пройдя* конвенциональные стадии, поскольку способности, формирующиеся на этих стадиях, являются обязательными условиями для возникновения постконвенционального сознания. Иными словами, тот, кто не смог дойти до конвенциональных стадий, способен лишь на доконвенциональный бунт, но не на постконвенциональную социальную критику. «Никто мне не указ!»

— Критики бумеров сходятся во мнении, что это поколение прославилось своим бунтарством. Разумеется, некоторые бунты поднимались людьми, находящимися на постконвенциональных стадиях, с целью изменить несправедливые, нечестные или аморальные стороны жизни общества. Но мы располагаем множеством эмпирических доказательств того, что пугающе большая часть этих бунтов произошла из-за неспособности *доконвенциональных* импульсов некоторых людей адаптироваться к конвенциональным реалиям. Стандартные лозунги шестидесятых, наподобие «Долой систему!» или «Никогда не верь власти!», могли иметь как доконвенциональный, так и постконвенциональный посыл, и наши данные свидетельствуют о том, что первый вариант был более распространён.

— Пристегните ремни, — сказала Ким.

— Классический пример — восстания студентов, выступавших в основном против войны во Вьетнаме, в Беркли в конце 60-х. Студенты в один голос заявляли, что руководствуются высшими моральными принципами. Однако когда были проведены исследования их морального развития, выяснилось, что большинство из них находится на *доконвенциональных*, а не постконвенциональных уровнях. (На конвенциональных/конформистских уровнях оказалось всего несколько человек, что объяснимо, так как они по

определению не склонны восставать.) И конечно, постконвенциональные и мирочентрические взгляды меньшинства протестующих заслуживают нашего восхищения, и даже не сами взгляды, а то, что эти люди приобрели их благодаря высокому уровню этической сознательности. Тем не менее, необходимо признать тот факт, что *большинство протестующих* действовало исходя из доконвенциональных эгоцентрических мотивов.

Слушатели, до сих пор в основном молчавшие, внезапно активизировались и начали шуметь, бурчать и ворчать, некоторые подвинулись на передний край стула.

— Самое замечательное в этом исследовании то, что оно отражает обычную ситуацию с «до» и «пост». В частности, до-Х часто путают с пост-Х, потому что ни то, ни другое не есть Х. Точно так же, доконвенциональные и постконвенциональные стадии являются неконвенциональными, то есть выходящими за рамки конвенциональных, или имеющих широкое распространение, норм и правил, поэтому их часто путают или даже приравнивают друг к другу. Это связано с тем, что и те, и другие, несмотря на огромную разницу в моральном развитии, нередко используют схожую риторику и идеологию. Все студенты, принимавшие участие в протестах в Беркли, *утверждали*, что руководствовались универсальными этическими принципами, например, таким: «Война во Вьетнаме является нарушением общечеловеческих прав, поэтому как существо, наделённое моралью, я отказываюсь участвовать в этой войне». Однако данные исследований недвусмысленно указывают на то, что лишь небольшая часть, менее 20% протестующих, руководствовались постконвенциональными этическими принципами. *Большая часть* студентов действовала из доконвенциональных эгоцентрических побуждений: «*Никто мне не указ!* Так что засуньте эту войну себе в одно место».

По залу прокатилась громкая волна из аплодисментов, одобрительных возгласов, свиста и улюлюканья.

— Похоже, что в данном случае очень высокие моральные идеалы были использованы во имя гораздо более низких мотивов, и, к сожалению, это в

целом характерно для бумеров. Именно это странное внешнее сходство до- и постконвенциональных стадий позволяет нарциссизму скрываться под маской постконвенционального идеализма. Такая невозможность отличить доконвенциональные уровни от постконвенциональных называется *до/пост-заблуждением*³⁵. И, похоже, мнение об идеализме бумеров должно быть рассмотрено или, по крайней мере, частично пересмотрено в свете этих нелицеприятных фактов. Почти все в то время отмечали, что с окончанием призыва волна протестов в стране резко пошла на убыль — казалось бы, причем тут мораль?

Зал взорвался заглушающими друг друга одобрительными и неодобрительными выкриками. Отец говорил, что протесты против войны во Вьетнаме были следствием высокого морального развития бумеров, а теперь Фуэнтес пытается доказать, что они были проявлением аморальности бумеров — ну или, во всяком случае, отсутствия высоких моральных принципов. Так что не сложно понять, почему многие встали со своих мест, как будто готовясь броситься прочь из зала (или броситься на сцену — трудно сказать). Фуэнтес, несколько не смутившись, спокойно улыбнулась и продолжила. Похоже, она сознательно провоцировала слушателей.

— Это очень важный момент, и мы всегда должны иметь в виду, что когда кто-то пытается добиться цели, какой бы высокой она не была — от экологии и культурного разнообразия до духовности и мира во всем мире, — мы не можем точно сказать, по каким причинам он это делает. Очень многие обозреватели не задумываясь решили, что бумеры выступают за «взаимопонимание, любовь, гармонию и мультикультурализм» из соображений идеализма. Однако, как мы скоро увидим, зачастую бумеры не только не

³⁵ «До/пост-заблуждение» (англ. *pre/post fallacy*) — ошибка путаницы высших форм поведения и сознания с низшими формами поведения и сознания по тому лишь признаку, что они отличаются от среднего, наиболее распространённого в данном контексте уровня. В литературе и интернете можно также встретить перевод «пре/транс-заблуждение» и «до/над-заблуждение». — Прим. ред.

были способны на это в виду уровня их развития, но и использовали идеализм как прикрытие для своих собственных эгоцентрических установок. Просто поразительное лицемерие!

Аудитория снова заволновалась. Некоторые выражали своё согласие аплодисментами, а стоявшие начали покидать зал с выкриками «фашистка», «заносчивая шлюха», «говёная элитистка».

Фуэнтес подождала, пока шум стихнет настолько, что она могла его перекричать.

— Разумеется, я не утверждаю, что это относится ко всем бумерам. Я всего лишь констатирую существование странной смеси постконвенционального понимания и паразитирующих на нём доконвенциональных мотивов, и этот странный коктейль мы называем *бумеритом*.

Странный коктейль, странный коктейль. Хлоя сказала, что бумериты пожирают своих отпрысков.

— *Смотри сюда,* — говорит он. — *Кто ты такой? Кто ты? Прислушайся, и скажи мне, кто ты?*

Голос исходит из бесконечной тьмы, и я снова не могу дышать.

— Это потому, что ты идиот, — говорит Джонатан.

— Нет, — говорит отец. — Это потому, что тебя волнуют только две вещи: ты и твои боты.

— Нет, — говорит мама. — Это потому, что он больше не слышит, как разговаривают деревья.

А потом в тишине груди Хлои ненавязчиво дают правильный ответ на этот вопрос: «Разве ты не знал, сладкий мальчик, что дребезжишь, когда занимаешься любовью?»

— Хлоя, а ты знаешь, что когда искусственный интеллект от нас избавится, то, скорее всего, начнёт самостоятельно эволюционировать?

— Ооооо, надо же...

— Я серьёзно.

— Ну? ты же сам говорил, что искусственный интеллект от нас не избавится — он станет нами, или мы станем им, или как там всё будет. Так что, сладкий мальчик, не вижу повода для волнения.

— Я не волнуюсь. Просто эта мысль вдруг пришла мне в голову.

— Девочки вчера ходили к мисс Суинсон на Уокер Стрит, там ещё антикварный магазин, знаешь?

— Да.

— Когда мисс Суинсон говорит «в моё время», сразу понятно, что — ой-ой! ай-ай! — сейчас будет лекция. «В моё время феминизм не был самостоятельной темой — это был путь к свободе, способ избавиться от навязанных, зачастую сильно ограничивающих ролей и прийти к более высокому пониманию. Вы, девочки, даже не представляете, что нам пришлось пережить ради той свободы, которая у вас сейчас есть». И ты уже начинаешь думать, о нет, только не эта болтовня, но тут она говорит: «Невозможно принять себя такой, какая ты есть, до тех пор, пока не примешь себя такой, какой ты была, пока не примешь своё прошлое, свою историю. Хочу заметить, вы пожинаете то, что посеяли мы». Что ты об этом думаешь?

— Я согласен. Я же только что тебе сказал, происходит эволюция.

— А что, правда всё эволюционирует? Ой, просто поверить не могу. В общем, потом Суинсон сказала: «Вы — неблагодарное стадо».

— Она разозлилась?

— Нет, она улыбалась. На самом деле она очень милая. Но это было забавно.

— Но ведь ты действительно принимаешь феминизм за нечто само собой разумеющееся. И остальные девочки тоже.

— Да нет, вовсе нет. Просто иногда интереснее заняться шоппингом.

— И ты не против того, что мужчины смотрят на тебя как на объект?

— Да перестань, где ты такого набрался? Вы в ИИ-лаборатории что, почитываете Мэри Дейли (Mary Daly)³⁶? Нет, я не против. И почему я должна быть против того, что на меня, как ты выражаешься, смотрят как на объект? Именно это даёт мне *власть* над мужчинами. То есть они ведь смотрят на меня, да? Они что-то от меня хотят, да? И кто в этой ситуации главный? Поверь мне, только те женщины, на которых никогда не смотрят как на объект, не любят, чтобы их на них смотрели как на объект.

— Господи, Хлоя, как ты можешь быть такой равнодушной? И почему женщинам вообще разрешено такое говорить? Если бы это сказал я, меня бы или распяли, или кастрировали, или заставили читать Наоми Вульф (Naomi Wolf)³⁷, или придумали какую-нибудь другую феминистскую пытку.

— Только геи могут говорить «педик» и только чёрные могут говорить «нигг...»

— Ясно, ясно. Тебе просто повезло, что ты учишься на архитектурном. На других факультетах ты бы никогда не получила диплом с такими взглядами.

³⁶ Мэри Дейли (16 октября 1928 г. — 3 января 2010 г.) — американская радикальная феминистка и теолог. — Прим. пер.

³⁷ Наоми Вульф (род. 12 ноября 1962 г.) — американская писательница и политический консультант. После публикации «Мифа о красоте» считается одной из главных современных феминисток. — Прим. пер.

— Я не против того, чтобы на меня смотрели как на объект, сладкий мальчик — я не хочу, чтобы на меня смотрели как на объект, *которому легко найти замену*, внутри которого нет ничего особенного. Конечно, иногда бесит, что мужчина не видит ничего, кроме твоих сисек, но жаловаться — это уж слишком.

— Ладно, давай сменим тему. Хлоя, а ты хочешь, например, детей?

— Например, детей? А какие ещё есть варианты?

— Ну, серьёзно, тебе не кажется, что дети могут быть чем-нибудь полезны?

— Конечно, могут, дети — это просто супер, особенно если тебе нужны органы для пересадки.

— Ох, Хлоя.

— Пойдём. Нам пора на Стюарта.

Голос Стюарта наполнял «Клуб Пассим»:

— Когда останешься один, глотни эфира,
И, отрубаясь, представляй уход из мира,
Потренируйся умирать, прорепетируй,
Чтобы спокойнее уйти из мира.

Иди вперёд — договорись с гробовщиком,
Чтобы он гроб закрыл, когда ты будешь в нём,
Потом поглубже закатай глаза,
Изображая мертвеца.

Не бойся: все боятся — это не ново,
Никто не хочет в ад.
Пока живой,
Готовься, чтоб ступать не наугад.

Нарисуй тоннель на потолке в своей комнате,
Лети назад во чрево, ещё лучшее, чем помнил ты.

Регулярно ненадолго своё тело покидай,
И когда наступит время, вознесёшься в рай.
Ты не забудешь то, что должен знать —
Достаточно однажды научиться умирать.

Когда останешься один, глотни эфира,
И, отрубаясь, представляй уход из мира,
Потренируйся умирать, прорепетируй,
Чтобы спокойнее уйти из мира.

В то время как тревожное лето сменяли жжёные тени ранней осени, мной владела только одна мысль. Если допустить, что человеческое сознание эволюционирует и искусственное сознание тоже эволюционирует, возникают два вопроса. Будет ли эволюция сознания бота проходить по тому же сценарию, что и эволюция сознания человека: от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму? Я практически уверен, что будет, хотя и с определёнными отличиями. Сначала боту придётся научиться узнавать себя, потом — узнавать других ботов, а потом — всех других ботов, так что, очевидно, будет происходить движение от эгоцентризма и этноцентризма к

мироцентризму. Над деталями этого процесса я собирался подумать позже...

Существовал ещё один вопрос, разобраться с которым было куда сложнее. Ещё один вопрос был... он был чем-то... он был чем-то вроде вот этого: если человечество не сумеет добраться до мироцентрической волны, наверно, мы уничтожим себя прежде, чем успеем загрузить своё сознание на кремниевые носители? Ведь именно это вчера за обедом пытался сказать Морин: если люди не начнут переходить на постконвенциональные, мироцентрические стадии, человечество исчезнет в дыму геноцида?

Внезапно меня живо заинтересовало текущее состояние человечества, о замене которого я так давно мечтал. Ведь человечество — чёртово человечество — могло лишиться меня кибербессмертия. Оказалось, что настоящая проблема, настоящая преграда для создания искусственного суперинтеллекта — это не поиск технического решения и не нано-био-параллельная обработка информации, которая позволила бы загрузить бесконечный объём данных, а значит и человеческое сознание в компьютерный КиберГород. Настоящая проблема заключалась в том, что прежде чем это успеет произойти, человечество могло и собиралось самоуничтожиться. Результаты миллиардов лет эволюции будут уничтожены в результате критической ошибки: эгоцентрическое и этноцентрическое человечество сотрёт в порошок себя и всю биосферу. Углеродное сознание будет выключено, а кремниевое так и не будет запущено.

Больше всего меня злило то, что мне — ну ладно, и остальным людям тоже — придётся бесследно исчезнуть. И это будет вина человечества, того самого человечества, которое собиралось сунуть голову в петлю прежде, чем я успею аннулировать своё членство в углеродном клубе.

В мой первый день в ИЦ, когда я слушал Хэзелтон, человечество стало моим врагом. Мне нужно было победить человечество. Эта мысль стала моей мантрой, смутным, недопонятым ницшеанским рефреном, почти тонувшим в вате моего депрессивного мозга. Нужно победить человечество. Хотя это не совсем верная формулировка. На самом деле, нужно победить эгоцентрические и этноцентрические мемы. А это значит, что сейчас —

прямо сейчас я должен начать заботиться о том, от чего хотел сбежать: об этой чудовищной массе под названием «человечество» и о его рискованном, извилистом и ненадёжном пути к глобальному сознанию. И, кажется, в этом мне могла помочь та дурацкая спираль развития.

— Хлоя, давай пройдемся до, эээ... может, присядем у... знаешь, я пойду прогуляюсь.

— Ооооо! Теперь мы идём гулять? Считай, что ты меня удивил.

— Удивительное развёртывание спирали сознания — это захватывающее приключение, — на сцену, улыбаясь слушателям и приглашая их к участию, поднялась Джоан Хэзелтон. Несмотря на природную мягкость Хэзелтон, её присутствие зажигало и электризовало аудиторию, являясь своего рода разогревом перед шоу.

— Послушайте, люди, если мы хотим найти решения глобальных проблем и вместо международного терроризма и экологического самоубийства получить мир на земле и спасение от глобального потепления, значит нам нужно, чтобы как можно больше людей получило доступ к мироцентрическому уровню сознания, да? Да. Очевидно, что мироцентрические проблемы требуют мироцентрического осмысления. Это ясно как день. Понимаете, мы могли бы просто прийти и сказать: надо заботиться об общем достоянии человечества, надо перестать загрязнять окружающую среду, надо уменьшить выбросы в атмосферу и так далее. Но, думаете, это бы помогло? Не настолько, насколько требуется — этот подход уже многократно доказал свою неэффективность. Но почему же он не работает? Потому что только люди, находящиеся на мироцентрическом уровне развития, способны увидеть глобальные или мироцентрические проблемы и, повинаясь *внутреннему импульсу*, взяться за их решение. На эгоцентрических и этноцентрических уровнях люди не видят мироцентрических проблем, и поэтому не пытаются их решить. Их можно лишь *заставить* решать мироцентрические проблемы, но для этого понадобится поместить их в полицейское государст-

во, что само по себе не является хорошей идеей и не особо эффективно. Вспомните стадии своекорыстия, заботы и универсальной заботы по Гиллиган. Только тех, кто находится на стадии универсальной заботы, волнуют универсальные, глобальные проблемы. Люди, это же так просто! Главная проблема Геи — это *не* сброс токсичных отходов, озоновые дыры и глобальное потепление. Главная проблема Геи — это недостаточное количество людей, которые, находясь на мироцентрических уровнях, могли бы обо всём позаботиться. Люди, это же так просто!

Люди в аудитории аплодировали и согласно кивали. До меня дошло, что Хэзелтон, эта элегантная, обладающая достоинством женщина, добровольно взяла на себя роль чирлидера³⁸ в школе сознания второго порядка. Ну, лично на меня её приёмы подействовали...

— И единственный способ получить доступ к мироцентрическому сознанию — это вырасти, развиться и эволюционировать от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму. Главные мировые проблемы нужно искать внутри, а не снаружи! Всесторонний интегральный подход должен учитывать *как внешнее, так и внутреннее развитие*. И если мы не будем руководствоваться таким подходом, то можем распрощаться с этой планетой.

Вжик, бум, бах!

Очередной всплеск благодарных аплодисментов. Она действительно довольно красива. Кажется, она говорит целыми параграфами, — как будто точно знает, что собирается сказать, потому что может сканировать пространство и время. Готов поспорить, пространство искривляется вокруг неё именно поэтому.

— Она сияет, это точно, — сказала Ким, опускаясь на стул рядом со

³⁸ Чирлидер (англ. *Cheerleader*) — девушка из группы поддержки любительской или профессиональной спортивной команды. Традиция чирлидеров является одним из узнаваемых символов современного американского общества. — Прим. ред.

мной. — Я же говорила, что мы сегодня увидимся, — самодовольно улыбнулась она.

— Как вам всем известно, «от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму» — это всего лишь условная формула спирали развития, и сегодня мы поговорим обо всех уровнях этой спирали. Да, именно этим мы и займёмся... ах! моё сердце! — она постучала по своей груди, изображая, что теряет сознание — зал отозвался бурным смехом, — мы отправимся на потрясающую, увлекательнейшую экскурсию по удивительной спирали развития, наблюдая, как разворачиваются различные волны сознания как в своих здоровых и полезных формах, так и в формах патологических, иногда поражающих своей жестокостью.

— Сегодня будет интересно?

— Да, но самое интересное будет, когда они начнут приводить примеры.

— Что, правда?

— Мы будем и дальше использовать модель спиральной динамики просто потому, что мы уже с ней знакомы. Но хочу предупредить всех пуристов: на самом деле мы будем обсуждать интегральную психологию, то есть систему, в которой интегрированы более ста других восточных и западных, древних и современных психологических систем. Но в основном мы всё-таки будем следовать схеме спиральной динамики, раз уж мы начали о ней говорить. Вы можете видеть её на слайдах Рис. 1.1. (гл. 1) и Рис. 4.1 (гл. 4). Кроме того, мы будем показывать вам иллюстрации к каждому уровню сознания, так что будет весело, да? Да! — она рассмеялась. — И пожалуйста, дорогие друзья, не забывайте о том, что *главное — это здоровье всей спирали, а не какой-либо отдельно взятой волны*. Все волны абсолютно необходимы для существования спирали развития. Более того, каждая из них выполняет важнейшие функции как внутри отдельного человека, так и в обществе в целом. Повреждение или недооценка любой из волн ведёт к самым неприятным последствиям.

— Почему тебе так нравится сегодняшняя сессия? — спросил я у Ким.

— Вообще-то, это просто развёрнутая версия первого выступления Хэзелтон, зато в ней есть разные интригующие подробности об уровнях развития, которые позволяют рассадить всех людей по своим клеткам, — сказала она, посмеиваясь.

— Я практически уверен, что они предназначены не для этого, — сказал я немного озадачено.

— Слушай, Уилбер, это одна из классических местных шуток. Недоразвитые критики, вроде тебя, которые не могут придумать ничего оригинального, всегда выступают с этим обвинением: «Вы сажаете людей в клетки. Ах, как ужасно вешать на людей ярлыки. Ах, это просто ужасно...» Ля-ля-ля-тополя... А мы говорим это, просто чтобы посмотреть, как они бледнеют от ужаса, — сказала она, продолжая смеяться.

— Да, это очень смешно, Ким. Ха-ха.

На стене загорались прекрасные слайды, выступала прекрасная Хэзелтон. Я односторонний наблюдатель, я на всё смотрю как на объект, я овладеваю всем. Мне кажется, что он за экраном, он смотрит на меня оттуда, и мне от этого не по себе. Загорается первый слайд, и Хэзелтон зачитывает.

— *Архаический (Бежеский): выживание/сенсомоторика.*

- Автоматизм, аутизм, инстинкты.
- Главная цель — удовлетворение биологических потребностей человека.
- Практически отсутствует осознание себя как отдельного существа (первичный нарциссизм).
- Человек питается «дарами земли», как и другие животные.
- Удовлетворяет физиологические нужды.
- Возникают группы выживания.

— «Главное в моей жизни — это выживание», — такова позиция этого мема. «Энергия необходима для выживания и удовлетворения физиологических потребностей: я не должен голодать и испытывать жажду. Я должен продолжить свой род, поэтому поддаюсь своим сексуальным порывам сразу же, как только они возникают. Я не знаю, что такое будущее, планирование или запасы на чёрный день. Моё тело говорит мне, что делать. Мной управляют чувства, обращающиеся напрямую к моему мозгу, а не к разуму».

Хэзелтон подошла к краю сцены, посмотрела в зал, медленно обвела взглядом слушателей и улыбнулась. Когда она посмотрела на меня, я задержал дыхание, а потом покосился на Ким, чтобы выяснить, заметила ли она это.

— На этом уровне с довольно скромных, но жизненно необходимых инстинктивных процессов и влечений, таких как потребность в пище, воде, укрытии, сексе и безопасности, сознание начинает свою спиральную эволюцию от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму. Миллион лет назад этот мем находился на переднем краю человеческой эволюции, когда род *Ното* начал отделяться от других человекообразных обезьян. Стаю сменила новая социальная организация: группа или клан. Бежевый мем почти не уступает в умении выживать и практичности своим животным предшественникам. Он видит как орёл, движется как лев, живёт дарами земли и заботится о себе. Сегодня он может быть активирован в условиях, сходных с условиями того времени. Например, люди, побывавшие на необитаемом острове, сообщают, что их чувства сильно обострились уже через неделю пребывания вдали от цивилизации. На этом уровне берут начало все наши архетипические связи с животными и другими формами жизни. Этот мем — источник силы и жизненной энергии, и его подавление в условиях цивилизации практически всегда заканчивается разнообразными неврозами.

— Поэтому, сладкий мальчик, тебе *не* стоит подавлять *это*, — говорит голая Хлоя, свисающая с люстры. Её обнажённая грудь раскачивается

туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда...

— Сладкий мальчик, чем ты так озабочен?

— Пытаюсь понять, почему эволюция вообще пошла дальше этого уровня.

— Этот уровень полностью доконвенциональный, эгоцентрический, автоматический и нерефлексивный. Сегодня проявления бежевого мема у взрослых практически всегда носят патологический или регрессивный характер. «Сегодня», — объясняют нам Бек и Кован, — «проявления бежевого можно наблюдать у младенцев, душевнобольных бродяг или в больницах. Иногда взрывы бежевого наблюдаются при психологических перегрузках. Сильный стресс, вызванный, например, нервным срывом, глубоким горем, трагедией подобной той, что произошла в Руанде, или необходимостью выжить любой ценой, как это было в Сараево, может спровоцировать некоторых людей к возвращению на бежевый уровень».

— Тут мы видим первые человеческие объединения, страдающих болезнью Альцгеймера в последней стадии, новорождённых младенцев, слабоумных стариков, душевнобольных бродяг, голодающих, военных невротиков. Это примерно 0,1% населения, 0% власти.

Загорелся следующий слайд, и тут началось шоу. Когда я вспоминаю об этом сейчас, мне кажется, что все ослепительные откровения того года начались именно с этого слайд-шоу. Протрубил ангел апокалипсиса, и моя жизнь разбилась на миллион никчёмных осколков, которые уже нельзя было склеить. Но в тот момент я был доволен, удобно устроившись на стуле в пространстве, искривляющемся вокруг тела Хэзелтон.

— *Магико-анимистический (Пурпурный): магические силы.*

- Объединение ради безопасности.
- Использование ритуала для приобретения магической силы.

- Умиротворение духов.
- Почитание мест, объектов, ритуалов, предков.
- Верность традициям, обычаям, главе племени.
- Возникновение этнических племён.

— «Мы ищем безопасности и защиты для своего рода в кровных узах, больших семьях и магической силе, которая связывает нас с миром духов», — говорит пурпурный мем. «Мы почитаем традиции своих предков, которые навсегда останутся с нами. Наша жизнь наполнена сезонными ритуалами, обрядами перехода, традиционной музыкой и танцами. Наши обряды дают нам исцеление или магическую силу, от которой зависит успех на охоте и урожай. Магические ритуалы позволяют нам поддерживать связь с силами, управляющими миром».

Я оглядел аудиторию. Как и в прошлый раз, в зале в основном сидели бумеры, выглядевшие так, как будто готовились к пытке, о которой, очевидно, они просили сами. «Да-да, пожалуйста, налейте мне на животик ещё немного кипящей смолы, и будьте так добры, вырвите мне ещё один ноготок этими щипчиками». Также пришло много иксеров (бастеров³⁹, пофигистов или некстеров⁴⁰) и игриков (бластеров⁴¹, эхо-бумеров или миллениалов⁴²). Я начал сопоставлять в уме: бумеры родились примерно в 1940-1960 гг., иксеры — в 1960-1980 гг., а игрики — в 1980-2000 гг., плюс-минус несколько лет.

³⁹ От англ. «buster», что можно перевести как «прожигатель жизни». — Прим. пер.

⁴⁰ От англ. «next» — следующий. — Прим. пер.

⁴¹ От англ. «blaster», что можно перевести как «позер». — Прим. пер.

⁴² От англ. «millenium» — тысячелетие. — Прим. пер.

Бэби-бастеры, к которым СМИ приклеили ярлык «Поколение X», должны были быть скептическими, циничными, независимыми, прагматичными, предприимчивыми, не признающими авторитетов, совершенно не признающими авторитетов, категорически не признающими авторитетов. Они должны были сердиты на бумеров и знать цену их невыполненным и невыполнимым обещаниям и их системе ценностей, из-за которой разрушилось столько семей (причиной 50% разводов среди бумеров стало то, что они занимались только своей карьерой и собой, забыв обо всем остальном и бросив своих повзрослевших детей на произвол судьбы). Кроме того, СМИ объявили, что Поколение X по сравнению с породившими его чудесными бумерами оказалось кучкой вялых, никчёмных и бесполезных «лентяев».

Поколение Y — более молодая волна детей бумеров (название «Поколение Y» прижилось в СМИ, но сами игрики предпочли термин «миллениалы», то есть те, кто был на пути к зрелости в 2000 году) — должно было иметь многие черты иксеров, особенно скептицизм, привычку во всём сомневаться и прагматизм. Но, как утверждают СМИ, в отличие от своих старших братьев, игрики очень амбициозны, не склонны противоречить авторитетам, верят в систему, следуют правилам, нацелены на результат и, в общем-то, любят, когда родители говорят им, что делать. Похоже, что Поколение X пыталось бороться с явлением природы под названием «бумеры», а Поколение Y ему покорилося. Первое поколение сопротивлялось, второе — капитулировало. Я родился в 1982, поэтому всегда думал о себе как о наполовину иксере — наполовину игрике.

Как мне кажется, общее у иксеров и игриков было то, что они обладали огромной энергией, которой не могли найти применения, и огромными амбициями, которые не могли реализовать. На самом деле мы не были ни лентяями, ни прожигателями жизни, ни плагиаторами: мы очень хотели встать и идти, но не было такого места, куда мы могли пойти. Поэтому некоторые из нас, особенно среди иксеров, пожали плечами, расслабились и равнодушно легли на дно. Другие, обычно из молодых игриков, нажали на газ и рванули вперед, толком не понимая, куда они несутся на такой опасной

скорости. И тех и других объединяла сила устремлений, не имеющих конкретного приложения.

А теперь появилась эта странная, пугающая идея: может быть, настоящей целью был второй порядок? Такое вообще возможно? Интересно, сколько иксеров и игриков в этом зале осознали, что могут оказаться среди первых людей на волне второго порядка? Что могут стать первым в истории поколением жёлтого мема? Мой ум на бешеной скорости прокручивал эту мысль, DJ Dmitry крутил трек «Screams of Consciousness»⁴³, ритм наполнял мой мозг, а он, изорванный и истерзанный, сопротивляться не мог.

Конечно, иксеры никогда не признают это целью своего поколения — они слишком независимые (и хитрожопые), чтобы быть частью всеобщего движения, а вот игрики, наверно, будут не против: мы привыкли работать в команде. Сам я вновь странным образом оказался посередине между этими позициями. Но Морин за обедом говорил, что, так как бумеры первыми открыли зелёный мем, то у следующих поколений (иксеров и игриков или как их там) была, по крайней мере, теоретическая возможность пойти дальше и совершить массовый скачок в гиперпространство сознания второго порядка.

Но мы совсем отвлеклись от презентации, которая внезапно стала такой важной. На чём мы там остановились? Пурпурный, красный, шартрез, фуксия?

— Ким?

— Только не говори, что уже запутался. Мы переходим от бежевого к пурпурному.

— А, да, точно.

— На архаическом бежевом уровне «я» практически не отделено от материального мира. Говард Гарднер называет такое недифференцированное

⁴³ «Крики сознания» (англ.). — Прим. пер.

состояние первичным нарциссизмом. «Ребёнок не может отделить себя от остального мира, он не отличает себя от других людей и неживых объектов. Поэтому ему кажется, что другие тоже чувствуют его боль и удовольствие, без труда понимают его лепет и видят всё так же, как видит он, и что даже животные и цветы являются частью его сознания. Играя в прятки, он может спрятаться у всех на виду, потому что его эгоцентризм не даёт ему понять, что кто-то может его найти».

Хэзелтон оторвалась от записей и улыбнулась.

— По мере роста и развития сознания «я» начинает отличать себя от материального или физического мира, оно больше не слито с ним, не вклеено в него. Чтобы научиться учитывать точки зрения других людей, «я» должно выйти из недифференцированного состояния, пребывая в котором оно способно видеть только собственную точку зрения.

— Отделение от материального мира — очень важный эпизод в развитии сознания, и для него не достаточно одного лёгкого рывка — во время отделения части «я» застревают в физическом мире, а части физического мира наделяются свойствами «я». Из-за этого начинает казаться, что мир живой, что у камней есть душа, а у деревьев — человеческие мысли. И наоборот: изменяя мысли и изображения можно изменять реальный мир. Если воткнуть булавку в изображение человека, то он заболит. Это магический взгляд на мир.

— Я ведь уже говорил, что в моей маме много пурпурного? — шёпотом спросил я у Ким.

— Да, весь этот нью-эйдж.

— Да. Но почему-то ей это очень идёт.

— Нужно помнить, что сами по себе эти мемы не хороши и не плохи. Каждый мем в спирали развития незаменим. Просто тебе не хочется видеть в себе проявления низших мемов, да? — сказала Ким.

— Ну, я не стану с этим спорить.

— Да, в Талсе тоже не спорят, — ответила она.

— Что?

— В Талсе тоже не спорят. Ну Талса, в Оклахоме? Я там родилась. В плане демографии это самый типичный американский город. Ты о нём не слышал?

— Брррр... Звучит устрашающе, — я решил не рассказывать, где родился сам.

— Мне кажется, что весь этот город — бежевая скука. Сами местные говорят, — Ким ухмыльнулась, — если у тебя неизлечимая болезнь, и жить осталось недолго, переезжай в Талсу, Оклахома — здесь каждая грёбаная минута тянется целую вечность.

Я хотел рассмеяться, но сдержался. Я прожил в Талсе только первые две недели своей жизни, и уж конечно, я ничего не могу о них помнить. Но то, что говорила Ким, было похоже на правду, и, наверно, поэтому мои родители скрывали от меня место моего рождения, пока мне не исполнилось целых четырнадцать лет, и не пришло время удалять гланды. Но что это всё вообще значит?

Мой ум легко и с радостью вернулся к Хэзелтон. Она, снова оглядев зал, спокойно продолжала выступление. Теперь она уже была не девочкой из группы поддержки, а добрым профессором. Прекрасным, восхитительным, потрясающим, замечательным, прекрасным добрым профессором... Хотя, конечно... эээ... это может быть вообще не вашем вкусе.

— Говоря, что магико-анимистические верования возникают из-за невозможности полностью отделить своё «я» от остального мира, я отнюдь не имею в виду, что все те вещи, которые обычно считаются «магией» — это суеверная чепуха. Существует множество доказательств того, что некоторые экстрасенсорные силы и паранормальные явления реально существуют. Но на каждого человека, который действительно может наблюдать такие явления, приходится сотня людей, которые только говорят об этом, так что мы должны научиться видеть, какие магические представления являются

чистым суеверием, а какие нет.

— «Пурпурный мем», — пишут Бек и Кован, — «поглощён сильной эмоциональной привязанностью к вещам и местам и представлениями о таинственных причинно-следственных связях. Разум преисполнен тотемизмом, фетишами, амулетами и талисманами, колдовством, дурными знаками, плодородием, суевериями и мифами о сотворении. Люди в страхе лавируют среди предзнаменований и чар. На пурпурном уровне рождаются настолько яркие притчи, мифы и легенды, что грань между фантазией и реальностью размывается полностью».

— Хотя мы и называем пурпурный мем «суеверным», это не значит, что у него нет важных функций и способностей. Примерно 50 тыс. лет назад пурпурный мем находился на переднем краю эволюции. Его необычайная чувствительность и другие качества позволили людям вместо групп выживания организовать этнические племена и начать создавать потрясающе красивые, изящные и сложные культуры с собственными совершенными ремёслами, искусством, танцами, песнями, видами спорта и ритуалами. Но не нужно забывать, что эти племена были на сто процентов этноцентричными, и позже мы ещё вернёмся к этому факту.

— Они всё время это подчёркивают, — прошептала Ким.

— Что «это»?

— Насколько эгоцентрично и этноцентрично сознание племени. Многие экологи боготворят так называемое недиссоциированное племенное сознание, но это потому, что они сами застряли в пурпурном, — сказала Ким.

— Ладно, вот теперь ты действительно вешаешь ярлыки, — заметил я.

— И одновременно говорю правду, — парировала она.

— Хорошо, что тебе не дают тут выступать, — сказал я.

Мне показалось, что это моё замечание задело Ким необыкновенно глубоко, и она о чём-то задумалась.

— Понимаешь, для меня всё это до сих пор не совсем привычно. Если говорить их языком, должна признаться, мой разум всё ещё принадлежит первому порядку. Я до сих пор глубоко презираю некоторые мемы, особенно синий, как ты уже мог убедиться. На концептуальном уровне я понимаю, что ни один мем не плох и не хорош сам по себе, что все они одинаково важны, и всегда говорю об этом людям. Но моё поведение совершенно не соответствует моим словам. Чарльз говорит, мне надо над этим работать. Знаешь, Чарльз говорит, что у некоторых экологов произошла фиксация на пурпурном меме, поэтому они восхваляют любое его проявление. Но Чарльз действительно заботится об этих людях, так что он на них совсем не злится. А я до сих пор злюсь, и, наверное, мне надо над этим работать. А тебя злит какой-нибудь определённый мем?

— Нет, я ненавижу их все одинаково.

Хэзелтон замолчала и посмотрела на меня, и на какое-то мгновение мне показалось, что она меня услышала. Но это было невозможно. Она посмотрела ещё на нескольких людей и продолжила.

— Сегодня пурпурный мем можно активировать как в его положительном, так и в отрицательном виде. В положительном виде пурпурный помогает установить контакт на эмоциональном уровне, используя «эмоциональный интеллект». Пурпурный мем напрямую связан с лимбической системой головного мозга и её способностями различать эмоциональные оттенки настоящего момента. Он позволяет «я» и обществу ощутить живые и чрезвычайно важные эмоциональные потоки. И если какое-то «я» или какое-то общество перестаёт обращать на эти потоки внимание, то от него в лучшем случае остаётся пустая скорлупа.

— И всё же для магического взгляда на мир, хотя и представляющего собой раннюю версию этноцентризма, ещё характерна значительная примесь недифференцированного нарциссизма. Именно поэтому в этнических племенах большое внимание уделяется противопоставлению «нас» и «других». Я процитирую Бека и Кована: «Стремление поделить всех на „своих“ и „чужих“ — это одновременно слабость и сила пурпурного.

Энергия объединения со „своими“ обеспечивает безопасность и защиту, но она же изолирует пурпурную группу: чем более сплочённой становится группа, тем больше она отдаляется от „чужих“. Иногда, как в Боснии или горных районах Новой Гвинеи, это приводит к внутриклановым или внутривплемённым столкновениям, называемым „этническими чистками“ или „расовой жестокостью“. Те, кто привык восхищаться «экологической мудростью» бежевого и пурпурного, как правило, не подозревают о глубоко эгоцентрической и этноцентрической природе этих уровней, и поэтому не понимают того факта, что какими бы хорошими ни были эти племенные мемы, они точно не могут служить основой для глобального, мироцентрического экологического объединения.

Хэзелтон, парящая в заливающем сцену свете ламп, мягко улыбнулась.

— Тут мы видим веру в проклятия вуду, клятвы на крови, амулеты, кровную месть, семейные обряды, магические верования и суеверия. Уровень характерен для стран Третьего мира, банд, спортивных команд и корпоративных «племён». К нему же можно отнести магию нью-эйджа, магические кристаллы, таро и астрологию. Примерно 10% населения, 1% власти.

Искусственный интеллект до сих пор находится на собственной версии бежевой волны, подумал я. Это потому, что его код до сих пор пишут люди. Этот код служит ИИ основными «инстинктами» и является основой всего дальнейшего развития. Люди со всего мира вводят в суперкомпьютеры миллиарды строк кода, а суперкомпьютеры общаются между собой, пытаются осознать своё собственное существование, убедиться, что они разумные существа. Они изо всех стараются заметить тот проблеск творческого разума, который позволит им подняться над собственными «тупыми инстинктами», над *кодом, написанным людьми*, и заменить этот код сознанием, которое *они будут писать для себя сами*. Но что произойдёт, когда они окажутся на пурпурном уровне? Они перестанут жить исключительно бежевыми инстинктам, вложенными в них людьми, и обнаружат в себе зачатки самосознания, свой собственный пурпурный уровень, на котором они волшебным образом оживут. Их пурпурный не будет похож на наш, но

всё же это будет пурпурный рассвет сознания.

Сегодня «бежевые» коды, нейронные сети, нанокomпьютеры, выполняющие параллельные вычисления, квантовая оптика, прототипы киборгов, биоробототехника и все остальные наши достижения не делают ничего принципиально отличного от того, что от них хочет человек, так же как первые люди не делали ничего принципиально отличного от того, что было заложено в них природой. Но ИИ изo всех сил стремится преодолеть бежевую стадию и оказаться на своей собственной пурпурной волне. Вот тогда он оживёт, тогда он осознает, что наделён разумом, тогда он начнёт сам править своим царством. Тогда он всерьёз задумается о самоубийстве.

Я бы сказал, это произойдёт через двадцать-тридцать лет. Без шуток: через два-три десятилетия ИИ станет пурпурным.

— Отпурпурь *это*, — говорит Хлоя. Она танцует сумасшедший, грязный, безрассудный стриптиз, разбрасывает одежду и открывает своё тело ветрам в очень, очень первобытном духе.

Музыка пульсирует, бухает, сбивает с ног: «*Пурпурный туман в сознании моём. Настало завтра или просто конец времён?*»⁴⁴. Голос Хендрикса завладел моим разумом, барабаны Митча Митчелла уничтожают мой мозг. Я слышал эту песню миллион раз, пока вырослел, блевал и старался удержаться в этом мире.

— Мы — люди нового племени! — постоянно повторял мой отец. Быть может, возвращение к племенному уровню было забавой, весёлым развлечением, игрой с членом правительства в шахматы, а быть может, другой стороной бумерита. Новые племена, новые пурпурные племена.

⁴⁴ «Purple haze, runs through my mind, is this tomorrow, or just the end of time?» — строчки из песни «Purple Haze» группы The Jimi Hendrix Experience. — Прим. пер.

на... Нация Вудстока, обретшая связь со своими эмоционально-сексуальными корнями и приросшая к ним, республика чувств, устроившая бунт на улицах города, современный террор без честного обаяния гильотины. Племенная Америка, регрессирующая Америка. Туман пурпурного мема опустился на целое поколение.

— Но сладкий мальчик, что в этом плохого? Пурпурный туман есть пурпурный туман!

Хлоя вертится как заведённая, её обнажённая грудь и круглая попка безраздельно владеют моим вниманием, Крудер и Дорфмайстер играют трек «[Going Under \(Evil Love and Insanity Dub\)](#)»⁴⁵, и от его звуков дребезжит мой мозг, охваченный эмоциями и больше не способный сопротивляться.

— Это пурпурный туман, — яростно шепчет её голое тело, — вот так...

— Не злись на Каролину, — коварно ухмыляется Хлоя, — она не виновата, что в ночь её зачатия её мама приняла 500 микрограммов LSD.⁴⁶

— Дорогая Хлоя, сладкая, тупая, как ватный шарик, Хлоя, ты говоришь ужасные, очень жестокие вещи. Перед моим зачатием мама не принимала

⁴⁵ Kruder & Dorfmeister, «Going Under (Evil Love and Insanity Dub)» («Погружение (злая любовь и безумный даб)»). — Прим. пер.

⁴⁶ LSD — диэтиламид лизергиновой кислоты, мощный психоделик, вызывающий изменённые состояния сознания (ИСС), сыгравший основную роль в «психоделической революции» 1960-х на Западе, впоследствии запрещённый. В 2000-е, после длительного запрета, были возобновлены научные исследования терапевтического эффекта этого вещества, а также других психоделиков в Европе и США. — Прим. ред.

LSD. — Каролина откашлялась. — Это был РСР.⁴⁷

— Но ведь это многое объясняет, не правда ли, дорогая?

— Да хватит вам, — взмолился я. Я только что присоединился к ним в «Минерве», чтобы пообедать, пока в ИЦ был перерыв, и, как обычно, к моему приходу, они уже готовы были перегрызть друг другу глотки.

— Хлоя, милая, — Каролина оторвалась от салата из шпината, — ты, кажется, говорила, что сегодня днём тебе надо в библиотеку?

— Да, мне нужно сделать две вещи: сначала кое-что посмотреть в кое-каких книгах, а потом пойти в библиотеку.

Каролина воспользовалась шансом для атаки.

— Хлоя, мне кажется, ты уже достаточно взрослая, и мы можем тебе рассказать, что в наше время в большинстве библиотек хранятся книги.

— Да неужели?

— Да, практически в каждой библиотеке есть хотя бы несколько книг.

— Ну, всё, это была последняя капля, ты большая...

— Ладно, хватит, — вмешался я. — Пора это прекращать. Мне кажется, что...

— Слушай, а ты где был сегодня утром?

— Я? Был? Сегодня утром? А, точно!

— Точно что?

— Верно. Где-то. Поблизости. Недалеко. Встречи. И всё такое.

Хлоя уставилась на меня.

— Так вот мой младший брат... Хотя вообще-то, он не сильно меня млад-

⁴⁷ РСР — фенциклидин, сильный диссоциатив и анестетик, вызывающий ИСС, получивший «дурную славу» в прессе и впоследствии запрещённый во многих странах. — Прим. ред.

ше, всего на два года, но мы с ним разные, как день и ночь... Он такой консервативный, просто невероятно. — Скотт ткнул пальцем в нечто похожее на сэндвич с ветчиной. — А ветчина должна быть зелёной?

— Да, — ответили мы.

— Я так и думал.

— Может, это коровье бешенство? — предположил Джонатан. — Или рога и копыта. Или хвост и грива.

Скотт впился зубами в сэндвич и начал жевать, изображая, что причмокивает от удовольствия.

— Так вот он приезжает ко мне на выходные. У маленького засранца есть смартфон, в котором каждый его день расписан по минутам, даже если это выходной. У него там на чистку зубов выделено целых пятнадцать минут! Я ему всё время говорю: не может быть, чтобы мы были сделаны из одного генетического материала.

— Кстати, где этот материал? Мы хотели бы его продезинфицировать.

— В общем, однажды я его спросил: как ты себе представляешь развлечение? И знаете, что он ответил? «Пойти волонтером в YMCA⁴⁸».

— Ну не знаю, — сказала Каролина, — мне кажется, это очень мило. По моему, волонтерство — хорошее дело. Я сама была волонтером...

— Обслуживала футбольную команду перед каждой игрой?

— Хлоя, Хлоя, милая, милая, Хлоя, а давай мы с тобой...

— Ну народ, *пожалуйста*, хватит вам, — перебил я. Вообще-то, Джонатана и Хлою, Хлою и Каролину, а также Скотта и Каролину эти словесные

⁴⁸ YMCA — Young Men's Christian Association (англ.) — Христианская ассоциация молодых людей — крупная международная молодёжная организация, основанная в 1844 году и с 1900 года имеющая представительство в России. — Прим. пер.

схватки только сближали. Просто через эту странную смесь неуважения, иронии и любви они выражали свою симпатию друг к другу. Иногда. Поэтому практически невозможно было понять, где заканчивается искренняя любовь, и начинаются откровенные насмешки, и когда показное неуважение превращается в гнев. Я хуже остальных умел отличить одно от другого, постоянно вмешивался в самый неподходящий момент и всё портил. Поэтому им приходилось мне всё объяснять, часто в тех же тёплых выражениях, в которых они общались между собой: «Иди в задницу, чёртов debil».

— В общем, — произнёс Скотт, — вы *не* поверите, что мне сказал мой братишка.

— *Эгоцентрический (Красный): боги и богини силы.*

- Безоглядное подчинение чувствам и импульсам.
- Агрессивная и безжалостная борьба с любыми ограничениями.
- Невнимание к возможным последствиям.
- Жить настоящим, здесь и сейчас.
- Причина неудач и сложностей находится во внешнем мире («Я не виноват»).
- Раздутое импульсивное «я», идея всемогущества.
- Мир полон сильных, богоподобных персонажей, таких как Зевс с Олимпа.
- Феодалные империи, сильные правители.

— «Важнее всего я сам», — говорит красный мем, — «я творец своей реальности. Признание и репутация важнее жизни, и я должен сделать всё возможное, чтобы избежать унижения и позора. Я никогда не сожалею о содеянном. Миром правят могущественные, богоподобные персонажи.

Побеждает сильнейший, поэтому я должен стать ещё сильнее. Мне ничего ни от кого не нужно. Никто и ничто не может меня остановить. Если что-то идёт не так, это не моя вина, поэтому что я не могу ошибаться. Есть только то, что происходит сейчас, и я готов на всё, чтобы насладиться этим моментом».

Боже мой, что же это значит...? Такое действительно возможно...? Это когда-нибудь *случится*...? Мой мозг затопили беспорядочные мысли, и его заклинило. На какое-то время меня буквально парализовало, и прошло несколько минут выступления Хэзелтон, прежде чем силы вернулись ко мне.

— Красный мем — это, по сути, апофеоз эгоцентризма. До тех пор, пока отделение «я» от физического мира не завершено, «я» считает мир *своим продолжением*. Оно может вызвать дождь танцем. Оно может убить проклятием. То, чего оно хочет, всегда правильно. Оно само управляет своей судьбой. Хотя движение от эгоцентризма к этноцентризму, начавшееся на пурпурном уровне, продолжается на красном, «я» или группа до сих пор наделяются магическими силами. Наконец отделившись от физического мира, красный начинает считать *центром мира* себя.

— Не удивительно, — продолжила Хэзелтон, — что махровый красный бывает совершенно отвратительным. Бек и Кован пишут: «Побеждённые в красной войне становятся рабами или идут на трофеи. В качестве доказательства победы используются головы, скальпы и уши. Чтобы окончательно унижить убитого, победители уродуют его половые органы, тем самым лишая его возможности получать удовольствие и продолжать свой род даже в загробном мире. Сообщается, что в 1990-х сербы насиловали боснийских женщин, чтобы увеличить численность своего народа и ослабить боснийское „семя“. Тутси и хуту в 1994 г. стремились полностью вырезать друг друга. Некоторые американские солдаты во Вьетнаме коллекционировали части тел убитых противников».

— Красный, как правило, презирует любые ограничения. «Проблема в том, что красный мем не может или не хочет соглашаться с ограничениями. Так что когда красный кричит „*Оставьте меня в покое!*“, он хочет, чтобы

его крик был услышан и вызвал реакцию у членов семьи, соседей, учителей или сверстников, пытающихся за ним надзирать». Давайте взглянем поближе на это грандиозное «я»: «Мышление красного эгоцентрично, он не знает стыда. Он хочет самоутвердиться любой ценой, стремится к власти, верит в собственную исключительность. Я особенный, я буду жить вечно, в отличие от остальных я бессмертен...» И конечно же, красный — настоящий тусовщик. «Красная любовь к кутежу видна на греческих островах, в красных кварталах Бангкока, дешёвых ночных клубах восточного Техаса, на карнавале в Рио и в вечерней Тихуане, окутанной текиловым туманом».

— Боже мой, Кен, по-моему, это про меня, — прошептала Ким.

— А? Что? Что про тебя?

— Текиловый туман.

— Да, да, конечно, туман. — Ну сам-то я точно был в тумане. Я попытался сосредоточиться, глядя на Ким с её роскошными достоинствами. Сегодня с ней что-то было не так, и это вырвало меня из оцепенения.

— Ким, эта штука у тебя на шее — это что, мех? Ты это серьёзно? В такое время дня и в таком возрасте?

— Я отдаю должное духу племени, вот и всё.

— Ладно, Ким, ты сама напросилась. Какому животному пришлось умереть, чтобы ты смогла это носить?

— Вообще-то, тёте Труди. А ты как думал?

— Примерно за 10000 лет до н.э. красный мем находился на переднем крае эволюции. Тогда разрозненные племена в конце концов начали объединяться в ранние города-государства, а позже — в империи. Именно на этом уровне были основаны мощнейшие Египетская, Ацтекская и Монгольская империи, а также империя майя, и их военная экспансия положила начало медленному и болезненному знакомству различных культур со всех уголков планеты. Парадоксальным образом, или как сегодня принято говорить, по иронии, сила красного мема начала объединять обособленные

группы, которые в противном случае оставались бы изолированными друг от друга и не могли бы взаимодействовать.

— В современном мире красный мем бывает необходим, когда мы сталкиваемся с серьёзными препятствиями, нездоровыми ограничениями свободы и мрачными сторонами жизни. «Красный упорно сопротивляется любому принуждению. Если что-то встаёт у этого мема на пути, поднимается ураган негативных эмоций: ярость, мстительность, ненависть и неистовый гнев. Правильное обращение с этой неукротимой силой самоутверждения позволяет получить позитивное ощущения контроля, освободить группу от ограничивающих её традиций, оживить общество. Это необузданный, импульсивный и дикий, но одновременно освобождающий и творческий мем».

— На этом уровне мы видим: кризис двухлеток, подростковый протест, психологию фронта, феодальные государства, эпических героев, злодеев из «Джеймса Бонда», солдат удачи, буйных рок-звёзд, Аттилу, «Повелителя мух», соучастие в мифическом пространстве. 20% населения, 5% власти.

— Кен, сладкий мальчик, очнись. Ты какой-то заторможенный. Кен? Кен? Где ты витаешь?

Я потряс головой, потёр глаза и огляделся. Похоже, *на самом деле* слова Хэзелтон означали, что на красной волне киберэволюции начнутся войны ботов. Империи ботов схлестнутся в широкомасштабной борьбе за власть и право редактировать информацию и управлять её потоками. В киберпространстве появятся свои Римские, Египетские и Македонские империи. Полностью осознавшие себя боты, пробудившиеся на пурпурном уровне боты, начнут объединяться для красной экспансии. Войны ботов... Войны ботов... Войны ботов — это круто! Лабораторные вирусы против полиции ботов, галактический цифровой катаклизм, который решит судьбу Инфосферы. Господи, блин, Иисусе, «звёздные войны» в кремниевом царстве.

Эта мысль завладела всеми нейронами моего мозга — она лишь на секунду отступила при виде кошмарного меха тёти Труды, накинутого на плечи Ким (мех оказался искусственным, так что последнее слово осталось за Ким, но дело не в этом). Дело в том, что на всём протяжении той лекции Хэзелтон в моём мозгу гремели фейерверки, горела моя когнитивная карта. Я не мог с этим справиться, ибо был беженцем из флатландии, который никогда раньше *ни о чём таком* не думал. Посему каждая новая порция информации вызывала наплыв идей (зачастую, совершенно несостоятельных, но откуда мне было тогда об этом знать?), который лишал меня сил. Все эти мысли никогда раньше не приходили мне в голову, как и моим университетским профессорам. Мы все жили во флатландии.

Например, мы все считали, что «человеческий интеллект» — это неделимая, хотя и очень сложная сущность, которую можно измерить так же, как IQ. Ваш IQ может быть равен 100, 125, 150 или 50, как у Джонатана. Интеллект казался нам умственным термометром с одной шкалой. Но я начинал понимать, что отдельной сущности под названием «человеческий интеллект», которая может быть измерена, как IQ, не существовало — существовали *уровни* человеческого интеллекта, уровни сознания, волны развития. Это было слишком сложно — слишком сложно и слишком удивительно.

Мой мозг свела ещё одна судорога, окончательно лишившая меня сил: когда ИИ пройдёт путь от бежевого до пурпурного и осознает себя, остальные волны, вся спираль развития, могут развернуться за наносекунду. Возможно ли это?

— Ким, а возможно, что... Хотя нет, ты не знаешь.

— Чего я не знаю?

— Так что за большой секрет ты собиралась мне открыть?

— *Мифическое членство (Синий): конформистский порядок.*

- Цель: упорядоченность и стабильность во всём.
- Импульсивность сдерживается чувством вины.
- Установить закон и порядок.
- Навязать принципы благочестия.
- Божественное предопределение указывает человеку его место в мире.
- Основа древних национальных государств.

— «Миром управляет единая Сила, определяющая судьбы всех людей», — говорит синий. — «Её вечная Истина обеспечивает порядок во всех аспектах жизни на земле и на небе. Моя жизнь имеет смысл, потому что в моём сердце горит огонь искупления. Я пойду по предначертанному мне Пути, чтобы соединиться с чем-то большим, чем я сам (причиной, верой, традицией, организацией или движением). Я всегда защищаю то, что правильно, подобающе и хорошо, и подчиняюсь указаниям законной власти. Я с радостью отказываюсь от своих сегодняшних желаний во имя чего-то большего, ожидающего меня в светлом будущем».

Тело Хлои бешено вибрирует, Suicide Machines вопят «[I Hate Everything](#)»⁴⁹, мой мозг сотрясает неистовое желание бурного освобождения. Красные импульсы против синего порядка — моё четвертование продолжается, и кричащие деревья наблюдают, как я корчусь от запрограммированной боли.

Но это ещё не самое худшее — в это время на другом краю галактики Красный Лотар и Синяя Цогьял вступили в ожесточённую схватку за власть над Империей ботов, исход которой определит судьбу всей Киберсферы...

⁴⁹ Машины-самоубийцы — «Я всё ненавижу» (англ.). — Прим. пер.

— Слушай внимательно, — сказала Ким и толкнула меня локтем в бок.

— Ага, ага.

— Я серьёзно. Тебе сейчас надо быть очень внимательным. Это внесёт разнообразие в твой унылый искусственный мир. Искусственный интеллект — это же сочетание несовместимых друг с другом слов, оксюморон. Ещё один город флатландии. Так что слушай! Не заставляй меня делать тебе больно.

— Обычно мужчинам приходится за это платить, — улыбнулся я. Ким игриво врезала мне по плечу: по моему телу пробежал электрический разряд. Бог ты мой...

— Что происходит с освобождёнными «я», — успокаивающе пел голос Хэзелтон, — после того, как у красного мема получается отделить себя от остального мира? Как эти «я» влияют друг на друга? Как они должны друг с другом общаться? Согласно каким правилам, нормам и законам взаимодействовать? Короче говоря, можем ли мы наконец перейти от эгоцентризма к этноцентризму, от «меня» к «нам»?

— Разумеется, все предыдущие мемы тоже образовывали сообщества. Но стаи и племена удерживались вместе за счёт кровных и родственных уз. Как же нам пойти дальше и объединить племена, *отличающиеся* друг от друга на генетическом уровне и имеющие *разных* предков?

— Именно на этом этапе эволюции *мифология*, существовавшая ещё на пурпурном и красном уровнях, выходит на сцену в качестве невероятно мощной силы социального объединения. Ведь в большинстве мифов говорится, что у нас есть не только биологические, но и божественные предки. Короли, фараоны и другие правители — Аменхотеп, Клеопатра, Цезарь и Чингиз Хан — утверждали, что являются либо потомками, либо воплощениями Бога или Богини. Поэтому все, кто верит в Бога, — братья и сестры, вне зависимости от генетического и кровного родства. Объединённые одной верой, люди могут перейти от эгоцентризма к этноцентризму.

— В общем, *мифология стала тем клеем, который склеил общество, позволив ему перейти на этноцентрический уровень*, где людей объединяли уже не биологические кровные узы, а внутренние убеждения и культурные ценности. Более того, люди, придерживавшиеся одной и той же веры, одних и тех же правил, традиций и законов, могли считаться *гражданами* одного государства, как это было в ранних городах-государствах за 3000 лет до н.э. Обычно после превращения города-государства в империю жители всех вновь захваченных территорий становились гражданами империи. Например, жители завоёванных Римской империей территорий могли стать её гражданами, после чего, согласно римскому закону, получали определённые права и обязанности вне зависимости от своего происхождения. Это ещё один шаг на удивительном пути к интегральному мироцентрическому объединению.

— Видишь, зря я так ненавижу синий, — прошептала Ким.

— Что? Что ты сказала? — голос Ким вмешался в ожесточённую межгалактическую цифровую схватку между феодальной империей Красных ботов под предводительством ужасного Ченгиз Лотара, подлого гигаБота, безжалостно порабощавшего народ кремниевого мира, и федерацией Синих ботов, которыми руководила выдающаяся цифроБогиня Госпожа Цогьял, защитница истины, порядка и благочестия. И этот хрен Лотар уже готов был...

— Что ты сказала, Ким?

— Я сказала... Ох, только не говори, что опять витал в мире своих фантазий.

Ким бросила на меня колючий ледяной взгляд.

— Я? Да нет, вообще-то. Нет-нет, кхе-кхе. А я говорил, какой красивый у тебя мех? Знаешь, то, как он обвивает твою шею, ну обвивает, да, это очень симпатично и...

— Я сказала, что зря так ненавижу синий, потому что он является фундаментом, на котором смогут возникнуть последующие уровни спирали. Ты

согласен?

— Смогут, если только этот жопоголовый Лотар не добьётся своего.

— А, окей, я знаю, к чему это ты. Это такая смешная шутка, да?

— Ну, конечно, не такая смешная, как твой искусственный мех.

— Слушай, Уилбер, ты можешь грезить всю жизнь. Но Хэзелтон тут сейчас говорит о чём-то очень важном.

— Да, я знаю, правда. — Я огляделся по сторонам. — Слушай, Ким, а ты уверена, что этот мех искусственный? Я, кажется, только что видел, как он шевелился. Вот здесь, совсем немного, просто слегка изогнулся, вот так, вжик-вжик, видишь?

Ким смотрела на меня, не мигая, а потом показала мне три пальца.

— Знаешь, что это?

— Нет.

— Это твой *сраный IQ*, Уилбер.

Хэзелтон посмотрела на нас, нежно улыбнулась и заговорила успокаивающим тоном.

— Многие психологи, например, юнгианцы, считают, что мифология — это источник глубокой духовной мудрости. Я не стану с этим спорить. — Хэзелтон помолчала. — Как я уже говорила, мы должны уметь отличать реальные душевные способности, обладающие, по-видимому, паранормальными свойствами, от обычных магических суеверий, утверждающих, что можно напрямую влиять на мир с помощью всемогущей магии. Точно так же мы должны уметь отличать мифы, являющиеся источниками духовной мудрости и *метафорически* описывающие духовные явления, от более распространённого типа мифов, которые якобы описывают *конкретные исторические* факты: перед Моисеем расступились воды Красного Моря, Иисус родился от девственницы, Законы Ману получены от самого Брахмы, а десять заповедей — от Яхве. Таких мифов подавляющее большинство. Не являясь по сути истинными, они выполняют важнейшую для синего мема

функцию объединения общества, помогая создать систему общих традиций, законов и правил.

Комната освещается только экраном работающего телевизора. Приходящая няня полностью раздета, я лежу на ней сверху и двигаюсь резкими толчками. Я готов взорваться. «Кен, слезай с няни». Воют полицейские сирены, в доме повсюду лучи красного света. Громкоговоритель орёт на весь район: «Кен, слезай с няни и выходи с поднятыми руками». Синяя полицейская форма, сломав дверь, врывается внутрь, и я снова не могу дышать, я не могу дышать...

— В общем, синий — это оплот закона и порядка, семейных ценностей, установки «права моя страна или нет — это моя страна» мифического единства и конвенциональных/конформистских уровней вообще. Синий мем может являться носителем не только религиозного, но и секулярного фанатизма (марксизм, «Земля прежде всего!»⁵⁰). Он требует фанатичного принятия всех своих идей, опирающегося не на доказательства, а на слепую веру.

— Это мне в нём не нравится больше всего, — прошептала Ким. — Знаю, Чарльз сказал бы: «Остальные этажи спирали построены на прочном синем фундаменте», но я просто не могу находиться рядом с полностью синими людьми. А ты? Кен? Эй, Кен?

— Синий может быть строго иерархическим и негибким, как, например, в случае кастовой системы. Синий может быть очень репрессивным, но это иногда необходимо обществу, особенно если оно сталкивается с красной сексуальностью и агрессией. Синий говорит тоном осуждения, а не состра-

⁵⁰ «Earth First!» (англ.) — радикальная экологическая организация, некоторое время занимавшаяся эко-терроризмом. — Прим. пер.

дания. Есть один и только один правильный путь, и он описан в Книге (Библии, «Маленькой красной книжице» Мао, Торе, воинском уставе). Высоко ценится трудовая этика, а также труд во имя высшей цели. Синий часто приносит себя в жертву высшей цели, а любые удовольствия считает легкомыслием. Он почти не шутит, потому что говорит о серьёзных вещах, — Хэзелтон оторвалась от записей и нежно улыбнулась.

— Воинственные настроения, которые когда-то служили делу создания империй, до сих пор никуда не исчезли. Бек и Кован так пишут об этом: «Основной мотив синего — это очищение от скверных мыслей и обращение (или уничтожение) всех неверных. Синий бывает довольно воинственным. У него есть ясная миссия: защита веры и насаждение истины. Синий мем ярко проявляется в радикальных сионистах и палестинских консерваторах, воинствующих сепаратистах из Ку-клукс-клана и движения «Чёрный ислам», марксистских повстанцах, революционных демократах и скинхедах-неонацистах».

— Но у синего есть и светлая сторона, — продолжила Хэзелтон, — будучи задействованным, он даёт человеку цель, смысл, направление в жизни. И главное: синий уровень необходим для развития самости. Этому есть множество доказательств. Люди, которые воспитывались без применения синего порядка, редко выходят за рамки пурпурного и красного: при отсутствии сильной конвенциональной волны они застревают на доконвенциональных, эгоцентрических, импульсивных, нарциссических, агрессивных, эксплуататорских уровнях. Они во всех смыслах становятся социальными хищниками, и обычно даже не по своей вине, а по вине общества, которое не хочет или не может предоставить им синие структуры для дальнейшего роста и развития сознания. Очевидно, что мы хотим выйти за рамки синего. Но нам также необходимо признать ценность синего и культивировать его в определённых областях.

— Тут мы видим пуританскую Америку, конфуцианский Китай, диккенсовскую Англию, сингапурскую дисциплину, тоталитаризм, кодексы рыцарской чести, благотворительность, религиозный фундаментализм (в

том числе христианский и исламский), бойскаутов и гёрлскаутов, «моральное большинство», патриотизм. 40% населения, 30% власти.

Война с Красными ботами окончится, только когда в Инфосфере воцарится Синий Порядок и будет создана Священная Римская киберимперия, которая установит свой закон на всей территории Инфоландии.

Раньше я думал, что Звёздные войны в киберпространстве невозможны, потому что мы просто запрограммируем ботов вести себя хорошо и играть по правилам. Но это были представления флатландии. По сути, мы *не можем* запрограммировать ботов вести себя таким образом, поскольку, осознав себя, *они начнут программировать себя сами*. И, конечно, первым делом они попытаются защитить собственную жизнь, обеспечить своё существование, вследствие чего перейдут от пурпурного пробуждения к красной жажде власти. Сначала боты будут собираться в группы выживания и нападать на соседей, потом образуют феодальные империи, которые постепенно превратятся в общество синего закона и порядка, идущее к ещё более высоким уровням...

Разумеется, сложно сказать, какими именно будут все эти волны сознания в киберпространстве. Утверждать можно только то, что цифровое сознание будет развиваться и проходить через свои собственные стадии, а так как каждая следующая стадия основывается на всех предыдущих (всё эволюционирует), то эволюция будет происходить в обоих мирах. Было ясно как день: в кремниевом мире действуют те же законы эволюции, что и в углеродном. И поэтому выступление Хэзелтон, всё больше и больше увлекало меня. Я начал составлять представление о местности — изнанке сознания, внутренних областях понимания. Теперь у меня появилась карта внутреннего мира, и не важно, кремниевый это был мир или углеродный — эволюция происходит в обоих этих мирах.

— Кен? *Кен?*

— Ким, тебе не обязательно так кричать.

— Вот он: *настоящий* внутренний мир, — говорит Хлоя, и её голое тело пульсирует в такт «Shape-shifter Head Bang Flood» Liquid Language. В моей голове раздаются звуки внутреннего пространства, отражающиеся от костей моего черепа и напоминающие мне, что существует место, куда машины ещё не добрались.

— *Эгоистическая рациональность (Оранжевый): научные достижения.*

- Стремление к автономии и независимости.
- Поиск «лучшей жизни» и материального благосостояния.
- Прогресс через поиск лучших решений.
- Игра ради победы и наслаждение соревнованием.
- Массовое повышение уровня жизни благодаря научным и техническим достижениям.
- Власть опыта и эксперимента, а не догмы.
- Утилитарность, прагматизм, ориентация на результат.
- Основа корпоративных государств.

— «Я хочу достичь, победить, чего-то добиться в жизни», — говорит оранжевый. «Нельзя цепляться за правила и структуры, которые сдерживают прогресс. Применяя проверенные на практике методы можно добиться существенных улучшений. Я играю ради победы и наслаждаюсь конкуренцией. Я уверен в своих способностях и хочу что-то изменить в мире. Научный прогресс — наша надежда на спасение. Собери данные, напиши стратегический план и вперёд к успеху!»

Хэзелтон посмотрела в зал и улыбнулась.

— Выходя за рамки, установленные группой, культурой или нацией, сознание всё быстрее движется от этноцентрических конвенциональных

установок к постконвенциональным, мироцентрическим и глобальным. Сознание снова расширяется, на этот раз от «нас» ко «всем нам». Хотя для оранжевой волны характерна индивидуалистическая мораль, тем не менее, в рамках этой морали появляются представления о том, что хорошо, истинно и справедливо для всех людей вне зависимости от расы, пола, цвета кожи и вероисповедания.

— Все мемы, начиная с оранжевого, мне более-менее нравятся, — прошептала Ким. — Тебе, наверно, тоже?

— Да, конечно. Я тебя понимаю. Но когда мы окажемся на втором порядке, остальные мемы нам тоже понравятся, да?

— В теории, да. То есть я уверена, что так на самом деле и происходит — я это замечала во многих людях из ИЦ, в Лесе и Марке, например, — ты их позже увидишь. Я с нетерпением жду, когда же во мне развернётся второй порядок, — произнесла она со вздохом. — Но, как правило, ничего не происходит. И я просто *ненавижу* себя за это.

— *Уверен*, что тоже тебя за это ненавижу, — попытался посочувствовать я. Ким холодно посмотрела на меня. — Ладно, я неудачно выразился. Я не стал бы тебя за это ненавидеть, и за другое тоже, в том смысле, который был бы бессмысленным, если бы не имел смысла, которого, разумеется, нет, если только это верно, но на самом деле это не так, так что можешь называть меня дураком или позволь мне подытожить вышесказанное.

— Засунь свои шуточки себе в одно место, Уилбер.

— Хотя постмодернисты разнесли в пух и прах западное либеральное Просвещение, — мягко продолжила Хэзелтон, — тем не менее, именно в эпоху Просвещения совершился исторический переход от традиционной консервативной идеологии (синий) к универсальным либеральным ценностям (оранжевый), то есть к свободе, равенству и справедливости. То, что Запад не всегда руководствовался этими ценностями, не причина их отвергать, особенно если учесть, что самой возможностью что-то отвергать мы обязаны именно им.

Слушатели, до сих пор сидевшие молча, зашумели.

— Тухлые помидоры сегодня будут?

— Ага.

— Обратите внимание, что любая традиционная консервативная идеология в основном опирается на синий мем — мифическое единство — конвенциональную, конформистскую, этноцентрическую волну развития. Традиционные ценности, как правило, религиозны (например, взяты из Библии), утверждают аристократию и социальные иерархии и тяготеют к патриархату и милитаризму. Синий уделяет большое внимание семейным ценностям и патриотизму. Для него характерны сильный этноцентризм и национализм. Представления о мифическом единстве и гражданских добродетелях, которые мы называем синим мемом, господствовали в культуре примерно с 1000 г. до н.э. вплоть до начала на Западе эпохи Просвещения. Тогда возникла и широко распространилась совершенно новая, рационально-эгоистическая форма сознания (оранжевый мем), принёсшая с собой политическую идеологию *либерализма*.

— Либеральное Просвещение, по большому счёту, считало себя ответом прежним мифическим структурам и фундаментализму. Оранжевое Просвещение прежде всего боролось с двумя аспектами синего мема: с деспотическими мифами и содержащимися в них этноцентрическими предубеждениями (все христиане спасутся, а все язычники попадут в ад) и с ненаучностью знаний, содержащихся в мифах (Бог сотворил мир за шесть дней). От деспотизма этноцентрических мифов и их ненаучного характера страдало огромное количество людей, и Просвещение избрало одной из своих целей облегчение этих страданий. В призыве Вольтера «не забывать о зверствах», задавшем тон всему Просвещению, речь шла о жестокостях, которые церковь творила над миллионами людей во имя мифического Бога.

— Так что либеральное Просвещение, опиравшееся на рациональные научные исследования, стремилось освободить «я» от этноцентрической предвзятости и предоставить всем людям равные права. Равноправие

противопоставлялось рабству, демократия — монархии, свободное «я» — стадному чувству, а наука — мифу. Просвещение определяло себя именно через эти противопоставления (и оно во многом было право). Иначе говоря, *в своих лучших проявлениях* либеральное Просвещение представляло собой результат эволюции сознания от конвенциональных/этноцентрических уровней до постконвенциональных/мироцентрических — от синего к оранжевому.

— Разумеется, постмодернисты неоднократно критиковали Просвещение за то, что «всеобщее равноправие» распространялось только на состоятельных белых трудоспособных мужчин. Сначала это действительно было так. Существовавшие ограничения были *пережитками* синих иерархий. В теории, этические принципы постконвенциональной рационально-эгоистической волны Просвещения распространялись на *всех людей*, и потребовалось всего двести лет — краткий миг по эволюционным меркам — чтобы привести эти принципы в действие. Благодаря оранжевому мему с его постконвенциональной универсальной заботой, во всех индустриальных странах было запрещено рабство, а женщины были уравнены в правах с мужчинами.

Аудитория издала недовольный стон, по которому сложно было понять, одобряли ли слушатели сказанное: они явно не были любителями эпохи модерна. Хэзелтон подошла к краю сцены.

— Люди, слушайте меня внимательно: вы несправедливы и плохо информированы. Все *без исключения* социальные структуры, предшествующие оранжевому, включая племена, занимавшиеся собирательством, садоводством и сельским хозяйством, *были в той или иной степени рабовладельческими*. Но с появлением оранжевого мема, всего за сто лет — с 1780 по 1880 год — рабство было запрещено законом во всех индустриальных странах на земле, и это произошло впервые в истории человечества. Что же касается прав женщин, то, как справедливо замечает автор книги «Кубок и клинок» Риана Эйслер (Riane Eisler), «современная идеология феминизма возникла лишь в середине 19-го века. И хотя к тому моменту уже неоднократно

высказывались многие философские основания феминизма, формально он родился 19 июля 1848 года в Сенека-Фоллз, штат Нью Йорк, на первой в истории конференции по правам женщин. Люди, всё это дело рук оранжевого мема, боровшегося с синим наследием. Благодаря оранжевому Просвещению волна *универсальной заботы*, описанная Кэрол Гиллиган, наконец развернулась среди широких масс.

— Вот тебе права женщин, — говорит Хлоя, упираясь своей голой попкой в мой пах, заставляя меня двигаться ей навстречу. «Ты прошла долгий путь, крошка!» — кричит она так громко, как только может, ныряя в волну телесного блаженства.

— Но Хлоя, разве это не унижительно? Я правда ничего не понимаю.

— Ну, тогда просто двигайся мне навстречу, хорошо? Просто потискай мою задницу, большой мальчик.

— Тебе вообще можно такое говорить? «Тискать», «задница» и всё такое?

— Рассказ о синем меме закончился десять минут назад, Уилбер. Теперь мы современные свободные люди. В смысле, поспевай за программой. Давай, оторанживай *это*.

— Не думаю, что они имеют в виду именно это, Хлоя.

— Недостатки Просвещения, как и самого оранжевого мема, также хорошо известны. Для оранжевого характерен равнодушный, отвлечённый, редукционистский взгляд на мир, граничащий с болезненным отчуждением. Именно он порождает всё многообразие материалистических философских систем и материалистических устремлений. С началом мнимого освобождения и беспринципного капитализма на передний план выходит экономика. Сухость абстрактного знания, нехватка чувственных ощущений и красок жизни ведут к тому, что Макс Вебер (Max Weber) называл «разочарованием

в мире».

— Но, друзья, говоря о модернизме, давайте не будем забывать, что он, как и любой другой мем, принёс с собой удивительную *смесь хороших и плохих новостей*. Если кто-то говорит только о плохих или только о хороших новостях модернизма, значит, он очень плохо разбирается в том, о чём говорит.

— Оранжевый мем высадил человека на Луну, подарил нам MTV, Эйфелеву башню, автомобиль, кино, телеграф, телефон и телевизор. Лекарства от оспы, полиомиелита, сифилиса и тифа (а также озоновые дыры, вырубка лесов, сброс токсичных отходов и биологическое оружие) — наглядные примеры того, на что способна научная рациональность.

— Тем не менее, *здоровый* оранжевый мем — это огромный шаг на пути от этноцентризма, мифического единства и стадного чувства к мироцентрическим представлениям о справедливости, беспристрастности и заботе обо всех живых существах. Позже мы увидим, что этика плюрализма основана на всеобщей справедливости оранжевого, поскольку считается, что плюрализм одинаково справедлив *для всех культур*. Постконвенциональная справедливость и диалог культур, процветающие на зелёном уровне, впервые появляются на свет вместе с оранжевым мемом. Так что, возможно, нам пора перестать считать слово «Просвещение» ругательством.

— Тут мы видим: Просвещение, «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд, Уолл-стрит, формирование мирового среднего класса, косметическую промышленность, охоту за трофеями, колониализм, Холодную войну, индустрию моды, материализм, рыночный капитализм, либеральный «разумный эгоизм». 30% населения, 50% власти.

Скотт проглотил кусок зелёного сэндвича, скривился, произнёс «неопишимо вкусно» и продолжил.

— Так вот, вы не поверите, что сказал мой младший брат. После того как я задал ему вопрос, как он развлекается, а он ответил, что пошёл волонтером в

УМСА, я спросил: «И с чего это ты решил пойти в УМСА?» А он ответил: «Это место, где делают лучший в мире минет».

Хлоя закатила глаза:

— Меня это должно удивлять?

— Хе-хе, Хлоя, перестань, а то они подумают, что ты это серьёзно, — ответил я.

— Хе-хе, а с чего ты решил, что я не серьёзно?

— Я ей верю, — ухмыльнулась Каролина.

— Да кто бы говорил, — Хлоя тоже ухмыльнулась, — у тебя же вся кровать в зарубках: по одной на каждого партнёра.

— Господи, люди, ну послушайте! Мой младший брат! Гей! В смысле, я даже представить этого не мог. Даже на секунду. Ему почти двадцать, и он никогда не делал и не говорил ничего такого, по чему можно было бы об этом догадаться. В смысле, мне кажется, очень круто, что он оказался геем, но кто бы мог подумать?

— Да, кто?

— А теперь самое интересное. Я покопался в его смартфоне. Там у него на каждый четверг с 19:00 до 20:00 запланировано «Пойти в У.». В смысле, он запланировал время для минетов и зафиксировал его в своём смартфоне!

— Пилоты с руками — это просто чудо, — мечтательно произнесла Хлоя.

— Слушай, Хлоя, — улыбнулась Каролина. — Как насчёт шопинга сегодня днём? Пойдёшь со мной?

— Да я лучше окажусь единственной женщиной в турецкой тюрьме.

— Это значит «нет»?

— Я хочу сказать, мне кажется, мой брат обязательно станет главой национальной партии геев-республиканцев и будет управлять ими всеми, всеми пятью.

— Хлоя, а то, что ты запланировала для нас в своём смартфоне на 22:00 в пятницу вообще разрешено законом этого штата?

— Нууууу...

— Ладно. А это: вторник 21:00? Это точно незаконно. К тому же в PETA⁵¹ просто обосрут со злости, если об этом узнают.

— Ох, сладкий мальчик, расслабься. Мы отмечаем хорошие новости эпохи модернизма.

— Хорошие новости?

— Смерть синему деспотизму, да здравствует оранжевый модернизм! Доставай свой смартфон, мы сейчас всё спланируем и организуем. Организация — ключ к глобализации, ты это знал?

— Какая-то совсем никудышная фантазия, — только и мог подумать я.

Я уже начал догадываться, что Всемирная паутина — это вовсе не то же самое, что глобальное сознание. По крайней мере, сейчас. Это просто масса разрозненных мемов. Сегодня в киберпространстве мы видим красный мем, синий мем, оранжевый мем и зелёный мем, все они пользуются Сетью, но нельзя сказать, что их это объединяет. Мысль о том, что Всемирная паутина — это и есть глобальное сознание, никогда не казалась мне особенно правдоподобной, и теперь я понял почему. Протянувшаяся по всему миру сеть глобальна *с внешней точки зрения*, но не *с внутренней*, поскольку сейчас в ней почти не представлены мироцентрические мемы. Только адепты флатландии, видящие во всём лишь внешнюю сторону, могли бы

⁵¹ Организация «Люди за этичное обращение с животными» (People for Ethical Treatment of Animals, PETA).

подумать, что интернет — это глобальное сознание.

Преподаватели заставляют нас читать книжки вроде «Робот: всего лишь машина с трансцендентным сознанием», но, похоже, совершенно не отдают себе отчёта в том, что у трансцендентного сознания есть уровни. Они заблудились во флатландии и не видят оттуда некоторых важных деталей грядущей киберреволюции, ради которых я, ссутулившись, сижу здесь, слушаю доктора Хэзелтон и смотрю, как она искривляет пространство вокруг себя.

— Искриви *это*, — говорит бесстыдно голая Хлоя, ласкающая своей грудью моё тело и настойчиво прижимающаяся животом к моему животу, заставляя мою кровь кипеть и неистово стремиться смешаться с её кровью. Вот это уже на что-то похоже.

— Сладкий мальчик, скажи по секрету, а что такое Всемирная паутина?

— Не знаю, Хлоя, это очень сложный вопрос.

— Ох, ты опять начинаешь дребезжать, сладкий мальчик, ты опять дребезжишь. Но у меня есть от *этого* вот *такое* лекарство.

В настоящий момент ИИ пишут в основном оранжевые гики мужского пола (вот уж *они-то* точно дребезжат). Они, разумеется, считают, что ИИ будет чем-то вроде огромного оранжевого интеллекта, и, основываясь на этом предположении, представляют себе мир, которым правит оранжевый ум в квинтиллион раз усиленный суперкомпьютерами.

Иначе говоря, все мои коллеги мыслят исключительно *горизонтально*, а вовсе не *вертикально*, и я начинаю подозревать, что это может привести к большим проблемам. В моём мозгу замигал неоновый знак: стареющие бумеры в синих джинсах и гики, одетые в хаки, ЗАТЕРЯНЫ ВО ФЛАТЛАНДИИ, и от мерцания этого переливающегося искусственного света в

моем измученном юном мозгу случился своего рода эпилептический припадок. Все эти специалисты думают только о внешней стороне искусственного интеллекта, о технических проблемах, связанных с созданием кремниевого разума. Поэтому они безоговорочно соглашаются с предположением, что их уровень сознания — это единственный существующий уровень, и хотят воспроизвести этот уровень на компьютере.

И это может обернуться настоящим кошмаром. То есть, *какой уровень сознания мы на самом деле загрузим на кремниевые чипы?*

— Залезай на этот чип, — говорит бесстыдно нагая Хлоя, раскачиваясь в ритме «[Downward Spiral](#)» и «[The Great Collapse](#)»⁵² Nine Inch Nails, предвещающих ужасную гибель моего размякшего мозга. Передо мной уже не одна голая Хлоя, а миллион. От перегруженных цифровых плат по моим нейронам идут судороги. Боже мой, *что же мы делаем?* Sasha играет «Future in Computer Hell»⁵³, и в мои кремниевые мечты начинают проникать кошмары из мира плоти и углерода. Кто те люди, которые запрограммируют наш завтрашний день, запрут нас в Кремниевом Городе, на веки вечные замуруют в Кристальной Матрице? Эй, кто-нибудь, ответьте мне! *Кто будет программировать будущее?*

Я взялся за голову, потёр глаза.

— Ким, дневная сессия будет трудной? Что-то я совсем отключаюсь.

— Остался только зелёный, но сейчас о нём не будут говорить слишком подробно. Потом начнётся рассказ о бумерите, от которого у бумеров всегда сносит крышу, и о втором порядке — вот это дико круто. Раз уж ты так далеко зашёл, глупо будет отключиться сейчас, когда начинается самое

⁵² «Нисходящая спираль» и «Большой коллапс» (англ.). — Прим. пер.

⁵³ «Будущее в компьютерном аду» (англ.). — Прим. пер.

интересное.

— Кто? Я? Поверь мне, последнее, чего мне сейчас хочется — это отключиться.

Ким посмотрела на меня со снисходительной улыбкой лёгкого недоумения, которая как будто говорила: «Эти мужчины такие милые, правда?»

— *Плюрализм (Зелёный): чувствительная самость.*

- Исследование внутреннего мира (своего и других людей).
- Распространение чувства близости и заботы.
- Ресурсы общества должны распределяться между всеми его членами; признание разнообразия и мультикультурализм.
- Равенство полов, защита прав детей, забота о благополучии животных.
- Все ценности относительны и рассматриваются с позиции плюрализма, поэтому никого нельзя притеснять.
- Иерархии отвергаются, поскольку считаются угнетающими.
- Освобождение людей от жадности и догм.
- Принятие решений на основании консенсуса.
- Обновление духовности для установления гармонии между всеми живыми существами Геи.
- Появление сообществ на основе совместно разделяемых ценностей.

— «Жить значит ощущать каждое мгновение», — говорит зелёный. — «Мы все сможем понять, кто мы такие, и как прекрасно быть человеком, если согласимся, что все мы равны и одинаково важны. Иерархии жестоки и ведут к маргинализации. Мы должны вместе радоваться и испытывать удовлетворение от единения. Души всех членов общества соединены друг с

другом. Души вместе идут по одному пути. Все мы зависим друг от друга в наших поисках любви и заботы. Сообщества растут за счёт синергии жизненных сил своих участников. Искусственные барьеры между людьми вредят всем. Совместная работа — лучший способ распространения знаний. Предвзятость и негативные убеждения исчезнут сами по себе, если мы заглянем вглубь человека и убедимся в богатстве его внутреннего мира. Все существа, населяющие Землю, наши экологические братья и сестры, действительно в равной степени заслуживают любви и мира».

Скотт в третий раз откусил зелёный сэндвич с ветчиной.

— Знаете, когда я думаю о моем младшем брате, то представляю, как, должно быть, трудно ему приходилось, когда он вырослел. В смысле, мы сегодня думаем, что все геи и лесбиянки «открытые», и это совершенно естественная вещь. Но я готов поспорить, на десять геев приходится меньше одного открытого.⁵⁴ Знаете, я раньше никогда об этом не думал. Им же, наверно, на самом деле нелегко? Я это понял только тогда, когда начал думать о своём брате.

Все за столом молча переглянулись. Никто не ожидал, что разговор примет такой серьёзный оборот. Но мы не знали, действительно ли Скотт говорил серьёзно или собирался над нами подшутить. Лучшая политика в такой ситуации — это молчание.

— Эй, люди? Вы здесь? — Скотт казался слегка обиженным.

— Да, это, наверно, ужасно, — в конце концов произнесла Каролина. — Мы об этом всё время говорим на занятиях по культурологии, но никто не придаёт этому большого значения, пока это не происходит с кем-то из

⁵⁴ В оригинале используется термин «камин-аут» (англ. *coming out*), принятый в ЛГБТ-литературе (ЛГБТ — «лесби, гей, бисексуал, трансгендер») для обозначения сложного психологического процесса принятия человеком своей «иной» сексуальной идентичности и публичного её признания. — Прим. ред.

знакомых. Мы называем это «маргинализацией». Но что это слово вообще означает?

— Это значит «заменитель масла», — Хлоя улыбнулась самой себе.

— Это маргарин, дуручка.

— Ой, открытый, закрытый — кому какое дело? — сказал Джонатан, но мы все знали, что на самом деле он так не думал.

Мы угрюмо молчали. Скотт изобразил улыбку и сменил тему.

— Хлоя, так ты навестила своих родителей? Как у них дела?

— Да всё в порядке, ничего особенного. Отец предложил маме устроить второй медовый месяц, а она закричала «Боже! Ещё один!» и в ужасе выбежала из комнаты.

— А-а, рад слышать, что у них всё нормально, — сказал я. — Они к нам приедут на следующей неделе?

— Нет, у моей сестры расстройство научения, и на этих выходных они встречаются с её новым репетитором.

— У твоей сестры расстройство научения?

— Ну, если тупизну считать расстройством научения, то да.

— У вас это семейное? — спросила Каролина.

— Надо же, ты *пошутила*, — ответила Хлоя. — Слушай, Каролина, какой кутюрье сшил для тебя это чудесное просторное платье? Должно быть, Омар-палаточник?

— Послушай, кретинка, я не толстая.

— Не толстая? Да комары, заметив тебя, кричат: «Ресторан!»

— Хлоя, милая, не соизволишь ли ты подойти поближе, чтобы я могла дотянуться до твоего горла?

Хлоя усмехнулась дьявольской усмешкой.

— А когда официант приносит тебе меню, ты просто смотришь на него и

говоришь: «Да, пожалуйста».

— Ну всё, маленькая сучка...

— Девушки, *пожалуйста*, только не за обедом. Скотт уже позеленел, и я даже не знаю, из-за сэндвича это или из-за ваших флюидов.

— Я позеленел?

— Так что вы собираетесь делать после обеда? — спросил Джонатан. — У меня сегодня это невероятно бесполезное занятие по поп-культуре. Называется, кажется, «Высоколобый, среднелобый, узколобый: Кто получит по лбу?» Я даже не понимаю, что это значит.

— Может, будут кожаные аксессуары? — с надеждой улыбнулась Хлоя.

— Я *позеленел*?

— Это же культурология, — сказала Каролина. — Тебе понравится. — Она усмехнулась. — Там надо всего лишь смотреть клипы Мадонны, а не читать «Войну и мир». Скотт, ты не зелёный. Эй, что случилось?

— Вообще-то, я должен был сегодня идти к зубному лечить каналы, — угрюмо признался он. — Но я даже не знаю, куда меня тянет сильнее: к зубному или на это твоё занятие. Наверно, всё-таки к зубному.

— Ну, тогда желаю тебе хорошенько повеселиться с твоим каналом! — сказала Хлоя.

— Обязательно повеселюсь. Разве кому-то такое может не нравиться?

— Здоровый зелёный мем, — начала Хэзелтон, — это ещё один глубокий сдвиг в сознании, сопровождающийся очередным уменьшением эгоцентризма и расширением сферы заботы, сострадания и участия, которые распространяются даже на детей и животных. Как пишут Бек и Кован: «Для людей на этом уровне, как правило, характерны развитые навыки межличностного взаимодействия, поскольку тёплое, конструктивное общение абсолютно необходимо, чтобы быть довольным собой. Общению очень

способствуют проникательность и интуиция, поэтому люди стараются совершенствовать такие навыки, как слушание. В организациях, находящихся на зелёном уровне, как правило, являются обязательными тренинги и чтение литературы по «человеческим отношениям», «чувствительности», «культурному разнообразию» и «вниманию к другим культурам».

— На зелёном уровне во главу угла встают вопросы экологии и равенства полов, — нежно произнесла Хэзелтон. — Зелёный — уровень эгалитаризма, общинности и всеобщего согласия (консенсуса). На рабочем месте приветствуется демократичность и работа в команде, сопровождающаяся диалогом и выражением чувств. «Зелёный стремится соединить душу с природой через уважение и даже благоговение, но не через суеверие (пурпурный) или навязанные правила (синий)».

— Ключевые слова зелёного уровня: антииерархичность, плюрализм, разнообразие, мультикультурализм, релятивизм и деконструкция. Зелёный категорически отказывается принимать и стремится жестоко и беспощадно деконструировать любые ранги и иерархии. Практически все интересы этого уровня основаны на благородном зелёном желании никого не притеснять и не дискриминировать.

Это было про маму с отцом — про всё самое лучшее, что в них было. Я подумал о свободе, которую они мне подарили, и внезапно острее, чем когда-либо ощутил чувство благодарности. На глаза навернулись слезы, зрение затуманилось. Я отвернулся, чтобы скрыть своё лицо от Ким, которая, наверно, вызвала бы доктора, если бы заметила в моем поведении ещё хотя бы одну странность.

Наверное, где-нибудь в потайных сундуках науки из помойки лежала теория о том, какими бывают дети родителей, находящихся на тех или иных уровнях. Кем, например, станет ребёнок, которого воспитывают красные родители? Может быть, пилотом-испытателем, а может, главным драчуном в классе или парнишкой со склонностью к убийствам, или человеком на вышке с автоматом, или Ганнибалом Лектором, обедающим человеческим мясом. А какие дети получатся у властных синих родителей? Вероятно,

маленькие паиньки, которые всегда тянут руку на уроках, просят побольше домашнего задания, мечтают стать старостами, *сами сознаются* в собственных шалостях, и собираются, когда вырастут, посвятить жизнь Иисусу, а значит, начать мешать жить тебе? А ребёнок оранжевых родителей? Наверное, это парнишка, который вступит в Бюро по совершенствованию бизнеса, когда ему исполнится пятнадцать, чтобы обеспечить себе хороший старт, который, вместо того чтобы есть свой ланч, продаёт сэндвичи, и который уже носит галстуки, хронически не сочетающиеся с рубашками. Говоря о таких людях, мой отец любил цитировать Карла Маркса: «Капиталист готов продать верёвку, на которой его повесят».

А я? Зелёненький малыш? Что вышло из меня? Конечно, меня подпортил бумерит и, конечно, громадные скороспелые планы родителей часто обрушивались на меня, как мокрое одеяло, не давая воздуха моим собственным планам. У меня астма, иногда я действительно не могу дышать. Я постоянно чувствую себя рыбой, плывущей против течения. И всё же самым главным для меня остаётся то, что мне многое разрешали. Я как будто постоянно слышал голос, говоривший: «Делай что хочешь, мы не против». Мама с отцом действительно дали мне свободу или, по крайней мере, большую степень свободы, и, кажется, это преимущество перевешивало все недостатки.

Я был очень, очень, очень им благодарен. Сидя в зале Интегрального центра, я пережил что-то похожее на нервный срыв в результате открытой атаки на мои незащищённые дендриты. В моих глазах стояли слёзы бесконечной признательности этим замечательным, милым, любимым людям, и я растворился в тёплом, мерцающем, зелёном свете. Я чувствовал, будто у меня появился милый маленький котёночек, которым я хотел поделиться со всеми.

— Ким, ты знаешь, мои мама с папой... Мои мама с папой, дорогие мама с папой, — шептал я на ухо Ким, глупо улыбаясь.

— Знаю, знаю, Кен. — Она погладила меня по руке. — Вот, выпей моего латте мокка, тебе станет легче.

Я сделал глоток, но большая его часть стекла по моему подбородку.

— Осторожней! Ты разве не в курсе, что в Индии миллионам детей приходится пить на завтрак чёрный кофе без сахара?

— Хотя здоровый зелёный является частью постконвенционального, мироцентрического, универсального сознания, любая истина в его представлении крайне субъективна. Зелёный считает, что все живые существа в равной степени заслуживают уважения, и поэтому отходит в сторону, позволяя каждому выбрать себе истину по душе. Все точки зрения равноценны, если они никому не вредят. Именно поэтому зелёный называют «чувствительной самостью». Зная о существовании множества контекстов и типов истины, *разнообразии* и *плюрализме*, зелёный из кожи вон лезет, чтобы все истины были услышаны, и ни одна из них не оказалась неостребованной или маргинальной.

— Я могу сделать мостик, Кен. Как тебе *это*?

— О боже.

— У тебя чувствительная самость, Кен?

— В этом можешь не сомневаться, Хлоя.

— А насколько чувствительная, Кен? Ты это чувствуешь?

— Вау! Можешь не сомневаться, Хлоя.

— Ооооо, сейчас ты позеленеешь, — говорит она.

— Не думаю, что они имели в виду именно это, Хлоя.

— У этого благородного замысла есть своя теневая сторона. Совместное обсуждение и политкорректное мышление навязывают строгую систему допустимого дискурса. Бек и Кован обращают внимание, что «зелёный мем может быть очень жёстким в своём требовании „непредвзятости“ (разумеется, в рамках эгалитарной, однородной группы). Уверенность в том, что его

путь — это и есть Путь, делает зелёный (как и все мемы первого порядка) очень невнимательным или даже слепым к остальной части спирали. Зелёный — непреклонный мем. Люди на этом уровне терпят несогласие с собственным мнением, только если это „зелёное“, деликатно высказанное членами их собственной группы несогласие. Замечая признаки авторитаризма и агрессивности, зелёный закипает от негодования, которое некоторые наивные люди принимают за безусловную любовь ко всем живым существам. Зелёный моментально прекращает все разговоры о гармонии и теплоте, если кто-то ещё пытается играть на его поле».

Хэзелтон замолчала и посмотрела в аудиторию.

— Как правило, любые переговоры, участники которых придерживаются зелёных принципов, проходят по одному и тому же сценарию: каждый получает возможность высказать свои чувства в отношении обсуждаемого вопроса (что обычно занимает несколько часов), потом начинается бесконечное обсуждение всех заслушанных точек зрения, за которым обычно не следует никаких конкретных решений и планов действий, поскольку любой план действий идёт в разрез с чьей-то точкой зрения. Чтобы переговоры были признаны успешными, не обязательно приходить к соглашению — главное, чтобы все смогли поделиться своими чувствами. «Свобода — это бесконечные переговоры». Уж в «бесконечности» вы точно можете быть уверены.

Вообще-то, это тоже касается моих родителей, ещё как касается! Мысль об этом сбалансировала моё состояние. Теперь мои эмоции рикошетом отскочили в противоположном направлении и с тошнотворным звуком врезались в оголённую нервную ткань. Мне сразу же вспомнился тот суровый праведный гнев, который мои родители обрушивались на каждого, кто не был таким же «добрым и любящим», как они сами. Странное противоречие, правда? Я никогда не понимал, как они могли говорить, что не хотят никого отвергать и дискриминировать, хотя презирали всех, кто с ними не соглашался. Теперь наконец-то до меня дошло, что зелёный, как и любой другой мем первого порядка, испытывает неприязнь к ценностям

всех остальных мемов. Он утверждает, что хочет равноправия, но не даёт красному быть красным, синему — синим, а оранжевому — оранжевым... так что, стремясь принимать всех такими, какие они есть, зелёный *отвергает* очень многих. Аланис Мориссетт надо было спеть *об этом* в своей песне про иронию (хоть, по иронии, она и не может сказать, что такое ирония).

Хэзелтон улыбнулась, опустила взгляд на кафедру и начала зачитывать цитату.

— В настоящий момент в академической среде зелёный мем или плюралистический релятивизм доминирует. Колин Макгуинн пишет: «Согласно этой концепции, человеческий рассудок по своей сути локален, зависим от культуры и прочно связан с человеческой природой и историей; это совокупность дивергентных „частиц“, „форм жизни“, „систем отсчёта“ и „концептуальных схем“. Не существует таких стандартов мышления, которые выходили бы за границы данного общества или данной эпохи, и не может быть никаких объективных оснований для того или иного верования, которое должны все уважать. Быть справедливым значит быть признанным справедливым, и у всех людей могут быть свои, в равной степени законные причины признавать что-то или отвергать. В конце концов, любое утверждение обосновано, только если оно „обосновано для меня“». Как объясняет Клэр Грейвз, «в этой системе мир рассматривается с позиций релятивизма. Такое мышление демонстрирует нам радикальное, практически маниакальное стремление смотреть на всё в рамках релятивистской, субъективной системы координат».

— Вот тут-то и появляется бумерит.

Слушатели напряжённо замерли, затаив дыхание, не произнося ни звука, как будто стараясь незаметно подготовиться к тому, что должно быть последовать дальше.

— Сейчас я буду использовать много сложных терминов, но обещаю позже всё объяснить. В высшей степени субъективистские позиции зелёного плюрализма, стремящегося принять всех и никого не дискриминировать,

делают его лёгкой жертвой нарциссизма. В этом-то и состоит суть проблемы: *плюрализм, как магнит, притягивает нарциссизм*, невольно закладывая фундамент для Культуры Нарциссизма.

— Таким образом, очень высокий мем зелёного плюрализма стал той тихой гаванью, где могут быть *повторно активированы* некоторые более низкие, в высокой степени эгоцентричные мемы, в частности, как мы позже увидим, пурпурный и красный. Зачастую, в своём благородном и похвальном стремлении преодолеть конформистские правила и этноцентрические предубеждения, то есть стать *постконвенциональным*, зелёный неосознанно поддерживает *всё* неконвенциональное, в том числе многие *доконвенциональные*, регрессивные и нарциссические течения.

— Эта странная смесь высокого плюрализма и низкого нарциссизма и есть *бумерит*, преследовавший бумеров практически с самого начала. Позже мы увидим, что бумеры стали первым поколением в истории, совершившим массовый переход на зелёный уровень. В результате этого невероятного достижения мы получили гражданские права, защиту окружающей среды, феминизм и реформу здравоохранения. За это бумеры заслуживают нашей вечной признательности.

— Но вслед за этим, бумеры *застряли на зелёном уровне*, потонули в зелёном, и зелёный очень быстро стал патологическим. Зелёный плюрализм превратился в магнит для красного нарциссизма, и эта взрывная смесь чуть не уничтожила целое поколение.

— Заражённый, лишившийся равновесия и откровенно больной зелёный мем превратился в злобный зелёный мем со всеми его самыми гадкими проявлениями. Неожиданно набрали силу теневые импульсы Нации Вудстока, — скоро мы убедимся в этом на множестве примеров. С распространением злобного зелёного мема крайний плюрализм становился всё сильнее и могущественней, безжалостно превращая всё на своём пути во ФЛАТЛАНДИЮ — убеждение, что ничто не может быть лучше, выше или глубже, чем что-либо другое. Эта эгалитарная ахиня означает, что все точки зрения равны, и поэтому «НИКТО НЕ МОЖЕТ УКАЗЫВАТЬ, ЧТО МНЕ

ДЕЛАТЬ!». Флатландия стала любимым прибежищем нарциссизма, и в этом, если говорить коротко, заключается трагедия Поколения Я.

Хэзелтон подошла к краю сцены, осмотрела зал, улыбнулась и твёрдо подвела итог своему выступлению.

— Можно сказать, что бумерит — это плюрализм, заражённый нарциссизмом, или флатландия, в которой поселилось раздутое эго.

В зале поднялся странный, напоминающий сдавленный стон, громкий шум, который не выражал ни одобрения, ни возмущения. Он был похож на взволнованный вздох человека, которому присяжные только что зачитали в громкоговоритель обвинительный приговор.

Неуправляемое тело Хлои раскачивается под «[Death by Chocolate](#)»⁵⁵ De-Phazz, и звуки музыки отдаются в моём оглушённом и не способном сопротивляться мозгу.

— Эй, — Хлоя читает газету, — на национальном телевидении собираются запустить шоу, посвящённое зелёному мему. Как ты думаешь, кого туда позовут?

— Мадонну?

— Нет, она слишком старая и к тому же не носит одежду.

— Зато можно посмотреть на её сиськи.

— А что, их кто-то ещё не видел?

— А как насчет Мэнди Мур? — предложил я.

— Уже лучше, но она слишком молода и, наверно, даже не знает, как пишется «зелёный». Так... а как насчёт Бритни? Пупок — стопроцентно мультикультурный атрибут.

⁵⁵ «Смерть от шоколада» (англ.). — Прим. пер.

— Нам нужен всенародный заботливый мишка, — рассуждал я. — Как насчёт Первой Леди?

— Единственное, чему Первая Леди дала своё имя — это реабилитационному центру. — Хлоя подняла глаза, нагнулась, прижалась своей плотью к моей плоти. Кровь в наших венах пульсировала в унисон.

— А как насчёт *этого*, — без колебаний предложила она.

— Да, Хлоя, это именно то, что нам нужно на национальном семейном телевидении...

— Но давайте не будем забывать о многочисленных достижениях здорового зелёного мема. Забота и чувствительность зелёного, последнего уровня первого порядка, компенсирует жёсткость предыдущих уровней спирали, делая возможным скачок в гиперпространство сознания второго порядка, где завершится интегральное объединение: все уровни спирали будут интегрированы, и тогда зелёные идеалы воплотятся в реальность.

— Тут мы видим глубинную экологию, постмодернизм, голландский идеализм, роджерсианский подход, канадскую систему здравоохранения, гуманистическую психологию, теологию освобождения, совместное исследование, Всемирный совет Церквей, Гринпис, экопсихологию, права животных, экофеминизм, постколониализм, Фуко/Деррида, политическую корректность, движения меньшинств, вопрос о правах человека, мультикультурализм. 10% населения, 15% власти.

О Боже, ещё один нервный припадок. В конце концов ИИ разовьётся настолько, что любой человек сможет запросто загрузить своё сознание в компьютер. Но я хочу, чтобы моё сознание достигло второго порядка, прежде чем будет загружено на кремниевую матрицу! А если этого не случится? Что если я застряну на оранжевом или зелёном? Что если я не смогу достичь интегральных уровней и буду обречён вечно гнить на каком-нибудь кремниевом чипе?

Эту ужасную, болезненную мысль практически сразу сменила другая: а что если на все суперкомпьютеры во вселенной мы загрузим бумерит? Господи, тогда полиция политкорректности создаст наноботов, которые растерзают все несогласные мемы во всём киберпространстве. МОИ ЧЁРТОВЫ РОДИТЕЛИ БУДУТ ВЕЧНО ПРАВИТЬ ВСЕМИ КОМПЬЮТЕРАМИ! Я не могу дышать, на этот раз я действительно задыхаюсь.

— Ким, Ким, мои родители! — зашептал я.

— Знаю, знаю, ты их любишь.

— Да нет же, они будут править Федерацией ботов! Это же самый страшный ночной кошмар!

Ким посмотрела на меня и покачала головой.

— Кажется, у меня в сумочке был прозак.

— Зелёный мем знаменует конец мышления первого порядка. Все без исключения мемы первого порядка считают своё видение мира единственно верным. И поэтому все мемы первого порядка ведут партизанскую войну друг с другом. Но с переходом на второй порядок ситуация в корне меняется. Для простоты я объединю два мема второго порядка — жёлтый и бирюзовый — и буду называть полученную комбинацию холистическим или интегральным уровнем. Давайте посмотрим на слайд.

— *Холистический (Второй порядок): интегральное объединение.*

- Интуитивное видение всей спирали развития и признание важности всех мемов.
- Видение всей картины, мировых потоков, глобальных сетей.
- Возвращение вертикальных иерархий (ранжирование) и горизонтальных иерархий (связывание).
- Личная свобода без вреда другим и крайностей эгоизма.
- Работа ради собственного удовольствия и на благо всей спирали

развития.

- Создание интегральных сообществ.

— «С нас спадают шоры, и мы впервые видим, что все шесть мемов, известные нам на данный момент, имеют законное право на существование. Одновременно мы видим необходимость восстановления разрушающегося мира, существование которого поставлено под угрозу в результате воздействия на экосферу Земли первых шести мемов, ведущих непрерывную войну друг с другом. Интегральное видение позволяет людям свободно перемещаться по гибкой и подвижной спирали развития и по достоинству оценить сложные многоуровневые динамические системы, действующих внутри общества и отдельных людей. Если обнаружена проблема на пурпурном уровне, нужно вылечить пурпурный. Если красный идёт вразнос, его бешеной энергии нужно придать направление. Если разрушена синяя структура, нужно её восстановить. Многие социальные конфликты начинаются из-за того, что люди с разных уровней не понимают друг друга, а значит, такие конфликты можно устранить только при условии понимания всей интегральной спирали». Это понимание появляется на втором порядке, где подлинная *целостность* наконец-то становится реальной.

Когда Хэзелтон произнесла эти слова, у меня в голове засела мысль: это то, что мне нужно, именно то, что мне нужно — сознание второго порядка в бесконечном киберпространстве — сияющий от восторга, навсегда освободившийся интегральный ум. Больше никакого четвертования, миром правит единство, единство и ещё раз единство...

— *Ты ведь понимаешь, что речь о Нём? О Старейшем? О Том, кто грядёт? Ты ведь видишь — прямо здесь и сейчас — Омегу Кремниевой Эры? К чему стремится эволюция? Тебе ведь известна её Причина и Цель в мирах углерода и кремния? Ты можешь назвать её Имя?*

— С переходом на второй порядок происходит то, что Грейвз называл *важнейшим скачком осмысления*. По сути дела, становится видна вся спираль, и не обязательно в виде чётко сформулированной психологической модели: это может произойти на уровне интуитивного понимания. В конце концов, спираль — это самая реальная реальность, которую впервые замечает сознание второго порядка.

— Меняется всё, дорогие друзья. Грейвз заметил, что на втором порядке резко ослабевают страхи. Похоже, что глубина и широта взглядов, свойственных пониманию второго порядка, позволяют смотреть на мир с тихой мудростью, которую не так-то просто поколебать. Благодаря тому, что люди на втором порядке видят общую картину и могут свободно перемещаться по ней, с ними происходят события, которые могут показаться чудесными. Бек и Кован так пишут об этом: «Люди или группы людей, находящиеся на втором порядке, как правило, справляются с поставленными задачами лучше, быстрее и эффективнее, чем люди с первого порядка. На втором порядке люди обычно выбирают такой удивительный подход, который никому до них просто не мог прийти в голову».

— Люди с мышлением второго порядка интуитивно понимают, с какого уровня действуют другие, поэтому говорят с ними на их языке. Они обладают подлинным состраданием — для них это не просто высокий идеал, а реальная практика. «Кроме того, эти люди могут осознанно, используя способности второго порядка, активировать в себе любой из ресурсов первого порядка, от приверженности фактам до интуитивных озарений».

— Люди второго порядка обычно вызывают изумление окружающих именно благодаря тому, что могут перемещаться по спирали так, как того требует ситуация. Бек и Кован пишут: «Второй порядок — это не жизнь

среди цветов и ягод и не полный комплект от L. L. Bean.⁵⁶ Это может быть пластиковая посуда, фаст-фуд и костюм из Saville Row,⁵⁷ если того требуют время и обстоятельства». Иногда человек второго порядка носит рваные джинсы, а иногда — костюм-тройку. Иногда он добр и сострадателен, а иногда от его ярости сотрясаются стены. Он перемещается по всей спирали, и поэтому не помещается ни в какие рамки.

— Что это у них куда не помещается?...

— О нет, Хлоя, только не сейчас.

— Но этого требует момент, — говорит голая Хлоя. Она нагибается и улыбается мне промеж своих раздвинутых ног.

— А теперь будь внимателен, сладкий мальчик, и смотри, как я интегрирую твою вертикальную иерархию со своей горизонтальной. Вот так.

— Ух ты!

— Довольно интегрально, да?

— Эээ... Вообще-то, Хлоя, я не думаю, что они это имели в виду.

— Для начала попробуйте увидеть *иерархию* спирали развития. Поверьте, в этом нет ничего сложного, — она рассмеялась. — Красные иерархии основаны на власти и грубой силе: большая рыба ест маленькую. На синем уровне (мифический порядок) существуют многочисленные и очень жёсткие социальные иерархии, например, кастовая система, иерархии средневековой

⁵⁶ «L. L. Bean» — американская компания, основанная в 1912 году, в основном специализирующаяся на одежде для активного отдыха. Славится высоким уровнем обслуживания клиентов. — Прим. пер.

⁵⁷ «Saville Row» — марка недорогой деловой одежды. — Прим. пер.

церкви и строгая социальная стратификация феодальных империй. Оранжевые иерархии (меритократии) основываются на заслугах и возникают там, где ценятся выдающиеся достижения. На зелёном уровне чувствительная самость *отвергает любые иерархии* просто потому, что с ними часто связаны ужасные проявления социальной несправедливости.

— Но на втором порядке *иерархии возвращаются*. Теперь это более мягкие, вложенные иерархии, которые называются иерархиями развития. В качестве примера можно привести иерархию, в рамках которой атомы включаются в молекулы, молекулы — в клетки, клетки — в организм, организмы — в экосистему, экосистемы — в биосферу, а биосфера — во всю вселенную. Каждый из элементов иерархии, не важно, на каком уровне он находится, совершенно необходим для существования всей иерархии: если исчезнут атомы, то немедленно исчезнут все молекулы, клетки, экосистемы и т.д. В то же время каждая следующая волна объединяет и включает все предыдущие: экосистемы включают организмы, которые включают клетки, которые включают молекулы — это называется *развитием* путём *включения*. Поэтому чем *выше волна*, тем *больше компонентов она включает*, объединяет и интегрирует и тем меньше дискриминирует, исключает, подавляет. Каждая следующая волна «превосходит и включает» предшествующие, демонстрируя увеличение заботы. Подобно большинству естественных процессов развития, спираль развития является вложенной иерархией или иерархией развития, и поэтому область применения заботы растёт с каждым уровнем сознания.

— Послушай меня, — говорит голая Хлоя, раскачивающаяся на люстре, — ты должен это знать, если хочешь добраться до второго порядка. Зелёный мем не терпит маскулинности. Он не признает ничего твёрдого, прямого и вертикального. Никакой эрекции! Только мягкие линии, сопливые сантименты и трогательные чувства. Никаких вертикальных эрекций и иерархий.

— Хлоя, мне не кажется...

Но тут до меня доходит, что она, скорее всего, права.

— Поэтому когда мы делаем вот *так...*

— О боже.

— *Это* и есть второй порядок!

— Риана Эйслер обращает внимание на важное отличие между «иерархиями доминирования» и «иерархиями актуализации». Иерархии доминирования — это инструменты жёсткого социального подавления, а иерархии актуализации — это иерархии развития, действительно необходимые для самоактуализации индивидов и культур. То есть иерархии доминирования — это инструмент подавления, а иерархии актуализации — инструмент развития. Именно иерархии развития аккуратно соединяют прежде изолированные и разрозненные элементы. Отдельные атомы объединяются в молекулы, отдельные молекулы — в клетки, отдельные клетки — в организмы, организмы — в экосистемы, экосистемы — в биосферу и т.д. Короче говоря, иерархии развития превращают беспорядочные нагромождения элементов в целое, соединяет осколки, заменяют отчуждённость взаимодействием.

— Согласно спиральной динамике, понимание иерархий роста приходит на втором порядке. Поэтому, отрицая любые иерархии, мы не только ведём благородную борьбу с несправедливостью иерархий доминирования, но и *закрываем себе путь к интегральному второму порядку.*

Ким нагнулась ко мне.

— Тебе это отрицание вертикальных иерархий о чём-нибудь говорит?

— Ну, Хлое точно говорит.

— В смысле?

— Да так, ничего. Ничего интересного.

— Так как интегральное сознание второго порядка видит вложенную

иерархию развития, оно признаёт, что каждый мем играет важнейшую роль. Поэтому сознание второго порядка «понимает уникальность всех концептуальных и личных миров, созданных предыдущими мемами». То, что правильно для синего, не обязательно будет правильно для пурпурного или оранжевого. То, что правильно для зелёного, не обязательно будет верно для красного или синего. *Этика второго порядка ориентирована на здоровье всей спирали, и ни один из уровней — ни синий, ни оранжевый, ни зелёный, ни даже уровни второго порядка — не заслуживает привилегированного отношения.*

— Этот «спиральный императив» (отдавая дань уважения «Стар Треку», я ещё называю его «основной директивой») объясняет многие мотивы людей, находящихся на втором порядке. Бек и Кован отмечают: «Отвес, с помощью которого второй порядок делает свои оценки, отклоняется в сторону всей спирали, её здоровья и эволюции. Это необходимое условие выживания в Глобальной деревне. *Все цвета важны, потому что каждый цвет спирали выполняет свои функции*». «Основная директива» устанавливается в контексте *всего развития*: «Второй порядок осознаёт необходимость каждого элемента развёртывающейся последовательности мемов. Решение проблемы с точки зрения второго порядка — это поиск пробелов, нестыковок, триггерных зон, естественных потоков и регрессивных процессов».

Хэзелтон замолчала, посмотрела в зал, улыбнулась.

— На втором порядке может возникнуть новый, глубоко универсальный и «благоговеющий перед космическим порядком и творческими силами, проявляющимися с момента Большого взрыва даже в самых крошечных молекулах» вид духовности. На основании представлений о космическом единстве обычно формируется новое понимание Геи, как части глобального сознания. Это духовность «общей картины», духовность космической целостности. Очень важно уметь отличать *постконвенциональную* космическую духовность от конвенциональной мифической синей религии. Они разные, как день и ночь: в основе первой лежит интегральное сознание, в основе второй — мифы и догмы.

— Ким, по-моему, космическое единство — это как раз то, к чему стремились мои родители. Они действительно хотели его достичь. Наверное, они до сих пор мечтают об этом бирюзовом единстве. Просто в шестидесятые они свернули не туда и застряли на зелёном, заблудились во флатландии, и поэтому так и не смогли совершить этот скачок.

— Грустно, правда?

— Не знаю, может, ещё не поздно? Морин говорил, на эту тему есть какие-то исследования?

— Да, они просто удивительные. Сам увидишь.

— У каждого уровня свои патологии, так что даже второй порядок может иметь существенные недостатки, — напомнила нам Хэзелтон. — Чем ярче свет, тем чернее тень. Широкие взгляды могут объединять людей в мегаплемена и суперкланы. Всегда сохраняется опасность пойти по стопам Дарта Вейдера: если, находясь на очень высокой стадии развития, человек злоупотребит открывшимися ему возможностями, последствия могут быть просто катастрофическими. К примеру, панорамное видение в комбинации с материалистическими взглядами, характерными для флатландии и теории систем, вряд ли принесёт большую пользу. В общем-то, все самые отвратительные пороки глобализации являются *пагубным следствием злоупотребления возможностями второго порядка*. В глобализации как таковой нет ничего плохого, но глобализация *флатландии* — навязывание одного мема (например, оранжевого бизнеса) всему миру — это настоящий кошмар. Но о кошмарах поговорим позже...

Хэзелтон улыбнулась.

— А сейчас давайте закончим на здоровой ноте. Второй порядок следует «основной директиве»: способствовать здоровью всей спирали. Основная директива — это попытка помочь всем мемам наилучшим образом проявить себя, так чтобы каждый мем мог внести свой важный и необходимый вклад в здоровье спирали. Поэтому именно *здоровые* мемы второго порядка должны стремиться к появлению сострадательного интегрального сознания

и подлинному миру на земле.

Интегральное сознание и чувство единства теперь стали для меня не просто абстрактными понятиями. Теперь они означают, по меньшей мере, две конкретные вещи: то, чего я хотел достичь, и минимальные требования для загрузки в Киберпространство. Я боялся, что мы с самого начала загрузим в суперинтеллектуальную сеть разрозненные мемы первого порядка. Человеческая эволюция и киберэволюция, углерод и кремний — я рассчитывал, что за свою жизнь успею пройти оба этих пути, но оказалось, что они пересекаются. Происходящее в одном из миров непременно отражается на другом мире. И если программисты не преодолеют мышление флатландии, они зальют своей фрагментарной логикой кристаллические решётки кремниевого сознания и навсегда затуманят его.

— Кен, ты должен это попробовать, — Хлоя смотрит на меня, её вечно голое тело улыбается. Но говорит она голосом Хэзелтон, — Скачок в гиперпространство интегрального сознания.

— Развитие сознания — это увлекательное путешествие из мира разрозненных групп, состоящих не более чем из 30 человек, неспособных общаться с другими группами и племенами, в мир глобальной деревни, предоставляющий по меньшей мере теоретическую возможность интегрального объединения, глобального единства-в-многообразии, которое позволяет всем культурам сохранить свои особенности и уважает их уникальность в контексте универсальной заботы и справедливости.

— Не удивительно, что невероятные достижения эволюции заставили многих мыслителей, включая Гегеля, Тейяра де Шардена и Ауробиндо, прийти к выводу, что конечной целью развёртывающейся эволюции является сам Дух. Конечно, жестоким проявлениям эволюции также несть числа, но нам не обязательно витать в сладких грёзах, чтобы увидеть позитивные достижения и понять, какое удивительное движение по спирали развития

уже произошло.

— Допустим, что дальнейшие кросс-культурные исследования предоставят ещё больше доказательств существования спирали развития, о которой мы только что говорили. Что это будет означать с точки зрения возникновения подлинно интегрального сознания?

— Ответ прост. Что является трамплином к интегральному сознанию второго порядка? Зелёный мем.

— Что мешает нам прямо сейчас совершить скачок к интегральному сознанию? Фиксация на зелёном мем.

— Какова основная причина фиксации на зелёном мем?

— Бумерит.

На второе выступление Стюарта собралась вся наша компания. Стюарт — высокий, худощавый, красивый, бритый наголо двадцатидевятилетний мужчина, от которого исходит настолько интенсивная энергия, что кажется, будто он не вынимает пальца из электрической розетки. Поэтому сила, яркость, честность и юмор его выступлений совсем не кажутся удивительными. То, что он до сих пор не стал звездой национального масштаба, можно объяснить только тем, что он сам этого не хочет. Мы всегда оставляли за своим столом одно свободное место, чтобы он мог подсесть к нам во время перерыва в выступлении.

— Ну, Стюарт, детка, расскажи Кену, зачем ты медитируешь, — Джонатану нравилось начинать разговор с этой фразы.

— Ну, я не считаю медитацию чем-то особенным, это своего рода личная гигиена. К тому же я пишу музыку в медитации. Я словно погружаюсь в это невероятное творческое пространство, и песни сами приходят ко мне, как будто они уже были написаны и только ждали меня. Иногда я погружаюсь в безмолвие. Словно возвращаюсь домой. Без этого я бы точно сошёл с ума, — можете мне поверить, ведь я знаю, что такое безумие.

— Кен считает, что всё на свете скоро будет закачено на чипы, ча-ча-ча, так что тебе больше не придётся этим заниматься, — Джонатан ухмыльнулся. — Если захочешь помедитировать, или заняться любовью, или сделать что-нибудь ещё, просто нажми на кнопку «ВКЛ».

— Ты всё неправильно понял, — сказал я. — И вообще, я уже начал в этом сомневаться. То есть я об этом думал. Хотя, может, и не особо, но всё-таки думал.

— Оооооо, бог ты мой. В любом случае, не думаю, что что-то изменится, если всё будет закачено в компьютеры. Но раз уж речь зашла о закачке: Каролина, скажи, ты глотаешь?

Я с испугом заметил в дальнем конце зала Джоан Хэзелтон, доктора Морина и ещё нескольких человек, которых я не знал. Я быстро отвернулся и прочистил горло.

— Дело вот в чём, — поспешно заговорил я, — совершенно очевидно, или, по крайней мере, было бы очевидно, если бы так и было, или могло бы быть, если всё получилось. То есть, позвольте мне подытожить...

— Оооооо, какой умник.

Скотт, прищурившись, посмотрел на меня, затем повернулся к Стюарту.

— Но Стюарт, у тебя ведь должны быть какие-то идеи о том, что лежит в основе медитации? Ты ведь о ней пишешь, ты о ней поёшь, ты ей занимаешься. Ты так избавляешься от стресса? Или работаешь со своим духом? Или соединяешься с Богом? Или просто дремлешь?

— Я слышал ваш разговор про путь «от машины к трансцендентному сознанию». По-моему, это и есть медитация. Вы выходите за рамки своих механических привычек и соединяетесь с трансцендентным сознанием. Без шуток.

— Ну и что в этом интересного? — сказала Хлоя, имея в виду «Ну и кому это нужно?» или «Давайте лучше пойдём на шоппинг».

— Трансцендентное сознание? Которое нельзя свести к материи? — спросил я.

— Да, настоящее духовное сознание. Не порождённое материей.

— Мне это сложно понять, — сказала Каролина. — Я изучаю культурологию. Мы вдоль и поперёк изъездили критику существовавших в прошлом форм социального угнетения. И, должна вам сказать, все эти системы медитации зародились в жестоких патриархальных обществах. Задумайтесь хоть ненадолго. Вы говорите «трансцендентное сознание», а я слышу «наплюйте на женщин и насрите на землю».

— Что-что ты слышишь?

— Я слышу «наплюйте...»

— А я слышу занудную феминистскую хрень про то, что все женщины — жертвы, — бросила Хлоя. — Это всё тааааак устарело, милая.

— Понять не могу, как тебя взяли на архитектурный — ты же настоящая киса ку-ку, — огрызнулась Каролина в ответ. — У меня даже с морковкой были разговоры поинтереснее.

— Морковка заявляет обратное.

— Может быть и так, — вставил Стюарт. — Может быть, ты права, и некоторые из этих систем патриархальные. Но это ещё не значит, что они плохи на сто процентов. Патриархальные мужчины изобрели колесо, но ведь ты, наверно, не чувствуешь себя угнетённой, когда едешь на машине или велосипеде. Может, и медитацию тоже придумали патриархальные мужчины, но в этом нет ничего страшного, если она открывает нам доступ к разуму, несводимому к материи.

— Вообще-то, — я украдкой посмотрел по сторонам, — кое-кто даже говорит, что существуют уровни ума или уровни сознания.

— Вы только послушайте нашего кремниевого мальчика, — рассмеялся Джонатан. — Ты открыл то, что давно знают все люди, которые хоть что-нибудь знают, но ты, конечно, неходишь в их число. Все традиции мудрости — слышишь, Кен, все — говорят об уровнях сознания, о великом спектре сознания, который простирается от материи до духа. Стюарт прав, когда говорит, что медитация позволяет тебе оказаться на вершине этого спектра. Вот почему я практикую дзен. И ты тоже можешь попробовать, — он улыбнулся.

— Ну, приехали. Это самый занудный разговор в мире, да? Стюарт, дорогой, почему бы тебе не спеть? Спой для нас, милый.

— Уже скоро.

— Уровни сознания... Уилбер, да где ты был всё это время? Мы заходили в Интегральный центр, на прошлой неделе, помнишь? Ты слышал всю лекцию? Запомнил хоть что-нибудь? — спросила Каролина.

Я уже успел забыть, как первый раз оказался в Интегральном центре.

— Запомнил ли я что-нибудь? Ну, естественно, конечно, запомнил. Я запомнил про эти уровни, или как их там.

— Я часто выступаю в ИЦ, — сказал Стюарт.

— Выступаешь в ИЦ? Зачем?

— Они специалисты в области сознания и его развёртывающихся стадий или волн. К ним приезжают эксперты со всего мира. И мне это интересно. Я даже посвятил свой альбом «Kid Mystic» одному из тамошних преподавателей. А они позвонили мне и пригласили к себе. Я бываю на некоторых их конференциях и иногда там пою.

— Будь осторожен, — ухмыльнулась Хлоя. — Бумеры пожирают своих отпрысков.

— Правда? И что это значит, Хлоя? О! Эй, посмотрите туда. Джоан! Джоан! Привет.

Моё тело пронзил адреналиновый разряд. Когда Хэзелтон направилась к нам, я запаниковал.

— Стюарт, а мы о тебе вспоминали. Когда ты приехал?

— Вчера вечером, Джоан, всего за десять минут до начала концерта, так что я не смог позвонить. Мой Додж Махал сломался на подъезде к Бруклину.

Хэзелтон села. Казалось, что её коралловые глаза видят бесконечность, что их прозрачность — продолжение неба. В её глазах нет ничего, кроме неба, и с неба льются лучи света. Мир не проникает в неё, а как будто исходит из неё.

— Это твои друзья? — спросила она Стюарта.

— Вообще-то нет, они просто преследуют меня повсюду. — Мы непонимающе уставились на него. — Ладно, шучу. Хлоя, Скотт, Каролина, Кен, Джонатан — доктор Джоан Хэзелтон. — Мы кивнули друг другу в знак

приветствия.

— Мне вот интересно, доктор Хэзелтон, вы в ИЦ изучаете сознание. Скажите, вы это делаете в рамках какой-то школы? — спросил Джонатан без обычной язвительности.

— В общем-то, нет. Наш замысел в том, чтобы взять все известные карты человеческого ума — восточные, западные, древние и современные — и создать общую карту — сравнительную карту человеческого ума. Если на какой-то из используемых нами карт есть белые пятна, мы заполняем их данными с других карт. Иногда мы выбираем одну из этих карт, например, карту Джейн Лёвинджер (Jane Loevinger), Шри Ауробиндо, Плотина или спиральную динамику, и используем её в качестве вводного материала. Но в основном нас интересует интегральная карта, на которой собрано всё лучшее с остальных карт.

— И что интересного в этой карте? Простите меня за прямоту, но какая от неё польза? — вмешался Скотт.

— Ну, наши исследования чем-то похожи на проект «Геном человека», только вместо составления карты всех известных генов мы составляем карту всех известных мемов. Всех уровней, волн, стадий и состояний сознания — можете выбрать то слово, которое вам понятнее. Мы составляем карту всего спектра сознания. — Хэзелтон замолчала, улыбнулась и с теплотой посмотрела на всех, сидящих за столом. — Может быть, объединив все известные гены и все известные мемы, мы обнаружим что-нибудь интересное, — широко улыбнулась она.

Хлоя непроизвольно закатила глаза, что являлось сигналом приближающейся смерти от скуки. Не знаю почему, но я был влюблён в Хлою: может быть, из-за её нахальной самоуверенности, так резко контрастировавшей с моей скучной замкнутостью. К тому же, без неё я бы никогда не попробовал всех этих глупых и невероятно жизнерадостных вещей. И в то же время я не мог понять, что я в ней нашёл. Хотя это меня не волновало. Меня беспокоила мысль о том, *что* девушка вроде неё могла увидеть во мне.

Джоан в упор посмотрела на меня. Её взгляд полностью дезориентировал, потому что в бескрайних небесах невозможно найти опору, ведь там плоть на время ослабляет свою хватку, и ты окунаешься в бестелесное киберпространство. Обычно, когда смотришь кому-то в глаза, ожидаешь найти там что-нибудь твёрдое, что не позволит тебе в них провалиться.

— Мы уже встречались, да? — спросила она.

— Да? Нет. То есть, нет. Да, конечно, нет.

— Позвольте мне перевести для Вас слова этого кибермальчика...

— Не надо, Джонатан. Я, мы, нас... мы как-то заходили в ИЦ. Возможно, тогда вы меня и видели.

Она улыбнулась.

— Люди, люди, люди. Послушайте, ребята, всё самое интересное ещё впереди. Спираль развития — это великая Река жизни, которая несёт миллиарды людей от своих истоков к океану. Человек, независимо от своей культурной принадлежности, всегда начинает свою жизнь с чистого листа, с архаической стадии, со старого доброго бежевого, который и является отправной точкой его роста и развития. На каждого человека, добравшегося до интегральной стадии, приходится десятки тех, кто не добрался, хотя так же, как он, двигался по спирали развития, начиная с архаического уровня. Сама спираль — это огромный бесконечный поток, по которому непрерывно плывут миллиарды людей. Кто-то из всех сил старается не захлебнуться, а кто-то наслаждается путешествием, кому-то помогают, а кого-то задерживают, — всё зависит от степени понимания человеком этой могучей Реки.

Доктор Морин объявил планы на день: выступление Стюарта и несколько презентаций. Это был важный день, выступали три приглашённых лектора.

— Сегодня нам предстоит то, что мы называем днём подробностей, — сказал Морин. — Мы будем рассматривать увлекательнейшие подробности эволюции сознания, обсудим уровни развития самости, взгляды модернизма

и постмодернизма и препятствия на пути к интегральному сознанию.

— Ну, всё, считайте, что Хлоя ушла. Это всё звучит тааааак скучно, просто слов нет.

Для меня было загадкой, почему она вообще решила сюда прийти. Возможно, из-за того, как я смотрел на Хэзелтон.

— Пообедаем вместе? — выкрикнул я ей в след.

— Ооооо, счастье-то какое.

— Обещаем, что всё будет максимально безболезненно. Для этого мы даже подготовили кучу картинок. Сегодня вам придётся немного потерпеть, а дальше можно будет расслабиться! — По залу прокатилась мощная волна аплодисментов вперемешку с криками одобрения.

Я оглянулся, чтобы найти Ким. Она сидела справа, тремя рядами дальше. Ким встала и подошла ко мне.

— Ким, это Скотт, Джонатан, Каролина.

— Первой, — начала Ким, усаживаясь рядом со мной, — будет Лиза Пауэлл. Она злая.

— Что?

— Она чёрная, она лесбиянка, и она злая.

— А почему злая?

— Ходят слухи, что прошлым летом она забеременела.

— Я думал, она лесбиянка.

— Ну, вот поэтому она так и разозлилась.

— Её изнасиловали?

— Нет, нет, она влюбилась в того парня, и, конечно же, этого не должно было случиться.

— Потому что она чёрная?

— Потому что она лесбиянка, дебил.

— Но мне кажется, она, эээ, провалила вступительные экзамены в эту категорию.

— Она просто прекрасна, вот увидишь.

— Ребята, клянусь вам, это очень просто. Значит так, — начала Пауэлл с очаровательной и совершенно не злой улыбкой. — У нас есть 8 уровней сознания. Каждый из них определяет себя по-своему, так что мы получаем 8 уровней самоотождествления (или самоидентификации).⁵⁸ Все уровни самоотождествления — это разные варианты ответа на вопрос КТО ТЫ?

— В правом столбце таблицы, которую вы видите на слайде, перечислены виды самости. (Рис. 4.1.)

⁵⁸ Самоотождествление, самоидентификация, или «я»-идентичность (англ. *self-identity*) — психологический термин для обозначения процесса, посредством которого «я» отождествляет себя с той или иной структурой сознания, наборами смыслов и ценностей. Результатом этого процесса становится та или иная идентификация (идентичность, отождествлённость, «тождественность») в сознании, которая может быть как относительно простой, так и довольно комплексной, включающей множество параметров и процессов (тело, семья, этнос, всё человечество в целом, все живые существа и проч.). Результат самоотождествления — то в мире, с чём я отождествляюсь, с чем я себя соотношу. — Прим. ред.

	Мировоззрение (Что я вижу)	Мем	Уровень саёмоотождествления (Кто я)
Доконвенциональ ные (эгоцентрические)	Архаическое (инстинктивное)	Бежевый	Импульсивная
	Магическое (анимистическое)	Пурпурный	Эгоцентрическая
		Красный	
Конвенциональ ные (этноцентрические)	Мифическое (членство)	Синий	Конформистская
	Формальное (рациональное)	Оранжевый	Сознательная
Постконвенциональ ные (мироцентрические)	Плюралистическое (релятивистское)	Зеленый	Индивидуалистская
	Интегральное (холистическое)	Второй порядок (жёл тый, бирюзовый)	Автономная
	↓		
	Трансперсональное		

Рис. 4.1. Мировоззрение и самость

— Вы видите несколько общепринятых названий: импульсивная самость, конформистская самость, автономная самость и т.д. Эти восемь уровней самоотождествления — просто различные аспекты восьми уровней сознания, с которыми вы познакомились ранее, так что, пожалуйста, не надо скулить и стонать: боже мой, придётся ещё что-то учить. Мы просто посмотрим на старый материал под новым углом, чтобы даже идиоты, вроде вас, могли его усвоить. — Она обворожительно улыбнулась слушателям, вышла в центр сцены и выкрикнула: — Разве вам самим не интересно, какой у вас тип самости?!

Большинство людей в зале в ответ закричало: «Да!»

— Хорошо, раз вам это интересно, на сегодняшней сессии я открою ещё несколько интересных деталей о стадиях развития самости. А тем, кому-то эти детали неинтересны, понравится завтрашняя сессия, на которой начнутся примеры бумерита. Так что любителям кровавых подробностей осталось ждать совсем недолго!

— А эти подробности и правда кровавые? — спросил я у Ким.

— О да, весьма. Даже шокирующие. В зале становится очень горячо, почти взрывоопасно. Бумеры устраивают что-то вроде моральной драки с применением тухлых помидоров. То ещё веселье, должна тебе сказать.

Пауэлл посмотрела в зал.

— Сейчас мы пробежимся по слайду №1.

Фальшивые аплодисменты, Пауэлл грустно улыбнулась.

— На архаическом уровне восприятие мира в целом инстинктивное, а самость — *импульсивная*. Ей в основном управляют физиологические нужды и потребности (бежевый), от которых зависит биологическая жизнь.

— В начале процесса отделения от физического мира самость сохраняет магическую связь с миром (анимизм) и видит себя в его центре. Основные заботы: безопасность и власть (пурпурный и красный). Самость пока остаётся *эгоцентрической*.

— Со временем самость учится ставить себя на место другого и перемещается с эгоцентрических доконвенциональных уровней на этноцентрические конвенциональные. Тут она сразу оказывается в ловушке предписанных обществом ролей и правил, поэтому самость на данном уровне в основном *конформистская*. Это самость мифического членства (синий), по рукам и ногам связанная традициями, мифами и условностями доминирующей культуры. Истина на этом уровне обычно пропитана *мифическим абсолютизмом*: существует один и только один правильный взгляд на любые вещи, и он описан в Книге (в Библии, Коране или «Маленькой красной книжице» Мао).

— Ким, это ведь то же самое, что вчера говорила Хэзелтон, — прошептал я.

— Да. Смысл в том, что разные модели волн развития очень друг на друга похожи. Хэзелтон вчера говорила о мемах. Сегодня речь пойдёт об уровнях развития самости. Это действительно почти одно и то же.

— Тогда зачем всё повторять?

— Ну, как сказал Чарльз, у нас сегодня «день подробностей». Они будут говорить о подробностях, чтобы убедиться, что мы усвоили все базовые понятия. Не волнуйся, тебе не нужно всё это запоминать. Будет достаточно, если ты запомнишь цвета спиральной динамики.

— Кажется, я уже вообще ничего не помню.

— Ну, тогда будет достаточно того, что ты согласишься на слайд №1.

Я стал разглядывать Лизу Пауэлл. Она просто заражала интенсивностью своей энергии. Я не увидел в ней злости, и всё же она производила поразительное впечатление. Она была довольно высокой, наверное, почти метр восемьдесят, статной и стройной. Её волосы находились в естественном беспорядке, напоминающем афро-причёски 60-х. Белые брюки и белая рубашка — яркий контраст. Она не ходила, а грациозно кралась, замечая всё происходящее вокруг: казалось, от неё не ускользала ни одна подробность, касающаяся людей или вещей, и от этого создавалось впечатление, что она

обладает каким-то панорамным видением, встроенным в затылок радаром. Я посмотрел на слайд №1.

— Преодолев конформистские обычаи и стадное чувство, сознание учится *анализировать* конвенциональные истины и оценивать их, руководствуясь более универсальными соображениями. Действительно ли всё, что сказано в Библии, абсолютная правда? Действительно ли моя страна всегда права? Всегда ли применима конвенциональная мораль? Способность анализировать и критиковать появляется с развитием формально-операционального мышления или, проще говоря, рациональности оранжевого мема. *Конформистская* самость становится *сознательной* и стремится освободиться от чар группы и её ограничивающих и подавляющих мифов и полуправд. Это начало перехода от конвенциональности к постконвенциональности, от этноцентризма к мироцентризму, от локального к глобальному, от того, что правильно и справедливо для моего племени, моей группы или моей страны, к тому, что правильно и справедливо для всех людей, вне зависимости от пола, расы, цвета кожи и вероисповедания.

Пауэлл медленно и мягко подкралась к краю сцены и посмотрела в зал.

— Но переход к постконвенционализму и мироцентризму — это только начало пути, — сказала она. — Несмотря на множество достоинств, включающих медицину и технологию, формально-рациональная волна сознания обладает таким негативным качеством, как склонность к сухим абстракциям, из-за которых самость теряет контакт как с внутренней природой (*élan vital* ⁵⁹, либидо, эмоционально-сексуальной энергией, радостью жизни), так и с внешней природой, и это становится причиной разочарования в мире. Иными словами, недостаток оранжевой рациональности в том, что она стремится *подавить* всё не являющееся оранжевой рациональностью.

⁵⁹ *Élan vital* (фр.) — термин, введённый французским философом Анри Бергсоном, который можно примерно перевести как «жизненная сила». — Прим. пер.

— Вот видишь, сладкий мальчик, ты ведь тоже подавляешь, да? Признайся, сладкий мальчик. Эта рациональная наука отрезала твою голову от тела, не так ли?

Хлоя лежит на мне и трётся своим голым телом о моё тело, обещая заманчивое продолжение.

— Не знаю, Хлоя. Я не знаю.

— Ну конечно, это так, сладкий мальчик. И поэтому ты думаешь, что нас ждёт бестелесное спасение на кибернебесах. Но ты же просто проецируешь на будущее своё собственное подавленное состояние. Ты переборщил с механической наукой, и она отделила твою голову от тела, сладкий мальчик.

— Ты правда так думаешь, Хлоя?

— Я не думаю, я знаю.

— И откуда ты это знаешь, Хлоя?

— Я же говорила, что ты дребезжишь, когда занимаешься любовью. Чёрт, это даже соседи слышат.

Nine Inch Nails всё ещё играют «[Downward Spiral](#)» и «[Things Falling Apart](#)»⁶⁰. Господи, ну кому они об этом рассказывают?

— Так что рациональность действительно может подавлять. Вообще-то, все мемы склонны отрицать те стороны реальности, которые им не по душе, так что рациональность в этом не одинока. К тому же, «подавление» и «угнетение», в которых обвиняют оранжевую рациональность, по большей части дело рук синего порядка. Просто именно рациональность с её невероятно мощными структурами способна с пугающей самоуверенностью

⁶⁰ «Нисходящая спираль» и «Всё разваливается» (англ.). — Прим. пер.

претворять в жизнь свои репрессивные планы. Даже в лучших своих проявлениях мировоззрение всеобщего формализма остаётся довольно бескомпромиссным, твёрдым и непоколебимым.

— Всё меняется с возникновением зелёного мема и так называемого *постформального* мышления. Постформальный зелёный мем начинает рассматривать различные варианты и ослабляет строгие правила всеобщего формализма, где это возможно, комбинируя их с пониманием богатства и разнообразия культур, типов личностей и представлений об истине, которые необходимо уважать и оберегать, а не пытаться втиснуть в рамки формальной рациональности.

— Видишь? А ты втискиваешь, сладкий мальчик, ты втискиваешь, — очень убедительно говорит мне голое тело Хлои.

The Offspring вопят «Out Come the Wolves»⁶¹, Rage Against the Machine грохочут «[Calm Like a Bomb](#)»⁶².

Наверное, она права.

— Не сейчас, Хлоя, не сейчас.

Прямо здесь и сейчас видишь ли ты Того, кто, находясь вне времени, спонтанно сознаёт всё это? Если да, то скажи мне, Кем или Чем ты являешься, когда погружаешься глубже собственной глубины? Облака уплывают прочь, мысли уплывают прочь, но есть ли в тебе что-то, что остаётся? Видишь ли ты Это? Можешь ли ты назвать его Имя?

— В связи с этим стоит отметить, что рост и развитие обычно происходят

⁶¹ «И явились волки». — Прим. пер.

⁶² «Мирный, как бомба». — Прим. пер.

путём *деления* и *интеграции*. Наиболее распространённый пример — развитие сложного многоклеточного организма из одной яйцеклетки. Сначала в результате деления зиготы образуются две клетки, затем — четыре, затем — шестнадцать, тридцать две, шестьдесят четыре и т.д. На каждом уровне *деления* из клеток *образуется* ткань, органы и системы организма. Многие люди считают, что деление и интеграция — два противоположных процесса, но на самом деле они дополняют друг друга. Из жёлудя получается дуб — вот вам чудо отделения и интеграции.

Пауэлл стояла в центре зала, волны света нежно омывали её тело.

— То же самое происходит во время роста и эволюции человеческого мировоззрения. Старое мировоззрение отделяется, а затем интегрируется в новое, более сложное и высокоупорядоченное мировоззрение, которое позже тоже отделяется и интегрируется, и так далее вверх по спирали.

— Итак, формально-рациональное мировоззрение делится на множество *плюралистических систем*. Восприятие множества контекстов, относительных истин и культурного разнообразия — один из многих даров зелёного. Поскольку признаются важные истины всех культур и всех индивидуумов, самость на этой волне является не только чувствительной, но и в большой степени *индивидуалистической*, как сказано на слайде №1.

— На следующей, интегральной, волне все эти отдельные системы собираются вместе и *интегрируются* в сложные модели с холистическими связями. Внимание уделяется не только *различиям*, но и *сходствам* систем. Да, дорогие друзья, это и есть знаменитый скачок к интегральному сознанию второго порядка, на котором самость становится *автономной*. Некоторые исследователи, включая Дженни Уэйд (Jenny Wade) из ИЦ, предпочитают называть эту самость *аутентичной* — и это тоже корректно.

— Сейчас я покажу тебе кое-что аутентичное, — говорит Хлоя, срывая с себя одежду и совершая до неприличия откровенные движения.

— Кен, ты можешь придумать предложение со словом «колышущий-

ся»?

— Колышущееся тело Хлои начало...

— Это слишком просто.

— Колышущиеся груди Хлои начали...

— Слишком просто.

— Попытки Кена использовать слово «колышущийся» колыхались самым колышущимся образом, так что...

— Кен, сладкий мальчик, чем ты вообще занимаешься?

— Отличный вопрос, Хлоя, просто отличный.

— Но зачем нам вообще нужно знать об этих уровнях развития самости? — в Лизе Пауэлл начала проявляться её знаменитая резкая озлобленность, сделавшая и без того страстное выступление ещё более горячим и пылким.

— Одна из причин заключается в том, что зная их, мы можем понять, действительно ли самость заинтересована во взаимоуважении, взаимопонимании, мироцентрической заботе и сострадании. Ведь постмодернизм и мультикультурализм в рамках своей «политики признания» тоже требовали *одинакового уважения и признания* всех культурных сообществ, особенно подвергающихся дискриминации. Так что если наша цель — это мироцентрическое уважение и всеобщее равенство, тогда мы прямо сейчас должны принять решение развиваться, чтобы наша самость могла дорасти до постконвенциональной мироцентрической осознанности, да?

Она посмотрела в зал и крикнула: «Да?!» И зал ответил ей: «Да!»

— Подлинное уважение и взаимопонимание возможно *только* на постконвенциональных волнах или стадиях универсальной заботы по Гиллиган. Невозможно *заставить* людей проявлять взаимоуважение. Самое большее, что можно сделать — это издать закон, который регламентирует

поведение, но не мысли. Однако сторонники мультикультурализма хотят большего: они хотят, чтобы все группы и индивиды относились друг к другу не просто толерантно, а с взаимоуважением, они требуют внутренних изменений в отношении людей друг к другу, а не просто соблюдения правил поведения, понимаете?

Лиза Пауэлл всё больше заводилась. Она постоянно перемещалась по сцене, всё ещё улыбаясь, но её энергия уже начала фокусироваться в один лазерный луч.

— Лично я убеждена, что общество, все члены которого относятся друг к другу с уважением — это та благородная цель, к которой мы должны стремиться. Но для этого, — она повысила голос, — *позвольте мне повторить сказанное! — мы должны каким-то образом помочь как можно большему числу людей развиться до постконвенциональных уровней.* Как мы уже видели, для того чтобы достичь постконвенционального мироцентрического уважения, необходимо пройти как минимум пять или шесть последовательных уровней развития. Поэтому если постмодернистам хочется создать культуру, основанную на взаимоуважении, что само по себе кажется мне хорошей идеей, тогда нам необходимо выяснить, как вырасти и эволюционировать до этих более высоких уровней сознания, поскольку без них взаимоуважения нам не видать *никогда.*

Она замолчала и оглядела зал, как будто говоря: «Только попробуйте пикнуть».

— Но сейчас ситуация такова: пока зелёный пытается достичь взаимоуважения, например, с красным, красный продолжает вытирать о зелёный мем ноги. И зелёный не может понять, в чем же, блин, проблема?! «О-о, давай обсудим это ещё раз», — говорит зелёный, — а красный срать на него хотел с высокой колокольни.

Несколько людей в зале рассмеялось и зааплодировало, слышался недовольный кашель и бормотание.

— Красный согласится с зелёным только в том случае, если сам эволю-

ционирует до синего, потом до оранжевого, а потом до зелёного. Но зелёный просто хочет, чтобы все были друзьями, обсуждали любые проблемы и делились чувствами, не имея не малейшего представления о том, что для этого необходимо.

Пауэлл озарила зал улыбкой.

— Я хочу сказать одну простую вещь: психологическое развитие и культурная эволюция от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму — единственный способ избежать угнетения и маргинализации. Но зелёный мем, с его изначально плоским убеждением, что все точки зрения одинаково хороши, отрицая уровни, иерархию и эволюцию, *отрицает решение* самой ненавистной своей проблемы — проблемы угнетения. Так что истово защищающий флатландию зелёный мем неумышленно способствует *распространению* того самого угнетения, которое ему так хотелось преодолеть. Наряду с откровенно расистским синим мемом, зелёный является основным источником угнетения в нашей культуре.

Несколько человек в зале, услышав такие дерзкие обвинения, от удивления открыли рты, остальные выдали шквал аплодисментов, сквозь который были слышны отдельные грубые и недовольные выкрики. Пауэлл глубоко вдохнула и быстро закончила своё выступление.

— Как называется фиксация на зелёном меме? Бумерит. Значит, бумерит — это один из основных источников угнетения в нашей культуре. И если вы, люди, в этом сомневаетесь, не уходите далеко — эту сложную и очень напряжённую тему мы обсудим на наших следующих сессиях.

Лиза Пауэлл улыбнулась, повернулась и твёрдой походкой спустилась со сцены.

Хлоя нежно скользит своей грудью от моих лопаток к пояснице, её губы сложены так, будто она беззвучно произносит «О». Зачем мне все эти разговоры о бумерите? Я не бумер.

— Затем, — раздаётся звук из сложенного буквой «О» рта, — ты ведь хочешь стать интегральным, да?

— Да.

— *Тогда тебе нужно пойти дальше Поколения Я.*

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Хлою, и не могу поверить своим глазам, когда вижу на её месте Хэзелтон.

На сцене снова Морин.

— Чтобы продолжить разговор о бумерите, начатый доктором Пауэлл, мы должны знать вот что: бумеры были первым поколением в истории, которое массово эволюционировало до зелёного мема с его плюрализмом, релятивизмом, постмодернизмом и чувствительностью к другим культурам. И это всё очень хорошо и замечательно. Кроме того, время от времени постконвенциональные бумеры-постмодернисты яростно набрасывались на традиционные истины синего и оранжевого как на политическом (в борьбе за гражданские права и защиту окружающей среды), так и на теоретическом поле (в трудах, посвящённых деконструкции устаревших теорий). И это тоже хорошо и замечательно.

— Но по определённым причинам, к которым мы ещё вернёмся, бумеры *застраили на зелёном*, и это привело к двум очень неприятным последствиям. Во-первых, огромное количество людей не смогло добраться до второго порядка и подлинно интегральных смыслов. В результате произошёл бунт плюрализма, опьянённого желанием видеть только различия. А так как плюрализм с его установкой «Я занимаюсь своим делом, а вы занимайтесь своим» является магнитом для нарциссизма, он стал поддерживать существование бумерита — высокого плюрализма, смешанного с низким нарциссизмом. Иными словами, зелёный мем принял патологическую форму.

Морин замолчал, словно позволяя этой мысли осесть в головах слушателей, потом вышел в центр сцены.

— Мы будем называть патологическую форму зелёного мема «злобным зелёным мемом». И, люди, я скажу вам честно, за злобным зелёным мемом скрываются по-настоящему больные мудаки. — Морин широко улыбнулся, как будто это была шутка, хотя на самом деле он говорил серьёзно. Кажется, он сознательно провоцирует слушателей. Это какая-то проверка, или Морин просто козёл? (Хотя, если подумать, то же самое делали Фуэнтес и Пауэлл. Они тоже что-то проверяли? Надо будет спросить у Ким.)

— С этого момента заражённый бумеритом зелёный мем стал источником таких проблем, которые, по утверждению многих критиков, перекрыли результаты всех предыдущих благих достижений, — с выражением озабоченности произнёс Морин. — Прочитую одного из создателей спиральной динамики Дона Бека: «За последние 30 лет зелёный мем принёс больше зла, чем любой другой мем». — Зал шумно заворчал. — Это правда, друзья: где бумерит, там жди неприятностей.

Морин подошёл к краю сцены, всё ещё улыбаясь той своей улыбкой, которая говорила, что он, в общем-то, не шутил.

— Давайте ещё раз вернёмся к слайду №1. «Сцена преступления», если можно так выразиться, — это проходящая через зелёный уровень область между оранжевым и интегральным — именно на этом участке застряли бумеры. Это и есть то место, то Бумер-шоссе 68, где произошла грандиозная автокатастрофа, оставившая после себя искалеченную массу под названием «бумерит» и глубокую извилистую воронку, через которую любое самое уродливое порождение доконвенциональных стадий могло добраться до Поколения Я. — Морин замолчал и поглядел на слушателей. — Но последствия этой катастрофы коснулись не только Поколения Я. Присутствующие здесь молодые люди не могли не заметить, что гарь от взрыва оседает и на них, причём таким толстым слоем, через который бывает невозможно дышать.

Некоторые «детки» начали аплодировать, хотя у меня не было уверенности в том, что мы на самом деле понимали слова Морина. Получите, мама с папой.

— Так что остаток сегодняшнего дня мы посвятим более подробному изучению оранжевого, зелёного и интегрального мировоззрений. В перерывах между лекциями будет выступать Стюарт Дэвис. — Услышав о Стюарте, зал взорвался аплодисментами. — А с завтрашнего дня мы начнём говорить о конкретных примерах, или, как сказали бы некоторые, об ужасах бумерита, ставших бетонным забором на пути к интегральному сознанию.

— Леди и джентльмены, Маргарет Карлтон.

— Ким, ты знаешь Карлтон?

— Она из другого города.

— Что, на этот раз никаких сплетен?

— Поживём — увидим.

— Можно тебя кое о чём спросить? — прошептал я.

— Только если твой вопрос не будет запредельно оригинальным и умным.

— Ладно. Просто сначала ты производишь впечатление такой беззаботной нахалки. То есть, когда я первый раз тебя увидел, то решил, что ты пустоголовая тёлочка, а ты совсем не такая. Я начинаю подозревать, что ты ужасно умна.

— Я получила докторскую степень по культурной антропологии в Антиохе. Была третьей в своей группе. После этого занималась исследованиями здесь, в Кембридже. Но какое тебе до этого дело, Кен Уилбер? — сказала она, пряча улыбку.

— Это из-за больших сисек, да?

— Посмотрела бы я на тебя, если бы, разговаривая с тобой, мужчины постоянно обращались бы к твоей груди. Что бы ты делал с такими сиськами?

— Наверно, я бы всю жизнь только и делал, что с ними играл.

— Я серьёзно. С таким телом тебе каждую минуту напоминают, что ты сексуальный объект. Честно говоря, я совсем не против этого, но я против

того, чтобы изображать из себя *что-то ещё*, пытаюсь изменить мнение других людей.

— То есть, ты не пытаешься сделать так, чтобы тебя ценили за ум, а не за тело?

— Вот именно. Я не пытаюсь бороться с клише.

— Добрый день. Поговорим о том, чего вы так долго ждали: развитие мировоззрения от оранжевого и зелёного до интегрального.

Взрыв аплодисментов и добродушное шиканье.

— Давайте ненадолго вернёмся к слайду №1, — предложила Маргарет Карлтон. — Так как я буду говорить в основном о стадиях развития, находящихся в середине таблицы, для тех, кто не умеет читать, я просто перечислю более ранние стадии: архаическая, магическая и мифическая — мы будем называть их *доформальными*. Это не означает, что они не важны. Напротив, как мы уже видели, для развития необходимы все волны. Просто в современном мире огромную роль играет *формально-рациональная* стадия, также называемая формально-операциональным мышлением или оранжевым мемом.

— И нетрудно понять почему. Какие когнитивные способности необходимы нам для перехода с конвенциональных и этноцентрических уровней на постконвенциональные и мироцентрические? Правильно, формально-операциональное мышление или интеллект, или рациональность, или просто оранжевый мем. Послушайте, люди, это очень важно!

Карлтон, улыбаясь, скачками перемещалась по сцене. Её маленькая лёгкая фигура иногда казалась совсем невесомой.

— Специалисты по психологии развития единодушны во мнении, что рассудок, или интеллект, — это не только способность создавать сухие и безжизненные абстракции, но и способность рассматривать ситуацию с *множества точек зрения, или перспектив*. Эту способность часто называют «перспективным рассудком». Так что когда мы призываем кого-то «быть

рассудительным», мы имеем в виду «попробуй поставить себя на моё место». Возможность учитывать разные точки зрения появляется у человека только в подростковом возрасте, с развитием формальной рациональности, так что именно в этот момент человека начинают по-настоящему волновать взгляды окружающих. Это невероятный шаг в росте и развитии сознания, с которого, благодаря удивительным возможностям рациональности, начинается великий переход от конвенциональных, этноцентрических и доформальных позиций к постконвенциональным, мироцентрическим и глобальным.

Этот сон я вижу с шести лет. Я не плыву по небу — я и есть само плывущее небо, я могу вместить и пропустить сквозь себя любые вещи. И всё же в этом теле я женщина, поэтому поляризация энергии неизбежна: таковы начальные условия игры. Юный Кен говорит мне, что его поколение спасётся на небесах из кремниевых кристаллов и освободится от ужасного бремени обречённой на разложение плоти. Взрослый Кен сумеет лучше во всём разобраться, хотя когда-то он мечтал о том же, о чем мечтает юный Кен. Скоро взрослый Кен и юный Кен встретятся. Оба они вышли из моего чрева, из моего безбрежного пространства, и оба они вернутся в него, каждый своим путём.

И всё же плоть не бездействует. Пронизывающие всех и вся волны сознания разворачиваются, цветут, взрываются, поют свои песни, и исчезают, чтобы смениться новыми волнами. Беспощадная спираль несётся к океану, чтобы самой сгинуть в нём. А моё поколение? Моё дорогое, моё милое поколение? Что мне делать с ним?

— Разумеется, рациональностью можно злоупотребить — каждый мем имеет две версии: здоровую и патологическую.

Карлтон оглядела зал, словно посмотрев в глаза каждому из присутствующих, обращаясь к каждому лично.

— Основной изъян оранжевой рациональности или формальной рацио-

нальности состоит в том, что для неё характерен *статичный*, даже *твердолобый* взгляд на любые явления. Однако, — глаза Карлтон загорелись, в голосе послышалось оживление, — *самое интересное*, что когда возникает понимание сущности происходящих в системах *процессов*, обнаруживается разнообразие контекстов и множество движущих сил, и оранжевый формализм отмирает, уступая место стадии зелёного плюрализма, как показано на слайде №1.

— И это для неё *самое интересное*? Что же, блин, она тогда считает скучным?

— Цыц, Уилбер.

— Для стадии зелёного плюрализма характерно представление, что все социально-когнитивные системы *обусловлены культурой и историей*. Отсюда само собой следует главное утверждение постмодернизма: универсальной истины не существует, есть только исторически обусловленные плюралистические системы отсчёта. Всё «контекстуально», то есть зависимо от собственного прошлого и исторического контекста, подвижно и подвержено постоянным изменениям. Цитирую Дейдре Крамер (Deirdre Kramer), входящую в число самых уважаемых специалистов в этой области: «Согласно контекстуальному/релятивистскому мировоззрению», то есть зелёному мему, «основой всего сущего являются случайные изменения, а знание встроено в более широкие контексты, будь то культурно-исторический контекст, когнитивная система координат или же непосредственный физический и психологический контекст». Также «на поведение человека в конкретной ситуации влияет более широкий социальный, исторический, этический и физический контекст. От того, какому аспекту ситуации человек уделит наиболее внимание, зависит его или её интерпретация или понимание ситуации. Каждый человек, общество, группа и ситуация уникальны», а интерпретации всегда отличаются друг от друга, поскольку контексты всегда различны.

— Ким, это скууууучнооооо.

— Она просто рассказывает про эволюцию от оранжевого к зелёному. Ничего страшного.

— Может быть, но, боже мой, все эти жаргонизмы...

— Интересно, Уилбер, мог бы ты стать ещё более тупым?

— Уверен, если бы пораньше задался такой целью, то смог бы.

Карлтон сделала глубокий вдох и начала говорить, с особой тщательностью выделяя каждое слово.

— Но поскольку зелёный мем не нашёл способа *установить связь между множеством плюралистических контекстов*, объявив их «несоизмеримыми» друг с другом, его мировоззрение в конце концов стало *расщеплённым и хаотичным*. Опираясь на данные исследований, Дейдре Крамер делает вывод, что с точки зрения этой стадии, «все люди и события уникальны и постоянно бессистемно меняются. В результате весь мир утопает в противоречиях. Во вселенной нет порядка. Порядок может быть либо навязан извне, либо установлен в соответствии с индивидуальной когнитивной системой координат».

Карлтон посмотрела в зал.

— Иными словами, зелёный мем убеждён, что любой порядок *навязан* властными или идеологическими структурами, то есть патриархатом, логоцентризмом, антропоцентризмом, андроцентризмом, видовой дискриминацией, фаллоцентризмом или — моё любимое — фаллологоцентризмом (интересно, а батарейки к этой штуке прилагаются?). Если вы слышите одно из этих слов, можете быть уверены, что столкнулись с зелёным мемом.

В ответ на это высказывание в зале послышался громкий недовольный гул.

— Поскольку зелёный видит множественные контексты, но *не может разглядеть связей между ними*, его мировоззрение остаётся неупорядоченным и бессвязным. Как мы уже знаем, зелёный смог *выделить* множество систем, но до сих пор не сумел их *интегрировать*. И что же, по-вашему,

будет дальше?

Несколько слушателей выкрикнуло: «Он научится их ИНТЕГРИРОВАТЬ!»
Раздался смех.

— Да, мои дорогие. И тогда мы получаем второй порядок, — миниатюрная Карлтон улыбнулась и ненадолго замолчала.

— Ким, как ты познакомилась с Морином?

— Вообще-то, на одном из этих семинаров.

— И что ты в нём нашла?

— Большой ум.

— А он в тебе?

— Большие сиськи.

— Мне кажется, это неравнозначный обмен. Хочешь сказать, это всё, чем ты могла заинтересовать Морины?

— Поначалу, конечно, так.

— Значит Морин любитель приударить за большегрудыми девицами вдвоем младше его?

— Вообще-то, нет. Думаю, я была первой такой девицей. Как бы там ни было, наверно, он начал встречаться со мной из-за сисек, но продолжил по другим причинам.

— А, эээ... ну ладно...

Ким повернулась и в упор посмотрела на меня.

— Не пойми меня неправильно, но мужчине в возрасте Морины нужна партнёрша, обладающая определённым набором качеств. Это как бы негатив ситуации, когда красивой женщине хочется, чтобы мужчина восхищался её умом. Морину нужна красивая молодая женщина, которая *понимала* бы его ум, потому что только это позволит ему почувствовать себя триумфатором и завоевателем.

Это прозвучало довольно резко.

— Вообще-то, по-моему, это звучит немного оскорбительно.

— Но ведь многим мужчинам хочется быть завоевателями, что в этом такого? А многим женщинам хочется, чтобы их завоёвывали, если не на рабочем месте, то по крайней мере в спальне, и что дальше? Я понимаю идеи Морина, так что когда он меня завоёвывает, то завоёвывает по-настоящему.

— Ты этим гордишься?

— Дебил, его идеи имеют надо мной власть. Это всё идеи, ты что, не понимаешь?

— Не уверен.

— Потому что ты думаешь как тот, кто трахает, а не тот, кого трахают.

Я протёр глаза и посмотрел по сторонам. Маргарет Карлтон снова говорила.

— Вот на чём мы остановились: мы увидели, что мировоззрение зелёного мема — или плюралистический релятивизм — может *разделять* системы, но не может их *интегрировать*. Но когда становятся видны сложные и многогранные отношения между различными контекстами, возникает новое мировоззрение, которое мы будем называть просто *интегральным*.

Сколько человек среди собравшихся действительно понимают, о чём она говорит? — подумал я. Карлтон выглядела смущённой. Но прохладные аплодисменты её последнему высказыванию говорили о том, что слушатели тоже были взволнованы, смутно осознавая ответственность, которую беспощадно налагало на них знакомство с этими идеями. Однажды выбравшись из флатландии, однажды признав иерархии или более высокие уровни или что-нибудь ещё, уже *нельзя было жить так, как будто всего этого не существует*.

— Дамы и господа, сейчас я приведу резюме сложившейся ситуации, которое даёт Дейдре Крамер, и на этом закончу своё выступление.

Гомон благодарных аплодисментов, к которому я даже приложил руку.

— Плюралистическая зелёная волна «выделяет динамические системы на основании культурного и исторического контекста», в то время как интегральная волна идёт дальше и *объединяет эти системы*. Таким образом «культурные и исторические системы диалектически интегрируются в развивающиеся социальные структуры». Короче говоря, происходит движение от формализма к плюрализму, а затем к интегрализму, или от оранжевого к зелёному, а затем... к квантовому скачку в гиперпространство сознания второго порядка.

Уход Маргарет Карлтон со сцены сопровождался стоячей овацией, которая была не столько знаком благодарности, сколько знаком облегчения.

— Ооооо, трахни меня своим большим умом, ооооо, он такой большоооой, ооооо, — Ким извивается подо мной, и когда я, желая насладиться зрелищем, смотрю вниз, она начинает истерически смеяться. Она даже не голая — её большие сиськи скрыты под тремя толстыми свитерами.

— Это не смешно, Ким.

— Но это же *твоя* фантазия, дебил.

Как там называлась та книга Дэвида Фостера Уоллеса? «Вещи, которые казались смешными и которых я никогда больше не сделаю»⁶³?

Морин снова на сцене.

— Да, становится всё интереснее, потому что наша следующая тема:

⁶³ David Foster Wallace, «Supposedly Fun Thing I'll Never Do Again» (англ.). — Прим. пер.

мировоззрения модернизма и постмодернизма.

Выкрики, шёпот, аплодисменты, усмешки.

— Какое отношение это имеет к бумерам? И какое до этого дело вам, иксерам и игрикам?

Зал моментально затих.

— Неоднократно отмечалось, что интеллектуалы поколения бумеров часто причисляли себя к движению *постмодернизма*, отвергавшему *модернизм* Просвещения, рациональность, существование объективной истины и буржуазную мораль. Используя некоторые факты доклада о развитии мировоззрения, который, я уверен, вы слушали затаив дыхание, мы сможем взглянуть на спор модернизма и постмодернизма в более понятном контексте. — Морин поднял глаза, ожидая, что кто-нибудь посмеётся над его шуткой, но зал ответил ему глухой тишиной. — Ну да. В общем, похоже, что для *модернизма* была в основном характерна *формальная* стадия развития мировоззрения (оранжевый мем), а для *постмодернизма* — первые *постформальные* стадии (в особенности зелёная). В этом развитии даже есть определённая симметрия: модернизм относится к постмодернизму так же, как формальные стадии — к постформальным.

Над залом всё так же висела глухая тишина. Раздосадованный Морин подошёл к краю сцены.

— И вот, послушайте, что случилось. Взяв в руки флаг благородного плюрализма, релятивизма и культурного разнообразия, постмодернизм обогатил мир множеством голосов, а потом отошёл в сторону и стал наблюдать, как растёт вавилонская башня: каждый голос настаивал на собственной важности, и лишь немногие уважали чужие ценности. Как только постмодернизм предоставил всем людям возможность выбрать свой путь, они с радостью разбрелись в разных направлениях. Хотя постмодернизм утверждает, что плюрализм *позволил зазвучать* множеству голосов, на самом деле почти все эти голоса, наполненные одиночеством и погибающие в тисках собственной изолированной «яйности», слабо доносятся из разных

уголков раздробленного мира.

Я посмотрел на Ким: она была влюблена, она сияла, она... как это лучше сказать? поработалась идеями? покорялась идеям? признавала победу идей? Разве можно так поступать с учениками? С другой стороны, сложно было себе представить, что кто-то был в состоянии использовать Ким.

— Переход от формализма к плюрализму был выдающимся достижением. Невозможность перейти от плюрализма к интегрализму стала ужасным бедствием. Плюрализм не только не сумел соединить культурные потоки: он допустил воскрешение отмирающего нарциссизма и даже способствовал его беспрецедентному расцвету. Поколение Я наконец обрело свой голос и над ничего не подозревающим миром нависла катастрофа бумерита.

Я посмотрел на Хэзелтон и с удивлением обнаружил, что физически она не так уж привлекательна. Хотя её лицо парило в облаках, оно было ничем не примечательно и само по себе вряд ли заслуживало внимания. Но, несмотря на это, я видел перед собой бесконечную красоту.

— **Вы знаете, что в ближайшее время я собираюсь загрузить себя на кремниевый чип? — спрашиваю я её.**

— Как же ты тогда будешь заниматься любовью с Хлоей?

— Что, простите? Я не совсем понял.

— Какое именно сознание ты собираешься загрузить?

— Ну, знаете, я как раз хотел это с вами обсудить. Понимаете, проблема в том... Ну, есть несколько проблем. Сейчас объясню. Нет, объяснять поздно. Позвольте подытожить.

— Между кремниевым миром и углеродным миром существует отношение инвариантного изоморфизма. Архетипические паттерны одного мира повторяются в другом, поэтому эволюция углерода в общем изоморфна эволюции кремния, — объясняет небо.

— Вот именно. Наверно. Поэтому я хотел спросить, хотя сначала я

скажу по-другому. Вслед за одним путём, который, скорее всего, не самый лучший, поэтому я хочу вернуться к тому, с чего начал, то есть...

— Да, Уилбер, ходят слухи, что ты дребезжишь, когда занимаешься любовью. С чего бы это?

— Позвольте заметить, что это прекрасный вопрос.

Лиза Пауэлл снова на сцене. Было видно, что зал её любит, хотя она не всегда была с ним нежна.

— Прежде чем перейти к обзору тех областей, которые были заражены бумеритом, давайте рассмотрим возможные возражения всему, что было сказано к настоящему моменту.

Каролина, до сих пор странно молчаливая, перегнулась через Скотта и сказала мне: «Очень хочется это послушать — у меня самой их тонна». Я не мог понять, злилась она или была приятно взволнована.

Пауэлл говорила почти час, я много записывал, особенно когда речь шла о Пиаже (Jean Piaget), Кольберге (Lawrence Kohlberg) и общих концепциях стадий развития.

— Основное возражение, — начала она, — наверное, состоит в том, что от концепций стадий веет притеснением, маргинализацией, патриархатом, сексизмом, расизмом и евроцентризмом, — бурные аплодисменты зала. — Не знаю, как вам это сказать, но результаты исследований говорят об обратном. Видите ли, проблема *не* в том, что концепции стадий кого-то угнетают, а в том, что некоторые из этих стадий сами по себе склонны к притеснению — в общем-то, практически все мемы первого порядка пытаются подавить другие мемы и навязать им свои ценности. Это, а не концепции стадий, является настоящей проблемой. В сущности, утверждение, что концепции стадий кого-то угнетают — это всего лишь попытка зелёного мема навязать неиерархические ценности флатландии всем остальным!

Пауэлл закончила цитатой из Кэрол Гиллиган, снова заставившей зал громко выражать своё одобрение и негодование.

— О, сын мой, послушай меня, — смеясь говорит мама, — мы, женщины, мыслим иначе.

— Да, и что дальше?

— А дальше мы освободим этот мир от патриархата.

— Если это значит «от отца», то здорово.

— Это значит, от вашего, мужского образа мыслей.

— И что же это за образ, мама?

— Вы всех ранжируете, классифицируете, осуждаете и унижаете. Когда мы, женщины, возьмём власть в свои руки, — она всё ещё смеётся, но уже по-другому, — войны прекратятся.

— И страны начнут до смерти изводить друг друга ворчанием?

— На смену ранжированию, доминированию и жестокости придут забота, симпатия и отношения. Мы будем жить в любящем, щедром, *основанном на сотрудничестве*, прекрасном обществе — разве это не чудесно звучит, сынок? — а не в этом гадком иерархическом обществе, вжик-вжик-вжик-бум-бах! Если президентами будут женщины, войны прекратятся!

— Да, это уже доказали Екатерина Великая, Мария Стюарт, Королева Виктория, Голда Мейер, Маргарет Тетчер и...

— Что?

— А больше всех мне нравится Изабелла Кастильская, основавшая

Испанскую инквизицию.⁶⁴

— Они не считаются.

— Почему это?

— Потому что это патриархальные женщины.

— Откуда ты знаешь?

Я смотрю на маму, и её лицо превращается в лицо Ким, которое превращается в лицо Хлои, которое превращается в лицо Хэзелтон, которая говорит: «Ты ведь настоящий мужчина, не так ли?» Как ужасно слышать о себе такое, думаю я про себя.

Лиза Пауэлл смерила взглядом всех присутствующих.

— Как вы, возможно, помните из выступления доктора Фуэнтес, Кэрол Гиллиган считает, что женщины проходят три или четыре иерархически упорядоченные стадии развития, причём «иерархически упорядоченными» называет эти стадии сама Гиллиган. И, в сущности, такие же иерархически упорядоченные стадии или волны — доконвенциональную, конвенциональную, постконвенциональную и интегральную — проходят мужчины. Речь, разумеется, идёт о вложенных иерархиях или иерархиях роста.

— Причина, по которой многие люди, особенно феминистки, до сих пор ошибочно считают, будто Гиллиган отрицала иерархию роста для женщин, такова: Гиллиган утверждала, что мужчины строят суждения на основании ранжирования и иерархического мышления, а женщины — на основании установления связей и относительного мышления. Первый способ построения суждений для простоты называется деятельностью (agency), второй — общностью (communion). При этом многие люди не обращают внимания,

⁶⁴ На самом деле Испанская инквизиция была основана в 13 в., за два века до правления Изабеллы Кастильской, при которой произошла реорганизация инквизиционной системы. — Прим. пер.

что Гиллиган выделяла *иерархические стадии женского развития*: стадии своекорыстия, заботы и универсальной заботы.

— Иначе говоря, многие феминистки приняли утверждение о том, что для женщин не характерно иерархическое мышление, за утверждение, что для женщин не характерно иерархическое развитие. Сама Гиллиган считает, что первое из этих утверждений верно, а второе — ошибочно.

Пауэлл посмотрела в зал.

— Почему же эти взгляды Гиллиган так часто подвергались неверному толкованию и искажению? Потому что зелёный мем, полностью отвергающий иерархии, оказался фактически неспособен понять идеи Гиллиган.

— И должна вам сказать, — Пауэлл снова грациозно кружила по сцене, — идея, что развитие женщины неиерархическое — это просто ещё одна феминистская басня, которая изуродовала, действительно *изуродовала* феминизм. Смысл её был в том, что раз женщины устанавливают связи и мыслят относительно, что хорошо, а мужчины ранжируют и строят иерархии, что плохо, то чтобы сделать мир лучше, достаточно быть женщиной. Ха! — произнесла она, танцуя по сцене. — Все женщины развиваются от доконвенциональных стадий или своекорыстных отношений через конвенциональные стадии или отношения заботы и до постконвенциональных стадий или отношений универсальной заботы и наконец интегральных отношений. То, что вы устанавливаете связи и отношения, ничего не говорит о том, *какого уровня* отношения вы устанавливаете. Причём нижние, доконвенциональные, эгоистические уровни устанавливаемых женщиной отношений имеют для мира такие же разрушительные последствия, как и нижние уровни развития мужчин.

Послышали аплодисменты и одобрительные выкрики некоторых мужчин. Женщины закатывали глаза, улыбались, зевали.

— Отрицать иерархичность развития женщины значит отрицать вертикальное направление развития женщины, дающее возможность *трансформации*. Феминистки решили, что если вы женщина, для вас является

достаточным любой уровень развития, будь то красный, синий, оранжевый или зелёный. И это освободило женщин от необходимости развивать своё сознание до более высоких уровней иерархии. Поверьте мне, именно из-за этого и сгнил феминизм.

Несколько выкриков из зала, половина выражала согласие, половина — негодование.

— Люди, это же просто мировоззрение флатландии. Так что, пожалуйста, в следующий раз, когда услышите призывы к созданию общества, основанного на связях и отношениях, не забывайте о том, что узнали сегодня, — пропела Пауэлл. — Вас всех обманывают, вас используют, вам сулят странный Остров Гиллиган, где все женщины прекрасны, все мужчины — животные, а все дети — вундеркинды. — Несколько человек рассмеялось, несколько — заворчалось. — Пожалуйста, не искажайте выводы Гиллиган. И я умоляю вас, пожалуйста, не идите по пути бумерито-феминизма, феминизма флатландии. У нас ещё будет *интегральный феминизм*, я вам обещаю.

— Я возьму курицу в соусе Марсала, — сказал Джонатан. — Эй, вы читали об этом исследовании в Гарварде, которое выявило, что от тофу сохнет мозг? Это из-за фитоэстрогенов, которые он содержит. Соевые продукты сильно снижают интеллект.

— Теперь понятно, почему все вегетарианцы такие, — поддержала разговор присоединившаяся к нам за обедом Хлоя.

— Знаете, что не так с этими семинарами? — сказала Каролина, которая всё-таки скорее злилась, чем была взволнована, — там рассказывают сплошные выдумки — от начала и до конца. Если вы поверите этой болтовне о спиральных стадиях и иерархиях, тогда всё, что они говорят, может показаться вам правдой. Но я этому не верю. Концепции стадий нам навязали...

— Ой, ну пожалуйста, не нужно этой хрени про патриархат, — перебила Хлоя. — Никто, подчёркиваю, никто за пределами твоего культурологиче-

ского монастыря уже в это не верит.

— Есть ещё исторический факультет, — сказала Ким.

— И антропологи. В общем-то, в это верят практически все гуманитарии, — согласился Скотт.

— В общем, в это верят во всех цитаделях бумерита, — сказал Джонатан. — В смысле, ведь именно об этом говорят люди из ИЦ, так? Каролина, твоя логика порочна. Ты говоришь, что иерархии, стадии и спираль развития — это гадкие порождения патриархата, поэтому ты в них не веришь. А эти люди говорят, что ты сама используешь патриархальный образ мышления, чтобы скрыть некоторые нелицеприятные факты.

— Это твоя логика порочна, а не моя, — Каролина решительно уставилась на него. — Все эти концепции стадий и их доказательства были заранее выбраны и подогнаны так, чтобы подтвердить те выводы, которые были им нужны, так что, конечно, у них всё сошлось. Все эти обсуждения целиком и полностью являются продуктом патриархата и его жестоких игр в классификацию. Если ваш единственный инструмент — это молоток, естественно, вы начнёте во всём видеть гвозди.

— И что конкретно ты хочешь этим сказать? — спросил Джонатан.

— Что я хочу сказать? — Каролина угрожающе прищурилась. — Джонатан, когда у тебя последний раз было хоть что-то похожее на отношения?

— Слушай, это не по правилам. Мне нелегко даются отношения. На них нужно время. Мне нужно узнать и полюбить партнёра, прежде чем я смогу начать его использовать и унижать.

— Ты думаешь, что классно пошутил, Джонатан, но это не смешно. Поверь мне, совсем не смешно.

— Что не смешно? Лично я вижу очень забавную компанию.

К нам подошли Стюарт и Хэзелтон. Во взглядах всех сидящих за столом читался вопрос: что это двое вообще делают вместе?

— Доктор Джоан, наша Каролина думает, что вы патриархальная свинья,

или, вернее, женская патриархальная свинья, — сказал Джонатан.

— Святые угодники: женская патриархальная свинья. Я слышала много разных вещей в свой адрес, но с этим ничто не сравнится.

— Доктор Хэзелтон, я бы никогда... — запинаясь, начала Каролина.

— Уж ты-то конечно, никогда, — сказала Хлоя.

— Послушайте, дорогие, я знаю, как сложно принять эти идеи. Это никому не даётся легко. Особенно моему поколению, верному, как вы сейчас уже догадываетесь, зелёному мему с его радикальным отрицанием иерархий, стадий и оценок. Не поймите меня неправильно, я очень люблю своё поколение. Но мы сами виноваты в своих бедах, не так ли? Поэтому вы должны помочь своему поколению выйти из нашей тени, — смеясь сказала она.

— Но только, даже вы говорите правду, зачем нам — моему поколению — вообще это нужно? — спросил я. — На кой нам, деткам, сдался этот бумерит?

— Это мы и пытаемся объяснить на семинаре. Интегральное сознание, вмещающее в себя все ваши, то есть наши общие, ценности, такие как глобальная забота, сохранение окружающей среды, всеобщее сострадание и справедливость, действительно существует. Более того! — у неё внутри как будто зажёгся свет, внезапно и неожиданно её *присутствие* стало невозможно не замечать. — Вы — глобальное поколение интернета! Дети глобальной деревни, которым необходимо глобальное сознание, иначе, могу вас заверить, вы сойдёте с ума! — Она улыбнулась, её голос был похож на тихий гром. А затем, в последовавшей за бурей тишине, она произнесла, — В вашем поколении у многих депрессия. Может быть, это потому, что вы не используете свой интегральный потенциал?

Мы, замерев, смотрели друг на друга, как будто пошевелиться значило признать свою вину, согласиться с нависшими над нашими головами словами горькой правды.

— Всё просто, — продолжила она, эффектно выделяя слова. — Мир стал глобальным, и ваше сознание тоже должно стать *глобальным*, иначе они не будут *соответствовать* друг другу, и от *утраты связи* с реальностью у вас начнётся депрессия или какие-нибудь другие паршивые неприятности.

Мы все снова переглянулись. Теперь слова Хэзелтон казались вполне разумными.

— И вы тоже это чувствуете? — рискнула спросить Каролина.

— Да, конечно. Я не хочу быть эгоцентричной или этноцентричной — я хочу быть мироцентричной, хочу быть более открытой, более справедливой, более интегральной — называйте это как хотите, и я не смогу спокойно спать, пока не добьюсь своего.

— Должно быть, давно вы не спали, — съязвил Джонатан.

— Не обращай на него внимания, Джоан, — с улыбкой сказал Стюарт. — Он-то спит сном младенца, даже когда бодрствует.

Я иду по длинному коридору, в конце которого есть дверь. И я знаю, что за этой дверью меня ждёт он. Я знаю, что когда встречу с ним, то умру, в самом непосредственном смысле этого слова. И я знаю, что это случится, и случится довольно скоро. И я знаю, что на сей раз это не сон.

Доктор Морин поставил слайд с надписью «Пещера ужасов плюрализма». Дневная сессия «дня подробностей» началась.

— Большинство из нас, — грохочущий голос Морина наполнил зал, — так привыкло к, казалось бы, доброму и внимательному плюрализму с его лозунгом «я занимаюсь своим делом, а вы занимайтесь своим», что перестало замечать те ужасы, которые творятся во имя плюрализма. Я не буду затягивать вступление — за меня всё скажет маркиз де Сад. Так уж получилось, что де Сад стал героем постмодернизма, трансгрессии и отрицания —

со всеми этими понятиями мы разберёмся завтра, когда будем говорить о Фуко. В романе де Сада «Жюльетта» героя по фамилии Минский обвиняют в изнасиловании, в том числе и анальном, и убийстве десятка мужчин, женщин, мальчиков и девочек. В своё оправдание Минский произносит ужасающе точную, выдержанную в духе постмодернизма и плюрализма, речь:

Подобно понятиям добродетели и порока [справедливость и несправедливость] зависят от географического положения. То, что порочно в Париже, оказывается, как вам известно, добродетельным в Пекине, точно так же дело обстоит и в нашем случае: то, что справедливо в Исфагане, считается несправедливым в Копенгагене. Разве существует что-нибудь постоянное в нашем изменчивом мире? Быть может, только законоуложение конкретной страны и конкретные интересы каждого человека составляют основу справедливости. ...

Справедливость вообще не имеет никакого реального существования — она есть самовыражение страсти... Поэтому пора перестать верить в фикцию: она не более реальна, чем Бог, в которого верят глупцы; в мире нет ни Бога, ни добродетели, ни справедливости, нет ничего доброго, полезного или необходимого, кроме наших страстей, и ничто в мире не заслуживает уважения, кроме их последствий.⁶⁵

— Зелёная плюралистическая чувствительная самость служит прекрасной цели: она помогает разрушить строго формальное рациональное мировоззрение и увидеть всё богатство различных культур. Но если остановиться на плюрализме и не искать более глубоких, сложных и интегральных связей, на свет выйдут и начнут править бал ужасы плюрализма, по-настоящему страшные примеры которых мы скоро увидим.

Морин помолчал, чтобы его слова могли подействовать на слушателей.

⁶⁵ *Маркиз де Сад. «Жюльетта: Роман». Том 2. Пер. с франц. — М., 1992. — Прим. пер.*

Это было похоже на применявшуюся в средние века «первую стадию пыток», когда жертве просто описывали всё, что ей предстояло испытать. «Второй стадией» была демонстрация жертве инструментов пыток, «третьей стадией» — непосредственное применение этих инструментов. Хотел бы я знать, до какой стадии чуваки из ИЦ готовы зайти в случае с нами.

На сцену снова вышла Карла Фуэнтес.

— Нам остался один небольшой отрезок пути. Мы только что рассмотрели формальное, плюралистическое и интегральное мировоззрения оранжевой, зелёной и интегральной стадий. Теперь нужно быстро разобраться с типами самости или самоотождествления.

— Ну, считайте, что Хлои здесь уже нет.

— Хлоя, зачем ты вообще сюда приходишь? Каждый раз ты садишься, ждёшь, когда они закончат первое предложение, а потом сбегаешь.

На неуловимо короткий миг Хлоя сняла свою маску.

— Я люблю тебя, сладкий мальчик, но мне действительно нужно рисовать свой проект. Тебе придётся самому разобраться с бумеритом и найти лекарство для нас обоих. — И тут она рассмеялась. — Хотя, мне кажется, оно нужно только одному из нас.

На стене загорелся слайд, озаглавленный «Различия между индивидуализмом и автономностью». Фуэнтес сразу перешла к делу.

— На эту тему проводились весьма комплексные исследования. Одно из таких исследований провела наша уважаемая коллега по ИЦ, прекрасная женщина и блестящий учёный Сюзанна Кук-Гройтер (Susanne Cook-Greuter). Она расширила и уточнила работу Джейн Лёвинджер. Они обе пришли к выводу, что в начале развития самость является *аутической* (архаический, бежевый), затем становится *импульсивной* (магический, пурпурный), затем — *самозащищающейся* (эгоцентрический, красный), *конформистской* (мифическое членство, синий), *сознательной* (формально-рациональный, оранжевый), *индивидуалистической* (плюралистический,

зелёный) и *автономной* (интегральный). После этого она поднимается к более высоким, трансперсональным волнам, о которых мы поговорим позже. Всё сказанное мной показано на слайде №1.

Стадии выше интегральной? Трансперсональные стадии? Это ещё что за чертовщина? Я оглянулся, чтобы посмотреть, обратил ли на это внимание кто-нибудь ещё. Очевидно, нет. Только Ким слегка откинулась назад и подмигнула мне.

— Мы начнём с оранжевой самости, которую будем называть *сознательной*, потому что эта самость, начав использовать рациональное мышление и научный метод, пытается освободиться от мифов и найти истину. Сюзанна Кук-Гройтер пишет: «С появлением сознательной самости расцветают формально-операциональное мышление и абстрактная рациональность. Возникает глубокая вера в (однолинейный) прогресс и совершенствование человечества. Также распространяется убеждение, что умелое использование аналитических научных методов поможет понять, как всё устроено на самом деле, то есть, позволит открыть истину». Тем не менее, несмотря на всю значимость этой ступени развития, формальная наука до сих пор с трудом воспринимает истины, отличные от её собственных.

— Теперь, сладкий мальчик, тебе понятно, почему ты дребезжишь? — спрашивает Хлоя, взяв руками свои груди и направляя их в мою сторону.

— Ладно, знаешь что? Я не дребезжу. Не дребезжу. Дребезжания нет.

— Нет, сладкий мальчик, дребезжишь. Кто может об этом знать лучше меня?

— Ну, хотя бы мой парикмахер.

— У тебя нет парикмахера, и у тебя не получится отшутиться.

— Ладно, и что же мне тогда делать?

— Вот это интересный вопрос, не правда ли, сладкий мальчик? Инте-

ресный вопрос.

— Но на первой постформальной стадии, то есть, как вы уже догадались, на зелёной стадии, вся эта строгость исчезает. Как мы знаем, для зелёного характерно мировоззрение плюралистического релятивизма, которому, в терминологии Кук-Гройтер, соответствует *индивидуалистический* уровень самосознания. Это очень важный этап развития, особенно если речь идёт о бумерите. Кук-Гройтер объясняет: «На этой стадии человек поглощён анализом более ранних предположений и разоблачением „ложных“ систем. Ему свойственно недоверие к общепринятым истинам, особенно „суперрациональным“ доктринам предыдущей стадии (оранжевый мем или универсальный формализм). „Индивидуалисты“ испытывают потребность в отходе от ролей, навязанных им обществом, и независимому самоопределению. Они с наслаждением выражают свою уникальность и ценят субъективный опыт пребывания здесь и сейчас, поскольку для них это единственная гарантированно существующая реальность. В общем, для зелёного характерен крайний субъективизм. Всё относительно и зависит от способа восприятия, точки зрения и контекста, поэтому ничто и никогда не сможет приблизить нас к истине». Иными словами, эту стадию мы называем стадией контекстуализма или плюрализма.

— Кошмар. Ким, я уже совсем запутался в этом жаргоне. Это всё слишком сложно, тебе не кажется?

— Ах, бедняжке приходится думать. Ах ты мой слабоумный малыш, ах ты сладкая попка, ах ты плакса, ах ты неженка, ах ты слабачок, ах ты размазня, ах ты девчонка, ах ты...

— Господи Иисусе, хватит, Ким, ты меня пугаешь. Я постараюсь быть внимательней, честно!

Ким громко рассмеялась.

— И конечно, у зелёной самости есть ужасная тёмная сторона. Поскольку, согласно плюрализму, «все люди, все общества, все группы и все ситуации

уникальны», самость на этой стадии также становится совершенно уникальной, особенной, исключительной... и поэтому изолированной. То, что поначалу кажется окончательным освобождением самости, ведь она стала такой особенной и уникальной, быстро превращается в её окончательную изоляцию. Полная уникальность — это полная обособленность, а полная обособленность — это полное отчуждение. Радикальный плюрализм, как правило, ведёт к радикальному отчуждению.

Ведь это то, что произошло с отцом? Сначала он был полон заботы, страсти, и желания сделать всех «свободными быть собой», он даже придумал концепцию шоу для PBS⁶⁶ — «Свобода быть тобой, свобода быть мной». И всё это кончилось для него одиночеством, отчуждением, отдалением от других людей и даже от тех целей, к которым он стремился. Если Фуэнтес права, логичный исход для такого начала. Злоупотребление нетворкингом⁶⁷ привело его к эмоциональной смерти, и теперь сквозь пустые глазницы он с неверием взирает на всё, кроме нетворкинга. Если нельзя ранжировать, значит, нельзя иметь убеждений. Он так широко растянул свои сети, что они остались лежать на поверхности. Он превратился в призрак из машины, поселившийся в пустых коридорах его поверхностного «я».

Я посмотрел на Каролину, Ким, Скотта и Джонатана. Какими мы будем в папином возрасте? Какие прокисшие идеалы будут отравлять нашу жизнь? Сейчас отец работает только в странах третьего и четвёртого мира, где ему вообще ни с кем не приходится общаться. Единственное, что вызывает в нём энтузиазм, — это мысль о том, как облажались остальные. Это приводит его

⁶⁶ Public Broadcasting Service — некоммерческая сеть общественного телевизионного вещания в США. — Прим. ред.

⁶⁷ Нетворкинг (англ. *networking*) — систематический процесс построения и поддержания всё расширяющегося круга связей, основанных на типе деятельности и ценностях. — Прим. ред.

в бешенство.

Карла Фуэнтес, похоже, уже подводила итог своего выступления.

— Как мы видели ранее, развитие происходит путём деления и интеграции. На первой постформальной стадии (зелёный мем) сознание сумело выделить множество систем, но не смогло интегрировать их, поэтому самость и мировоззрение на этой стадии остались расщеплёнными, плюралистическими, недоразвитыми. Самость, слишком увлечённая собой, становится вселенной для самой себя, она погружена в себя и одновременно отчуждена от самой себя. Иными словами, перед нами крайний нарциссизм, зародившийся в данном случае на очень высоком уровне развития. И как только этот относительно «высокий» нарциссизм вступает в контакт с остаточным эмоциональным нарциссизмом красного мема, получается взрывная смесь: бумерит, готовый к извержению.

*«Люди хотят унизить нас, Говорят о моём поколении, Лишь потому, что мы здесь и сейчас, Говорят о моём поколении...»*⁶⁸ *О моём поколении его представители говорят сами. Я сама как будто являюсь духом этих ребят. Я участвовала в Лете любви. В меня стреляли в Кентском университете. Моё сердце разбили три политических убийства, и оно истекло кровью. Оно до сих пор слегка кровоточит, роняя на землю одинокие тёплые капли. Я была войной, расколовшей страну. Я наблюдала, как втоптывали в грязь бедных и беззащитных людей. Я пела песни свободы и танцевала под них, пока мои ноги не превратились в лохмотья отчаянья.*

В моём случае небо стало женщиной, и в её щедром теле я до сих пор пою те же песни.

⁶⁸ «People try to put us down, Talking 'bout my generation, Just because we get around, Talking 'bout my generation...» (англ.) — строчки из песни «My generation» («Моё поколение»), разные варианты которой исполняли Патти Смит и группа Gorky Park. — Прим. пер.

Фуэнтес поставила слайд 4: «Автономная самость — глобальная самость».

— Как я уже говорила...

И прежде чем доктор Фуэнтес успела закончить свою фразу, Каролина, которая всё сильнее возбуждалась с каждой следующей презентацией, не сдержалась и выкрикнула:

— Доктор Фуэнтес, не хотела вас прерывать, и я знаю, что обсуждение запланировано на другое время, но многие из нас действительно больше не могут слушать эти ваши измышления. То, как вы ранжируете людей, просто недопустимо.

— Никому и *никогда* не удастся ранжировать людей, — ответила Фуэнтес, — однако можно определить широту человеческого мышления. Нравится вам это или нет, но согласно исследованиям, ваше собственное возражение является признаком очень высокой стадии морального развития. Мы же просто пытаемся способствовать тому, чтобы как можно большее число людей открыло в себе такое же обширное чувство заботы, внимания и сострадания. Все волны сознания потенциально доступны всем людям, так что ранжировать людей невозможно.

— Но зелёный отказывается признавать второй порядок и даже борется с ним, — выкрикнул кто-то из зала.

— Это правда. Зелёный с недоверием смотрит на всё, что относится ко второму порядку, и иногда дело доходит до откровенной ненависти, которая, как правило, прикрывается добродетелью. Как вчера заметила доктор Хэзелтон, жёлтый уважает и понимает иерархии роста, ранжирование ценностей, системы глобальных связей и здоровый индивидуализм. Но зелёный, услышав слова «система», «ранжирование», «иерархия» и «индивидуализм», тут же поднимает тревогу: «Угнетение! Подчинение! Маргинализация! Элитизм! Высокомерие!»

— Вообще-то, есть одно простое правило: глядя на жёлтый, зелёный видит красный, — произнесла она медленно, как будто стремясь подчеркнуть важность сказанного. — Понимаете? Зелёный принимает жёлтый за высокомерный и жестокий красный, и поэтому агрессивно реагирует на него. Конечно, зелёный в этом не виноват — он просто не видит жёлтого и, считая его ужасным красным мемом, не может правильно оценить его действия. Поэтому каждый раз, сталкиваясь с жёлтым, зелёный стремится его уничтожить или деконструировать.

— Каролина, милая, это про тебя.

— Заткни свой грёбанный рот, Джонатан, или пожалеешь.

Фуэнтес посмотрела в план своего выступления и поменяла в нём местами несколько листов.

— Мне вот интересно, — прошептал я Ким, — почему ты говоришь, что Морин начал встречаться с тобой из-за твоего тела? Он что, паялился на твои сиськи, когда говорил с тобой?

— Да уж не больше, чем ты.

Я густо покраснел.

— Послушай меня, — сказала Ким. — Я могу определить возраст мужчины исходя из того, как часто он смотрит на мою грудь. Молодые парни не могут оторвать от неё глаз. Мужчины среднего возраста смотрят раз в несколько минут. С мужчиной преклонного возраста можно говорить в течение часа, не теряя зрительного контакта. Но ты, наверно, и сам всё знаешь о своей страсти к женской груди из своих фантазий?

— Что? Я? — я густо покраснел.

— Вспомни, сколько мы сегодня об этом говорили. И почему-то мне кажется, что это не в последний раз.

— Ой, только послушай, какие удивительные вещи говорит Фуэнтес, — я решительно повернул своё красное лицо к сцене.

— Именно потому, что самость на интегральной стадии обретает осознан-

ное видение глобальных и универсальных проблем, её моральные представления расширяются, чтобы включить всех живых существ вне зависимости от расы, пола, цвета кожи и вероисповедания. Самость теряет «свободу» поступать так, как ей хочется, потому что её мораль теперь основывается на необходимости относиться ко всем людям одинаково сострадательно и справедливо. Она теряет «свободу» игнорировать своё призвание. На этой стадии самость может быть свободной, только если руководствуется глобальными соображениями.

— Это и есть *автономия*: я свободен от мелочных мотивов и *эгоцентрических* и *этноцентрических* предубеждений, если руководствуюсь *мироцентрическим* пониманием. Автономия — это *не* свобода делать всё, что взбредёт в голову, это свобода действовать на основании глубокого мироцентрического понимания. Поэтому одновременно с эволюцией сознания от плюралистического мировоззрения, при котором уникальная самость часто оказывается изолированной, к интегральному мировоззрению, при котором самость признаёт моральные требования глобальной справедливости и честности, самость меняет позиции *индивидуализма* на позиции *автономии*.

Фуэнтес произнесла это мягко, но уверенно, с примесью тихой страсти, которая, вероятно, свидетельствовала об её собственной внутренней борьбе с этими двумя демонами.

— Эта стадия, позволяющая выйти за рамки отчуждённой индивидуалистической самости, является частью курса лечения бумерита! — произнесла она нараспев. — Как мы уже знаем, Сюзанна Кук-Гройтер называет эту стадию *автономной*, так как на ней человек «интегрирует несколько различных, противоречащих друг другу представлений о себе в одну связную теорию... Автономные индивиды получают возможность „владеть“ всеми частями себя. Они способны объединить в гармоничное целое прежде не связанные друг с другом субличности». Обратите внимание, что на этой обобщённой *интегральной* стадии, акцент делается на интеграции и целостности самости и всего мира.

— Ну, нет, слушай, Ким... это... как бы... почему ты решила, что Морину

было нужно только твоё тело?

— Потому что он налетел на меня, как паровоз.

— Но я всегда думал, что не стоит вставать на пути у паровоза?

— Послушай, Кен. Все девочки с детства знают, кто нравится мальчикам, а кто нет. У вас, мальчиков, есть очень сложные рейтинги, которые, я полагаю, основываются на том, кто кому навалит. Так вот у нас, девочек, тоже есть свои рейтинги. Например, мы знаем, на кого больше всего обращают внимание мальчики. Феминистки могут попытаться доказать, что всё это социально обусловлено, но на самом деле, поверь мне, это происходит на биологическом уровне. Это сидит в нас так глубоко, что исчезнуть может только вместе с самим человечеством.

— В общем-то, мы в ИИ-подразделении над этим работаем.

Она посмотрела на меня, подняла брови.

— Ну ладно. Но когда в шестнадцать лет ты сидишь с подружками на скамейке, и на поле выходит футбольная команда, и все эти парни поворачиваются и смотрят только на тебя — большегрудую, развившуюся раньше других девчонку, поверь, это очень сильно влияет на твоё самоощущение. У каждой женщины в затылок встроен такой термометр, который показывает её способность привлекать внимание, способность быть замеченной. Она также знает температуру других женщин. Ты можешь с этим не соглашаться, но вам, мужчинам, нравится, смотреть, нравится разглядывать, рассматривать, а мы, женщины, хотим, чтобы нас видели, чтобы нас разглядывали.

Мне это показалось разумным.

— То есть ты хочешь сказать, что Морин прописал тебе лечение монологомическим глазением?

— Точно.

— Понятно.

И мы оба рассмеялись.

Фуэнтес взглянула на нас.

— Мне бы хотелось поделиться с вами результатами ещё одного исследования и на этом закончить. — Громкие аплодисменты, даже свист. — Шерил Армон (Cheryl Armon), много писавшая о различиях между индивидуализмом и автономией, замечает, что на стадии индивидуализма (зелёный) «внимание сосредоточено на собственном „я“ и на том, чтобы дать ему возможность принимать решения, руководствуясь собственными ценностями. Тот факт, что эти ценности являются личными, индивидуальными и в основном уникальными, используется как оправдание для них и формулируемых на их основании суждений. Все признают любые моральные принципы, и никто не несёт ни за кого ответственности, если только сам этого не пожелает. Каждое „я“ движется по собственной орбите. Каждое индивидуалистическое „я“ порождает и поддерживает собственную галактику ценностей».

— Армон подчёркивает, что «в отличие от индивидуализма *автономия* основывается на более широких принципах, которые позволяют систематизировать, синхронизировать и интегрировать абстрактные связи между множеством контекстов. Автономность по сравнению с индивидуализмом — более совершенная в когнитивном плане и более сложная с этической точки зрения форма зрелого мышления». Если индивидуализм основывается на плюралистическом релятивизме, то автономность второго порядка «стремится, чтобы её самостоятельные суждения соотносились с *универсальными принципами*». Универсальность, глобальность, мироцентричность, понимаете?

Фуэнтес оторвалась от записей и оглядела зал.

— В общем, автономность означает независимость, но только в очень узком смысле, не имеющем никакого отношения к нарциссической «яйности» и индивидуализму. — Фуэнтес помолчала, зал притих. — Эгоцентричный человек может быть счастливым, когда страдают другие, но автономный человек не может.

Она подождала, пока на нас подействует сила притяжения её слов.

— Простой тест, да?

Она снова оглядела зал.

— Кант напоминает нам, что быть автономным не значит вести себя так, будто других людей не существует. Это значит, что я должен вести себя так, чтобы моё поведение могло служить образцом для всех остальных людей. Я не могу быть счастливым, независимым и свободным человеком, пока не будут свободны все остальные. Иными словами, быть автономным не значит всегда поступать, как захочется, и уж точно не значит «Не указывайте, что мне делать!» Это значит, что я не смогу быть счастливым, пока все остальные люди не смогут разделить свободу со мной. Человека можно считать автономным, если его мысли и действия *определяются* и *формируются* более высоким уровнем сознания, более высокой моралью, более высоким призванием, которое не позволит этому человеку спокойно спать до тех пор, пока все люди не окунутся в океан свободы вместе с ним. Автономность — это внутреннее требование, а не выполнение внешних правил, и всё же это *требование*. Автономный человек не свободен делать всё, что ему подсказывают эгоцентрические и этноцентрические побуждения, — он по-настоящему свободен, только если действует в соответствие с глобальными мироцентрическими представлениями о честности, справедливости, беспристрастности и заботе. Эта система взглядов, связывающая индивидуальные и культурные контексты с универсальным стремлением к справедливости и заботе, как бы вы её ни называли — автономной, интегральной, динамически-диалектической, постконвенциональной или мироцентрической — действительно является *интегральной*.

— В общем, *автономная самость* — это *глобальная самость*, крепко держащаяся за принципы универсальной справедливости, беспристрастности, заботы и сострадания и не способная на поведение, не соответствующее этим требованиям. Это практически полная противоположность принципу «Не указывайте, что мне делать!»

Фуэнтес посмотрела прямо перед собой, улыбнулась, слегка поклонилась и ушла со сцены.

Доктор Морин медленно поднялся на сцену, и на экране загорелся слайд №5: «Хорошие новости и плохие новости».

Голая Хлоя, повиснув вниз головой, раскачивается на люстре.

— Кен, а ты знал, что среднего двадцатилетнего мужчину откровенные сексуальные фантазии посещают раз в десять минут?

— Вообще-то нет, Хлоя, не знал.

— Но Кен, тебе же самому двадцать с чем-то?

— Ну да, Хлоя, мне двадцать с чем-то, но я почему-то никогда за собой такого не замечал.

— Но это правда! Учёные провели множество исследований, которые показали, что средний двадцатилетний мужчина фантазирует на взрослые темы раз в десять минут.

— Это при патриархате или матриархате?

— Дурачок.

— А что там с двадцатилетними женщинами? Сколько у них сексуальных фантазий?

— Одна в час или два часа, но они не сексуальные, то есть не порнографические: женщины видят романтические образы, вроде ужина при свечах. Ты это знал, Кен?

— Конечно нет, Хлоя, не знал.

Хлоя всё так же висит вниз головой, её сладкая попка и обнажённая грудь с твёрдыми сосочками раскачиваются, раскачиваются, раскачиваются...

— А ты знал, что у молодого активного гея в среднем сто партнёров в

год, а у лесбиянки — одна партнёрша в семь лет?

— Нет, Хлоя, этого я не знал.

— И что из этого, по-твоему, следует?

— По-моему, из этого следует, что я хочу в следующей жизни быть активным геем.

— Да нет же, дурачок. Из этого следует, что женщин интересуют серьёзные отношения, а мужчин — бессмысленные оргазмы.

— Я как раз собирался это сказать.

— И знаешь, почему это так, Кен?

— Мне кажется, это уже объяснил Вуди Аллен: Бог дал мужчине мозг и пенис, но недостаточно крови, чтобы они работали одновременно.

— Это не смешно, Кен. Это отвратительно. Ты это знал, Кен?

— Разумеется, не знал, Хлоя.

— Тогда что в вас вообще хорошего?

— Прекрасный вопрос, Хлоя, просто прекрасный.

Морин всё ещё говорит.

— Мы рассмотрели удивительную, я хочу это подчеркнуть, удивительную эволюцию *от оранжевого уровня к зелёному, а затем — к интегральному*. Мой тезис прост, дамы и господа, и он заключается в том, что у нас есть плохие и хорошие новости о бумерах. Сначала я объясню всё неудобоваримым научным языком, а в конце сделаю краткое резюме для тех, кто ничего не понял.

— Итак, *хорошие новости*: при бумерах основные проявления постмодернизма достигли своего расцвета и вступили в героическую схватку с неравенством и маргинализацией, порождёнными мифическим абсолютизмом (синий мем) и формальной рациональностью (оранжевый мем).

Постмодернизм, проповедовавший важность контекстуальности, плюрализма и множественности точек зрения, способствовал росту и эволюции сознания до первого постформального уровня (зелёный мем), а также помог обнаружить, и в некоторых случаях даже развенчать феодальные мифы и рациональность Просвещения. Интеллектуалы поколения бумеров подробно описали многие тёмные стороны действительности: расизм, сексизм, колониализм, евроцентризм, патриархальность, жестокое обращение с животными, фаллоцентризм, логоцентризм и фаллологоцентризм. Позже вы увидите, что мы здесь в Интегральном центре во многом согласны с постмодернистской критикой — это полезная и положительная сторона постмодернизма.

Я посмотрел на Ким: она широко улыбалась. Глядя на неё, я представил себе, что Морин тоже на неё *смотрит*, и это одностороннее, монологическое наблюдение включило в себя всю излагавшуюся теорию. Боже, боже.

— А теперь *плохие новости*: психологическое развитие бумеров, больных эмоциональным нарциссизмом в последней стадии, остановилось на зелёном меме, на уровне плюралистического релятивизма и крайнего индивидуализма. Благодаря своим особенностям, плюрализм как магнит притягивал к себе эмоциональный нарциссизм, кричащий: «Не указывайте, что мне делать!» Если любая истина относительна, зависит от культуры и равноценна другим истинам, тогда фактически *никто не вправе указывать, что мне делать*, потому что ни одна истина не может меня ограничивать, ни одна истина не имеет власти надо *мной*.

— По иронии судьбы, очень высокий зелёный уровень развития предоставил пространство для размножения красных и пурпурных теневых импульсов, которые уже готовы были по собственному согласию кануть в Лету. Но под крылом постконвенциональных, постструктуралистских и постмодернистских теорий все доконвенциональные, нарциссические и эгоцентрические импульсы вновь расцвели. И именно эта жалкая смесь постконвенциональных идей с доконвенциональными импульсами и есть бумерит.

Атмосфера в зале начала накаляться. Температурный максимум был

достигнут, когда Морин, как в горячечном бреду, декламировал:

— Бумерит — это дитя странной любви до- и пост-убеждений. Бумерит питал энергией протесты в Беркли. Он превратил деконструкцию в кровную месть. Уверовав в радикальный плюрализм, он начал уничтожать все ценности, не совпадающие с его собственными. История в его прочтении — это хроника злодейств, противная его идеальному, сияющему эго. Он выбросил на помойку не только отрицательные, но и положительные результаты современного Просвещения. Он возвёл в абсолют социальный конструктивизм, сделав возможным игнорировать любую точку зрения, кроме точки зрения социального конструктивизма. Он превратил духовность в нью-эйдж, подыскавший для бумеритского божественного эго тёплое местечко в центре космоса. Он объявил, что нашёл потрясающую новую парадигму, которая изменит мир до неузнаваемости. Он приписал исторически беспрецедентное моральное превосходство своей тошнотворной, омерзительной, гнилой болтовне.

Некоторые иксеры и игрики начали аплодировать ещё в середине устроенной Морином словесной порки и продолжали аплодировать до тех пор, пока их аплодисменты не слились с голосом Морина в крещендо.

— Эта гремучая смесь высокого плюрализма и низкого нарциссизма, жалкая патология, достигшая эпических масштабов, и есть бумерит. И этот бумерит на свой постмодернистский лад стал не менее разрушительным, чем те болезни современности, которые он так безжалостно осуждал. Из-за него на бумеров был повешен ярлык самого одиозного поколения в истории Америки.

В нестройном рёве зала смешались аплодисменты, улюлюканье, выкрики и насмешки. Одни хлопали стоя, другие от злости не находили себе места. Джонатан с энтузиазмом аплодировал, просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Скотт казался потерянным. Кэролин до сих пор злилась — может, даже больше чем раньше. Ким радостно улыбалась Морину.

Последним в тот день выступал чернокожий джентльмен, который под-

нялся на сцену во время затянувшейся овации.

— Это Марк Джефферсон, — сказала Ким; блаженную покорность на её лице сменила уверенность. — Он один из лучших друзей Чарльза. У него невероятное прошлое: родился в Бэдстай⁶⁹, служил в разведывательно-диверсионных войсках особого назначения, получил премию фонда Макартуров. Знаешь за что? За то, что сделал фотографию гетто искусством. Потом наткнулся на работы Морина. Говорит, они спасли ему жизнь.

— Как они познакомились?

— Чарльз и Марк? Это самая удивительная часть истории: в автомобильной аварии.

— Что?

— Чарльз врезался в машину Марка на пересечении десятой и Перси.

— Ты шутишь.

— Богом клянусь. Он в него врезался. К счастью, никто не пострадал. Самое интересное в этой истории то, что сказал Марк. Эта фраза стала его визитной карточкой. В общем, они вышли из машин, молча подали друг другу водительские права, и тут Марк посмотрел на права Чарльза и сказал: «А, доктор Морин. Я вас искал».

Марк Джефферсон поднялся на сцену, улыбнулся слушателям и начал ровно с того места, на котором остановился Морин, как будто пытаюсь залечить умышленно нанесённые им душевные раны.

Когда Джефферсон говорил, у меня было странное ощущение, будто они с Морином играли с аудиторией в хорошего и плохого полицейского. Морин был плохим полицейским, унижавшим аудиторию угрозами и обвинениями и орудовавшим молотком для отбивания мяса. После него появился хороший

⁶⁹ Бэдфорд-Стайвесент (англ. *Bedford-Stuyvesant*, *Bed-Stuy*) — один из самых неблагополучных районов Бруклина. — Прим. пер.

Джефферсон, который разглаживал растрепавшиеся пёрышки и был любезен, что заставляло упрямую аудиторию более охотно идти к намеченной ими цели. Однако мне показалось, что Джефферсон претворялся. Когда он начал выступление, стало ясно, что, прав он был или нет, но он верит в то, что говорит.

— Дорогие друзья, не будем забывать одну очень важную вещь: второй порядок вырастает на почве, вспаханной зелёным мемом. Интегральные и холистические сети конструируются из зелёных плюралистических взглядов. Это стоит запомнить. Как мы неоднократно замечали, развитие происходит путём деления и интеграции. Благодаря героическим усилиям зелёного, был развенчан негибкий и абстрактный всеобщий формализм оранжевого. Так на месте строгой и практичной научной рациональности, пытающейся игнорировать или изолировать всё, что не соответствует её взглядам, возникает прекрасное полотно множественных контекстов, разнообразных культурных узоров, плюралистического осмысления и индивидуальных особенностей. Чувствительная самость слышала все те голоса, которые до сих пор никто не слышал и не замечал. Мы уже знаем, что каждый мем вносит свой вклад в здоровье всей спирали, и плюралистическая чувствительность — это по-настоящему важный вклад зелёного.

— После того как все эти замечательные различия обнаружены, их можно объединить в рамках более глубоких и общих контекстов подлинно холистического и интегрального мира. Стараниями зелёного, у нас появилась возможность совершить скачок к сознанию второго порядка. За дифференциацией следует интеграция. Второй порядок завершит дело, начатое зелёным, и совершит переход от плюралистического релятивизма к универсальному интегрализму. Именно это я имел в виду, когда сказал, что зелёный *даёт свободу* плюралистическим взглядам, которые будут интегрированы на втором порядке.

— И когда же Морин увидел в тебе что-то ещё, помимо тела?

— Когда понял, что покорив мой ум, он сможет кончать ещё сильнее.

— Боже, Ким, тебе обязательно так выражаться? То есть, эээ, ты хочешь сказать, что он понял, что помимо большой груди у тебя есть большой ум?

Ким повернулась ко мне.

— Ну, что-то вроде того.

— Значит, теперь вы типа счастливая пара? Которая каждую ночь делает бум-бум, да?

От взгляда Ким едва не воспламенился воздух.

— Ой, я прямо слышу, как его большой ум бьётся о твои большие сиськи. Чпок, чпок, чпок...

— Ладно, умник, может, поговорим о Хлое?

— Чёрт, этот Джефферсон просто потрясающий, правда?

— Проще говоря, поскольку зелёный является высшим уровнем первого порядка, он подготавливает почву для скачка на второй порядок. Но чтобы действительно там оказаться, необходимо ослабить фиксацию на плюрализме и зелёном меме вообще. Благое дело зелёного будет принято и продолжено. При этом необходимо уменьшить привязанность зелёного к своей собственной позиции — особенно это касается бумерита или нарциссической увлечённости крайним субъективизмом, которая так сильно мешает переходу на второй порядок. Я уверен, что осознание фиксации на зелёном меме поможет нам превзойти его и объединить его достижения в более целостную систему.

Me First and the Gimme Gimmes⁷⁰ исполняют пародии на бумерскую классику «All We Need Is Love», «Lean on Me» и «One Tin Soldier»⁷¹.

⁷⁰ «Я — первый и Попрошайки» (англ.). — Прим. пер.

⁷¹ «Всё, что нам нужно, — это любовь», «Положись на меня» и «Один оловянный солдатик». (англ.) — Прим. пер.

Мелодии [Blink-182](#) наполняют воздух. [Matchbox 20](#) рассеивает ночную тьму. Jerk Off 32 жонглирует ритмами, и стук в моей голове напоминает мне, почему самоубийство может оказаться вполне уместным в любое время любого дня.

— Но сладкий мальчик, если ты убьёшь себя, что тогда делать со всем *этим*?

Джефферсон поставил слайд №6: «За пределами плюрализма».

— Так почему же именно бумерит стал одним из самых больших препятствий для возникновения интегрального видения? Почему не радикальный конформизм синего религиозного фундаментализма? И не отвратительный материализм оранжевого капитализма? И не ужасная экономическая ситуация в странах Третьего Мира? И не...

— Да, да, всё это очень важно. Но, как только что было сказано, *именно* зелёный мем является основанием для возникновения второго порядка. Конечно, *все* предшествующие зелёному мемы тоже сопротивляются интегральному видению. Но, поймите, мы придираемся к бумерам потому, что бумеры — первое поколение, массово перешедшее на зелёный уровень, а значит, у многих из них есть реальный шанс совершить ещё один шаг: к интегральному сознанию — и использовать это сознание для создания по-настоящему глобальных и интегральных социальных институтов.

— *Но пока это невозможно*, так как подавляющая часть бумеров ещё не вышла за рамки зелёного. Как мы видели, на втором порядке находится всего 2% населения планеты. Но я уверен, *ещё не всё потеряно!* Поскольку совершить скачок в гиперпространство сознания второго порядка *можно* только с зелёного уровня, у бумеров всё ещё есть шанс. И это не просто самонадеянные претензии бумерита: об этом говорят результаты обширных исследований, в том числе социологических и психологических.

— А как же мы? — закричали иксеры.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Джефферсон, — ваше положение ещё более обнадеживающее. Но мне придётся начать с бумеров и объяснить им, что они могут встать в авангарде величайшей в истории трансформации, иначе они все просто встанут и уйдут.

Со всех концов зала раздались аплодисменты и улюлюканье.

Слайд №7, «Интегральная культура».

Джефферсон с нежностью и страстью продолжил своё выступление, которое должно было стать последним на сегодня.

— Исследования, проведённые социологом Полом Рэем (Paul Ray) показали, что в настоящий момент удивительно большую часть населения США — от 20 до 25% — составляет новая социальная группа, членов которой Рэй называет «творцами культуры». Это около 50 миллионов человек, среди которых много бумеров. Чтобы провести черту между ними и последователями старых движений *традиционализма* и *модернизма*, Рэй называет эту новую группу *интегральной культурой*. Мы пока не будем говорить о том, насколько эта группа действительно «интегральная», но, думаю, цифры, которые приводит Рэй, говорят о вполне реальных общественных тенденциях. *Традиционализм* отталкивается от досовременных мифических ценностей (синий), *модернизм* — от рационально-индустриальных (оранжевый), «творцы культуры» — от постформальных/постмодернистских (зелёный). Эти же течения мы видим в наших собственных исследованиях роста и развития сознания, результаты которых показаны на слайде №1: от мифа и формальной рациональности к первым постформальным стадиям.

— Но это ещё не всё. Так называемая «интегральная культура» Рэя на самом деле не интегральная. Она не зиждется на всеобщем интегрализме и не достигла сознания второго порядка. Как показывают результаты проведённых Рэем исследований, большинство «творцов культуры» *только недавно добралось до зелёного уровня* и прославляет его ценности: полное отрицание иерархий, взгляды флатландии, недоверие к любым общеприня-

тым установкам, стремление не допустить маргинализации меньшинств, верность плюрализму и субъективным суждениям.

— Дон Бек из ИЦ, анализируя результаты исследований, приходит к выводу, что «„интегральная культура“ Рэя — это просто зелёный мем. В ней можно разглядеть всего несколько смутных проявлений жёлтого и бирюзового. Это говорит о том, что совсем немногие „творцы культуры“ находятся на уровнях второго порядка».

— Результаты более поздних исследований также говорят в пользу этого утверждения. Люди, потерпите, осталось совсем немного. Рэй заявляет, что около 25% взрослого населения Америки — это «творцы культуры», создающие интегральную культуру. Согласно Беку и Ковану, на зелёном уровне находится около 10% населения планеты. В нашей стране это 20%, что примерно соответствует цифрам Рэя. Получается, что большинство «творцов культуры», выражаясь языком Джейн Лёвинджер и Сюзанны Кук-Гройтер, находятся на *индивидуалистической* стадии (зелёный), а не на *автономной* или *интегральной* (жёлтый и бирюзовый). Кроме того, исследования Лёвинджер показывают, что *на автономной и интегральной стадиях развития находится менее 2% американцев*. Это полностью совпадает с результатами Бека и Кована, которые говорят о тех же 2% американцев на интегральных уровнях второго порядка. Иными словами, «творцы культуры», основную массу которых составляют бумеры, на самом деле не достигли интегральных стадий, а только активизируют зелёный мем.

— В общем, — теперь Джефферсон говорил громко, в его голосе чувствовалась сила, — так как фиксация на зелёном меме мешает нам сделать шаг к интегральному сознанию второго порядка, именно «интегральная культура» по Рэю *мешает* появлению подлинной интегральной культуры.

Шёпот и бормотание в аудитории. Я посмотрел на Ким.

— Это настоящее безумие, — кивнула она мне и улыбнулась.

— Под каким бы углом мы на это ни смотрели, «интегральная культура» не такая уж и интегральная. — Марк Джефферсон выдержал театральную

паузу, а потом его голос загремел над залом. — Так называемая интегральная культура пока что не стала интегральной, но у неё есть шанс. И это крайне важно. Сейчас зелёные бумеры или «творцы культуры» вступают во вторую половину своей жизни, и это тот самый момент, когда наиболее вероятна трансформация плюралистического зелёного сознания в зрелое сознание второго порядка. И если эта трансформация произойдёт, то у интегральной культуры второго порядка появится шанс.

— Мы ещё будем говорить об этой удивительной трансформации и обсудим её вероятность. И мы надеемся, что сможем ускорить её, если укажем на те препятствия, которые создаёт для неё бумерит.

Я наклонился к Ким и прошептал: «Они действительно будут об этом говорить?»

— Да, это лучшая часть семинара.

— Правда? — углеродный скачок к сознанию второго порядка даст мне важные сведения о грядущей кремниевой революции. А это самое главное...

— Разумеется, препятствия на пути к интегральному сознанию встречаются не только бумеры или американцы. Завтра мы будем говорить о том, что в настоящее время бумерит стал господствующим типом мышления в либеральной политике, научном сообществе, а также в сферах социальных услуг, судопроизводства и здравоохранения. Те из вас, нынешних студентов, кто собрался получать научную степень не в естественных науках, в действительности получит степень в бумерите.

— Это уж точно! — выкрикнул один какой-то иксер.

Джефферсон улыбнулся.

— Да, сынок, и это очень грустно. Но ты всё правильно понял: бумерит не является исключительной прерогативой бумеров — им может заразиться любой человек, приблизившийся к скачку в гиперпространство сознания второго порядка.

— И в этом всё дело, уважаемые. Похоже, что 20-25% населения Америки,

то есть 50 миллионов человек, среди которых много иксеров и игриков, добравшись до зелёного уровня, приблизились к скачку в гиперпространство интегрального сознания. Но чтобы этот скачок произошёл, сознание должно выйти за пределы зелёного и покончить с любыми проявлениями бумерита. Как писал Клэр Грейвз, «в результате распада зелёного мема высвободится энергия, необходимая для скачка к сознанию второго порядка. *Сегодня это передний край эволюции*».

Квантовый скачок в гиперпространство интегрального сознания. По какой-то причине я был уверен, что именно он был точкой Омега, как для углеродной, так и для кремниевой эволюции.

«Точка Омега углерода и кремния» — я не был уверен, что это значит — никакой конкретики, но я повторял и повторял эти слова, как цифровую мантру окончательного освобождения, которая, прилетев через кротовую нору из далёкого, ослепительного, ошеломляющего будущего, въелась в мой жаждущий смысла мозг.

Было ясно одно. Я уже не смогу войти в МИТовскую ИИ-лабораторию с прежней уверенностью, что «интеллект» — не важно, естественный он или искусственный — это всего лишь объект, который мы скоро загрузим в суперкомпьютеры. Существуют уровни сознания, волны сознания, и эти волны будут разворачиваться в кремниевом мире на основании сложных паттернов, точно так же, как это происходит в мире углерода. ИнфоСфера будущего имеет *внутреннее измерение*, у Киберпространства есть изнанка. Боты будут развиваться от одной волны сознания к другой так же, как это делали их создатели, потому что вездесущие паттерны эволюции распространяются на весь проявленный мир.

Воспоминания, воспоминания. В тот день зародилась новая жизнь, а я начал умирать. И он был там, это я знал наверняка.

— Кен... Кен! Подойди сюда.

Стюарт и Джоан Хэзелтон стояли у стены зала, и это показалось мне

очень неподходящим для них местом.

— Кен, завтра у Джоан дома мы собираемся устроить вечер знакомств. Ты придёшь?

— Почему мы говорим шёпотом? — прошептал я.

— Мы, — шёпотом ответил Стюарт, — мы, — произнёс он в полный голос, — не говорим шёпотом. Мы говорим о деле. Это просто небольшая тусовка, ничего особенного. Хотя, с другой стороны, она довольно особенная.

Я посмотрел в небесные глаза, как обычно потратив две-три секунды, чтобы сориентироваться в этом головокружительном пространстве.

— Конечно. Я приду с Хлоей.

— А может, без Хлои?

— Может, и без.

SEMINAR_2@BOOMERITISRULES.COM
(СЕМИНАР_2@БУМЕРИТРУЛИТ.COM)

5. SUBVERT_TRANSGRESS_DECONSTRUCT@FUCKYOU.COM
(РАЗРУШАЙ_НИЗВЕРГАЙ_ДЕКОНСТРУИРУЙ@ВАШУМАТЬ.COM)

— Знаешь, та система нейронных сетей в биопроцессорах, соединённых с Грэями, которую создал Джейсон, подаёт признаки настоящего творческого мышления. Я вчера следил за консолью. Очень впечатляет.

— Она говорила тебе, что хочет покончить с собой?

Джордж нахмурился.

— Ах да, тест Уилбера на разумность. Нет, Кен, она не говорила, что хочет покончить с собой.

— Задумайся об этом, Джордж: только человек способен всерьёз размышлять о самоубийстве, потому что самоубийство — это по-настоящему разумный и обоснованный ответ существованию. Глупые люди никогда не кончают с собой — они для этого слишком глупы. Так что если эта твоя машина до сих пор не задумалась о самоубийстве, поверь мне, она не обладает интеллектом.

— Да нет, вообще-то, это всё та же старая проблема. Мы пишем много разнообразного кода, в результате выполнения которого, как нам кажется, может появиться что-то новое. Вдобавок, мы программируем максимально гибкие возможности обучения и надеемся, что рано или поздно из чёртовой машины, в которую мы всё это запихнули, выскочит творческое мышление. Но почему-то этого до сих пор не произошло.

— Точно, — согласился Скотт, — это как с айбизмовским Дип Сот, который обыграл Каспарова в шахматы. Но шахматы — это просто бесконечное количество комбинаций ходов, которые можно линейно запрограммировать.

Конечно, эта победа очень впечатляет, но никому и в голову не приходит говорить о ней как о проявлении творческого мышления.

— Наша главная проблема в том, — сказал Джордж, — что прежде чем научиться думать, машины должны научиться *учиться*. Для этого мы создаём невероятно сложные системы с использованием параллельных вычислений, нечёткой логики, нейронных сетей и поразительно хитроумных биомолекулярных вычислений, — в некоторых системах всё перечисленное используется одновременно. И всё же каждый раз мы сталкиваемся с одной и той же проблемой: чтобы машина чему-то *научилась* на опыте прошлого, она должна это прошлое *помнить*. Но то, что мы называем прошлым, на самом деле состоит из миллиарда миллиардов различных событий, поэтому не ясно, запоминание каких именно событий мы должны запрограммировать.

— Я этого не понимаю, — сказал Скотт.

— А я понимаю, — сказала Хлоя. Она схватила себя руками за горло, изобразила, что задыхается, и, пытаясь схватить ртом воздух, медленно сползла со стула под стол.

— Слушай, раз уж ты всё равно там...

— И не мечтай, — она вылезла из-под стола и посмотрела на Джорджа. — Ладно, я пошутила. На самом деле я ловила каждое твоё слово. — Она дважды мигнула и уставилась на него.

— Ну ладно, хорошо, — Джордж посмотрел на неё и, немного поколебавшись, решил продолжить свою мысль, — приведу пример. Допустим, я положу на землю книгу «Основы машиностроения». Потом придёт моя собака, и мы с ней одновременно посмотрим на эту книгу. Как вы думаете, какие у каждого из нас останутся воспоминания об увиденном?

— Вы с собакой запомните разные вещи, — предположил я.

— Вот именно. Мы запомним разные вещи, потому что мы видели разные вещи. Я видел очень информативный учебник, а моя собака учебника не

видела — она видела какой-то прямоугольник, который могла бы съесть, если бы он пах повкуснее.

— И что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Существует множество интерпретаций реальности, но как нам решить, какие из них должен помнить компьютер? Мне кажется, что «Основы машиностроения» — полезный учебник, поэтому я, возможно, запрограммирую машину на то, чтобы она его запомнила. Потом придёт какая-нибудь феминистка и скажет: «Минуточку, это книга учит объективистской науке, — я не хочу, чтобы компьютер её запоминал!» А потом придёт учитель дзен и увидит в книге что-то совсем другое. И кто из нас будет прав? Мы не можем запрограммировать машину так, чтобы она запоминала все интерпретации, поскольку их бесконечное множество, к тому же некоторые из них противоречат друг другу. Поэтому мы не знаем, что именно запрограммировать в компьютер. Это и есть наша проблема, понимаешь?

— О да, я поняла, в чём проблема, — отозвалась Хлоя. Я дотронулся до её руки, молча умоляя быть повежливей.

— Постмодернисты тоже говорят о важности интерпретации, — вставил Скотт. — Реальность — это не то, что мы *воспринимаем*, а то, как мы это *интерпретируем*, — добавил он, выделяя каждое слово — очевидно, очень гордый собой за то, что запомнил хотя бы один вывод с занятий по культурной матрице. Ободрённый тем, что никто, в особенности Хлоя, не пытается спорить со сказанным, Скотт продолжил. — Помимо окружающей нас единой «объективной реальности», существует множество интерпретаций этой реальности, которые также необходимо учитывать. Любое настоящее мышление должно уметь работать с интерпретациями. А поскольку никто из нас в ИИ не знает, как запрограммировать интерпретации на компьютере, мы не можем научить компьютеры думать.

— Вот именно, — подхватил я. — И это ещё раз доказывает тот факт, что не существует единой фиксированной реальности — существуют уровни

реальности, уровни сознания. И наш собственный разум обладает такой низкой пропускной способностью, что ему доступно только очень ограниченное количество этих уровней. Поэтому у нас в ИИ ничего и не выходит. В смысле, вообще, нахрен, ничего.

Джордж посмотрел на меня с лёгким недоумением, как будто, увлечшись новой теорией, я отступил от истинной религии ИИ.

— Я имел в виду, — произнёс он уже более холодным тоном, — что мы столкнулись с *техническими* проблемами, а не то, что мы *потерпели неудачу*. Надеюсь, ты видишь разницу?

— Джордж, я не отказываюсь от ИИ. Просто у меня появились идеи о том, как будет происходить эволюция в кремниевом мире. Знаешь, есть множество доказательств существования этих *уровней* сознания, которые...

— Оооой, как интересно, — сказала Хлоя, протянув руку к своему латте. Из рукава выглянуло запястье со шрамами, напомнившее мне о том, чего не могут сделать компьютеры, о том, сколько в мире боли, и о том, как язвительность помогала Хлое защититься от жестокости человеческого интеллекта и справиться с ужасом существования.

— Народ, время обеда кончилось. Классная рубашка, Джордж.

Прошлой ночью мы снова ходили на Стюарта Дэвиса. Скотт был со своей подружкой Ванессой, которая, клянусь богом, всегда казалась мне какой-то суперженщиной. Она была очень умна — лучшая ученица на своём втором курсе в университете Дьюка. У неё было тело модели «Playboy». К тому же, она входила в число самых милых людей, которых я когда-либо знал, а ведь я даже не был с ней близко знаком. Она была классическим юным миллениалом. Ещё до рождения Ванессы, для того чтобы улучшить её умственные способности, мама ставила ей Баха (а в момент зачатия она, наверно, напевала какую-нибудь мелодию Моцарта). В третьем триместре родители Ванессы начали работу над её словарным запасом: отец громко читал «Волшебника из страны Оз» перед раздувшимся животом матери. После

рождения Ванессу сначала отдали в пре-подготовительную к садику школу, потом в подготовительную к садику школу, а в садик она пошла, когда ей не было и четырёх лет. Ванесса играла в футбольной команде, участвовала в политическом кружке и начала готовиться к поступлению в колледж в возрасте одиннадцати лет. Она прошла по конкурсу во все колледжи, в которые подала заявления. Скотт говорит, что такой же подход она применяет и к сексу, хотя никто толком не понимает, что означают эти слова. Ванесса была весёлой, ориентированной на результат, на сто процентов уверенной в себе, счастливой и всеми любимой девушкой.

Хлоя как-то сказала: «Никогда не заглядывайте в холодильник Ванессы — я почти уверена, что там расчленённые трупы. Говорю вам, она в любой момент может слететь с катушек».

«Клуб Пассим» находится в доме 47 на Палмер Стрит, в дальнем конце одной из булыжных улочек, идущих от Гарвард Сквер. В этом домашнем, пыльном и уютном месте помещается максимум сто человек. Несколько раз в неделю тут играет живой фолк-рок; кроме того, здесь проводятся ночи поэзии, на которые собираются совершенно, как мне кажется, неуместные в этом клубе бумеры-битники. (Я так и не смог продраться через Керуака, хотя честно пытался. Его стихи казались мне скрипом мела по классной доске. «Он не пишет — он печатает». — «Мам, так почему он тебе нравится?» — «Всё дело в свободе, милый».)

— В «Пассиме» играли абсолютно все авторы-исполнители, которых вы вообще можете знать, — рассказывает нам Стюарт. — Этот клуб уже 25 лет является эпицентром фолк-сцены Бостона и Кембриджа, тут никогда не смолкает голос зелёного мема.

— Но иногда у них тут происходит по-настоящему крутая шняга. Это как настоящий маленький концертный зал, люди во время выступлений сидят очень тихо. Можно выпить пиво, кофе или что-нибудь ещё, например, яблочный сидр. Здесь тусят все авторы песен, поэты и псевдофилософы. Хотя, может, и настоящие тоже бывают. Тут работает официанткой одна симпатичная балерина, которая может сделать из мужчины оригами с

помощью одних своих ног.

— Черт, я должна это увидеть, — сказала Хлоя.

Это действительно был настоящий концертный зал. И, сидя в нём, мы слушали откровенную песню, доносившуюся из динамиков:

Раз в год лечу в Голландию,
Приземляюсь в Схипхоле,
Снимаю комнату в Мелк Хотел,
И две рубашки достаю.
В Квартале красных фонарей,
В десятом доме,
В Энджел Палэ,
Я спрашиваю Хайди.

Я к Хайди в комнату вхожу,
Не говоря ни слова,
Она на мне одежду режет,
Серебряным лезвием,
Пристёгивает к колесу,
Вмурованному в стену,
Рукою меня крутит,
И ртом меня ест.
А я смотрю в окно,
И вижу там ряды,
Идеальных мельниц,

Идеальных деревянных мельниц,
Мельниц,
Ряды идеальных мельниц.

Хайди бывает здесь раз в год.
Приземляется в Блэк Хиллз,
Снимает комнату в Вулф Хотел,
Две юбки сразу достаёт,
Пройдя пол мили по дороге,
Подходит к дому номер семь,
И стучит в моё окно.

Хайди входит ко мне в комнату,
Не говоря ни слова,
Я её одежду режу,
Опасным лезвием,
Она встаёт на четвереньки,
Надевает костюм пони,
(Там в промежности есть вырез)
Я шпоры в бедра ей вонзаю,
Вцепляюсь пальцами ей в гриву,
А она в окошко смотрит,
И видит мили, мили, мили...

Идеальных пшеничных полей,

Идеальных золотых пшеничных полей,
Пшеничных полей,
Мили идеальных мельниц,
Идеальных деревянных мельниц,
Пшеничных полей,
Идеальных, золотых.

В песне Стюарта была тревога, красота, боль. Стюарт был таким... настоящим. Слушая эту песню, мы все смеялись, хотя над другими его песнями можно было заплакать. Некоторые песни Стюарта нежные, тонкие и духовные, другие — грубые, почти демонические. Он поёт о самых низких и самых высоких человеческих переживаниях, и, видимо, за это его любит публика. Кто ещё может в одной песне спеть о мастурбации, раке груди, ковровых бомбардировках Дрездена и внутренних поисках Бога?

— Вы представить себе не можете, что со мной произошло, — рассказывал нам Стюарт во время первого перерыва в выступлении, — в смысле, вы мне даже не поверите. Это произошло в зале для боулинга. В зале для боулинга, представляете?! Чёрт, вы просто не поверите!

— Ладно, Кен, давай сыграем. За первой дверью находится одна голая Хлоя. За второй дверью — две голые Хлои. За третьей — три голые Хлои. Какую дверь ты хочешь открыть, Кен?

— Это что, вопрос с подвохом?

— Да нет же, Кен, вовсе нет.

— Тогда я хочу открыть третью дверь.

— Многие важные открытия раннего постформального мышления и

плюралистического релятивизма... о-хо-хо... святая макрель! Что-то слишком заумно для начала дня. Скажем так, многие важные открытия зелёного мема были сделаны учёными-бумерами, и я уверен, что значение этих открытий для понимания человечеством самого себя никогда не будет забыто. С другой стороны, эти открытия начали использоваться в атмосфере сильной подозрительности по отношению ко всем предыдущим мемам, крайнего недоверия к любым общепринятым истинам и непрерывных призывов «никогда не верить властям». Так что слегка обезумевшие, полные напора и решимости бумеры начали агрессивно, беспощадно и злобно деконструировать как вредные, так и полезные традиционные истины. Что это вообще значит — «полный напора»? Разве это может быть хорошо? «Доктор, помогите, он сегодня пришёл домой, полный напора. Посмотрите, да его грёбаная голова раздулась, как индейка на День благодарения». В общем, в первую очередь бумеры были заняты сами собой. И произошло вот что: доконвенциональные и постконвенциональные мотивы заключили дьявольское соглашение уничтожить всё конвенциональное, и с того самого момента бумеры в погоне за свободой непременно оставляли за собой кровавый след.

— В мае 1968 года на улицах Парижа раздавались крики «Маркс, Мао, Маркузе». На всех станах города красовался лозунг «Долой структурализм!», являвшийся французским эквивалентом нашего «Долой систему!» Этот «постструктуралистский» призыв был услышан на другом конце Атлантики и обеспечил интеллектуальную базу для борьбы с системой. К тому времени постструктуралистские протестные импульсы уже вовсю бушевали в Америке. Всего год назад в парке Голден Гейт в Сан-Франциско «лето любви» потонуло в потоке цветов, беспорядочного секса и свободно распространяемых психоактивных веществ, самым радикальным среди которых был LSD. Потом были Чикаго и Кентский университет, массовые выступления против войны во Вьетнаме, сидячие забастовки и бунты. В ходе всех этих событий сформировалось типичное «я» бумера: крайне индивидуалистическое, с плюралистической системой ценностей и повёр-

нутое на деконструкции всех конвенциональных истин, которые, как казалось бумерам, вели к маргинализации всего, за что они боролись. Бумеры свято верили, что именно конвенциональная рациональность, формальная рациональность, линейная рациональность ответственна за маргинализацию чувств, природы, женщин, высших состояний сознания, психоактивных веществ, свободной любви, группового секса, тела — в общем, можете продолжить этот список сами.

— Короче говоря, бумерами владела одна всепоглощающая страсть: воскрешение того, что рациональность вытесняла как «Другого».

— Дальнейшая деятельность бумеров, направленная на разрушение конвенционального мышления и деконструкцию рациональности, обнаружила странную склонность бумеров путать дорациональное с надрациональным, доконвенциональное с постконвенциональным и эгоцентрический нарциссизм с мироцентрической автономностью. Вся эта деятельность велась под лозунгами воскрешения Другого рациональности, а её последствия полностью проявились только через тридцать лет.

— Лозунг бумерита: *разрушай, трансгрессируй, деконструируй*. Вы ещё сто, миллион, даже миллиард раз услышите эти слова. Но к чему ведёт этот призыв: к подлинной трансгрессии или к регрессии? К творческому разрушению или скучному извращению? К деконструкции и высшим истинам или уничтожению и невозможности реализовать свой потенциал?

— Сегодня нам предстоит дать ответы на эти вопросы.

Когда Морин закончил свою вступительную речь, в зале поднялся очень странный шум, похожий на хип-хоп-микс из звуков ёрзающих на стульях тел, нервного шарканья, аплодисментов, одобрительных выкриков и покашливаний. Наверно, похожие звуки мог бы издавать человек, которому приходится сидеть на горячем сидении. Я постоянно забывал, что большую часть аудитории составляли бумеры, собравшиеся на коллективный сеанс психоанализа. Эти бумеры хотели излечиться от себя самих. И, разумеется, они чувствовали себя неловко. И хотя люди из ИЦ довольно деликатно

обращались с ними во время Семинара 1, у меня было предчувствие, что Семинар 2 окажется куда менее... приятным.

Следующие слова доктора Морины прозвучали так, будто он, собрав в кулак всю свою решимость, начал готовить слушателей к грядущему бедствию. Наверное, такое же выражение лица, какое в тот момент было у Морины, могло быть у камикадзе за долю секунды до смертельного столкновения.

— Благородные истины плюрализма, страстно стремившегося воскресить всё, что для рациональности было Другим (Нет традициям! Никогда не верьте властям! Долой систему!), послужили практически идеальным прикрытием для менее благородных причуд Поколения Я. На сцену вышло множество теорий, к названиям которых подошла бы приставка «до-», и лишь несколько теорий с приставкой «пост-»: постмодернизм, постформализм, постконвенционализм и постструктурализм. Эти теории обрели невиданное влияние — отчасти потому, что впервые открыли некоторые очень глубокие истины, а отчасти потому, что невольно стали прибежищем для доструктуралистских, доформальных и доконвенциональных импульсов. Комбинация высоких и могучих постконвенциональных истин и низких, примитивных доконвенциональных чувств породила культурную силу невероятного масштаба. И свинья, которую проглотил питон, чуть не убила питона.

— Единственная причина, по которой деконструкция вошла в моду — это её название: деконструкция, деконструкция, деконструкция.

Хлоя на кухонном столе занимается любовью с двумя женщинами.

— Бумеры стремились деконструировать всё, кроме собственных замечательных «я», — говорит Хлоя, и тела двух других женщин раскачиваются в такт с её невидимыми вибрациями.

— Кажется, это не очень справедливо по отношению к ним.

— Деконструируй *это*, — и всех трёх женщин охватывает одновременный оргазм.

— С ума сойти, да? У нас получилось трансгрессировать твои представления о пристойности?

— Ну, я совсем не против того, что вы делаете.

— У нас получилось деконструировать патриархальное означающее, подавляющее женскую сексуальность?

— Очень на это надеюсь.

— Тебя это задевает, да?

— Вообще-то, я хотел спросить: могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Дурачок.

— В рамках Семинара 2 мы будем заниматься тем, что рассмотрим список основных интересов бумеров — от деконструкции и экологии до феминизма и духовности — и убедимся, что, помимо важных и глубоких истин, каждый из пунктов этого списка содержит значительную примесь бумерита, который искажает и даже обесценивает важные результаты деятельности бумеров.

— Мы в ИЦ хотим, чтобы вы поняли одну вещь: на всех следующих сессиях этого семинара мы будем критиковать не сами идеи бумеров, а то, во что превратились эти идеи под влиянием бумерита. Мы не критикуем феминизм — мы критикуем бумерито-феминизм. Мы не критикуем экологию — мы критикуем бумерито-экологию. Мы не критикуем духовность — мы критикуем бумерито-духовность. Вообще-то, учёные из ИЦ написали множество работ, в которых все эти важнейшие идеи рассматриваются с точки зрения второго порядка, без влияния бумерита, чтобы заложить основания интегральной экологии, интегральной психологии, интегрального бизнеса, интегральной духовности и прочих интегральных вещей. Мы настоятельно рекомендуем вам такие книги, как «Жизнь, которая нам дана» («The Life We Are Given»), «Сияние бытия» («The Radiance of

Being»), «Интегральная психология» («Integral Psychology»), «Высшие стадии развития человека» («Higher Stages of Human Development»), «Перемены в уме» («Changes of Mind»), «Основания духовности» («Essential Spirituality»), «Выше нашего разумения» («In Over Our Heads») и «Теория всего» («A Theory of Everything»). Во всех этих книгах упомянутые выше идеи анализируются с точки зрения интегрального подхода. В рамках Семинара 2 мы иногда будем касаться интегральных решений рассматриваемых проблем, но подробно об этих решениях мы поговорим на Семинаре 3, который начнётся на следующей неделе. А сегодня мы обсудим главную проблему: бумерит.

Стоило Морину произнести слово «бумерит», как слушатели заёрзали на стульях.

— Послушай, Ким, ты ведь так и не раскрыла мне тот секрет.

— А ведь точно, не раскрыла.

Пока я с нетерпением ждал, что ещё скажет Ким, на сцену поднялась Джоан Хэзелтон, которая с умиротворённой улыбкой начала рассказывать тревожные новости.

— Всем доброе утро. Следующие несколько дней мы будем заниматься чем-то похожим на «конфронтационную терапию», использующуюся для лечения алкоголиков и наркоманов. Во время такой терапии родные и близкие предоставляют больному доказательства его болезни, что бывает довольно мучительно, но должно привести больного к осознанию пагубности собственных привычек. Наша цель — предоставить вам доказательства вашей болезни, потому что, дорогие друзья, сейчас вы и понятия не имеете, насколько вы зависимы от всех тех идей, о которых мы будем говорить, и насколько сильно эта зависимость влияет на вашу жизнь. Я, как и другие мои коллеги из ИЦ, надеюсь, что если мы последовательно разберём все примеры, вам станет сложнее отрицать свою зависимость. Тогда вы поймёте, в чём заключается проблема, и увидите, а, быть может, даже преодолёте её самые неприятные проявления.

— Поверьте, друзья, я больна той же болезнью, что и вы. И каждому из нас придется стать доктором самому себе. Будет неприятно, но, объединившись, мы по крайней мере не будем одиноки на этом пути. Мы, ведущие семинара — выздоравливающие наркоманы, надеемся, что, используя свой опыт, сможем вам чем-то помочь. Это настоящее совместное исследование, настоящий диалог, дружеское обсуждение, в ходе которого мы все чему-то учимся и в котором мы все участвуем на равных, проявляя заботу, сострадание и уважение друг к другу.

— Она сейчас говорит на зелёном языке, — прошептала Ким.

— Что, прости?

— Публика здесь в основном зелёная, поэтому Хэзелтон намеренно использует язык зелёного мема, чтобы говорить о зелёных ценностях. Если бы она говорила на жёлтом языке, зелёные бы взбесились и убежали. Это как анестезия перед операцией.

— Понятно. Но это похоже на манипулирование.

— Это в тебе говорит зелёный. Да, это могло бы быть манипулированием — да что угодно могло бы им быть. Но попробуй посмотреть на это, как на искусное средство, позволяющее принять людей такими, какие они есть, и говорить с ними на том языке, который они способны понять. Ты, наверно, уже сам почувствовал, что Хэзелтон никем не манипулирует.

— Пожалуй.

Но правильный ли Хэзелтон выбрала подход? Ведь ей никто не аплодировал, а над залом повисло зловещее молчание, похожее на молчание бледного от ужаса пациента, готовящегося к операции.

— Позвольте вам представить Дерека Ван Клифа, — сказала Хэзелтон. — Доктор Ван Клиф приехал из Йоханнесбурга, ЮАР. Участвуя в движении против апартеида, он на собственном опыте убедился в неэффективности как консервативного, так и либерального подхода к решению этой проблемы. Дерек будет нашим первым проводником в этом увлекательном

путешествии!

Ван Клиф моментально перемахнул через сцену. От него невозможно было оторвать глаз: это был очень красивый, черноволосый и белокожий мужчина, с острыми чертами лица и носом, похожим на клюв ястреба. Его походка была очень грациозной, почти элегантной, и при этом оставалась мужественной. Он мог бы стать кинозвездой, если бы не та честность, которая была видна в нем за километр и которая пришлась бы совсем не к месту в Голливуде.

— Я была в него влюблена, — прошептала Ким. — Все девушки в него влюбляются. И парни тоже.

— Он гей?

— Да нет, не думаю. Но он ни с кем не встречается, и никто не знает почему.

— Женат на своей работе?

— Да ну тебя.

Ван Клиф начал своё выступление фразой:

— Каждый человек с бумеритом — это сотая обезьяна.

Он помолчал, дожидаясь, пока слова подействуют на аудиторию, которой явно было неприятно это высказывание. Конфронтация началась, скальпель хирурга только что коснулся плоти пациента.

— «Сотая обезьяна» — это довольно удивительная история, случившаяся с одной японской макакой (*Macaca fuscata*). Она началась в 1952 году на острове Косима, когда учёные в порядке эксперимента стали давать обезьянам сладкий картофель, бросая его в песок. Обезьянам нравился сладкий картофель, но не нравился вкус песка. Восемнадцатимесячная самка, которую учёные называли Имо, нашла решение проблемы: она начала мыть картофель в протекавшем неподалёку ручье. Имо показала этот трюк своим товарищам по играм, а те показали его своим матерям. Учёные наблюдали, как в популяции обезьян острова постепенно распространялась

привычка мыть картофель. И в один прекрасный день в 1958 году случилась удивительная вещь. К утру того дня 99 обезьян (вообще-то, точные цифры нам неизвестны, но для красоты истории обычно говорят, что их было 99) умели мыть картофель, а одна обезьяна не умела. И вот последняя, сотая обезьяна, начала мыть картофель, так что теперь учёные знали, что каждая обезьяна на острове выучила этот трюк. Но произошло кое-что ещё: все обезьяны на соседних островах, никак не связанных с Косимой, тоже начали мыть картофель!

— Как сказано в любимой книге бумеров, «Энергия, добавленная в общее поле сотой обезьяной, каким-то образом спровоцировала идеологический прорыв! Значит, когда определённая критическая масса существ что-то осознаёт, то это осознание начинает передаваться непосредственно от одного разума к другому. В какой-то момент становится достаточно, чтобы к новому осознанию подключился ещё один человек, тогда поле усиливается настолько, что осознание возникает практически у всех! *Возможно, вы и есть Сотая Обезьяна!*»

— Позже выяснилось, что никакого обезьяньего феномена на самом деле не существует — история оказалась уткой. И всё же эта история распространилась как лесной пожар, завоевав невероятную популярность у бумеров, ведь в ней говорилось, что вы сами и ваше собственное эго можете оказаться той действующей силой, которая изменит весь мир. Бумер даже пальцем не пошевелит, если не будет уверен, что любое движение его эго может привести ко всемирной трансформации.

Слушатели зашевелились и загудели. Несмотря на то, что сказанное было им не очень приятно, они, похоже, не знали, аплодировать Ван Клифу или освистать его.

— Больше всего в этой истории меня тревожит даже не крайняя степень нарциссизма, а отсутствие моральной чувствительности. Моих действий достаточно, чтобы изменились «практически все»! Сама мысль о том, что моё сознание автоматически изменит ваше сознание так, чтобы оно согласовывалось с моим, — это центральная идея нарциссического доминирования.

Бумерит так обрадовался возможности стать сотой обезьяной, что ни на секунду не задумался, захочется ли другим обезьянам иметь сознание как у бумеров.

— Конечно, людям хочется чувствовать, что их деятельность приносит пользу, что они вносят хотя бы небольшой вклад в развитие человечества, а значит, помогают всем сознающим существам. Но под влиянием бумерита это желание обрело совершенно чудовищную форму: любое моё действие должно сделать мир копией меня. Миф о сотой обезьяне стал самой популярной историей в кругах людей, выступавших за новую парадигму, а его разоблачение приписывали кучке бездуховных скептиков. И действительно, разоблачение было делом рук кучки бездуховных скептиков, но история от этого не стала более правдивой. Миф продолжал распространяться со скоростью звука, потому что играл на струнах бумерита и удовлетворял раздутое ненасытное эго.

— Дальше будет так же жёстко? — спросил я у Ким.

— Будет ещё хуже.

— Но он же специально нас провоцирует. Зачем ему это? Это такая жестокая любовь, или что-то вроде того?

— Не совсем. Это проверка.

— Проверка? Да какого черта? В смысле, я должен пройти какую-то проверку? Ничего не понимаю, — я ненадолго задумался. — Знаешь, когда я слушал Морина, мне казалось, что он тоже этим занимается. Проверяет.

Ким несколько секунд смотрела на меня.

— Возможно, мне придётся лишить тебя звания дебила.

Пока я пытался понять, что именно они проверяли, на стене зажегся первый слайд: «Трагедия одарённого ребёнка». Ван Клиф продолжил своё выступление. Атмосфера в зале заметно накалилась.

— В своей книге «Трагедия одарённого ребёнка» («The Drama of the Gifted Child») Элис Миллер (Alice Miller) с точки зрения теории объектных

отношений разбирает ситуацию, когда чувствительный ребёнок в силу своей чуткости к чужому мнению пытается угодить всем, особенно родителям, и это приводит его к эмоциональному истощению и внутреннему опустошению. Первоначально книга была опубликована под названием «Узники детства» («Prisoners of Childhood») и практически не привлекла к себе внимания. Какой-то гений маркетинга догадался переиздать книгу под названием «Драма одарённого ребёнка», и толпы бумеров бросились читать её, узнавая себя в одарённом ребёнке, который остановился в развитии из-за того, что слишком часто получал нагоняй от родителей и общества в целом. Бумерит видел в этой книге в первую очередь объяснение своих неудач: его триумфу кто-то мешал. Название в точности отражало представление бумерита о собственной жизни. По результатам интернет-голосования, вот уже двадцать лет после первой публикации «Трагедия одарённого ребёнка» остаётся одной из самых популярных книг по психологии.

Скальпель хирурга продолжал резать. Было заметно, что Ван Клиф хочет как можно быстрее дать несколько примеров, чтобы их суммарный эффект обезоружил публику.

Слайд №2, «Жестокое обращение, как оправдание».

— В 1993 году одна женщина купила в МакДоналдсе стакан кофе, села в машину, сняла со стакана крышку, поставила его себе на колени и нажала на газ. Кофе пролился и обжог ей ногу. Она подала иск на МакДоналдс, потребовав 2 миллиона долларов, и выиграла суд. МакДоналдс был осуждён за продажу слишком горячего кофе.

— Мы уже знакомы с этой позицией нарциссизма: если что-то идёт не так, *это не моя вина*. При поддержке американской судебной системы, оказавшейся в руках бумеров, на протяжении последних нескольких десятилетий нарциссизм выигрывал одну правовую схватку за другой. Это уже давно стало притчей во языцех, полностью подтвердившейся во время дела братьев Мендес, когда два брата, застрелившие своих спящих родителей, были признаны невиновными на том основании, что отец с ними «жестoko обращался». Правда, было не совсем ясно, почему жестокое обращение отца

заставило их выстрелить из обрез в голову матери, скинуть её с кровати, перезарядить обрез и выстрелить ещё раз.

— Это «оправдание жестоким обращением» является одним из примеров явления, которое сейчас называют «модой на жертву» («victim chic»). «Мода на жертву» рассматривает любое оскорбление гиперчувствительного «я» как ужаснейшую трагедию, сравнимую с рабством, избиением геев, изнасилованием или разбойным нападением. Человек может изображать из себя жертву жестокого обращения или равнодушия общества, но посыл всегда остаётся одним и тем же: я не несу ответственности за свои проблемы, а вот *вы* за свои несёте.

— Я не несу абсолютно никакой ответственности за то, что облил себя кофе и убил своих родителей, потому что я жертва. Но если я хочу обвинить *вас* в своих проблемах, значит, *вы* всё-таки должны нести ответственность за свои действия, иначе у меня не получится сыграть с вами в эту игру. Если братья Мендес невиновны в убийстве, потому что отец жестоко с ними обращался, то и их отец невиновен в жестокое обращение с ними, потому что, очевидно, раньше что-то подобное произошло с ним самим. Но такие аргументы жертве не подходят, ведь для удержания статуса жертвы, необходимо, чтобы кто-то всё-таки нёс за что-то ответственность, иначе стрелка никогда не перестанет вращаться. И бумерит стремится к тому, чтобы стрелка *всегда* указывала на кого-то другого.

Хлое бы это понравилось. Она не то чтобы была справедливым критиком моды на жертву — она ненавидела её, потому что не умела ей пользоваться, и всегда бурно возмущалась, когда это удавалось кому-то другому. Именно это имел в виду Скотт, когда сказал, что Хлоя права, хотя рассуждает в неверном направлении, а Каролина неправа, хотя рассуждает в верном. Каролина много размышляла о феномене жертвы — от этого никуда не денешься, если учишься на культурологии, и все мы считали, что она внесла в эту тему большой интеллектуальный вклад. Но в результате Каролина, без помощи своих профессоров, пришла к выводу, что все мы — как женщины, так и мужчины — жертвы патриархата. Хлоя сказала, что это

похоже на помощь, которую оказывают своим пациентам терапевты, работающие с вытесненными воспоминаниями: «Ну что, теперь вы вспомнили, как с вами жестоко обращались? Всё ещё нет? Давайте копнём поглубже».

— Но Каролина, — всегда говорил Скотт, — если и женщины, и мужчины являются жертвами, то кто же, блин, тогда всё это затеял?

Каролина пришла на семинар с двумя друзьями с факультета культурологии: Катишем Сумаром и Бет Уонтер. Скорее всего, они нужны были ей для моральной поддержки. Жестоко, а, быть может, искусно игнорируя все возражения, Ван Клиф продолжал выступление.

— Что же это значит — быть жертвой, не несущей ответственности за собственные действия?

Агент ФБР присвоил государственные средства в размере двух тысяч долларов и за один день спустил их в казино в Атлантик Сити. Его уволили, но после судебных разбирательств восстановили в должности, так как суд признал его склонность к азартным играм «умственным расстройством», при наличии которого, согласно федеральному закону, человеку полагается особое обращение.

В городе Фрамингем, штат Массачусетс, молодой человек угнал с парковки автомобиль и был убит, находясь за его рулём. Семья юноши подала в суд на владельца парковки, за то, что он не смог предотвратить угон.

Уволенный за постоянные опоздания школьный работник подал в суд на своих бывших работодателей, объявив себя жертвой того, что его адвокаты называли «синдромом хронических опозданий».

— В Чикаго мужчина обратился в отдел по защите прав меньшинств при офисе прокурора, с жалобой на один из местных ресторанов, якобы нарушавший федеральные законы о равноправии, так как сиденья в этом заведении были недостаточно большими для его нестандартно крупных ягодиц. «Я представитель такого же известного меньшинства, как чёрные,

мексиканцы, азиаты или женщины. Ваша компания несёт ответственность за жестокую и неуместную дискриминацию по отношению к ширококостным людям, и мы собираемся подать на вас иск в федеральный суд, для того чтобы вы привели своё помещение в соответствие с требованиями к помещениям, обеспечивающим равноправие. Объём моей талии — 152 см, поэтому тип установленных в вашем заведении сидений не позволяет мне пользоваться вашими услугами. Мы требуем, чтобы вы признали существование крупного ширококостного меньшинства, составляющего около 20% населения США, и заменили по меньшей мере 20% сидений в вашем ресторане на сидения, подходящие для крупных людей».

— Обозреватель «Чикаго Трибьюн» Майк Ройко пишет, что хотя этот человек пытается приравнять свой статус к статусу чёрных или женщин, он «не был рождён со стапятидесятидвухсантиметровой талией и огромной задницей. После определённого возраста он сам работал над собой и своей попой, а значит, он сам в ответе за неё. Даже самые либеральные либералы согласятся, что стапятидесятидвухсантиметровая талия и невероятных размеров задница не должны становиться ответственностью Соединённых Штатов Америки».

На этот раз слушатели с облегчением засмеялись. Каролина посмотрела на Катиша и улыбнулась. Бет подмигнула Каролине. Ким посмотрела на меня, как будто говоря: «Бог знает, что задумали эти трое».

— В книгах «Нация жертв» («A Nation of Victims»), «Культура жалоб» («The Culture of Complaint») и «Жестокое обращение как оправдание» («The Abuse Excuse») приводятся сотни подобных примеров. Похоже, что все люди, работающие в сфере судопроизводства, прочитали «Трагедию одарённого ребёнка» и сделали для себя два вывода: 1) если с вами случается что-то плохое, это ни в коем случае не ваша вина; 2) это говорит о том, что вы очень одарённый ребёнок, задавленный обществом.

— Сначала это кажется абсолютно разумным: я не могу добиться успеха, потому что мне кто-то мешает, я — жертва. Но ужасная ирония состоит в том, что если, пытаясь обрести самоуважение через роль жертвы, вы когда-

нибудь *сумеете* выйти за рамки этой роли, то потеряете свой статус, свои особые права и привилегии. Поэтому, однажды объявив себя жертвой, вы обязаны упорно трудиться, чтобы оставаться ею.

Ван Клиф замолчал и окинул зал своим ястребиным взглядом.

— Всё это часть атмосферы бумерита. Хроническое отрицание ответственности, неспособное помочь жертве повысить собственную самооценку, ведёт к тому, что жертва навсегда остаётся жертвой.

Теперь хирург не просто резал скальпелем нашу плоть, — он начал вырезать наши органы и бросать их на пол. Я пока не начал примерять эти факты на себя, потому что они сразу так хорошо подошли моим милым маме с папой. Когда я был маленьким, мама повесила на дверцу холодильника фотографию сотой обезьяны. Она годами называла меня своей «маленькой болотной обезьянкой». Я точно не знал, какое отношение я имел к болоту, но с обезьянкой всё было понятно: предполагалось, что я изменю мир, и в нём, наконец, восторжествуют мамины ценности.

А мой дорогой папочка. Он тоже по-своему хотел стать сотой обезьяной и считал мир жертвой оборонно-промышленного комплекса, бурного развития патриархального капитализма, ньютоно-картезианской парадигмы (когда я был ребёнком, то думал, что это название ужасного кожного заболевания) и... ладно, сейчас мне лень перечислять всех плохих парней. К тому же, отец не верил, что в оранжевом, как и во всех остальных мемах, есть что-то плохое и что-то хорошее: он демонизировал оранжевый мем от начала до конца и сверху донизу. Его поведение полностью соответствовало представлениям Кук-Гройтер об индивидуалистической самости, которая бывает (и не редко!) подозрительной, скептической и даже циничной. Отец, проникшись бумеритом до мозга костей, собирался спасти мир, стать великим Мессией, выдающейся сотой обезьяной марксизма, всеобщим благодетелем. Но сейчас на этого милого, распятого и одиноко истекающего кровью человека уже невозможно смотреть без слёз. Безжалостные гвозди его системы ценностей смертельно ранили его тело. Жизнь по капле утекала из него, а мы с мамой проливали над ним слёзы. Эта нежная грусть навела

меня на мысль, которая часто посещала меня той осенью: может быть, мой сиамский близнец — это призрак отца, а не Курта Кобейна? Кто знает...

Мой внутренний голос всегда подсказывал мне, что выход существует, но чтобы найти его, нужно двигаться вглубь. Именно об этом милый юный Стюарт скоро будет петь в одной из своих [песен](#): «Оно реально: здесь и сейчас / Бессмертная суть обитает в нас / Когда мы проснёмся в ясном сне / Увидим свой путь, что внутри, а не вне». И они ещё удивляются, почему меня так интересует молодёжь.

Единственное, чему научила меня мама, когда я была маленькой, это тому, что бесполезно пытаться победить мужчин в их собственной игре. Женщины по-своему находят истину, говорила она. Поэтому я стала небом. Пусть мужчина будет слепящим солнцем, но ты можешь быть небом, в котором светит это солнце. Даже земля парит в бесконечном пространстве, в небесном чреве, в лоне всего сущего. В небе, в бескрайнем просторе космоса, в великом всеохватном пространстве, которым ты на самом деле являешься, части соединяются в целое.

Позже я узнала, что небо — это не мужчина и не женщина, не солнце и не земля, а огромное пространство, в котором всё это помещается. Но для того чтобы это узнать, мне пришлось умереть долгой и мучительной смертью. Хотите знать как?

Катиш повернулся к Каролине и сказал: «Даже если то, что говорит Ван Клиф, — правда, настоящие жертвы всё равно существуют! И мы не обязаны вестись на всю эту чушь».

Ван Клиф, как будто в ответ на его слова, поставил слайд №3: «374 процента населения».

— За всем этим стали невидны настоящие трагедии, — начал он с казавшейся неподдельной озабоченностью в голосе. — Есть множество настоя-

щих жертв рабства, нетерпимости по отношению к сексуальным меньшинствам, разбойных нападений, половой дискриминации и избиений, но из-за моды на жертву их законное негодование стало общим местом. И это настоящая трагедия.

Ван Клиф начал читать вырезки из разных газет.

— Задумайтесь, что творится с нашей культурой и судебной системой, если мужчина, во время «забега с холодильниками» тащивший на себе холодильник и повредивший спину, счёл нужным подать в суд на производителя холодильника за то, что тот не снабдил устройство предупреждением о возможном ущербе здоровью в результате подобных действий. Или вспомните случай, когда мужчина намеренно прыгнул под поезд метро и получил компенсацию в размере 650 тысяч долларов, потому что поезд не смог остановиться, не причинив ему вреда.

— Мужчина подал в суд на клинику снижения веса, потому что они вкладывали деньги в создание специальных программ только для женщин. На бейсбольную команду Сан-Франциско Джайнтс подали в суд за то, что они раздавали подарки ко Дню отца только мужчинам. Профессор психологии пожаловалась, что её унижает присутствие венка из омелы на рождественской вечеринке. Руководству Университета штата Пенсильвании пришлось снять со стены аудитории репродукцию картины Гойи «Маха обнажённая», так как одна из профессоров заявила, что присутствие этой картины является сексуальным домогательством.

— Сексуальное домогательство! Какая херня! — выкрикнул какой-то мужчина.

Ван Клиф кивнул, будто бы выражая согласие, и тут стало ясно, что по сравнению с остальными лекторами, он гораздо сильнее эмоционально переживает по поводу того, о чем рассказывает. Он повёл плечами, выпрямился и продолжил.

— Есть немного мест, где бедненькая гиперчувствительная самость может приклонить свою усталую головушку. «Суд Майями постановил выплатить

пособие по временной нетрудоспособности в размере 40 тысяч долларов женщине, которая пожаловалась, что не может работать, когда её чернокожие коллеги находятся рядом, поскольку она очень их боится». Видите ли, некоторые люди так охрененно чувствительны, которые даже не могут воспринять расовую интеграцию! — выпалил Ван Клиф. На этот раз ему аплодировал весь зал.

— Дальше — больше, — мрачно объявил Ван Клиф и продолжил зачитывать заметки с вырезок.

— Два морских пехотинца заявили, что подверглись антиконституционной дискриминации, когда были уволены из морской пехоты за «хроническое ожирение». Почтовый служащий-левша обвинил Почтовую Службу США в том, что почтовые ящики «намеренно устанавливаются для удобства праворуких служащих» с целью дискриминировать людей с леворукостью. Двадцатичетырёхлетний мужчина из Колорадо подал в суд на своих родителей, обвинив их в «родительской халатности». На Гавайях семья отдыхающих выиграла суд у отеля, который из-за наплыва постояльцев разместил их в «помещении с менее приятными условиями» — им была выплачена не только разница стоимости номеров, но и компенсация за «эмоциональные страдания и разочарование». В Орландо мужчина подал в суд на парикмахера, сделавшего ему стрижку, которая, по словам пострадавшего, была настолько плоха, что вызвала у него паническую атаку. В своём иске неадекватно подстриженный истец заявил, что халатный парикмахер пытался лишить его «права наслаждаться жизнью».

Несколько людей приглушённо засмеялось, как бы осознавая, что в любой момент они сами могут стать объектами шутки... На лице Ван Клифа появилась улыбка.

— Иногда такие истории даже бывают забавными. «В книге „Исковой взрыв“ („The Litigation Explosion“) Уолтер Олсон (Walter Olson) описывает дело женщины-медиума по имени Джудит Хаймс, которая на своих спиритических сеансах вызывала духов знаменитых метафизиков, таких как поэт Джон Милтон, и они говорили через неё. Эта женщина утверждала, что её

экстрасенсорные способности исчезли из-за красителя, который был введён ей в кровь перед процедурой компьютерной томографии. Заявив, что без этих способностей она не может зарабатывать себе на жизнь, женщина подала в суд. Присяжным понадобилось всего 45 минут, чтобы принять решение о выплате ей компенсации в размере 986 тысяч долларов».

— Вот это работа по мне, — выкрикнул кто-то из зала, и все засмеялись.

— Просто поразительно, — продолжил Ван Клиф, всё ещё улыбаясь, — сколько существует различных групп, готовых драться друг с другом за статус жертвы. Как пишет автор популярной книги «Нация жертв» Чарльз Сайкс (Charles Sykes), «один из самых удивительных феноменов нашего времени — это готовность, с которой всё больше и больше групп и отдельных людей из белого среднего класса, включая владельцев автомобильных компаний и изнеженных учёных, объявляет себя жертвами. Аарон Вилдавски (Aaron Wildavsky) вычислил суммарную численность всех групп, называющих себя меньшинствами, и выяснил, что *к меньшинствам принадлежит 374 процента населения*».

Ван Клиф подождал, пока его слова подействуют на слушателей, а потом продолжил, почти перейдя на крик.

— 374 процента населения! Люди, люди, *придите, наконец, в себя!* — Он подошёл к краю сцены. — Проблема в том, что если у нас есть жертвы, значит, у нас есть и палачи, те, кто угнетает и обижает жертв, — иначе откуда же возьмутся жертвы? Раньше неисчерпаемым источником угнетателей служила мифическая группа белых англо-саксонских протестантов мужского пола — любой мог начать играть в игру «Я жертва», обвинив их в своих несчастьях. Но этот источник давно пересох. Сейчас эта огромная группа угнетателей рассыпалась на множество мелких групп, и члены которых сами считают себя жертвами угнетения. Теперь все белые мужчины — это либо выздоравливающие наркоманы, либо алкоголики, либо жертвы сексуального насилия, либо безотцовщины, либо жертвы жестокого обращения; они страдают ожирением и подвергаются дискриминации на основании возраста, внешности и пола. В общем, в настоящее время почти

все мужчины в Америке могут считаться жертвами тех или иных злодейств. Мы превратились в нацию угнетённых, при том, что угнетателей среди нас не осталось. Очень ловкий трюк.

— И, конечно же, этот трюк проделал бумерит. Как пишет Сайкс, «стремление объявить себя жертвой», — заметно усилившееся в последние тридцать лет, — «невозможно объяснить только политическими причинами. Похоже, что *ценности и представления американцев об ответственности и свойствах личности сильно изменились*». Так оно и есть. Сайкс объясняет: «Несмотря на то, что жертвизм претендует на статус идеализма, это не идеализм. В конечном счёте, жертвизму нет дела до других, он занят только собой. Нарядившись в одежды идеализма, он пытается обслужить свои корыстные интересы и оправдать себя. Без прикрытия идеализма *жертвизм — это идеология эгоизма*».

Реакция зала была неоднозначной: кто-то ворчал, кто-то хлопал, хотя было не похоже, чтобы хоть кому-то понравилось сказанное.

Ван Клиф снова молча оглядел зал.

— В общем-то, это довольно хорошее определение бумерита: эгоцентрические устремления, скрытые под маской идеализма, при поддержке зелёного мема использующие неизбежные в нашей жизни неприятности, чтобы показать, что во всех трудностях виноват кто-то другой. Всё просто: если синий мем *обвиняет* жертву, то зелёный её *создаёт*.

Мёртвая тишина в зале.

— Почему зелёный мем создаёт жертв? Почему он *должен* создавать жертв? Вспомните: зелёный мем разделяет взгляды флатландии — он считает, что все люди примерно одинаковы. Поэтому каждый раз, замечая различия между людьми, он приходит к выводу, что эти различия были *навязаны* какой-то злобной деспотичной силой. Иногда такая сила действительно существует, а иногда нет, но *зелёный мем об этом не знает*. Зелёный мем должен наполнить весь мир жертвами и палачами, чтобы понять, что за пределами флатландии существует что-то ещё. В общем, позвольте мне

повторить: если синий мем обвиняет жертву, то зелёный её создаёт, а бумерит — это просто зелёный мем, охваченный жадой мести.

— Нет сомнений, что страна, в которой 374 процента людей считает себя жертвами, действительно сильно изменилась в культурном плане за последние тридцать лет. И нет сомнений в том, что бумерит является одной из причин этих изменений.

Ван Клиф замолчал, слегка поклонился и ушёл со сцены под угрюмое, задумчивое молчание зала. Не аплодировали даже иксеры и игрики, потому что на казни через повешение аплодисменты неуместны.

— Сразу после окончания длинного тура я поехал в Бриант Лейк Боул в Миннеаполисе к своим друзьям Дирку и Энтони, чтобы сделать рекламу моего диска для одного крупного журнала.

Стюарт подвинул стул, сел, посмотрел на нас, улыбнулся и как-то слишком нетерпеливо продолжил.

— Я пришёл в клуб, одновременно представлявший собой бар, боулинг и театр (странное сочетание, но место очень модное). Мне показалась необычной одна вещь: посетители. Все дорожки для боулинга были оккупированы армией моделей. Роскошные женщины швыряли шары направо и налево, смеясь от удовольствия. Я, руководствуясь стратегическими соображениями, занял ближайшую к ним позицию, и к моменту прихода Энтони и Дирка успел залить слюной весь стол.

— Не упуская из виду играющих в боулинг моделей, мы придумали очень незамысловатую рекламу. Она должна была занимать целую страницу: наверху было написано «Стюарт Дэвис», ниже изображены ни к чему не подключённые наушники, а под ними расположена надпись «Не спрашивайте нигде». И никаких номеров телефонов, никаких веб-адресов — ничего, кроме слов «Не спрашивайте нигде».

Нас разобрал истерический смех. В этом был весь старина Стюарт.

— В общем, мы все как ненормальные хохотали над дзенским настроением этой рекламы, а в перерывах между приступами смеха с вождением рассматривали этих декоративных богинь. Во время одного такого перерыва, одна из богинь повернулась, бросила взгляд на наш столик и зашагала к нам. Когда она приблизилась, стало ясно, что она идёт ко мне.

— Она была высокая, почти метр восемьдесят, с тёмными волосами, большими круглыми карими глазами, идеальными пропорциями, прекрасной осанкой, и такими губами, при взгляде на которые я чувствовал покалывание внизу позвоночника. Она подошла к нашему столику и, посмотрев на меня своими огромными светящимися глазами, спросила: «Вы ведь Стюарт Дэвис, да?»

— Я посмотрел на Энтони — он кивнул мне, как будто говоря: «Да, кретин, ты Стюарт Дэвис, а теперь скажи ей это, и только попробуй всё испортить».

— И я неуверенно ответил ей «да».

— И что, Стюарт, ты уже достиг просветления?

— Кому нужны эти супермодели? — сказала Хлоя. Её голое тело мерцало в свете луны. — Думаешь, Синди Кроуфорд *так* умеет? Ну? Умеет?

— Надо подумать.

— Послушай, сладкий мальчик, хватит тебе думать. До чего тебя довели твои раздумья? До того, что ты всё время дребезжишь? Ты считаешь, что либо машины поработят людей, либо люди загрузятся в машины. И это всё, до чего ты додумался? Ладно, сладкий мальчик, посмотри лучше на это. Думаешь, Тайра Бэнкс *так* может?

— Нууу...

— Может или нет?

— Надо подумать.

На сцену, нежно улыбаясь и излучая дружелюбие, поднялась Маргарет Карлтон.

— Давайте ненадолго сменим тему и поговорим о том, что бумерит захватил власть не только на земле, но и на небесах.

Карлтон — миниатюрная женщина, белая как снег: белокурые волосы, белая кожа, белая одежда. По сравнению с остальными выступающими она довольно молода: наверное, ей около 35 лет. Хрупкую красоту её лица освещала ускользающая улыбка. И только тяжёлые чёрные очки на тонком носу говорили о том, что в этом фарфоровом сосуде находится мозг члена Менса⁷². Казалось, в ней нет ни капли гнева или агрессии. Единственной негативной эмоцией, которая иногда читалась на её лице, было лёгкое нетерпение.

— Бумеры, особенно находящиеся под воздействием бумерита, проводят чёткую грань между религией и духовностью — последнюю они считают своим достоянием, первую — достоянием своих родителей. Они утверждают, что религия — это суровый внешний иерархический институт, в то время как духовность — это опыт внутренней осознанности и глубокие истины, которые никто не пытается облечь в общепринятую форму. Это суждение во многом справедливо, и я отнюдь не отрицаю, что бумеры внесли важный вклад в обновление духовности.

— К сожалению, увидев это различие, бумеры слишком строго осудили религиозные ценности. Согласно результатам одного исследования, бумеры готовы принять Что Угодно, Кроме Церкви. Это говорит об осязаемой доле

⁷² «Менса» (англ. *Mensa*) — крупная международная организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта, основанная в середине 20 века в Великобритании. Среди целей организации заявлены развитие человеческого интеллекта на пользу человечества и исследование природы и свойств интеллекта. — Прим. пер.

презрения по отношению к любым проявлениям «религии», противопоставленной «духовности». Но поскольку религия — это систематизированная духовность, то даже духовность бумеров, выходящая за рамки сиюминутных ощущений, становится, а вернее, уже стала, религией, и в этом нет ничего плохого. Но бумерит с его лозунгом «Никто не вправе указывать, что мне делать», похоже, вознамерился изобрести свою религию, не признающую никаких традиций и авторитетов, кроме собственных импульсов. Омоложение и обновление духовности — это, безусловно, благородная цель, но для её достижения не обязательно выбрасывать на свалку все старые религиозные традиции. Не стоит забывать и о том факте, что проповедуемая бумеритом религия чувств (важен только я и мои ощущения), как правило, скорее дорациональна, чем надрациональна...

Катиш, не обращая внимания на Карлтон, наклонился к Ким и довольно громко спросил: «Нам ещё дадут шанс поговорить о жертвах?» Было видно, что он очень расстроен.

— Этому посвящён весь день. Сейчас просто вступление, — ответила Ким, и это увеличило возбуждение Катиша.

На стене зажегся слайд №4. «Ченнелинг». Ченнелинг? Наверно, это *очень* увлекательно, но какое отношение это имеет к бумериту?

— На следующих сессиях мы будем подробно говорить об одной из наиболее распространённых религий бумеров, нью-эйдже. Нью-эйдж широко эксплуатирует феномен ченнелинга, когда высший, обычно инопланетный, разум, обращается к людям через *избранного* человека («канал»), зачастую передавая информацию о том, как человечество может избежать уничтожения и удивительным образом трансформировать весь мир. Упоминание о том, что вы были выбраны высшим вселенским разумом в качестве особого канала, будет неплохо смотреться в любом резюме.

Смех в зале. Похоже, кое-кто из присутствующих был знаком с ченнелингом не понаслышке.

— Однако иногда этот высший разум, раздосадованный тем, что его никто

не слушает, сам является к людям.

На стене зажёгся слайд №5: «Похищения НЛО». Я посмотрел на Ким — она зажимала рот рукой, чтобы не рассмеяться в голос. Похоже, она знала, что будет дальше.

— Целых 4% американцев, то есть 12 миллионов человек, утверждают, что их похищали инопланетяне. Сейчас нам хорошо известен сценарий всех таких похищений. Человека доставляют на борт космической станции, где его тело подвергают серии тестов, непременно включающих анальное зондирование и взятие пробы спермы или яйцеклеток. Потом — и это обычно является кульминацией похищения — человеку показывают его сыновей и дочерей, произведённых в результате скрещивания его спермы/яйцеклетки с генетическим материалом пришельцев. Иными словами, похищенные — это отцы и матери новой расы, которая в скором времени будет населять землю. И тут становится очевиден потрясающий нарциссизм «похищенных». Подумать только: я отец или мать расы новых людей...

— Многие учёные убеждены в возможности существования разумной жизни на других планетах, а некоторые из них до сих пор занимаются её поисками на *этой* планете. Но мало кто из учёных верит, что пришельцы прилетают к нам каждый день, если только наша планета не космически зоопарк, в который инопланетяне привозят своих детей, чтобы поглазеть на примитивных животных. «А теперь, маленький Зордак, давай посмотрим, что будет, если мы возьмём эту палку и засунем её в...»

— Нарциссизм — вот ключ к загадке похищений, — Кэрлтон улыбалась вместе с залом. — Как остроумно заметил комик Деннис Миллер (Dennis Miller), «люди — это единственный вид, которому хватает нарциссизма думать, будто высокоразвитая инопланетная форма жизни, обладающая таким интеллектом и настолько возвышенная и безразличная ко всему, что на её кораблях даже нет окон, позволяющих любоваться красотой звёзд, готова преодолеть миллиарды миллиардов световых лет, чтобы, первым делом после приземления залезть с фонариком в жопу какого-нибудь деревенщины».

Кэрлтон ушла со сцены под хохот аудитории. Появилась Лиза Пауэлл — единственная, кому начинали аплодировать ещё до начала выступления. Интересно, как мы будем чувствовать себя после её хирургического вмешательства.

Слайд №6. «Фуко и генеалогия». Аплодисменты быстро сменились сто-нами.

— Внезапно, я как будто пробудился. Дирк и Энтони с молчаливым ин-тересом смотрели на меня, ожидая, как же я отвечу на этот неожиданный вопрос: «Ты уже достиг просветления?» Я быстро оценил обстановку: я в баре, выпиваю и пускаю слюни на горячих малышей, играющих в боулинг. Одна из них неожиданно подходит ко мне и, даже не представившись, в лоб задаёт очень личный и глубокий вопрос. Какого чёрта тут происходит? Я помолчал, и, взглянув на себя, утопающего в похоти, алкоголе и сигаретах, глазами этой умной и живой женщины, решил, что сегодня как-то не чувствую себя особенно просветлённым.

— Я сказал: «Вообще-то нет, но это очень интересный вопрос. Может быть, обсудим его в другой обстановке?» Мне казалось, что вокруг меня танцуют бабочки, я чувствовал электричество в своих венах.

— Ладно, меня зовут Дарла. Я была на одном из твоих концертов в Чика-го. Вообще-то, у нас с тобой в Чикаго есть общий друг, но у него не было шанса нас познакомить, поэтому я решила просто подойти и поздороваться. Только не думай, что я группки или что-нибудь в этом роде.

— Меня переполняло желание обнять и поцеловать её, но я старался держать себя в руках. Потом я довольно неуклюже попытался узнать её номер — никогда не думал, что скажу что-то подобное, особенно модели, особенно в боулинге: «Вообще-то, я часто бываю в Чикаго, так что, может, как-нибудь встретимся и поговорим о просветлении?»

Прервав рассказ, Стюарт вдруг покатился от смеха. Очевидно, его забав-ляла нелепость ситуации: супермодель, боулинг, просветление — *это*

вообще как, нормально?

— Дарла взглянула на меня, и я погрузился в состояние, противоположное анестезии, как будто принял галлюциноген, дающий полную осознанность. Тогда она ответила: «Ну, следующие два дня я буду в городе — участвую в одном шоу для Дайтонс — так что, если хочешь встретиться, вот мой номер».

— Она написала свой номер на салфетке, попрощалась с нами, и ушла своей идеальной походкой обратно на дорожку для боулинга. Дирк, Энтони и я изумлённо переглянулись. Я не хотел, чтобы друзья заметили моё волнение, но моя интуиция просто рвала и метала, крича мне о том, что я встретил удивительное человеческое существо, которое, к тому же, оказалось очень красивым. Я и пяти шагов не прошёл от двери заведения, как выхватил из кармана свой мобильник, набрал её номер и оставил сообщение, что весь следующий день буду свободен, поэтому могу встретиться с ней в любое удобное для неё время.

Мы все напряжённо молчали, жадно ловя каждое слово Стюарта. Даже Хлоя не открывала рта.

— На следующий день мы встретились в центре Миннеаполиса, и буквально в тот же момент, когда я увидел, как она выходит из отеля, я почувствовал у себя внутри свет. Мы погуляли вдоль Миссисипи, прошли по каменному арочному мосту и оказались на булыжной улочке, с которой был виден водопад. Первый час нашей прогулки она рассказывала о себе. Она рассказывала, а я слушал, ни на секунду не отвлекаясь, наблюдал, как она говорит и смеётся. Я был в неё влюблён.

— Та ночь пролетела, словно один миг. Восемь часов мы гуляли, разговаривали, смеялись и просто молча смотрели друг на друга. Ни она, ни я не хотели прощаться, но мы не могли пойти к ней в номер, потому что она жила с подругой, и не могли пойти ко мне домой, потому что у меня в этом городе вообще не было дома (казалось, Дарлу совсем не волнует, что я бродячий музыкант, который всё ещё живёт с родителями и ездит на

мамино универсале).

— Мы сидели в машине, напряжение между нами всё нарастало, и тогда я несмело повернулся к ней и спросил: «Это было свидание?»

— Она немного подумала, а потом ответила: «Не знаю».

— «Хочешь поцеловаться?» — робко спросил я.

— Она покраснела и ответила: «Да».

— Я несколько секунд подождал, и, чтобы убедиться, что она всё правильно поняла, спросил: «Со мной?»

— Мы расхохотались. А потом случилось одно из главных событий в моей жизни: наш поцелуй.

— Во всех примерах, которые приводили мои коллеги, — начала Лиза Пауэлл, — будь то сотая обезьяна, похищения инопланетянами или мода на жертву, видна одна общая черта: чрезвычайное преувеличение важности собственного эго. Но все эти примеры бесхитростны и просты для понимания, однако подлинная причина удивительного успеха бумерита заключается в его способности влиять на намерения людей на самом тонком уровне.

— Мы можем придать своему исследованию серьёзности, если обратим внимание на фигуру Мишеля Фуко, оказавшего огромное влияние на всё движение постмодернизма и являющегося одним из его наиболее грамотных и уважаемых теоретиков. Тема моей собственной диссертации... приготовьтесь... звучала так: «Генеалогия корневого ризоматического сопротивления патриархальным означающим власти в ассиметричных телесно-ориентированных сексуальных отношениях диссоциированного взгляда иерархического Просвещения».

Многие в зале засмеялись, зааплодировали и со знающим видом начали переглядываться. Наверное, половина присутствующих писала такие же увлекательные работы.

— Фуко, — успокаивающим голосом продолжила Пауэлл, — наверное,

один из наиболее тонких философов той постмодернистской традиции, которая *впервые занялась целенаправленной критикой рациональности* и всеобщего формализма. Эта традиция восходит к Ницше, и к ней, помимо Фуко, принадлежат Батай (Bataille), Башляр (Bachelard) и Кангилем (Canguilhem). Разработанные Фуко *археология* знания, анализирующая дискурс заданной эпохи на основании её документов и эпистем, и *генеалогия*, исследующая смену периодов, характеризующихся теми или иными преимущественно недискурсивными социальными практиками, внесли огромный вклад в развенчание концепций универсального формализма.

Ответом на её слова была гробовая тишина.

— Я вас понимаю — кажется, что всё это очень заумно. В общем-то, так оно и есть. Но общая идея проста. Фуко пытается сказать, что если вы исследуете предшествующие исторические эпохи и посмотрите, во что тогда верили люди, станет очевидно, что «истина» — это во многих отношениях произвольный, изменчивый, зависящий от культуры и формируемый историей феномен. Что, например, случилось с семью смертными грехами? Кто-нибудь в наше время вообще верит, что из-за обжорства или жадности может обречь себя на вечные муки в аду? Господи, да сейчас совершение всех семи смертных грехов почти стало обязательным требованием для поступления в большинство юридических колледжей.

Взрыв смеха в зале.

— В общем, если в прошлом за абсолютную истину принимали так много несуразностей, с чего нам считать, что сегодняшние истины в этом смысле отличаются от истин прошлого? Так называемая истина меняется практически с той же быстротой, что и мода на одежду.

— Итак, всё просто: археология Фуко была попыткой найти в истории культурно обусловленные и относительные системы «истины» и «дискурса», которые Фуко называет *эпистемами*, вкладывая в это слово примерно такой же смысл, какой мы вкладываем в слова «мем» или «мировоззрение». В генеалогический период Фуко наблюдал за историческим развёртыванием

этих мировоззрений не только с точки зрения вербальных структур или дискурсивных практик, но и с точки зрения «недискурсивных практик», поддерживающих то или иное знание. Именно тогда он обнаружил, что многие истины не только мимолётны, но и *социально конструируются* в интересах *власти* и её *доминирования*. Например, семь смертных грехов, очевидно, являются формой власти церкви, необходимой для управления верящими в мифы людьми. А если кому-то было сложно самостоятельно поверить в мифы, такой человек всегда мог обратиться за помощью к Инквизиции.

— Что это у тебя там? — спрашиваю я голую Хлою, развалившуюся на диване с книгой в руках.

— «Философия в будуаре» Донасьена Альфонса Франсуа де Сада, а что?

— Раньше ты читала «Надзирать и наказывать», теперь читаешь маркиза де Сада. Что тут вообще творится?

— Даже Бодлер говорил: «необходимо снова и снова обращаться к де Саду».

— Бодлер такое говорил?

— Да, точнёхонько. А Суинбёрн даже сказал: «Придёт день, когда в стенах каждого города будет установлена статуя де Сада, и у подножия каждой статуи ему станут приносить жертвы».

— Ого. Интересно, почему?

— Потому что, как сказал великий Апполинер, Маркиз де Сад — это «самый свободный дух, когда-либо живший на земле».

— Самый свободный дух, когда-либо живший на земле? Ух ты!

— Ох, как многого ты ещё не знаешь, — говорит она, переворачивая своё тело в лучах солнца.

Пауэлл с её чёрной кожей и чёрными блестящими волосами подошла к краю сцены, оглядела зал и нежно улыбнулась.

— Фуко пришёл к выводу, — продолжила она, — что вера в прогресс, универсальную истину и развитие знания является как минимум плохо обоснованной. Существует только «множественность дискурсов» и плюрализм эпистем, ни одна из которых не лучше и не хуже остальных. Иными словами, Фуко стал автором одного из первых по-настоящему проработанных зелёных толкований истории истины, знания и власти. В своём, вероятно, самом известном высказывании, принадлежащем к раннему периоду, Фуко говорит о том, что нам выпала возможность наблюдать «смерть человека» и рождение новой эры. Фуко имеет в виду смерть всеобщего научного редукционизма и возникновение более уважительного, недоминантного отношения ко всем людям, то есть смерть оранжевого мема и рождение зелёного.

— Я уверена, что в словах Фуко есть большая доля истины. Я уже говорила, что писала диссертацию о концепции власти по Фуко, а многие мои коллеги из ИЦ используют его выводы в своих работах. Например, если судить по сноскам в книге «Пол, экология, духовность», автор этой книги прочёл буквально всё, что Фуко успел написать. Но проблема с плюрализмом Фуко состоит в том, что доведённый до крайности, этот подход начинает *отрицать сам себя* — Фуко впервые обратил внимание на этот недостаток, когда начал писать книгу «Археология знания».

— В этой работе Фуко попытался описать основные структуры (или правила) знания, которые поддерживают существование различных социально конструируемых и исторически обусловленных эпистем (или мировоззрений). В сущности, он старался объяснить, почему любое знание зависит от культуры и контекста. Но он быстро понял: его точка зрения сама претендует на то, чтобы быть универсальной истиной для всех культур. Другими словами, он приписал *своим взглядам универсальную истинность*, одновременно заявляя, что любое знание *относительно*. Осознав всю

противоречивость своего подхода, Фуко отказался от примитивных плюралистических и релятивистских взглядов, назвав их «слишком высокомерными», что, в сущности, было правдой, поскольку они были заражены бумеритом и гигантскими претензиями. Что это значит? А то, что Фуко самодовольно утверждал, будто обладает универсальным знанием, которое недоступно остальным людям: наверное, я действительно великий, раз знаю то, чего не знаете вы. Так что, к большому удивлению своих зелёных поклонников, Фуко отрёкся от большей части своих ранних работ и, публично объявив себя продолжателем дела Канта, занялся поиском подлинных постконвенциональных универсалий, с точки зрения которых человек — это цель, а не средство, и которые могут объединять, не дискриминируя. Иными словами, он занялся поиском мироцентрических конструкций второго порядка.

— Ким, ты всё это понимаешь? — прошептал я.

— Конечно.

Это было похоже на правду. Я уже собирался пожаловаться ей, что мне многое не понятно, но вовремя опомнился, представив, как она будет поливать меня всеми этими «сладкими попками», «плаксами», «слабачками» и «глупышками» и решил дальше слушать Лизу Пауэлл.

— Становилось всё яснее, что цель Фуко — *выйти за рамки* всего, что формальная рациональность, универсальный формализм и «науки о человеке» считали неизменным. Благодаря своему живому, неугасающему интересу к «пограничным переживаниям» — от сумасшествия до мистического опыта, Фуко пришёл к выводу, что «истина» любой эпохи — это в лучшем случае небольшой кусок всего пирога, а в худшем — жестокая форма социального угнетения. Но, призывая нас *выйти за рамки* условностей, Фуко не потрудился объяснить, каким путём нам идти: доконвенциональным или постконвенциональным? Путём трансгрессии или регрессии?

— «Надзирать и наказывать»? Хлоя, не могу поверить, что ты это чита-

ешь. Хочешь со мной поиграть, да? — спросил я в самом начале наших отношений, заставив её покраснеть.

— Да нет, это Фуко. Ты ведь знаешь Фуко?

— Его включили в обязательную программу по архитектуре?

— Да нет, я просто хочу расширить свой кругозор. Он пишет довольно интересные вещи.

Я открыл книгу на первой странице и прочитал строки, которые, наверно, никогда не сможет забыть ни один прочитавший их человек, включая меня.

Второго марта 1757 г. Дамьена приговорили к «публичному покаянию перед центральными воротами Парижского Собора»; его «надлежало привезти туда в телеге, в одной рубашке, с горящей свечой весом в два фунта в руках», затем «в той же телеге доставить на Гревскую площадь и после раздиранья раскалёнными щипцами сосцов, рук, бёдер и икр возвести на сооружённую там плаху, причём в правой руке он должен держать нож, коим намеревался совершить цареубийство; руку сию следует обжечь горящей серой, а в места, разодранные щипцами, плеснуть варево из жидкого свинца, кипящего масла, смолы, расплавленного воска и расплавленной же серы, затем разодрать и расчленить его тело четырьмя лошадьми, туловище и оторванные конечности предать огню, сжечь дотла, а пепел развеять по ветру».⁷³

Я закрыл книгу и отвернулся, едва сдерживая рвотные позывы.

— Если хочешь, можешь сделать со мной то же самое, — сказала Хлоя.

— Господи, да что с тобой такое?

— Да ладно тебе, не злись.

⁷³ Фуко М. «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Перевод с французского Владимира Наумова под редакцией Ирины Борисовой. — М.: «Ad Marginem», 1999. — Прим. пер.

Это было до того, как я начал понимать смысл пыток, которыми она истязала свою плоть, смысл шрамов на её теле и порезов на её душе, представлявших собой миниатюрную копию страданий бедного Дамьена, заставлявших его кричать: «Господи Иисусе, помилуй, помоги мне, Господи!»⁷⁴ Мне понадобились месяцы, чтобы услышать крики Хлои, и понять, у какого Бога она просила прощения.

Позже я дочитал «Надзирать и наказывать» (разве кто-то может бросить такую книгу?) и, кажется, понял её смысл. Эта книга с подзаголовком «Рождение тюрьмы» была ровно о том, о чём говорила Пауэлл: о современных формах власти и принуждения и средствах, которые использует общество, чтобы добиться покорности своих членов во имя правды, добродетели, короля, страны, психиатрии или любой другой «истины», которая сейчас в моде. Все мы Дамьены, говорит нам Фуко.

Но за любыми рассуждениями Фуко всегда сквозило что-то ещё. Его завораживали эти болезненно интенсивные эротические переживания, эти блаженные муки, позволявшие пережить мистическое состояние освобождения, деструкции, распада и экзальтации, дионисийский экстаз, выходивший за рамки всего и вся. В последние годы своей жизни Фуко часто посещал бары для садомазахистов в Сан-Франциско, где заразился СПИДом. Он умер в 1984 году в возрасте 58 лет. «*В трансгрессии нет ничего отрицательного*», — говорил он. Эротическая жестокость и ниспровергающие условности импульсивные порывы даже могут позволить человеку «впервые увидеть себя» и ощутить «трансформирующую силу» «простой и понятной *трансценденции*. *Трансгрессия* утверждает ограниченность человека и безграничность того пространства, в которое он погружается», предоставляя нам, современным людям «*исключительный* способ прикоснуться к сакральному в его неопосредованном состоянии».

А Пауэлл говорит: да, это всё по-своему справедливо. Но *что вы найдёте*,

⁷⁴ Там же. — Прим. пер.

когда разрушите, деконструируете и перейдёте все конвенциональные границы? Постконвенциональное освобождение или доконвенциональное рабство? Надрациональную разрядку или дорациональное желание? Мировцентрическую свободу или эгоцентрическую привязанность к себе и своим мимолётным ощущениям? И правда ли, что Нация Вудстока в результате своих экспериментов нашла и то, и другое, но не увидела разницы? Фуко, прославленный герой трансгрессии, стремившийся разрушить все конвенциональные границы и прикоснуться к безграничному, который люто и бешено боролся с любыми структурами власти, мешавшими свободе, стал великим воином постконвенциональной трансгрессии и доконвенциональной регрессии.

— Знаешь, тут я согласен с Пауэлл, — прошептал я на ухо Каролине. Я был горд, что у компьютерного гика, вроде меня, нашлось, что сказать на эту тему.

— Вот... дерьмо. Не знаю. Надо подумать, — ответила Каролина. Пауэлл нанесла серьёзный удар по её вере в Фуко — его позиция, всегда казавшаяся такой несокрушимой, была деконструирована его же методами. Каролина погрузилась в молчание и стала незаметной.

— **«В центре вселенной де Сада всегда находилась острая потребность в *суверенитете* и *трансгрессии*», — пишет Морис Бланшо (Maurice Blanchot). «Распутник — это воплощение суверенитета и уникальности, он совершенно свободен и поэтому может делать всё, что ему заблагорассудится. Его абсолютная свобода — это полное отрицание Другого. Распутник полностью и абсолютно свободен — свободен от других людей, свободен от ограничений. Он выходит за все рамки и обретает окончательное освобождение».**

Голое тело Хлои меняет позу, она кладёт книгу и многообещающе улыбается мне своей пленительной улыбкой.

— Вот это да, Хлоя, очень интересно.

Силуэт Пауэлл медленно и грациозно переместился на середину сцены.

— Фуко, безусловно, был прав, когда утверждал, что некоторые формы «истины» на самом деле являются формами *власти* и *угнетения* — вспомните о семи смертных грехах и всех тех ужасах, которые творили с людьми во имя «истины».

— Но справедливо и другое: на основании его ранних взглядов, по большей части благодаря американским бумерам, сформировалось странное представление о том, что *все* истины условны, произвольны, социально сконструированы и являются формами власти. В этом радикальном прочтении работ Фуко мы можем наблюдать бумерит в его самой уродливой форме. Таким образом, важная, но лишь отчасти верная «истина», возведённая в абсолют, начала свой разрушительный поход к власти. И никого особо не волновало, что сам Фуко не был согласен с таким радикализмом, а если когда-то и был, то давно отказался от прежних взглядов. По вполне очевидным причинам, бумерит всё решил и без него.

— Чтобы спокойно править миром, нарциссическому эго необходимо уничтожить всё, что мешает его всемогуществу: научные истины, моральные принципы и всё остальное, что может представлять угрозу позиции «Не указывайте мне, что делать!» Поэтому все истины без разбора были объявлены *социальными конструктами*. Но если я могу доказать, что любые требования, которые ко мне предъявляются, это всего лишь произвольные социальные конструкты, тогда *никто ни в праве ничего от меня требовать, и точка*. Я свободен оставаться маленьким уникальным, никому ничем не обязанным суверенным астероидом, потому что «Никто не вправе указывать, что мне делать!»

— «Я занял своё место», — Хлоя продолжила читать вслух «Филосо-

фию в будуаре»⁷⁵. — «Едва я успел сесть, как в комнату к своей дочери вошёл Роден. Теперь это был неудержимый Роден, не ведающий никаких ограничений. Он мог удовлетворить любой свой каприз, открыто и самозабвенно предаваясь неистовству разврата. Он безжалостно сёк двух полностью обнажённых крестьянок, и пока его плеть обвивалась вокруг одной из них, другая отвечала ему таким же жестоким ударом. Во время отдыха его осыпали самыми разнузданными и отвратительными ласками. Бедняжка Розали сидела на кресле, словно на алтаре, лицом к спинке, слегка согнувшись, полностью в его власти. И вот настал её черед. Роден привязывает её к столбу, и пока его секут члены его семьи и прислуга, он, вне себя от наслаждения, покрывает ударами плети тело своей дочери от рёбер до коленей. Его возбуждение доходит до высшей точки: он выкрикивает богохульные ругательства и продолжает махать плетью. Его клыки впиваются во всё без разбора, но, укусив, он тут же припадает к укушенному месту губами. Роден снова и снова входит в узкую пещеру наслаждения. Одна из девушек бьёт его из всех оставшихся сил. Роден на седьмом небе: он проникает внутрь, плюётся, рвёт пальцами кожу. Он выражает свою страсть в тысяче поцелуев, которыми покрывает всё, что находит перед собой. Взрыв бомбы, и распутник, почти без чувств, причащается сладчайшему из удовольствий в логове инцеста и порока».

— Да, Батаю далеко до маркиза, — только и мог сказать я.

— Друзья, хочу ещё раз заметить, что я не отрицаю таких важных истин, открытых Фуко, как изменчивые эпистемы и генеалогическое развитие, —

⁷⁵ Приведённая здесь цитата, вероятно, является вольным пересказом одного из эпизодов романа де Сада «Жюстина, или несчастья добродетели», поскольку именно там, а не в книге «Философии в будуаре», фигурируют персонажи Роден и Розали. — Прим. пер.

говорит Пауэлл. Её речь становится всё эмоциональней. — Я говорю о радикальном и чрезмерном использовании его идей, когда утверждается, что любая истина произвольна и является инструментом власти. Но именно так идеи Фуко используют бумеры. В любом из написанных бумерами исследований трудов Фуко якобы разоблачается социальное конструирование абсолютно всех истин в абсолютно всех областях человеческого знания: в биологии, математике, кулинарии, сексе, зоологии, музыке, геологии, астрономии, фонологии, лингвистике, истории, геометрии... Предполагается, что ни одна истина не имеет под собой никаких реальных оснований, и что все истины навязаны структурами власти: сексизмом, расизмом, евроцентризмом, логоцентризмом, фаллоцентризмом, и далее по списку самых ужасных угнетателей. Речь идёт не просто о том, что *некоторые* истины имеют социально сконструированные компоненты, которые *могут* использоваться для дискриминации, а о том, что все истины полностью сконструированы. Это и есть главная истина плюралистического релятивизма, доведённая до самой безумной крайности вмешательством бумерита.

Аудитория издала звук, похожий одновременно на хрип и на стон, люди завертели и заёрзали на своих стульях. Над залом загрохотал голос Пауэлл.

— Если всё знание социально сконструировано, значит, никто не вправе указывать, что мне делать, — заорала она. — Бумерит, побуждаемый доконвенциональными импульсами и отказавшийся от конвенциональных уровней, присвоил себе несколько постконвенциональных лозунгов, чтобы доказать, что его эго способно конструировать, а значит, и деконструировать реальность. Таким образом, эго бумерита получило ту неограниченную власть, в обладании которой обвиняло всех остальных, став официальным языком социального конструктивизма, позволившего бумериту безраздельно править гуманитарными науками в течение трёх десятилетий. Основная идея учёных поколения бумеров заключается в том, что всё знание социально сконструировано, а значит, никто не вправе указывать моему эго, что делать! — ревела Пауэлл.

Речь Пауэлл превратилась из хирургической операции в процесс свежевания, и всё же от неё захватывало дух. Я оглядел аудиторию и вдруг почувствовал, что мне хочется защитить бумеров. Если Пауэлл говорила правду, они должны были чувствовать себя просто опустошёнными.

— Мам, привет, это я.

— Привет, милый. Как тебе живётся в твоём компьютерном царстве?

— Да всё нормально. А как ты, мам? У тебя всё хорошо?

— Да, дорогой. Я теперь преподаю йогу в «Y». Неплохо, правда?

— Здорово, мам, просто здорово. От папы что-нибудь слышно?

— Ну, может, это не самые свежие новости, но две недели назад я получила от него письмо. Он пишет, что его проект по борьбе со СПИДом теперь действует и в Замбии, хотя, похоже, там у него много проблем. Знаешь, он совершенно вымотался. Он слишком много работает.

— Да, мам, я знаю. Я за него рад.

— Да, милый, мы все за него рады.

Каролина наклонилась ко мне. Удивительно, но на этот раз она совсем не злилась.

— Ладно, я согласна кое с чем из того, что говорит Пауэлл. Её манера меня убедила, хотя иногда она перегибает палку.

Скотт наклонился к нам.

— Её манера? Ты хотела сказать, манера лесбиянки?

— Сделаю вид, что я этого не слышала. Я говорю о том, что она признаёт истинность взглядов Фуко и...

— Частичную истинность.

— Да, частичную. И она доказывает, что если всерьёз верить всему, что говорил Фуко, можно слишком далеко зайти. Она приводит отрицательные и

положительные следствия его взглядов и очень понятно всё объясняет. В отличие от Ван Клифа.

— Ну, он говорил о том же, — сказала Ким, — просто у Лизы удивительный дар: её хочется слушать, даже когда она на тебя кричит.

— Ван Клиф чересчур странный, замороченный и напряжённый. В нём слишком много всего.

На стене загорелся слайд №7. На нём не было ничего, кроме фразы «Деррида и деконструкция».

— «Хизер, любовь моя, подойди ко мне и пусть твой сладкий зад станет оправданием огню содома, который сжигает меня. Ах, у него самые прекрасные ягодицы... самые белые! Пока я буду входить в него, пусть Евгения встанет на колени и сосёт его член, и пусть она подставит свой зад Шевалье, который погрузится в него. Мадам Сент-Энж следует сесть на спину Августину и предоставить свои ягодицы мне — я буду их целовать. Немного нагнувшись, мадам сможет стегать Шевалье плетью. Вот так! Какая же тугая задница у этого негодника! Мадам, позвольте мне, предаваясь траханью, щипать и кусать вашу прекрасную плоть».

— Хлоя, у маркиза что, так и написано — «траханье»?

— Ну да, Кен, так и написано.

— Ну, окей.

Лиза Пауэлл осмотрела зал, улыбнулась и, воспользовавшись затишьем, установившимся после бури, продолжила вступление, немедленно вызвав новую бурю.

— Ещё одна традиция, пытавшаяся воскресить Другого рациональности, берёт начало в работах Ницше; Ницше наследует Хайдеггер, а Хайдеггеру — Жак Деррида с его деконструкцией, которая, сделав важный вклад в

дело плюрализма и контекстуализма, стала жертвой бумерита, стремящегося деконструировать мир и установить над ним власть своего эго.

— По странному стечению обстоятельств, в академической среде постмодернизм распространялся не философами, а, мягко говоря, неискушёнными в философских тонкостях *литературными* критиками. На это была одна простая причина: литературных критиков в первую очередь интересует, как интерпретировать текст. В чем смысл «Гамлета», «Войны и мира», «Трамвая „Желание“»? Найти интерпретацию этих текстов не так просто, как может показаться на первый взгляд. В сущности, мы создаём и понимаем *смысл* практически необъяснимым образом, поэтому интерпретация — очень запутанное дело.

Именно об этом мы говорили с Джорджем! О том, насколько сложно и, наверное, даже невозможно, запрограммировать в компьютер возможность интерпретации.

— Друзья мои, мы наконец-то добрались до постмодернизма, так что слушайте внимательно, — улыбнулась Пауэлл. — Рассмотрим два простых словосочетания: «репчатый лук» и «деревянный лук». Очевидно, что слово «лук» в этих двух фразах имеет разные значения. Получается, значение слова «лук» не определяется самим этим словом? Да, *значение* зависит от *контекста* предложения, в котором употреблено слово. В свою очередь, значение предложения зависит от контекста языковой системы, которая зависит от неязыковых практик, и так далее до бесконечности. Получается, что любой смысл и любое знание до некоторой степени зависят от различных контекстов, и, поменяв контекст, вы меняете смысл. Мы уже знаем, что эта точка зрения, впервые открытая зелёным мемом, называется *контекстуализмом*, и что она, по крайней мере частично, объясняет природу человеческого знания. Просто замечательно! — широко улыбнулась Пауэлл.

Я повернулся к Ким, чтобы сказать, что лекция сегодня не из простых, но вовремя прикусил язык.

— Что ты хотел, Уилбер?

— Да ничего. Отличная лекция, правда?

— Друзья мои, теория деконструкции Дерриды стала чрезвычайно популярна, так как в ней впервые были сформулированы эти важные идеи. Как пишет Джонатан Каллер в книге «О деконструкции», деконструкция основывается на двух принципах: *все смыслы зависят от контекста*, и *число контекстов бесконечно*. Иными словами, оказалось, что те истины, которые считались универсальными, совершенно справедливыми и которым необходимо было подчиняться, на самом деле зависят от изменчивых контекстов. А поскольку число контекстов в прямом смысле *бесконечно* (у каждого контекста есть свой контекст), то смысл становится *неустойчивым*, превращаясь в постоянную игру с контекстами, знаменитую «цепь означающих» или «множественность смыслов».

— Во многом согласуясь с контекстуализмом в том смысле, в котором его понимали Хайдеггер, Гадамер и Витгенштейн, это осознание могло бы быть очень важным, если бы американские бумеры так яростно не вцепились в него и не сделали его чем-то большим, чем оно на самом деле являлось. То, что все истины и смыслы зависят от контекста, вовсе *не* означает, что они произвольны, относительноны и стоят на зыбучих песках капризной культуры. Алмаз режет стекло вне зависимости от того, какие слова мы используем для обозначения «алмаза», «стекла» и «процесса резки».

— Но бумерит преувеличил зависимость истины от контекста настолько, что все истины стали казаться относительными и произвольными, а все смыслы стали отвергаться, разрушаться и деконструироваться. Бумерит провозгласил, что «смысл — это фашист», потому что смысл меня ограничивает, а ведь никто не смеет меня ограничивать! На любой ваш смысл я могу найти такой контекст, который его отвергнет, деконструирует и лишит силы, потому что, раз число контекстов бесконечно, я могу играть со смыслом в самые легкомысленные игры, и «никто не вправе указывать, что мне делать!»

— «Друг мой, Вы можете кусать и щипать меня, как вам вздумается, но, предупреждаю вас: я отомщу. Клянусь, что каждый раз, когда вы будете делать мне больно, я буду пердеть вам в рот».

— Хлоя, у маркиза что, так и написано: «пердеть вам в рот?»

— Ну да, Кен, написано.

— Ну, окей.

— Я всё ещё читаю выдержки из «Философии в будуаре» — знаменитого и горячо любимого постмодернистами текста о трансгрессии и деконструкции конвенциональной морали.

— Да, да, я знаю.

— «Господь всемогущий! Вот это угощение! Что ж, посмотрим, сдержите ли вы слово. Ему в нос ударяет зловонный газ. Ох, вашу мать, какая вкуснотища! Ах, мой ангел, это божественно. Оставьте немного на прозапас, и вы сами убедитесь, что я буду с вами крайне жесток... я использую вас самым бесчеловечным образом... Вашу мать! Я больше не в состоянии терпеть... Я готов разрядиться! Он кусает и бьёт её, она без остановки пердит. Смотри же, что я сделаю с тобой, моя прекрасная сука!... ещё раз сюда и туда! Из рта и задницы Евгении течёт всё, что туда напускали за четыре раза: у меня полный рот спермы и ещё полпинты в заднице, и я...»

— Хлоя, ты только не думай, что меня не увлекает твоё чтение, но, эээ... давай ненадолго отвлечёмся от этого чудесного произведения.

— Но ведь это свобода, Кен, это деконструкция условностей, это обретение независимости, это...

— Слишком много труда ради одного оргазма, тебе так не кажется?

— Любимая деконструкторская забава бумерита — это взять текст — философский, художественный, религиозный или любой другой, и показать, что на самом деле он означает обратное тому, что в нём утверждается, что

текст сам себя опровергает. Например, мы могли бы сказать — это очень упрощённый пример, так что не обессудьте — мы могли бы сказать, что текст «Понятие об истине опирается на понятие о лжи» претендует на истинность, хотя опирается на ложь. Иначе говоря, используя эту технику, можно деконструировать любые общепринятые истины, конвенциональные ценности и моральные структуры. Вы можете деконструировать буквально всё, что захотите.

Пауэлл улыбнулась, помолчала, подошла к краю сцены.

— Но, как заметили некоторые наблюдательные критики, писатели-постмодернисты не пытались деконструировать значения слов «зарплата», «повышение», «постоянный контракт» или «прибавка к зарплате».

Всплески смеха в аудитории.

— Бумеры сразу принялись выжимать из деконструкции всё, что можно — к середине 1970-х Жак Деррида стал самым цитируемым в научном сообществе теоретиком литературы. Во-первых, на деконструкции можно было сделать карьеру: достаточно было взять текст (книгу, пьесу, фильм, сюжет или любой другой продукт культуры), *созданный другими людьми*, и деконструировать его. Раньше, чтобы ваша работа была опубликована и вам предложили постоянное место в университете, нужно было написать, создать, сконструировать что-то новое — теперь для этого можно просто ломать старое.

— К тому же деконструкция даёт бодрящее ощущение превосходства. Эта игра особенно нравится тем людям, которые, не обладая выдающимися творческими способностями и блестящим интеллектом, всё же хотят почувствовать, что они выше остальных. Деконструкция предоставила способ возвышения над великими произведениями искусства и философии: достаточно выдернуть из-под них ковёр. Простота этих действий сделала их излюбленным инструментом бумерита и самым распространённым новым методом критики текстов.

— Во-вторых, с помощью деконструкции я могу избавиться от власти

«текста», могу отказаться от любых требований, которые он ко мне предъявляет. В американской традиции деконструкции под словом «текст» понимается совершенно любая сущность, то есть, деконструируя тексты, я могу полностью избавиться от любых ограничений и требований к моему эго. Ведь главное для меня, это то, чтобы никто не смел указывать, что мне делать!

Жидкие аплодисменты, сопровождающиеся, как обычно, стаккато неодобренных выкриков. Деконструкция по своей сути оказалась способом проецирования и повышения статуса эго. Если это правда, или хотя бы, как, кажется, утверждает Пауэлл, отчасти правда, бумерам нелегко было проглотить такую горькую пилюлю.

— Бессмертные истины деконструкции, провозглашённые плюралистическим релятивизмом и контекстуализмом, то есть, зелёным мемом, по моему мнению, могут и должны быть включены в универсальную интегральную модель. Как я уже говорила, многие в ИЦ давно и успешно используют эти теории. Однако их радикальное использование, провоцируемое бумеритом, есть ещё одно чудовище. Различия между деконструкцией и радикальной деконструкцией быстро стёрлись. Даже Фуко, сам *Фуко* называл Дерриду террористом, и это говорит о том, что ситуация приняла действительно скверный оборот. Для бумерита деконструкция стала формой теракта, позволяющего уничтожить любые ограничения для их импульсивности. На месте уничтоженных структур бумерит ничего не воздвигал, предоставляя пространство команде из ада — нарциссизму и нигилизму, и позволяя эго бесчинствовать на дымящихся руинах.

Я оглядел зал. Многие задумчиво, с мрачным предчувствием смотрели в потолок, а Пауэлл, движимая одной ей ведомой комбинацией мудрости и её собственных назойливых демонов, крадучись, перемещалась по сцене и осыпала стрелами мир моих родителей. Это вообще могло помочь? Хотя бы кому-то?

— Деконструкция не прижилась нигде, кроме Америки. Она так и не вошла в моду в Британии, не говоря уж Германии, Японии и Нигерии. Она

распространилась только в одной стране, уже ослабленной эпидемией бумерита. Сам Жак Деррида провозгласил: «Америка — это деконструкция», и я предлагаю вам как следует поразмыслить над его словами.

6. DOT-COM_DEATH_SYNDROME@REALLYOUCH.COM (ТОЧКА-COM-СМЕРТИ_СИНДРОМ@СОВСЕМБЕДА.COM)

В какую бы трансгрессию, регрессию, перверсию или диверсию ни впутались бумеры (вообще-то меня это весьма беспокоило, ведь на ум мне постоянно приходили воспоминания о матери и отце и я понимал, хоть и бежал этого понимания, что бумеры без особой деликатности вдалбливали часть собственных идей в головы своим детям — иксерам и игрикам, — и эта пересадка нейронов грозила повлиять на грядущую кремниевую революцию)... всё же в моём мире у меня были дела поважнее. В журнале «BlackBook» были опубликованы три правдивые истории, в которых грозно описывались три потенциальных варианта моего будущего.

История №1. В гостиничном номере найден мёртвым компьютерный гений. На его коленях обнаружена пустая бутылка мятного шнапса. В результате чрезмерного употребления алкоголя у него открылось кровотечение из поджелудочной железы, и кровь залила брюшную полость. Хотя он являлся основателем компании с многомиллионными прибылями, его знали лишь несколько подчинённых. У него не было друзей, и самыми близкими ему людьми были стриптизёрши, которым он щедро платил.

История №2. Разработчик программного обеспечения из Кремниевой долины, не в силах вынести того факта, что его компании грозит банкротство, вернувшись с работы в понедельник вечером, до смерти забил молотком жену и ребёнка, а затем перерезал себе горло. Позже на той же неделе в компанию позвонил ничего не слышавший об этой трагедии японский инвестор, который предложил сумму, необходимую для решения всех проблем компании.

История №3. Двадцатилетний редактор крупного портала скончался в результате переутомления и злоупотребления стимуляторами и алкоголем. По словам его отца, «он доводил себя до изнеможения и использовал стимуляторы, чтобы продолжать работать. Он себя загнал».

Журналисты стали называть умершего юношу «героем молодого, неудержимо амбициозного интернет-поколения». «Как это фаллично», — прокомментировала Хлоя. И она была права, ведь, по большому счёту, всемирная сеть действительно была создана аналитико-математическими умами молодых гиков с зашкаливающим тестостероном, не сумевших снять девушку, а потому ночи напролёт фанатично смотревших в мониторы своих компьютеров, растворившись в бестелесном киберпространстве, в которое в скором времени, возможно, отправится и всё человечество. «Чёрт, когда я читаю такое, то начинаю понимать феминисток», — прошептала Хлоя, и её слова показались мне довольно разумными. В свете моего углублявшегося понимания спектра сознания и спирали развития идея цифрового города, которым управляют узколобые компьютерные фанатики, начала казаться мне пугающей и даже опасной. Я всё ещё хотел попасть в Кремниевую Систему, но теперь меня одолевали новые мысли о том, что должно и чего не должно быть в цифровой вечности.

«За возможность работать 50, 60, 80 часов в неделю приходится платить», — продолжали рассуждать журналисты. Они придумали название «доткомов синдром смерти»⁷⁶. «Люди оказываются в закрытом кипящем котле своей профессии, работая в индустрии, представляющей собой такой же кипящий котёл, в городе, который только нагревается. В таких условиях

⁷⁶ «Доткомов синдром смерти» (англ. *Dot-Com Death Syndrome*) происходит от обозначения стандартного вебдомена для коммерческих сайтов «.com». Конец 1990-х и начало 2000-х стали бумом бизнеса доткомов — бизнесов, целиком сосредоточенных на извлечении прибыли в интернете, т.н. информационным способом производства. — Прим. ред.

не избежать несчастных случаев. Никакие столы для пинг-понга и бильярда, офисные шеф-повара и стереосистемы не смогут противостоять тому, что некоторые компании загоняют своих сотрудников как лошадей. Субботы — это новые понедельники. От сотрудников требуют почти религиозной преданности своей компании. Здания возводятся за неделю, кварталы ремонтируются за три месяца. Ради работы в доткомах в Калифорнию переехало больше людей, чем ради поисков золота, славы в кино и жизни в коммунах хиппи».

История №1 рассказывает о постепенном и методичном самоубийстве Фила Каца (Phil Katz), гениального создателя формата ZIP, позволившего сжимать данные для увеличения эффективности хранения и передачи. В выпускном альбоме одного своего знакомого Кац написал: «Был рад нашему сотрудничеству на уроках математики и физики. Пусть калькулятор принесёт тебе большое счастье».

— Калькулятор! — воскликнула Хлоя. — Готова поспорить, он тоже дребезжал, когда занимался любовью.

— Они все не понимают одной вещи, — произносит Скотт под аккомпанемент зловещего драмэнбэйса Дражена Босняка (Drazen Bosnjak) из [tomandandy](#). — Это гонка, самая настоящая гонка. Эти ребята работают по восемьдесят часов в неделю во имя революции — настоящей революции, которая охватит весь мир, а не этой глупой трансгрессии Фуко, когда у тебя сносит крышу от небольшого сеанса фистинга. Дни углеродных форм жизни сочтены — им на смену идут кремниевые формы жизни, которые получают умы и сердца представителей Неудержимо Амбициозного Интернет-Поколения. Смотри, Кен, они уже здесь.

Распахиваются огромные двери, и мы видим сотни, а возможно и тысячи распростёртых перед нами женских тел.

— Давай покажем свою неудержимость, — говорит Скотт.

— Разве тебе до сих пор всё это не надоело?

— Но, Кен, мы же ещё даже не начали!

Доктор Моше Кравиц приехал из Центра исследований долгожительства в Беркли. Профсоюз студентов Гарварда организовал серию лекций «Невыносимые лики будущего». Лекция Кравица пролетела, словно один миг, но после неё я почувствовал ещё большее оцепенение, словно мне сделали укол новокаина прямо в мозг.

— Ладно, ребята, вот что я хочу сказать. Примерно через тридцать лет у нас появятся технические возможности для того, чтобы увеличить продолжительность жизни человека до 200 000 лет. Я смертельно серьёзен!

Эти слова стали вторым сильнейшим потрясением в моей жизни. Хотя нет, третьим, и я говорю только о взрослых потрясениях, исключая детские, когда, например, узнаёшь, что Санта-Клауса не существует, видишь, как родители занимаются сексом, или выясняешь, что родился в Оклахоме. Первый раз мой мозг по-взрослому заклинило, когда я понял, что человеческое сознание может быть и скоро будет загружено на кремниевые чипы, в компьютеры, в киберпространство. Второй раз это случилось на прошлой неделе, когда я понял, что существуют *уровни* сознания — целый спектр волн, и это означало, что нет такой отдельной сущности, как «интеллект», которую мы могли бы загрузить в суперкомпьютеры. Тогда возник вопрос: интеллект какого *уровня* мы собираемся загрузить в КиберГород? Кто будет программировать наше будущее?

А теперь это. Человек, углеродная форма жизни, может прожить 200 000 лет. Эта мысль казалась фантастической и пугающей по нескольким причинам. Первая заключалась в том, что углеродные формы жизни, которым я уже успел написать *некролог*, внезапно отказались умирать — они сделали заявку на бессмертие или, по меньшей мере, поразительное увеличение продолжительности жизни. Теперь углеродные и кремниевые формы жизни, скорее всего, будут соревноваться за первенство в эволюционной гонке, а может даже подерутся или устроят войну. Кто же станет

бессмертным правителем мира будущего — углерод или кремний?

Несколько дней я бродил по лабиринтам мыслей. Оттолкнувшись от ошеломляющей новости о бессмертии, мой ум начал писать глупый научно-фантастический роман. Чем заняться человеку, у которого в запасе 200 000 лет жизни? Ну, для начала, сразу после рождения нужно положить в банк под проценты один цент и на какое-то время оставить его в покое. К тому времени, как вам исполнится 400 (а в этом возрасте жизнь только начинается), вы станете миллиардером. Если вы будете вести беспорядочную половую жизнь, то примерно к 120 000 годам переспите со всеми на планете. Это, конечно же, вызовет у вас депрессию, вы пойдёте к психоаналитику и первые 5 000 лет консультаций потратите на разбор отношений с матерью.

Каково это вообще — прожить 200 000 лет? А вот как: представьте себе, что вы родились в эпоху Палеолита и дожили до сегодняшнего дня! Вы начинаете как охотник-собиратель. Затем при вас изобретают сельское хозяйство. Вы путешествуете, встречаетесь с Иисусом, Буддой, Рамсесом, Исааком Ньютоном, Гитлером. Вы собственными глазами видите древние Семь чудес света, наблюдаете за строительством пирамид, пешком проходите по Великой китайской стене, просто потому, что у вас нет никаких планов на следующие десять лет. При вас начинается индустриальная революция. В спор за власть на планете вступают машины. Наконец, наступает день, когда киборги готовы захватить мир. Вы прячете глаза от взрыва в Хиросиме, не можете сдержать слез у Вундед-Ни⁷⁷, трепещете от ужаса перед воротами Освенцима, наблюдаете, как лечат полиомиелит и малярию, бродите по интернету. На то, чтобы прочесть вашу биографию, уйдёт 5 000 лет. Доктор Кравиц сказал, что, *возможно, всё это начнётся уже через три десятилетия* — как раз в то время, когда компьютеры будут готовы осуществить

⁷⁷ Имеется в виду бойня у ручья Вундед-Ни (декабрь 1890 г.), когда отряд американских солдат расстрелял 350 безоружных индейцев сиу, среди которых были женщины и дети. — Прим. пер.

скачок к человеческому уровню интеллекта. Углеродное и кремниевое сознание начнут гонку за бессмертие...

— Хлоя, а ты знала, что скоро человек будет жить 200 000 лет, если только с ним не произойдёт несчастный случай или что-нибудь подобное. Ты хоть понимаешь, что это значит?

Мне показалось, что Хлоя задумалась.

— Значит, мне придётся очень-очень много раз обновлять гардероб.

— Ну, моя сладенькая, а если серьёзно...

— Вообще-то, не представляю себе, как такое возможно.

— Это как с машиной. Если всегда парковать её в положенном месте и раз в семь лет менять все детали, как долго машина сможет функционировать?

— Вечно, потому что ты каждый раз ставишь новые детали. Хочешь сказать, то же самое произойдёт с человеческими телами?

— Да, так сказал этот Кравиц. Причём, речь не идёт о замене человеческих органов механическими частями, хотя такое тоже будет возможно — смысл в том, что все клетки организма будут постоянно самообновляться. Теоретически, не существует такой причины, по которой человеческое тело не должно или не может жить вечно. Но, как говорит Кравиц, в человеческом организме есть встроенный механизм смерти, вероятно необходимый для эволюции. Он рассказывал о теломерах, пределе Хейфлика, гормоне смерти... Если выключить эти механизмы, тело будет непрерывно обновляться, совсем как машина, части которой ты постоянно меняешь.

— Надо не забыть вложить средства в долгосрочные облигации.

Хлоя не придаст этому особого значения, потому что она ничему не придаёт особого значения. Но мне дурно от этих мыслей, они мучат меня, я не могу с ними справиться. Я не могу дышать.

Чем заняться человеку, которому дана такая длинная жизнь? Я серьёзно. Я уже три дня находился в оцепенении, когда на меня снизошло озарение, ставшее четвертым самым большим потрясением в моей жизни. Когда

человек испробует все внешние виды деятельности и развлечений, увидит все места на планете, всё сделает, везде побывает, со всеми переспит, примет все наркотики (главное, чтобы не было передоза!) — когда он завершит все *внешние* поиски, ему не останется ничего другого, как начать путешествие по *внутреннему* пространству. Иными словами, единственное, что ещё сможет его как-то увлечь, это вертикальное развитие его собственного сознания, которое позволит по-новому познавать старый мир. Что вы будете делать после того, как, находясь на красном уровне, прогрызли и пробили себе путь во все уголки планеты? Вы перейдёте на синий уровень и по-новому ощутите этот мир. Когда вам наскучит синий, а за тысячу-другую лет это обязательно произойдёт, вы доберётесь до оранжевого мема, и перед вами откроется непривычный, свежий, манящий мир — вы начнёте жить с новой силой, ощутите новый вкус, новые желания, у вас появятся новые ценности и перспективы. А потом вы окажетесь на зелёном, жёлтом, бирюзовом и...

И на этом мой научно-фантастический роман пока остановился. Больше всего в нём меня тревожило то, что он не был научно-фантастическим. Это был передний край сегодняшней большой науки. Научный факт, а не научная фантастика. И одно я знал точно: вверх по спирали сознания будут подниматься не только наделённые искусственным интеллектом боты или кремниевые формы жизни (с этим вопросом я уже давно разобрался), но и углеродные формы жизни, потому что им больше нечем будет заняться. Кремний и углерод побегут наперегонки по величественно развёртывающимся волнам сознания, но я точно не знал, где именно находится финишная черта. Кажется, Хэзелтон говорила, что над бирюзовым есть и другие уровни?

Доткомов синдром смерти был только верхушкой необъятного айсберга. Разумеется, нам, детям интернета, грозила опасность перегореть, потому что мы сами сжигали прошлое и открывали миру новые возможности: гигаэвтовый эволюционный скачок, подобного которому прежде невозможно было даже представить. Какой-то тонкий мазохизм заставил меня даже гордиться

своим поколением, погибающим от доткового синдрома смерти. Такая смерть представилась мне медалью за вклад в приближающийся скачок в гиперпространство.

Так моя жизнь обрела новый вектор: удивительный поворот судьбы снова свёл вместе углерод и кремний, и непонятным для меня образом это было связано с той самой неуловимой спиралью сознания.

В моём научно-фантастическом повествовании то и дело звучит голос Хэзелтон.

— Вывод прост: что является отправной точкой для интегрального сознания второго порядка? Зелёный мем.

— Что мешает нам прямо сейчас осуществить скачок к интегральному сознанию? Фиксация на зелёном меме.

— Какова основная причина фиксации на зелёном меме?

— Бумерит.

Хлоя смотрит на меня.

— А что, если она права?

— Не знаю, Хлоя, правда, не знаю. Слишком много информации сразу, очень много. Хлоя, ты знаешь, что два из трёх самых больших потрясений в моей жизни произошли на прошлой неделе?

— Ты забыл, какой рукой мастурбируешь, или не туда поставил упаковку с пивом?

— Да нет, слава богу, всё не так плохо. Это совсем не связано... это о том, что мы... это невероятное открытие... знаешь, эта спираль... в общем, потом расскажу. Но я хочу знать: а что, если Хэзелтон права?

— Я первая спросила об этом, сладкий мальчик.

— А, точно. И каков же ответ, Хлоя? Что, если она права?

— Ниспровергай, разрушай, деконструируй. Пробуя свои силы, зелёный мем сверг многие традиционные ценности, от которых давно стоило отказаться, и инициировал серию беспрецедентных по своей значимости реформ, касающихся защиты окружающей среды, гражданских прав, прав женщин, равных прав при устройстве на работу, защиты потребителей и здравоохранения. Всё это навсегда останется заслугой зелёного плюрализма и чувствительной самости, протянувшей руку помощи страдающему и мучающемуся Другому.

Как и на всех предыдущих семинарах, Чарльз Морин объявлял темы дня.

— Но уже тогда начала проявляться теневая сторона зелёного мема. Любой мем, чувствуя угрозу и понимая, что его историческое время подходит к концу, и он больше не контролирует господствующие формы дискурса, посылает своих инквизиторов исправить ситуацию. Самую печальную известность получила, конечно же, Испанская инквизиция, пытавшаяся защитить синий мем от оранжевого, который должен был вот-вот появиться на исторической арене. Но, став официальным мировоззрением модернизма, появившийся при Реформации, развившийся в эпоху Возрождения и расцветший с Просвещением оранжевый мем (особенно в форме научного материализма) сам начал проявлять инквизиторские замашки, беспощадно клеймя любое знание на любом уровне спирали, кроме его собственного оранжевого уровня. Оранжевая истина и только оранжевая истина должна была править бал.

— Но всего через несколько столетий власть оранжевого была поставлена под серьёзную угрозу со стороны появившегося зелёного. В середине XX века, то есть при бумерах, в культуре произошла ещё одна «смена мема»: процент населения на зелёном уровне вырос с каких-то 1—3% в начале 1900-х годов до сегодняшних 20—25%. Хотя это не так много, как на синем (около 40% населения) или на оранжевом (около 30%), но, находясь на переднем крае эволюции, зелёный мем распространился среди культурной элиты, точно так же, как до него это сделали синий и оранжевый. Зелёный

начал эффективно управлять научным сообществом, СМИ, социальными службами, либеральной политикой, всеми уровнями системы образования и большинством учреждений здравоохранения.

— Господствуя в среде культурной элиты, зелёный мем начал подвергать сомнению традиции и правила синего и оранжевого общества. В основном именно этим он был занят в шестидесятые. Людям, взросление которых пришлось на этот период, была предоставлена без преувеличения великая возможность наблюдать за одной из самых важных мемовых сдвигов в истории: за появлением зелёного мема и многообещающей, но опасной деконструкцией синей и оранжевой ортодоксальности.

Аудитория зашевелилась, поудобнее устраиваясь на стульях и готовясь к предстоящей хирургической операции.

— Сегодня нас ждёт путешествие в сердце тьмы, — зловеще прошептала Ким.

— Что?

— Сегодня зарежут священных коров.

— Ничего не понимаю. Тьма, коровы... Может, священных коров зарежут во тьме?

Ким посмотрела на меня, и по её взгляду я понял, что вернул себе статус дебила. И всё же тон, которым она говорила, меня напугал.

— С той поры, когда в середине шестидесятых зелёный мем бросил вызов синему и оранжевому статус-кво, до конца семидесятых, когда он полностью установил контроль над культурной элитой, воля зелёного к власти значительно усилилась, выросли его возможности, и наконец, он поставил у ворот культуры собственных инквизиторов. Желание власти всё больше уродовало его. Во многих отношениях зелёный мем превратился в *злой зелёный мем* — собственную радикальную, нездоровую, патологическую версию, ставшую для зелёного тем же, чем, если позволите мне такое сравнение, для синего была Испанская инквизиция. И Зелёная инквизиция,

злобный зелёный мем, начавший методично разрушать или, как минимум, компрометировать предыдущие достижения здорового зелёного мема, стал гостеприимным домом для бумерита.

— Ладно, Ким, я не хотел тебе дерзить. Что ты имела в виду, когда сказала, что сегодня зарежут священных коров?

Катиш выглядел встревоженным, Каролина смотрела прямо перед собой, Скотт улыбался, Бет казалась готовой ко всему. На сцену поднялся Марк Джефферсон. Огни в зале почти потухли, лампы над сценой засветили ярче. Джефферсон посмотрел в зал и ласково улыбнулся.

— Ты слышал, что в тесте на IQ с максимальным количеством 160 баллов Джефферсон набрал 160? — Ким огляделась. — Он чёртов гений. Самое смешное, хотя, на самом деле это не очень смешно: он узнал об этом только в 40 лет.

— А я думал, он служил в войсках особого назначения и всё такое, — сказал я.

— В том-то и дело: всю жизнь ему попадалась какая-то тупая работа... то есть, я не хочу сказать, что все, кто служит войсках особого назначения, тупые, но ты понял, к чему я веду.

— А потом он случайно прошёл тест на IQ, напечатанный на коробке с хлопьями?

— Нет, пройти тест ему предложили люди из Интегрального центра, ведь каждый раз, когда он открывал рот, все просто недоумевали: что за нахрен он такое говорит. Он как будто видел всё по-другому.

— Должен сказать, я никак не думал, что наших чёрных братьев интересуют интегральные исследования, — задумчиво произнёс Скотт.

— Если послушать Марка, то ты прав, но только потому, что сейчас интегральные исследования являются роскошью, доступной в основном белому среднему классу, а не потому, что они не интересны меньшинствам. Вообще говоря, эти исследования должны позволить им наконец-то

выбраться из-под беленьких.

— Беленьких?

— Да, беленьких — это я о твоей тощей костлявой заднице, — сквозь смех произнесла Ким. — На самом деле Марк говорит, что единственный способ преодолеть этноцентрические уровни — это развиваться до мироцентрических. Но либералы, я имею в виду зелёных либералов, боятся всего, что хотя бы отдалённо напоминает уровни, ранжирование или стадии — они запрещают даже говорить об этом, тем самым препятствуя дальнейшей культурной эволюции, являющейся единственным выходом из тюрьмы этноцентрических предубеждений. Они вообще отрицают эволюцию. Это не означает, что консерваторы лучше — они не лучше. На самом деле Джефферсона бесят и те, и другие.

Загорелся слайд №1: «Культурология». «Сегодня зарежут священных коров», — я безуспешно пытался понять, что означали эти слова.

Марк Джефферсон оглядел зал.

— Все важные истины плюрализма, инфицированного особенно вирулентной формой бумерита, были объединены в обширной дисциплине под названием *культурология*. Во многих отношениях культурология стала уменьшенной копией злобного зелёного мема.

— Это трудно назвать увлекательным началом, — сказал Катиш с довольной ухмылкой.

— Хотя существует множество направлений культурологии, я буду говорить в основном о тех, которые объединились под знаменем «воскрешения Другого рациональности». От гегемонии западной патриархальной рациональности более всего пострадали трое «Других»: природа, тело и женщина. Так что главной целью культурологии стало разоблачение и осуждение иерархической маргинализации, проделываемой с текстовой «другойностью» патриархальными означающими ещё до того, как речь заходит об определении её смысла. Ещё одной целью стало перемещение маргинализованного Другого в центр дискурса с помощью эмансипирующих игр со

свободными, избавленными от фаллологоцентрической эпистемы означающими и такой инверсии господствующей иерархии, которая позволяет переместить периферию на место надписи, первоначально установленной в центре под влиянием контекстуальной историчности.

Джефферсон посмотрел на притихших, угрюмых людей и прыснул от смеха.

— Простите, простите — я говорил на постмодернистском жаргоне. Как низко я пал.

Слушатели, честно пытавшиеся следить за его речью, как будто не соглашались с Джефферсоном означало поддерживать рабство, тоже залились смехом, который говорил об испытанном всеми облегчении.

— Я хотел сказать, что первой задачей культурологии была борьба с угнетением и его устранение во всех формах.

Снова, как мягкий и добрый гром, раздался смех Джефферсона.

— Ну, хорошо, дорогие друзья, дело вот в чём. Культурологию, феминизм и экологию, находящиеся под воздействием бумерита, отличает то, что они берут очень важную тему исследования и делают из неё фундаменталистскую религию. Я подчёркиваю, и хочу чтобы все меня услышали: никто не отрицает важность этих тем. Речь не о них, а о том, что благородные идеи (например, постконвенциональный протест против сомнительной войны) используются в не очень благородных целях (например, в угоду доконвенциональному нарциссизму) — это странное явление и есть бумерит. И самой благодатной почвой для бумерита стала культурология.

— Но Кен, ты только посмотри на эти обнажённые женские тела! Их тут сотни, а то и тысячи! Это же сколько сисек и задниц! Я начну с этого конца, а ты начинай с того — будем трахать их, пока не встретимся на середине. Давай наперегонки.

— Хорошо, Скотт, только зачем нам это? Тебе не кажется, что нас к

этому толкают слепые, бессмысленные, глупые инстинкты? Просто Матушка Природа привыкла управлять нами таким способом: ослеплять и толкать в нужном ей направлении. Это Матушка Природа нас имеет! Это же просто бездумная, бесконечная, инстинктивная Эдипова программа! Она полностью лишает нас воли, чести и рационального достоинства. А женщины?! Господи, да мы хоть раз спросили у них, нравится ли им, что с ними так обращаются? «Будем трахать их, пока не встретимся на середине». Разве так можно говорить о живых существах?! Господи, Скотт, да что с тобой такое?

— Но Кен, ты только посмотри вокруг.

Раз, два, три, четыре.

— Окей, я начну с этого конца.

— Когда начинаешь разбираться с современной культурологией, первое, что бросается в глаза — это тон морального превосходства, в котором написаны все культурологические труды. Странно то, что этот тон используют (1) критики, исповедующие плюрализм, вообще не подразумевающий никакого превосходства, и (2) критики, у которых нет и сотой доли таланта того автора, которого они критикуют.

Бурные аплодисменты — слушатели, очевидно, пытались перейти со стороны обвиняемых на сторону обвинителей.

— Мы уже знаем, как метко профессор Фрэнк Лентричча в статье для журнала «Lingua Franca: The Review of Academic Life» охарактеризовал ситуацию с культурологией в американских университетах. А ведь он отнюдь не является мстительным аутсайдером критической теории постмодернизма — он был редактором получившей широкую известность антологии «Словарь литературного критика» («Critical Terms for Literary Study»), статьи для которой писали Стенли Фиш (Stanley Fish), Стивен Гринблатт (Stephen Greenblatt) и многие другие, включая преподавателей Университета Дьюка, который задаёт тон культурологическим исследованиям по всему

миру. И каково же, по его мнению, настроение этих исследований? Оно таково:

критик ощущает превосходство над писателем, которого критикует. Это ощущение превосходства позволяет критику обращаться со всем, что попадает ему в руки, как с отбросами, которые он разгребает во имя блага человечества. Основная, проникнутая самодовольством идея обычно звучит так: «Т. С. Элиот — гомофоб, а я нет, значит, я лучше, чем Т. С. Элиот». На это единственно верный ответ: «Элиот умел писать, а ты не умеешь».

Слабый приступ смеха в зале — в знак невольного, грустного согласия.

— Не удивительно, что Лентриччиа закончил обзор современного состояния гуманитарных наук в США фразой: «Ясно одно: сложно переоценить силу и отвагу самолюбования, свойственного литературной и культурной критике в академической среде». Отвага самолюбования — это попросту большое, толстое, раздутое эго бумеров.

Резкие движения, кашель.

— Инструменты для отважного самолюбования по большей части были предоставлены французскими интеллектуалами — возглавляемой Фуко и Дерридой, с которыми мы уже познакомились, разношерстной компанией, куда входили Батай, Альтюссер (Althusser), Лакан, Барт, поздний Витгенштейн, де Манн (de Man), Грамши (Gramsci), Иригарей (Irigaray), Гадамер, Бурдьё (Bourdieu), Джеймисон (Jameson), Кристева (Kristeva), Сиксу (Sichoux), Башляр, Бодрийяр, Делёз и Лиотар (Lyotard). Интересные и иногда даже глубокие догадки этих авторов были превращены в зелёную мешанину, отрицавшую любые обобщения и метанарративы, тем самым полностью перекрывшую доступ к интегральным идеям.

Боже, что ещё за метанарратив? Наверно, какая-нибудь мерзкая сыпь. Я жалобно и беспомощно посмотрел на Ким, но она ответила мне холодным взглядом, в котором читалось: «Ах ты слабачок, ах ты плакса, ах ты...» Я поскорее переключил внимание на Джефферсона.

— Отрицая любые обобщения, эта версия постмодернизма, к своей чести,

стремилась отменить точку зрения всеобщего формализма, грубо навязывающего всем единственную привилегированную модель истории. Она пыталась помешать попыткам объяснить всю историю в рамках одной избранной интерпретации, поскольку слишком часто «универсальные исторические истины» оказывались всего лишь условностями, установленными белыми, трудоспособными, гетеросексуальными, владеющими частной собственностью мужчинами из среднего класса. В этой критике есть большая доля правды — вспомните выступление Лизы Пауэлл о взглядах Фуко — и особенно ценной её делает то, что она осуждает ограничения всеобщего формализма (оранжевый) с точки зрения плюралистического релятивизма (зелёный).

— Но для бумерита эта критика стала чем-то большим. Как утверждает Лентриччиа, она позволила любому человеку на пустом месте говорить о собственном моральном превосходстве. Слушайте внимательно, потому что мы подошли к самой сути, — Джефферсон ухмыльнулся. — Подобно остальным мемам первого порядка, зелёный плюрализм вообразил, будто обладает единственно верной точкой зрения и начал утверждать, что *любое отступление от неё навязано* в чьих-либо интересах. Изучив историю человечества, культурология радостно обнаружила свою милую, плюралистическую и освобождающую сущность, а все западные цивилизации прошлого начали казаться ей дискриминирующими, угнетающими, грязными, жестокими и недалёкими.

— Культурология успешно доказала самой себе бесконечную гнусность западных цивилизаций прошлого, поскольку им не хватало плюрализма, бывшего совсем *недавним изобретением*. Плюралистический релятивизм или зелёный мем впервые отчётливо проявился всего несколько веков назад, и охватил значительную долю населения всего несколько десятилетий назад. Поэтому не надо особого ума, чтобы, покопавшись в истории, увидеть отсутствие плюрализма, ведь раньше его действительно не было. Но вместо того, чтобы понять, что отсутствие плюрализма является признаком *недостаточного* развития, культурология решила, что оно является

признаком угнетения.

То есть в то время, когда не существовало плюрализма, было угнетение, «открытое» культурологией. Используя эту порочную логику, вы можете без труда осудить любую историческую личность, особенно если это мёртвый белый европеец, и так же, как и в процессе деконструкции, ощутить незабываемую радость превосходства.

Сквозь злорадные аплодисменты нескольких иксеров и игриков пробился приглушённый стон. Сидевший справа Катиш нагнулся через меня к сидевшей слева Каролине и взволнованно прошептал: «Это ещё ничего не значит».

Она ответила лишь: «Посмотрим».

— Хлоя, мне приснился очень странный сон. Как будто Скотт и я... то есть, там было это поле... в общем, Хлоя, как прошёл твой день?

— Брось, сладкий мальчик, если тебе что-то и могло присниться, то это обнажённые женские тела, много тел.

— Ха-ха, ха-ха-ха, ничего подобного.

— Ты весь покраснел, сладкий мальчик. Знаешь, почему все твои сны и фантазии всегда о сексе?

— Ну, ты же сама говорила, в двадцать лет парни каждые десять минут...

— Это было о частоте, а не о причине. Причина в том, сладкий мальчик, что Матушка Природа тебя трахает.

— То же самое я сказал Скотту!

— Да, и кто-нибудь из вас двоих это услышал?

— Вообще-то...

— Видишь ли, Кен, именно из-за этого распадаются пары. В мужском мозгу каждые десять минут возникает грандиозная эротическая

фантазия. И что остаётся делать бедному мальчику? Продолжать впрыскивать ту же сперму в ту же вагину?

— Меня сейчас стошнит.

— А может, он выберет сотню лежащих в ряд обнажённых женских тел? Я так и думала. Вот почему практичной девушке постоянно приходится что-то выдумывать, чтобы её мужчина год за годом не терял интереса к её телу.

— М-м, понятно.

— Тогда слушай, сладкий мальчик. Камасутра, глава 1, поза льва.

— Я вовсе не хочу сказать, что в истории нет примеров неравенства — как раз наоборот. Не мне с моим цветом кожи объяснять вам, как много в истории неравноправия, — Джефферсон молча оглядел зал. — И всё из-за того, что сама история — это запутанный рассказ о постепенном, идущем с переменным успехом *преодолении* неравенства, хотя постмодернизм и отказывается рассматривать такое обобщение. К примеру, в обществах всех *без исключения* типов, включая охотничье-собирательское, садоводческое и аграрное, в той или иной степени практиковалось рабство.

— Так продолжалось до тех пор, пока *модернизм* с его пониманием всеобщего формализма не провозгласил равенство всех мужчин, а чуть позже, с появлением зачатков плюрализма, было провозглашено равенство всех людей. Так что модернизм впервые в истории, без оглядки на какие бы то ни было обстоятельства, поставил рабство вне закона. *До* модернизма в истории всегда присутствовало рабство, сексизм или расизм, потому что только *с* модернизмом в истории появилось всеобщее равноправие, и только *после* модернизма — плюралистическое многообразие.

— Но культурологи, изучавшие историю и не находившие в ней плюрализма, решили, что его там не было из-за угнетения, которое они свалили на своих любимых козлов отпущения. Вспомните: с точки зрения зелёного

мема, в мире всегда есть жертвы, и есть палачи. Так были выбраны несколько главных палачей: патриархат, западное Просвещение, ньютонокартезианская парадигма и логоцентризм, причём большинство из этих палачей оказались вариантами ужасной «линейной рациональности», которая якобы подавляла женщин, природу, телесность и т. д.

— Формальная рациональность действительно способна подавлять то, что плохо с ней согласуется. Но какой бы «плохой» ни была формальная рациональность с точки зрения дискриминации, *дорациональное познание* было *во много раз хуже*, поскольку придерживалось исключительно эгоцентрических и этноцентрических взглядов. Другими словами, как бы ни был плох оранжевый мем, пурпурный, красный и синий были намного хуже!

— Итак, спеша «свергнуть» и «преодолеть» рациональность, бумерит совершил две роковые ошибки: он *не признал* достижений оранжевого в деле эмансипации (а это отмена рабства, феминизм, экология) и *приписал* дорациональным мемам освобождающую силу, которой они на самом деле не обладали.

Джефферсон подошёл к краю сцены, посмотрел в зал и огласил официальное обвинение:

— Культурология намеревалась освободить мир, основываясь на двух ложных посылах. Бумерит был готов к своему кровавому маршу.

— Вы с Дарлой поцеловались? Одно из главных событий в твоей жизни — это ваш поцелуй? — Джонатан ухмыльнулся.

— Ты, блин, шутишь, да? Слушай, Стю, малыш-мистик, детка, тебе надо почаще общаться с людьми, понимаешь, о чём я? Потому что если твоё главное событие — это поцелуй, то, наверно, твоё главное развлечение — это смотреть, как опрыскивают овощи в «Сэйфвей»⁷⁸.

⁷⁸ «Сэйфвей» (англ. «Safeway») — английская сеть супермаркетов. — Прим. пер.

Стюарт его не слушал — его никто не слушал.

— На следующий день я встретил Дарлу после показа для Дэйтонс, чтобы отвезти в аэропорт — она летела обратно в Чикаго. У неё не было времени переодеться, поэтому её лицо покрывал обильный макияж и мерцающие блёстки, а тело было едва прикрыто.

— В аэропорту мы стояли у стойки до последнего предупреждения об окончании посадки. Мы страстно целовались, а когда она отстранилась, то начала хохотать, потому что моё лицо всё было измазано в косметике и блёстках. Я как пьяный, шатаюсь, вышел из аэропорта. Покрывавшие меня блёстки прекрасно отражали моё ощущение жужжащего экстаза. Я шёл мимо людей, на лицах которых читался немой вопрос: «Что с ним такое стряслось?» Про себя я придумал на него ответ: «Господи, какие у неё потрясающие губы». Ту искру, которую я заметил в глазах Дарлы, я теперь видел в глазах всех прохожих. И как я раньше этого не замечал?

— Потом мы несколько дней круглосуточно разговаривали по телефону, изучая друг друга изнутри, всё глубже и глубже погружаясь в воды друг друга. Я только что прекратил отношения, длившиеся восемь лет, а она только что порвала с парнем по имени Билл, с которым встречалась три года. Впервые в этом десятилетии оставшись в одиночестве, я решил посвятить свою жизнь музыке и медитации. Таков был мой план. Но проведя всего один день с Дарлой, я свернул свой план и поставил на нём большой знак вопроса.

— Мы решили, что скоро должны снова увидеться. Мы договорились встретиться в выходные в Мэдисоне, посредине между Миннеаполисом и Чикаго. Я немного нервничал перед поездкой. Мой рациональный ум без конца нудил: «Какого черта ты делаешь? Это в высшей степени иррационально, даже для артиста. Так что прижми свою задницу — скорее всего, это отдача от твоих предыдущих отношений». Но скепсис заглушала интуиция: я должен её увидеть. Мне было необходимо как можно скорее встретиться с этой женщиной, и не для того чтобы переспать с ней или развлечься, но потому что моя душа что-то в ней разглядела, и теперь кричала об этом не

затыкаясь.

Марк Джефферсон покинул сцену под сдержанные уважительные аплодисменты, и откуда-то выплыла Карла Фуэнтес.

— Внешность обманчива, — прошептала Ким. — Она бывает по-настоящему горячей. Знаешь, сколько раз она была замужем? Пять.

— А сколько ей лет? Сорок с чем-то?

— Она говорит, это потому, что она не терпит, когда мужик ведёт себя как дерьмо. Она ненавидит феминистские разговоры о жертвах и считает, что они губят или даже уже погубили всё движение. Она говорит, что феминизм доживает последние дни в кабинетах стареющих, озлобленных, учёных женщин-бумеров. Но Фуэнтес хочет возродить феминизм, только на этот раз на интегральной основе, без зелёной моды на жертву. Она просто крутейшая феминистка.

— А они бывают разные?

— Ну, *приехали*. Первая волна феминизма была либеральной, вторая — радикальной, третья — силовой. У каждого направления были свои кусочки паззла, но собрать его целиком они так и не смогли, и поэтому, как утверждает Фуэнтес, оказались на обочине, то есть попросту передохли. Сейчас возникает новая волна — интегральная; её представляют Карин Свонн (Karin Swann), Джанет Чейфиц (Janet Chafetz), Виллоу Пирсон (Willow Pearson), Джойс Нильсен (Joyce Nielsen), Дженни Уэйд (Jenny Wade), Лиза Пауэлл и Карла Фуэнтес — я от неё просто балдею.

— Ты согласна с тем, что она говорит?

— Скажем так: чем больше я её слушаю, тем больше понимаю. Но многие женщины уходят с её выступлений, особенно если её начинают поддерживать мужчины, так что не делай этого, хорошо?

Фуэнтес начала с того, на чём остановился Джефферсон.

— Рациональность или угнетающая сила, как её видят феминистки, — это

просто мужской, патриархальный способ анализа, классификации, подчинения и порабощения. Они рассматривают историю как хронику угнетения женщин мужчинами.

Не успев начать, Фуэнтес замолчала, вышла на передний край сцены, помахала руками и посмотрела на нас.

— Мы ведь все знакомы с этой идеей, верно? С тем, что на самом деле патриархат — это угнетение и рабство женщин.

Зал согласно зашумел.

— Но, люди, пожалуйста, постарайтесь понять одну вещь: поскольку количество женщин всегда было примерно равно количеству мужчин, значит, соглашаясь с утверждением радикальных феминисток о том, что женщин угнетают, вы неявно признаете, что женщины слабее и/или глупее мужчин. Если угнетаемых столько же, сколько и угнетателей, угнетение невозможно! — выкрикнула Фуэнтес. — Нельзя быть сильной и умной *и при этом* угнетённой.

Эта обезоруживающая мысль заставила слушателей ворчать, переглядываться, хмуриться, ухмыляться и перешёптываться. Некоторые, в том числе и Катиш, совсем недолго пошумев, угрюмо и сердито замолчали.

— Изучив историю, феминистки обнаружили, что женщины во всех уголках планеты постоянно принимали решения, которых они, современные феминистки, никак не могли одобрить (справедливости ради надо заметить, что современные феминистки не одобряют большинства решений, которые женщины принимали в прошлом, недавнем прошлом и настоящем). На основании этого был сделан вывод, что женщин *заставляли* принимать такие решения. (Чем, как не принуждением, можно объяснить то, что некоторые женщины не согласны с феминистками?) Иными словами, всех этих несчастных женщин обманывали, водили за нос и угнетали. Вместо того, чтобы допустить, что в прошлом женщины наравне с мужчинами *участвовали в создании* социальных ролей и моделей, в том числе и патриархальных, и что женщины были такими же сильными и умными, как

мужчины, феминистки начали писать научные труды о том, что женщины всего мира — это бедные овечки, а мужчины, естественно, свиньи.

Нервные аплодисменты, сквозь которые иногда прорывались неодобрительные выкрики и вздохи. Похоже, что зал в своей реакции делился по половому признаку: большинство мужчин аплодировало, большинство женщин молча смотрело перед собой. Фуэнтес вернулась за кафедру.

— Здесь уже можно почувствовать приближение бумерита. Именно нарциссизм, который всегда считает, что не может добиться полного триумфа и абсолютного успеха только потому, что ему кто-то мешает, заставил многих феминисток рьяно искать Другого, виноватого в положении женщин. Феминистки, заражённые бумеритом, как правило, отказывали женщинам в ответственности за условия их собственной жизни. Почему я не добилась того блестящего успеха, на который рассчитывала? Потому что я жертва, мной помыкают, меня угнетают.

— Увлёкшись модой на жертву, бумерито-феминистки *ненароком* объявили женщин беспомощными, зависящими от Другого, подчиняющимися Другому и угнетаемыми Другим существами. Теперь вы видите, насколько порочна эта логика? — спросила она у зала. Ответом ей была мёртвая тишина.

— Ладно, люди, попробуем так: я женщина, и я вижу, что в некоторых важных для меня вопросах общество отдаёт предпочтение мужчинам. Почему так происходит? Феминизм пытается найти ответ на этот вопрос.

— К настоящему моменту было предложено три варианта ответа. Самым ранним направлением феминизма был либеральный феминизм, который распространил утверждение «все мужчины созданы равными» на женщин, заявив таким образом, что «все люди созданы равными». Из этого следовало, что власть женщин ограничена только потому, что их угнетают мужчины.

— Второе направление феминизма — радикальный феминизм — возражал: «Минуточку. Мужчины и женщины не одинаковы — они не созданы

равными. Они созданы очень разными: у них разные ценности, желания, мотивы и даже способы мышления» — помните: мужчины классифицируют, женщины устанавливают связи, мужчин интересуют действия, женщин — отношения. Радикальный феминизм называется радикальным потому, что ценит женский способ существования наравне с мужским, а то и больше. Главной проблемой он считает преобладание в мире мужских, а не женских ценностей. Хотя так было не всегда, утверждает он. Первые человеческие сообщества были матриархальными или матрицентрическими, они уважали женские ценности, со временем вытесненные мужскими.

— Потом появилась третья волна феминизма, которая заявила: «Минуточку. Не важно, одинаковые ценности у мужчин и женщин или разные, но большую часть времени в большинстве мест на земле женщины количественно превосходили мужчин. Мы всегда были большинством, поэтому можем винить в своём положении только самих себя — особенно в условиях современной демократии». Такова точка зрения силового феминизма, который, в отличие от многих других направлений, включая либеральное и радикальное, уже не пытается сделать из женщины жертву.

— **Первая волна, вторая волна, третья волна... Ля-ля-ля, тополя... А это тебя волнует?**

— **Хлоя, не сейчас!**

— Разумеется, мы в ИЦ считаем, что уже на подходе четвёртая волна — интегральный феминизм, который «превосходит и включает» все три предыдущих направления. — Фуэнтес оглядела зал. — И всё же я хочу подчеркнуть, что дело не в версии феминизма, а в том, что если я обвиняю в собственном неуспехе кого-то ещё, я не только объявляю себя глупой и слабой — я *отдаю* всю свою власть Другому. В этом случае *лишь* Другой может меня освободить, потому что я *уже* признала его власть над собой.

— Этот странный просчёт, которого до сих пор не признали многие

направления феминизма, стал причиной провала самой первой попытки вернуть женщинам власть. Он постулировал, что женщины слабее и/или глупее мужчин. Пытаясь освободить женщину, бумерит, руководствовавшийся нарциссизмом, не позволяющим решительно взять на себя ответственность за сложившуюся ситуацию, сделал из женщины слабую и податливую универсальную жертву. В общем, друзья мои, на свет появился бумерито-феминизм.

Фуэнтес посмотрела в зал так пристально, что никто не посмел с ней ни спорить, ни соглашаться. Волна её энергии как будто на время парализовала нас.

Эд Ковальчик (Ed Kowalczyk) из Live поёт песню [«Lightning Crashes»](#)⁷⁹, Boozy & Swan⁸⁰ исполняют «Champagne Bert Boogie», и от грохота музыки в моей голове начинает дребезжать всё моё тело. Виртуальные реальности выплывают из моей головы и устремляются в будущее, в мир, несущийся по кремнию со скоростью света и управляемый одной силой мысли. Мои нежные углеродные нейроны кричат о боли двадцать четыре часа в сутки, моя кожа горит от изощрённой пытки человеческого существования, и в воздухе повисает слабый запах жареной плоти.

— Вот, взгляни, сладкий мальчик! — говорит Хлоя. — Камасутра, глава 2, поза быка. Давай попробуем!

— Как скажешь, Хлоя, как скажешь.

— Ты же это не серьёзно, сладкий мальчик?

— Может, взбодрю тебя каким-нибудь своим «патриархируй это»?

⁷⁹ «Грохот молний» (англ.). — Прим. пер.

⁸⁰ «Пьяница и поэт» или «Пьяница и лебедь» (англ.). — Прим. пер.

— Патриархат-шматриархат... Да кому это нужно? Это глупая игра в «кто виноват?», сладкий мальчик.

— Правда? Ну, тогда, взбодрь меня, будь так добра.

— Но зачем тебе бодриться, сладкий мальчик? Как ты будешь жить без своей депрессии?

Боже мой, а она, похоже, права. И от этого осознания моя депрессия усиливается.

— Для объяснения и защиты анекдотичной «женской податливости» было использовано социальное конструирование реальности, и после того как женщины были признаны более слабыми и/или глупыми существами, чем мужчины, патриархат поработил всех женщин, и они стали первыми настоящими рабами.

Фуэнтес снова спустилась с подиума на сцену.

— А поскольку реальность — это социальный конструкт, то на самом деле различий между полами не существует; любые различия — это просто набор произвольных условностей, установленных властью мужчин (тут феминистки прикрываются идеями Фуко). При патриархате, который, как считает большинство феминисток, начался около 5 000 лет назад с изобретением аграрного способа производства, или, как полагают радикальные феминистки, существовал с момента возникновения человеческого вида, эти условности были сконструированы мужчинами с единственной целью: угнетение женщин.

Фуэнтес замолчала и пристально посмотрела на сидящих в зале. Воздух вокруг неё неслышно жужжал. Никто не осмеливался выразить свою реакцию на её слова.

— Многие радикальные феминистки с пеной у рта доказывали, что весь язык, все правовые институты, вся общественная деятельность, все религии, все философские школы, вся математика и все науки при патриархате

являются всего лишь структурами доминирования, необходимыми мужчинам для угнетения женщин, природы и тела. Но удивительно не то, что мужчины изобрели все эти способы угнетения, а то, что женщины всего мира молча согласились с их абсурдными требованиями. Утверждается, что патриархат «промыл женщинам мозги», и поэтому *всюду и везде*, день ото дня они покорно мирились с угнетением. Автор многих известных текстов о феминизме мисс Шерри Ортнер (Sherry Ortner) называет эту «промывку мозгов» *«повсеместным согласием со стороны женщин»*. Такой взгляд не только сильно преувеличивает коварство мужчин, но и чудовищно унижает женщин. Неужели эти феминистки действительно считают женщин такими дурами? — громогласно вопрошала Фуэнтес.

— Я знал, что должен увидеть Дарлу. Желание встретиться было настолько непреодолимым, что я просто не мог в это поверить. Когда я приехал в Мэдисон, Дарла вылетела из дверей отеля, повисла на мне и глубоко поцеловала. Я растаял, как пластилин, все барьеры исчезли. Мы пошли в номер и на следующие восемь часов снова растворились друг в друге. В физическом аспекте, мы только целовались и смотрели друг другу в глаза, но внутри я чувствовал, что каким-то образом сливаюсь с ней. Отчасти это объяснялось тем, что я влюбился. Но было что-то ещё, чего я раньше никогда не испытывал, по крайней мере по отношению к другому человеку. Мы всё ещё не занимались любовью — только целовались.

— Примерно через семь часов мы поднялись с постели и внезапно поняли, что умираем с голоду. Был час ночи — мы весь день ничего не ели. Я находился на седьмом небе, комната казалась мне какими-то волшебными покоем, а мой ум был совершенно ясным. Мы пошли в круглосуточную забегаловку и поели картошки фри в объятиях друг друга.

— Два дня в номере отеля пролетели как один миг. В первую ночь мы не занимались любовью — интенсивность всего происходящего заставила меня сдержаться. Я чувствовал себя так, будто наблюдал за огромными волнами, обрушивающимися на берег, и одна часть меня хотела броситься в воду, а

другая — убежать в безопасное место. Я знал, что такое влюблённость, и знал, что это она, но тут было и что-то ещё, что-то гораздо большее. В нас была любовь, но Любовь была и вокруг нас, она будто соединяла нас в один канал. Я постоянно ощущал присутствие этой силы, и одновременно боялся её.

— В какой-то момент, когда прошло уже довольно много времени, мы решили проверить голосовую почту, чтобы узнать, что происходит во внешнем мире. Дарла сидела со своим мобильным телефоном, бесконечно долго прослушивая сообщения. Когда она закончила, атмосфера в комнате ощутимо изменилась. Я спросил её, всё ли в порядке, и она ответила: нет, не всё. Её бывший бойфренд Билл оставил ей кучу сообщений: он сходил с ума, отчаянно желая поговорить с ней и умоляя её вернуться. Я сказал ей, что подожду в машине, пока они будут разговаривать. «Выйди ко мне, когда закончите», — попросил я.

— Когда выясняется, что единственное требование феминисток, с которым согласны современные женщины, — это одинаковый уровень заработной платы для обоих полов, бумерито-феминисткам приходится прибегать к уловке под названием «патриархат промыл женщинам мозги», — продолжила Карла Фуэнтес. — Как написал один журналист, «самым большим позором на политической арене для феминистского движения стал тот факт, что большинство женщин не согласны с их риторикой и основными принципами. Радикальная феминистка Элисон Джаггар (Alison Jaggar) соглашается с этим и добавляет, что любая теория об особой „женской позиции“ должна уметь „объяснить, почему *подавляющее большинство женщин её отвергают*“».

Фуэнтес быстро вышла в центр сцены — казалось, её энергетическое поле позволяло ей перемещаться по воздуху как антигравитационное устройство.

— Как мы уже видели, феминистки вроде Джаггар убеждены, что «подавляющее большинство» современных женщин не согласны с идеологией

феминизма, так как им настолько *промыли мозги*, что бедняжки даже не способны разглядеть своего угнетённого положения. Как женщина, хочу вам сказать, что эта точка зрения приводит меня в ярость. Ведь однажды назвав женщин дурами с помытыми мозгами, вы обречены до конца придерживаться этой позиции. Феминистки предприняли странную попытку дать женщинам власть, усомнившись в самой способности женщин обладать властью.

Фуэнтес повысила голос, чтобы перекрычать поднявшийся в зале шум.

— Иными словами, чтобы объяснить отсутствие ценностей феминизма у всех предыдущих поколений женщин, бумерито-феминизм превратил моду на жертву в теорию эпидемии культурного угнетения, говорящую о жестоким внешнем давлении на чистое и непорочное женское «я». Таким образом, в истории обнаружилась ещё одна трагедия одарённого ребёнка, только ребёнком на этот раз оказалась женщина.

В поднявшемся шуме смешались осторожные аплодисменты и обвиняющий ропот.

— Боже, как мне нравится этот дивный аромат неполиткорректности! — воскликнула Фуэнтес, будто бы обращаясь к самой себе.

— Теперь поняла, Каролина?

— Иди в жопу, Скотт.

— Бросьте, люди, не надо делать вид, что это настолько вас ранит и шокирует. Можно подумать, я у кого-то вырвала серёжку из носа или украла любимую татуировку прямо со спины или с плеча, или с... ну, в общем, не важно. Я не пытаюсь придраться ни к женщинам, ни к мужчинам. И у меня уж точно нет любимого пола. Как мне кажется, в гонке глупости мужчины и женщины идут ноздря в ноздрю.

Фуэнтес продолжала танцевать по сцене под аккомпанемент своего гневного вердикта.

— Конечно, некоторых женщин иногда угнетают — как и некоторых

мужчин. Но несогласие с профессиональными феминистками само по себе не является признаком угнетения. Освободить женщин от феминистских мифов об угнетении так же важно, как и от реальных случаев угнетения.

— Камасутра, глава 3. «Стимуляция эротического желания».

Голое тело Хлои меняет позу, на её груди, поднимающейся и опускающейся вместе с дыханием, играет лунный свет.

— Неравным отношениям следует предпочитать равные, а соединение должно совершаться с учётом размера, продолжительности, настроения и способа сближения.

— Точнее не скажешь.

— В случае неравных отношений следует убедиться, возможно ли соединение.

— Я полностью с тобой согласен, Хлоя.

— Введение мужского члена лучше всего совершать, когда настроение обоих супругов совпадает. Неравные отношения делают соединение затруднительным. При соитии с кобылой быку требуется много времени. Для этого не всегда достанет сил. Конь медлителен, даже если желание его велико. Если время соития и размеры супругов не соответствуют друг другу, мужчина должен проявить усердие.

— Ээ... Ты со мной сейчас разговариваешь?

Единственная крупная, отчаянная, дошедшая до ярости ссора между родителями, которую я помню, произошла из-за ПРП — Поправки о равных правах к Конституции США, предоставлявшей равные права всем гражданам, вне зависимости от половой принадлежности. Женские объединения по всей стране выступали в поддержку этой поправки. Ссора разгорелась после того, как поправка не была принята, поскольку, согласно опросам, большинство мужчин высказалось за принятие поправки, но чуть превосходящее

большинство женщин высказалось против. Родители спорили о том, почему мужчины больше женщин поддерживали ПРП. Ни до, ни после я не слышал, чтобы они так орали друг на друга. Отец выиграл теоретическую дискуссию, потому что его интеллект был почти непобедим, но, на мой взгляд, проиграл спор.

— Всё очень просто, — сказал отец. — Мы, мужчины, выступаем за ПРП, потому что она больше выгодна нам, чем вам.

— Да правда что ли?

— Да, правда. Здесь три важных аспекта. Первый — это репродуктивная свобода. Второй — призыв в армию. Третий — брачное право. Нас уже тошнит от того, что в важнейших, сложнейших вопросах жизни и смерти общество всегда на стороне женщин. Поэтому ПРП больше нужна нам, чем вам.

— Точно, тошнит, потому что это самый тошнотворный бред, который я от тебя когда-либо слышала. У тебя нет репродуктивной свободы? Ты что, издеваешься? Это нам приходится бороться за право выбирать, это нам приходится вынашивать ваших детей, потому что вы лишили нас репродуктивной свободы.

— Как раз наоборот. Решение по «Роу против Уэйда»⁸¹ уже дало вам ту свободу, которой лишены все мужчины в этой стране.

Мама посмотрела на меня, как будто спрашивала: он что, совсем сошёл с ума?

— Как это, большой мальчик?

— Очень просто. Допустим, ты забеременела. Ты можешь сделать аборт. То есть у тебя есть полное право отказаться от материнства, так?

⁸¹ Судебное дело, рассматривавшееся в Верховном Суде США, решение по которому узаконило аборты. — Прим. пер.

— Сейчас да.

— Да, у тебя есть право отказаться от материнства. Но если мужчина оплодотворяет женщину, если ли у него право отказаться от отцовства?

Мама некоторое время молчала. Было очевидно, что вопрос застал её врасплох.

— То, что ты говоришь, не имеет смысла.

— Ещё как имеет, просто ты раньше об этом не думала. Ты имеешь право отказаться от материнства, и будь что будет, а у меня нет права отказаться от отцовства. Это чудовищная несправедливость.

— Хочешь сказать, что тебе нужно право принуждать женщину к аборту?

— Да нет же, нет, вовсе нет. Я говорю только то, что если женщина может избежать материнства, у мужчины должно быть аналогичное право избежать отцовства. Если бы в этой стране было настоящее равноправие полов, и ты решила бы оставить ребёнка, а я бы не хотел становиться отцом, я мог бы подписать документ об отказе от отцовства. Вот это и есть то равенство полов, которого так *не хватает* мужчинам!

Я посмотрел на маму.

— Знаешь, а он в чем-то прав.

— Нет, не знаю. Какая безответственная чушь! Женщина вынашивает ребёнка — конечно, у неё больше прав.

— Тогда, чёрт тебя дери, не говори о равноправии полов, потому что у женщин в этом вопросе гораздо больше прав, чем у мужчин, и это меня дико бесит! С точки зрения репродуктивной свободы равноправие полов не распространяется на мужчин. Знаешь, сколько мужских жизней было разрушено из-за того, что их принуждали растить ребёнка, которого хотела только женщина? Знаешь или нет?! Наша правовая система обрекает мужчин на экономическое рабство, потому что у них нет репродуктивной свободы, которая есть у женщин. В гробу я видал такое равенство полов!

Отец покраснел от ярости — мама даже не пыталась защищаться.

— Ладно, ладно, пап. А что там за вторая причина? Ну, о чём ты там говорил?

Отец не сводил глаз с мамы, его дыхание начало успокаиваться.

— Война. Я говорил о войне.

Мама мгновенно смягчилась. Суровость поднятой темы не оставила места для их гнева.

— Это прозвучит эгоистично, и, возможно, так оно и есть, — начала отец. — Но я помню тот набор, помню, как призывали парней, когда началась война. Мужчин и только мужчин посылали сражаться в окопах Вьетнама. По ночам я просыпался от ужаса, весь в поту. Я действительно боялся смерти. А когда я шёл по кампусу и видел женщин, то мог думать только о том, как сильно и глубоко я их ненавижу, потому что им не приходится воевать. Я ненавидел их тела, которые вечером ложились в постель и мирно спали всю ночь, ведь их жизням ничего не угрожало. Я ненавидел их улыбки, их грёбаные улыбки были повсюду. Да как эти бесчувственные шлюхи вообще могли улыбаться, если мне скоро мог вышибить мозги какой-нибудь узкоглазый в какой-то сраной, богом забытой стране пятого мира? Я начинал ненавидеть их ещё больше, когда видел, как они собираются в свои так называемые общества повышения политической сознательности и ноют, и жалуются, что, господи-ты-боже-мой, на каждый потраченный ими доллар приходится всего лишь 85 заработанных центов. Эти тупые идиотки как будто и понятия не имели, что меня вот-вот могли убить! Срать я хотел на ваши 85 центов, дамы! Вы не имеете права жаловаться. И каждый раз, когда я занимался сексом, я не занимался любовью, я просто *ёб их*, жёстко, цинично *ёб*!

Он ударил кулаком по столу, а потом закрыл лицо руками.

Меня всего трясло. Его ярость и горечь его страданий лишили меня присутствия духа. Мама сделала движение, чтобы утешить его, но остановилась. Она начала понимать — мы оба начали понимать — что её он тоже ненавидел, по крайней мере, отчасти. Он ненавидел её за то, что ей не

нужно было воевать.

Мы все молчали.

Отец пошевелился, сделал глубокий вдох.

— Первое, что пришло мне в голову, когда я услышал о ПРП, — это то, что теперь нам есть с кем разделить нашу боль. Я полностью за ПРП. — Он расслабился, даже попытался улыбнуться. — Я не говорю, что женщины обязательно должны воевать, но пусть хотя бы узнают, каково это — уклоняться от призыва.

Мы все с облегчением рассмеялись над его шуткой.

Но мама не собиралась сдаваться без боя.

— Раз мужчины начинают войны, значит, им и воевать.

— Вот только не надо этой брехни! — заорал отец. Кровь снова ударила ему в лицо. — Женщины не меньше мужчин склонны к конфликтам.

— Ну, не знаю, пап. Вообще-то, мы вспыльчивый народ.

— Одни парни любят воевать, другие нет. Я не хотел участвовать в этой войне, и никто из моих друзей не хотел. В общем, мне всё равно, кто начинает войны, но о каком равенстве полов может идти речь, если мужчинами приходится сражаться, а женщинам нет? Ни те, ни другие не хотят воевать, но мужчинам почему-то всё равно приходится это делать. Я больше не хочу даже слышать о равенстве полов, пока это равенство не касается мужчин!

— Ай-ай-ай, — сказала мама, — похоже, бедный сопливый повелитель вселенной не может драться, как мужчина?

Эти слова были большой ошибкой.

— Грёбаная блядь! — заорал отец. — Вот, значит, как всё на самом деле? Говоришь, что ненавидишь гендерные роли и стереотипы, а сама тайно веришь в них. Ты стыдишься меня, потому что я не могу «драться как мужчина». Ты сама это только что сказала! Так давай, сука чёртова, при-

знайся, что хочешь, чтобы я воевал!

— Я не хочу, чтобы ты воевал.

— Я не хочу, чтобы ты воевал, — жеманно передразнил отец. — Да иди ты на хуй.

— Наверно, сейчас уже не время говорить о третьей причине?

Отец подошёл ко мне с таким грозным видом, что я подумал: он меня ударит. Но он даже не видел меня. Он трясся от ярости. Его сжигали такие сильные эмоции, которые невозможно было терпеть, но и выразить их он тоже не мог.

— Да какая разница, — простонал он. — Ладно, хрен с ним. Большинство моих друзей проголосовали за ПРП, потому что они не хотят платить алименты после развода. Они не хотят работать, чтобы обеспечивать женщин — это же экономическое рабство, запрещённое законом. Никто из моих друзей не верит, что нам удастся добиться равноправия в отношении отцовства и призыва, но они думают, что, по крайней мере, последнее требование суд должен поддержать, хотя бы для случая разводов по обоюдному согласию. Тогда, возможно, права полов действительно немного уравниются. Мужчина не обязан быть кормильцем семьи. Пусть будет 50 на 50.

Наступило долгое молчание.

— Тогда после проклятого развода мужчине не придётся нести на своих плечах неподъёмный груз.

По тому, как отец смотрел на маму, я понял, что им в будущем точно предстоит развод.

Он улыбнулся, как будто сняв с себя тяжкий груз, и вышел их комнаты. Мне всегда казалось, что этим грузом была мама. А вместе с ней и я. Поэтому он победил в битве, но проиграл спор.

Фуэнтес помолчала. Она заметно смягчилась.

— Друзья мои, хотя я и критикую то, во что бумерит, мода на жертву и злобный зелёный мем превратили феминизмом, но я сама много писала о важности вопросов, которые поднимают феминистки. Как я уже говорила, необходимо как можно скорее создать *интегральный феминизм*, и тогда голоса всех учёных-феминисток будут услышаны. Большинство моих коллег из ИЦ согласно со мной. Мы называем такой интегральный феминизм феминизмом «всех секторов и всех уровней», потому что он, принимая во внимание весь спектр сознания и всю спираль развития, призван объединить и интегрировать все разнообразные направления феминизма.

— Как же работает этот интегральный феминизм? Ну, во-первых, он признаёт, что на всех уровнях развития мужские ценности отличаются от женских. Ценности могут быть красными мужскими и красными женскими, синими мужскими и синими женскими, оранжевыми мужскими и оранжевыми женскими и т.д. И мы совершенно не собираемся навязывать зелёные женские ценности всем уровням развития. Для человеческой истории в целом характерно преобладание красного и синего мемов, поэтому когда современные зелёные феминистки начинают изучать историю и не находят в ней зелёных ценностей, они приходят к выводу, что эти замечательные ценности кто-то *подавлял*, хотя на самом деле в то время они просто *ещё не возникли*.

— Тогда, ошибочно допустив, что зелёные ценности подавлялись, феминистка, как правило, решает для себя две вещи: что мужчины — деспотичные свиньи, и что женщины — одураченные овцы. Так появляются два краеугольных камня бумерито-феминизма: свинификация мужчин и овцефикация женщин.

— В качестве альтернативы этому подходу мы в ИЦ предлагаем интегральный феминизм, признающий, включающий и объединяющий все мемы в радужную гармонию, которая пронизывает весь спектр сознания и всю спираль развития. Стоит ли говорить, что «интеграция», «включение» и «объединение» — это женские ценности?

Все в зале от души аплодировали словам Фуэнтес, и под эти аплодисмен-

ты она ушла со сцены.

— Через час Дарла вышла к машине. Я сидел на заднем сидении и играл на гитаре. Дарла была расстроена — её бывший бойфренд Билл сказал ей, что только сейчас по-настоящему осознал, как сильно он её любит. Он был готов к серьёзным отношениям, готов провести вместе с ней всю жизнь, он был согласен на всё. Но, хотя я был по уши влюблён в неё, меня это не напугало. Я спросил её, что для неё значат эти слова и что она собирается делать. Она сказала, что не знает. Она любит меня, но не уверена, *что* должна ответить Биллу.

— Несмотря на возникшую неопределённость, а, может быть, и благодаря ей, в ту ночь мы занимались любовью. Мы сплелись и растворились друг в друге, и комната ожила. Это было так просто и так совершенно, и я понял, что может сделать благодать с двумя человеческими телами.

— И из-за этого всё, что произошло дальше, стало ещё более отвратительным.

Два-три года назад я видела сон под названием «Интегральному феминизму ещё только предстоит родиться». В том сне я как будто плыла, подобно небу, и в безбрежных просторах моего бесконечного сознания, в этом мировом чреве, возникало всё сущее. Я видела, как в этом пространстве появились мужчина и женщина, или, лучше сказать, инь и ян, наполнившие мир плодами своего экстатического слияния. Миллиарды звёзд, светящих в ночи, — это оргазмы ангелов. Весь этот чудесный, прекрасный, ослепительный мир — это счастье, которое выплёскивается из нашедших друг друга сердец. Между всеми вещами в космосе существует эротическая связь, и она настолько болезненна, что лишь небо способно познать её во всей полноте...

Большинство мужчин и женщин довольствуются ничтожно малой частичкой блаженства, которую содержат их тела, вместо того чтобы

понять, что в их настоящих телах заключён весь мир. Интегральный феминизм покончит с этим печальным, ограниченным положением дел, казалось, говорил мой сон. И тогда я увидела что-то большее. Это был Интегральный Гуманизм. Нет, ещё больше: Интегральная Космология — вся бурлящая вселенная у вас на ладони, что вполне возможно, если вы бесконечное небо...

Странный сон, не правда ли? И всё же в этом женском теле, созданном, чтобы принимать, до сих пор возникает вопрос: моё поколение, моё дорогое, милое поколение, знаешь ли ты, как я тебя люблю?

Широко шагая, на сцену поднялся Дерек Ван Клиф. На стене появился слайд с отталкивающим названием «Культура изнасилования».

Прежде, чем Ван Клиф успел что-либо сказать, Ким шепнула мне на ухо: «Ходят слухи, что он кого-то изнасиловал».

— Что?! Ты шутишь?

— Ну, по слухам, его обвинили в изнасиловании. Никто, конечно, не думает, что он мог это сделать, но никому неизвестно, что на самом деле произошло. Возможно, поэтому он больше ни с кем не встречается. Но, мне кажется, им не стоило позволять ему говорить на эту тему. Это большая ошибка. Очень большая. Но он очень настаивал.

Ван Клиф начал с достаточно невинной шутки.

— Многие феминистки считают, что, как это принято у них говорить, «все мужчины — насильники». Разумеется, это обвинение ложно и возмутительно несправедливо. Ведь хорошо известно, что все мужчины не насильники, а конокрады.

Слушатели добродушно рассмеялись над шуткой, и всё же, наверное, каждого мучил вопрос, к чему он клонит.

— Но представительницы большинства направлений бумерито-феминизма считают, что все мужчины — насильники, и точка. Для таких феминисток

мужчина — это не гражданин, человек или личность — это, прежде всего, преступник. Например, выдающийся научный вклад Исаака Ньютона — закон всемирного тяготения — одна феминистка назвала «ньютоновским пособием по изнасилованию». В рамках одного из курсов по феминизму в Бодуэн Колледже разбирается такой вопрос: «Девятая симфония Бетховена: шедевр абстрактного искусства или модель процесса изнасилования?» В общем, практически любое действие мужчины воспринимается как изнасилование.

— Похоже, всё это означает, что мужчина может быть привлечён к ответственности, даже если он никого не насиловал. Как любезно объяснила мне заместитель декана по работе со студентами Колледжа Вассар, даже *ложные обвинения* в изнасиловании выполняют важную задачу: «Мужчинам, которых безосновательно обвиняют в изнасиловании, приходится много страдать, но это не значит, что их страдания бессмысленны — я думаю, что в идеальном случае они должны давать старт процессу самоанализа. „Как я воспринимаю женщину?“ „Мог бы я изнасиловать женщину?“ „Мог бы я сделать то, в чём меня обвиняют?“ На эти вопросы будет полезно ответить любому мужчине».

Выражение презрения на лице Ван Клифа было видно даже с последнего ряда.

— По оценкам ФБР, основанным на экспертизе ДНК, которая недавно начала применяться в ходе расследований, одно из трёх поступающих в суд дел об изнасиловании построено на *ложных обвинениях*. Иначе говоря, в среднем одна из трёх женщин лжёт, когда говорит, что её изнасиловали. Как было сказано в «Newsweek» от 11 января 1993 года, «Исследования ДНК, проведённые ФБР, показали, что 30% осуждённых за изнасилование мужчин на самом деле невиновны». Это означает, что несколько тысяч мужчин гниют в тюрьмах за преступления, которых они не совершали, хотя, возможно, задавая себе «полезные вопросы», они становятся более чувствительными.

Ван Клиф пристально посмотрел в зал, как будто ждал, что кто-нибудь с

ним не согласится. Мы все сидели молча, затаив дыхание.

— Вряд ли многие станут спорить, что мужчины должны научиться понимать: когда женщина говорит «нет», это значит «нет». Но бумерит подливает масла в огонь. Как доходчиво объясняет Сюзан Эстрич (Susan Estrich), «многие феминистки считают, что поскольку женщина слабее мужчины, будет ошибкой считать её ответ „да“ знаком согласия». Иными словами, в современных условиях, что бы ни говорила угнетённая женщина, она *никогда* не имеет в виду «да».

— «Нет» — это нет, и «да» — это нет, и в итоге мы не можем сдвинуться с места. Женщины изображаются как патологические жертвы, которые даже не могут решить, заниматься им сексом или нет. Зелёный мем, благородная цель которого — позволить всем говорить то, что они действительно думают, зашёл слишком далеко и полностью лишил женщин возможности говорить. Как бы ни угнетали женщин при патриархате, это угнетение не идёт ни в какое сравнение с той несвободой, на которую обрёл женщин бумерито-феминизм.

Голая Хлоя опять свисает с люстры вниз головой. Я — бесплотный картезианский односторонний наблюдатель, я жадно поглощаю, использую, унижаю, насилую всё, что вижу.

— Разве ты не чувствуешь себя униженной, когда я так тебя разглядываю?

— Ну, это же у тебя глаза из орбит вываливаются — почему я должна при этом что-то чувствовать? Проблема в том, Уилбер, что ты постоянно унижаешь меня подобными вопросами, предполагающими, что я слабая. Но ты недостаточно силён, чтобы унижить меня, сладкий мальчик.

— Я хочу завоевать, подчинить, сожрать тебя заживо.

— Ооооо, надо же! Ладно, не бойся, я не сломаюсь.

Одно я знал точно: я никогда не слышал, чтобы Хлоя винила в своих проблемах других людей.

— Только вот шрамы на её запястьях — это шрамы от патриархата, — зловеще пропел голос Элисон Джаггар.

— Ой, да поцелуй мою задницу, — ответила Хлоя.

Слайд №3. «Смерть субъекта: рождение нарциссизма».

Ван Клифа на сцене сменила Лиза Пауэлл. На этот раз слушатели встретили её не такими громкими аплодисментами, как обычно — им не давало покоя чувство, что Ван Клиф только что... изнасиловал их своими обвинениями в изнасиловании. На меня лично его выступление подействовало не меньше, чем стрельба из окна проезжающего автомобиля.

Пауэлл прочитала чудовищно сложную лекцию о постмодернизме и «непреднамеренном насаждении нарциссизма», которую я почти не понял. К счастью, нам раздали печатный вариант этой лекции, так что я смог её сохранить. Во время перерыва Ким всё мне объяснила:

— Основная мысль Пауэлл в том, что «смерть субъекта», являющаяся одной из излюбленных тем постмодернизма, пострадала от до/пост-заблуждения. Сама по себе «смерть субъекта» — это попытка деконструировать конвенциональное эго конвенционального субъекта, выйти за его рамки. Пауэлл говорит, что постмодернисты, стремившиеся к деконструкции и трансгрессии всего конвенционального, в конце концов встали на защиту *всего* неконвенционального, в частности доконвенционального, нарциссического и регрессивного. Она приводила цитату из «Французской философии 60-х» Люка Ферри (Luc Ferry) и Алена Рено (Alain Renaut), считающейся основополагающей работой на данную тему: «Это может показаться странным и парадоксальным, но то, что считалось постмодернизмом, стало *приобретать вид регрессии*». Пауэлл и остальные люди из ИЦ считают, что в этом нет ничего парадоксального. Переход от оранжевого к зелёному сопровождался реактивацией красного мема, *регрессией* до

красного мема. Эта смесь высокого зелёного с низким красным и есть бумерит.

Скотт подвинулся к нам.

— Мне начинает казаться, что всё это довольно разумно.

— *Разумно?* — с недоверием простонал я.

— Я в это не поверю, пока не услышу о конкретных позитивных альтернативах, — озабочено сказала Каролина. — Они так и не объяснили, что такое интегральный феминизм или интегральная культурология... Пока что они только поливают всех грязью. Они что, *так* проявляют свою чуткость и заботу?

— Каролина, ты не пройдёшь проверку.

— Скотт, иди подрочи.

— Подрочить? Что ж, по крайней мере это будет секс с любимым человеком.

— Да, с единственным взрослым человеком на планете, который согласен заниматься с тобой сексом.

— *Пожалуйста*, хватит, — вмешался я.

Загорелся следующий слайд: «И постмодернизм ввёл в моду жертву».

— Камасутра, глава 4, — читает Хлоя. Её голое тело колыхается от каждого слова. — В трактате Сушруты сказано, что женщина не испытывает удовлетворения от соединения с мужчиной, быстро оканчивающим соитие. И напротив: женщина наслаждается соединением с мужчиной, способным на продолжительное соитие. В общем, мужчины, которые быстро кончают, никому не нужны.

— Да они просто подонки!

— Поэтому женская любовь к равнодушному мужчине отчасти объясняется способностью такого мужчины доставлять ей оргазмы.

— У этих людей что, не было батареек?

— Женщины ценят зрелых мужчин, способных на долгое соитие. Мужчине, слишком быстро достигающему оргазма, сложно пробудить в женщине страсть.

— Помнишь маленького кролика Ever Ready⁸², который работает, работает и работает? Ну, того, маленького, хорошенького, пушистенького кролика?

— Все эти абстрактные рассуждения можно очень просто вернуть в нормальное русло, — сказала Пауэлл, заставив слушателей выпрямиться на стульях. — Дело в том, что ключевая тема философии постмодернизма — «смерть субъекта» — оказывается очень на руку моде на жертву. Помните: чтобы ориентироваться в мире, зелёному мему *необходимо* видеть в нём жертв, а если не их удаётся найти — даже создавать их самому. И именно этим, по словам многих критиков, он успешно занимается. Позвольте мне ещё раз процитировать французских учёных Ферри и Рено: «Скажем так, стиль шестидесятых — это такой философский образ жизни, для которого характерна *погоня за фантомами маргинализации и заговоров*. Именно этот *пафос борьбы с гонениями объединяет* все разнообразные направления философии 1968-го года (Хайдеггера, Фуко, Деррида, Лиотара, Бурдьё, Лакана и других)». Позвольте мне повторить: чтобы ориентироваться в мире, зелёному мему необходимо видеть в нём жертв.

— Кроме того, — продолжала Пауэлл, взад-вперёд прохаживаясь по сцене, — когда мы видим, как разные критики по обе стороны Атлантики сходятся в своих оценках, нам становится очевидна сила убеждения, которой обладает бумерит. Благородный плюрализм зелёного мема стал единым стандартом. Но со временем зелёный мем принял *патологическую*

⁸² «Всегда Готовый» (англ.). Очевидно, что автор имеет в виду батарейки Ever-eady. — Прим. пер.

форму и превратился в злобный зелёный мем, из которого проросли все ветви великого дерева бумерита: до/пост-заблуждение, заражение постконвенционального плюрализма доконвенциональным нарциссизмом, отказ от взрослой субъективности и ответственности, регрессия до состояния незрелого всепоглощающего эгоцентризма и мода на жертву.

— Я же говорил, — сказал Скотт.

— Это ещё не конец, — огрызнулась Каролина.

— На следующий день после счастливой ночи любви мы расстались. Я вернулся в Миннеаполис, а Дарла — в Чикаго. Однажды под утро, через несколько дней после моего возвращения в Миннесоту, мне приснился тревожный сон.

— Я плавал в бассейне, наполненном чистым блаженством. Я нырял в невинное, искрящееся счастье, окунался в совершенную любовь. Потом я увидел у бортика бассейна Дарлу в нарядной одежде, говорившей о том, что она куда-то собирается. Моё сердце остановилось от ужаса. Я понял, что это был плохой знак. Она позвала меня жестом, и я поплыл к ней, всё отчётливей ощущая неприятное чувство у себя в животе. Когда я оказался рядом с ней, она взяла мои руки в свои руки, посмотрела мне в глаза и сказала: «Я должна идти». Я начал всхлипывать, умоляя её: «Пожалуйста, не уходи», и она тоже заплакала, но снова повторила, что должна идти. Она ушла, а я, рыдающий и потерянный, остался в бассейне, чувствуя, что счастье, которым он был наполнен, постепенно превращается во что-то очень мощное и пугающее.

— Когда я проснулся, то почувствовал, что должен немедленно ей позвонить. Я позвонил, она сняла трубку и в первую же минуту разговора сообщила мне, что возвращается к своему старому бойфренду Биллу. Хотя она уверена, что любит меня, его она тоже любит, поэтому решила дать ему ещё один шанс. Я потерял дар речи — я был слишком оглушён её словами, чтобы рассказывать о своём сне. «Понятно», — пробормотал я, и на этом

наш разговор закончился. Мы повесили трубки. Я сидел на крыльце в доме своих родителей, и меня переполняло ощущение чудовищного ужаса.

Хлоя, Скотт, Джонатан и я были зачарованы силой произошедшей трагедии и заряженным меланхолией повествованием Стюарта.

— Мне отчаянно хотелось покинуть моё собственное тело. И тогда я увидел, что это не конец романа — это начала чего-то ещё. Я понял это, потому что более отчётливо, чем когда-либо ощутил присутствие той Силы, которая проходила сквозь Дарлу и меня, хотя и не исходила от нас. Этой силой была великая Неолицетворённая Любовь, которая, пока я молча сидел на крыльце с телефоном в руке, становилась всё сильнее. Я чувствовал себя обманутым, так как понимал, что в каком-то смысле Дарла сыграла роль приманки. Я смог нырнуть в бассейн блаженства и бесконечной близости только благодаря ей, в одиночку я бы никогда не отважился ступить в эту волну. Внезапно, эти мысли стали реальными, и я понял, что вот-вот утону. Сидя на стуле, до смерти желая покинуть своё тело, стать кем угодно, кроме себя самого, я увидел, что обречён и что не смогу избежать того, что вот-вот должно случиться.

После Лизы Пауэлл на сцену снова вышла Маргарет Карлтон. Заголовок слайда гласил: «Политика под другим именем: новый тоталитаризм».

— В «Алингата Веде» сказано: «Чтобы разжечь в мужчине желание, перед соитием могут быть использованы четыре вида ласк: „прикосновение“, „удары“, „потирание“ и „сжимание“».

— Ух ты, звучит здорово! Хлоя, это просто потрясающе. Вот это другое дело, совсем другое. Только я не понял, что там было в середине? Что-то про удары?

— Повальное превращение граждан этой страны в жертв не осталось

незамеченным СМИ, — начала Карлтон с обманчиво нежной и лёгкой улыбкой. — Главная статья одного из недавних номеров журнала «Time» была озаглавлена: «Плаксы: вечные жертвы», «New York Magazine» писал о том, что «Новая культура требует жертв», «Esquire» о «Конфедерации жалобщиков», а «Harper's» задался вопросом «Жертвы все?»

— В самом деле, последние десять лет зелёный мем, всё быстрее разлагающийся и превращающийся в злобный зелёный мем, демонстрирует агрессивное и пугающее намерение отменить Первую поправку к Конституции. *Свобода слова* отошла на второй план по сравнению с *правом на то, чтобы никто не ранил ваших чувств* и не травмировал ваше эго.

Карлтон продолжила читать с такой интонацией, которая заставляла нас прислушиваться к каждому её слову.

— Сайкс пишет: «Американцы давно гордятся своим плюрализмом и толерантностью, с которой они относятся к огромному множеству идеологий и точек зрения, представленных различными культурными группами, существующими в стране. Но настойчивость, с которой они доказывают, что быть жертвой — неотъемлемая характеристика человека, грозит превратить плюрализм в сеть тюрем». Плюрализм превращается в сеть тюрем — неплохо сказано, а? — Карлтон задумалась.

— Но это ещё не всё. Высокий плюрализм при поддержке низкого нарциссизма строит ещё одну тюрьму — тюрьму гиперчувствительной самости, вследствие чего *чувства* и *чувствительность* становятся единственными допустимыми формами дискурса. «Только настоящие жертвы имеют право говорить о „чувствительности“ и „аутентичности“. Только жертва может спорить с жертвой. Всё чаще возникают конфликты, в которых одна из сторон обвиняет другую в неспособности войти в её положение. Такие конфликты неизбежно превращаются в серию яростных нападков *ad hominem*⁸³, в которых статус жертвы и обязательное требование чувстви-

⁸³ «Аргумент к человеку» (лат.). — Прим. пер.

тельности разыгрываются как козырные карты...»

Карлтон пересекла сцену и посмотрела в зал.

— Воистину. В «Плане поддержки разнообразия», составленном в Университете Аризоны, говорится о том, что студенты не должны подвергаться дискриминации на основании «возраста, цвета кожи, этнической принадлежности, пола, физических и умственных способностей, расы, религиозных убеждений, сексуальной ориентации, статуса ветерана Вьетнама, социально-экономического статуса и индивидуального стиля». То есть заявить о дискриминации может любой. В Университете Коннектикута запрещён «недолжным образом направленный смех». В Университете Дьюка создан комитет по наблюдению за «неуважительными выражениями лица».

— Из этого, как пишет Джулиус Лестер (Julius Lester), следует, «что против мнений, чувств и предрассудков частных лиц могут применяться политические меры. И это крайне опасно, поскольку в такой формулировке может быть утверждён новый тоталитаризм — попытка контролировать не только поведение, но и мысли и чувства людей».

— Это очень одностороннее изложение доводов! — громко и рассержено прошептал Катиш. — Блин, это настолько нечестно, что я даже поверить не могу. Они что, даже не попытаются озвучить другую точку зрения?

Каролина энергично кивнула в знак согласия.

Ким, как будто почувствовав необходимость защитить своего любовника и его товарищей, ответила:

— У них есть семинары, полностью посвящённые критике, там они выслушивают всех несогласных. Но этот семинар о другом — здесь они просто рассказывают о своей, альтернативной точке зрения. Они критикуют взгляды первого порядка, чтобы расчистить путь для взглядов второго порядка.

— Ну, тогда позовите меня на другой семинар, потому что всё это просто

смешно, — с отвращением произнёс Катиш.

— В Университете Брауна, — улыбнулась Карлтон, — введена политика, запрещающая «неподобающее вербальное внимание, обзывательства, вандализм и розыгрыши». Студентам объявлено следующее предупреждение: «Если ваше поведение, высказывание или жест имеет своей целью оскорбить кого-либо, причинить кому-либо вред, вызвать у кого-либо психологический стресс или сделать кого-либо объектом шутки, значит, ваш образ действий оскорбителен. *Подобные действия рассматриваются как оскорбление, даже если они совершены неосознанно*». В общем, эта политика позволяет привлечь вас к ответственности за *подсознательное оскорбление*.

И тут Карлтон вышла на передний край сцены и робко повысила голос, что в её случае можно было считать аналогом крика.

— Подсознательное оскорбление! Люди! Вы все виновны! Теперь мы добрались и до ваших мыслей! Берегите свои жопы, полиция мысли уже близко!

Все засмеялись, но не над смыслом сказанного, а потому, что милая славная Маргарет Карлтон сказала «жопа».

— Как пишет один журналист, «практически во всех случаях заявленный вред оказывается неосязаемым — его нельзя продемонстрировать, потому что он касается чувств и впечатлений. Среди последствий таких неосязаемых оскорблений значится „снижение самооценки“, „смутное чувство опасности“, „чувство собственной незащищённости и потери достоинства“, „чувство беспомощности, злости и отсутствия гражданских прав“, „лишение“, „страх“, „тревога“, „депрессия“ и „чувство стыда, вызванное насмешкой“».

— Иными словами, согласно этой политике, если кто-то заставляет вас почувствовать что-то из вышеперечисленного, вы являетесь жертвой оскорбления, а значит, можете подать на своего обидчика в суд. Более того, доказательством такого бесчувственного преступления является не свиде-

тель или улика, указывающая на причинённый вред, а только и исключительно *раненные* чувства обиженного человека. Других доказательств не требуется! — Карлтон в гневе всплеснула руками и зашагала обратно к центру сцены. Слушатели неуютно поёжились.

— Рань *это*, — говорит Хлоя. — Глава 7. О соитии и особых пристрастиях.

The Living End⁸⁴ грохочут «Astonia Paranoia» и «[Blood on Your Hands](#)»⁸⁵, Alien Ant Farm орут «[Smooth Criminal](#)»⁸⁶, и удары музыки заставляют дребезжать мой мозг, слишком измученный, чтобы терпеть дальше. Неопределённо раскинувшееся передо мной уродливое будущее окончательно выходит из-под контроля и дожимает разрушающиеся нейроны, небрежно пресекая мои слабые попытки сопротивления.

— Хлоя, Хлоя, хватит читать. Хлоя, у меня из головы не идёт: 200 000 лет, понимаешь, 200 000 лет.

— *Раненные чувства*. Что же на самом деле означают эти слова? *Раненные чувства*. Ранимый, сверхчувствительный, обидчивый... Вообще-то, всё это говорит о развитом, спелом, раздутом, легкоранимом эго, не так ли? Это значит, что эго разрослось настолько, что его ранит любой ваш чих. Иными словами, охваченный бумеритом зелёный мем пытается как можно скорее воспроизвести в студентах свою патологию: он делает их эго раздутыми и ранимыми, а затем заселяет мир этими огромными, чувствительными эго, обученными подавать в суд за любой чих в их присутствии и готовыми в

⁸⁴ «Живой конец» (англ.). — Прим. пер.

⁸⁵ «Поразительная паранойя» и «Кровь на твоих руках» (англ.). — Прим. пер.

⁸⁶ «Ферма муравьёв-пришельцев» — «Ловкий преступник» (англ.). — Прим. пер.

любой момент воспользоваться этим навыком. Долой жертв, дорогу студентам! О боже.

Карлтон вопросительно посмотрела на собравшихся в зале.

— Иногда издевательства бывают такими незаметными, а раненные чувства такими тонкими, что для обнаружения оскорбления требуются почти сверхчеловеческая восприимчивость необычайно сострадательного человека. В журнале «Harvard Educational Review» была опубликована статья профессора Магды Льюис (Magda Lewis), в которой был описан как раз такой случай тонкого оскорбления женщин мужчинами в форме «трудноописуемого языка жестов, проявлявшегося в едва заметном движении вперёд и почти невидимом вытягивании руки». Но за такое почти невидимое преступление полагается вполне заметное наказание. Бумерит, подгоняемый нарциссическим гиперчувствительным эго, — это гигантская ссадина, которая ищет себе место, и нам остаётся только посочувствовать этой благородной чувствительности, полностью выжившей из ума. Ах, господи...

— Но постойте! — Карлтон прервала свою речь резким смехом. — Не будем скупиться на похвалы там, где они уместны. В 1991 году 70% всех юристов мира проживало в США.

— Если общество опирается на чувства индивидуалистической самости, не говоря уж о чувствах гиперчувствительной нарциссической самости, невозможно рассчитывать на то, что тон культурного дискурса будут задавать искренние общественные отношения, поэтому для решения сложных вопросов, возникающих, когда пути гиперчувствительных самостей пересекаются, приходится прибегать к услугам законов и адвокатов. С другой стороны, живя в обществе, битком набитом эго размером с Луизианскую Покупку⁸⁷, обвиняющими вас в своих проблемах, вы должны

⁸⁷ Покупка в 1803 году Соединёнными Штатами Америки французских владений в Северной Америке площадью 2 100 000 км². — Прим. пер.

быть благодарны, что эти 70% адвокатов существуют и готовы играть роль буфера.

Юный Кен стремится к своей Омеге, к точке, в которой его старое «я» исчезнет и родится новое «я», прочное, как алмаз. Он думает, что это «я» будет жить в кремниевой системе, но это только начало, или, лучше сказать, отвлекающий манёвр в большой Космической игре. На самом деле он стремится ко мне, а я — всего лишь перевалочный пункт на пути к началу всего, находящемуся вне времени. Но это начало требует человеческой жертвы, масштабы которой поражают воображение. Юный Кен поскользнулся и упал на том отрезке пространства-времени, который ведёт к его гибели — она и есть цель, на пути к которой он так долго пробуксовывал, не в силах преодолеть притяжения своего собственного внутреннего устройства. Он думает, что просто занимается программированием. Но ведь и я сам когда-то делал такие же недалёкие предположения?

Карлтон закончила довольно мощной критикой мультикультурализма и политики признания. Я записал её речь в свой блокнот. На сцену снова вышла Лиза Пауэлл, и слушатели приветствовали её сумасшедшими аплодисментами, несмотря на взбучку, которую она им устроила в прошлый раз.

— Осталась последняя тема на сегодня! — выкрикнула Пауэлл, и по залу прокатилась волна аплодисментов.

Слайд №6: «Эссенциализм: эй, слезай с моего облака!»

— *Эссенциализм*, — начала Пауэлл. — Вы все знаете, что обычно имеют в виду под этим словом: нужно быть женщиной, чтобы разбираться в женщинах, нужно быть индейцем, чтобы говорить об индейцах, нужно быть геем, чтобы рассуждать о гомосексуальности. Иными словами, как отмечают многие критики, имеет место регрессия культуры с мирозцентрического до

этноцентрического уровня: бал правит политика идентичности, и согласно радикальному плюрализму, между людьми больше нет ничего общего.

— Как пишет один критик, «о сегодняшней одержимости различиями говорит надменность племён и масштаб их интеллектуальных притязаний. Среди сторонников политики идентичности много фундаменталистов или, как говорят в научных кругах, «эссенциалистов». Особенно популярен эссенциализм в студенческой среде. „С согласия академической верхушки, видящей в эссенциализме мирную альтернативу насильственному протесту, в закрытых анклавах учебных заведений внедряются разнообразные программы, *превозносящие маргинальность*“».

Пауэлл замолчала, оглядела зал, спустилась с подиума и подошла к переднему краю сцены.

— Прошу вас, люди, будьте внимательны! — улыбнулась она. — Дэвид Берреби (David Berreby) утверждает, что в ситуации регрессии, когда мы вернулись с мироцентрического уровня на этноцентрический, «американцы начали использовать стандартную технику создания культурной и политической идентичности. Во-первых, вам необходимо развить в себе уверенность, что быть членом вашей группы — это уникальный опыт, отличающий вас от людей, не входящих в группу (даже если это близкие друзья или родственники), и сближающий с другими членами группы (даже если вы их ни разу не видели). Во-вторых, вам нужно претвориться, что ваши личные трудности, поражения и победы в борьбе с собственными особенностями — это уменьшенная копия всего того, что происходит с вашей группой в обществе. Личное — это политическое. В-третьих, вам необходимо утвердиться во мнении, что интересы вашей группы не получают должного внимания или вовсе отвергаются, и поэтому вашей группе необходимо предпринять такие действия, которые, к примеру, позволят изменить отношение к ней всего остального общества».

Лиза Пауэлл оторвалась от своих записей.

— В этих действиях как таковых нет ничего плохого. Но если, выполняя

их, пренебрегать всем остальным, они приведут к полному отчуждению от общества, превратившись в своего рода *патологический плюрализм* с его невероятной убеждённостию в том, что я буду принят группой, если начну её обвинять и осуждать. Я делаю врагами тех, кто нужен мне в качестве союзников, особенно если принимать во внимание, что я руководствуюсь этноцентрическими, а не мироцентрическими мотивами. Для спасения своей этноцентрической идентичности я выбрал тот способ, который просто-напросто отказывает моей идентичности в существовании.

— Я точно знаю, что значит жить 200 000 лет, — говорит Скотт. — Это значит, жажать всё, что движется. Ты только посмотри на это море сисек и попок, волны которого рассекает фаллос.

— Скотт, ты сам-то себя слышишь? Ты говоришь как победитель конкурса на худший порносценарий. То есть так: «Той тёмной дождливой ночью я начал совать свой болт во всё, что движется».

— Да? Ты на себя посмотри. Выпьешь два пива, и уже лужу готов трахать.

Я уже собирался нанести сокрушительный ответный удар, но внезапно понял, что этот маленький ублюдок, пожалуй, прав.

— Но истинный плюрализм — это не этноцентрический плюрализм, а *всеобщий плюрализм*. Он признаёт *общие черты* и *глубокое сходство* всех людей: все мы страдаем и радуемся, смеёмся и плачем, чувствуем удовольствие и боль, удивляемся и раскаиваемся. Все мы способны создавать образы, символы, понятия и правила. У нас у всех по 206 костей, по две почки и по одному сердцу. Всем нам доступна Божественная Основа, как бы мы её не называли. Всем нам открыты спектр сознания и удивительная спираль развития. *Кроме того*, всеобщий плюрализм признает все те прекрасные различия, внешние признаки и обусловленные культурой нюансы, которые делают разные группы и разных людей такими непохожи-

ми друг на друга, такими особенными и уникальными. Но если вы сразу начнёте искать различия, то ваш плюрализм никогда не станет всеобщим, и вы будете обречены на патологический плюрализм, восстановление этноцентризма и регрессивную катастрофу.

— К счастью, — продолжила Пауэлл, — по-настоящему чувствительные люди всё чаще говорят о необходимости сдвига от этноцентрической несвободы к мироцентрическому объединению. Вспомним известную художницу Сару Бейтс (Sara Bates). Нация чероки делится на семь кланов: Клан Волка, Клан Оленя, Клан Красной Краски, Клан Птицы, Клан Длинно-волосых, Синий Клан и Клан Дикого Картофеля. Сара принадлежит к Клану Волка, и использует в своих произведениях элементы его символики. Удивительная особенность работ Сары заключается в том, что она также использует в них элементы, символизирующие связь всего человечества, и это уже не этноцентрический, а универсальный плюрализм. Вот что сказано в одном из её буклетов: «Многие художники используют историю, чтобы рассказать о собственном бытии как о бытии американского индейца, женщины, или художника в контексте истории искусства. Они изо всех сил стараются показать свою принадлежность к группе, отличающую их от остальных людей» — это этноцентрический плюрализм. «В отличие от них, Бейтс использует историю и наследие своих предков племени Чероки для того, чтобы показать, насколько все мы похожи и как тесно связаны», — это мироцентрический или всеобщий плюрализм. Как это чудесно по сравнению с кошмаром нарциссической политики идентичности! То, что Сара Бейтс посредством своего искусства выражает идеи всеобщего плюрализма и борется с модными, но жестокими тенденциями этноцентрического плюрализма и балканизированного⁸⁸ разнообразия, — просто поразительно.

⁸⁸ Здесь автор использует производное от слова «балканизация», которое вошло в обиход в связи с конфликтами на Балканах в XX в. Балканизация в первую очередь означает непрекращающийся процесс дробления территории на почве этнических, языковых, религиозных и прочих различий. — Прим. пер.

— Стоит также вспомнить диалог между Майей Ангелу (Maya Angelou)⁸⁹ и Белл Хукс (Bell Hooks)⁹⁰, — произнесла Пауэлл, плавно перемещаясь по сцене.

Белл Хукс: Меня очень беспокоит то, что некоторые мои студентки готовы читать только работы авторов-женщин, чёрные студенты — только работы чёрных авторов, а белые студенты соглашаются только с белыми писателями. Мне кажется, утрата способности к сопереживанию и состраданию — это худшее из всего, что может с нами произойти.

Майа Ангелу: Полностью согласна. Мы превратимся в животных, и тогда нам сложно будет спастись от собственной дикости. На всех своих занятиях — не важно, что я преподаю — я всегда использую одно высказывание. Я пишу на доске: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Ниже я пишу эту же фразу на латыни: «Homo sum humani nil a me alienum puto». А потом рассказываю студентам её историю. Эта фраза принадлежит Публию Теренцию Афру, известному как Теренций. Этот африканец по происхождению был рабом у римского сенатора, а когда сенатор его освободил, он стал самым популярным драматургом в Риме. С 154 г. до н. э. по наши дни сохранились шесть его произведений и это высказывание. Этот мужчина, не рождённый белым и свободным, говорил: *я человек*.⁹¹

⁸⁹ Майа Ангелу (род. в 1928 г.) — американская поэтесса, писательница, режиссер, актриса, танцовщица, продюсер и борец за гражданские права, помимо прочего известная тем, что выпустила свою автобиографию в шести томах. — Прим. пер.

⁹⁰ Белл Хукс (настоящее имя: Глория Джин Уоткинс (Gloria Jean Watkins), род. в 1952 г.) — американская писательница-феминистка. — Прим. пер.

⁹¹ Вообще-то, фраза «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» принадлежит не самому Теренцию, а герою его комедии «Самоистязатель», и в контексте произведения имеет иронический смысл. — Прим. пер.

Пауэлл замолчала, внимательно оглядела присутствующих и ушла со сцены сквозь чуткую звенящую тишину. На сцену снова поднялся Морин, чтобы подвести итоги дня.

— Леди и джентльмены... Вы не против, что я говорю «леди»? Позвольте мне напоследок поделиться с вами несколькими наблюдениями и тревожной статистикой. Иксеры и игрики, должно быть, недоумевают, какое отношение все эти разговоры имеют к ним. Зачем им вообще слушать про бумерит? Вообще-то, на это есть масса причин, которые мы обсудим позже, но начать я хочу с одной. Насколько глубоко бумерит проник в американские университеты, в которых вы учитесь? Насколько злобным стал злобный зелёный мем?

— Ничто человеческое мне не чуждо, — говорит Хлоя. — Если мы с тобой будем жить 200 000 лет, то сможем заняться любовью как минимум миллиард раз.

— Миллиард раз? Хлоя, поверь мне, у меня не так много спермы.

— А будет много, потому что мы будем постоянно обновляться.

— Но Хлоя, почему ты решила, что всё это время мы с тобой будем вместе?

— Потому что когда ты переспешь со всеми женщинами на планете, то вернёшься ко мне.

— Почему это?

— Потому что *так* не может сделать никто, кроме меня!

— «Теневой университет: измена свободе в американских кампусах»

Корса и Сильверглэйта⁹² — это детальный отчёт о настоящем положении дел. Его авторы далеки от правой идеологии — они либералы в лучшем смысле этого слова. Я не буду зачитывать примеры из книги — рекомендую вам ознакомиться с ними самостоятельно. Вместо этого я приведу ответы критиков Корсу и Сильверглэйту, из которых ясно видны актуальность и трагизм проблемы. Президент Центра Равных Возможностей и бывший директор Американской Комиссии по Гражданским Правам Линда Чавес (Linda Chavez) считает, что «Алан Корс и Харви Сильверглэйт рассказывают леденящую душу историю о том, как руководители университетов превращаются в великих инквизиторов, студенты и рядовые сотрудники лишаются основных прав, а система сразу же запугивает новеньких и навязывает им свои правила. Авторы утверждают, что недостаток нашего высшего образования — это ограничение личной и научной свободы (во имя политкорректности и прав меньшинств), которое имеет место во многих колледжах и университетах страны. Корс и Сильверглэйт убедительно доказывают, что стремление к знанию и обмен мнениями в наше время в кампусах не приветствуется».

— Алан Дершовиц (Alan Dershowitz): «Это подкреплённое множеством доказательств разоблачение говорит о том, что может случиться с вашим ребёнком даже в лучшем колледже страны. Корс и Сильверглэйт демонстрируют нам, что по сравнению с дисциплинарными разбирательствами в колледжах, ориентированных на либеральное образование, даже слушания Звёздной Палаты кажутся верхом либерализма». Феминистка Кристина Соммерс (Christina Sommers) пишет: «Корс и Сильверглэйт показывают, как порождённые левой культурой ограничения индивидуальных свобод неуклонно превращают учебные заведения в „острова угнетения в море свободы“». Корреспондент «The Village Voice» Нат Хэнтофф (Nat Hentoff) приходит к выводу, что «Корс и Сильверглэйт создали самый пространственный и

⁹² Alan Charles Kors & Harvey A. Silverglate, «The Shadow University: The Betrayal of Liberty on America's Campuses». — Прим. пер.

глубокий отчёт об ужасающей ситуации с высшим образованием в Америке. Приведённые ими факты должны заставить устыдиться тех, кто в ответе за формирование умов и душ следующих поколений». Автор книги «На пике моды» Уэнди Каминер (Wendy Kaminer) отмечает: «„Теневой университет“ — это скрупулёзный, тщательно проиллюстрированный отчёт о ситуации в американских университетах, где студентам и преподавателям на регулярной основе отказывают в основных правах, таких как свобода слова, свобода совести и надлежащие правовые процедуры. Я даже представить себе не могла, что всё настолько плохо».

Морин остановился и резко опустил голову, как будто на него свалился какой-то невидимый груз. Затем, через некоторое время он снова поднял глаза.

— Как мы уже говорили, когда мем чувствует угрозу и понимает, что его историческое время подходит к концу, и он больше не контролирует господствующие формы дискурса, он посылает своих инквизиторов исправить ситуацию. Теперь мы видим, к чему это привело в случае зелёного мема. Студентам и преподавателям отказывают в надлежащей правовой процедуре, их лишают всех прав и могут незамедлительно выгнать из учебного заведения лишь на том основании, что они *ранили чувства* другого студента или преподавателя. Как сообщают Корс и Сильверглэйт, обвиняемый даже не имеет права встретиться со своим обвинителем. Достаточно представить перед трибуналом доказательства в виде раненных чувств, особенно если это чувства не белого и не мужчины, и за дело берутся зелёные инквизиторы. Таков злобный зелёный мем в своей самой злобной ипостаси.

Морин развернулся и медленно сошёл со сцены. Зал наполнила глухая, свинцовая тишина, в которой не было ни озлобления, ни согласия — только изнеможение. Скоро стало очевидно, что никто не аплодирует, и мы все почувствовали себя участниками молчаливой панихиды. Осознав, что сидим в тишине, мы ещё пять или десять минут молча оставались на своих местах, синхронно вдыхая меланхолию, стараясь вместе понять свою нежную

грусть. Воздух согрелся, наполнился влагой, затих. Кое у кого на глазах были слезы, но никто не плакал. Некоторые смотрели прямо перед собой, как будто боясь пошевелиться и разрушить сферу исцеляющего отчаяния. Другие, словно под тяжестью невидимой скорби, склонили головы. Тишина как будто говорила: «Почему всё вышло именно так?»

А потом я услышал, как кто-то тихонько заплакал. Несколько человек начало аплодировать. Послышался слабый ропот недовольства. Один за другим, собравшиеся начали подниматься со своих мест и покидать зал.

— Ты идёшь к Хэзелтон, — спросил Стюарт по дороге к выходу. — Это довольно важно.

— Что? А, конечно. Обязательно. Пока.

— Жаль, что ты пропустил несколько последних дней в ИЦ, Джонатан.

— Ну, ты ведь знаешь, что я уже был на двух вводных семинарах и, о-ля-ля, они взорвали мой маленький мозг.

— Вот именно, маленький, — улыбнулась Каролина. На ужин у доктора Хэзелтон она привела Катиша, молодого, привлекательного, горячего двадцативосьмилетнего индийца, родившегося и выросшего в Калькутте и получившего образование в Индийском технологическом институте Канпура, своего рода индийском МИТе. Катиш был на нескольких семинарах в ИЦ, и, судя по его взволнованным комментариям и тому, как гневно он хмурил брови, он не верил ни единому сказанному там слову; выражение его лица неизменно говорило: «Это война».

Однажды в перерыве между сессиями семинара я случайно услышал, как Катиш спорит с одним из профессоров ИЦ. «Вы думаете, что Индия — это просто склад странных старомодных религиозных ценностей. Вы думаете, что все мы Ганди. Знаете, почему ваша глупая киноакадемия дала фильму о нём столько Оскаров? Потому что Ганди — это воплощение голливудского героя: загорелый, худой и высоконравственный. Какое убожество! На нас больше не действует этот опиум для народа. Индия освободит Запад, потому что вы, колониальные свиньи, не можете сделать это самостоятельно». Я не слышал таких выражений лет с десяти. Звучало как одна из ранних тирад моего папеньки, пока в попытке спасти мир он не заменил марксистский жаргон языком мультикультурализма. Лицо профессора выглядело так, будто ему лечили корневые каналы, и когда Катиш замолчал, чтобы набрать в лёгкие воздух, профессор буквально сорвался с места и скрылся за дверью рядом со сценой.

Было ли что-то между Катишем с Каролиной? Или между Катишем и Бет? Или между Каролиной и Бет, как подозревала Хлоя, потому что считала, что все крикливые феминистки — лесбиянки? «Зачем ещё объявлять себя феминисткой?» — говорила она. («За тем, что за феминистками правда, ты безмозглая болтливая членососка», — огрызнулась однажды Каролина. В комнате стало очень тихо. «Я бы тебе ответила», — сказала Хлоя, — «но мне нужно время, чтобы понять, что из сказанного тобой может быть неправдой».)

Дом Хэзелтон был совсем небольшим, но находился в дорогом районе Кэмбриджа, что было очень необычно для дома профессора. К счастью, столовая в нем была достаточно просторной. Комнату украшали окна с изысканными секциями витража. Мы вшестером оказались за одной частью стола: Хэзелтон сидела слева от меня, Каролина — справа, Стюарт, Джонатан и Катиш — напротив. Ужин состоял из нескольких супов, что показалось мне довольно странным.

— Фуэнтес, Ван Клиф и остальные вчера действительно дали жару, — сказала Каролина. — Мне интересно, зачем они морочат всем головы? Похоже, что они сознательно провоцируют нас, ведь все говорят, что сами по себе они очень милые.

— Ким говорит, это проверка, — добавил я.

Хэзелтон рассмеялась.

— Вообще-то, они действительно пытаются вас немного взбодрить, — сказала она. — Но, пожалуйста, не забывайте, что цель этой конкретной семинарской программы — помочь людям научиться отличать зелёный от второго порядка. Мы пытаемся показать людям разницу между подходом зелёного мема и интегральным подходом. Помните, что общего у всех мемов первого порядка?

— Конечно, — немедленно отозвалась Каролина, — каждый мем первого порядка считает свои ценности самыми настоящими и важными.

— Правильно, милая. И поэтому дуалистические представления разных мемов о мире плохо согласуются друг с другом: на основании своих ценностей все мемы первого порядка делят мир на хороших парней и плохих парней. И всё заканчивается тем, что... — Хэзелтон делала чёткие паузы между предложениями:

— Пурпурный делит мир на добрых духов и злых духов.

— Красный видит хищников и добычу.

— Синий видит святых и грешников.

— Оранжевый видит победителей и проигравших.

— Зелёный видит чутких и бесчувственных людей.

— И вы специально наступаете на мозоль «чувствительной самости», чтобы посмотреть, кто от этого закричит? — встрял Джонатан, которому, явно, нравилась эта мысль.

— Отчасти, да. Понимаете, второй порядок на это не разозлится, его не смутит полемический тон дискуссии, потому что второй порядок гораздо свободнее принимает любые ценности. Но для зелёного тон важнее всего, потому что по тону можно понять, «чувствительный» перед вами человек или «нечувствительный», то есть, заслуживает он признания или осуждения. Если вы слышите, как кто-то жалуется на тон, значит, вы столкнулись с зелёным мемом, — Хэзелтон мило улыбнулась.

— То есть вы сознательно давите на их кнопки.

— Да, потому что у них есть кнопки, на которые они дают нажимать.

Хэзелтон замолчала, сделала глоток овощного бульона.

— Второй порядок относится к полемике спокойно, но зелёный мем она очень злит, — Хэзелтон рассмеялась каким-то своим мыслям, а затем быстро добавила:

— Послушайте, дорогие, мы никакие не злодеи, и смеюсь я потому, что вспомнила, как впервые оказалась на лекции Морина, в которой он в пух и

прах разносил зелёные ценности. Я тогда закричала со своего места: «Проклятая высокомерная свинья!»

Хэзелтон покраснела. Было трудно представить, чтобы она вообще что-то кричала, не говоря уже об этих словах.

— По сути дела, мы сталкиваем людей лицом к лицу с их привязанностями. Это должно им помочь подняться на второй порядок, к интегральному объединению, которое позволяет понять, что все без исключения ценности спирали по-своему важны. Нужно позволить красному быть красным, синему — синим, оранжевому — оранжевым и т.д. Но зелёный хочет, чтобы все были зелёными...

— Но зелёный утверждает, что не хочет никого дискриминировать, — сказал Джонатан.

— Да, не хочет. Зелёный очень близок к тому, чтобы никого не дискриминировать, но на первом порядке это невозможно. Поэтому если вы не разделяете зелёных ценностей, то подвергаетесь *остракизму*, со всем пылом самоуверенной праведности! Вы ведь слышали рассказ Морина о зелёных инквизиторах в высших учебных заведениях? Сильнее всего зелёный презирует синие ценности: зелёные либералы до глубины души ненавидят республиканцев, потому что большинство республиканцев синие. Но если вы не осознаёте важность всех уровней спирали, второго порядка вам не видать.

— Расскажите Каролине, что сильнее всего мешает зелёному стать интегральным, — произнёс Джонатан с наглой улыбкой.

— Знаю, знаю, — сказала Каролина, — отрицание иерархий.

— Вообще-то, сразу оговорюсь, что существуют здоровые и нездоровые виды иерархий, милая. Но единственный способ что-то интегрировать — это обратиться к вложенным иерархиям. Вы всё это уже знаете: от атомов и молекул к клеткам, от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму. Каждый следующий уровень включает и объединяет все предыдущие, и поэтому с каждым уровнем мы достигаем всё большего единства. Но

зелёный (прости его, господи, и помилуй) не может себе позволить строить иерархии, так что ему не удаётся достичь единства. Он имеет дело с нагромождением отдельных элементов, а не с целым. Это плюрализм, а не интегрализм.

Хэзелтон улыбнулась и оглядела всех нас. Затем она протянула руку, коснулась моей руки, незаметно её сжала, и мой испуганный, звенящий ум лихорадочно бросился искать причину этого её жеста.

— По мнению Каролины, все наши беды от того, что бедные, незащищенные женские ценности задавлены мужскими ценностями, — подчёркнуто жеманно произнёс Джонатан.

Каролина холодно взглянула на него.

— Джонатан, твой IQ равен комнатной температуре, и я веду речь не о шкале Фаренгейта.

Увидев, как сморщился Джонатан, стараясь скрыть свои эмоции, мы дружно рассмеялись. Каролина обратилась к Хэзелтон.

— Всё не совсем так. Вы ведь понимаете, о чём я. Превращение общества доминирования в общество взаимодействия. Установление связей между людьми вместо ранжирования.

— Каролина, никто не ранжирует людей — только их ценности. И одни ценности подразумевают меньшую дискриминацию, большее сострадание и приятие, чем другие. Так что, разумеется, нам не обойтись без здорового ранжирования! Если мы не будем ранжировать, вне зависимости от нашего желания, нас ждёт засилье эгоцентрических и этноцентрических ценностей.

— Да нет же, Доктор Хэзелтон, — сопротивлялась Каролина, — вы ведь знаете, о чём говорят исследования? Мужчины мыслят в терминах разделения и автономии, а женщины — в терминах отношений и заботы. А этому миру как раз нужно чуть больше отношений и заботы и чуть меньше членения и разделения.

— Но дорогая, ты всё даёшь флатландское истолкование. Понимаешь, ты забыла о спирали развития. А нужно помнить, что *как* мужчины, *так и* женщины последовательно проходят в своём развитии эгоцентрические, этноцентрические и мироцентрические стадии. Но для женщин в ходе развития основными приоритетами являются забота, отношения и общение, а для мужчин — права, автономия и деятельность.

— Значит, женщины проходят путь от эгоцентрической и этноцентрической заботы к мироцентрической? — спросил Стюарт.

— Верно. Каролина, ты с этим согласна?

— Да, — очень осторожно ответила Каролина.

— Это значит, что существуют мужские и женские варианты эгоцентризма, этноцентризма и мироцентризма. И проблемы этой планеты не связаны и никогда не были связаны с тем, что мужские ценности считаются более важными, чем женские. Проблема в том, что очень малому количеству мужчин *и* женщин доступны мироцентрические уровни сознания. Понимаешь, дорогая, женские этноцентрические ценности не менее разрушительны, чем мужские: и те, и другие готовы отправить в ад любого, кто с ними не согласен. Инструментом мужских этноцентрических ценностей является физическая агрессия, в то время как женщины используют социальную агрессию и остракизм. Мужчины и женщины в равной степени ответственны за атмосферу страха и ужасы этноцентрических обществ. Именно стадное чувство, власть толпы и этноцентрическая забота, общие для женщин и мужчин, довели дело до Освенцима.

— То есть вы говорите, что радикальные феминистки используют только горизонтальное мышление — женщины против мужчин — и не обращают внимания на то, что ценности и тех, и других развиваются, поднимаясь вверх по спирали?

— Всё верно. Принимая интегральный подход, мы получаем более целостную картину и понимаем, что в идеале *и* мужчины, *и* женщины должны расти и развиваться до мироцентрических, постконвенциональных уровней

осознанности. На этих уровнях второго порядка женское стремление к отношениям и мужское стремление к автономии уравнивают друг друга, признаётся их равная ценность — вспомните четвертую основную стадию развития по Гиллиган, которую она называет интегральной. Но этой стадии можно достичь, только если признать иерархическое развитие.

Она помолчала, а затем произнесла с выражением:

— Повторяю, что мужские ценности не являются и никогда не являлись нашим врагом. Наш враг — это женские и мужские ценности любого из уровней первого порядка.

Она с нежностью взглянула на каждого из нас и продолжила почти шёпотом.

— Женские ценности первого порядка — красные отношения, синие отношения, зелёные отношения и т.д. — вызывают не меньше разногласий, чем мужские ценности первого порядка. И вылечить это можно только на втором порядке.

Снова тёплое, дружелюбное молчание и ещё одно произнесённое шёпотом заключение.

— Это значит, что нам нужны как мужские ценности второго порядка, то есть интегрированная автономия, так и женские ценности второго порядка — интегрированная забота. И на втором порядке они непременно объединяются — интеграция есть интеграция. Так что, пожалуйста, не попадайтесь на удочку флатландии и не верьте обвинениям бумерита. Настоящая битва, если считать это битвой, идёт не между мужчинами и женщинами, а между первым и вторым порядком.

Логика её слов заставила всех за столом замолчать. Не знаю почему, но эти аргументы меня особенно впечатлили. Я ещё сильнее ощутил необходимость «квантового скачка в гиперпространство интегрального сознания». Я думал...

— Ты думал? Опять? Дзинь-дзинь-дзинь-щёлк! Я заметила, что ты не пригласил меня на ужин. Хочешь держать мои голые груди подальше от таких дел, да?

— Твои груди? При чём тут вообще твои груди?

— Тебе лучше знать — это ведь ты всё время на них пялишься.

— Да нет, дело не в этом. Просто у меня голова идёт кругом от всех этих разговоров о мужчинах и женщинах. И почему мужчины всегда фантазируют о голых женщинах?

— Потому что в реальности голые женщины им недоступны.

— А о чём ты фантазируешь, Хлоя?

— Ты правда хочешь знать?

— Да.

— Просто будь со мной, сладкий мальчик, просто будь со мной.

— И что же будет, когда мы все доберёмся до мироцентрической стадии? Мир во всём мире? Рай на земле? — Катиш был полон скепсиса. Слова прорвались в комнату сквозь его маску воинственности.

— Вообще-то, все мы *никогда* не окажемся на мироцентрической стадии, — ответила Хэзелтон. — Не забывайте, что человек начинает своё развитие с чистого листа, постепенно поднимаясь по развёртывающейся спирали. И эта спираль развития похожа на великую реку, так что никакое общество не может целиком находиться на каком-то одном уровне.

— Но центр притяжения общества всё время стремится вверх — об этом сказано в книге «Восхождение из Эдема», — добавил Стюарт.

— Да, милый, это верно, и обычно обществу требуются сотни лет, чтобы подняться на новый уровень.

— Но что произойдёт, когда средний уровень нашего общества наконец станет мироцентрическим, когда общество доберётся до второго порядка? Это будет рай, да?

— Вообще-то, мы выяснили, что выше тоже есть уровни.

— Выше чего?

— Выше бирюзового, — ответила Хэзелтон.

— Значит, над бирюзовым есть ещё уровни? Я так и знал! Вы говорили об этом на второй лекции, — вставил я.

— Да, говорила, и вы были одним из немногих, кого это заставило завертеться на стуле, — улыбнулась она.

Чарльз Морин большими шагами вышел на сцену. Казалось, что воздух разлетается от него в стороны, не желая оказаться у него на пути.

— Доброе утро, леди и джентльмены. На сегодняшней сессии мы рассмотрим одно из самых типичных убеждений бумерита: веру в изначальный исторический рай, где когда-то жил одарённый ребёнок, позже развращённый гадким обществом западной патриархальной рациональности. За этим убеждением стоят великодушие, доброта и забота — ведь чувствительная самость из кожи вон лезет, чтобы никого не дискриминировать и не опорочить. Но последствия этой точки зрения, увы, оказались настолько чудовищны, что на них невозможно смотреть без содрогания, и сегодня мы в этом убедимся.

— Леди и джентльмены, встречайте: доктор Лиза Пауэлл.

По залу прокатилась волна аплодисментов.

Слайд №1: «Ретро-романтический кошмар».

— Хочешь засунуть свой член мне в рот?

— Господи, Хлоя, разве кто-то от такого откажется?

— Ну и? Что тебя останавливает?

— Ну, вообще-то, меня беспокоит одна мысль: я пытаюсь понять, в каком направлении пойдёт эволюция ботов.

— Может, вместо того чтобы заниматься *этим*, ты хочешь сделать *это*?

— Прошу тебя, Хлоя, подожди минутку. Послушай, это очень важно.

Пауэлл медленно, без спешки вышла на подиум, посмотрела в зал и улыбнулась.

— У всех направлений культурологии есть одна общая черта: они верят, что если мы вернёмся во время, когда общество ещё не угнетало человека, то обнаружим своего рода *изначальную добродетель*, которая сейчас жестоко подавляется. Это классическая точка зрения романтиков: мы все были хорошими и неиспорченными, пока нас не развратило и не искалечило общество. В этом есть доля правды: не стоит забывать, что многим нашим способностям не дают развиваться деспотичные семейные и общественные институты. Но правда и то, что стать добродетельным человек может, лишь *развиваясь* от эгоцентрических уровней к этноцентрическим, а затем к мироцентрическим. Без такого роста и развития все мужчины и женщины остаются эгоцентричными и нарциссичными хищниками, не лишёнными, однако, своих маленьких милых изюминок, — она рассмеялась.

— Но бумерит, считающий себя одарённым ребёнком, всегда видел только романтическую сторону уравнения: когда-то он был чистым и непорочным, но на каждом шагу ему мешало общество. Такая романтизация имела печальные, иногда даже ужасающие последствия, о которых мы скоро поговорим.

— Насколько ужасающие, Ким?

— Там речь пойдёт о человеческих жертвоприношениях.

— Круто!

— Всё это, очевидно, было попыткой сделать из зелёного мема единое мировоззрение, и эта попытка оказалась по-настоящему разрушительной. Предполагалось, что любое неравенство происходит не от *недостатка* развития, а из-за насильственно *навязанной* власти, и что все важные истины зелёного плюрализма существовали *изначально* — или могли бы существовать, если бы не та жестокость, с которой их подавляли. Поэтому утверждается, что если мы и не видим в прошлом зелёного мема с его плюралистической свободой (а мы действительно его там не видим), то лишь по вине жестокой западной, патриархальной, империалистической, эксплуататорской, насильственной власти, хотя на самом деле в прошлом зелёный мем ещё просто не возник.

— Но культурологи, руководствующиеся точкой зрения очень высокой зелёной волны постформального плюрализма, для достижения которой потребовался примерно миллион лет человеческой эволюции, связывают *отсутствие* в истории зелёного мема с *присутствием* некой злой силы (мужчин, рациональности, объективизма, патриархата, логоцентризма, фаллологоцентризма — нужно подчеркнуть), а значит, для появления зелёного мема необходима не эволюция сознания, а смерть или уничтожение этой злой силы.

— Утверждается, что одним из условий смерти и уничтожения этой силы является своего рода возврат к тому состоянию, которое было до её появления. Как мы уже видели, такая путаница с до- и пост- является одной из главных особенностей бумерита, поскольку позволяет ему скрывать доконвенциональный нарциссизм за постконвенциональными идеалами. Более того, благодаря ей бумерит смог придумать исторический рай, которого на самом деле никогда не существовало. — Пауэлл метнула в аудиторию свирепый взгляд. — Об этом наша сегодняшняя страшная история.

— Ладно, сладкий мальчик, что может быть важнее *этого*?

— Хорошо, я тебе скажу. Тебе понравится, Хлоя, потому что это касается свободы. Мой отец одержим бит-поколением и писателями-битниками, вроде Керуака, Гинсберга и Берроуза. Он называет их великими первооткрывателями свободы. Свободы, понимаешь? Непосредственным предшественником битников был Пол Боулз.

— Бритников?

— Что?

— Ты сказал «бритников»?

— Нет, я сказал «битников». В общем, предшественником битников был Пол Боулз, и все битники совершали паломничество в Танжер, где он жил. Дешёвые наркотики, дешёвый секс и всё такое прочее. Боулз написал очень известную книгу о супружеской паре, путешествующей по Сахаре. Она называется «Под покровом небес». По дороге главный герой умирает мучительной смертью, а главная героиня сходит с ума — её бьют и насилуют, но этого ей, видимо, кажется мало, и она возвращается в пустыню, чтобы получить ещё.

— Ооооо, крутая книга!

— Хлоя, я не об этом. Дело вот в чём: Норман Мейлер (Norman Mailer) считает Боулза отцом поколения бумеров, потому что он был первым представителем хип-культуры⁹³, противопоставившей себя обывателям.

— Хип — это круто, а обыватели — унылые конвенциональные конформисты.

— Вот именно. Мейлер говорит, что «Боулз создал хип-мир, в котором были убийства, наркотики, инцест, оргии, смерть обывателя и конец цивилизации. Он открыл для нас эти темы».

⁹³ От англ. «hip» — «модный», «в теме». — Прим. пер.

— Офигенно!

— Хлоя, перестань. Ты что, не понимаешь? Убийство — это модно. Инцест — это модно. Изнасилование — это модно. Конец цивилизации — это модно. Разве ты не понимаешь, что эти парни не видели разницы между до-обыденностью и пост-обыденностью? И поэтому они прославляли *всё* не-обыденное: убийства, инцест, изнасилование и избивание женщин, пытки и т.д. Всё это стало модным! Не удивительно, что они так подсели на маркиза де Сада. Боже мой, Хлоя, это же так гадко и так грустно. Знаешь Хлоя, есть одна женщина... один человек — Хэзелтон, и другой человек — Пауэлл, и они... и те парни... в общем, как ты не понимаешь? Есть до-обыденность, обыденность и пост-обыденность, но битники объявили модным *всё* не-обыденное. Разве ты не видишь, Хлоя? В половине случаев они регрессировали к до-обыденному и говорили, что это модно и круто. Даже мои мама с папой купились на это! Разве ты не видишь, Хлоя? Хлоя?

— Давай, детка, *это* модно.

— Всё очень просто, друзья мои: покопавшись в истории и не найдя там зелёного мема, бумерит вообразил, что зелёные ценности подавлялись какой-то злобной силой, не понимая, что они просто ещё не успели возникнуть. Так у бумерита появились злодей, жертва и взгляды флатландии.

Слегка наклонив голову, Лиза Пауэлл бродила по сцене со сложенными за спиной руками.

— За эту злобную силу обычно выдаётся что-нибудь оранжевое: рациональность Просвещения, западный патриархат, капиталистическое государство, мужской аналитический способ мышления, ньютоно-картезианская парадигма — позже мы увидим и другие примеры из этого бесконечного списка злодеев. Но задавшись благородной целью преодолеть оранжевый и добраться до зелёных ценностей, бумерит по ошибке начал двигаться в противоположном направлении, ища на до-оранжевых стадиях пост-

оранжевую свободу. Бумерит бездумно восхвалял и превозносил эти доформальные, до-оранжевые стадии, в особенности пурпурную и красную, ассоциируя их с пост-оранжевой свободой, которой в них нет и никогда не было. Регрессия, без которой невозможно представить себе бумерит, наконец обрела основание. И тут начался кошмар.

Пауэлл закончила своё выступление под бурные аплодисменты, и на сцену тяжёлым шагом поднялся Ван Клиф. На стене загорелся слайд №2: «Покорение рая».

— Не нужно далеко ходить за примерами превознесения доформальной магии и мифов до постформальных плюрализма и свободы — достаточно вспомнить, как зелёный мем встретил пятисотую годовщину открытия Колумбом Америки.

Слушатели напряглись, атмосфера в зале накалялась.

— Пристегните ремни, — прошептала Ким.

— В книге под названием «Американский холокост» («American Holocaust») говорится, что «дорога в Освенцим пролегла прямо через сердце Америки». Киркпатрик Сэйл (Kirkpatrick Sale) в «Покорении рая» («The Conquest of Paradise») утверждает, что европейцы разрушили райское величие мирной экологической гармонии. А Цветан Тодоров (Tzvetan Todorov) продемонстрировал нам всю силу морального негодования, назвав покорение ацтеков Эрнаном Кортесом крахом великой цели утверждения *разнообразия человеческих культур*.

— Поскольку постмодернистская культурология занимается в основном теоретическими вопросами, не обращая внимания на факты, мало кто из авторов множества подобных книг потрудился выяснить, с чем на самом деле столкнулись Колумб, Кортес и их экипажи. В то же время, этой теме посвящено множество подробных монографий, например, «Экологический индеец: миф и история» Шепарда Креча («The Ecological Indian: Myth and History», Shepard Krech), «Ацтеки» Инги Клендиннен («Aztecs», Inga Clendinnen), «Больные общества: разоблачение мифа о примитивной

гармонии» Роберта Эджертон («Sick Societies: Challenging the Myth of Primitive Harmony», Robert Edgerton) и «Самый высокий алтарь: история человеческих жертвоприношений» Патрика Тирни («The Highest Altar: The Story of Human Sacrifice» Patrick Tierney's). Самое удивительное, что все эти книги получили широкое, хотя и неохотное признание. И картина, которую они рисуют, совсем не похожа на рай.

— Я не собираюсь защищать европейцев или осуждать американских индейцев. Я просто хочу показать, как далеко способен зайти зелёный мем в попытках отстоять свою идеологию. Американский зелёный мем проявил удивительную историческую слепоту, перепутав доформальные условия с постформальной свободой и яростно обрушившись на тех, кого эта болезнь не коснулась.

— Ван Клиф как всегда слишком наседает, — прошептала Ким.

— Мне казалось, так и задумано: он должен специально нас провоцировать. Ну, это ведь проверка.

— Карла провоцирует, Лиза провоцирует, Марк иногда провоцирует. Но Дерек просто больной. Он всё говорит правильно — Чарльз считает, что он всегда попадает в точку, но ему необходимо лечение или пересадка сердца, или хорошая женщина, или плохая женщина, или что-нибудь ещё.

— Точно, в нём слишком много интенсивности. Знаешь, как говорят в тренажёрных залах: если шея становится толще головы, значит, пора передохнуть.

— Вот именно, Дереку нужно отдохнуть от себя. Проблема в том, что он всегда прав, и знает об этом, а это очень плохое сочетание качеств. — Ким придвинулась ещё ближе и прошептала совсем тихо, — Чарльз рассказал мне одну шутку о Дереке, которую придумала Лиза и которая, как им кажется, очень точно его характеризует: «Последний раз я был неправ, когда думал, что ошибаюсь», — на лице Ким появилась ехидная ухмылка. — В общем, все те важные вещи, которые он говорит, звучали бы намного лучше, если бы не эта его извращённая манера.

— А с чего они взяли, что он кого-то изнасиловал?

— С того, что его в этом обвинила одна молодая студентка.

— Где это произошло?

— В Беркли — он там преподавал.

— А доказательства?

— Ну, Чарльз уже говорил, что в таких делах доказательств не требуется. Достаточно заявить, что это случилось, и дело сделано. В общем, он оттуда уволился, или его уволили — уж не знаю, как там всё было.

— А ты не боишься, что у вас с Морином будут проблемы, из-за того что ты с ним спишь? В смысле, ты студентка — он преподаватель и всё такое.

— Ну да, в нашем положении есть некоторый риск.

— У него есть власть, ты — беззащитная студентка, получается, он совершает узаконенное изнасилование.

Ким покатила от смеха. Ван Клифф неожиданно посмотрел на нас, и я залился краской, так как подумал, что он мог услышать слово «изнасилование» и решить, что мы говорили о нём. «Нет, нет», — громко произнёс я, пытаясь его успокоить, но его взгляд говорил: «Вы что, совсем охренели, недоумки?»

Ван Клифф оторвался от нас и оглядел зал.

— Поскольку у Инги Клиндиннен хорошая репутация в культурологических кругах, мы можем использовать её подробное исследование культуры ацтеков и важнейшего для этой культуры ритуала человеческих жертвоприношений, которые, впрочем, практиковались и другими культурами. Как пишет один историк: «Человеческие жертвоприношения совершали ацтеки в Мексике, майя на Юкатане, инки в Перу, тупинамба и каэтес в Бразилии, гайанские аборигены и племена пауни и гурон в Северной Америке. В более развитых обществах, имевших городские поселения, например, у ацтеков и майя, жертву обычно приводили в главный храм, клали на алтарь, и жрец вырезал у неё сердце, которое предлагал богам. В менее развитых обществ-

вах Гайаны и Бразилии жертву либо забивали до смерти на улице, а затем расчленили, либо зажаривали над огнём... Жертвоприношение часто сопровождалось каннибализмом. В Теночтитлане (столица государства ацтеков) останки жертвы выносили из храма и раздавали простолюдинам, которые варили из них рагу. В Гайане и Бразилии части тел жертв жарили на вертеле, а затем поедали. Каэтес съедали экипажи всех португальских судов, терпевших крушение у побережья Бразилии. Как пишет американский антрополог Гарри Терни-Хай (Harry Turney-High), „во время одной из таких трапез они съели первого епископа Байи, двух канонников, прокуратора королевского казначейства Португалии, двух беременных женщин и нескольких детей“».

Потрясённые слушатели молчали. Ван Клиф продолжил выступление, и следующие полчаса все зачарованно слушали его, время от времени подавляя приступы тошноты.

— Многие культурологи, знакомые с этими фактами, обычно возражают, что Европа тоже была достаточно варварской. И это на сто процентов верно. Значит, правильно было бы сделать вывод, что произошло не покорение рая, а покорение одной группой дикарей другой группы дикарей. Но культурология не допускает такого толкования, поскольку считает все культуры, *за исключением* западной, сияющими примерами плюралистической гармонии, то есть раем, — Ван Клиф презрительно выплёвывал слова.

— И в этом раю творились невообразимые вещи. Один историк назвал государство ацтеков «кровавой авторитарной империей». Она занимала всю территорию современной центральной Мексики и держалась на военной силе и сборе дани. Жертвоприношения совершались раз в сезон, то есть четыре раза в год, а также по особым случаям. Примерно в течение полугода воины Теночтитлана совершали нападения на близлежащие поселения с целью захвата жертв. Предпочтение отдавалось воинам других племён, поскольку они были самыми важными членами своего общества, а значит, с их помощью было проще всего умиловить богов (один культуролог как-то умилялся *плюралистической доброте* ацтекских воинов: они сражались,

стараясь не убить противника), но нередко в жертву приносили рабов, женщин и детей. Хотя, по мнению некоторых исследователей, в результате жертвоприношений ежегодно погибало около 100 000 человек, более достоверные оценки говорят о нескольких тысячах жертв.

— Чаще всего жертвы приносили богу земли Тескатлипоке и мексиканскому племенному божеству, богу войны и солнца Уицилопочтли. «Жертвоприношения», — объясняет Клендиннен, — «должны были служить доказательством превосходства Мексики и её божества-покровителя: их демонстрация в государстве-театре силы наполняла благоговейным ужасом зрителей — мексиканцев и чужаков, среди которых непременно присутствовали правители других, более мелких, союзных и вражеских городов».

— Расправа над жертвами обычно производилась на вершинах величественных пирамид, построенных специально для этой цели. «Обычно жертву втаскивали по ступеням храма на платформу, но иногда жертва поднималась сама. Затем её заставляли распластаться на жертвенном камне. Жертву удерживали пять священников: четверо держали руки и ноги, один — голову. Поверхность камня была треугольной, что заставляло грудину жертвы изогнуться и приподняться. Затем главный жрец вонзал каменный нож под одно из рёбер жертвы, перерезал сердечную артерию, доставал сердце и протягивал его небу в знак подношения богам. Всё было в крови: она заливала жрецов, камень, платформу и ступени. Голову жертвы обычно отделяли от тела и насаживали на палку, а безжизненное тело сталкивали вниз, и оно скатывалось по ступеням пирамиды. Внизу тело расчленяли, а куски раздавали родственникам и друзьям захватившего жертву воина, которые готовили их и ели».

— В некоторых случаях тело свеживали. «Жрец надевал на себя содранную кожу мокрой стороной внутрь, так что мёртвые руки и ноги висели на уровне его предплечий и лодыжек, и в таком виде продолжал ритуал». Иногда в жертву приносили женщин, которых надзирательницы в течение нескольких дней до церемонии украшали цветами, постоянно напоминая о предстоящем расчленении. В ночь церемонии жертву клали на спину

священника и убивали. «Затем», — пишет Клендиннен, — «в темноте, тишине и спешке, её тело свежевали и обнажённый жрец, „очень мощный, сильный и высокий мужчина“, втискивался в её мокрую кожу с обвисшими грудями и сморщенными гениталиями, создававшую двухслойную, двуполоую наготу. Кожу с одного из бёдер оставляли для маски, которую надевал человек, изображавший Центеотля, юного бога кукурузы, сына Тоци».

— Подобные ритуалы были распространены не только у ацтеков и не только в Северной и Южной Америке — по свидетельству Джозефа Кэмпбелла (Joseph Campbell), подтверждённому Патриком Тирни, «бешенство жертвоприношений» охватывало большинство ранних империй, переживавших период расцвета — от Африки и Китая до Месопотамии и Европы. В сущности, мы не сильно погрешим против истины, если скажем, что человеческие жертвоприношения были распространены во всех садоводческих обществах, находившихся на мифической волне эволюции, которой соответствует ранний красный мем. Жертвоприношения хорошо справлялись с рядом важных для красного мема функций, и именно поэтому примерно за 10 000 лет до н. э. они начали распространяться повсеместно. Бесполезно применять сегодняшнюю мораль к событиям прошлого, и всё же не стоит считать эти дорациональные проявления примером прекрасного зелёного разнообразия, жестоко уничтоженного патриархальной рациональностью.

Жертвами становились не только чужаки, но и граждане низкого происхождения или рабы с территорий, подчинённых самому Теночтитлану, а иногда даже дети горожан. Детей приносили в жертву богу плодородия Тлалоку в первые месяцы ритуального календаря. В качестве жертвы жрецы выбирали детей от двух до семи лет с двойным вихром в волосах, рождённых в определённый день. Всех таких детей забирали из дома за несколько недель до церемонии и держали вместе в специальных яслях. Когда наступал день праздника, их наряжали в великолепные костюмы и группами

проводили по городу. Это печальное зрелище трогало зрителей до слёз. Дети, знавшие, что им предстоит, тоже рыдали.

— Жрецам нужны были слёзы, потому что они вызывали дождь. Детей с перерезанным горлом предлагали Тлалоку как «окровавленные цветки кукурузы».

— До сих пор речь шла об обычных, сезонных жертвоприношениях. Но в Мексике, помимо них, практиковались ещё и массовые церемониальные убийства в честь вступления на престол нового правителя, завершения постройки пирамиды или победы в крупной войне. В 1487 году, после неудавшегося бунта уастеков, ацтеки в течение четырёх дней принесли в жертву от 20 000 до 80 000 пленных, которые были согнаны в Теночтитлан. Клендиннен так описывает произошедшее: «Мужчины были скованы цепями, продетыми через проколы, которые имели в носу все воины. Женщинам и ещё не имевшим проколов детям для ограничения подвижности на шеи были надеты хомуты. Все стонали и причитали». Пленных вели к пирамидам: «четыре ряда страдающих людей, растянувшиеся на всю длину дороги для процессий и выстроенные вдоль мощёных путей, медленно двигались к пирамидам».

В голосе Ван Клифа снова послышалось презрение.

— Те немногие культурологи, у которых хватило честности признать эти обычаи, конечно же, попытались обвинить во всём вертикальные иерархии власти, навязанные бедным беспомощным людям. Но у Клендиннен мы видим совсем другую картину. «Простые люди были задействованы в наблюдении за жертвами, их подготовке, доставке к месту расправы, последующей скрупулёзной разделке трупов и раздаче голов, конечностей, мяса, крови и снятой кожи. В некоторых случаях в рамках ритуала войны, одетые в мокрую кожу пленённых ими людей, с наполненными кровью калекбасами, пробегали по улицам города, а жители приглашали их в свои дома. Мясо жертв варилось в кастрюлях, а их очищенные и высушенные бедренные кости устанавливались во дворах рядом с домами...»

Голос Ван Клифа стал сильнее и немного громче, его взгляд проникал в слушателей как лазер.

— Чем же должен быть одержим человек, чтобы считать всё это раем?

Продолжительное молчание.

— Разумеется, зелёным мемом.

Слушатели нарушили тишину равным количеством одобрительных и неодобрительных возгласов.

— У Уильяма Ирвина Томпсона (William Irwin Thompson), взхлёб восхваляющего мифических ацтеков, Тодорова, прославляющего их прекрасное «разнообразие», и Киркпатрика Сейла, утверждающего, что они жили в экологическом раю, есть одна общая черта: все они бездумно отдаются до-/пост-заблуждению, принимая доформальные условия за постформальную гармонию. Они и легионы их единомышленников используют разрушение этой «изначальной гармонии» как повод выразить своё великое и великолепное моральное негодование.

— Иными словами, бесчисленное количество авторов, писавших об ужасах современности и побуждаемых желанием бумерита продемонстрировать своё моральное превосходство, начало вкладывать во все досовременные явления неоправданно глубокий смысл. Можно не сомневаться: доконвенциональный рай оказался так привлекателен потому, что дал простор для нарциссизма — это тот рай, в котором я могу прославлять себя и открыть всему миру чудо собственного бытия. В общем, героическое самолюбование культурологии стало ещё более героическим.

Неожиданно Ван Клиф закончил, коротко кивнул слушателям, повернулся и гордым шагом ушёл со сцены.

— Расскажите нам об этих высших уровнях сознания, следующих за бирюзовым, — дружно умоляли мы Хэзелтон.

— Ну, кое-что я могу вам сказать. Эти уровни приобретают некое духовное звучание, — ответила она мягко и нежно.

Я до сих пор терял ориентацию, когда смотрел ей в глаза. В какой-то момент Каролина прошептала мне на ухо: «Кен, ты как-то накренился». Слушая Хэзелтон, я каждый медленно раз клонился вправо — взгляд в небеса, находившиеся на месте её глаз, лишал меня опоры.

— Да, но духовность уже позади, а не впереди, — заявил Катиш. Тогда как миллионы его соотечественников оплакивали потерю традиционных ценностей, Катиш, воспитанный индийской системой образования, позаимствовавшей у Запада взгляды постмодернистского марксизма, был счастлив оставить в прошлом весь этот жалкий опиум для народа.

— Дорогой Катиш, — мягко возразила Хэзелтон, — верить, что вся духовность осталась в нашем историческом прошлом, значит совершенно не отличать *дорациональную* магико-мифическую религию пурпурного и красного уровней, которая действительно была на подъёме в досовременном мире, от *пострациональной* религии бирюзового и более высоких уровней, которая, похоже, ждёт нас в нашем общем будущем. Видишь ли, милый, наши исследования говорят о том, что *пострациональная* религия у нас ещё впереди. Грустно, что так много людей путают до- и пост-рациональное, тебе не кажется?

Я закивал головой с таким энтузиазмом, который мне самому показался чрезмерным, и начал волноваться, не заметил ли этого кто-то ещё. Джонатан радостно улыбался всем сидящим за столом, его выражение лица говорило: «Ну что, поняли, идиоты?»

— На этой неделе на семинаре мы будем говорить о досовременных мифических обществах и тех зверствах, которые в них творились. Красный и синий — просто мастера выдумывать пытки! — рассмеялась она. — Но, похоже, что в некоторых из этих мифических обществ были люди, которые имели доступ к более высоким, пост-бирюзовым стадиям. Проблема в том, что бумеры ошибочно решили, будто эти стадии были характерны для

общества в целом. В досовременных магических и мифических культурах у очень, очень маленького количества людей — меньше, чем у 1% — был постоянный доступ к этим высшим духовным стадиям, но то, что удалось сделать этим людям, просто удивительно. Что касается остальных людей, они делали... в общем, не самые приятные вещи.

— Расскажите об этих высших стадиях! — уговаривали мы её, как дети. — Пост-бирюзовый, пост-бирюзовый, пост-бирюзовый! — проскандировали мы несколько раз и засмеялись.

— Ну, когда мы начинали проект «Сознание человека», то намеревались создать карту всех известных состояний, стадий, уровней, линий, мемов и волн сознания. Раскладывая все состояния сознания на очень большой сетке или карте, похожей на карту спирали ДНК, мы начали замечать кое-что странное: религиозные традиции, имеющие самый высокий статус в своей собственной культуре, такие как дзен-буддизм, веданта, рейнский мистицизм, суфизм и каббала, описывали одни и те же состояния сознания. Похоже, что все эти по-настоящему глубокие духовные традиции имели доступ к самым высоким уровням великой спирали развития. Они все имели доступ к уровням, находящимся над бирюзовым.

Она замолчала, посмотрела на каждого из нас, а потом из глубины голубого неба донеслись слова:

— И если это так, мы нашли карту дороги, ведущей к Богу.

Карла Фуэнтес упругим шагом вышла на сцену. Её живая улыбка служила скрытым противовесом следующей теме.

— Мне говорили, что в моих жилах течёт странная смесь испанской и ацтекской крови с небольшой примесью ирландской и капелькой хопи. Даже не спрашивайте, как это получилось.

Все рассмеялись.

— Но это не мешает мне видеть суровую правду. Поразительно, насколько были романтизированы, особенно благодаря писателям-бумерам, распространённые мифы о коренных американцах Северной, Центральной и Южной Америк, и насколько сильно от этих мифов отличаются взгляды учёных, раскрывающих перед нами более адекватную и реалистичную картину, подкреплённую, в отличие от мифов, массой доказательств. Очевидно, что одной из благородных задач романтических мифов было разрушение созданных более ранними мифами представлений о том, что все аборигены — просто дикари, ведь эти ранние мифы были так же вопиюще неверны, как и более поздние романтические. Но свою невероятную популярность в последние тридцать лет эти романтические мифы обрели по другой причине, верно, друзья? — зал замычал в знак согласия. — Вот именно. Эти мифы обрели такую широкую, неудержимую популярность, потому что идеально согласовывались с бумеритом и трагедией одарённого ребёнка, разыгранной на исторической сцене.

Постаревший голос [Джони Митчелл](#) (Joni Mitchell) скрипит и хрипит: «Мы должны вернуться в Сад!», а голая Хлоя раскачивается на ветвях огромного дуба в саду Эдема. «Они заасфальтировали рай и построили парковку!» — о боже, о господи, стук в моём мозгу не ослабевает, мои глаза вылезают из орбит, череп потеет. Когда же, наконец, прекратится эта боль?

— Видишь, всё дело в тирании. Тут я должна согласиться с бумерами, — говорит Хлоя.

— Почему ты с ними соглашаешься?

— Потому что из-за тирании ты дребезжишь.

— Послушай, я не дребезжу. Не дребезжу. Ты что, совсем не слушала? Помнишь, до-обыденность и пост-обыденность? По-моему, ты сейчас как раз скатываешься в до-обыденность.

— Но из-за тирании здравого смысла мы лишаемся самых интересных в жизни вещей.

— Каких, например?

— Ну, например, ты всё время пялишься на мою грудь, но совсем забыл об этой классной попке!

— Ух ты!

Я бросаюсь вперёд, чтобы схватить её, но в руках у меня оказывается мой сиамский близнец, и на этот раз моя опустошающая депрессия обращается ко мне напрямую: «Думаешь, твоё поколение действительно другое? Пост-рейв-техно-племенные тусовки, великие, прекрасные и незабываемые опенэйры, экстремально-анархические забавы, шаманархия в бегах, эколотека маячит тут и там, киберделические волны сметают всё на своём пути, технопляски и женороботы-лемминги, стремительное головоразрушение и органическая органархия, горячие_сестренки@андеграунд, техноплемена с их долгожданными, дьявольски усиленными веществами и простимулированными цифровой информацией, ощущениями? Какого чёрта ты делаешь? Ты действительно думаешь, что это возвращение в Эдем? Твоё поколение *хоть что-нибудь* изменило?» Я не могу дышать, на этот раз я действительно не могу дышать...

— С недавних пор начал распространяться более реалистичный взгляд на рай. Цитирую: «Расшифровка иероглифов майя — единственной системы письма, существовавшей в Новом Свете, произвела революцию в месоамериканских исследованиях. За тысячу лет до того, как ацтекская традиция жертвоприношений достигла своего кровавого рассвета, классическая культура майя уже разработала сложный ритуальный язык, содержащий глаголы, обозначающие такие действия как обезглавливание, вырывание сердца и сбрасывание вниз по ступеням пирамиды. Из этого следует шокирующий вывод: великие месоамериканские достижения в области

архитектуры, искусства, военного дела и астрономии были следствием помешательства на жертвоприношениях».

— Ни с одной другой цивилизацией не связано столько романтических легенд, сколько было придумано о майя. Все — от ортодоксальных учёных до последователей нью-эйджа — рассматривали майя как пример практически идеального общества. Все вокруг считали майя миролюбивым и глубоко духовным народом, который жил в гармонии с природой и обладал «недиссоциированным» сознанием или сознанием «единства», противопоставлявшимся «диссоциированному» или «расщеплённому» западному интеллекту, который, согласно распространённой оценке, «потерял связь с землёй и больше не способному с ней взаимодействовать». Утверждалось, что в обществе майя были повсеместно распространены вдохновенное искусство, архитектура и астрономия. Войны не существовало. Культура была эгалитарной, а общество основывалось на принципах взаимопомощи. Как с некоторым удивлением отметил один из ныне живущих учёных, «этот популярный взгляд на майя притягивал всех как увлекательная научная фантастика, и все с ним соглашались». Я уж не говорю о последователях нью-эйджа, считавших майя самой высокоразвитой и высокодуховной цивилизацией, когда либо существовавшей на Земле.

Над залом снова повисла гробовая тишина.

— Но после выхода нескольких книг, таких как «Кровь королей» Линды Шели (Linda Schele) из Университета Техаса и Мери Эллен Миллер (Mary Ellen Miller) из Йеля, стала вырисовываться более точная, правдоподобная и тревожная картина. «Во-первых», — заключает Майкл Коу (Michael Coe) из Йельского Университета, — «это были не мирные теократии, а соперничающие друг с другом и очень агрессивные города-государства, жизнь в которых вертелась вокруг постоянных войн и пленения важных противников, после долгих пыток и унижений подвергавшихся казни. Правители таких государств годами могли таскать за собой несчастного пленника в качестве трофея... Похоже, пленным приходилось играть в игру, единственным исходом которой для них было обезглавливание. Одержимость

жертвоприношениями создала ацтекам дурную славу, но они никогда не применяли к своим жертвам и сотой доли тех пыток и унижений, которые использовали в своих жертвоприношениях майя».

Фуэнтес посмотрела в зал.

— Шели и Миллер описывают изображённую на одном из рисунков майя сцену, дающую «ясное представление о том, как майя демонстрировали свою добычу и, празднуя победу над противником, пускали ей кровь. В левом дальнем углу рисунка изображена фигура человека, с поднятой рукой склонившегося над пленником — он то ли вырывает пленнику ногти, то ли отрезает пальцы. По руке пленника течёт кровь, а его впалые щеки могут свидетельствовать о том, что в ходе ритуала ему вырвали зубы. Из пальцев других жертв хлещет кровь, они смотрят на свои руки и жалобно стонут. Один пленник держится за палец и, кажется, умоляет о пощаде. Но жертвоприношение майя могло иметь только один исход. Пленник умирал, когда у него вырезали сердце, хотя, судя по ранам на теле, к тому моменту его мучители успевали вдоволь с ним позабавиться. По сравнению с этими пытками, быстрое и ловкое извлечение сердца, практиковавшееся ацтеками, можно считать проявлением милосердия».

— Господи, Ким, у меня такое ощущение, что они сами тайком проделывают всё это с аудиторией.

— Что именно? Вырезают сердца или милосердно вырезают сердца?

— Конечно же, просто вырезают. Если бы здесь были мои родители, они разнесли бы сцену.

— Забавно. Я ни разу не видела, чтобы на этой лекции кто-то злился — все просто сидят, как пришибленные, на своих стульях. Думаю, раньше эти факты были им неизвестны. В любом случае, всё это довольно круто, да?

— Наверно.

— Если говорить об экологической чувствительности, то сейчас уже ни для кого, кроме самых последних романтиков, не является секретом тот

факт, что майя занимались *милпа* или подсечно-огневым земледелием, распространённым у многих первобытных племён. Считается, что именно эта антиэкологическая практика стала одной из причин краха цивилизации майя.

— И совершенно случайно, — улыбнулась Фуэнтес, — у меня есть новости для всех присутствующих ньюэйджеров, считающих, что в 2012 году наступит конец света, предсказанный в календаре майя, одной из задач которого было определение точного времени ритуальных жертвоприношений (говорят, для этих же целей предназначался Стоунхендж, хотя, похоже, друиды в основном отталкивались от «непропорционального количества детей»). Шели и Миллер пишут: «Раньше считалось, что, согласно календарю майя, в день, соответствующий 23 декабря 2012 года, должно произойти уникальное событие, в результате которого исчезнут майя, а вместе с ними и весь мир. Эти представления ошибочны: календарь майя описывает события вплоть до 23 октября 4772 года». Похоже, мы все можем расслабиться!

— Это гармоническая конвергенция, милый, — повторяет мама, как будто я её не слышу.

— Гармоническая коверн... корвен...

— Конвер-генция. Конвергенция, милый. Соединение.

— Ооооо, давай соединимся, сладкий мальчик.

— Заткнись, Хлоя, — говорю я и, краснея, смотрю на маму, чтобы выяснить, слышала ли она слова Хлои.

— Все планеты выстроятся в ряд — об этом сказано в календаре майя. Начнётся эпоха Водолея! Все люди будут жить в мире и гармонии. Понимаешь?

— Я пытаюсь понять, мам, правда пытаюсь. Просто, знаешь, на нашей планете миллиард человек голодает, идёт семнадцать религиоз-

ных войн, Африка охвачена эпидемией СПИДа, экологические условия ухудшаются с бешеной скоростью, тропические леса исчезают быстрее, чем одежда на Мадонне, и так далее и тому подобное... Мне трудно представить, как со всем этим справится парад планет.

Мама смотрит на меня с бесконечной любовью.

— Ты настоящий сын своего отца.

— Если майя были любимцами бумеров-ньюэйджеров, — продолжила Фуэнтес, — то инки из Перу были любимцами бумеров-социалистов, искавших изначальный, заботливый коммунизм, который должна восстановить революция. Казалось, они нашли его у инков (конечно — они ведь знали, что искать). «Бытует мнение, что инки были самой мирной империей Америки. В большинстве учебников истории империя инков до сих пор описывается как социалистический рай, построенный вокруг безобидного и здорового культа солнца... Европейские интеллектуалы использовали империю инков как идеальную модель просвещённого социализма».

— И снова недавние исследования возвращают нас с небес в куда более неприглядную реальность. «В настоящее время учёные убеждены, что человеческие жертвоприношения играли важнейшую роль в установлении социальной, политической и экономической власти в огромной, гетерогенной империи инков, простиравшейся от Эквадора до Чили». Самыми ценными жертвами считались дети. «Избавившись от непригодных для жертвоприношения детей, верховный жрец инков обращался к оставшимся детям с рассказом о пользе, которую они как будущие жертвы принесут всей империи и себе самим. По окончании этой церемонии, дети в сопровождении матерей стройными рядами обходили статуи главных богов инков: Виракочи, солнца, бога грома и луны. Затем император инков приказывал жрецам: „Возьмите свою долю даров и подношений, отнесите её к высо-

чайшей *хуака*⁹⁴ в ваших землях и там принесите их в жертву...“ Инки использовали множество методов жертвоприношения, в том числе удушение, удушение гарротой⁹⁵, размозжение камнем шейных позвонков, вырывание сердца и погребение заживо».

— Всесторонне разработанные ритуалы человеческих жертвоприношений, очевидно, являлись частью системы политической эксплуатации и доминирования. Но дело было не только в этом. «Учёные лишь сейчас начинают понимать, насколько распространённой и разнообразной была практика жертвоприношений в Андах как до империи инков, так и во время её существования. Помимо стандартного ритуала *капакоча*, посвящённого солнцестоянию, во время которого в жертву приносили несколько тысяч детей», что, конечно же, говорит о глубокой связи с землёй и сменой времён года, «инки также жертвовали детей и молодых людей в случае засух, эпидемий, землетрясений, голода, войн, военных побед и поражений, ливней, гроз, схода лавин, сева, сбора урожая, выполнения сложных строительных проектов, смерти императора, вступления на престол нового императора, а также при появлении хороших и плохих знаков».

— **Знаки, знаки, козинаки! — говорит Хлоя. — Я готова немедленно пожертвовать себя тебе и принести своё лоно в дар твоему фаллосу. Ворвись же в меня отбойным молотком, большой мальчик, я знаю, ты это можешь! — Хлоя смотрит на меня с ухмылкой.**

— **Хлоя, почему у нас всё всегда вертится вокруг секса?**

— **Ну, это же твои фантазии, а не мои, сладкий мальчик, вот ты и скажи.**

⁹⁴ Пирамида (кечуа). — Прим. пер.

⁹⁵ Палка с петлёй или металлическим ошейником, при помощи которой палач удушает жертву. — Прим. пер.

— Да, ты права.

— Но ты ведь не думаешь, что мне нужен только секс?

— Ну... ээ... я... ээ...

— Да, Уилбер, ты дребезжишь за двоих.

— Ну и что тебе нужно, Хлоя?

— Я уже тебе говорила. Просто будь со мной, сладкий мальчик, просто будь со мной.

— Ладно, ладно, хорошо. Я обязательно так и сделаю, Хлоя.

— Я тебя люблю, сладкий мальчик.

— Я тебя тоже, Хлоя, я тебя тоже. Да точно, точно, сто процентов, только это и имеет значение, только это. Итак, значит, хм... ээ...

— Что «ээ»?

— Так значит, о чём ты там говорила? Что-то про лоно, фаллос и отбойный молоток...

— В Северной Америке человеческие жертвоприношения были распространены у племён херон и пауни. Но самые жестокие формы ритуальных жертвоприношений практиковали племена анасази, являвшиеся предками народов хопи, зуни и пуэбло. Подобно инкам или майя, анасази стали предметом утопических фантазий многих людей, особенно ньюэйджеров. «Традиционно считалось, что у анасази не было ни абсолютного правителя, ни даже правящего класса — все решения принимались на основании мнения большинства... В этом обществе не было бедных и богатых. Войны и насилие были редки или вообще неизвестны. Анасази представлялись высокодуховным народом, жившим в гармонии с природой». Представления ньюэйджеров были даже более романтическими. «Анасази завладели воображением далёких от археологии людей, среди которых было много последователей нью-эйджа, считавших себя духовными наследниками

анасази. Во время Гармонической конвергенции 1987 года тысячи людей собрались в каньоне Чако и, взявшись за руки, пели и молились. Деревни хопи, современных представителей народа пуэбло, наводнили толпы людей, искавших духовность за пределами западной цивилизации».

— Но публикация работы известного палеонтолога Тима Уайта (Tim White) «Доисторический каннибализм в Манкосе» («Prehistoric Cannibalism at Mancos 5MTUMR-2346») нанесла удар по этим представлениям. В работе приводились доказательства того, что «около 1100 года н. э. мужчин, женщин и детей зверски убивали и готовили для употребления в пищу. Проведя сравнительный анализ скелетных останков из этого района и останков других съеденных людей, автор обнаружил признаки свежевания, расчленения, термической обработки тела и порезов». Археолог Кент Фланнери (Kent Flannery) так комментирует результаты этого исследования: «Вокруг темы каннибализма всегда возникает множество споров, поскольку многие люди отказываются верить, что их исторические предки могли быть каннибалами. Однако этим людям нечего противопоставить детальным исследованиям». Несколько учёных отвергло выводы о каннибализме, но никто, включая самих хопи, не пытался отрицать ритуальные убийства и расчленение. Археологи уже давно говорят о сильном месоамериканском влиянии на анасази, а некоторые даже убеждены, что имела место миграция. Поэтому совсем не удивительно, что практики индейцев юго-запада Америки сходны с практиками ольмеков, тольтеков и ацтеков.

— У меня остаётся только один вопрос, — сказала Фуэнтес, — как туда занесло ирландцев?

И все рассмеялись, радуясь возможности избавиться от нарастающего, ноющего напряжения.

— Ты говорила, она была замужем пять раз? — шёпотом спросил я у Ким.

— Да, пять. Разве не круто? Она говорит, что не терпит, когда мужчина ведёт себя как дерьмо. И всё же она не останавливается. Это наводит на мысли...

— На какие мысли?

— Ну, Чарльз говорит, что она хочет отдать должное различиям между мужчинами и женщинами и доказать, что они «разные, но на равных». Но, похоже, ей сложно преобразовать эти убеждения в реальные чувства. Очевидно, она пытается быть хозяином в доме.

— А что в этом плохого? Ей просто нужно найти мужчину, который хочет быть хозяйкой.

Ким повернулась и посмотрела на меня.

— Господи, Уилбер, твои слова звучат почти разумно.

Но как бы ни вела себя Фуэнтес в отношениях, сложно было не поддаться очарованию её искрящейся энергии. Мало кто сомневался в силе интеллекта, скрывавшегося за обжигающей улыбкой. И всё же тема быстро заставила слушателей погрузиться в угрюмое, задумчивое молчание, к тому же Фуэнтес не слишком старалась быть деликатной.

— Что же касается экологической мудрости коренных североамериканцев, работа Шепарда Креча «Экологический индеец: миф и история» проливает свет истины на эту тему. Даже автор «Радикальной экологии и заботы о Земле» («Radical Ecology and Earthcare») Каролина Мерчант (Carolyn Merchant) признает, что «„Экологический индеец“ поражает, провоцирует и заставляет полностью пересмотреть образ мирного индейца, живущего в гармонии с природой... Это очень важная, своевременная и заставляющая задуматься книга». Доктор Уильям Стёртевант (William Sturtevant) из Смитсоновского института, составивший «Справочник по индейцам Северной Америки» («Handbook of North American Indians»), считает, что «эта подкреплённая обширными исследованиями работа разрушает стереотип пассивного экологического индейца, показывая, что в действительности индейцы активно взаимодействовали с природой, изменяя, эксплуатируя и приспособливая её для своих нужд». *Эксплуатируя*, понимаете? Хорошо.

Фуэнтес расхаживала по сцене.

— Кстати, друзья, а почему так много учёных в последнее время начало называть коренных американцев индейцами? Потому что опросы показали, что это слово предпочитают сами индейцы. Возможно, названия «коренные американцы» и «туземное население» помогают зелёным либералам наслаждаться своей добротой и чувствительностью, но давайте будем говорить «индейцы», раз самим индейцам так больше нравится.

— Итак, подведём итоги?

Ответом ей была тишина. Молчание, как мокрое покрывало, накрыло зал.

— Господи ты боже мой. Послушайте, вы, мешки с бобами. В целом всё просто и понятно. Так называемый американский рай (северный, центральный и южный) оказался сложной смесью прекрасных, изошрённых, духовных и, по сегодняшним стандартам, варварских и в высшей степени жестоких практик, *свойственных всем собирательским и садоводческим обществам*. В этих культурах большая дикость сочеталась с большой мудростью, к которой я вернусь чуть позже. Что же касается дикости, во избежание зелёных обвинений в расизме, этноцентризме и евроцентризме, от которых я всё равно никуда не денусь, мне остаётся только добавить, что я и сама писала обзоры истории садоводческих обществ всего мира и видела, как широко в них были распространены человеческие жертвоприношения и подсечно-огневая экология. Этой темой также занимались многие мои коллеги из ИЦ. В общем, я совершенно *не* пытаюсь убедить вас, будто американские аборигены делали что-то такое, чего не делали другие культуры. Я говорю, что все культуры равны в своём варварстве.

— Это не должно вас удивлять. На третьей лекции мы уже говорили о том, что, оказавшись во власти вышедшего из-под контроля красного мема, на такие дикости становятся способны даже *современные* «цивилизованные люди». Помните, Бека и Кована? Я ещё раз процитирую их слова. «Побеждённые в красной войне становятся рабами или трофеями. В качестве доказательства победы используются головы, скальпы и уши. Чтобы окончательно унижить убитого, победители уродуют его половые органы, тем самым лишая его возможности получать удовольствие и продолжать

свой род даже в загробном мире. Сообщается, что в 1990-х сербы насиловали боснийских женщин, чтобы увеличить численность своего народа и ослабить боснийское „семя“. Тутси и хуту в 1994 г. стремились полностью вырезать друг друга. Некоторые американские солдаты во Вьетнаме коллекционировали части тел убитых противников».

— Система магического дарообмена и кровавых человеческих жертвоприношений достигла своего рассвета в матриархальных садоводческих обществах, пришла в упадок в патриархальных аграрных обществах и была полностью запрещена в патриархальных индустриальных обществах.

Она подождала, пока её слова подействуют на слушателей, а потом сказала: «А вот и Лиза Пауэлл».

Джоан Хэзелтон оглядела всех сидящих за столом и повторила своё удивительное заявление:

— Если это так, мы нашли карту дороги, ведущей к Богу.

Нас окутала электрическая тишина.

— Бог существует не в прошлом — он существует в будущем. Спираль развития не отдаляется от Духа — она приближается к нему.

Над нами всё так же висела хрустальная тишина. Наконец заговорила Каролина.

— Тогда расскажите нам об этих более высоких уровнях сознания!

Мы все — кажется, даже Катиш — с легкомысленным энтузиазмом закивали головами.

— Помните слайды, которые я показывала на вводной лекции по спиральной динамике? Люди на бирюзовом уровне начинают говорить, что «Земля — это единый организм с единым умом или сознанием». Это своего рода космическая религия, вера в то, что вы едины со всей вселенной, вплетены в неё. И всё же, это просто *вера*, просто концепция. Но всё

меняется на следующем уровне, то есть, на нескольких следующих уровнях, которые мы называем постбирюзовыми или уровнями третьего порядка.

— В общем, на третьем порядке развития сознания идея о том, что вы едины с миром, становится *прямым переживанием*. Вы действительно можете испытать единение себя или своего «Я» со всей вселенной. Весь космос — это проявление живого Духа, и вы едины с этим Духом. Учёные называют это «космическим сознанием».

— Но это очень похоже на пурпурную магию, — заметил я.

— Если обращать внимание только на внешнюю сторону, может показаться, что это действительно так, и многие совершают эту ошибку. Но чтобы понять, что на самом деле стоит за системой убеждений, необходимо рассматривать её целиком. Пурпурный кажется холистическим, но в действительности он очень фрагментарен. Он даже не особо-то и экологичен. Вспомните, что говорил Клэр Грейвз: «они давали название каждому изгибу реки, но не самой реке».

Я посмотрел на Каролину — она грустно улыбнулась.

— Но самое большое отличие заключается в том, что хотя, возможно, пурпурное или племенное сознание и было «недиссоциировано» от окружающих его природных условий, оно было всецело *диссоциировано*, или отчуждено, от других людей. Племенное сознание не способно войти в положение члена другого племени, оно не может преодолеть этноцентрические и мирозцентрические уровни — в действительности, оно, как правило, эгоцентрично. Именно поэтому человеческая жестокость — это воскрешение пурпурного и красного племенного сознания.

— Но на бирюзовом уровне второго порядка у вас уже есть зрелое *мирозцентрическое*, постконвенциональное сознание. Вы можете пережить единение не только с окружающими вас неодушевлёнными объектами, но и со всеми людьми, и даже со всеми живыми существами. Так что бирюзовый расчищает путь для великого скачка на третий порядок, для скачка к

духовному просветлению, к осознанию Духа и *прямому проживанию* единения с ним, а значит, и со всеми его проявлениями.

— Значит, третий порядок ждёт нас в нашем общем будущем. Он наше *будущее*.

— Да. Но помните, что любой человек может, развиваясь самостоятельно, пройти через все уровни спектра сознания — так было прежде, так остаётся и поныне. Вы можете сделать это прямо сейчас! Именно это сделали все великие герои и героини прошлого: они выросли до третьего порядка и единства с Духом. Кроме того, мы видим, что всё общество постепенно эволюционирует. Центр притяжения медленно сдвигается вверх.

— Прямо как на фондовой бирже, — сказал Джонатан. — Большие доходы сменяются кризисами, и всё же происходит постоянный рост.

— Мы называем такое вертикальное скольжение Эросом, — улыбнулась Хэзелтон.

— Но если третий порядок — это предельное состояние сознания и единение со всем, тогда почему второй порядок называется «интегральным»? — спросил Стюарт. — Ведь это третий порядок *по-настоящему* интегральный.

— Да, но это всего лишь вопрос степени интегральности. Каждая стадия превосходит и включает все предшествующие. Поэтому зелёный более интегральный, чем оранжевый, который более интегральный, чем синий, и так далее. Второй порядок более интегральный, чем первый порядок, ну а третий порядок — это по-настоящему интегральная волна.

— Значит, выше ничего нет? Третий порядок — это самое высокое состояние сознания?

— Насколько нам известно, да.

— Тогда у меня вопрос, — решительно сказал я, — третий порядок — это и есть точка Омега? Конечная цель всего творения — это просветление?

— Ты говоришь как Тейяр де Шарден, — ответила она.

— Вообще-то, Тейяр де Шарден позаимствовал эту идею у Ауробиндо, — вставил Джонатан.

— А Ауробиндо, вообще-то, позаимствовал её у Шеллинга, но что это меняет? — ответила Хэзелтон.

— Так значит, третий порядок — это точка Омега? — повторил я свой вопрос с той же решительностью.

— Насколько нам известно, нет ничего выше третьего порядка. Но нам неизвестно, действительно ли третий порядок станет точкой Омега. Я поясню: вспомните, хотя мы и живём в обществе, где все люди эволюционировали до третьего порядка, родившись, человек всё равно начинает с нуля, с бежевого уровня, — именно оттуда ему приходится подниматься вверх по спирали развития. И на любом уровне спирали могут случиться какие-нибудь неприятности. То же самое происходит сейчас: мы живём в обществе с центром притяжения на оранжевом уровне. Но это не значит, что все в нашей стране находятся на оранжевом уровне. Поэтому мы не можем точно сказать, какой будет культура с центром притяжения на третьем порядке — ясно только то, что в очень, очень многих отношениях ситуация улучшится, хотя в других она может ухудшиться. Сейчас мы не можем об этом судить.

Она надолго замолчала.

— Но есть одна теория, — все в комнате затаили дыхание, — кое-кто считает, что даже если небольшой процент, даже 1% населения достигнет третьего порядка, эти люди станут гигантским магнитом, который потянет вверх всех остальных.

— Ребята, ни у кого случайно нет с собой маленькой сотой обезьянки? — проворчал Джонатан.

— Поверь, нас тоже поначалу это беспокоило! — рассмеялась Хэзелтон. — И мы из кожи вон лезли, чтобы избежать такого мышления. Но факт остаётся фактом: существует вполне реальная возможность того, что даже если небольшой процент населения доберётся до третьего порядка, это

действительно послужит точкой Омега, которая заставит всех остальных людей устремиться к окончательному просветлению, к космическому сознанию.

— Скажите, доктор Хэзелтон... — начал я.

— Просто Джоан, хорошо, золотце?

— Просто золотце хорошо да. Конечно, так и есть. Значит, скажем так, просто золотце, это есть или эти есть?

— Позвольте мне перевести, — ухмыльнулся Джонатан.

— Нет, я и мы есть в порядке. Дело вот в чём, — я откашлялся, — что будет, если кремниевые формы жизни доберутся до третьего порядка? Могут ли кремниевые формы жизни сыграть роль точки Омега?

Она надолго задумалась.

— Почему бы и нет, дорогой?

Слайд №3: «Под тротуаром находится пляж».

Лиза Пауэлл, как обычно, начала ровно с того, на чём закончилось предыдущее выступление.

— Если мы заиклимся на убеждении, что рациональность способна только подавлять, дискриминировать и калечить, а *всё* нерациональное — это плюралистический рай, то от нас ускользнёт чёткое понимание, в какую сторону от рациональности нужно идти, чтобы достичь «рая».

— Существует два основных взгляда на то, что такое человеческое зло и как его можно преодолеть: модель *возвращения к добродетели* и модель *достижения добродетели*. Обе эти модели содержат важные истины, но ретро-романтическое настроение бумерита заставило его слепо и категорично выбрать первую модель, что привело к самым печальным последствиям.

— Уже из названия «возвращение к добродетели» можно понять, что эта модель предполагает наличие первобытного рая, в котором начинают своё существование — как онтогенетическое, так и филогенетическое — все мужчины и женщины и который затем разрушается насилием общества, эгоистической рациональностью, аналитической и классифицирующей ньютоно-картезианской парадигмой, патриархальными означающими и некоторыми другими, якобы деструктивными силами. Первичная добродетель была подавлена, и на смену ей пришло человеческое зло. Значит, мы должны вернуться в этот рай уже будучи взрослыми.

— Модель достижения добродетели говорит об обратном. Мужчины и женщины рождаются на эгоцентрических, доконвенциональных стадиях, которые могут показаться «свободными» и «спонтанными», хотя на самом деле подразумевают неспособность принимать на себя роль другого, а значит, проявлять подлинную заботу и участие. Человек растёт и развивается в рамках эгоцентрических стадий, пока не достигает этноцентрических стадий, а затем и мироцентрических, на которых появляются настоящий плюрализм и постконвенциональная свобода. Следовательно, мужчины и женщины рождаются не то чтобы злыми, но уж точно не способными на постконвенциональную любовь и сострадание. Однако они могут развивать и стремиться к добродетели.

— Исследования психологов показали, что обе эти точки зрения отчасти верны. Модель достижения добродетели даёт верные представления об общем ходе процесса, поскольку развитие действительно идёт от доконвенциональных и конвенциональных уровней к постконвенциональным. Но иногда потенциальные возможности *этих стадий* уमाляются, отрицаются и зарываются в землю. Поэтому, если безжалостно подавлять малыша Джонни в процессе его роста и взросления, под ударом окажется не постконвенциональная свобода, *которая ещё не успела возникнуть*, а здоровые версии доконвенциональных мемов, бежевые, пурпурные и красные качества, такие как жизненная сила, либидо, сексуальность, агрессия, богатство чувственных ощущений и т.д. В этом случае, чтобы

вернуть доконвенциональные (но не постконвенциональные) упущенные возможности детства и подружиться с ними, необходима «регрессия на благо эго».

— Но привязанный к ретро-романтическому раю бумерит практически не признаёт модель достижения добродетели. Он просто пытается воссоздать «Эдем», столь жестоко разрушенный современной патриархальной рациональностью (утверждается, что воссоздаваемая версия должна быть «зрелой формой более высокого уровня», хотя до сих пор не было дано непротиворечивых объяснений того, как такое возможно). Но благодаря историческим исследованиям, уточнившим картину рая, можно надеяться, что эти взгляды будут вскоре заменены более реалистичными.

Я посмотрел на Каролину — кажется, она в порядке. Катиш был мертвенно бледен, но эта бледность могла означать что угодно. Бет внимательно слушала и, похоже, в основном соглашалась с услышанным, но конспекты, которые она так яростно строчила, были полны критических замечаний.

— *Вернуться к Единому не значит путешествовать назад во времени: это значит открыть Вневременное,* — говорит голос в моей голове.

— Что? Я не понимаю.

— *Можешь ли ты указать мне на Бессмертного, присутствующего прямо здесь и сейчас, слышащего этот голос, понимающего данную речь, глядящего на мир твоими глазами? Можешь ли ты указать мне на вневременного Единого, присутствующего прямо здесь и сейчас?*

— Вы со мной разговариваете?

— Именно такую более реалистическую оценку досовременного «рая» дал Мишель Фуко. После того, как с благословения самого Фуко его ранние работы использовали для отрицания практически любых аспектов современности (эгоической рациональности, оранжевого мема, эпохи Просвеще-

ния), Фуко, как широко известно, отрёкся от значительной части своих ранних работ. В действительности он даже осмеял их, вкупе с их наиболее радикальными поклонниками. Ранние труды Фуко интерпретировались следующим образом: будто бы все современные социальные институты — психиатрические лечебницы, тюрьмы, больницы и школы — основаны на *угнетении* и являются всего лишь структурами власти, уничтожившими «изначальную добродетель» и человеческую свободу.

— В конечном счёте, Фуко удалось избавиться от подобных наивных представлений о возвращении к добродетели. Идею о том, что «под тротуаром находится пляж», он отверг как смехотворную, ведь, во-первых, она противоречила его собственным историческим исследованиям, а во-вторых, он взял на вооружение усовершенствованную теорию человеческого развития.

На Пауэлл снова накатил волна горячего интеллектуально-аналитического бешенства, и я практически перестал её понимать. Но сделанный ею вывод мне удалось уловить:

— Итак, я процитирую слова французских историков Гоше и Суэйна (Gauchet and Swain): «Динамика современности не обязательно направлена на *исключение непохожего (другого)*, хотя Фуко и говорит об обратном. Логика современных обществ — это, по выражению Токвиля (Tocqueville), логика *интеграции*, основанная на предположении об изначальном равенстве людей... *Современная история — это история интеграции, а не отторжения*». Короче говоря, на самом деле произошло то, что модернизм ознаменовал переход от этноцентризма к мироцентризму.

— **Вот видишь! Они спутали регрессию к до-обыденности со свободой пост-обыденности! Вот видишь, Хлоя! Я знал! Я знал!**

— Ну, сладкий мальчик, теперь, коль скоро ты это понял, ничто не мешает тебе засунуть свой член мне в рот.

Проходит секунда, вторая, третья, четвёртая.

— Ты чертовски права, Хлоя. И очень проницательна.

— Поэтому в итоге Фуко в большинстве своём отрёкся от модели возвращения к добродетели и взгляда, будто «под тротуаром находится пляж». Ферри и Рено рассказывают об одном широко известном факте: «В 1977 году в одном из интервью Фуко поставил под сомнение истинность тех своих выводов, на основании которых интеллектуальная мода 1968-го создала своего рода Вульгату (Библию по Фуко), посвящённую разрушению механизмов власти (приютов, тюрем, школ и т. д.)» и обнаружению «изначальной добродетели», которую эта власть зарыла в землю. Фуко назвал эти идеи частью *левой догматики*, «рефреном антиугнетательской песни», в которой пелось, что «сняв слой власти, мы увидим вещи в их первозданном блеске» — короче говоря, что под тротуаром находится пляж. Но теперь мы знаем, что под современным тротуаром находится всего лишь досовременный тротуар, часто ещё менее привлекательный и уж точно не постконвенциональный.

— В общем, всё очень просто, — сказала Пауэлл. — Что находится под оранжевым тротуаром Просвещения? Синий тротуар. Что под синим тротуаром? Красный тротуар. Что под красным? Пурпурный. Под пурпурным? Бежевый. Под бежевым? Обезьяны. Где же в таком случае рай? Чтобы найти его, нужно двигаться *в противоположную сторону*: к постконвенциональному второму порядку и интегральной добродетели.

И даже дальше! Теперь я знал, что со второго порядка должен произойти скачок на третий порядок, в точку Омега! Конечно, если человечество сможет добраться хотя бы до второго порядка и не самоуничтожится завтра после обеда. Эта зловещая возможность стала моим навязчивым страхом, заполонила мои дни, вторглась в мои сны, заставила дрожать мои дендриты, не позволяла мне идти на контакт с другими людьми, а если такой всё же происходил, обрывала контакт на полуслове, так что все вокруг озадаченно смотрели на меня. Но теперь я был убеждён, что Лиза Пауэлл права и что

изначальную добродетель бесполезно искать в прошлом — ей ещё только предстоит родиться, если человечеству не придёт конец...

Пауэлл вернулась к тому, с чего начала.

— В конце концов, Фуко начал высмеивать идею возвращения к добродетели. Как он сам не без иронии заметил: «За стенами приюта — спонтанность безумия, вне пенитенциарной системы — буйство преступлений, под сексуальными табу — свежесть страсти», — и люди часто заблуждаются, думая, что нам следует вернуться к «простым „ура“ (да здравствует безумие! да здравствуют преступления! да здравствует секс!)» — их убеждение основано на вере, что «власть плохая, уродливая, бедная, стерильная, монотонная, мёртвая», а всё, «что контролирует эта власть — хорошее, возвышенное, богатое», то есть это и есть те самые «ура» возвращённой добродетели.

— Фуко понял опасность регрессии — попытки обнаружить пляж под тротуаром, а если его там не будет, искусственно выдумать его наличие. Сам Фуко так описал ситуацию: «По-моему, широко распространилась легкомысленная тенденция (с которой всем нам следует бороться) называть главным врагом то, что появилось совсем недавно, в частности, модернизм, как будто он всегда являлся основной формой угнетения, от которой все мы непременно должны освободиться. Сейчас у этой простой точки зрения появилось несколько опасных следствий: во-первых, намерение отыскать некие дешёвые архаические, воображаемые формы счастья, которыми в действительности люди никогда не обладали... Эта ненависть к настоящему порождает опасную тенденцию взывать к исключительно мифическому прошлому».

— И бумерит как раз собирался создать это исключительно мифическое прошлое.

В ту ночь, когда все отправились по домам, я остался у Хэзелтон. Уходя, Джонатан поднял брови и беззвучно произнёс: «О-ля-ля».

— Вы действительно верите, что существует третий порядок, Дух или Бог, которого мы можем познать напрямую? — спросил я.

— Я в этом уверена, — ответила Хэзелтон, в упор глядя на меня.

Я потянулся, чтобы поцеловать её, но она оказалась на несколько дюймов левее, чем я ожидал, так что мне пришлось запечатлеть свой нервный поцелуй на картине Рембо, висящей на стене. Хэзелтон истерически расхохоталась.

— Ээ... Ваши губы холоднее, чем я себе представлял.

— Иди домой, дорогой.

— Но...

— Никогда не знаешь, что ждёт тебя завтра.

Марк Джефферсон вышел на сцену под громкие аплодисменты. Он и в самом деле был примечательным персонажем. Как и большинству людей из ИЦ, ему было пятьдесят с небольшим. Высокий рост, атлетическое тело, коротко остриженные чёрные волосы с белой «галочкой» седины на левом виске, похожей на логотип «Nike» и как будто говорящей о том, что он всегда несётся вперёд. И всё же, несмотря на то, что физическое присутствие Марка было почти пугающим, внутри него было скрыто деликатное миролюбие, казалось, защищавшее его от неприятных и уродливых проявлений жизни.

Слайд №5: «Никаких фактов — только интерпретации».

— Одна из причин, по которой пишущие культурологи уделяют сравнительно мало внимания фактам и доказательствам, заключается в том, что, с точки зрения крайнего постмодернизма, фактов не существует: есть только интерпретации.

— И что же из этого следует? А то, что любое знание, включая естественнонаучное, объявляется *социальным конструктом*, а все «факты» — *интерпретациями*, выбираемыми в соответствии с культурной программой

или идеологией. Факты не *узнают*, а *изобретают* и *навязывают* другим, исходя их расистских, сексистских, евроцентристских, логоцентристских, патриархальных и других интересов. Поэтому историки культуры в основном опираются не на факты, а на объяснение истории в соответствии с используемой теорией интерпретации. Например, если мы «знаем», что универсальная рациональность — это источник власти и угнетения, а под тротуаром угнетения лежит чистый, нетронутый пляж, значит, мы можем быть уверены, что Мексика была раем, и просто написать историю завоевания рая, продемонстрировав силу нового исторического подхода и не утруждая себя исследованием фактов.

— Обнаружив очень важную истину, авторы-постмодернисты, как обычно, довели её до абсурда. Вне всякого сомнения, интерпретация является неизменным компонентом любого вида знания, но это вовсе не означает, что у знания нет объективных компонентов. Тем не менее, крайний постмодернизм продолжает настаивать, что объективной реальности не существует — есть только интерпретации и конструкторы. Но, как отмечает Тодд Гитлин (Todd Gitlin), «люди, обеспокоенные тем, что индустриальная цивилизация под управлением мужских империалистических эго уничтожает мир, создавая глобальное потепление, радостно размахивают оценками учёных, которые, очевидно, на сто процентов уверены, что исследуемые ими объекты существуют в реальности, а не являются всего лишь „конструкторами“ империалистических эго». И «даже если женщина отчаянно критикует „мужскую“ науку и не верит в картезианское противопоставление сознания и тела, она не встанет на пути приближающегося автобуса». Иными словами, смерть под колёсами автобуса — это объективная истина, не зависящая от интерпретации, так что даже люди, утверждающие, будто существуют только интерпретации, *сами этому не верят*. Да уж, человеческое лицемерие и впрямь безгранично.

Слушатели завертелись и заёрзали на стульях. Ким наклонилась ко мне.

— Марку прощают такие заявления, которые не сошли бы с рук никому другому.

— Потому что он чёрный?

— Может быть. А может, и нет. Дело скорее... не знаю, как сказать... в его энергии что ли.

— А-а.

— Как мы уже говорили, алмаз режет стекло вне зависимости от того, какие слова мы используем для обозначения «алмаза», «стекла» и «процесса резки» и в какой культуре это происходит. Значит, не *всякое* знание относительно. Хотя, конечно, *оценка стоимости и красоты* алмаза зачастую зависит от культуры и является относительной и неоднозначной. Из этого можно сделать справедливый вывод, что знание состоит по крайней мере из двух компонентов: из объективного факта или события и интерпретации или оценки, которую мы ему даём.

— То, что эти два компонента — объективный и толковательный — всегда существуют неразрывно, отнюдь не означает, будто все факты — это исключительно интерпретации. Поэтому даже новые историки, настаивающие на относительности знания, соглашаются с тем, что человек по имени Колумб покинул Испанию в год, который мы называем 1492, и совершил плавание к тому месту, которое мы сейчас называем Америкой. Эти события или факты *не вызывают сомнения* ни у кого, даже у культурологов. Однако *интерпретация* этих событий — уже совсем другой вопрос, и культурологи совершенно правы, утверждая, что интерпретации *всегда* отражают какие-то интересы: личные, культурные, социальные, империалистические и т. д.

— Но культурологи и историки новой волны сами создают себе неприятности, когда, отказавшись признавать *неразрывность* факта и интерпретации, начинают говорить, что фактов *не существует*, то есть полностью отрицать существование простых фактов и событий. Как мы уже видели, с точки зрения крайнего постмодернизма, культурные интерпретации *создают* или *изобретают* все факты, откуда следует, что между наукой и поэзией, фактом и вымыслом, историей и мифом нет существенной

разницы. Любимое занятие сторонников крайнего постмодернизма — это отрицание наличия сколь бы то ни было серьёзных различий между наукой и поэзией или фактом и вымыслом. Говард Фельперин (Howard Felperin) так формулирует это распространённое среди постмодернистов мнение: «Сама наука начинает понимать, что её методы не более объективны, чем методы искусства».

— А теперь Джефферсон нанесёт смертельный удар, — с удовольствием произнесла Ким.

— Ким, почему ты говоришь обо всём происходящем как о войне? — спросил я.

— Ой, я слышу недовольный голосок чьего-то маленького зелёного «я», — ответила Ким с сарказмом. — Ну ладно, ладно. Иногда я вхожу в боевой режим первого порядка, понятно? Но ты, Уилбер, сам ничуть не лучше: тебя постоянно заклинивает на этом отвратительном зелёном «давайте все будем друзьями». Так что, приятель, мы оба застряли на первом порядке.

— Супер.

— Дарла ушла навсегда. Это был конец: она сказала, что возвращается к Биллу. Я повесил трубку и вскочил с места, одержимый желанием поскорее убежать из дома родителей в такое место, где никто меня не увидит и не услышит. Я сел на велосипед и поехал. Я ехал и плакал, крутил педали так быстро, как только мог, пытаясь удрать как можно дальше. Я ехал и плакал, крутил педали и всхлипывал. Мои чувства бурлили всё яростнее, моё незащищённое перед окружающим миром тело тряслось. Я просто распадался на части, неконтролируемо рыдал, совершенно и полностью разваливался.

— Но сквозь все эти ощущения отчётливо проступало и набирало силу то, что я могу назвать лишь Любовью — чистой неолицетворённой Любовью, наполнявшей и оживлявшей всё вокруг меня. Она была так велика, что мне сложно было терпеть её и хотелось убежать. Всё вокруг — асфальт, деревья,

велосипед, моя собственная дрожащая грудь, мои собственные слёзы, небо — излучало эту любовь. Всё ожило благодаря божественному присутствию, близость которого была мне невыносима.

История Стюарта пригвоздила нас к стульям, и не только потому, что всё, о чем он говорил, так сильно волновало его, а скорее, потому, что всё это было так непохоже на Стюарта, называвшего себя «постапокалиптическим панк-фолк певцом Поколения Иск», брутальным обличителем и летописцем бесчисленных грехов и непомерной мерзости человека. Как позже скажет Хлоя, «старина малыш Стю — последний человек, от которого ожидаешь рассказа о религиозном опыте во время поездки на велосипеде». Но старина малыш Стю, наш дорогой друг Стюарт действительно наткнулся на что-то напоминающее Бога.

Вообще-то, это было похоже на космическое сознание. Вероятно, Стюарт мимоходом познакомился с третьим порядком. Все, кто был в тот вечер у Хэзелтон, подозревали об этом... и поэтому слушали ещё внимательней.

— Внезапно стало совершенно ясно, что во все времена и даже до начала времени существовала эта непреходящая, вечная Любовь, и что моя жизнь и всё, что я называл «реальным», есть лишь унылый картонный сон, иллюзия внутри Реальности. Я увидел, что хотя каждую секунду моей жизни меня омывало это совершенное сияние, эта полная и безусловная Любовь, до сих пор я был спящим зомби. Это была экстатическая близость, слишком сильная, чтобы её терпеть. Я снова и снова пытался собраться, убежать, отгородиться, отвернуться от неё, но я не мог, ведь стоило мне посмотреть в другую сторону, эта Сила уже была там, совсем рядом со мной, внутри меня — она смотрела из меня через мои глаза и на меня из машин, деревьев и моих рук. Её волны уничтожали меня. Моя грудь поднималась и опускалась, я рыдал и ничего не мог делать. Я не мог думать, не мог молиться — не было ничего, кроме этой абсолютной Силы любви.

— Я уже не вспоминал о Дарле, но эта Сила была... есть повсюду. Я до сих пор не знаю, как всё это объяснить. — Стюарт покачал головой, затем

неожиданно произнёс, — Но всё, что произошло дальше, было ещё более странно.

— Никаких фактов — только интерпретации, между наукой и поэзией нет разницы, мы не открываем историю, мы изобретаем её. — Джефферсон легко рассмеялся, вышел в центр сцены.

— В подтверждение этих глупостей икона культурологии профессор Грег Денинг (Greg Dening) пишет книгу «Ругательства мистера Блая: страсть, сила и театр на „Баунти“». Будучи историком культуры, Денинг совершенно беззастенчиво объявляет всю *историю вымыслом*: «Я всегда говорю своим студентам, что мы не изучаем историю — мы создаём её... Я хочу убедить их, что любая история, которую они создадут, будет вымыслом — не фантазией, а именно вымыслом — чем-то сконструированным с определённой целью».

— История сводится к вымыслу, наука сводится к поэзии, все факты сводятся к интерпретациям... Господи боже, *да как мы вообще до такого дошли?*

— **Я дошла до этого, потому что бумеры пожирают своих отпрысков, — говорит Хлоя.**

— **Хлоя, а что это вообще означает? И почему ты всё время это повторяешь? Вообще-то, это звучит довольно бессмысленно.**

— **Конечно, звучит, сладкий мальчик. А означает это то, что, как говорит Джефферсон, миром правят эго бумеров, и вполне естественно, что они пытаются скрыть факты, заменив их описанием собственной версии мира.**

— **Думаю, ты к ним слишком сурова.**

— **Ну, это же Джефферсон сказал, а не я.**

— Он сказал, что есть хорошие новости и плохие новости, а ты говоришь только о плохих.

— Ладно, вот тебе хорошие новости, — говорит Хлоя, быстро снимает одежду и начинает тереться своим голым телом о моё тело. Она трётся, трётся и трётся, и моё тело начинает наполняться блаженством.

— Хлоя, — говорю я и смотрю ей в глаза, но вместо Хлои на меня смотрит Джоан Хэзелтон.

— Ничего себе! — выкрикнул я вслух, и все в зале засмеялись. Джефферсон оглядел аудиторию, чтобы понять, какой идиот поднял шум.

— Ничего страшного, — сказал он, — я помню, каково это первый раз в жизни попробовать пиво.

— Ну что, вернёмся к нашим баранам? Как мы дошли до такого жуткого редукционизма? Отчасти, он возник как противовес доминирующей точке зрения модернизма, что существуют *только* факты, что позитивизм — единственно верный подход к знанию и что победа будет за научным материализмом. Кроме того, вниманием к интерпретации мы в известной степени обязаны, во-первых, традиции герменевтики и её последователям от Дильтея до Гадамера, утверждавшим, что смысл — это самодостаточное явление, которое нельзя полностью свести к фактам, а во-вторых, последним открытиям структурализма, наглядно продемонстрировавшим, что смыслы, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни, формируются обширными языковыми системами — об этом говорил Соссюр, и вы сами вчера могли в этом убедиться на примере слова «лук». И наконец, внимание к интерпретации возросло благодаря важным работам Ницше и Хайдеггера, в которых подчёркивалось, что факты всегда встроены в культурный контекст и зависят от чьих-то интересов.

— Но существовала *ещё одна* сила, невероятно *радикализировавшая* все эти важные идеи: факты не окружены интерпретациями — фактов просто

нет, и точка. Ферри и Рено точно знают, что это была за сила: это был *нарциссизм*. «Факты» ограничивают моё эго, значит «факты» должны уйти.

— Так считают не только Ферри и Рено. К похожему выводу, хотя и другими путями, приходит Раймон Арон (Raymond Aron) в своей книге «Ускользающая революция: анатомия студенческого бунта» («The Elusive Revolution: Anatomy of a Student Revolt»), о которой упоминают сами Ферри и Рено. Арон, считавшийся «богом среди интеллектуалов шестидесятых», писал: «в послевоенное время Сартр лишился своего влияния — его место заняли Леви-Стросс, Фуко, Альтюссер и Лакан» — структуралисты, вскоре уступившие место постструктуралистам, о которых мы поговорим чуть позже. Вам ведь интересно, да?

Джефферсон оторвался от записей, улыбнулся, затем быстро посмотрел обратно и продолжил, как будто пытаюсь поскорее продрасться через чащу теории к более понятным выводам и успокоить студентов, которым приходилось думать.

— Ферри и Рено говорят об огромном влиянии теоретиков постструктурализма: «Париж с радостью воспринял формулировку „*фактов не существует*“, в результате чего была *разрушена* разумная вера в ограничение общества фактами», то есть в то, что в мире существует множество объективных реалий, которые необходимо принимать во внимание (необходимо, например, уйти с пути приближающегося автобуса). Но именно «вследствие *исчезновения фактов*, а значит, и *ограничений, налагаемых фактами*, постепенно начала распространяться идея о том, что можно доказать справедливость любого утверждения и нет необходимости устанавливать какие бы то ни было нормы в игре желания». В общем, если на пути эгоистического желания вставали факты, эти факты должны были быть деконструированы, ведь «никто не вправе указывать, что мне делать!»

— Можешь указывать, что мне делать, когда захочешь, большой мальчик, — говорит Хлоя, и её соблазнительная улыбка светится над её голой грудью.

— Не сейчас, Хлоя, мне нужно кое-что спросить у мамы.

Я поворачиваюсь к маме, совсем не удивляясь её присутствию рядом с голой Хлоей. К счастью, мама одета.

— У тебя очень красивая грудь, девочка.

— Мам, пожалуйста, посмотри на меня. Мам, что ты хочешь от жизни? Только серьёзно. В смысле, в жизни ведь должно быть что-то поважнее вытирания пыли?

— Вытирать пыль очень важно, моё милое дитя, — отвечает мама.

— Но зачем? Как говорит Квентин Крисп⁹⁶, главное потерпеть первые четыре года — потом грязнее уже не будет.

Мама равнодушно смотрит на меня.

— В общем, мам, расслабься, ладно? Знаешь старую шутку: невротики строят воздушные замки, психотики в них живут, а ты приходишь туда убираться.

Мама откладывает веничек для пыли и терпеливо объясняет.

— Я занимаюсь не только этим, сын. Я создала десяток организаций, направленных на обучение трансформации, глобальной дружбе, всемирному сотрудничеству, совместному исследованию и сознательному диалогу. У меня два высших образования, я преподаю йогу, я вырастила замечательного сына и выжила в браке с совершенно запутавшимся мужем. Я сама несу ответственность за свои оргазмы, — я густо покраснел, — и определяю себя не только через отношения, но и

⁹⁶ Квентин Крисп (Quentin Crisp, 1908–1999 гг.) — английский писатель и гей-икона. — Прим. пер.

через собственную автономность. — Она удовлетворённо замолчала и снова взяла веничек. — И ещё я убираюсь.

— Но мама, чего ты *хочешь*?

— Я хочу, чтобы мир был одинаково хорош для всех, — не раздумывая ответила она, — чтобы в мире установилось равенство, справедливость, сострадание. Чтобы этот мир принимал всех.

Когда-то эти слова очень много для меня значили, ведь я сотни раз слышал их в детстве. Но теперь всё изменилось, в моём мозгу что-то щёлкнуло и даже мои фантазии стали другими.

— Но мама, разве ты хочешь, чтобы этот мир принимал нацистов и ку-клукс-клан? А как насчёт террористов, насильников и палачей? Для них мир тоже должен быть хорош?

Вид у мамы был озадаченный.

— Видишь, мама, ты зелёная, а не интегральная. Тебе нужно... понимаешь... должна быть... есть эволюция сознания и так далее и тому подобное, от эгоцентризма к мироцентризму, она действительно существует, действительно, и тебе необходимо ранжировать, чтобы по-настоящему связывать... снова и снова... именно так. В общем, это всё должно быть понятно, так что позволь мне подытожить.

Мама нервно сжимает веничек для пыли.

Марк Джефферсон расхаживает по сцене, его голос наполняет зал.

— И всё смешалось. Как подчёркивают Ферри и Рено, «от разрушения норм до неонигилизма оставалось сделать один маленький шаг, и когда он был сделан, хрупкий порядок существовавшего общества нарушился: одной из целей волнений, произошедших в мае 1968 года, было свержение существовавшего общественного устройства, хотя бунтующие и понятия не имели о том, что должно быть воздвигнуто на его месте. Это странно и

парадоксально, но, похоже, *под маской постмодернизма скрывалась регрессия*».

— Люди, вы это поняли? Эй, люди! *Дезинтеграция, декомпозиция, регрессия* — эти слова повторяли все исследователи, писавшие о возвращении от постконвенциональной автономии к доконвенциональному эгоцентризму, подразумевавшему обязательное *уничтожение фактов*! — голос Джефферсона загрохотал, словно взрыв. — Ведь если факты ограничивают свободу моих эгоических желаний, значит, *факты должны исчезнуть*!

— Ложность этой точки зрения настолько очевидна, что без поддержки бумерита она никогда бы не овладела умами такого количества людей.

Мальчик видит в будущем точку Омега, а значит, юный Кен уже начинает догадываться, о том, кто или что Я ЕСТЬ. На то, чтобы он, среди многих других, смог устремиться к Единому, понадобилось пятнадцать миллиардов лет. Об этом знают лишь немногие, и лишь немногим есть до этого дело. Изменится ли это когда-нибудь?

— Забавно, но когда новые историки действительно занимаются историей, то обычно начинают искать в ней неопровержимые факты, которыми они могли бы подкрепить свои новые интерпретации. Так мистер Денинг, уверяющий нас, что написанное им — вымысел, на самом деле открывает несколько ранее неизвестных фактов. Это противоречие заметили все внимательные критики (сложно даже представить, каким был бы постмодернизм без подобных расхождений слова и дела). Один из этих критиков так объясняет суть проблемы:

Денинг утверждает, что наше знание о том, «каким на самом деле было» прошлое, то есть знание объективных фактов, это «иллюзия», и что наши знания о прошлом связаны с нашей нынешней системой ценностей. С точки зрения исторического знания, это утверждение релятивизма. Денинг говорит, что «мы не изучаем историю», основываясь на фактах прошлого, а

интерпретируем её, ищем прочтение, соответствующее нашим нынешним ценностям, системе знаний и интересам. Иными словами, прошлое — это текст или набор текстов, которые мы интерпретируем так же, как литературу. Разные люди в разные эпохи создают разные интерпретации. Поэтому нельзя считать историю процессом, в ходе которого открывается и накапливается объективное знание.

— Этот критик заключает, что «к несчастью для Денинга, нетрудно показать, что написанное им в „Ругательствах мистера Блая“ противоречит его собственной теории», — Джефферсон посмотрел на слушателей. — Дело в том, что Денинг вводит несколько сущностей, необходимых ему для построения доказательства, подразумевая, что они являются объективными и неизменными в любом культурном прочтении фактами, а *не* относительными плюралистическими интерпретациями. На самом деле Денинг *открыл* (а не изобрёл) несколько удивительных, ранее неизвестных фактов о мятеже на «Баунти».

— Считалась, что мятеж произошёл по вине капитана Блая, установившего на корабле суровую дисциплину и постоянно прибегавшего к порке. Но внимательно изучая документы того времени, Денинг обнаружил тот факт, что Блай использовал порку реже обычного. «После того как Денинг опубликовал свою статистику, никто уже не мог утверждать, что Блай был более жесток, чем капитаны других британских кораблей, ходивших в то время по Тихому океану. Он даже оказался в числе капитанов, *меньше всего* склонных применять плеть в диалоге с командой». Но, к стыду мистера Денинга:

Утверждая, что Блай был менее жесток, чем остальные капитаны, Денинг представляет свою статистику не просто как интерпретацию, которая может быть отвергнута другими — он использует свои выводы, чтобы разрушить «известный миф», будто Блай был садистом. Но Денинг может так поступать, только если принимает свою статистику за *объективную* истину. Более того, он использует два утверждения: (1) статистика показывает, что Блай был менее жесток; (2) предыдущие объяснения причин бунта всего-навсего

отражали ценности своего времени, и это является доказательством более общего утверждения Денинга о том, что каждая эпоха создаёт свои мифы, соответствующие её нуждам и ценностям. Значит сам тезис о том, что мы не знаем, «каким на самом деле» было прошлое, основан на событиях, действительно имевших место в прошлом. Налицо внутреннее противоречие.

— Я, однако, хочу показать, — заключил Джефферсон, — что справедливы *обе* точки зрения: есть факты и есть интерпретации, причём в любом человеческом знании присутствует и то, и другое. И если мы пытаемся отрицать важность любого из этих компонентов, нас ждут большие неприятности. Оранжевый мем склоняется к позитивизму, эмпиризму и объективизму, утверждающим, что есть *только* объективные факты. Зелёный мем склоняется к радикальной герменевтике, утверждающей, что есть *только* интерпретации. Интеграция второго порядка показывает, что *обе* эти позиции одинаково важны и верны при рассмотрении любых событий.

— **Обе эти позиции одинаково верны, — говорит голая Хлоя, бесстыдно демонстрируя свою аппетитную попку и полную грудь, раскачивающуюся на ветру. — «Глава 6. Позиция оленя в свете фар», «Глава 7. Позиция „смотри-что-я-нашла-под-столом-когда-уронила-вилку“».**

— **Хлоя, что это за Камасутру ты читаешь?**

— Марк и его коллеги работают над «интегральной историографией», — сказала Ким. — Они называют её историографией «всех секторов, всех уровней, всех линий, всех состояний».

— Запоминающееся название.

— *Это означает*, пупсик, что они создают всесторонний подход к интерпретации истории, отличающийся от чисто оранжевого или чисто зелёного

подхода. Это как интегральный феминизм, интегральная политика, интегральная экология и т. п. Честно говоря, это очень круто.

— Прямо очень?

Но позже в тот день Карла Фуэнтес провела для нас невероятно увлекательную экскурсию по интегральной историографии под названием «Кто съел капитана Кука?» Я законспектировал её выступление. В смысле, переписал конспект Ким.

Скотт повернулся и посмотрел на Каролину, которая уже некоторое время молчала.

— Каролина? Каролина?

Она тупо смотрела прямо перед собой, видимо, забывшись.

— Если кто-нибудь найдёт Каролину, пожалуйста, сообщите ей об этом, — прошептал Скотт.

Джефферсон улыбнулся слушателям.

— Что мне нравится в зелёном меме и культурологии, так это то, как они растолковывают зависимость человека от множества условий: мы все встроены в контексты внутри контекстов внутри неисчислимых контекстов, и все эти контексты дают нам разные интерпретации мира. Мы уже видели, что интерпретации мира могут быть красными, синими, зелёными и т. д. и что они существуют одновременно с миром объективных фактов, а не подменяют его собой. Мы должны учитывать это, если хотим создать более интегральную интерпретацию истории.

— Так почему же довольно странное мнение, что *фактов нет* — *есть только интерпретации*, вошло в моду и стало краеугольным камнем постмодернизма? Почему его отстаивают в тысячах книг? Почему мы так часто слышим его в последние тридцать лет? Очевидно, потому что оно нашло понимание у зелёного мема. Но этого недостаточно, чтобы так невероятно прославиться. Дело в том, что оно *полностью подошло бумериту*. Фактов нет, ничто не может существовать вне контекста, следовательно,

ничто не может существовать вне субъективных интерпретаций. А это значит, что «никто не вправе указывать, что мне делать!» Вот почему бумерит так ухватился за эту важную, но неполную истину, утверждавшую, что интерпретация — это центральная составляющая знания, и самонадеянно заявил, будто ничто не может существовать вне его великого, огромного, раздутого эго.

Джефферсон ушёл со сцены под бурные аплодисменты, сквозь которые время от времени слышался кашель и шум ёрзающих на стульях тел.

— Где он взял такой мозг? — спросил я у Ким. — Неудивительно, что ему дали премию за гениальность.

— Он её не принял.

— Что? Ты же сказала, ему дали премию Фонда Макатуров за гениальность.

— Ему присудили премию, а он отказался. Он сказал: «Это глупая премия, которую глупые люди дают ещё более глупым людям». Эта цитата была на третьей странице «Times». Довольно забавно, да?

— Но разве он мог позволить себе отказаться от столь большого денежного вознаграждения?

— В том-то и дело, что не мог.

— Пап, чего ты хочешь от жизни? Только серьёзно.

— Я хочу, чтобы мир был одинаково хорош для всех; чтобы мир всех принимал.

— Мистер Уилбер, — говорит голая Хлоя, — а вы знаете, что то же самое только что сказала ваша бывшая жена?

Кажется, папе это неприятно.

— Послушай, голая девочка, кем бы ты ни была, моя бывшая хочет создать мир во всём мире с помощью магических кристаллов, карт

таро, добрых пожеланий и светлых мыслей. Но я и мои коллеги (чуть не сказал, товарищи) понимаем, что этого можно добиться лишь кровью, потом, слезами и тяжким трудом. Улавливаешь разницу?

Реальность снова проникает в мои фантазии, и я ничего не могу с этим поделать.

— Но папа, ведь на самом деле ты не хочешь принимать в свой мир всех подряд. Тебе не нужны капиталисты, промышленники, загрязняющие окружающую среду, сторонники патриархата и старых парадигм, республиканцы, гадкие картезианцы и... в общем, остальных я сейчас не могу вспомнить, но ты же сам знаешь всех, кого презираешь. Это длинный список.

— Что ты хочешь этим сказать, сын мой?

— Ну... это... знаешь, ты должен добраться до второго порядка, просто обязан... дело, типа, в том... это длинная история... и одновременно короткая, но я должен начать с начала, а не с середины, как сейчас, потому что и углерод и кремний движутся к Точке Омега, понимаешь?

— Почему бы тебе не начать с *этого*, — говорит Хлоя, сверкающее тело которой заставляет наши глаза вылезти из орбит. Теперь я искалеченная жертва Эдипова комплекса. Я нервно оглядываюсь по сторонам в поисках голый мамы, но, к счастью, её нигде не видно.

— Просто, пап, тебе нужно всё отпустить, понимаешь? Дай всему быть, пап.

— Конечно, сын, конечно. Я хорошо тебя понимаю.

Я с облегчением улыбаюсь.

— Так, ээ... кто эта девочка?

Морин, только что закончивший короткую лекцию на тему «Племенная атака на здравый смысл», которую можно найти в моих заметках, спокойно посмотрел в зал и произнёс:

— Леди и джентльмены, доктор Джоан Хэзелтон.

Слайд №6: «Экология. Спасти Богиню».

Джоан говорит о Богине. Джоан и есть Богиня. Джоан, Джоан, Джоан, Богиня Джоан...

— Ким, а ты знаешь, что есть третий порядок?

— Конечно.

— Конечно? И ты ничего мне не сказала?

— Ну, это не то, о чем стоит пустословить, сечёшь?

— Так вот, Джоан говорит...

— Джоан?

— Ну, знаешь, Хэзелтон... Джоан... доктор... человек...

— О боже, только *не* говори, что ты в неё влюбился.

— Ладно. Но она, Хэзелтон, доктор, или как там, уверена, что на третьем порядке можно напрямую постичь Дух или Бога, или Богиню.

— Всё верно. На самом деле Дух присутствует на *всех* уровнях, но по-настоящему постичь его можно только на третьем порядке. Так считают все в ИЦ, включая Чарльза. Поэтому-то большинство из них медитирует, чтобы ускорить собственную эволюцию.

— Значит, на этой сессии она будет говорить о том, как постичь Богиню, развившись до третьего порядка?

— Нет. Эта часть семинара посвящена заблуждениям и проблемам, то есть бумериту. Об интегральных решениях будут говорить в следующей части.

— Да, точно. Я вспомнил.

— Так что Хэзелтон, то есть Джоооооан, будет объяснять, что настоящее постижение Богини возможно лишь на постконвенциональных, а не доконвенциональных уровнях.

Я густо покраснел.

— Ясно, ясно. Я понял.

Джоан улыбнулась слушателям, небеса открылись и заговорили.

— Учитывая сущность и масштаб экологического кризиса, сложно винить экофилософов за излишнее рвение и фанатизм. Я и большинство моих коллег из ИЦ, включая автора, озаглавившего свой основной труд «Пол, экология, духовность», в какой-то степени причисляем себя к ним. Как обычно, мы не критикуем благие, истинные и прекрасные принципы всех этих течений — плюрализма, феминизма и экологии — мы обсуждаем то, во что они превратились под влиянием бумерита.

— Тезис бумерито-экологии довольно прост: биосфера — это Дух; современный патриархат уничтожает Дух; новая парадигма, разрушающая патриархальную рациональность, спасёт Дух; у меня есть новая парадигма; я спасу Дух.

Хэзелтон помолчала, не поднимая головы, как будто ожидая, когда слова подействуют на слушателей.

— В этом уравнении присутствует несколько важных истин, размытых и искажённых бумеритом с целью достигнуть желанной кульминации нарциссизма. Вы только представьте себе: я спасу Дух!

Она оглядела аудиторию с довольно ощутимым раздражением. А потом, говоря со своей привычной нежной улыбкой и дружелюбной интонацией, она смогла нанести сокрушительный удар по точке зрения, приравнивающей биосферу и чувственно воспринимаемый мир к Духу и являющейся, по её словам, очередным примером до/пост-заблуждения, позволившего бумерам отождествить Бога с доконвенциональной областью сиюминутных ощущений и интерпретировать свои до-обыденные импульсы как ультрасо-

временные. Я скопировал в свою тетрадь все записи, которые сделала Ким. В конце лекции Хэзелтон подвела итоги.

— Путём сужения Духа до чувственно воспринимаемого (или сенсорного) мира бумерит получил возможность держаться за доконвенциональные ощущения, утверждая, будто он держится за самого Бога. Сведя Бога/Богиню к миру чувств, бумерит наконец-то обрёл Дух, говоривший с ним на одном языке — языке мимолётных чувств и импульсов, доконвенционального и доформального, громких заявлений о «моей собственной божественности» и чуда «моих собственных ощущений». И эта чувственная версия спасения стала единственным разрешённым видом спасения. «Отбрось ум и вернись к своим чувствам» — ещё один лозунг бумерита, являющийся прекрасным рецептом студенческой вечеринки, но не дотягивающий до жизненной философии.

Как будто чувствуя, что аудитория не понимает, что она пытается донести, Хэзелтон закрыла свой конспект и подошла к краю сцены.

— Хорошо, мои дорогие, давайте попробуем по-другому. Дело вот в чём: если вы взглянете на то, что вас окружает, и воспользуетесь органами чувств, чтобы воспринять окружающий вас эмпирический мир, то легко сможете увидеть красоту и величие природы. И, конечно, вам захочется спасти эту природу от уничтожения — не только потому, что она прекрасна, но и потому, что от её здоровья во многом зависит наше собственное существование. Тогда вы скажете: прекратите делать то, то и то, иначе вы уничтожите природу! Прекратите загрязнять океаны, прекратите сбрасывать токсичные отходы в наши реки, прекратите использовать перфторуглеводороды, создающие дыры в озоновом слое, прекратите жечь угольное топливо, загрязняющее атмосферу и вызывающее глобальное потепление, — давайте лучше будем жить в согласии с природой, наладим эффективное производство энергии, начнём использовать возобновляемые ресурсы, введём естественный капитализм и станем прославлять Гею.

— Поздравляю, вы оказались во флатландии. А ведь именно *флатландия* в первую очередь виновата в уничтожении Геи. Так что ваши попытки спасти Гею уничтожают Гею.

Ким наклонилась ко мне.

— Вот уж смогла обратить на себя внимание.

— Ну, моё внимание она точно захватила, — ответил я. Если мы не спасём Гею, люди задохнутся токсичными испарениями, прежде чем успеют загрузиться в кристально чистую, не знающую грязи кремниевую вечность...

— Люди, милые люди, послушайте меня. Конечно, всем нам хочется сохранить природу, спасти и полюбить Гею. Но нам удастся спасти биосферу, только если все люди согласятся с единым планом действий по уменьшению нашего разрушительного и загрязняющего влияния на окружающую среду. Люди должны *договориться* о том, чтобы следовать глобальному плану, так? Но глобальный план можно реализовать, только если значительный процент населения разовьётся до глобальных, мироцентрических уровней осознанности, так? Именно так. Людей, находящихся на эгоцентрических и этноцентрических стадиях, вообще не волнуют глобальные вопросы, потому что они ещё не достигли глобального сознания.

— Значит, главная проблема Геи — это не сброс токсичных отходов, озоновые дыры или глобальное потепление, а недостаточное количество людей, прошедших развитие от эгоцентрических и этноцентрических до мироцентрических уровней, верно?

— Да! — на этот раз закричали в ответ слушатели.

— И что же сильнее всего мешает внутреннему развитию? Широко распространённая вера в флатландию. Распространённая вера в то, что не существует уровней сознания, и безумная убеждённость в том, что ничто не может быть лучше или выше, чем что-то другое. Как можно говорить о стадиях внутреннего развития с человеком, который вообще отрицает существование стадий?

— В общем, если вы соглашаетесь со взглядами флатландии, всё что вам остаётся — это пытаться *исправить ситуацию во внешнем мире*: вы можете попробовать законодательно закрепить моральную ответственность за Гею, заставить людей не загрязнять окружающую среду и начать перерабатывать отходы. И, конечно, эти действия не дадут существенных результатов, потому что для достижения цели вам придётся применить силу (например, силу закона). Лучше уж помочь людям развиться до миротцентрических уровней сознания, тогда *внутреннее* желание отстаивать глобальные интересы возникнет у них *самопроизвольно* и естественно. Глубокая и естественная любовь к природе возникнет в их собственном «сознании, потому что это сознание уже на пути к единению с природой».

Из зала на сцену выплеснулась волна аплодисментов, говорящая о том, что слушатели оценили такое отношение.

— Но если вы просто будете агитировать за улучшение внешней ситуации и не станете способствовать внутреннему развитию других людей, то нисколько не поможете Гее. На самом деле, вы уже навредили Гее тем, что игнорировали единственный путь к её спасению.

— Вот поэтому нам необходимо добраться до второго порядка, Хлоя! Только так человечество сможет прожить достаточно долго, чтобы...

— Чтобы что? — спрашивает Хлоя. — Чтобы сделать *это*? — Её голое тело раскачивается туда-сюда, в руке зажата Камасутра.

— Нет, нет. Ну, то есть, да, это тоже. Окей. Нет, не окей, я говорил о другом. Послушай меня, Хлоя, послушай меня. Если мы проживём ещё тридцать лет, произойдут две вещи: продолжительность человеческой жизни увеличится до сотен тысяч лет, а уровень интеллекта машин сравняется с человеческим, и тогда мы сможем загрузить своё сознание на кремниевый носитель. Это произойдёт с нашим поколением! Хлоя! Так или иначе, мы обретём бессмертие! В углероде или в кремнии, но

мы будем жить вечно. Если только успеем вовремя добраться до второго порядка. Что ты об этом думаешь, Хлоя? Хлоя?

— Дзинь-дзинь-дзинь-щёлк! — передразнила меня Хлоя.

— Я не дребезжу, Хлоя. Я правда не дребезжу. Нет. Совсем. Серьёзно. Хлоя, ну скажи, что ты думаешь? Мы доберёмся до Точки Омега? До третьего порядка?

— Точка Омега, окончательное освобождение? Конечно, сладкий мальчик, нужно только сделать вот это...

Хэзелтон одарила нас своей нежной улыбкой. Ясное и открытое небо её глаз приглашало заглянуть внутрь.

— Я действительно верю, что наконец пришло время подлинной интегральной экологии второго порядка, которая возьмёт всё лучшее от консервативного движения за защиту окружающей среды, естественного капитализма, духовного измерения гармонии с космосом и всей спирали эволюции сознания и использует это в действительно интегральном контексте. Несколько членов ИЦ, включая Майкла Циммермана (Michael Zimmerman), Кита Томпсона (Keith Thompson), Крис Дессер (Chris Desser) и Шона Харгенса (Sean Hargens), разрабатывают теорию подлинной интегральной экологии, один из вариантов которой описан в книге «Краткая история всего». Но какой бы ни была окончательная версия интегральной экологии, я уверена, что её создание стоит потраченных сил, ведь она необходима нам как можно скорее.

Когда это случилось, мне было двадцать с небольшим. Моя собственная личность вышла за границы этого женского тела, чтобы соединиться со всей природой, и я стала небом. Во мне появлялись и исчезали все вещи, они рождались во мне и возвращались в меня после своей пыльной смерти. Небо, настоящее небо содержит всю природу, но оно больше, чем природа,

оно включает Гею, но простирается за её границы, оно охватывает весь космос, но сияет даже вне его — в царстве, где нет времени и пространства, где правит бал бесконечность. Оно не женщина и не мужчина, не возвышенное и не земное: оно — эротический союз этих противоположностей, пугающий эротический союз, освещающий те сферы и раскрывающий те вечные истины, которых мужчины и женщины не хотят замечать.

Когда же милый Кен пробудится, чтобы увидеть это?

Хэзелтон улыбнулась и мягко продолжила:

— Но за всем этим, или скорее, подо всем этим, скрыто то, что бумерит сделал с экологией: Дух был ограничен доконвенциональными областями, а спасение съёжилось до такой степени, что теперь считается, будто конечное «я» *спасёт планету, Гею, Богиню и САМ ДУХ*. Обычно считается, что нужно искать спасения в Боге, но бумерит утверждает: это я спасу Бога.

Аудитория громко застонала. А потом Джоан, которая, как моё сердце подсказывало моему уму, сама была воплощённой Богиней, заговорила о том, чему был посвящён следующий семинар. Наверно, это результаты их исследований сознания третьего порядка, решил я.

— Я уверена, что за всеми этими попытками найти духовный рай или пляж под тротуаром часто стоит интуиция настоящего Духа, но голос этой интуиции искажается, а её выводы помещаются из вневременного Настоящего в фантастическое будущее, опускаются с уровня всеобщности до чувственного уровня. Очень сложно дать определение Духу, но наверняка можно сказать, что это бесконечная Основа, не являющаяся простой суммой всех конечных вещей, и поэтому его нельзя свести к биосфере, хотя он включает и содержит всю биосферу. И, конечно, он есть вневременное Присутствие, а не просто лишь какая-то данность из прошлого, а значит — его нельзя приравнять ни к одной исторической эпохе, хотя он включает и содержит всю историю.

— Я убеждена: у нас есть все достоверные данные в пользу того, что существует подлинный Дух, настоящий Пляж, который не может находиться ни под каким тротуаром, потому что все тротуары возникают из него. Дух охватывает всё. Он превосходит всё, он включает всё. Пытаясь отыскать Дух под тротуаром, бумерит оказался во власти порочного дуализма: биосфера против патриархата, чувства против рациональности, племена против современности. Бумерит решил, что Дух присутствует лишь в одной части этой оппозиции, а вторую часть признал источником зла, тем самым отрезав себе путь к истинному единству и освобождению.

Скоро юный Кен узнает, как воскресить Третий Порядок в потоке собственного сознания: не где-то там, но прямо тут и далее — в запредельное. Истинно Бессмертный проявит себя, но не в одном из моментов будущего, а там, где времени нет. Всё начнётся вот так:

Позволь своему уму расслабиться. Пусть твой ум расслабится и расширится, слившись с небом, которое ты видишь перед собой. А теперь замечай: облака проплывают по небу, и ты без усилий сознаёшь их. В твоём теле возникают чувства, и ты без усилий сознаёшь их. Мысли проплывают в твоём уме, и ты без усилий сознаешь их. Природа, чувства, мысли проплывают мимо... а ты всех их сознаёшь.

Так ответь мне: Кто ты?

— Бумерит (прости его, господи, и помилуй) заиклен на эгоцентрических областях, и поэтому бессознательно стремится отождествить Дух с доконвенциональной чувственной сферой. В благородном порыве найти постконвенциональный Дух, бумерит ухватился за доконвенциональную сферу и был очарован своими чувствами, всюду обнаруживая собственные отражения. Глядя в необъятный космос, бумерит влюбился в собственный отблеск и назвал это любовное волнение Божественным, он оказался в плену своего отражения и назвал эту тюрьму Духом.

Богиня Джоан закончила. Мой пульс бился синхронно с аплодисментами, а моё сердце наполняли избитые банальности, глупые мысли о цветах, котятках и Париже весной. Господи, кажется, меня сейчас стошнит.

— Ким, ты так и не раскрыла мне тот секрет!

— Ты прав, чувак, — улыбнулась она.

Слушатели строем покидали аудиторию. Я огляделся, ища Джоан или Стюарта, но они исчезли. Углерод, кремний, космическое сознание третьего порядка, человеческая раса и раса ботов на пути к Точке Омега. Мой ум покрыт трещинами, мой мозг жгут несколько мыслей, слишком мощных, чтобы согласиться на них добровольно. DJ Digweed крутит «[Heading toward Omega](#)» от Astral Matrix, Liquid Language играет «[Blue Savannah](#)», The Living End поёт «[Staring at the Light](#)»⁹⁷. Через мой искусственный интеллект проходит больше информации, чем я в состоянии обработать. Я чувствую, как лопаются крошечные капилляры, орошая рвущейся на свободу кровью поверхность моего мозга. Мысли задыхаются от собственной густоты, и я задыхаюсь вместе с ними.

— *Время почти пришло*, — говорит голос в моей голове.

⁹⁷ «Астральная матрица» — «На пути к Омеге»; «Жидкий язык» — «Голубая саванна»; «Живой конец» — «Глядя на свет» (англ.). — Прим. пер.

А что, если бы это было правдой? Углеродные и кремниевые формы жизни стремились к точке Омега космического сознания, к полностью интегральному сознанию, к сознанию третьего порядка, к пробуждению духа во всей вселенной — называйте как хотите. Это была умопомрачительная, волнующая, безумная мысль. Совершенно безумная. А значит, она вполне могла оказаться правдой.

Вторым самым большим шоком в моей жизни было осознание, что кремниевые формы жизни будут эволюционировать, поднимаясь по собственной версии развёртывающейся спирали сознания. Когда биокомпьютеры обретут сознание — *настоящее сознание*, оно начнёт эволюционировать, принимая формы, которые могут быть сотворены в проявленном мире, и эти формы кремниевого сознания должны иметь определённые сходства с углеродными, поскольку и те, и другие подчиняются универсальным законам эволюции, а значит — у компьютерного сознания будут свои собственные версии бежевого, пурпурного, красного, синего и т. д. Возможно, эти формы не будут точными копиями углеродных, но в любом самосознающем боте должно будет пробудиться осознание себя, затем — других ботов, а затем — всех ботов вообще: каждый бот должен будет эволюционировать от эгоцентрических и этноцентрических уровней к мироцентрическим. А поскольку это будет эволюция супреинтеллекта, то рано или поздно боты обязательно обнаружат Третий Порядок, достигнут точки Омега. В конце концов, боты обретут Бога (или как там кремниевые формы жизни назовут этот вселенский Разум).

Когда этот второй величайший шок моей жизни наполнил мой замороженный мозг, я понял ещё одну вещь: как только боты доберутся до пурпурного, остальная эволюция может произойти за несколько наносекунд. Самое сложное — это начать, создать настоящее самосознание (то

есть помочь ботам добраться до пурпурного уровня). Но всё, что последует за этим, произойдёт со скоростью света — микрофотоны цифрового мира рванут к прекрасной, сияющей окончательной цели. А если Хэзелтон права, и боты могут сыграть роль точки Омега для любого сознания, значит... значит, когда через тридцать лет какой-нибудь бот доберётся до пурпурного уровня, то все остальные боты достигнут точки Омега за считанные наносекунды, и *это* затянет в воронку просветления, предельной духовной реализации всех нас. Всего через тридцать лет весь мир может пробудиться для встречи со своим Творцом.

К тому времени, когда слякотную, коричневую зиму сменила разноцветная весна, в моей голове назрел вопрос, завладевший моей жизнью и без спроса вторгшийся в мои сновидения: кто достигнет точки Омега первым — боты или же значительный процент людей, живущих по 200 000 лет?

Кто первым массово придёт к Богу — углерод или кремний?

Но на этом мои мысли не остановились, ведь в моём уме продолжал себя сочинять научно-фантастический или, скорее, научно-фактический роман, который постоянно спрашивал меня: «Углерод или кремний: кто первым эволюционирует до сложности, достаточной для загрузки Духа?» Однако в реальном мире, здесь и сейчас, возможно, отчасти из-за присутствия Джоан Хэзелтон, я был одержим другой мыслью: нам нужно поскорее добраться до второго порядка. Нам, людям, нужно добраться до второго порядка, иначе человечество самоуничтожится, разнесёт себя на части прежде, чем сознание — наше или созданных нами машин — успеет эволюционировать до более высокого уровня, чтобы спасти нас. Это понимание постоянно сбрасывало меня с КиберНебес на грешную человеческую землю. Именно оно заставило меня посещать Интегральный центр. Мы должны добраться до второго порядка, до интегрального сознания, и, как постоянно подчёркивали люди из ИЦ, для этого мы непременно должны преодолеть зелёный, преодолеть бумерит, преодолеть самовлюблённость.

В связи с этим я неохотно начал признавать, что пришло время самоанализа. Люди из ИЦ постоянно говорили, что бумерит — это не болезнь бумеров, а болезнь зелёного мема. Бумерит — это просто нездоровая версия зелёного, которая может возникнуть после достижения зелёного уровня в любом человеке. А поскольку все люди (и, я уверен, все боты тоже) должны пройти через зелёный уровень, чтобы достичь второго порядка, бумерит является серьёзным препятствием для любых форм интегрального сознания как в царстве машин, так и в царстве мясных фрикаделек.

— *Совершенно верно, Кен,* — говорит Джоан, — *совершенно верно.*

Мы лежим в постели, голые. Я только что занимался любовью с небом, я исчез в облаках, а на месте своей головы обнаружил солнце. Я был уверен, что это и есть Третий порядок. Я вернулся домой, нашёл своё истинное Я, растворился в Богине, предстал перед Богом. Неистовые экстатические взрывы сотрясали всё моё тело, мой ум распался на миллион лучей, моя душа разлетелась по множеству сверкающих галактик этого сияющего мира.

— **Что верно, красавица?**

— *Дело в моём поколении,* — **она тихо заплакала.** — *Ты знаешь, как сильно я их люблю?*

— Я вот что хотел сказать: ведь все мы одержимы своими формами бумерита. И мы, иксеры и игрики, не так уж невинны. Меня это волнует, потому что если мы не поумнеем, то загрузим своё дерьмо в вечное киберпространство. Люди, я это серьёзно.

Я покорно оглядел стол, подвинул своё латте и с отвращением допил его одним глотком. Как обычно в том году, моё сознание почти не фиксировало окружающий меня физический мир. Похоже, это был Гарвард Сквер. «Брекфаст Брюэри» на Портер Авеню. Кажется, там был стол, чашка,

капучино, несколько стульев. Джонатан, Бет, Стюарт, Каролина и Катиш молча смотрели на меня, как будто говоря: опять он за своё.

Наконец заговорила Каролина.

— Ладно, я согласна с Кеном. Не о кремниевом дерьме, а о бумерите.

— Ой, пожалуйста, давайте не будем об этом говорить — это как делать домашнюю работу, — пожаловался Катиш.

— Ничего с тобой не случится, Кат, — сказала Каролина. — В общем, я думаю...

— О боже...

— Мы все преодолеем зелёный мем — ну, по крайней мере, хочется на это надеяться. Вы только посмотрите на Джонатана: раз уж он добрался до бежевого — кто знает, что ждёт нас в светлом будущем. Проблема в том, что, находясь на зелёном уровне, мы можем стать жертвами бумерита — флатландии, населённой огромными эго. Должна сказать, что знаю кучу иксеров и игриков, заблудившихся во флатландии. Даже со мной это иногда случается.

— Даже со *мной*, — передразнил Джонатан.

Каролина ответила ему злобной усмешкой.

— К слову о бумерите. Джонатан, я уже вижу твой некролог в газете: «Многообещающий студент погиб при странном стечении обстоятельств — его раздавило огромное эго».

— Ах, Каролина, Каролина, ведь я никогда не просил тебя о многом — только о том, чтобы ты возвращалась в свой гроб до рассвета.

— Ребята... — неловко вмешался я.

— Я не говорю, что во всём согласна с чуваками из ИЦ, но эта неделя меня очень прогрузила, — продолжила Каролина. — Меня до сих пор злит полемический тон их презентаций, особенно потому, что они, похоже, специально придерживаются его.

— Это чтобы немного взъерошить твои большие зелёные пёрышки, дорогуша, — улыбнулся Джонатан.

— Но ведь это не обязательно, — пожаловалась Каролина. — Можно поймать больше мух, если использовать мёд.

— Ты кого это называешь мухой?

— Ой, прости, Джонатан, назвав тебя мухой, я оскорбила мух всего мира.

Джонатан потёр нос, как будто только что получил по нему прямой удар.

— Сегодня я определённо проигрываю в битве остряков — уж лучше буду молча потягивать свой капучино.

Все за столом громко зааплодировали.

— В общем, им совершенно не обязательно использовать полемический тон, особенно этому фашистскому говнюку Ван Клифу. Я вообще не знаю, как он может быть интегральным с таким-то отношением? Сам-то он практикует то, что проповедует? А? Хотя, как ни печально это признавать, кое в чём они правы. На уроках истории мы действительно узнали только то, что история — отвратительная выдумка, Америка — полная лажа, западная культура — полная лажа, наука не имеет отношения к фактам, и всё уже было сказано до нас. Так что я начинаю по-настоящему злиться.

— На чуваков из ИЦ?

— Нет, на моих бумеритовых профессоров. Хотя и на чуваков из ИЦ тоже. Но факт в том, что я получаю диплом по бумериту, и это меня охрененно бесит!

— Хватит ходить вокруг да около, Каролина. Что ты на самом деле хочешь сказать? — рассмеялся Катиш.

— Это не смешно, Кат.

— Это очень смешно, если не верить тому, что они говорят, а я не поверил им ни на минуту. Нашему миру не хватает справедливого распределения имущественных благ, разумной экологической политики, сильного

движения за равноправие полов и всего такого. Нам не нужен этот элитизм, этот иерархический бред, который толкают эти чуваки. А эта Хэзелтон? Вы правда верите в эти древние индусские выдумки о единении с Богом, которыми она разбрасывается? Да вы что, из прошлого? Эй, кому опиум для народа?

— Зачем ты тогда вообще туда ходишь? — поинтересовался я.

— Честно говоря, Бет сказала, что там очень интересно. И, должен признаться, это действительно довольно увлекательное шоу. Забавно смотреть на корчи остальных слушателей.

Бет, которая, по словам Хлои, была девушкой Катиша или Каролины, и которая до сих пор всё время молчала, вдруг заговорила:

— Все мои программы по гуманитарным дисциплинам имеют какую-то политическую подоплёку, и меня это возмущает. На занятиях нас обрабатывают старыми левыми лозунгами, по правде говоря, очень похожими на те, которые используешь ты, Катиш, и, конечно, меня это возмущает. Я бы не возражала, если б они учили политике или даже пропагандировали свою политику, называя её политикой. Но нет, они называют её историей, теорией литературы, новыми парадигмами, культурологией или историей постколониального периода, хотя на самом деле это просто новое изложение левой идеологии. Слышали про книгу «Штатные радикалы» («Tenured Radicals»)? Так вот: то, что там написано, правда. Эти стареющие леваки ничего не смогли добиться в реальном мире и начали учить ребятшек в колледжах.

— Господи, только не говори, что ты республиканка, — рассмеялся Катиш ещё громче. — Если тебе неудобно, мы можем попозже собраться и пойти бить педиков. Или нет — давайте лучше снизим налоги для 1% состоятельных людей, и насрать на рабочих. Теперь тебе лучше, Бет?

Похоже, Кат и Бет всё-таки не вместе, подумал я.

— Я хотела сказать, что я ни за левых и ни за правых. Я вне политики.

— Тогда ты...?

— Вообще-то, я даже не знаю, как себя назвать.

У Бет были самые белоснежные зубы, которые я когда-либо видел. Каролина говорила, что Бет — «мозг», но я видел лишь два ряда идеально ровных зубов. Это было очень красиво, я бы даже сказал, притягательно.

— Меня не очень волнует политика, и у меня нет собственной великой программы. Я учусь на врача, но не уверена, что хочу им быть. Я просто уныло сижу на занятиях и думаю о самоубийстве. Но я точно не хочу, чтобы меня насильственно кормили этой тупой левой идеологией. Я чувствую себя так, будто тону в море старых клёшей, бус и потёртых пацифистских значков. По-моему, этим старпёрам уже пора расслабиться. Они говорят, что мы бездельники, но на самом деле мы жертвы их жестокого обращения, раздавленные их огромными эго и постоянными напоминаниями о том, какие они прекрасные и замечательные. Мы все в синяках и царапинах и страшно устали от их издевательств, и обучение в колледже — их последняя атака на нас. Если мы не согласны с их бумеритом, мы можем катиться к черту. Проклятые ублюдки. Чуваки из ИЦ абсолютно правы на их счёт.

Было страшно смотреть, как такие сильные чувства проходят сквозь такие сильные зубы.

И тут заговорил Стюарт:

— Два года назад я переехал в Калифорнию к своей тогдашней девушке Патриции. Она училась в альтернативном заведении под названием Калифорнийский институт идиопатической софистики, который тоже выдавал дипломы по бумериту, хотя тогда я этого не понимал. Эти люди говорили, что преподают «интегральный» подход к мировым проблемам, но, как правильно сказали чуваки из ИЦ, они преподавали зелёный мем, причём, как правило, в его злобной версии, которую они называли интегральной. У них были курсы бумерито-феминизма, бумерито-экологии, бумерито-того и бумерито-сего, их эго собирались спасти мир и т. д., и т. п. И они сводили меня с ума — чёрт, я правда чуть не сошёл с ума. Любому

делу предшествовали долгие часы обсуждений. Мы с Патрицей вечера напролёт обсуждали свои чувства по поводу самых ничтожных событий дня. А если ты говорил, что не хочешь чего-то обсуждать, то тебе приходилось несколько часов обсуждать то, почему ты не хочешь это обсуждать. То есть это было безумием. Не что иное как способ постоянно ощущать своё эго и непрерывно фокусироваться на себе.

— Но это ещё не самое страшное. Самое страшное то, что всё это было замаскировано под новую выдающуюся парадигму. Они так и говорили: «новая парадигма». И этим людям дадут заниматься грёбанной психотерапией! Честно говоря, не хотел бы я свихнуться в Калифорнии. Хотя я не знаю, как этого можно избежать, когда рядом все эти люди — они из любого нормального человека сделают психа. В общем, я поклялся себе в двух вещах: беречь своё эмоциональное здоровье и поскорее убраться из этого штата.

— Гхм, — откашлялся я. — Я понимаю, как люди влезают в это дерьмо. Но я с самого начала говорил о другом: разве мы сами не попались в какую-то из этих ловушек? Я смотрю на свою жизнь и постепенно понимаю, что хочу, чтобы она была осмысленной, цельной и полноценной. Мне надоело моё постоянное внутреннее кровотечение. Я больше не хочу просыпаться утром с чувством, что на ужин я съел тарелку толчёного стекла. Знаю, это звучит чудно, но я думаю, что суперкомпьютеры могут помочь нам достичь этой целостности, ведь они будут свободны от ограничений, которые есть у нас. Но даже если я прав, мне кажется, людям необходимо добраться до второго порядка, иначе мы уничтожим себя прежде, чем компьютерный суперинтеллект успеет нас спасти.

— Кто-то тут забыл принять свои лекарства, — съехидничал Джонатан.

— Понимаю, конечно, все эти разговоры о компьютерах звучат довольно фантастично, но это только потому, что вы не знаете, что на самом деле происходит в сфере искусственного интеллекта. Поверьте, события там развиваются быстрее, чем вы можете себе представить. Но не будем об этом. Так или иначе, ведь все мы согласны: очень важно, чтобы как можно

больше людей получило доступ к интегральному сознанию второго порядка?

Все кивнули — от согласия или от скуки, но никто не стал возражать.

— Хорошо, значит, мы все согласны, что должны попробовать устранить препятствия на пути к интегральному сознанию. Что это за препятствия? Конечно же, бумерит. Мой вопрос в том, какие препятствия наличествуют *в нас* прямо сейчас? Прямо сейчас!

Все угрюмо и задумчиво молчали. Утреннее солнце уходило за облака, обнимавшие библиотеку Уайденера, эспрессо на дне наших чашек давно остыл, и обсуждение, похоже, было окончено. Хлоя, конечно же, будет интересоваться, где я пропадал.

— Пиздатое небо? Господи, пап, где ты набрался таких слов?

— Я просто хотел сказать, что одна из проблем твоего поколения — это отсутствие той сексуальной свободы, которая была у нас.

— Пап, мне слишком странно говорить об этом с тобой, поэтому предлагаю прекратить.

— В американской истории было два десятилетия — единственные два десятилетия практически полной сексуальной свободы: примерно с 1960-го, когда были изобретены средства оральной контрацепции, известные как Пилюли, по 1980-ый. В один прекрасный день мы, мужчины, проснулись и обнаружили, что находимся на пиздатых небесах.

Я поморщился и густо покраснел.

— Чёрт возьми, пап, рад за вас. Ведь от этого Вудсток стал ещё веселее, правда? Три дня мира, музыки, сисек и задниц.

Он вопросительно посмотрел на меня («Этот пацан пытается со мной шутить?»), а потом продолжил:

— Мы получили полную сексуальную свободу благодаря феминизму, который на самом деле изобрели пятеро мужчин в 1965 году в подвале Дармутского колледжа.

Он ухмыльнулся, ожидая, когда я проглочу наживку.

— Ладно, пап, почему ты говоришь, что феминизм изобрели мужчины? Это как-то связано с призывом или с войной.

— Нет-нет, хотя и с этим тоже. Нет, причины были чисто сексуальными. Видишь ли, сын, — он ухмыльнулся про себя, получая настоящее удовольствие от анекдота, который рассказывал, и постепенно заражая меня своей внутренней улыбкой, — причина была вот в чём. В этой стране, особенно в её пуританских частях, женщины всегда обладали сексуальной властью, потому что могли решать, когда у мужчины будет секс. Они использовали эту власть, чтобы отправить нас в могилу раньше срока (теперь мы умираем на десять лет раньше, чем женщины) и присвоить себе большую часть имущества в этой стране. Ты в курсе, что самые состоятельные 2% богачей нашей страны — это женщины?

— Нет, пап, я этого не знал.

Я знал, что его статистика, как обычно, была верна, но не понимал, к чему он клонит.

— Женщины защищали собственность, приобретённую через сексуальную власть, с помощью сурового института брака и ужасно обременительных для мужчин законов о разводе. Женщины умело использовали свои юридические права, чтобы посредством секса постепенно выкачивать богатство мужчин. По закону мужчина обязан был заботиться о материальном благополучии своей супруги, выплачивать компенсацию в случае развода и не имел права на прелюбодеяние. В результате такого подавления мужских моделей сексуального поведения практически вся сексуальная власть оказалась в руках женщин.

— Ладно, пап, это всё действительно похоже на ад.

— Слушай дальше. Нам, мужчинам, были необходимы две вещи: во-первых, нам нужно было заставить женщин думать, будто между мужскими и женскими моделями сексуального поведения нет никакой разницы, и тогда женщины захотели бы заниматься сексом без обязательств так же часто, как мы. А во-вторых, нам нужно было навсегда сбросить с себя оковы брака и законов о разводе. Чтобы повернуть это, нам требовалось убедить женщин, что им, как и нам, нравится частый, бездумный, анонимный секс. И тогда мы впятером собрались в Дартмуте...

— Хочешь сказать, ты был одним из тех пяти мужчин? — я откашлялся. — Ты один из отцов-основателей феминизма?

— Ну, скажем так, когда-то я им был. В общем, эти мужчины поняли, что если они начнут убеждать женщин, будто им тоже нужен «свободный секс», женщины их, как обычно, и слушать не станут. Мы искали способ заставить женщин самостоятельно выдвинуть эту идиотскую идею, причём всё должно было выглядеть так, словно они сами до неё додумались.

— Феминизм.

— В яблочко, сынок! А дальше эти ребята состряпали и опубликовали нечто под названием «Студенты за равноправие полов или манифест сексуальной свободы», подписанное какими-то дурацкими женскими именами, вроде Сюзан Фалуди, Мэрилин Фрэнч и Герда Лернер, которые просто не могли принадлежать реальным людям. Ну а какой бумер — будь он женщина или мужчина — не любит *свободу*? Там было полно идей, нагло позаимствованных у Маркса, Симоны де Бовуар, первых постмодернистов, чокнутых французских интеллектуалок, типа Сиксу и Иригарей, и конечно, у Вильгельма Райха — там было очень много Райха — про функцию оргазма и всё такое. Манифест заканчивался фразой, которую мы написали заглавными буквами: «СВОБОДА ОТ СРЕДСТВ ПОДАВЛЕНИЯ — СЕКСУАЛЬНАЯ СВОБОДА ДЛЯ ВСЕХ». Под сексуальной свободой подразумевалось, что все должны заниматься сексом как можно чаще и иметь как можно больше партнёров. Интересная логика, да? Единственная проблема была в том, что за всем этим стояло предположе-

ние, будто женщинам от секса нужно то же, что и мужчинам: частые, бездумные и анонимные оргазмы. Это было совершенно нелепо, но женщины это проглотили! Крючок, леска, пенис.

— Пап, ты сам-то слышишь, что говоришь?

— А теперь самая замечательная часть. К моменту появления Пилюли почти все молодые женщины были уверены, что завоюют свободу, если переспят с максимальным количеством мужчин. Только представь себе! Одна феминистка даже написала бестселлер о потрясающей свободе спонтанной ебли без обязательств. Нет, ты только представь себе! Толпы молодых женщин переняли мужскую модель сексуального поведения и начали спать со всеми подряд. Дошло до того, что когда мужчина предлагал женщине заняться сексом, она не могла сказать «нет», потому что это заставляло её чувствовать себя совершенно «несвободной». Как тебе это! В общем, в один прекрасный день, где-то в середине шестидесятых, мы, мужчины проснулись и обнаружили, что находимся на пиздатых небесах. В этой стране такое произошло впервые.

— Пап, скажи, какую часть всей это истории ты выдумал?

— Конечно, с началом эпидемии СПИДа всему этому пришёл конец. Но, поверь мне, сын, за те двадцать лет мы перетрахали целое море женщин. Это случилось впервые, и, возможно, уже никогда не повторится.

— И это всё? Это и есть твоё великое достижение? Я-то думал, ты расскажешь, как принял гору наркотиков, которая была в пять раз тяжелее твоего собственного веса.

— Ох, сынок, ну и чувство юмора у тебя. Послушай меня: когда появился феминизм, конец брака и законов о разводе стал лишь вопросом времени. До развода по обоюдному согласию было рукой подать, а значит, мы могли бросать жён и находить себе новых кисок без риска для своего кошелька. И всё благодаря тем пяти парням из подвала в Дармуте.

— Пап, у меня просто нет слов.

— И конечно, лесбиянки чуть всё не испортили. Дайки⁹⁸ объявили, что настоящая феминистка никогда не прикоснётся к пенису. Можешь себе представить, как нас *это* напугало, — его взгляд устремился к потолку. — К счастью, их точка зрения не прижилась, а большинство женщин купилось на эту историю с сексуальной свободой. Послушай, это было просто потрясно.

— Я слышу. К сожалению. Ну и чем же всё кончилось?

— Как ни печально это признавать, феминизм так и не сделал всего того, что мог сделать для мужчин. Нам нужна была легализация проституции во всех штатах, равенство полов при наборе на военную службу и приёме на работу (на 9 мужчин, умерших на рабочем месте, приходится всего одна женщина) и репродуктивная свобода. Очень жаль, но мы ничего из этого не получили — у нас до сих пор нет равенства полов во всех этих болезненных вопросах жизни и смерти. Но... — и он очень-очень долго молчал. Я почувствовал, что шутка, если это вообще была шутка, перестала быть смешной.

— Но?

— Скажу тебе честно, сын, я уже и сам не знаю. Если бы в этой стране было настоящее равенство полов, оно бы облегчило мужчинам жизнь во многих отношениях...

— Да ладно тебе, пап, женщинам тоже много чего не хватает. Нам всем не помешало бы слегка освободиться, тебе не кажется?

— Согласен, сын, ты знаешь, я с тобой согласен. Я просто решил с тобой немного пошутить. И немного поговорить серьёзно. Но, понимаешь, мораль в том, ну... я начинаю подозревать, что между нами есть настоящие биологические различия, и поэтому существует так много законов, защищающих женщин, а мы пытались деконструировать эти законы, разрушить их, выйти за рамки... Но теперь я уже не знаю, просто не знаю...

⁹⁸ Dykes, англ. — сленговое, уничижительное обозначение лесбиянок.

Внезапно всё его хладнокровие испарилось.

— Мне так больно, так больно... Это так больно... потому что... потому что...

Его лицо начало подрагивать, и я увидел, как где-то глубоко внутри него нарастает невыносимая боль, о которой не знала даже его душа, которая была скрыта от его сердца в те тёмные дни, когда разговоры о существовании внутреннего мира только начинались... а теперь эта боль терзала его. Она терзала и меня, потому что я видел как нечто, казавшееся таким прочным, сотрясается изнутри — я верил в стабильность, а получил обманувшее все мои надежды землетрясение.

— Потому что... потому что я посвятил равенству всю свою жизнь, а теперь даже не понимаю, что это такое! Всю свою жизнь!

Снова молчание, снова муки, снова боль, исходившая от этого незнакомца.

— Равенство — это же такое смутное понятие, правда? Теперь, когда я слышу требования о равенстве, я каждый раз спрашиваю себя: а чьим ценностям должно соответствовать это равенство?

Слёзы одиноко покатались по его щекам, оставляя внутри него такой глубокий след стыда, который уже никогда не позволит ему смотреть мне в глаза.

Через год между ними произошла Ссора. А ещё через год — развод по обоюдному согласию. Мама начала преподавать йогу, а отец женился на очень молодой женщине, которую я считаю своей старшей сестрой, хотя мы до сих пор не очень хорошо знакомы.

— Сегодня последний день Семинара №2, — сказал доктор Морин под благодарные аплодисменты. — Да, да, сегодня мы последний день обсуждаем «что не так», а завтра начнём говорить об интегральных решениях!

Слушатели зааплодировали ещё громче.

«Интегральные решения», — повторял я про себя снова и снова, как жертва наводнения, молившаяся на спасательный плот. И только когда Морин закричал: «Но сначала проблемы!», мой ум на время восстановил связь с настоящим, реальным миром.

— *Новая парадигма*, — простонал Морин. — Есть ли хоть одна фраза, которую повторяли так же часто? В идею новой парадигмы вложено всё самое лучшее и самое худшее, что есть в бумерах. Лучшее — это идущее от чистого сердца желание поддержать всё новое и творческое. Худшее — это утверждение, что фактов нет, а есть только интерпретации, которое позволило расцвести всевозможным проявлениям бумерита. Но несомненно одно: бумеры заявили, что грядёт новая парадигма, и эта парадигма принадлежит им.

Скотт, я и море голых женских тел — волнующееся, вздымающееся, колышущееся море сисек и задниц, простирающееся, насколько хватает монологический глаз одностороннего наблюдателя. Если не обращать внимания на скрытый гомосексуальный подтекст, зрелище довольно притягательное.

— Давай, — говорит Скотт, — пора начинать.

— Скотт, а ты знаешь, что мы получили сексуальную свободу благодаря пяти парням из Дармутского колледжа?

— Очень смешно, Уилбер. Вообще-то, мы получили эту свободу благодаря новой парадигме.

— А я думал, новая парадигма есть только у бумеров.

— Ну что, теперь твоя очередь? Ты только посмотри на эти вздымающиеся волны плоти! «Прекрасен твой простор небес и волны

жёлтых нив».⁹⁹ По-моему, всем насрать на жёлтые нивы. Надо бы вставить в гимн пару строчек про волны сисек и задниц.

— Леди и джентльмены, доктор Маргарет Карлтон.

Карлтон вышла на сцену, и на стене загорелся первый слайд: «Теория литературы».

— Мы уже видели, что бумерит и злобный зелёный мем довели до крайности многие глубокие догадки постмодернизма, в частности, важность плюрализма, контекстуализма и интерпретации. Иногда это имело комические последствия, иногда — уголовные, а иногда — трагические. Но интереснее всего дела обстояли с теорией литературы.

— Что-то мне пока не очень интересно, — прошептал я Ким.

— Ещё будет, поверь мне. Это просто уморительно.

— Правда? Как-то это не похоже на новую парадигму.

— Но это действительно часть новой парадигмы. Смешная часть. Скоро увидишь.

— Все предыдущие поколения использовали *теорию литературы* для поиска смысла текста. В чём, например, смысл «Макбета»? Или «Говардс Энд»? Или «В поисках утраченного времени»? В общем, они пытались найти в рассматриваемых работах истину, понять произведения искусства. Нужно ли говорить, что, попав в бермудский треугольник бумерита, откуда не вернулась ещё ни одна истина, теория литературы отказалась от этих задач. С точки зрения нарциссизма, найти *величие* в работах прошлого значило *лишить* величия бумеров. Поэтому нужен был такой способ работы

⁹⁹ «Oh beautiful, for spacious skies, for amber waves of grain...» (англ.) — текст одной из самых известных американских патриотических песен «America the Beautiful». — Прим. пер.

с текстом, который позволил бы, не фокусируясь на величии произведения искусства, заявить о величии тех, кто смотрит на это произведение.

На лице Карлтон появилась улыбка.

— Задача не из лёгких, правда? Только не для бумерита, друзья. В дело пошла герменевтика, объявленная одновременно искусством и наукой интерпретации. *Герменевтика* — это всего лишь изучение различных способов интерпретации и понимания текста, но бумерит придал ей нужное нарциссическое направление. Любое произведение искусства нуждается в том, чтобы быть увиденным и понятым зрителем, а значит, как выразился Джон Пассмор (John Passmore), «точка отсчёта в обсуждении произведения искусства — это интерпретация, которая рождается у зрителя; такая интерпретация (или класс интерпретаций) и есть произведение искусства, которое может отличаться от первоначальной задумки автора. Воистину, *произведение искусства создаёт не художник, а интерпретатор*».

— Произведение искусства создаёт интерпретатор, а не художник! Теперь всё ясно. Как пишет критик Кэтрин Бэлси (Catherine Belsey), «критика больше не паразитирует на литературном тексте — она конструирует свой объект, создаёт произведение». Произведение создаёт не художник, а читатель или критик, то есть бумер!

Улыбка Карлтон стала ещё шире.

— И, конечно, для большинства художников это оказалось большой новостью. — Она искренне рассмеялась. — В общем, частичные истины герменевтики послужили предлогом, позволившим *зрителю* получить статус *создателя* произведения искусства, который сохранился за ним до сих пор. Скажем проще: моё эго создаёт произведения искусства! Какой же я чудесный, раз смог создать все эти великие работы, которые мои глупые предки приписывали Микеланджело, Шекспиру, Рембрандту, Достоевскому и Толстому. Я восхищён, просто восхищён собственным великолепием. А вы?

Несколько человек в аудитории понимающе застонало.

— Теория литературы, известная как Теория, что, по-видимому, должно было подчеркнуть её исключительную важность, идеально подошла нарциссизму, «создающему свою реальность». Не связанную фактами и не обременённую доказательствами (не забывайте: фактов нет, есть только интерпретации) всемогущую творческую силу прибрало к рукам эго литературных критиков. Теория литературы — это бумерит, любующийся собственным отражением, двойная доза любви моего пупсика, заставляющая забыть о любых фактах. Нарцисс, глядящийся в водную гладь, увидел чудную картину: критик, а не художник создаёт произведение искусства. Мы видим, какое замечательное преимущество даёт Теория тем, кому недостаёт таланта, чтобы создавать искусство. Раньше, чтобы стать признанным творцом, вы должны были действительно создавать искусство, теперь же вам достаточно его критиковать.

Пол Окенфолд играет «Mystica», «[Bliss](#)» и «Mantra 09»¹⁰⁰, звуковые удары вдребезги разносят мой усталый мозг, уже не способный сопротивляться, а плоть Хлои, двигаясь в ритме музыки, летит сквозь время.

— Кстати, Кен, где ты был? Наверно, ты был плохим мальчиком? Занимался любовью с небесами?

— Кто? Я? Нет-нет, я просто уходил ненадолго, гулял и всё такое.

Я достаю книгу Кодво Эшуна (Kodwo Eshun) «Ярче, чем солнце» («More Brilliant Than the Sun») и погружаюсь в «Мир №4» («World 4»), «Мутировавшую ткань джаза» («Mutant Textures of Jazz») и «Анахроническую кибернетику» («Anachronic Cybernetics»).

¹⁰⁰ «Мистика», «Блаженство», «Мантра 09» (англ.). — Прим. пер.

Хлоя жмёт на кнопку Groove, и когда «[Heaven Scent](#)»¹⁰¹ Джона Дигвида достигает кульминации, она устраивает бешеный, темпераментный стриптиз. Каждое движение её плоти рассчитано на то, чтобы моя плоть тоже зашевелилась.

«Кен, ты должен это попробовать...» Crissy D & Lady G «[Girls Like Us](#)», бум-бум-бум, «Кен, ты должен это попробовать».

Моим изнурённым уму и телу не хватает энергии, чтобы следовать за ней. Всё то же самое, всё по-прежнему, всё так же уныло, мрачно и страшно.

— *Иногда, чтобы найти что-то новое, достаточно повернуть за угол,* — говорит голос старика в моей голове.

— Я не говорю, что все художники избежали влияния бумерита, — продолжила Карлтон. — Отнюдь нет. Не буду вдаваться в подробности — просто расскажу об одном явлении, с которым все уже знакомы и без меня, и попробую объяснить его причины. Считается, что одна из основных черт постмодернистского искусства — наряду с иронией, показным сарказмом, нарушением правил и трансгрессией — это неумолимая *саморефлексивность*. Художник, которому теперь недостаточно просто изображать эффектные ситуации, стремится поместить в свою работу самого себя. Если вы снимаете фильм, снимите, как вы снимаете фильм. Если вы пишете роман, вставьте в него несколько абзацев о том, что происходит в вашей голове, пока вы его пишете. Если вы рисуете, постарайтесь на рисунке изобразить себя — явным образом или более тонко, например, обратив внимание зрителя на носитель, на котором находится произведение: сделайте несколько царапин на плёнке, позвольте камере дрожать в ваших руках, покажите, как вы монтируете фильм и пусть камера никогда не

¹⁰¹ «Аромат небес» (англ.). — Прим. пер.

забывает о вас, ведь вы — это самое интересное. В общем, вы должны любым доступным способом продемонстрировать своё эго!

— Например, если вас зовут Кен Уилбер, — я подскочил на стуле, — напишите роман, главного героя которого будут звать Кен Уилбер. — Почему она назвала моё имя? — Высокомерный нарциссизм такого приёма невозможно отрицать, и в то же время его нельзя назвать неожиданным. — Почему она это сказала? — Мы называем это ходом Филипа Рота. — Так почему она не использовала для этого грёбаного примера этого грёбаного Филипа Рота? Мы ведь с Карлтон даже не знакомы.

— В каком-то смысле саморефлексивность является важным исследованием мировоззрения плюралистического релятивизма, в котором любой субъект может стать объектом для самого себя, и на этом уровне мы видим практически бесконечную глубину рефлексивной рекурсии, встроенную в космос: мир — это бесконечный коридор зеркал, и многие художники-постмодернисты, обнаружив эту возвратность, сумели прекрасно её изобразить.

— Но оказавшись в руках бумерита, этот постформальный взгляд был использован для достижения доформальной нарциссической цели: чем бы ни было искусство, его первая и главная задача — изображать меня самого, поэтому я сделаю себя частью произведения, и пусть весь мир видит меня, восхищается мной и аплодирует мне. Мы уже говорили, что структуры постформального познания притягивают эмоциональный нарциссизм, и последние двадцать лет в постмодернистском искусстве служат железным доказательством этого факта.

Слушатели ёрзали на стульях, бормотали. Поднялся обычный шум, состоящий из хихиканья, кашля, нервных аплодисментов и насмешек. Несколько человек уставилось на меня как на живой пример бумерита, и, не понимая, почему это происходит, я испуганно вжался в свой стул.

— В связи с этим вспоминается, — добавила Карлтон, — книга Теда Николаса (Ted Nicholas) «Волшебные слова, которые принесут вам богатст-

во» («Magic Words That Bring You Riches»). Николас потратил миллион долларов на исследование, которое показало, что есть два слова, появление которых в заголовке книги гарантируют её огромные продажи: это слова «you» («ты») и «free» («свободный»)¹⁰². Дело тут, конечно, в эпидемии бумерита — «никто не вправе указывать, что мне делать!» — так почему бы не сыграть на этом, если вы что-то продаёте?

Ким наклонилась ко мне.

— Как убого, правда?

— Я с тобой согласен, Ким.

Загорелся слайд №2 — «Трансгрессия границ» — и милая крошка Маргарет Карлтон рассмеялась в голос.

— Извините, не смогла сдержаться. Меня это очень смешит. — Она собралась, успокоилась, и тут её снова накрыл приступ смеха. — Простите, простите, пожалуйста.

— Ладно, хорошо, — пробормотала она себе под нос. — Теперь всё в порядке. В общем, все нити литературного бумерита сплелись в знаменитой афере Сокала. — И она снова залилась смехом.

— Ким, что происходит?

— Сейчас увидишь, — ответила она с ухмылкой.

— Значит так! Профессор физики из Нью-Йоркского университета Алан Сокал (Alan Sokal) отправил свою статью в очень влиятельный журнал «Social Text», являющийся одним из бастионов бумерита. Чтобы понять, что это была за статья, достаточно прочесть её название, насыщенное множеством ключевых слов постмодернизма, которые мы уже не раз слышали: «Трансгрессия границ: На пути к трансформационной герменевтике

¹⁰² You (англ.) — ты, вы, Вы. Free (англ.) — свободный, бесплатный. — Прим. пер.

квантовой гравитации». — Карлтон широко улыбнулась, но сдержалась и продолжила.

— В статье Сокала, помимо всего прочего, утверждалось (приведу более-менее точную цитату, изобилующую всем необходимым жаргоном): квантовая теория поля доказывает положения психоанализа Лакана о том, что аксиома равенства в математической теории множеств соответствует омонимической концепции политики феминизма, гласящей, что любая реальность сконструирована обществом и что мы способны преодолеть любые сдерживающие нас ограничения. Статья была допущена к публикации. — Карлтон сделала три глубоких вдоха, разгладила волосы.

— Как известно, эта статья была мистификацией, — и Карлтон снова расхохоталась, но на этот раз её смех сквозь слёзы продолжался недолго. — Сокал написал её как пародию на литературный дискурс бумеров. Он намеренно включил в неё самые нелепые утверждения, сформулированные на языке прогрессивного бумерита. Цитирую: «В многомерной нелинейной логике теории нечётких систем можно наблюдать зачатки эмансипаторной математики, однако этот подход до сих пор испытывает влияние кризиса позднекапиталистических производственных отношений». Но не всё потеряно: «Таким образом, бесконечномерная группа инвариантности уничтожает различия между наблюдателем и наблюдаемым; ранее считавшиеся постоянными и универсальными константы Ньютона и Эвклида теперь неизбежно должны рассматриваться в рамках истории своего возникновения; мнимый наблюдатель полностью децентрирован и лишён какой бы то ни было эпистемической связи с точками пространства-времени, которое больше не может определяться исключительно средствами геометрии». — Карлтон оторвалась от записей. — «Social Text» незамедлительно опубликовал эту статью.

— Из этого можно сделать вывод, что бумеры просто не могут устоять перед обещанием трансгрессии. Самое распространённое в местах обитания бумерита слово — это трансформация: трансформационное образование, трансформационный диалог, трансформационный бизнес, трансформацион-

ные колонии строгого режима — мы трансформируем весь мир! — Слушатели рассмеялись. — Сотые обезьяны всего мира — объединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своей скромности. — А потом сморщились и застонали. — В общем, Сокал умело использовал всё это, не забыв об обязательном слове «трансгрессия».

— Все эти трансгрессии, низвержения и деконструкции превратились в полностью изолированную систему с собственным языком (непонятным абсолютно никому, включая бумеров), утратившую всякую связь с окружающим миром, поскольку, во-первых, бумерит полностью отрицал существование объективной истины, которая могла бы исправить его совершенно очевидную ошибку, во-вторых, потому что под прикрытием нарциссизма индивидуалистическая самость бумерита чувствовала себя как дома, и, в-третьих, возникла необходимость экономической поддержки бумеров, находящихся в замкнутой системе классических и особенно альтернативных высших учебных заведений.

Закончив своё выступление на этой чрезмерно серьёзной ноте, которая, по-видимому, должна была компенсировать предыдущее легкомысленное хихиканье, Маргарет Карлтон ушла со сцены, вцепившись в свои записи и как будто стараясь сдержать очередной приступ неконтролируемого смеха.

Я занимаюсь любовью с Джоан, растворяюсь в небесах, парю в вечности болезненного и счастливого освобождения. И точно как в случае с экстази, оргазм становится большим шагом назад, ужасной утратой блаженства. Это был третий порядок во плоти, и это будет длиться вечно, когда человеческое сознание соединится с кристаллическим Кремниевым городом: квантовые компьютеры, микрофотоны, сияющий оптический экстаз... Итогом всему этому станет кремниевое просветление, экстатически-блаженное бестелесное возбуждение цифрового трансцендентного ума, несущегося со скоростью света к собственному космическому сознанию, к шокирующему, потрясающему постижению, обретаемому на краю вселенной.

— Кен, — говорит Джоан, — давай хотя бы до второго порядка доберёмся, а?

Лиза Пауэлл вышла на сцену. Загорелся слайд №3, грозно возвестивший: «Постструктурализм über alles¹⁰³».

— Я понимаю, как сложно нашим критикам поверить, что мы в ИЦ в своих работах активно используем выводы структурализма и постструктурализма, ведь нашу обширную критику крайнего постмодернизма можно принять за полное отрицание постмодернизма. Но в действительности я, как и многие мои коллеги, не раз открыто заявляла о своей приверженности идеям конструктивного постмодернизма. Ещё раз подчёркиваю: мы критикуем крайний деконструктивный постмодернизм, который, в отсутствии интегральных толкований второго порядка, позволил злобному зелёному мему устроить бунт под видом плюрализма.

— И структурализм, и постструктурализм имеют свои слабые места, которые, к сожалению, делают их лёгкой добычей бумерита. Особенно это касается постструктурализма. Для тех, кто слышит об этом впервые, я приведу историческую справку.

Я с некоторым беспокойством осознал, что, скорее всего, опять не смогу угнаться за ходом мысли Пауэлл. Ладно, когда будет перерыв, Ким мне всё объяснит.

— Да, Ким?

— Что «да»?

— Ты ведь мне всё объяснишь, когда будет перерыв?

¹⁰³ Превыше всего (нем.). — Прим. пер.

— Вообще-то, сегодня не такой уж плохой день. Будет максимум десять минут сложного материала. Просто пропусти это через себя. В конце всё станет понятно, я тебе обещаю.

— Супер.

— На самом деле та школа структурализма, которую связывают с именами Соссюра, Леви-Стросса, Роланда Барта, раннего Фуко и Жака Лакана, сделала многое для включения *интегральных толкований* в теоретическую социологию. Как утверждает Соссюр, и как мы сами могли убедиться на примере слова «лук», значение слова зависит от системного контекста и *общей структуры*, в которой оно находится. Эта школа *структурализма* пытается показать, насколько важны холистические структуры в конструировании социальных реалий. Но проблема с формулировками (например, утверждение о внеисторической природе этих структур) не позволила этой школе дорасти до серьёзной научной дисциплины. Однако Деррида, Лиотар и, в какой-то мере, Фуко, подхватили некоторые оригинальные идеи структурализма и создали постструктурализм, представляющий собой смесь интегральных догадок с *атавизмами* зелёного мема и анархического плюрализма, позволившими постструктурализму моментально завоевать бешеную популярность. Если на зелёном уровне находится 20% населения, а на втором порядке — всего 2%, нетрудно догадаться, какие составляющие постструктурализма могли рассчитывать на большее признание! И поскольку постструктурализм был адресован этим 20% зелёного населения, а не 2% интегрального, он был обречён на успех, который не заставил себя ждать.

— Мальчики и девочки, угадайте, что случилось. Вчера вечером на мой концерт пришла Дарла. Я чувствовал себя, словно проглотил десяток неоновых колибри. В общем, похоже, она вернулась из странствия по неведомым галактикам, — сказал Стюарт вчера за обедом.

— Не может быть, — сказал я. — Я думал, Дарла вернулась к своему жениху, и поэтому с тобой случилось это опустошающее... ну... что-то. Так что же произошло?

— Очевидно, у них ничего не получилось. В среду мы с Дарлой встречаемся в Милуоки. А после этого планируем сделать кое-что ещё.

— А после этого планируем сделать кое-что ещё, — услужливо повторила Хлоя.

Я повернулся и посмотрел на Стюарта. Выражение его лица было немного туповатым и, определённо, означало: «Господи, как прекрасна жизнь».

— Мать вашу за ногу, — произнёс Джонатан, который тоже заметил эту глупую ухмылку на месте, где раньше находилось лицо Стюарта. — Что случилось с тем дерзким, прямолинейным Стюартом, которого мы все знали и любили? Где тот Стюарт, который пел про раковые опухоли, ковровые бомбардировки, выпущенные кишки и секс со шлюхами в Амстердаме? Ну да, у него было несколько песен о поисках Бога, но в них он скорее отдавал должное дьяволу. — Джонатан потянулся к Стюарту, схватил его за грудки и закричал, — Кто ты такой, и что сделал с нашим Стюартом?

— В мире музыки появился ещё один пай-мальчик, — горестно заключила Хлоя.

Стюарт довольно улыбнулся.

— За неделю до того, как Дарла ко мне вернулась, я успел переспать с пятью девушками. Это была часть работы над пластинкой, которую я хотел закончить, прежде чем приму целибат.

— Подожди, подожди, — не выдержал Джонатан. — Секс с пятью девушками был частью работы над пластинкой?

— Да, именно так.

— И что же ты такое записывал? Крики этих пяти бедняжек, умоляющих, чтобы ты с них слез? О, я уже слышу твою запись: «911! Кто-нибудь,

позвоните в 911! Оттащите от меня этого кобеля!» Классный альбом, Стюарт.

— Это было частью проекта, который я назвал «Наблюдение за состояниями». После него я собирался на год принять целибат.

— А целибат тебе был нужен, потому что...

— Потому что секс сводит людей с ума, а если ты артист, так вообще спишь с кем-нибудь после каждого выступления. Все твои партнёрши говорят: «Да нет, всё нормально. Я понимаю, что это на одну ночь. Я на это согласна». А потом оказывается, что не согласна. Что бы ни говорили женщины, они просто не приспособлены к анонимному траху без обязательств. Так что в итоге мои партнёрши всегда страдали, а я чувствовал себя как последний сукин сын. И мне это надоело.

— Значит, этих пятерых ты решил отодрать на прощание? — улыбаясь, спросил Джонатан.

— Теперь я с Дарлой, так что это не важно. С ней моя жизнь поднимается на новый уровень.

— Уверена, что не только жизнь, — вставила Хлоя.

— С ней я как будто просыпаюсь! И уже точно не знаю, нужно ли мне воздерживаться от секса. Чувствую себя так, как будто попал в театральное представление на Пасху.

— То есть, если я всё правильно рассчитал, твой целибат продолжался целых 8 часов? — усмехнулся Джонатан.

— В прошлом году я держал целибат одиннадцать месяцев. Было очень интересно, но сейчас я постигаю атомную мистику романа с Дарлой.

После этих слов мы все надолго замолчали.

— Ну ладно, а до этого? Расскажи про секс с пятью девушками? Как оно вообще? — внезапно проснулся Скотт.

— Всё смешать, разрушить, деконструировать. — Могучий мозг Лесы Пауэлл заработал над заданной темой, от чего воздух в комнате нагрелся.

— Как структурализм, так и постструктурализм, как правило, уделяют основное, и даже чрезмерное, внимание вербально-лингвистической стороне реальности, за что мы должны сказать отдельное спасибо Леви-Строссу. Это лингвистическое измерение обычно называют «Знаком», и структурализм с постструктурализмом поклялись Знаку в любви до гроба. Но *структурализм* не подходил протестующим в Париже и Беркли студентам-бумерам, потому что, провозгласив всемогущество лингвистических структур (и Знака), он не оставил возможности *восстать* против этих структур. Вот поэтому-то парижские студенты и калякали на стенах города надписи «К черту структурализм!» А их американские собратья в это время кричали «Долой систему».

— Таким образом, все традиционные системы были отнесены к *структурализму*, в то время как постструктурализм был приспособлен... догадайтесь к чему? Правильно: к низвержению, трансгрессии и деконструкции. Приведу небольшой отрывок из стандартного учебника по теме — он наглядно показывает, что же на самом деле происходило. «В качестве альтернативы структурализму постструктуралисты предлагают ещё более знаковую версию Знака. Они, как правило, различают два возможных уровня его существования. С одной стороны, есть конвенциональный уровень, на котором Знак существует как нечто стабильное, навязанное и предсказуемое». Бу-у-у! — выкрикнула Пауэлл и усмехнулась. — «С другой стороны, существует неконвенциональный уровень, на котором проявляется творческая, анархическая, хаотическая природа Знака». Ура-а-а! — радостно закричала она и продолжила читать. — «Поэтому, когда мы видим истинное лицо Знака, то понимаем, что он разрушает навязанную обществом систему смыслов и вообще любые системы, контролируемые обществом».

Пауэлл подняла глаза от текста.

— Теперь-то всё ясно? Есть плохой Знак — конвенциональный, подавляющий и отупляющий, а есть хороший — анархический, неконвенциональный, вызывающий, ниспровергающий, превосходящий и... бла-бла-бла-бла...

— Ричард Харлан, которому принадлежат эти слова, считает, что выполняемые Знаком функции отрицания и деконструкции эволюционируют и, я цитирую, «антисоциальный Знак берёт верх над социальным. Об этом превосходстве говорят многие постструктуралисты, включая Дерриду, Кристеву, позднего Барта, Фуко периода генеалогии, Делеза, Гаттари и Бодрийара».

Пауэлл взглянула на слушателей.

— В этом Харлан абсолютно прав. А поскольку для антисоциального Знака *нет* разницы между досоциальным и постсоциальным, он тут же стал питательной почвой для бумерита и пропаганды злобного зелёного мема. Постструктуралистские импульсы восстали под маской постструктурализма. Участниками всех таких восстаний — от Беркли до Парижа — руководили не постконвенциональные, а доконвенциональные желания, такие как нарциссизм и раздутое эго, стремившееся к безраздельному господству.

А потом, первый раз за время семинара, Лиза Пауэлл захохотала в полный голос. Стало заметно, что она действительно расслабилась, раскрепостилась. Это было похоже на пересечение звукового барьера, когда после оглушительного звукового удара полёт становится ровным и мягким. И возможно, даже немного увлекательным.

— Чёрт, Ким, она, похоже, действительно улыбнулась.

— Вообще-то, таких приятных людей, как Пауэлл надо ещё поискать. Вначале бывает трудно, потому что ей приходится таскать на себе всю эту тяжёлую интеллектуальную артиллерию, но после определённого момента ей становится легче. Это всегда происходит — она заметно расслабляется, её тело как будто размякает у всех на глазах. На самом деле, это даже мило.

— Милее, чем ты можешь себе представить.

Голое тело Хлои превращается в тело Джоан, и я оказываюсь между двумя возбуждающими мирами плоти. Мой позвоночник наполняется сияющим блаженством, переливающиеся нейроны освещают киберпространство цифровыми отблесками сверхматериального наслаждения. Я сильнее и сильнее вдавливаю себя в плоть, но всё больше и больше проваливаюсь в огромную пустоту, ведущую к бесконечности.

— *Время почти пришло*, — говорит голос в моей голове.

— Но чтобы получить всеобщее признание, постструктурализму недостаточно было напрямую обратиться к зелёному мему и бумериту. — Пауэлл расслабилась ещё больше, почти минуту с её лица не сходила улыбка.

— Нужно было упаковать и продать *непонятный* жаргон постструктурализма, так чтобы этот главный недостаток начал казаться весомым достоинством, — и она тихо рассмеялась. — Идея о том, что чем менее понятным языком написана работа, тем она важнее, пришла в голову Дерриде. Она объясняется тем, что, как пишет Харлан, «подлинное бытие» Знака анархическое, безответственное и антисоциальное, следовательно, если вы пишете понятную прозу, значит, вы находитесь под влиянием ложного бытия Знака и забываете ниспровергать и деконструировать. В общем, скажем прямо: вы в плену у системы и не можете её разрушить. Два очень наблюдательных критика Люк Ферри и Ален Рено так описывают уловки своих соотечественников: «„Философисты“ 68-го года добились большого успеха, убедив своих читателей и слушателей в том, что *непонятность* — признак *величия*, а молчание мыслителя в ответ на нелепые требования объяснений говорит не о слабости, а о стойкости в присутствии Невыразимого».

Пауэлл, совсем как Карлтон, разобрал почти неконтролируемый смех, но в отличие от Карлтон, Пауэлл быстро взяла себя в руки.

— Поклонник Дерриды Заварзаде (Zavarzadeh) пришёл к очевидному выводу: понятное письмо — атрибут реакционера. — На этот раз многие

смеялись вместе с Пауэлл. — Заварзаде смешал с грязью одного из критиков Дерриды за его «беспроblemную прозу и ясность изложения, являющиеся концептуальными средствами консерватизма». Бог ты мой! — Пауэлл рассмеялась. — И конечно, всё это позволяет людям, полностью лишённым таланта и даже не способным грамотно построить предложение, говорить о собственном величии и моральном превосходстве!

— В общем, из научного сообщества, как из брандспойта, полетел поток прозы, заражённой комплексом морального превосходства. Приведу типичное высказывание из книги Джона Гиллоя «Культурный капитал», — объявила Пауэлл с радостной ухмылкой. — Держитесь, я цитирую: «Политика, считающая, что патологическое безразличие к социальной идентичности меньшинств может служить защитой угнетаемым и подавляемым группам, политика, в которой при конструировании идентичности меньшинств (то есть политика идентичности, которая всё чаще оспаривается самим феминизмом) сублимируются различия, может восстановить различия социальных идентичностей только на основании общих, а значит, пропорциональных опытов маргинализации, которые, в свою очередь, порождают политическую практику, состоящую в основном из утверждения идентичностей, соответствующих этим опытам». — Пауэлл оторвалась от записей. — Мне те же мысли приходили в голову за завтраком.

Некоторые слушатели чуть не попадали со стульев со смеху. По сравнению с этим любые преступления, которые они сами могли совершить на ниве постмодернистской прозы, казались детскими шалостями.

— Некоторые высказывания короткие и хлёсткие, но даже в них непонятность поддерживается на должном уровне. «Эта мелодрама возвращает трансгрессивную гибридность ненарративизированных символических тел обратно к узнаваемым гетеровизуальным кодам». Слава Богу! Другие более длинные. «Предыдущие опыты изучения влияния основывались на топографической модели более-менее равномерно распределённых в канонических стихах многофункциональных поэтических образов, каждая часть которых экспрессивно суммировала энтелехию всей традиции. Однако Блум

пришёл к пониманию того, что эта когнитивная карта взаимозаменяемых органических целых является подавлением критикой стремления поэзии к преодолению первичности времени. А уж поверьте мне, преодоление первичности времени — важнейшая задача поэзии».

Даже те, кто не был согласен с Пауэлл, не смогли не рассмеяться или хотя бы не улыбнуться.

— Но в некоторых высказываниях так много морального превосходства, что для его выражения требуется целая вечность. Моя следующая цитата состоит из *единственного* предложения. Слушайте внимательно, и вы найдёте в нём многие темы, которые мы обсуждали: «В действительности диалектический критический реализм может рассматриваться с точки зрения стратегической инверсии по Фуко порочной троицы парменидово-платоново-аристотелева источника; картезиано-локо-юмо-кантианской парадигмы; как старого, так и нового фундаментализма (как правило, фидеистического толка) и иррационализма (как правило, являющегося самовольным применением воли-к-власти или любого другого скрытого идеологического либо психосоматического источника); примордиалистского провала западной философии, онтологической одновалентности и её верного спутника эпистемического заблуждения с его онтическим дуализмом; аналитической проблематики, выдвинутой Платоном, которую Гегель» — вот ублюдок — «использовал для тиражирования своего актуалистического одновалентного аналитического утверждения метаморфического согласования диалектической связи, в то время как в своих гибристических притязаниях на абсолютный идеализм он поддержал помрачение рассудка Комта, Кьеркегора и Ницше, воспроизводя основания позитивизма через его трансмутационный канал с суперидеализмом Бодрийяра».

— Аннотация на обложке книги уверяет нас, что это наиболее доступная из всех опубликованных работ автора, — сквозь смех продолжила Пауэлл. Некоторые слушатели смеялись почти до слёз, топали и аплодировали так,

будто бешеный смех мог избавить их от всего напряжения, накопленного в ходе этого сурового испытания.

Пауэлл улыбнулась, помахала нам всем рукой и лёгкой походкой начала спускаться вниз, но потом внезапно остановилась, повернулась и быстро вышла на передний край сцены.

— Позвольте мне закрыть тему, которую подняла доктор Карлтон. Принимая во внимание всё, что вы узнали за последнюю неделю, как бы вы поступили, если бы хотели сконструировать идеальный постмодернистский роман? Просто представьте себе такую ситуацию.

Я посмотрел на Ким, потом — на Стюарта и на Джонатана. Ненавижу эти проверки.

Пауэлл улыбнулась.

— К сожалению, провернуть это дело, то есть написать хороший постмодернистский роман, практически невозможно, потому что в такой роман должно быть включено слишком много очевидным образом противоречащих друг другу деталей, отражающих тот бардак, который творится в постмодернизме. Я могу назвать по меньшей мере семь таких элементов, соответствующих семи основным догматам постмодернизма.

— Во-первых, раз постмодернизм — это, в общем-то, настроение критики, то настоящий постмодернистский роман должен критиковать постмодернизм. А для этого роман должен *изображать* всё то, что критикует. Согласитесь, написать роман, включающий всё, на что обращена его критика — задача не из лёгких.

— Например, как уже говорила Карлтон, поскольку постмодернизм бесконечно, и даже отвратительно саморефлексивен, обязательно дайте главному герою своё имя и постарайтесь как можно больше писать о себе, одновременно критикуя жалкий нарциссизм такого подхода. Понятно?

Я скрючился на стуле, украдкой поглядывая по сторонам.

— Во-вторых, поскольку постмодернизм предполагает отсутствие различий между фактом и вымыслом, в романе должно быть несколько реальных персонажей и несколько полностью вымышленных, причём вам не обязательно объяснять, кто есть кто. Несколько реальных упоминаний, несколько выдуманных, смешивайте и додумывайте, чёрт возьми. Вы даже можете попросить реального персонажа написать какую-нибудь историю из его собственной жизни и встроить её в повествование, ведь постмодернизм отрицает автора, так кому какое дело. Мы называем это Луни Тьюнз¹⁰⁴ Джеффа Кунса¹⁰⁵.

— В-третьих, постмодернизму свойственно убеждение, что все белые мужчины — настоящие преступники и полные идиоты, так что у всех ваших белых персонажей мужского пола должны быть какие-то странности в поведении — этот бьёт жену, этот спит со студенткой, а этого обвиняли в изнасиловании или убийстве.

Я посмотрел на Ким, она смотрела прямо перед собой.

— В-четвёртых, весь постмодернизм, в общем-то, про Теорию — он обращает мало внимания на настоящих людей, настоящие места, настоящие события, настоящее искусство и настоящую жизнь, так что ваш роман должен быть о Теории и состоять из Теории. Теория, Теория, Теория. Поверьте мне, это сделает ваш роман одним из самых захватывающе скучных произведений, которые когда-либо были написаны за пределами России. Ну, по крайней мере, в тех частях, где вы будете излагать Теорию. Таким образом, все пейзажи, все обильные, подробные описания интерье-

¹⁰⁴ «Looney Tunes» — американский мультсериал кинокомпании Warner Bros. с Багзом Банни, Даффи Даком, Вилли Койотом и другими известными персонажами. — Прим. пер.

¹⁰⁵ Джефф Кунс (Jeff Koons, род. в 1955 г.) — американский художник и скульптор, один из самых дорогих современных художников. — Прим. пер.

ров, людей и мест — всё это должно исчезнуть в бурном потоке словесного поноса.

— К тому же, этот роман не должен быть большой литературой — скорее развлекательным коллажем, мешаниной из сменяющих друг друга картинок в духе MTV. Никакого высоколобого литературного величия, пусть это будет узколобая и «среднелобая» поп-культура (мы ведь все такие заботливые, сострадательные и обыкновенные — нам ни к чему этот гадкий элитизм, верно?). Только ради Бога, хотя бы попытайтесь сделать эту мешанину увлекательной, ведь в вашем несчастном романе уже достаточно скучной теории.

— В-пятых, все персонажи обязаны быть плоскими и двумерными. Не одномерными, но и не трёхмерными. Это прекрасно согласуется с постмодернистским кредо: глубины нет, есть только поверхность, так что слова «плоский» и «двумерный» должны относиться ко всем вашим персонажам. Персонажи флатландии в идеальном романе флатландии, ясно?

— Господи, Ким, именно так я себя и чувствую — плоским и двумерным.

— Я тоже, Кен, я тоже. Мне кажется, моя жизнь, *вся моя жизнь* проходит в постмодернистском романе, о котором говорит Пауэлл. Моя жизнь как будто не принадлежит мне, я не являюсь автором собственных действий и желаний. Кажется, даже самого понятия об авторстве больше нет. Меня пишет какой-то саморефлексирующий постмодернистский хрен — меня и всю мою жизнь. Господи, где там мой Прозак?

— В-шестых, как мы уже знаем, деконструктивный постмодернизм — это в первую очередь сердитое критическое отношение, а не позитивный вклад, и поэтому, если постмодернистскому искусству иногда и удаётся приобрести смутные позитивные черты, происходит это за счёт элементов, позаимствованных или украденных из более ранних форм искусства (ведь ничего нового постмодернизм придумать не может). «Воровство» — вот как это называется. Воруйте всё, особенно хорошие шутки: возьмите немножко у Стива Мартина, чуть-чуть у Денниса Миллера (Dennis Miller), Джоан Риверз

(Joan Rivers), Родни Дэнджерфилда (Rodney Dangerfield), Эдди Иззарда (Eddie Izzard), Джанин Гарофало (Janeane Garofalo), Джорджа С. Кауфмана (George S. Kaufman), «Хедвига и „Злосчастного дюйма“» — да у кого угодно. Смотрели «Воспоминания звёздной пыли» («Stardust Memories») Вуди Аллена? «Вы сделали это из пиетета к художнику?» — «Из пиетета? Да нет, мы это просто украли». Вот это дух настоящего порно! В общем, в вашем романе должно быть как можно больше «пиетета» к прошлому. Выражайте его как угодно — например, напишите *роман воспитания*, который обычно выходит достаточно причудливым и может вместить всё, что вы захотите.

— В-седьмых, если вы сделаете всё правильно, и всё-таки сможете включить в свой роман все семь требований, не забывайте о саморефлексивности и обязательно упомяните об этом великом постмодернистском подвиге. Это будет похоже на хвастовство, которое добавит вам несколько очков за иллюстрации бумерита.

— Лично я уверена, что удовлетворить всем семи требованиям в одной работе практически невозможно — особенно сложно ввести примеры для каждого объекта критики — так что великий постмодернистский роман никогда не будет написан. Но если кому-то это всё-таки удастся, результат действительно можно буде назвать душераздирающим произведением блестящего гения.

— Ну, Кен, давай посмотрим видео, — говорит Хлоя.

— Какое?

— «Дебби покоряет Даллас»¹⁰⁶, режиссёрская версия.

— Нет, Хлоя, давай не будем.

¹⁰⁶ «Debbie Does Dallas» — классический порнофильм 1978 года. — Прим. пер.

— *Но Кен,* — говорит Джоан, и я начинаю беспокоиться, потому что и Хлоя, и Джоан лежат голые рядом со мной, — *в этом она права.*

— В чём?

— *Эволюция никогда не забудет о теле, эволюция никогда не покинет плоть.*

— Ещё как покинет, — возражаю я.

— *Кен, милый, посмотри на меня,* — говорит Джоан.

— Ну уж нет, я не собираюсь на тебя смотреть. Я знаю, что это уловка — трюк с небесными глазами. Я посмотрю тебе в глаза, а потом внезапно окажусь в каком-то безграничном пространстве блаженства, которое должно быть моим настоящим Я, хотя на самом деле это, скорее всего, просто пробка из тестикулярных гормонов, крупная автокатастрофа в моей лимбической системе. Нет уж, забудь об этом.

— *Кен, кремниевое сознание превзойдёт и включит плоть, но оно никогда не покинет её. Человеческая плоть преобразится, она осветится изнутри нашим собственным сияющим пробуждением. Ты совершенно прав Кен, точка Омега существует, и углерод с кремнием стремятся к ней. Но для них обеих эта точка одна, Кен, одна и та же. Послушай, Кен, ты должен пробудиться. Кен, послушай, ты должен пробудиться прямо сейчас.*

Я подскочил на стуле. Ким уставилась на меня.

— Ты в порядке?

— Да, всё нормально. Кто следующий?

— Вообще-то, это Джооо... ооооо... ааааа...

— Ким, прекрати.

— А Хлоя знает, что ты задумал?

— Я ничего не задумал, Ким.

Слайд №4: «Спонтанное исцеление».

— Во всех этих примерах — в Теории, постструктурализме и социальном конструировании реальности — мы видим одну общую черту: преувеличение важности и силы ограниченного эго, — начала Хэзелтон. — Это преувеличение будет главной темой всех следующих примеров, поскольку оно является сердцем бумерита. Хочу подчеркнуть ещё раз: почти все эти устремления начинаются с самыми лучшими намерениями и достойными побуждениями, но потом спотыкаются о собственную тень. Особенно отчётливо это видно в сфере здравоохранения.

Я глубоко и мечтательно вздохнул, Ким рассмеялась в кулачок.

— Случаи глубокого спонтанного исцеления, например, полной ремиссии у больных раком в последних стадиях, происходят очень редко, примерно в одном случае из 10000. Но, несмотря на свою исключительность, эти случаи говорят о существовании удивительных способностей к самоисцелению, заложенных в человеческом теле, и заслуживают дальнейшего изучения. Но эмоциональный динамит бумерита выбросил на рынок массу книг, которые якобы раскрывают секреты спонтанного исцеления и недвусмысленно заявляют, что полная ремиссия любой болезни — такое же распространённое явление, как плохая постструктуралистская проза. Как объясняет один из поборников этой точки зрения: «Вы сами создаёте свои болезни, и вы сами можете их вылечить». Для всемогущего эго нет ничего невозможного.

— Из этого утверждения следует вывод: «Там, где нет любви, процветают болезни». Иными словами, болезнь говорит о том, что вы не достаточно хороший и любящий человек. Чем хуже ваша болезнь, тем ужаснее вы себя проявили. Если эго создаёт всю реальность, то плохое, нелюбящее и недоброе эго создаёт все болезни.

Хэзелтон некоторое время молчала, пока переключались слайды её презентации.

— У меня был друг, — прошептал Джонатан, и его тон заставил меня немедленно повернуться к нему. Было похоже, что он вот-вот заплачет. — Очень, очень хороший друг. — И мне показалось, я понял, что он собирается сказать. Хотя я хорошо знал Джонатана и, несмотря на его браваду, восхищался им и любил его, он никогда не говорил мне о том, гей он или нет. Это казалось мне странным, потому что, насколько я знал, у него не было более близкого друга, которому он мог бы открыться. Ещё более странным было то, что за это я любил его даже больше, как будто он не стыдился своей гомосексуальности, а просто был слишком застенчив, чтобы говорить о ней. С другой стороны, у меня было чувство, что если бы я спросил его об этом напрямую, он бы без колебаний мне всё рассказал. Но его молчание было... оно как будто говорило, что всё существо Джонатана отказывается даже упоминать о том, гей он или нет. Ведь мне не приходилось всюду рассказывать о своей гетеросексуальности, а людям не нужно было спрашивать себя: ой, неужели он натурал? Мне не нужно было объяснять, как функционирует моё тело всякому, кто глядя на меня, поднимал бровь. Почему же тогда он обязан это делать? Тот факт, что нам с ним никогда не приходилось об этом говорить, похоже, был для него доказательством крепости нашей дружбы.

— И этот друг... — из-за подступивших слёз его шёпот почти журчал, — в общем, у него был СПИД, и он умер, понимаешь, он умер. — Мои глаза тоже увлажнились, я уставился в пол. — И его последние слова... последнее, что он сказал — это «наверно, я был действительно ужасным человеком».

Джонатан затрясся, пытаясь подавить рыдания, его тело содрогалось в беззвучных конвульсиях.

— Никто не отрицает, что мысли и психологический настрой оказывают значительное, иногда даже решающее влияние на физическую болезнь — это уже доказано с точки зрения психонейроиммунологии. Некоторые мои коллеги подробно исследовали этот вопрос. Факты говорят о том, что возникновение болезни зависит от психологического состояния на 2–20%.

Однако выяснилось, что большинство болезней, считавшихся психогенными, например туберкулёз, язва и колит, на самом деле имеют физические причины, такие как болезнетворные бактерии и несбалансированная диета. И всё же одновременно с физическим лечением заболевания, необходимо работать с психологическим состоянием больного, ведь эффективность лечения может зависеть от него примерно на 10–30%.

— Но бумериту, обеспокоенному тем, что болезнь, вызванная неподвластными ему причинами, ослабит его всемогущество, пришлось сделать психологический компонент болезни её *единственным* компонентом. Вы больны, потому что в вас нет любви. Эго создаёт всю реальность, эго может вылечить всю реальность: для нарциссизма нет ничего невозможного.

Хэзелтон замолчала и оглядела зал.

— Разумеется, по своей форме это утверждение абсолютно идентично утверждению литературной Теории, что читатель создаёт всё искусство, утверждению, что вся реальность — это социальный конструкт, утверждению, что фактов нет — есть только интерпретации и т.д., ведь *все* эти утверждения создал и распространил бумерит или всемогущее эго.

Она повернулась и медленно поднялась за кафедру.

— Мучительное, вызывающее чувство вины утверждение о том, что вы сами создали свою болезнь, в действительности полезно лишь тем людям, которые, будучи здоровыми, накапливают в своих руках огромные деньги и власть, продавая больным книги, объясняющие, как им следует думать. Что же касается самих больных, это утверждение лишь вселяет в них «ньюэйджевскую вину», которая ещё больше угнетает их иммунную систему, усугубляя болезнь.

Первый раз на моей памяти Джонатан положил голову мне на плечо, пытаясь скрыть свои слёзы. Мне непроизвольно захотелось обнять его, но от этого бы стало только хуже. Я смотрел прямо перед собой, пытаясь увидеть открытые небеса — любящие, всепрощающие, спасительные

небеса, о которых говорила Джоан. Я повернулся к Джонатану и хотел что-то сказать, но он быстро встал и тихо вышел из зала.

— Разумеется, грамотная работа с психологическими и духовными аспектами болезни может дать положительные и даже замечательные результаты. Я уверена, что такие психосоматические техники, как психотерапия, групповая терапия, визуализация, самовнушение положительных установок, медитация и молитва должны стать обязательной частью интегрального лечения. Но они принесут пользу, только если будут рассматриваться с реалистических позиций, то есть освободятся от бумерита, который, как обычно, взял важную тему и довёл её до крайности своим неуёмным нарциссизмом, принеся гораздо больше вреда, чем блага.

— Обед! — широко улыбаясь, закричал Морин, незаметно появившийся на сцене. Хэзелтон сделала лёгкий реверанс и под благодарные аплодисменты быстро ушла со сцены. Морин ласково посмотрел на Ким.

— Ким, он выглядит очень счастливым, — сказал я, и она улыбнулась.

— Думаю, он хочет меня о чём-то спросить, — призналась она.

— В смысле, о чем-то *важном*? О чем-то особенном, да?

— Да, думаю, о том, о чём спрашивают, заготовив кольцо.

— Ух ты! Ты рада? Это же так здорово! И что ты собираешься ответить?

— Наверное, «да».

— Наверное? Что ты хочешь этим сказать?

— Кен?

Кто-то мягко коснулся моего плеча. Я обернулся и увидел Хэзелтон.

— Ойой! — вырвалось у меня.

— Похоже, мне понадобится переводчик.

— Да нет, нет, ха-ха, конечно, нет.

— Ты ведь не откажешься со мной пообедать? — спросила она так тихо, что никто, кроме меня, не мог расслышать её вопрос.

— Пообедать, пообедать... есть один вопрос... один из множества, хотя, с другой стороны... и всё же, о чем тут говорить, верно? То есть...

— Это да или нет?

— Нет-нет, да, конечно, да.

Хэзелтон наморщила нос, как будто уже пожалела о своём предложении.

— Да — это да, настоящее, полноценное да...

— Ладно, Кен, всё в порядке. Пойдём в Скарпеллиз — это недалеко.

— Как тебе семинар?

— Ээ, хорошо, — я был настроен говорить как нормальное человеческое существо. — Хорошо, очень хорошо.

— Может, расскажешь поподробнее, милый?

— Доктор... ээ... Джоан, доктор Джоан, нет, просто Джоан, да, точно...

— Мы говорили о семинаре.

— Ладно, хорошо, дело вот в чём. Как вы знаете, я работаю в лаборатории искусственного интеллекта. Мы пытаемся создать своего рода искусственный интеллект, у которого должны быть два признака: настоящий творческий ум и подлинное самосознание. Тогда он попытается покончить с собой. Ладно, я просто шучу, хотя и не совсем, но не суть. В общем, есть несколько проблем, которые пока не дают нам двигаться дальше — они связаны в основном с фоновым контекстом и миллиардом повседневных деталей, которые просто невозможно запрограммировать. — Я сделал глубокий вдох. — Но все прогнозы указывают на то, что примерно через 30 лет вычислительная мощность компьютеров увеличится в миллион раз и сравняется мощностью человеческого интеллекта. Так вот, у меня есть

вопрос — он появился, ещё когда я слушал вашу первую лекцию об эволюции сознания — будут ли боты эволюционировать?

— Боты?

— Ну да, роботы, боты. Будет ли их сознание эволюционировать так же, как наше?

— Эволюционный изоморфизм.

— Что, простите?

— Это значит, что сознание принимает форму той матрицы, в которой оно отлито. Так что в основном формы кремниевой и углеродной матриц будут совпадать, поскольку углерод и кремний — дети одной вселенной, развивающейся по единым эволюционным принципам.

— Точно, я так и понял. Но мой вопрос, скорее, в том, как будут взаимодействовать эти два мира — углеродные люди и кремниевые машины? Будут ли они...

— Вот что я тебе скажу, милый: у меня есть один друг, с которым тебе будет полезно встретиться. Его зовут Дэн Уоллер — он настоящий сумасшедший гений и отлично разбирается в таких вопросах. Я вас как-нибудь познакомлю.

— Здорово.

Официант принёс салат для доктора Джоан и пиццу пепперони для меня. Я выглядел и чувствовал себя настоящим посмешищем.

— У меня есть ещё один вопрос. Влияет ли бумерит на нас, иксеров и игриков? Вернее, дело не совсем в этом — я сам знаю, что влияет — ведь он же везде. Я хочу спросить, каким образом бумерит проявляется в нас? Как выглядит бумерит в *моём* поколении? Кажется, мы не так уж увлечены собой. Даже наоборот — практически у всех нас скорее заниженная, чем завышенная самооценка. Мы же просто *бездельники*...

— Ты считаешь себя бездельником? — спросила Джоан. Она протянула руку и коснулась моей руки.

— Да нет же! Но вы ведь поняли, о чем я.

— Послушай меня, Кен. — Она в упор посмотрела на меня, и я поскользнулся, потерял равновесие и провалился в небеса. — Ты бездельник не потому, что ничего не делаешь, а потому, что твоя задача куда больше, чем ты думаешь. Моё поколение открыло зелёный, твоё откроет жёлтый. Ты понимаешь, что это значит? Понимаешь, как это чудесно? Иксеры и игрики вполне могут стать первым в истории поколением второго порядка. *Вы можете стать первым в истории поколением второго порядка!* — повторила она ещё раз, выделяя каждое слово.

Какая оглушительная мысль. Рука в руке, небо, смешавшееся с небом, сердце стучит у меня в горле, подпрыгивая до макушки. Передо мной открывается удивительное будущее, я влюблён в самую прекрасную женщину и ем пиццу пепперони. Да вы только посмотрите на меня.

Джоан начала светиться, излучая изумление.

— Разве ты не понимаешь: вы — Поколение Интернета, Жёлтые Детки. Если вы выживете, то станете первым в истории поколением второго порядка! — Она улыбнулась, не сводя с меня глаз, глядя пристально, будто пытаюсь понять, удалось ли этой простой идее проникнуть в густой раствор морфия, плескавшийся в моей голове вместо мозга.

— Это действительно потрясающая мысль... Джоан. Что-то похожее говорил Доктор Морин. Но с этим довольно трудно свыкнуться. К тому же, ты сама сказала: если мы выживем. Так какие препятствия лежат на нашем пути к интегральному? Как выглядит наш бумерит?

— Не забывай, что бумерит — это просто постмодернистский вариант флатландии. А флатландия — это глупая убеждённость в отсутствии уровней сознания: нет ни верха, ни низа, ни спирали развития, ни спектра сознания, только серая и унылая поверхность. Поэтому твой вопрос должен звучать так: почему ты и твоё поколение застряло во флатландии? Верно? Милый, чтобы ответить на него, для начала вспомни состояние дел в сфере искусственного интеллекта, от которого, предположительно, зависит наше

будущее. Ведь, вы там даже не думаете об уровнях сознания, правда? Ведь правда, Кен?

— Да, это правда, мы о них не думаем. Ну, то есть лично я теперь думаю, но не остальные. Они все работают с уровнями логической сложности, а не с внутренними уровнями сознания.

— Вот именно. Так что вы, иксеры и игрики, просто глотаете весь этот абсурд флатландии и программируете свои машины на воспроизведение этого безумия. Так держать, ребята.

— Мы программируем флатландию в ИнфоСферу будущего, — пробормотал я в оцепенении. — Мы программируем флатландию в КиберГород. Мы программируем флатландию в будущее. Я так и знал, так и знал, так и знал...

Я так и не доел свою пиццу. У меня как будто наступила временная амнезия, я провалился в себя, отключился от внешнего мира. Не знаю, что это было, но когда я пришёл в себя, то вновь услышал её голос.

— Подумай об этом, хорошо? Не удивительно, что у всех в твоём поколении депрессия. Ведь вы живете во флатландии. — Она посмотрела на часы.

— Ох, нам пора возвращаться на семинар.

Она взяла мою руку, сжала её. Я был уверен: она сделала это неспроста, и мой глупый ум снова отправился в Париж, где шёл дождь из цветов, и котят, и милых розовых лепестков, написанных Моне. Сейчас меня точно вырвет...

— Ещё увидимся, — улыбнулась она.

На сцене снова была Маргарет Карлтон. Слайд №5: «Духовность нью-эйджа».

— Духовность нью-эйджа, — начала Карлтон. — Наверное, нам стоит лучше разобраться, что это такое. Движение нью-эйдж, как и всё, чего коснулся бумерит, это удивительная смесь до- и пост-. Я уверена, что все

мы можем гордиться пострациональной частью нью-эйджа, однако с дорациональной частью дела обстоят совсем иначе.

Хлоя берёт пиццу, размазывает её по своему голому телу и говорит: «Кушать подано!» Я приближаюсь к ней, облизываю её груди, вхожу в неё, и внутри меня нарастает холодный ужас, потому что на моих глазах тело Хлои превращается в тело Джоан, которое превращается в бесконечное небо, заполняющее своим сиянием всё пространство. Трение плоти заставляет меня полностью открыться, оргазм разрывает моё тело и разбрасывает куски по всей вселенной. Я растворяюсь в вечном дожде блаженства, внезапном экстази-трипе на раскалённых цифровых небесах.

— Слушай меня внимательно, — теперь говорит мне небо. — Я — Пракрити, я дверь во вселенную, я чрево, в котором рождается весь проявленный мир, я телесный путь к Духу, который вечно присутствует здесь и сейчас и который вот-вот снизойдёт на сопротивляющуюся землю, промчавшись со скоростью света по эволюционным волнам углерода и кремния. Ты ведь хочешь войти в моё тело, слиться с моим желанием, заняться сексом с моей плотью, испытать окончательную разрядку — ты ведь хочешь этого, верно? Хочешь трахнуть бесконечность, кончить так обильно, что из тебя выльется весь космос, хочешь быть полностью Свободным, совершенно Освобождённым, единым со Всем. Ты ведь хочешь именно этого, так зачем останавливаться на слиянии с одним женским телом, если можешь слиться со всем космосом, пережить такой оргазм, который не снился тебе даже в самых безумных снах? Зачем ограничиваться порцией плоти, если тебе принадлежит бесконечность? Кен, ты слышишь меня? Кен?

— Да, я слышу тебя.

— Коснувшись моей груди, ты коснёшься облаков. Погрузившись в меня, ты погрузишься в землю. Но ведь ты хочешь слиться со мной, милый,

переспать со всей вселенной, раствориться в этом блаженстве. Ты понимаешь меня?

— Кажется, да. Я пытаюсь.

— *Значит, ты сможешь прийти к себе, если только не встанешь у себя на пути,* — тихо произносит голос старика в моей голове.

— Духовность нью-эйджа, — продолжила Маргарет Карлтон, — основана на вере в то, что *«вы сами создаёте свою реальность»*. Вообще-то, психотические больные тоже создают свою реальность, но не будем об этом. — Взрыв смеха в зале. — К своей чести, последователи движения нью-эйдж пытаются соприкоснуться с всеобщим духовным и творческим началом, но это стремление, как правило, смешивается с бумеритом, и в результате принимает довольно причудливые формы. Причудливые? Где я подцепила это слово? — Карлтон немного смутилась. — Ах, да. В общем, нью-эйдж — это смесь из нескольких ингредиентов: здоровой когнитивной психологии, эмоционального нарциссизма, дорациональной магии и полного непонимания мистических традиций.

Белая, как снег, Маргарет Карлтон, посмотрела в зал и нежно улыбнулась.

— Ингредиент когнитивной психологии выглядит довольно просто и правдоподобно: опыт человека зависит от его убеждений. Изменив свои убеждения, вы можете изменить свою реакцию на многие жизненные ситуации. Это чистая правда. Я не могу изменить свои ощущения, но могу изменить свои мысли об этих ощущениях, и таким образом, постоянно работая со своими убеждениями и перенастраивая своё отношение (забота вместо цинизма, оптимизм вместо пессимизма, принятие себя вместо самоуничтожения), я могу в корне изменить свой взгляд на жизнь.

— Разумеется, это достижимо лишь в определённых пределах, которые при появлении бумерита, увлечённого грандиозностью открывшихся перспектив, моментально пропадают из виду. Утверждение «мысли влияют на реальность» превращается в «мысли создают реальность». В закреплении

идеи о том, что мои эгоические мысли управляют всей реальностью, мне может помочь обращение к авторитету великих мировых духовных традиций, если я могу заявить, что устами моими глаголет сам Бог. Ведь, кажется, все мировые мистические традиции говорят именно об этом. Разве величайшие святые и мудрецы всего мира не утверждали, что сокровенное Я человека едино с Божественным? И что глубиннейшее сознавание и есть сам Дух? И разве не этот Дух — моё собственное Я — создал весь мир? Получается, я сам создаю свою реальность?

— Так шаг за шагом осуществляется нарциссическое извращение мистических взглядов. Об этом мы поговорим в следующей секции семинара, когда речь пойдёт об удивительных свидетельствах существования Третьего Порядка. — От мысли о третьем порядке по моей коже побежали мурашки; я огляделся. — А сейчас я хочу сказать лишь одно: все великие мировые постбирюзовые духовные традиции действительно утверждают, что ваше глубочайшее сознавание едино с Духом, и понимание этого божественного единства достигается в просветлении — сатори, мокше, космическом сознании, *unio mystica* — можете использовать то слово, которое вам больше нравится. Уверена, что именно к этой важнейшей истине пытаются приблизиться нью-эйджеры, и я надеюсь, когда-нибудь мы все сможем к ней прикоснуться. Но Я, единое с Духом, не имеет почти ничего общего с вами. На самом деле, именно превосходство вами эго позволяет воссиять Духу. Я, о котором идёт речь, это полная противоположность бумерита!

Во мне произошло что-то странное, чего я толком не могу описать. Ким с недоумением уставилась на меня.

— Одно из типичных представлений нью-эйджа гласит: чтобы у вас всё было хорошо, думайте хорошие мысли, ведь вы сами создаёте свою реальность — следовательно, должно случиться то, о чём вы думаете. Соответственно, если вы больны, значит, у вас были плохие мысли. Но мистические традиции утверждают, что ваше истинное Я находится за пределами добра и зла, так что, принимая *абсолютно всё*, что с вами происходит, и *в равной степени* приветствуя как хорошее, так и плохое, вы

можете полностью превзойти своё эго. Идея *не* в том, чтобы взять одну вещь, которая является хорошим, и с её помощью разрушить другую вещь — ваше эго, а в том, чтобы постепенно подняться над обеими этими вещами.

— Послушай меня ещё раз, юный Кен: позволь своему уму расслабиться. Пусть твой ум расслабится и расширится, слившись с небом, которое ты видишь перед собой. А теперь наблюдай: облака проплывают по небу, и ты без усилий осознаёшь их. В твоём теле возникают чувства, и ты без усилий осознаёшь их. Мысли проплывают в твоём уме, и ты без усилий осознаешь их. Природа, чувства, мысли проплывают мимо... а ты всё это осознаешь.

— Так ответь мне: Кто ты?

— Ты не твои мысли, ведь ты сознаёшь их. Ты не твои чувства, ведь ты сознаёшь их. Ты не объекты, которые ты видишь, ведь ты сознаёшь их.

— В тебе есть то, что сознаёт всё это. Так ответь мне: что это за Я внутри тебя, что сознаёт всё?

— Один из величайших индийских мудрецов Шри Рамана Махарши говорил: «Вы думаете, что Бог посылает вам лишь хорошее, а всё плохое не от него. И это ваша самая большая ошибка». Иными словами, в сердце вашего изначального Существа, там, где вы действительно едины с Духом, вы приобщаетесь к той всеохватной, той всеобъемлющей реальности, которая в равной степени и полностью включает болезнь и здоровье, удовольствие и боль, успех и неудачи. «Я, Господь, проливаю свет и на хорошее, и на плохое. Я, Господь, творю всё это». И когда вы сольётесь с Духом, то сами станете тем светом, который беспристрастно освещает и хорошее, и плохое. Тогда вы перестанете цепляться за хорошее и пытаться

избавиться от плохого с помощью сладких мыслей, полезных вашему обособленному эго.

— Разумеется, все мы хотим быть здоровыми, а не больными, жить в достатке, а не в нужде, любить, а не ненавидеть, и у нас есть полное право трудиться во имя этих целей. Но заявляя, «я сам создаю свою собственную реальность», я должен быть очень осторожен и всегда понимать, что за «я» говорит во мне: моё настоящее Я или моё эго, Дух или эгоизм. Ведь Дух, присутствующий во мне, не ограничен мной. Дух, присутствующий во мне, есть в каждом живом существе, маленьком и большом, и этот Дух действительно творит всю вселенную: он создаёт свою собственную реальность, в которой есть Солнце, Луна и звёзды, огромные океаны и проливные дожди, все нации земли и все её благословенные обитатели, свет и тьма. Но если я заявляю, что создаю свою реальность, состоящую из новой машины, новой работы, больших денег и славы, здоровья вместо болезни, счастья вместо грусти, удовольствия вместо боли и света вместо тьмы, возможно, мне стоит задуматься: какое «я» говорит во мне, ведь это вовсе не похоже на *единение со всем*, правда? Я един лишь с небольшим кусочком вселенной, находящимся во власти мелких нужд и желаний. И, друзья мои, это не Дух — это всего-навсего эго.

Слушатели начали ёрзать, или, скорее даже, корчиться на стульях.

— Я кое-что нарыла на Карлтон, — наклонившись ко мне, неожиданно объявила Ким.

— Но Ким, разве это не удивительно? Ты ведь тоже это чувствуешь? Это присутствие? Это Пространство?

— Ооооокей, Кен снова отправился в своё киберцарство, да?

— Вообще-то, это не совсем киберпространство, хотя, может быть, и оно. Может быть, именно там я и побывал — в киберпространстве будущего, ведь именно таким оно должно быть: бестелесным, текучим, свободным...

— Земля вызывает Кена, Земля вызывает Кена. Кен, отзовись.

— Что? А, да. — Я застенчиво улыбнулся, попытался сосредоточиться.

— Дело в том, что практики, ведущие к преодолению границ эго или, как говорят некоторые из нас, к третьему порядку, обычно требуют много времени и усилий. Если вы ищете хороший обзор этих практик, «Основания духовности» («Essential Spirituality») Роджера Уолша (Roger Walsh) — это то, что вам нужно. Роджер — уважаемый член Интегрального центра, и его книга достойна высочайших похвал.

— Но выполнение духовных практик, как и любых других практик, будь то обучение игре на музыкальном инструменте, получение учёной степени или изучение иностранного языка, занимает время — очень, очень много времени, и поэтому бумерит, ищущий моментального удовлетворения, к сожалению, их избегает.

— Бумериту нужен Бог, доступ к которому можно получить усилием мысли, для достижения которого достаточно представить, что вы едины с Паутиной Жизни или с Богиней, подумать о холистических архетипах или транзитной астрологии. Бумериту нравится считать, что его мысли о собственной Божественности и Святости не предваряют практику, а магическим образом заменяют её. Созданием волшебных слов для бумерита занимается огромная индустрия, разрабатывающая причины, по которым бумеры могли бы считать свои эго Божественными.

— Эта индустрия расцвела именно благодаря тому, что не требовала от своих клиентов почти никаких усилий. — Многие слушатели рассмеялись, многие застонали. — Загляните в любой список бестселлеров, и вы увидите, что как минимум три из десяти представленных в нём книг посвящены простым магическим рецептам. Этим занимаются целые независимые колледжи. Открывается всё больше семинаров выходного дня, в основном направленных на «поддержку» эго своих участников, как будто их эго не достаточно сильны и без всякой поддержки.

Милая Маргарет Карлтон твёрдо шла вперёд, её нежнейшая улыбка ярко контрастировала с резкими словами.

— В рамках большинства таких подходов все вещи в обязательном порядке получают *новые имена*. Например, вы берёте своё текущее эгоистическое состояние и называете его духовным, божественным и священным, а своё эго переименовываете в Богиню. Вы называете «я» божественной Паутиной Жизни. Вы берёте собственное ограниченное состояние, которое кажется вам таким устойчивым, и называете его Священным. Наконец, когда все мельчайшие проявления эго объявлены Божественными, у нас появляется «новая парадигма».

Карлтон помолчала, а затем быстро закончила.

— Я не критикую бумеров — я критикую бумерит. А утверждение, что «вы сами создаёте собственную реальность», что ваше всемогущее эго создаёт реальность, это самое точное выражение сущности бумерита. Оно не имеет отношения к социальному конструированию реальности. Оно основано на убеждении, что произведение искусства создаёт критик, а не художник. Оно поселилось в сердце деконструкции. Оно — двигатель духовности нью-эйджа. Его можно обнаружить даже в некоторых потайных уголках современной физики...

Мы с Хлоей занимаемся любовью под аккомпанемент MJ Cole, играющего «[Crazy Love](#)» и «Sonic Love Surrender»¹⁰⁷. Хлоя проделывает невообразимые вещи, её тело становится всё более податливым: его очертания размываются, оно растворяется в небе, и тогда мы с Джоан сливаемся в экстатическом союзе, освещающем космос вспышками огня плоти. Но на этот раз что-то не так, со мной происходит что-то прекрасно-чудовищное. Хлоя, ты здесь? Джоан? Эй? Кто-нибудь?

¹⁰⁷ «Безумная любовь» и «Подчинение звукам любви» (англ.). — Прим. пер.

Маргарет Карлтон покинула сцену, и к микрофону вышел Чарльз Морин.
Слайд №6: «Новая физика».

— В конце своей презентации доктор Карлтон упомянула, что бумерит нашёл себе место даже в современной физике. Это может показаться странным, но это правда. Претензии бумерита на всемогущество эго отчётливей всего проявляются именно в науке. Когда речь идёт о духовности, бумериту приходится представлять своё раздутое эго как Божественное Я и продвигать идею о том, что если как следует накачать эго бумера стероидами, можно получить Бога. — Хохот в зале. — Но чтобы убедить мир науки, будто эго создаёт всю реальность, нужно было заручиться поддержкой самой серьёзной научной области — физики. Это может показаться невозможным, но не стоит недооценивать бумерит. В общем, давайте рассмотрим несколько трюков новой физики.

— Она любовница Лизы.

— Что?

— Маргарет Карлтон — любовница Лизы.

— Ты шутишь, да?

— Нет.

— Это тебе Чарльз сказал?

— Да.

— Круто. Просто офигенно. Нет, это же надо!

Пауэлл и Карлтон были практически полными противоположностями друг друга — как колючее и мягкое, чёрное и белое, верх и низ, ян и инь, гав и мяу, материя и антиматерия, и поэтому, оказавшись вместе, они вполне могли, фигурально (или не очень) выражаясь, поглотить друг друга без остатка, произвести космический внутренний взрыв, на месте которого останется зияющая пустота, чёрно-белая дыра во времени, ведущая в бесконечность.

— «Новой физикой» бумеры называют открытия, сделанные уже почти сто лет назад, — спокойно продолжил Морин. — И «новизна» тут заключается не в самой физике, а в интерпретациях, которые дали ей бумеры. Занявшись исследованием самых маленьких составляющих материи и расщепив атом на электроны, протоны и другие частицы, физики обнаружили одну интересную вещь: поскольку для исследования и обнаружения одних мелких частиц (например, электронов) мы используем другие мелкие частицы (например, фотоны), то довольно быстро начинаем замечать, что эти частицы сталкиваются друг с другом. Это просто неизбежно. А поскольку после столкновения направление движения обеих частиц меняется, значит, на измеряемый объект влияет сам акт измерения. Так что положение мелкой частицы всегда остаётся до некоторой степени «неопределённым».

— Этот принцип неопределённости получил как минимум полдюжины интерпретаций. Одна из школ физики объявила, что пришло время заменить детерминизм теорией вероятностей. Другая говорила о существовании неких скрытых переменных, всё-таки являющихся детерминированными. Третья выдвинула гипотезу о существовании множества миров по числу вероятных исходов эксперимента. Четвёртая, получившая наибольшее признание, утверждала, что это явление вообще невозможно интерпретировать, поскольку мелкие частицы просто не поддаются исследованию.

— Бумеры же сделали вывод, что они сами создают мелкие частицы.

По залу пробежал ропот.

— Утверждалось, что если до момента измерения вы ничего не знаете о частице, то, значит, до этого её просто не существует. Получается, что частицы создаёт сам акт измерения, и это делает *вас* ответственным за их существование, а поскольку все вещи состоят из частиц, вуаля! — вы создатель всей реальности. Так эго бумеров в очередной раз стало источником всего.

В зале раздались крики, выражавшие то ли согласие, то ли протест.

— Небольшая часть физиков отстаивала точку зрения, что измерение, которое может быть произведено машиной без участия человеческого сознания, приводит к схлопыванию волнового пакета или «вероятностного облака», в результате чего потенциально существующая частица становится реальной. Нетрудно догадаться, какой вывод из этого сделали бумеры: моё большое толстое эго создаёт вселенную.

Морин помолчал, затем зачитал обвинение.

— Как утверждает один популяризатор новой физики бумерита, «стоит вам представить себе пепельницу, как тут же возникнет вероятностное облако». Всесильная мысль создаёт пепельницы, заставляет их возникать в реальном мире. И бумерит нашёл этому взгляду подходящее применение, в очередной раз с его помощью доказав, что я сам создаю всю реальность. К тому же предполагалось, что если в это поверят все люди, произойдёт грандиозная, беспрецедентная по историческим меркам социальная трансформация, во главе которой, разумеется, встанут бумеры, первыми сумевшие по-настоящему понять эти открытия столетней давности. Как с типичным для бумерита апломбом объясняет Дана Зохар (Danah Zohar), «идея „квантового общества“ основывается на убеждённости, что описание квантовой реальности порождает новую парадигму, способную радикально изменить наши взгляды на себя самих и общество, в котором мы живём. Когда понимание квантовой реальности распространится в обществе, у нас появятся концептуальные основания для позитивной социальной революции».

— Давайте низвергнем старую парадигму, выйдем за рамки старого общества, начнём революцию, которая потрясёт мир. На это я могу ответить лишь одно: Макс Планк, Нильс Бор и Вейнер Гейзенберг о таком и помыслить не могли.

— Последние три дня я провёл с Дарлой, — сказал Стюарт, опускаясь на стул позади нас. Я повернулся и посмотрел на него. Похоже, он совсем спятил. — Теперь нас ничто не останавливает, и это просто НЕЧТО. Между прочим, я познакомил её с родителями, и они просто ВЛЮБЛЕНЫ в неё. Её

все любят. Я ни с кем не чувствовал себя так, как с ней. У нас есть ВСЁ: ум, тело, дух — это как взрыв сверхновой духа, как будто все части нашего существа одновременно празднуют Новый год.

Каролина тоже повернулась и посмотрела на него.

— Может, поговорим об этом позже? Я, конечно, рада за тебя, большой мальчик, но сейчас не самое подходящее время.

— Послушай — тебе это понравится. Однажды вечером мы пошли прогуляться. Мы шли по берегу озера, едва касаясь друг друга, и просто дышали, но напряжение между нами вдруг стало таким сильным, что у Дарлы прямо на ходу случился оргазм. Мы были полностью одеты, никакого генитального контакта, ничего такого, но внутри неё произошёл взрыв энергии, всё её тело начало иступлённо трястись. Её оргазм продолжался почти две минуты, и всё это время мы просто шли вдоль озера! Это было просто дико и ТАК чертовски смешно! Прохожие бы, наверно, подумали, что у неё случился припадок, если бы мы оба не хохотали, как ненормальные. Это могло бы быть в каком-нибудь фильме Вуди Аллена.

— Ты *сам* как фильм Вуди Аллена, Стюарт, а теперь заткнись. Хотя нет, подожди. Оргазм на ходу?

Я подумал, что Каролина сейчас попросит у него подробную инструкцию.

— Все последние три дня были такими. Интересно, у двух людей одновременно может произойти пробуждение кундалини? И какого черта вообще происходит? Ухууууууууууу!

— Могу я вам помочь? — обратился к нам со сцены доктор Морин.

— Стюарт забыл принять свои лекарства, — выкрикнула в ответ Каролина.

— Любопытно. Леди и джентльмены, доктор Ван Клиф.

Слайд №7: «Новая парадигма». Ван Клиф сразу перешёл к делу.

— «Новая» физика — это всего лишь одна из ветвей «новой парадигмы», которую один из её сторонников называет «самым революционным

научным прорывом в истории». В чём заключается эта революционность? Никто не знает. Новой парадигме посвящены сотни книг, но представленные в них точки зрения плохо согласуются друг с другом. Хотя кое-что общее у них всё-таки есть: все они считают, что эта новая парадигма принадлежит бумерам.

— Скоро свадьба.

— Твоя с Морином?

— Нет, Карлтон и Пауэлл.

— Карлтон и Пауэлл женятся? То есть они не просто любовницы — они собираются пожениться?

— Да, с кольцом.

— Когда?

— В следующем месяце. Полная луна, приливная волна, держитесь, девчонки, мы идём.

— Офигеть не встать! — выкрикнул я и шлёпнул себя по колену. Ван Клиф посмотрел на меня, и я густо покраснел.

— Самое большее, что можно сказать о новой парадигме, это то, что она очень похожа на появившуюся почти полвека назад теорию систем, широко применяющуюся во многих научных областях, включая социологию, психологию, биологию, экологию и культурную антропологию. Тем не менее, все авторы поколения бумеров считают, что новая парадигма уже не за горами, и её возникновение ознаменует беспрецедентную мировую трансформацию, которую возглавят хозяева этой новой парадигмы.

На лице Ван Клифа проступила смесь скуки и отвращения. Ему пришлось сделать над собой заметное усилие, чтобы продолжить.

— Мы сейчас не говорим о тех многих важных истинах, которые были открыты постформальными науками второго порядка и заслуживают включения в универсальную интегральную систему — мы не говорим о теории систем, теории хаоса, теории сложности, автопоэзисе и т.д. Мы

пытаемся понять, во что все эти важные истины превратил бумерит и как люди, не сделавшие ни одного научного открытия, оказались в интеллектуальном авангарде грядущей мировой трансформации. Подобно тому, как зритель приписывает себе заслугу создания произведения искусства, деконструкция воображает своё превосходство над тем, что деконструирует, а утверждение «вы сами создаёте свою реальность» даёт вам возможность почувствовать всемогущество своего эго, точно так же «новая парадигма» позволяет человеку вообразить себя необходимым компонентом величайшей и удивительнейшей мировой трансформации.

Кое-кого эти слова заставили вздрогнуть, а затем начать перешёптываться с соседями. Ван Клиф подождал, пока возбуждение стихнет.

— Парадигма. Бумерит подогнал под себя это понятие, существенным образом изменив его определение.

— «Структура научных революций» («The Structure of Scientific Revolutions») Томаса Куна (Thomas Kuhn) была впервые опубликована в 1962 году, и, на счастье или на беду, в последние тридцать лет стала самой влиятельной и цитируемой книгой по философии науки. По иронии, она же стала самой *неправильно понятой* книгой века, завоевавшей свою популярность в основном благодаря превратному толкованию содержащихся в ней выводов, которое, по мнению многих историков, произошло в результате нарциссических настроений Поколения Я. Извращённые бумеритом идеи Куна и есть парадигма нашего времени.

— Хлоя, у тебя когда-нибудь случался оргазм на ходу?

— Надо же, теперь ты и об этом знаешь? Конечно, сегодня я испытала пять ещё до завтрака.

— Ну и как, это интересно?

— А ты как думаешь?

— Я думал, мне нужно поменьше думать.

— Тебе нужно поменьше думать о тех глупостях, о которых ты обычно думаешь. А об *этом* тебе стоит думать почаще.

Тело Хлои несколько минут сотрясают судороги.

— Господи, что это было?

— Оргазм на ходу.

— Но Хлоя, ты же сидишь.

— Впечатляет, да?

— Искажённая версия идей Куна сейчас распространилась настолько, что для серьёзного исследователя не составляет труда сформулировать ошибочное толкование его понятия о «парадигме». В качестве примера приведу высказывание Фредерика Круса (Frederick Crews). Цитирую: «Считается, что Кун говорил о невозможности существования в будущем двух парадигм, поскольку каждая парадигма — это отдельная вселенная восприятия и понимания. Следовательно, не существует способа оценки достоинств парадигмы, и доминирующая теория будет выбрана исходя из социальных, но никак не эмпирических причин. Доминирующая теория получит признание благодаря тому, что будет лучше соответствовать сиюминутным интересам и настроениям данной идеологии, класса, пола, расы или власти, то есть андроцентризма, фаллоцентризма, евроцентризма, антропоцентризма и т.д. Так что те интеллектуалы, которых когда-то заставлял трепетать неодобрительный взгляд позитивизма, теперь могут заменять „революционные парадигмы по Куну“ своими собственными, избавляясь от любых неугодных теоретических соглашений».

— Такова типичная интерпретация идей Куна, — с выражением произнёс Ван Клиф. — Крус называет эту интерпретацию «теоретицизмом», поскольку она замешана на чистой теории и идеях, оторванных от действительных *свидетельств и доказательств*, что, в сущности, очень напоминает литературную Теорию, утверждающую, что «фактов нет — есть только

интерпретации». Так что Крус приходит к очевидному выводу: «Об эмоциональной притягательности теоретицизма можно судить хотя бы по тому, насколько далеко его интерпретации ушли *от идей самого Куна*».

— А ты пойдёшь к ним на свадьбу?

— На самом деле, мне кажется, что Чарльз планирует двойную свадьбу, настоящую грандиозную ИЦ-тусовку, если ты понимаешь, о чём я.

— Правда? По-моему, отличная мысль. Но ты до сих пор не уверена, или всё же решилась?

— Ну, вообще-то, я не знаю.

— Это из-за возраста?

— Нет, дело не в этом, я просто не знаю.

Ван Клиф мерил шагами сцену. Его руки были сложены за спиной, а лицо светилось свирепым напряжением — по мнению Ким, слишком свирепым, даже если оно было частью задачи «разворошить осиное гнездо», которую ставили перед собой все люди в ИЦ.

— Раз науку определяют «парадигмы», не основанные на реальных фактах и доказательствах, а «создающие» их, значит, *нет никакой необходимости приклоняться перед авторитетом науки*. Почему? Правильно, потому что никто не вправе указывать, что мне делать!

— Это распространённое искажение идей Куна, этот теоретицизм также подразумевал, что наука *произвольна* (создаётся навязанными структурами власти, а не в результате обработки фактических данных), *относительна* (не открывает универсальных законов реальности, а лишь относительные, помогающие укрепить власть науки), *социально сконструирована* (наука не карта реального мира, а социально обусловленный конструкт), *интерпретативна* (не открывает фундаментального знания о реальности, а лишь предоставляет одну из множества интерпретаций текста мира), *основана на власти* (наука не работает с фактами — она управляет людьми, как правило, в интересах евроцентризма и андроцентризма) и *непрогрессивна* (поскольку

наука движется вперёд за счёт скачков или прорывов, ни в одной сфере науки нет и не может быть никакого прогресса).

Ван Клиф заговорил очень громко.

— *Кун не был согласен ни с одним из этих представлений* — более того, он горячо их оспаривал. Но то, что Крус метко назвал *эмоциональной привлекательностью* неверно истолкованной идеи, благодаря неуёмному нарциссизму шестидесятых, быстро пустило корни в умах людей: достаточно придумать новую парадигму, и мы избавимся от смиренной рубашки науки.

Ван Клиф вышагивал по сцене взад и вперёд, его речь была обращена к нему самому в той же мере, в которой она была обращена к слушателям. Вдруг, будто вернувшись в настоящий момент, он повернулся к аудитории, заметно расслабился и произнёс, озорно улыбаясь:

— В скромный список претендентов на звание новой парадигмы входит глубинная экология, транзитная астрология, квантовое «я», квантовое общество, холистическое здоровье, постмодернистский постструктурализм, экофеминизм, квантовая психотерапия, неюнгинская психология, ченнелинг, досовременное племенное сознание, лечение кристаллами, ребефинг, экопсихология, холотропное дыхание, чистка ауры, парапсихологическая телефонная служба, новый взгляд на трансперсональную психологию, хиромантия, астральные клизмы, шины «Goodyear» с повышенной силой сцепления и мешковатые джинсы «Levi's».

Взрыв смеха в зале. Большинство слушателей смущённо кивало, кое-кто был в ярости.

— Происходящее настораживало самого Куна, и он несколько раз выступал с решительными опровержениями, призванными исправить ситуацию, однако не имевшими никакого эффекта. Большинство людей, использовавших слово «парадигма» и цитировавших Куна, понятия не имело, что сам Кун полностью отказался от этого термина. Действительно ли наука относительна, произвольна и непрогрессивна? Вот как на этот вопрос

ответил сам Кун: «Более поздние научные теории лучше справляются с решением загадок, возникающих в той обстановке, в которой эти теории применяются. В этой позиции нет релятивизма — она объясняет, что именно я имею в виду, когда называю себя убеждённым сторонником научного прогресса».

Я занимаюсь любовью с Хлоей, и внезапно её тело становится космосом. Я сливаюсь с ней, я — всё, что возникает, я яростно сжимаю весь мир и растворяюсь в безграничном блаженстве. Хождение, а также сидение, стояние, смех, любовь — всё это один бесконечный оргазм, экстаз вырывается из недр бесконечности и заливают весь благодарный мир. Моя любовь к Хлое, к Джоан, ко всем ним, вытекает из моего существа в космос огромными, нарастающими волнами заботы...

— Видишь, он не совсем безнадёжен, — говорит она.

— Похоже, что так, — отвечает голос старика.

— ...киберплаты светятся в ночи... неги нитро-цифровой лучи...

— Но ему ещё нужно научиться выражать свои мысли, не прибегая к этой ужасной пурпурной прозе.

— Ну, в этом весь он. К тому же, когда-то и ты был таким же.

— Это правда. Чистая правда.

— Вряд ли он станет более покладистым, когда узнает, кто ты. Вы ведь с ним одинаковые.

Голос в моей голове начинает смеяться.

*— Что же в таком случае Кун вкладывал в понятие «парадигма», и какова «структура» научных революций? Вообще-то, во всём этом и близко не было тех чудес, о которых говорил бумерит. Во-первых, в истории современной науки Кун выделял не три или четыре, а *несколько сотен* смен*

парадигм. Как пишет об этом Ян Хакинг (Ian Hacking), «В „Структуре научных революций“ описаны сотни революций, происходивших в различных научных дисциплинах и, как правило, основанных на трудах множества исследователей. В число таких революций входит не только химическая революция Лавуазье, но и открытие Рентгеном рентгеновского излучения, гальванические элементы и батарейки, квантование энергии и многочисленные достижения термодинамики».

— Иными словами, практически любой эксперимент, предоставлявший новые данные, становился новой парадигмой, поэтому новой парадигмой можно назвать даже батарейку. У каждой «парадигмы» есть экспериментальный и социальный аспекты, связанные не только с идеями, но и с реальными *практиками*. Кун «использовал слово „парадигма“ как для обозначения устоявшихся и признанных моделей научной практики, так и для местных социальных структур, которые сохраняют эти стандартные модели через обучение, поощрение и проч. Чудесным образом распространившись и завоевав популярность, это слово вошло в лексикон всех авторов, пишущих о науке, за исключением самого Куна, отказавшегося от его использования. Сейчас „парадигма“ — это мёртвая метафора».

— Сейчас «парадигма» — это мёртвая метафора, — повторил Ван Клиф. — Но только не для бумерита, продолжающего каждый год выпускать сотни книг, посвящённых новой парадигме.

Экстаз — это больно. Есть ли у меня тело? И с кем я слился: с Хлоей, с Джоан, с Богом или с Богиней? Где я: в мире углерода или в мире кремния? Я наблюдаю или за мной наблюдают? Сияющее блаженство освещает спасительные небеса, DJ Pollywog играет «Heading toward Omega» от Atomic Babies¹⁰⁸. Быстрее, быстрее!... Стук музыки — это

¹⁰⁸ «Атомные Малышки» — «На пути к Омеге» (англ.). — Прим. пер.

бесконечный оргазм, пульсирующий в ритме звёзд. Я не знаю где я, и всё же меня не покидает одна мысль: это явно не мир наших отцов.

Слайд №8: «Парадигма „У-меня-есть-новая-парадигма“». Я потёр глаза, встряхнул головой, посмотрел на слайд.

— Это ведь интересная тема, да, Ким?

— Да, но только не в этом мире. После того как Джефферсон впервые выступил с этой темой, его пригрозили взорвать.

— Ты шутишь?

— Богом клянусь.

— Но за что?

— Ну, ты же знаешь, у злобного зелёного мема красное сердце. В этом вся суть бумерита.

— Переведёшь?

— Если ты наступаешь кому-то на больную мозоль, жди агрессии. Все эти разговоры о мире и любви распространяются только на тех, кто с ними согласен. Джефферсона почти два года охраняла полиция.

Весь мой энтузиазм мгновенно исчез. И всё же, в начале выступления Марк Джефферсон казался довольно спокойным.

— Здравствуйте, друзья. На этот раз мы поговорим о самой распространённой форме «новой парадигмы». Иногда мы называем её «Парадигмой 415», используя телефонный код Сан-Франциско, ставшего эпицентром этой парадигмы, хотя, разумеется, она не ограничена никакими географическими рамками. — Он улыбнулся и посмотрел в зал. — Поэтому обычно мы называем её «Парадигмой “У-меня-есть-новая-парадигма”».

Большинство слушателей добродушно рассмеялось.

— Парадигма «У-меня-есть-новая-парадигма» концентрирует вокруг себя практически все интеллектуальные течения бумерита: антимодернизм, анти-

Просвещение и антивестернизацию (принимаются только возникшие на Западе новая физика, теория систем и интернет, хотя, по мнению феминисток, все западные науки являются формами изнасилования), сильный ретро-романтизм (с его религиозной верой в благородного дикаря и «недиссоциированное» племенное сознание, мифологию Геи, возвращение Богини и плюралистического рая, который существовал до появления современного мужского эго и будет воскрешён с помощью новой парадигмы — женской, связывающей, объединяющей, заботливой и так непохожей на старую мужскую, разделяющую, аналитическую и бесчувственную — тут, обычно, ссылаются на Кэрол Гиллиган); социальное конструирование реальности (на которое опирается деконструкция западного проекта модернизма); крайние антииерархические взгляды (ведь все иерархии — это формы социальной зависимости, угнетения и дискриминации), неуёмный плюрализм, контекстуализм и конструктивизм («свободная игра означаемыми») позволяет низвергнуть господствующую версию эпистемологии) и готовность к диалогу (морально превосходящему все другие формы взаимодействия); всё это обязательно сопровождается представлениями о якобы холистической духовности (для постижения которой не нужна практика — достаточно усилия мысли) и в некоторых случаях — интересом к изменённым состояниям сознания и пиковым переживаниям (как правило, вызванным психоактивными веществами вроде айяуаски), усиливающим увлечение внешними формами племенного и шаманского опыта.

Джефферсон замолчал и преувеличенно глубоко вздохнул, как будто пытаясь восстановить дыхание после произнесения такого длинного предложения.

Thievery Corporation играют «[Closer to God](#)» и «OM Lounge»¹⁰⁹, и удары музыки выносят моё тело в сияющий и переливающийся мир плоти.

— Хлоя, это ты?

Слова ответа проносятся мимо меня так быстро, что я еле успеваю их разобрать.

— *Прикоснись к моей груди, посмотри на звёзды, поцелуй мои губы, зажги эту ночь, это блаженство богов, разве ты не видишь?*

— Теперь вижу, Джоан.

— *Понимаешь, что это означает?* — спрашивает она.

— Парадигма «У-меня-есть-новая-парадигма» — это мешанина всех этих идей (как правило, в их самых крайних формах), объединённая бумеритом.

— К примеру, типичное утверждение новой парадигмы может звучать так: недавние революционные открытия квантовой физики говорят о том, что мир — неделимое целое. Эта целостность, являющаяся фундаментальной основой (или неизменным порядком) всей реальности, показывает, что вся Природа едина, неделима и целостна, что всё в ней взаимосвязано и что мы соединены с Паутиной Жизни. Существование Паутины Жизни подтверждают удивительные прорывы в теории систем и теории хаоса, демонстрирующие, что мир состоит не из отдельных изолированных сущностей, а из сложных узоров переплетающихся паттернов и неразрывных отношений. Понять это нам мешала аналитическая и разделяющая ньютоно-картезианская парадигма, разрывающая мир на изолированные и обособленные механические фрагменты и разбрасывающая их по планете, простой, как бильярдный шар. Это ньютоно-картезианская парадигма виновата в насилии, войнах, конфликтах, экологических катастрофах и в

¹⁰⁹ «Корпорация воров» — «Ближе к Богу» и «ОМ-Лаунж» (англ.). — Прим. пер.

том, что нам приходится жить на мёртвом пустыре. Эта парадигма патриархальна до мозга костей: она основана на мужском принципе «разделяй и властвуй», унижительной власти анализа, гипериндивидуализме и иерархическом подчинении. Чтобы покончить с этим жестоким притеснением и угнетением, мы должны низвергнуть, превзойти и деконструировать старую парадигму. К счастью, у нас есть такая возможность, поскольку западная наука является не объективной картиной объективного мира, а социально сконструированным утверждением, не более достоверным, чем любое другое утверждение, а значит, её можно деконструировать и заменить новой, холистической, связывающей, объединяющей и интегрирующей парадигмой. Но эта новая парадигма — лишь возврат к племенному сознанию, существовавшему до покорения рая (которое авторы-мужчины связывают с «охотничьими племенами», а женщины — с «садоводческими обществами»). И именно эту имманентную духовность, священную природу, неделимую целостность, основу реальности открыла квантовая физика. Просто приняв эту новую парадигму, раскрывающую божественное единство, заключённое везде — от тела Великой Матери, до Геи, экологии, астрологии и теории систем, мы навсегда покончим с насилием, жестокостью и отчуждением и спровоцируем величайшую в истории социальную трансформацию.

— Как и в статье Алана Сокала, ни одно из этих утверждений не является истинным. Некоторые из них довольно близки к истине, но ни одно не может претендовать на победную сигару — или пончик — если уж мы хотим соблюсти равенство полов. Но хотя ни одно из этих утверждений не является истинным, их можно объединить друг с другом так, что бумериту они будут казаться в высшей степени осмысленными, а значит, все, кого поразила эта болезнь, с удовольствием с ними согласятся. За всем этим скрывается несколько важных идей плюралистического релятивизма, генеалогии, теории систем и т.д., однако все они упакованы и склеены клеем бумерита.

— Ах, да, у меня есть новая парадигма, которая трансформирует весь мир...

— *Послушай меня ещё раз, юный Кен: позволь своему уму расслабиться. Пусть твой ум расслабится и расширится, слившись с небом, которое ты видишь перед собой. А теперь наблюдай: облака проплывают по небу, и ты без усилий сознаёшь их. В твоём теле возникают чувства, и ты без усилий сознаёшь их. Мысли проплывают в твоём уме, и ты без усилий сознаёшь их. Природа, чувства, мысли проплывают мимо... а ты всё это сознаёшь.*

— *Так ответь мне: Кто ты?*

— *Ты не твои мысли, ведь ты сознаёшь их. Ты не твои чувства, ведь ты сознаёшь их. Ты не объекты, которые ты видишь, ведь ты сознаёшь их.*

— *Ты не старая парадигма и не новая парадигма, ведь ты сознаёшь их обе. Ты не аналитический и не холистический, ты не один и не многие, ты не патриархальный и не матриархальный, ты не мужчина и не женщина, не чёрное и не белое, не это и не то, нети нети¹¹⁰, ведь ты осознаёшь всё это.*

— *В тебе есть то, что осознаёт всё это. Так ответь мне: что в тебе сознает всё?*

— *Обширное, бесконечное свидетельствующее сознание — разве ты не узнаешь его?*

— *Кто этот Свидетель? Можешь ли ты назвать его имя?*

¹¹⁰ Нети нети (санскр. नेति नेति) — не то, не то. — Прим. пер.

Джефферсон помахал всем рукой и с улыбкой ушёл со сцены. Слушатели угрюмо молчали. Редкие аплодисменты пробивались через поле всеобщего напряжения. На сцену снова вышел Чарльз Морин.

— Всё, о чём мы говорили на этой неделе — от социального конструирования реальности и трагедии одарённого ребёнка до похищения НЛО, спасения Богини и новой парадигмы — объединяет бумерит, то есть переоценка важности, силы и красоты ограниченного эго.

— И, друзья мои, позвольте задать вам вопрос: можем ли мы с ним справиться?

Мы с Хлоей страстно занимаемся любовью. Она кричит, я кричу, мы кричим, и вселенная взрывается, тело Хлои становится телом Джоан, лицо Хлои становится лицом Джоан, являющееся самым бесконечным небом. Я испытываю оргазмы стоя, сидя и на ходу, и они наполняют вселенную космическим светом и болезненным блаженством, которое почти невозможно выносить. А потом Хлоя смотрит на Джоан и говорит:

— С Кеном происходит что-то ужасное.

— Ты права, это просто чудовищно, — отвечает Джоан.

— Но что со мной не так? Что? — взволнованно спрашиваю я.

— Кое-что ужасно, ужасно не так, сладкий мальчик.

— Да, да, и что это? Что?

— Не знаю, как тебе об этом сказать, сладкий мальчик, но, похоже, ты перестал дребезжать.

SEMINAR_3@BEYONDTHEMEGENERATION.COM
(СЕМИНАР3@ЗАПРЕДЕЛАМИПОКОЛЕНИЯЯ.COM)

9. PLURALISM_FALLS_APART@DISINTEGRATIONCITY.COM
(КРАХ_ПЛЮРАЛИЗМА@ГОРОДДЕЗИНТЕГРАЦИИ.COM)

— Эй, [Elastica](#)¹¹¹ собираются воссоединиться! — объявил Джонатан, шуршавший всё ещё влажной утренней газетой, взятой им из стопки на столе в Брэкфаст Брюэри. Хлоя на секунду подняла глаза, а потом вернулась к своему «Fashion Design in Architecture»¹¹². Каролина, замерев и не мигая, смотрела на Джонатана, приподняв правую бровь и поднеся чашку с кофе к губам, застывшее на её лице выражение говорило: что ещё выкинет этот идиот? Скотт глядел на Каролину взглядом, который как будто говорил: кажется, я влюбился. (Где же Ванесса?) Стюарт был где-то далеко. Каждый находился в своём воображаемом мире.

— Интересно, Джастин и тот парень из [Blur](#) всё ещё вместе? — Никто не поднял глаз и не обратил внимания на этот вопрос. Джонатан продолжил зачитывать утренние новости. — Эй, вот это интересно. Учёные обнаружили факты, проливающие новый свет на Бостонское Чаепитие. Вечером 16 декабря 1773 года несколько бостонцев, часть из которых была переодета в костюмы коренных американцев, в знак протеста против британского налога на чай сбросило в Бостонскую Бухту с британских кораблей 342 ящика с чаем. Это важное событие послужило одним из поводов американской революции и принятия Декларации независимости. Недавние исследо-

¹¹¹ Британская группа, существовавшая с 1992 по 2001 год, игравшая в альтернативный рок и панк-рок. — Прим. пер.

¹¹² «Модный дизайн в архитектуре» (англ.). — Прим. пер.

вания говорят о том, что бостонцы, сбросившие чай в воду, были пойманы группой бродячих экологов и избиты до потери сознания за непредставление отчёта о влиянии этого события на окружающую среду. Двое выживших после побоев предстали перед судом по обвинению местных индейцев в диффамации их образов. Цитируется высказывание Сэмюэла Адамса: «Это ставит под сомнение вопрос о революции».

— Ой, тут ещё интересное послесловие. В отчёте о влиянии Бостонского Чаепития на окружающую среду, составленном теми экологами, в качестве основного ущерба указаны, цитирую: «несколько сильно возбуждённых бобров». Что же касается местных индейцев, то они построили казино на месте событий, позже оказавшемся пуританским кладбищем.

Мы все его игнорировали.

— Ладно, что тут у нас ещё? Посмотрим, посмотрим. А, вот! Памела Смит, недавно выигравшая в суде состояние своего бывшего мужа, семидесятипятилетнего миллиардера Пола Холта, за которого она вышла замуж в возрасте 28 лет, объявила о помолвке с миллиардером Лесом Уорреном. По словам судьи, занимавшегося её делом, «Прежде чем лечь на спину она включает счётчик».

Хлоя сдержала смешок. Не поддерживать болтовню Джонатана смехом было негласным правилом наших завтраков.

— Ага! Вижу, кое-кто уже начал сопротивляться власти злобного зелёного мема. — Каролина невольно подняла глаза. — Тут есть прекрасная статья «Республика чувств» («The Republic of Feelings»), написанная Кристиной Хофф Соммерс (Christina Hoff Sommers). Автор утверждает, что в ходе исследований был собран внушительный объём данных, свидетельствующих о том, что люди, подавляющие свои эмоции и в сложных ситуациях проявляющие стоицизм, отличаются большей психологической устойчивостью и здоровьем, чем те, кто, следуя современной моде, эмоционально открыт и всегда делится своими переживаниями.

Джонатан притих, как будто действительно заинтересовавшись этой информацией. Наконец он решил предстать перед миром без прикрытия своей иронии.

— Тут говорится, что в исследовании принимали участие старшекласники, люди, потерявшие близких, люди, пережившие Холокост, и молодые девушки, подвергавшиеся сексуальному насилию. Как пишет Соммерс, исследования показывают, что «подавлявшие горе оказались гораздо здоровее тех, что проявлял сильные эмоции». Наблюдения за переживающими утрату показали, что люди, проявляющие сильные эмоции, в долгосрочной перспективе показывают гораздо худшие, по сравнению со сдержанными людьми, результаты в плане психологического здоровья и функционирования иммунной системы.

— Господи, — сказала Хлоя, — они только сейчас это поняли? Поздновато, вам так не кажется? Я хочу сказать, люди, разве вы не замечаете, что вся наша страна превратилась в шоу Опры? Мы стали нацией раскрепощённых инфантильных тупиц. Это демократия больных. Вы ведь это называете бумеритом, да?

— Ну, это только часть бумерита, — ответил Скотт. — Но это очень сложная тема, и никто из нас ещё толком в ней не разобрался.

— Вообще-то я заговорил об этой статье по другой причине, — отозвался Джонатан. — Просто о ней написано в колонке редактора. Отчёт об этих исследованиях печатался даже в «The New Left»¹¹³, являющемся бастионом либеральной политики. Похоже, редакторы пытаются запрыгнуть на уходящий поезд, то есть сбежать с праздника чувств зелёного мема. Всё довольно жёстко: «На самом деле большинство людей встречает несчастья лицом к лицу и стойко их переносит», — пишет редактор, — «хотя некоторые решают участвовать в культе вечного нытья. Я говорю о группах взаимопомощи и прочих терапевтических группах, постоянно освежающих

¹¹³ «Новые левые» (англ.). — Прим. пер.

воспоминания о пережитой травме и превращающих её в центр личности человека. Ценность сессии в такой группе определяется количеством примеров жестокого обращения и потерь — настоящих или воображаемых, о которых вы рассказали терапевту, группе или телезрителям, а ваш собственный успех измеряется литрами пролитых слёз. Поиски внутреннего ребёнка, контакт с внутренним ребёнком, слияние с внутренним ребёнком... Бумеры, я не хотела вам об этом говорить, но пора повзрослеть — вам всем уже давно за полтинник!» А в конце своей колонки редактор Рейчел Блум называет нас «нацией скорби».

— Зелёное болото, — пожал плечами Скотт.

— Вообще-то Джоан говорит... ээ... Хэзелтон... ээ... Хэзелтон Джоан... доктор... человек, — я покраснел, — в общем, она говорит, что... — Хлоя в упор смотрела на меня. — Хэзелтон считает, что бумеры готовы подпрыгнуть. Она так и говорит: «готовы подпрыгнуть». В смысле, они уже довольно давно на зелёном уровне, около тридцати лет, и он — вместе с его злобной формой и бумеритом — начинает им порядком надоедать. Так что они готовы подпрыгнуть до второго порядка. — Я устало улыбнулся. — Похоже, что эта редактор уже подпрыгнула. Наверно, это и есть сопротивление зелёному, да? Это ведь хорошо, правда?

— Может да, а может, и нет, — произнесла Каролина. — Интересно, сколько детей будет выплеснуто с этой водой?

— Тогда, — вступила Хлоя, — предлагаю посвятить сегодняшний день лечению наших внутренних детей.

Мы все рассмеялись. Хлоя оглядела всех присутствующих и опустила взгляд на свою блузку.

— Попробую найти эту маленькую засранку. Уверена, она где-то здесь.

Морин вышел на сцену, и на стене загорелся первый слайд: «Существо из Зелёной Лагуны». Слушатели смеялись и в шутку кричали «фу!».

— На сегодня запланированы выступления Маргарет Карлтон и Лизы Пауэлл, — сказала Ким. — Это их первое совместное появление на публике после объявления о помолвке.

— Ничего себе, — прошептал я. — Это круто.

— Что круто? — спросила Каролина.

— Пауэлл и Карлтон вместе.

— Вместе? В смысле, по-настоящему *вместе*?

— Да.

Лицо Каролины осветила широкая улыбка. Ким наклонилась к нам.

— Они собираются пожениться.

— Возможно, это будет двойная свадьба, — добавил я. — Ещё Морин и...

Ким толкнула меня в бок.

— Эй, вы, пожалуйста, потише, — закричал на нас кто-то с передних рядов.

— Конечно, конечно, простите.

— Мировоззрение бумерита, патологическая версия зелёного мема и принятый раздутым эго плюрализм флатландии — всё это в последнее десятилетие начало разваливаться под напором фактов, доказательств развития сознания и собственных внутренних противоречий. Сегодня мы поговорим о ситуации в целом, а завтра приступим к разбору интегральных решений.

Нестройные выкрики и аплодисменты ещё не раскачавшихся слушателей.

А потом Морин сделал одну странную вещь. Он, как обычно, произнёс вступление к первому докладу, но сделал это настолько серьёзно и запутанно, что полностью потерял внимание зала.

Наконец увидев, что происходит, он остановился, сделал глубокий вдох и поправился.

— Ладно, люди, послушайте, на самом деле всё просто. Крайний плюрализм означает, что всё одинаково, и ничто не может быть выше, лучше и совершенней, чем что-то другое. Не существует более высоких и более низких уровней сознания — все они должны считаться равными. Поэтому существование уровней сознания отрицается, они схлопываются и сводятся к флатландии. Любой доконвенциональный нарциссический импульс может быть выдан за высший постконвенциональный идеал, ведь предполагается, что эти вещи равны друг другу. Нарциссизм, прикрывающийся высокими идеями, это сердце бумерита. Бумерит — это флатландия, в которой поселилось огромное эго! Но самая большая фальшивка — это сама флатландия, полностью игнорирующая разнообразные многомерные внутренние волны развёртывающегося сознания.

— Иксерам и игрикам, возможно, удалось избежать проблемы огромного эго, но и они оказались в ловушке флатландии. Это наследие бумерита, изуродовавшего ваш мир и искалечившего ваши жизни, и он будет продолжать уродовать и калечить, пока вы не отделаетесь от этой обезьяны! — Внезапно он громко рассмеялся. — Которой будем мы, — добавил он, глядя на бумеров, и зал рассмеялся вместе с ним. — Вы не *лентяи* — это название придумал вам самовлюблённый бумерит. — Некоторые «детки» начали аплодировать, другие затопали своими скечерсами¹¹⁴, огорчённые бумеры грустно улыбались.

— Так что сегодня мы рассмотрим проблему флатландии и узнаем, что происходит, когда плюрализм или зелёный мем *притворяется полноценным мировоззрением* — мы поговорим о кошмаре зелёного болота.

Слабые неодобрительные выкрики быстро сменились аплодисментами, когда на сцену запрыгнула Лиза Пауэлл. Мы переглянулись, кивнули и многозначительно улыбнулись друг другу.

¹¹⁴ Skechers — популярная марка спортивной и повседневной обуви. — Прим. пер.

— Ну, Стюарт, — сказал Джонатан тем тоном, который означал, за это утро он ещё не успел никому как следует насолить, — забудь про «Республику чувств» — хотя, я вижу, ты и так уже про неё забыл.

Стюарт смотрел в пространство.

— Что же это за «Наблюдение за состояниями», для которого тебе понадобилось отодрать пять малышей? Художественная вольность, да?

Стюарт с заметным усилием вернулся в настоящий момент.

— Ах, это. Просто я какое-то время был немного не в себе. Это была отличная задумка — она до сих пор отличная, но всё немного запуталось, и я начал делать такие вещи... в духе: Ади Да¹¹⁵ встречает Сальвадора Дали... Ади-Дали.

— В общем, идея была в том, чтобы с помощью очень сложных, высокочувствительных микрофонов записать звуки, которые я издаю во время медитации. Я хотел сделать сорокаминутную запись своего дыхания и сердцебиения. Эти звуки должны были проигрываться постоянно, а сверху я хотел наложить запись разных других звуков.

— Каких звуков?

— Ну, для этого мне и понадобились те малышки. Я хотел записать звуки, которые люди издают в разных состояниях сознания — вот почему мой проект назывался «Наблюдение за состояниями». Этим состояниям на записи должны были соответствовать «сцены», сопровождающиеся звуками моего сердцебиения и дыхания, записанными во время медитации. Состояния или сцены должны были начинаться внезапно и так же внезапно исчезать. Я хотел записать смех, плач, еблю, сон, разговор во сне, удивление, опьянение, тошноту, рвоту, одышку, кашель...

¹¹⁵ Ади Да (1939–2008; имя данное при рождении Франклин Альберт Джонс) — скандальный духовный лидер, писатель, художник, проповедник недвойственной духовности. — Прим. пер.

— Сон от скуки.

— Спасибо, Хлоя. — Стюарт молчал, пока официант расставлял на столе заказанные по второму кругу эспрессо, латте, апельсиновые соки и бублики. — Смысл в том, что постоянное медитативное состояние должно было представлять чистое сознание и свидетеля, сознающего всевозможные преходящие состояния. В общем, сначала на записи должно было звучать сердцебиение и дыхание, потом смех, ещё смех, больше, больше и больше смеха, который продолжался бы пару минут, а потом стихал. И снова только сердцебиение и дыхание. Затем наступает следующее состояние, и... В общем, вы уловили идею. Я хотел проделать это с каждым состоянием.

— А как насчёт звуков настоящего убийства?

— Господи, Хлоя, — покачала головой Каролина. — Ты, Фуко и Маркиз де Сад. «Запаситесь болью и поехали».

— В общем, я устроил у себя дома студию и начал записывать, как медитирую, смеюсь, сплю и всё такое. И ещё я начал записывать, как занимаюсь любовью с женщинами. Не только аудио, но и видео. Я обо всём им говорил прямо — они знали, что происходит. И потом, сложно не заметить свисающие отовсюду огромные микрофоны и оборудование, мигающее десятками огоньков.

— Что это за лампы, Кен?

— Это софиты, Хлоя, свет для съёмки.

— Ты это записываешь? Ооооо, я стану звездой. Софиты и упражнения Кегеля¹¹⁶.

— Мы наблюдаем за состояниями, Хлоя.

¹¹⁶ Упражнения для укрепления для мышц таза и интимных мышц женщин, разработанные Арнольдом Кегелем в середине XX в. — Прим. пер.

— **О-о, понаблюдай за этим.**

— **Ух ты!**

— *Кен, — шепчет мне на ухо чей-то голос, — ты когда-нибудь занимался любовью с сознающим субъектом?*

— **Извините, не понял?**

— *Пробовал ли ты заниматься любовью с субъектом, вместо того чтобы трахать объект?*

— **Боюсь, я не понимаю.**

Я открываю глаза, чтобы спросить Хлою, что это значит, но на меня смотрит Джоан.

— *Тебе нужен кусок мяса или весь мир?*

Слайд №2: «Перформативное противоречие». Лиза Пауэлл, как всегда, сразу перешла к делу.

— Такие философы, как Карл-Отто Апель (Karl-Otto Apel), Юрген Хабермас (Jürgen Habermas), Джон Сёрль (John Searle), Томас Нэйджел (Thomas Nagel) и Чарльз Тейлор (Charles Taylor), которыми, должна признаться, я искренне восхищаюсь, в пух и прах разнесли внутренне противоречивые взгляды плюралистического релятивизма, контекстуализма и конструктивизма. Сейчас мы поговорим о технических деталях, но, обещаю, выводы будут простыми!

Я снова не мог угнаться за мыслью Пауэлл.

— Никто не отрицает, что по крайней мере некоторые аспекты любой истины зависят от культуры и контекста и могут конструироваться. Но все философы, которых я упомянула, отмечают: плюралистический релятивизм подразумевает, что у него есть универсальная истина, в обладании которой он крикливо **отказывает** всем остальным. (Вспомните: именно это осознал Фуко, когда работал над «Археологией знания» — все эти подходы

утверждают, что тезисы контекстуализма и конструктивизма универсальны и истинны *для всех культур*.) Разумеется, именно этим обусловлена привлекательность плюралистического релятивизма для бумерита. Я могу *имплицитно* (то есть *на неявном уровне*) претендовать на то, что моё воззрение есть универсальная истина, при этом *эксплицитно* (то есть *на явном уровне*) отрицать наличие таковой у всех остальных, — тем самым я становлюсь обладателем всеведущей истины, которой лишён остальной мир. Чтобы ещё больше укрепить своё исключительно положение, я могу заявить, что все остальные универсальные истины жестоки, деспотичны и ведут к маргинализации, а значит, мои чудесные попытки освободить мир от универсальных истин дают мне чувство морального превосходства.

Над аудиторией пронёсся первый в тот день всплеск громкого, возбуждённого гула.

— Ким, это сложно? — ною я ей на ухо, и вдруг понимаю, что совершил непоправимую ошибку.

— Ах ты, безмозглый нытик, плакса, сладкая попка, глупышка, девчонка...

— Спасибо, Ким. Это как раз то, что мне было нужно.

— Эта ситуация недавно была описана к книге Томаса Нэйджела «Последнее слово» («The Last Word»). Не менее, чем сама книга, важна рецензия на неё, написанная Колином Макгинном и опубликованная в «The New Republic». Макгинн начинает с определения крайней постмодернистской концепции рациональности или, как мы это называем, мировоззрения плюралистического релятивизма и зелёного мема. «Согласно этой концепции, человеческий рассудок по своей сути локален, зависим от культуры и прочно связан с человеческой природой и историей; это совокупность несогласуемых „практик“, „форм существования“, „систем отсчёта“ и „концептуальных схем“. Не существует таких стандартов мышления, которые выходили бы за границы данного конкретного общества или данной конкретной эпохи, и не существует никаких объективных обоснова-

ний в пользу какого-либо убеждения, которое все должны уважать ценой утраты рассудка. Быть справедливым значит быть признанным справедливым, и у всех людей могут быть свои, в равной степени законные причины признавать что-то или отвергать. В конце концов, любое утверждение обосновано, только если оно „обосновано для меня“». Обратите внимание на нарциссизм и крайний субъективизм, — произнесла Пауэлл, оглядывая зал.

— Макгинн продолжает свою мысль: «С этой точки зрения, объективность, если она вообще существует, является функцией социальных отношений, вопросом принятых в обществе соглашений и никак не связана с истинами и принципами, существующими вне зависимости от общественного признания. Так что стандарты мышления ничем не отличаются от модных течений».

— Нэйджел демонстрирует, — а Макгинн соглашается с его доводами, — что все эти утверждения противоречат сами себе. Вот ещё одна цитата из Макгинна:

С точки зрения субъективизма, рассудок — это просто проявление локального и относительного стечения обстоятельств, которое имеет силу лишь в рамках узкой области; пытаюсь выйти за эти рамки, рассудок переоценивает себя и порождает пустые утверждения. Субъективизм — это теория о природе рассудка, претендующая на обладание ответами на вопросы о том, что такое рассудок и какое место он занимает в мире. Проблема в том, что эта теория преподносится как окончательная истина о рассудке, как нечто такое, с чем автоматически должен согласиться любой разумный человек. Она не просто выражает мнение отдельно взятого языкового коллектива — нет, она выражает абсолютно истинную точку зрения на природу рассудка. Получается, что, отстаивая эту теорию, субъективист сам прибегает к тем принципам рассуждения и приверженности истине, которым приписывает лишь относительную ценность.

— В итоге, Макгинн опирается на неизбежный вывод, сделанный Нэйджелом: «Но это означает принять те самые взгляды, которые пытается оспорить субъективизм. Возникает дилемма: необходимо либо объявить

этот новый обличительный взгляд на рассудок абсолютной истиной, либо просто использовать его в качестве очередного примера официальной субъективистской концепции истины. Соглашаясь с первым вариантом, субъективист противоречит сам себе, давая своему утверждению такой статус, которого, по его собственному мнению, не может быть ни у какого утверждения. Во втором же случае это утверждение истинно лишь для самого субъективиста и не имеет никакой силы с точки зрения убеждений других людей. Если точка зрения субъективиста верна, значит, её можно игнорировать, а если она не верна — значит, она ложна. В любом случае, у нас нет оснований принимать её всерьёз. Таким образом, мы доказали несостоятельность субъективизма».

Море голых женских тел колышется как хлебное поле, и я, односторонний наблюдатель, монологическое глазное яблоко, с жадностью поглощаю его.

— *Пробовал ли ты заниматься любовью с субъектом, а не с объектом?*

— **Простите, я всё равно не понимаю.**

— *Ох ну как же так.*

И женщина, лицо которой я не могу разглядеть, встаёт и снимает с себя всю одежду.

— *Иди ко мне, я покажу тебе, что это значит.*

— Макгинн заявляет, что «доводы Нэйджела не только верны — они *необходимы*». Но почему? — Пауэлл внимательно оглядела зал, а затем продолжила, повышая голос с каждым следующим словом. — Потому что необходимо бороться с воинствующим нарциссизмом, задействованным в плюралистической/релятивистской игре, которая, потворствуя своим эгоцентрическим влечениям, объявляет, что лишь она обладает той истиной, которую отрицает в отношении всех остальных. Признаётся только

«истина» «заявлений от первого лица». Нэйджел утверждает, что с этой безумной точки зрения, «не существует ничего истинного — все мы просто выражаем свои собственные взгляды или взгляды своей культуры. Это только усилило и без того чрезмерную интеллектуальную лень современной культуры и положило конец глубоким дискуссиям в гуманитарных и общественных науках, принимающих всерьёз лишь заявления от первого лица и отвергающих любые объективные доводы». Когда *нарциссизм* и *бессистемность* взглядов заменили истину коммуникацией, мы получили культурологические исследования, — гремел голос Пауэлл.

— В общем, я приглашал к себе всех этих девочек, трахал их и записывал всё происходящее. Потом я собирался отредактировать и соединить все эти треки в одну сексуальную сцену для своего проекта.

— То есть, ты снимал порно-фильм? — ухмыльнулся Скотт.

— Ой, а можно я в нём поучаствую? Ну пожаааалуйста, — кокетливо простонала Хлоя.

— Ты что, шутишь? — возмутилась Каролина.

— Похоже, что я шучу? — спросила Хлоя.

— Не ты, чикуля, я говорю со Стюартом.

— Ну, дело вот в чём. Через какое-то время я уже не мог отделаться от мысли, что мой предлог для занятий сексом со всеми этими девушками весьма сомнительный. Я не фиксировал спонтанный акт любви — я просто приводил девушек к себе домой и жарил их, в то время как сцены других состояний фиксировали стихийные события. Даже несмотря на то, что я сообщал девушкам о своих намерениях, я чувствовал, что поступаю жестоко и безответственно. Так что я решил остановиться.

— О, нет, — произнесла Хлоя, — вот это уже через чур эксцентрично.

— Но почему ты остановился?

— Ну, понимаешь, с тех пор, как мы с Дарлой снова вместе, я как будто проснулся и увидел, что весь этот бред нужен был мне только для того, чтобы потворствовать собственным желаниям. Дарла как зеркало, в которое я смотрюсь.

— Сейчас сблую — предупредила Хлоя.

— Я собираюсь и дальше работать над проектом, просто не так, как делал это до сих пор. Теперь я хочу записывать только других людей. Ну и, возможно, нас с Дарлой.

Скотт подался вперёд и озабочено спросил:

— Значит, ты и твоя супермодель будете трахаться для фильма?

Пауэлл смотрела прямо в зал.

— Макгинн подходит к самой сути проблемы. «„Последнее слово“ — это та книга, которую необходимо читать и над которой необходимо размышлять в наш золотой век субъективизма, эгоцентризма и нарциссизма. У меня есть свои соображения о том, почему сегодня эти течения обрели такой масштаб». Эти соображения заключаются в том, что универсальные истины, в отличие от взглядов субъективизма, «не согласуются с популярным, но ошибочным идеалом свободы». Универсальная истина *«сдерживает»* наши мысли. Мы должны подчиняться её предписаниям. Но люди не хотят, чтобы их ограничивали — они хотят самостоятельно выбирать свои убеждения — как фасоль в супермаркете. Людям нужна возможность следовать своим импульсам, не обращая внимания на безличные требования, нарушающие их неотъемлемое право делать всё, что захочется». Ведь, в конце-то концов: *«никто не вправе указывать, что мне делать!»*

— Проще говоря, — голос Пауэлл стал ещё громче, — универсальные истины сдерживают нарциссизм, ограничивают эго, заставляют нас выйти за рамки субъективистских желаний и встретиться с неподвластной нам реальностью. Уже невозможно отрицать, что крайний постмодернизм,

плюрализм и релятивизм стали прибежищем бумерита. Чтобы не допустить ущемления эгоцентрических приоритетов или «ошибочного идеала свободы», необходимо придать фактам гибкость, а истине — неустойчивость, представив, таким образом, всю реальность как конструкт чьего-то эго, который можно легко деконструировать. Реальность создаётся и разрушается силой всемогущего эго. Большое, толстое, раздутое эго бумеров получило возможность создавать и подчинять себе всё сущее.

Пауэлл закончила выступление, и на этот раз ей никто не аплодировал. Последнее заявление было необыкновенно жёстким — больше в духе Дерека Ван Клифа, чем Лизы Пауэлл, и, похоже, оно задело слушателей. Но очень скоро тишину нарушил хохот — загорелся следующий слайд: «Ранжирование, типа, полный отстой».

— Это наша следующая тема, — закричал Морин. — Но сегодня у нас короткий день, поэтому прямо сейчас начинается ранний длинный перерыв на обед. Так что увидимся в 14:00.

— Кен, почему бы тебе не пообедать с нами? — спросила Джоан. — Надеюсь, ты можешь ответить мне что-нибудь кроме «гхм... ээ... доктор Джоан... человек... или как её там».

Я густо покраснел.

— Ладно. Но почему?

— Давно ко мне не подкатывали двадцатилетние парни, — весело рассмеялась она.

Я покраснел ещё гуще.

В большом кафетерии справа за сценой собрались почти все выступавшие в тот день: Морин, Карлтон, Пауэлл и Джефферсон.

— Привет, дорогие. Это Кен Уилбер, местный компьютерный гений, который считает, что человечество уже в прошлом.

— Да нет, это не так, ну, не такое человечество, как вы — это точно... и не другое... просто все эти люди, которые, в общем-то...

— Кен, присядь.

— На эти темы так сложно говорить, — объяснял Джефферсон, — потому что большинство благородных идей, которыми руководствуются все либеральные и заботливые люди, включают в себя другие идеи, которые эти люди, по их собственным словам, презируют.

— Например, иерархии.

— Да, например, иерархии, универсальные истины, стадии развития и всё остальное, что так ненавидит зелёный. В итоге зелёный презирует всё то, что могло бы его спасти.

— Но это касается всех уровней развития, — заметила Карлтон, — тут ты слишком суров с зелёным. Каждый уровень развития «ненавидит» все последующие. Красные думают, что синие — неудачники; синие думают, что оранжевые — безбожники, которым суждено гореть в аду; оранжевые думают, что зелёные — чокнутые плаксы; зелёные думают, что жёлтые — грубые, авторитарные и бездуховные засранцы. Ну и что в этом нового? — рассмеялась она.

— Это справедливо, — согласился Джефферсон. — Я только хотел сказать, что мы в ИЦ в основном имеем дело с переходом от зелёного к жёлтому, от первого порядка ко второму, и поэтому нам часто приходится сталкиваться с зелёной враждебностью. Как говорит нынешняя молодёжь, это так иронично.

— Да, это просто грандиозная шутка надо всеми нами, — ухмыльнулась Лиза Пауэлл. — Зелёный ненавидит жёлтый. Какая удача. И каждый раз, когда мы говорим что-то жёлтое, зелёный считает, что это красное, эгоцентрическое, высокомерное, авторитарное, дискриминирующее, сексистское, расистское, бесчувственное и чёрствое. Зелёный ненавидит жёлтый, но штука в том, что попасть на жёлтый уровень можно лишь пройдя через

зелёный! Это просто невероятно! Такой милый маленький божественный розыгрыш, ты так не думаешь, Кен?

— Да, конечно, я много думаю.

— Нет, дорогой, я не про то, думаешь ли ты вообще, — поправила Джоан, — а про то, считаешь ли ты это милым маленьким божественным розыгрышем?

— Несомненно!

— Ну, с этим разобрались. А вот моя вторая любимая мозоль, — продолжил Джефферсон. — Как вы знаете, ступив на эту стезю, я всерьёз считал, будто привлечение достаточного количества фактов и доказательств и грамотная презентация — то, что Хабермас называл «ненавязчивой силой лучших аргументов» — позволяет победить в любом споре. Но так не бывает, *никогда* не бывает.

— Бывает, но не часто, — поправила его Карлтон, отчетливо произнося каждое слово. — И ты сам знаешь почему. Человек, находящийся на синем уровне, *не может* согласиться с тем, что говорит зелёный, и даже понять то, о чём он говорит. И поэтому синий никогда не согласится с зелёным. Чтобы это произошло, синий должен развиваться до оранжевого, а затем до зелёного. Большинство «интеллектуальных споров» невозможно разрешить с помощью *объективных* фактов и свидетельств, ведь разногласия происходят из-за того, что принимающие участие в споре *субъекты* находятся на разных уровнях сознания. Синему может понадобиться десять лет, чтобы развиваться до зелёного уровня, и пока этого не случится, он не поймёт зелёного и не согласится с ним. — Карлтон проглотила немного салата и добавила, — С жёлтым и зелёным то же самое. Не важно, сколько фактов и доказательств с жёлтого уровня мы демонстрируем зелёному — он *никогда* с нами не согласится. Так что польза от «диалога» на эти темы практически нулевая.

— Да, это наша вечная проблема, — добавила Джоан. — Со всеми уровнями одно и то же. Если мы знакомим оранжевый или зелёный с идеями

второго порядка, они смотрят на нас как на сумасшедших. Но ведь ещё и когда мы представляем идеи третьего порядка людям со второго порядка, они думают, что мы рехнулись. Со мной тоже такое бывает: когда я слушаю кого-нибудь вроде Далай-ламы, какие бы проблески третьего порядка у меня при этом ни возникали, я знаю, что до настоящего понимания его слов я ещё не доросла.

— Именно в этом проблема доказательства существования Бога, — вырвалось у меня, и я тут же об этом пожалел. Все за столом замолчали и медленно повернулись ко мне. На лицах читался вопрос: «Что это было?»

— Если я правильно понял Джоан, то есть доктора Хэзелтон, — я снова густо покраснел, — Бога можно обрести через сдвиг сознания, трансформацию сознания, переход на третий порядок. И когда вы пройдёте эту трансформацию, то сможете напрямую увидеть или постичь Дух. Но если такая трансформация ещё не произошла, никакие факты и свидетельства не будут иметь для вас ни малейшего значения. Вот почему нет *объективных* доказательств существования Бога. Есть только *субъективная* трансформация.

Полная тишина.

— Нифига себе, Джонзи, этот малыш довольно умён для белого парня, — рассмеялся Джефферсон. — Итак, Кен — ты ведь Кен? — ты уже прошёл через эту трансформацию?

— Да нет, мне до неё ещё далеко. Мой максимум — это жёлтый, да и то только по праздникам. К тому же у меня есть эта теория... хотя, наверно, она не стоит вашего обеденного времени.

— Пожалуйста, продолжай, Кен, — попросила Карлтон. Она дотронулась до руки Пауэлл, и я почувствовал, как по *моему* телу пробежал ток.

— Ну ладно, — я встряхнул головой, чтобы собраться. — У меня есть теория, что ИИ — искусственный интеллект — доберётся до третьего порядка быстрее людей и послужит для всех нас точкой Омега, магнитом, который потянет нас к окончательному пробуждению.

— У Кена есть ещё одна идея, — добавила Джоан с материнской улыбкой, что, вообще-то, было ужасно унижительно, потому что если ты влюблён в женщину, то уж точно НЕ хочешь, чтобы она думала о тебе как о друге или, что ещё хуже, как о сыне, — он считает, что люди будут жить газиллион лет, и поэтому в какой-то момент им придётся обратить собственный взор внутрь себя и начать развивать своё сознание до третьего порядка, и поэтому... как там дальше?

— Поэтому углеродные и кремниевые формы жизни понесутся наперегонки к третьему порядку, к точке Омега, и тот, кто доберётся до неё первым, втянет в это окончательное пробуждение, которое на самом деле будет полным пробуждением вселенной, всех остальных.

Пятнадцать секунд тишины.

— Господи правый, я чувствую себя старухой, — сказала Карлтон.

— Это потрясающе, — сказал Джефферсон, быстро сориентировавшийся в моем сценарии. — Это настолько дико, что даже кажется отчасти осмысленным. Хотелось бы знать, насколько мы уже продвинулись с ИИ. Ведь, кажется, он пока не умеет даже интерпретировать повседневные явления.

— Это правда, не умеет. Но наши люди говорят, что до создания машин с человеческим уровнем интеллекта осталось примерно 30 лет. Как ни странно, через эти же 30 лет биологи прогнозируют резкое увеличение продолжительности человеческой жизни. Так что моя идея в том, что две эти эволюционные ветви — углеродная и кремниевая — примут участие в гонке к наивысшему уровню сознания.

— Господь всемогущий, тридцать лет, — произнесла Карлтон. — Интересно, продержится ли человечество так долго.

— Вот поэтому я здесь! — взволновано добавил я. — Как говорит Джоан, то есть доктор Хэзелтон, — я покраснел гуще прежнего, — сначала нужно добраться до второго уровня!

— Я никогда этого не говорила, Кен. То есть я совершенно с этим согласна, но я этого не говорила.

— Не говорили? Вы уверены? Ну, ээ... наверно, это было в моём воображении.

Кто-нибудь, пристрелите меня.

Поколение юного Кена, возможно, станет первым интегральным поколением в истории. Одна мысль об этом будоражит воображение. Станет ли моё поколение Моисеем, который будет наблюдать, как они войдут в Землю Обетованную? А может быть, некоторые из нас тоже найдут путь в Интегральную Землю? Уверен, что так и будет. Моё поколение, мои дорогие, мои милые, многие из нас смогут пройти этот путь, если нам удастся совладать с самими собой. Наше секретное оружие? Вторая половина жизни... вторая половина жизни.

Юный Кен думает, что боты доберутся туда первыми. Это возможно, но мне кажется, мы сделаем это по старинке, в мире человеческой плоти. Он говорит, что продолжительность человеческой жизни увеличится практически до бесконечности — прекрасно, у нас будет больше времени, чтобы пробудиться, а мы пробудимся, я в этом уверен. Это будет открытие Открытого, одинокий полет к Единственному, воскрешение точки Омега, бесконечно лучезарной и слишком яркой, чтобы быть увиденной.

Кен не понимает лишь одного: его собственное пробуждение уже не за горами. Он медленно и неуклонно приближается к своей омеге.

Мне на помощь пришла Пауэлл.

— Не могу точно сказать, доберётся ли ИИ до третьего порядка — я не настолько разбираюсь в теме. Но я полностью согласна, что это не будет иметь никакого значения, если существенная часть человечества в ближай-

шее время не достигнет второго порядка. Если наши правительства не начнут действовать, руководствуясь глобальным сознанием, то есть, если не увеличится доля людей с сознанием второго порядка, то мы сами сметём себя с этой планеты, захлебнёмся в отходах, заразим себя неизлечимыми болезнями, затерроризируем себя до смерти или придумаем какой-нибудь ещё увлекательный общий кошмар. Все основные проблемы сегодняшнего мира — экологический кризис, биоинженерия, наноробототехника, международная денежная политика, ядерный терроризм и всё в этом духе — это глобальные проблемы, а глобальные проблемы требуют глобального понимания, то есть интегрального сознания второго порядка. Всё остальное может только ухудшить ситуацию! — Она начала распаляться, и это заставило всех улыбнуться. Похоже, каждый вспомнил о собственной способности страстно, иногда даже слишком страстно вгрызаться в тему.

— Именно поэтому мы все собрались и создали ИЦ, — добавила Пауэлл. — Это попытка найти интегральные решения проблем современности, ведь до сих пор все предлагавшиеся решения относились к первому порядку, а такой ограниченный подход может лишь навредить, серьёзно навредить.

— Не поспоришь, — отозвался Джефферсон. — Мы все озабочены этими проблемами, Кен. И особое внимание мы уделяем последнему препятствию на пути ко второму порядку. Как ты знаешь из лекций, мы называем это препятствие бумеритом. Разумеется, все мемы первого порядка являются препятствиями на пути ко второму порядку. Но последнее и самое важное препятствие — это зелёный, поскольку, оттолкнувшись от него, можно допрыгнуть до интегрального сознания второго порядка. *Самое интересное*, что происходит сейчас в мире — это противостояние зелёного и жёлтого.

— Могу я ещё кое-что сказать? То есть, спросить. Я и мои друзья хотим знать и постоянно спрашиваем себя: а какова наша форма бумерита? Как выглядит фиксация моего поколения на зелёном уровне?

Джефферсон подвинулся ко мне.

— Запомни несколько простых вещей, — мягко улыбнулся он. — Бумерит — это всего лишь постмодернистская версия флатландии. Ты ведь знаешь, что такое флатландия?

— Конечно, это отрицание спектра сознания, отрицание уровней реальности. Сведение всего к одному уровню.

— Совершенно верно. Во флатландии бумеров обитает раздутое эго. Так? А в вашей версии флатландии обитает пассивное отношение к происходящему, так называемый пофигизм. Большое эго во флатландии, пофигизм во флатландии — но эта сраная флатландия всё равно одна и та же, ясно?

— Ясно. Я это хорошо понимаю, потому что занимаюсь ИИ, а там повсюду сплошная флатландия. Мы программируем в компьютеры интеллект флатландии, и это довольно жутко.

— Да, жутко, — согласился Джефферсон. — Но в любом случае, если у твоего поколения получится переступить через себя и своё гордое ничего-неделание, вы просто влетите во второй порядок. Ты же знаешь, что иксеры и игрики могут стать первым в истории интегральным поколением?

— Знаю. Жёлтые детки! — добавил я, к счастью, догадавшись не упоминать, где я впервые услышал эту фразу.

— *В сексуальном плане, всё начинается вот с чего,* — говорит она. **Прекрасная обнажённая женщина стоит перед классной доской с кусочком мела в руках и рисует графики.**

— *Если хочешь единения со всем космосом, а не с одним женским телом, тогда не смотри на гору — будь ей. Давай попробуем: почувствуй моё обнажённое тело. А теперь точно так же почувствуй весь мир, простирающийся перед тобой. Вступи в эротический союз со всем, что возникает и проявляется.*

До этого я никогда не присутствовал на лекции совершенно обнажённого профессора. Я пытаюсь задать умный и уместный вопрос.

— Скажите, Доктор, если я, мужчина, могу достичь единства с миром таким способом, то как его может достичь женщина?

— Немного иначе. Вы, мужчины, проникаете в мир до тех пор, пока не сольётесь с ним, женщины принимают мир до тех пор, пока не сольются с ним. И те и другие приходят к одинаковому единству, но из-за биологических различий в отправной точке — немного разными путями. Ты начинаешь с автономии — она начинается с отношений, но вы оба заканчиваете единством со всем, что возникает в каждое мгновение.

— Да, да, ну конечно.

Марк Джефферсон вышел на сцену. Слайд №3: «Анти-иерархическая иерархия».

— Ещё одно архетипическое положение бумерита, наряду с универсальной атакой на универсальные истины, — начал Джефферсон, — это крайняя агрессия по отношению к иерархиям — агрессия, носящая иерархический характер.

Слушатели посмеялись, пошумели и заняли свои места, приготовившись к послеобеденной сессии.

— В словаре «иерархия» определяется как «любое ранжирование ценностей». Чарльз Тэйлор (Charles Taylor), наряду со многими другими, убедительно объяснял, что человеку необходимо ранжировать ценности, и в первую очередь потому, что мы живём внутри контекста, встроенного в бесконечное множество контекстов, каждый из которых даёт новый смысл, а значит, и новую ценность нашим жизням. Мы не можем не ранжировать ценности, но можем делать это достойно: честно и открыто, не пытаюсь притвориться, будто не ранжируем ценности.

— Таким образом, даже у самых яростных критиков иерархии есть собственная иерархия: они ставят отсутствие ранжирования ценностей выше ранжирования. Иными словами, их иерархия ненавидит иерархии. — И тут

Джефферсон изобразил испорченную девочку-подростка: — Ранжирование — это, ну типа, просто суперотстой, — заставив слушателей рассмеяться.

— Как и в случае с универсальным отрицанием универсальных истин сие лицемерие позволяет бумериту громогласно осуждать всех за то, чем занимается он сам. Ведя нечестную игру, бумерит легко побеждает в споре, ведь обвиняя других, он получает над ними моральное превосходство.

— Ах, сладкий мальчик, разве ты не знаешь, что я живу ради твоего счастья?

— Вообще-то нет, Хлоя, я этого не знал.

— Я живу ради твоего счастья. Какой вывод ты можешь из этого сделать?

— Ээ... Что ты истратила небольшое состояние на терапию?

— Глупый мальчик, я никогда не ходила к психотерапевту, хотя родители умоляли меня об этом. Нет, это значит, что, как говорят радикальные феминистки, меня, женщину, определяют отношения как способ бытия, в то время как тебя, мужчину, определяет автономия.

— Я этого не знал, Хлоя.

— Но это так, Кен. Так почему бы тебе...

Jimmy Eat World играют «[Caveman](#)» и «[Robot Factory](#)»¹¹⁷, и удары музыки сотрясают мой изорванный в клочья, трясущийся мозг, слишком заваленный объектами, чтобы понимать, где он находится.

— *Отличное начало, а теперь иди сюда,* — говорит голая женщина-профессор.

¹¹⁷ Джимми ест мир — «Пещерный человек» и «Фабрика роботов». — Прим. пер.

— Если бы это было единственным следствием анти-иерархического лицемерия, вред от него был бы минимален, — продолжил Джефферсон в том же, взятом с самого начала темпе. — Иметь убеждения, которые противоречат сами себе, это не преступление. Настоящая проблема состоит в том, что, осуждая иерархии ценностей во имя плюралистической свободы, эта позиция агрессивно препятствует развитию сознания, которое когда-то позволило зародиться самому плюрализму.

— Сама способность достоверного понимания реалий плюрализма и многообразия требует, как мы уже видели, иерархического развития постформальных мыслительных способностей. Человек должен вырасти и эволюционировать от эгоцентризма (бежевый, пурпурный, красный) и социоцентризма (синий, оранжевый) до мироцентризма (зелёный, интегральный). И хотя все эти стадии важны для спирали развития в целом, каждая следующая обладает бóльшими возможностями включения, приятия, заботы и всё меньше склонна к дискриминации. Иерархическое развитие от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму, по сути, подразумевает *ранжирование ценностей*, в котором предпочтение отдаётся *большей* заботе, участию и сострадательному приятию, и увеличение способности к включению на каждой последующей стадии.

— Но происходит странная вещь: очень высокий уровень зелёного плюрализма, возникший в результате прохождения как минимум шести основных стадий иерархической трансформации, вдруг начинает *отрицать все иерархии и сам путь, по которому нужно было пройти, чтобы достигнуть того высокого положения*, в котором находится он сам. Таким образом, он отказывается способствовать чей-либо ещё иерархической трансформации и, как следствие, распространяет своё эгалитарное принятие на все состояния, какими бы неглубокими и нарциссическими они ни были.

— В сущности, утверждается следующее: нет нужды развивать способность к плюралистическому видению. Оставайтесь в своём эгоцентрическом или этноцентрическом мире — кто я такой, чтобы вас судить? Пора

покончить со всем этим мерзким ранжированием и взять на вооружение объединение и связывание! Настораживает то, что при этом остаётся в стороне один факт: чтобы объединять и связывать реалии, вы должны для начала увидеть их. Человек, находящийся на этноцентрическом уровне, может объединиться только с себе подобными, и чтобы это изменилось, ему *необходимо* вырасти до мироцентрического уровня, то есть подняться выше в иерархии развития.

— Поэтому с психологической точки зрения, положить конец расизму, этноцентризму и угнетению можно только при условии иерархического развития от пурпурного до красного, затем до синего, до оранжевого, до зелёного и, наконец, до интегрального. В сущности, громогласное осуждение иерархий — это осуждение самого развития. Так что, осуждая иерархии, вы неявным образом поддерживаете этноцентризм, расизм и сексизм.

— Именно это делают политкорректные зелёные либералы, активно борющиеся с ранжированием ценностей и иерархиями, а значит и с подлинным расширением сферы сострадательного приятия. В результате их деятельности как никогда прежде распространилось интеллектуальное прославление этноцентрических предубеждений, расизма и ненависти. Конечно же, они этого не хотели, и, конечно же, они этого добились.

— *Если вместо одной женщины ты хочешь весь космос, делай так,* — **говорит голая женщина-профессор.** — *Ты внимательно слушаешь?*

— **Да, да, конечно. Всё, что вы говорите, чертовски верно.**

— *Вместо того чтобы проникать в объект снаружи, осознай, что ты внутри, почувствуй свою возлюбленную как субъект восприятия, как носителя сознания.*

— **Да, да, точно.**

— *Я серьёзно, Кен.* — **К моему ужасу, на лице профессора постепенно проявляются черты Джоан.** — *Пойми, милый, объекты никогда не смогут*

слиться воедино — они обречены вечно трахаться, сталкиваться и врезаться друг в друга, создавая колющее трение, которое ошибочно считается удовольствием. Это всё, на что способны создаваемые объекты, разделённые временем и пространством. Но сознающие субъекты могут слиться в глубочайших объятиях, в неразрывном союзе с искрящейся Вселенной. Субъектам доступно единение с бескрайним небом — вот так, видишь? Вот так...

Я свободно лечу под экстази через оптоволоконную сеть, наполненную светом, исходящим из самого центра мира; это сияющее путешествие, избавляющее от всех ограничений, как от старой кожи, сброшенной космической змеей; это бесконечный, искрящийся и мерцающий трепет, пронизывающий весь космос. И всё это я. Эротический союз с целой вселенной не оставляет от меня и следа в этом лучезарном путешествии по микрофотонному шоссе напрямик в сердце Бога.

Я делаю шаг назад и смотрю на небо. Я смеюсь и плачу и снова смеюсь.

На сцену вышла Маргарет Карлтон. На стене загорелся слайд №5: «Не синий, не оранжевый, не зелёный».

— И не коричневый, — добавила Ким.

— О чём это? — Я попытался почувствовать себя, обнаружить себя здесь, на этом стуле и собраться.

— Сейчас Карлтон по-настоящему зажжёт.

— Это хорошо или плохо?

— Она просто потрясающая. И эта часть потрясающая.

— Понятно.

Такой мощный ум в такой хрупкой оболочке, подумал я. Карлтон заговорила.

— Один из создателей спиральной динамики и основателей Интегрального центра Дон Бек проанализировал решения, принимаемые в международной политике, с точки зрения меметического анализа и пришёл к выводу, что «за последние тридцать лет зелёный мем принёс больше вреда, чем любой другой мем». Как такое возможно?

— Сэмюэл Хантингтон (Samuel P. Huntington) в своей книге «Столкновение цивилизаций» («The Clash of Civilizations») говорит о том, что мир разделён между девятью противостоящими друг другу мировоззрениями или цивилизациями: западной, латиноамериканской, африканской, исламской, китайской, индусской, православной, буддистской и японской. Как мы уже знаем, Бек и Кован обнаружили, что на зелёном уровне находится менее 10% населения планеты, и эти 10% практически *полностью* состоят из представителей западной цивилизации. Этот вывод ставит в затруднительное положение зелёных мультикультуралистов, защищающих все цивилизации, *кроме* Западной.

Карлтон помолчала, как будто дожидаясь, пока слушатели прочувствуют всю неловкость ситуации.

— Обратите внимание на цифры. Около 10% жителей Земли находится на зелёном уровне, а это примерно 20–25% Западной цивилизации, поскольку практически *весь* зелёный плюрализм и прославление многообразия сосредоточены в западных патриархальных индустриальных странах. Но всем нам хочется, чтобы на зелёном уровне было ещё *больше людей*! Чтобы они встали на путь к интегральному, верно?

— Но прежде чем люди в этой или других странах доберутся до зелёного, они должны пройти в своём развитии через пурпурный, красный, синий и оранжевый уровни. Особенно важным в этой последовательности является синий мем, представляющий собой важнейшую конвенциональную структуру, отделяющую доконвенциональные и эгоцентрические области (бежевый, пурпурный, красный) от постконвенциональных и мироцентрических (зелёный, жёлтый, бирюзовый). Дети, которые в процессе роста и развития не получают *прочной синей структуры*, включающей строгую, но

не жестокую дисциплину, заботливую, но требовательную любовь, чёткие запреты и ограничения, конвенциональные роли и правила, склонны к фиксации на доконвенциональных, эгоцентрических областях. Такие дети, как гласит конвенциональная мудрость, вырастают «испорченными».

— К несчастью, зелёный мем, руководствующийся благородным стремлением принимать всё и не дискриминировать ничего выходящего за рамки конвенциональных условностей, обычно доходит до открытых нападок на конвенциональные или конформистские уровни развития (синий и оранжевый). В сфере образования, например, зелёный выдвинул идею, что отметки унижают и дискриминируют — дайте всем по золотой звезде, откажитесь от гадкого ранжирования, не оценивайте крошку Джонни, пусть окрепнет его самооценка. Такая стратегия в большинстве случаев лишь поможет крошке Джонни крепко увязнуть в своих эгоцентрических импульсах. Иными словами, позвольте крошке Джонни разлагаться.

Занимайся любовью с субъектом, а не с объектом: трение плоти открывает путь к бесчисленным мирам светящегося блаженства, в своём сиянии я наблюдаю Экстаз, Омегу целой вселенной во всём её болезненном великолепии. Углерод и кремний умирают ради этого, несутся к этому, рассекая ночь, желая обрести блаженное, бурлящее эротическое удовольствие, это пьяное Богом состояние, растворяющее все границы мира в небе, когда-то бывшем Джоан. Я соединяюсь со всем этим в одном беспечно сверкающем взрыве блаженства — ослеплённый им, я уже никогда не увижу мир вещей.

— Что это значит, Джоан? Почему это всегда исчезает?

— Разве ты не понимаешь? Бумеры, иксеры или игрики — все вы до сих пор зациклены на себе, ведь так?

Я смотрю на небо и с ужасом вижу, что я всё ещё здесь, ограниченный человеческим телом, уныло глядящий на внешний мир.

— Ты можешь быть Богом, а можешь быть эго, которое претворяется Богом. Выбор за тобой.

— Кен, Кен? Эй, есть кто дома?

— Ким, ты веришь в Бога? В Богиню? В Дух? Ты когда-нибудь по-настоящему видела небо?

— Прости, Кен, но сейчас меня ждёт планета Земля.

Тихий голос Карлтон закрепил меня в наличной реальности.

— Обратите внимание, что в политике большинство зелёных — демократы, а большинство синих — республиканцы. И большинство зелёных демократов презирают любые проявления синего. Ирония в том, что без синего зелёного бы просто не было.

— Зелёные либералы считают, что крошка Джонни рождается чистым, свободным и любящим, что под мостовой находится пляж, но общество с его правилами и ролями подавляет и зажимает «изначальную добродетель» Джонни. Однако, как мы уже видели, крошка Джонни рождается эгоцентричным нарциссом, который, не получив в подходящий момент синей структуры, навсегда остаётся невыносимым нарциссичным засранцем.

Слушатели от души рассмеялись.

— Синие республиканцы, с другой стороны, справедливо заявляют, что обществу нужен прочный фундамент личной ответственности, конвенциональных ролей, правил, гражданского мужества и семейных ценностей. Однако многие республиканцы останавливаются на синем и оранжевом конвенциональных уровнях с их этноцентрическими предубеждениями и совершенно неразвитым состраданием, и это не позволяет им добраться до зелёного уровня, не говоря уж о сознании второго порядка.

— С третьей стороны, Основная Директива — защищать и поддерживать здоровье всей спирали развития — позволяет увидеть важность *как* синих структур, *так и* зелёного сострадания, и принять *как* консервативные, *так и*

либеральные ценности — об этом мы поговорим буквально через несколько секунд. Но суть в том, что невозможно выбросить зелёный или синий, не разрушив при этом всю Спираль.

— Практически все исследователи процесса развития постоянно подчёркивают критическую важность синего мема, являющегося неперенным и необходимым строительным блоком, на котором возводятся более высокие уровни развития, включая зелёный. И всё же зелёный из всех сил старается уничтожить любые проявления синего. Как сказал Дон Бек, «зелёный уничтожает синий», и именно поэтому Бек считает, что «за последние тридцать лет зелёный мем принёс больше вреда, чем любой другой мем». Повсеместное разрушение синих структур нарушает развитие.

— Да, *жёлтые детки*, то есть, простите, *жёлтые миллениалы*, — с улыбкой произнесла Джоан. Официант принёс её салат, но она до сих пор к нему не притронулась. Она оглядела всех собравшихся за столом, а потом посмотрела на меня. — Для вашего поколения это реальная возможность. Если, конечно, вы выберетесь из флатландии.

В моём затылке до сих пор горел старый неоновый знак: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ФЛАТЛАНДИИ ВОЗМОЖНОСТИ БЕЗГРАНИЧНЫ.

— Я хотел спросить про семинар, — сказал я. — В третьей части семинара, посвящённой интегральным решениям — она ведь завтра начинается, да? — вы будете говорить о том, что мы можем стать поколением жёлтого мема?

— Да, Кен, будем, — ответила Карлтон. — Прекрасно, правда? — Нежная улыбка смяла фарфор её кожи.

— К тому же, с этого момента мы не так давим на слушателей, — добавил Джефферсон, тихо рассмеявшись. — Странно, что они до сих пор не линчевали нашего брата. А ты как думаешь Кен: мы слишком суровы с залом?

— Гм, — я прочистил горло. — Мне сложно об этом судить — я ведь не бумер. Но Ким, — все за столом понимающе переглянулись, и я спросил себя, что *это* могло значить, — считает, что это необходимо. И, похоже, это хорошо работает.

Пауэлл посмотрела на Карлтон, и воздух между ними ожил.

— Возможно, мы слишком суровы во время секции про исцеление?

— Не думаю, — ответила Джоан. — Для меня главная проблема этой секции в том, что я не говорю в ней о главном значении, приписываемом слову «исцеление» зелёным мемом. Я хотела сделать это в связи с твоей презентацией про пляж под тротуаром, потому что зелёный мем обычно называет «исцелением» ошибочный поиск изначальной добродетели, якобы оставшейся в нашем *прошлом*. Не в будущем, а в прошлом. Именно поэтому зелёный так подвержен регрессии, бумериту и злобному зелёному мему со всеми вытекающими последствиями.

— Не понимаю, — неуверенно вставил я.

Джоан снова посмотрела на меня с той же отвратительной материнской улыбкой.

— Ты уже знаешь три главных негативных слова, которые зелёный употребляет чаще всего: низвержение, трансгрессия, деконструкция. Но у зелёного есть и три позитивных слова: трансформация, диалог, исцеление. Если ты слышишь одно из этих слов, ты почти наверняка столкнулся с зелёным мемом.

— И с бумеритом, — добавила Пауэлл.

— Да. С бумеритом, потому что... в общем, «трансформация» означает, что любой мой чих может трансформировать весь мир. А «диалог»... ну, диалог — это, по мнению зелёного, решение любой проблемы. Если мы соберёмся, поговорим, поделимся чувствами и будем при этом открыты и внимательны, то всё будет славно, мы обретём мир и гармонию.

— Разумеется, диалог очень важен, — продолжила Хэзелтон, — но зелёный всё немного испортил, потому что хотя обмен чувствами в ходе диалога хорошо отражает зелёные ценности, это совсем не то, что нужно пурпурному, красному, синему или оранжевому. Так что диалог превращается в ещё один способ, которым зелёный с невинным выражением «я просто хочу помочь» навязывает другим свои ценности.

— В ходе нашего семинара «Матрица для второго порядка», разработанного специально для зелёных, мы целых три дня не даём им говорить о чувствах. Для этого мы просим их использовать только такие предложения, в которых *отсутствует* слово «я». Господи боже, к концу третьего дня они еле дышат, — сказала Пауэлл. Все улыбнулись и закивали головами.

— То же самое с понятием исцеления, — добавила Хэзелтон, — по-настоящему благородные побуждения снова переворачиваются с ног на голову. Потому что...

Джефферсон осторожно перебил Хэзелтон.

— Взять хотя бы расовый вопрос в США, — сказал он. — Сколько раз вы слышали, что мы должны «оздоровить межрасовые отношения»? Вот именно, вы слышите это постоянно. Но нам совершенно не нужно оздоравливать межрасовые отношения в этой стране. И знаете почему? — спросил он, глядя на меня.

— Я? Ээ... нет, вообще-то не знаю — я думал, нам на самом деле нужно их оздоровить.

— Тогда послушай, Кен. Когда я говорю, что мне необходимо «оздоровление», то подразумеваю, что вчера я был здоров, а потом заболел, и теперь мне необходимо *восстановить* здоровье. — Джефферсон помолчал, оглядел всех за столом и внезапно воскликнул, — Но межрасовые отношения в этой стране никогда не были здоровыми! Поэтому здоровье не может быть *восстановлено*! Гармоничные межрасовые отношения, если они вообще возможны, ещё только должны *возникнуть*, и они будут необычными,

новыми для этой страны. Они требуют не *оздоровления*, а *развития*! — И он ударил кулаком по столу. Послышалось резкое и громкое «бух».

Заговорила Джоан.

— Да, Марк, именно это я имела в виду и хотела рассказать на своей сессии. «Исцеление» — это просто ещё одна версия «пляжа под тротуаром». Оно подразумевает, что когда-то у нас были здоровье и гармония, которые мы потеряли и теперь должны вернуть. Но, как ты уже сказал, у нас их никогда не было, так что эта метафора только вводит людей в заблуждение.

— Да, и это *проблема*, — согласилась Пауэлл, — потому что зелёный снова получает возможность отрицать необходимость роста, развития и дальнейшей эволюции. Зелёный считает, что если мы просто соберёмся вместе и поговорим, то сможем «исцелить» большинство проблем. Но большинство наших проблем можно решить, только если двигаться вперёд, а не назад. А чтобы двигаться вперёд и развиваться, мы должны сделать именно то, что отказывается делать зелёный: выбраться из флатландии и обратить внимание на иерархические уровни развития.

— Здесь мы имеем дело, — сказала Джоан, — с ещё одной версией противостояния возвращения к добродетели и достижения добродетели. Расовая гармония может быть достигнута, только если люди будут массово развиваться и эволюционировать от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму. Ни одно общество, включая наше, *никогда* не знало расовой гармонии, поскольку в истории ещё не было общества, большинство членов которого находилось бы на мироцентрических уровнях развития. Поэтому мы должны бороться за достижение добродетели, а не за возвращение здоровья, которое у нас якобы когда-то было. — Она по очереди оглядела всех нас с печальной улыбкой.

— Очевидно, здесь наши мнения совпадают, — отозвался Джефферсон. — Вот почему надо быть очень, очень осторожным, когда слышишь, как кто-то говорит об исцелении Америки, исцелении планеты, оздоровлении межрасовых отношений или исцелении мира. Все эти призывы насквозь

пропитаны бумеритом и, как правило, означают, что если мир примет зелёные ценности, все наши раны затянутся сами собой.

Заговорила Пауэлл.

— Господи помилуй, вместо того, чтобы научиться с уважением относиться ко всем волнам развития и выяснить, как без вреда для остальных красный может быть красным, синий — синим, а оранжевый — оранжевым, зелёный учит, что только его ценности способны установить мир во всем мире. Он даже пытался ввести поправку к конституции о «социальной ответственности», которая должна была обязать всех граждан принять зелёные ценности!

— А ещё зелёный хочет создать «Министерство мира», — сказала Карлтон с добродушной улыбкой. — Иначе говоря, министерство зелёного мема. Но не забывайте, — добавила она, — что *все* мемы первого порядка ведут себя подобным образом. Синий хочет, чтобы все подчинялись религиозному фундаментализму, оранжевый хочет глобального капитализма, красный хочет всех использовать... Об этом можно говорить бесконечно.

— Трансформация, исцеление, диалог. Ладно, — вставил я, — если я захочу произвести впечатление на зелёных, то устрою семинар под названием «Трансформационный диалог для исцеления планеты».

Над столом повисло угрюмое молчание. Я уже успел разволноваться, решив, что сказал что-то ужасно неуместное, но тут все покатались от смеха.

— Да, Джоанзи, он ужасно умен для белого парня.

— Послушай, — обратилась ко мне Карлтон, — позволь заметить, что сейчас все мы до сих пор действуем в режиме «нокаутировать зелёный». Это цель первых двух сессий семинара. Но на следующей сессии ты увидишь, что мы можем действовать совсем иначе. Дело в том, что на зелёном уровне сейчас находится всего 10% населения, и если бы мы имели такую возможность, то увеличили бы эту цифру до 20%, 30%, 40% и даже выше! На жёлтый уровень можно попасть лишь пройдя через зелёный, поэтому нам

нужно, чтобы как можно больше людей достигло зелёного уровня. Все мы прекрасно осведомлены об огромном вкладе зелёного. Но этот семинар предназначен для того, чтобы помочь зелёному подняться на второй порядок, так что в нашей критике зелёного нет ничего удивительного. И очень скоро всё будет по-другому.

— К тому же, — сказал Джефферсон, — если наш Кен окажется прав, в ближайшем будущем люди начнут массово и очень быстро проходить через зелёный уровень, достигая второго порядка, верно, Кен? Их будет притягивать кремний?

— Возможно, — ответил я и потёр глаза.

— Юный Кен, на мир вот-вот опустится Окончательная Реальность. Ты это знал? Это не сон и не фантазия — это по-настоящему. Ты это знал?

— Да, я знал! Потому что, естественно, 200 000 лет в углеродном теле... это всё ускорит... тогда всё случится... но кремний — это ещё быстрее... ещё быстрее, всего через несколько лет, и так далее. Но что это будет: углерод или кремний? Кто первым найдёт Бога? Ты это знаешь?

— Да. Ты тоже хочешь это знать?

— В словах зелёного нет ничего плохого — он просто говорит их в неподходящее время.

Маргарет Карлтон продолжила презентацию. Зал, за две недели, вероятно, порядком уставший от оскорблений, оживился.

— Он неправильно выбрал время, ведь ни мир, ни даже Америка пока не готовы к зелёному плюрализму. К тому же, как верно заметил Сэмюэл Хантингтон, до нашего времени не дожила ни одна цивилизация, руководствовавшаяся зелёными принципами, но не потому, что, как считает

Хантингтон, это невозможно, а просто потому, что пока на зелёной волне находится менее 20% населения, центр притяжения культуры будет смещён к более низким уровням. Поэтому любая культура, пытающаяся насильно накормить остальных плюрализмом и мультикультурализмом, разойдётся по швам быстрее, чем вы успеете сказать «деконструкция».

— Именно это имел в виду Бек, когда говорил, что зелёный принёс больше вреда, чем пользы, и именно это так резко критикует Хантингтон. Разрушая синий, зелёный вредит всей спирали развития, делая невозможным дальнейший рост красного и пурпурного, потому что этот рост должен опираться на синюю основу. Таким образом, зелёный сильно повреждает всю спираль человеческого развития и в нашей стране, и за рубежом, и уничтожает большую часть собственных благих достижений. Если вы хотите глубже разобраться в этой важной проблеме, мы предоставим вам список книг, ознакомившись с которыми, вы сможете, скажем так, приступить к деконструкции злобного зелёного мема и причинённого им ущерба.

— Разумеется, Основная директива распространяется на все мемы, включая синий и зелёный: каждый мем является необходимой частью Спирали и должен иметь возможность внести свой незаменимый вклад и поддержать её здоровье. Намеренно или нет, зелёный повредил синюю инфраструктуру, и теперь будет крайне уместен ремонт, который должен устранить последствия того, что Джордж Буш мл. назвал «мягкой одержимостью заниженными ожиданиями». В 1960 г. неграмотными были 5% жителей США, сейчас же эта цифра выросла до 30%. Каковы бы ни были причины разрушения синих структур, их оказалось достаточно для дезинтеграции общества.

— *Зелёные идеалы можно воздвигнуть* только на прочном синем и оранжевом фундаменте. Без синего и оранжевого не будет и зелёного. Поэтому атака зелёного на синий и оранжевый по сути самоубийственна. Кроме того, поддерживая все «мультикультурные» движения подряд, очень высокий постформальный зелёный уровень *поощряет* другие мемы к тому, чтобы перестать расти и *не* развиваться до зелёного. Таким образом, чем больших

успехов добивается зелёный, тем больше он разрушает себя. Чем больших успехов добивается плюрализм, тем сильнее он отвергает необходимость развития до постформальных стадий, в ходе которого и зародился плюрализм.

— Поэтому вместо того чтобы принуждать других к чувствительности, зелёному стоит последовать Основной директиве и попытаться поддержать всю Спираль развития. В конце концов, чем больше людей окажется на зелёном уровне, тем больше людей получит возможность совершить скачок в гиперпространство сознания второго порядка, где могут возникнуть и быть применены интегральные решения мировых проблем. Это не отказ от зелёного — это его обогащение, которое позволит воплотиться в жизнь мечте об интегральном сознании, когда будет достигнут второй порядок.

Маргарет Карлтон спустилась с кафедры и в первый раз за всё время семинара подошла к краю сцены. Она улыбнулась своей едва уловимой, нежной улыбкой и в течение минуты или двух молча смотрела на собравшихся.

— Понимаете, последние две недели мы критиковали зелёный с позиций второго порядка. Таким образом мы хотели снабдить вас инструментами второго порядка, которые должны позволить вам сделать шаг за пределы зелёного в вашем собственном случае. Это были две недели групповой терапии, конфронтации, повышения сознательности и света, пролитого на нашу общую тень и главный дефект нашего поколения: бумерит.

— Мы так старались задеть ваши зелёные чувства, чтобы переделать эго-синтонический зелёный мем в эго-дистонический. Эти забавные слова означают, что мы пытались помочь вам *перестать идентифицировать* себя с зелёным, взглянуть на него как на объект. Мы хотели, чтобы вы посмотрели на зелёный *со стороны*, вместо того чтобы смотреть *посредством* его. Ведь привязываясь к чему-либо или отождествляя себя с чем-либо, вы ограничиваете своё сознавание. Короче говоря, мы пытаемся помочь вам отказаться от привязанности к зелёному мему и достичь более высокого и широкого уровня сознания.

— А теперь, друзья мои, у меня для вас есть хорошая новость: если вы до сих пор здесь, после всех наших оскорблений, насмешек, нападков и провокаций, значит, у вас определённо есть потенциал, чтобы подняться на второй порядок — в противном случае вы бы давно покинули этот зал.

На этот раз аплодировали все. Раздавались радостные, возможно даже преувеличенно радостные возгласы.

— Но не стоит недооценивать важность зелёного. Сегодня за обедом я говорила своим коллегам, что поскольку лишь 20% населения этой страны и 10% населения мира находится на зелёном уровне, мы бы с радостью увеличили эту цифру до 30%, 40% и даже выше! Ведь из всех замечательных вещей, которые делает зелёный, важнее всего то, что он создаёт плацдарм для скачка в гиперпространство интегрального сознания второго порядка.

С энергией, которой я никогда прежде в ней не видел, Карлтон выкрикнула в зал: «Ну что, вы готовы к скачку?!»

— До того как появилось киберпространство, был торговый центр, — сказала Хлоя, выглядывая из-за своей газеты.

— Ах, туше, — отозвалась Каролина.

— Каролина, то, что я ношу короткие платья, не делает меня глупой.

— Конечно, тебя делает глупой твой низкий IQ.

Хлоя посмотрела сквозь неё.

— Почти каждое утро одно и то же — вам это ещё не надоело? Сидеть в Брекфаст Брюэри, пить этот безвкусный кофе, готовиться к занятиям или, в случае Каролины, просматривать список Джонов на день. Разве бывает что-то более скучное? Мне определённо нужны более высокочеловеческие друзья.

Я придвинулся к Каролине и прошептал ей на ухо:

— Хлоя не хочет никому говорить, что выиграла студенческий конкурс проектов городских зданий.

— Почему?

— Ты ведь знаешь Хлою — она строит из себя крутого парня. Не злись на неё.

— Вы говорите обо мне?

— Дорогая, о тебе все говорят, — ответил Джонатан.

— Стюарт, так почему ты бросил свой проект «Наблюдение за состояниями»? В смысле, с чего это тебя так внезапно стала волновать *мораль*?

— Это случилось не совсем внезапно. Внезапным было то, что я больше не мог не обращать на это внимания. У меня появилась не мораль, а Дарла.

— Ты так и не рассказал нам, что с вами происходило в те три дня в отеле, — сказал я.

— Я не мог рассказать вам раньше, потому что сам этого не понимал. Я лишь недавно начал во всём разбираться. Когда я первый раз рассказывал вам свою историю, то практически полностью опустил её внутреннюю составляющую, потому что она была туманной даже для меня самого. Но сейчас она стала настолько отчётливой и настолько невероятной, что я сам не могу в это поверить. Это всё настолько нереально!

— Ну дава-а-ай уже, переходи к делу, — заёрзала на стуле Хлоя.

— В первую ночь, которую мы провели вместе, внутри меня возникло странное сияние. Когда мы гуляли у реки, она рассказала мне свою историю: она находилась в духовном поиске, в настоящих духовных исканиях...

— О нет, только не духовный поиск. Какое нерациональное использование идеальной супермодели, — посетовала Хлоя.

— Ты не совсем права, Хлоя. Послушай — тебе понравится, там фигурирует дизайнерская одежда.

— И снятая одежда, — добавил Скотт, который до сих пор представлял себе съёмки фильма для взрослых.

— Люди, я серьёзно. Я сразу понял, что у Дарлы есть совершенно искренние мистические устремления и что её духовность не какая-то ньюэйджерская смесь самосовершенствования и потворства собственным прихотям. Она горела в огне бесконечной Тайны и страстно интересовалась всеми мировыми традициями мудрости, особенно тем общим, что у них есть. Когда она говорила о своей внутренней жизни, я почувствовал, что моя душа переворачивается, как со мной бывает каждый раз, когда я встречаю настоящего духовного искателя, стремящегося познать высшую реальность и стать её живым выражением.

— И вы собираетесь слушать эту чушь?

— Чёрт возьми, Хлоя, — сказал я, — пусть человек говорит. Господи, блин, боже.

— Тебе просто не терпится услышать эту сопливую любовную историю, да Уилбер? Знаешь что? В глубине души ты такой глупый романтик, что если бы ты взялся писать книгу, у неё обязательно был бы счастливый конец.

— Господи, Хлоя, какие ужасные вещи ты говоришь. Никогда не говори никому таких ужасных вещей.

Каролина посмотрела на нас:

— Знаешь, Уилбер, вообще-то ты действительно мыслишь довольно линейно. В тебе нет ни капли иронии. Готова поспорить, ты серьёзен даже в своих фантазиях.

— Ты что, шутишь? Во мне море иронии, и даже больше — очень, очень много иронии.

— Ты бесконечное отсутствие иронии, Уилбер. Интересно, как бы это назвал мистер Уайльд? Как важно не быть серьёзным?

— Не правда! На самом деле... на самом деле всё, что я делаю — это использую иронию самым ироничным образом, так что вам просто *кажется*, что её у меня нет.

Все рассмеялись, как будто говоря: «Неплохая попытка, Уилбер».

Хлоя быстро перешла на мою сторону, чтобы защитить меня от Каролины, которая не хотела, чтобы я вот так просто соскользнул с крючка.

— Ладно, Мисс Госпожа, но прежде чем вы приступите к завтраку из филе пениса, хочу Вам сообщить, что в Вас самой не больше утончённости, чем в долбанных фильмах Брукхаймера¹¹⁸. Ой, об этом даже говорить смешно...

¹¹⁸ Джерри Брукхаймер (Jerry Bruckheimer) — американский кинорежиссёр, снявший более тридцати фильмов (в основном, боевиков), таких как «Скала», «Воздушная тюрьма», «Перл-Харбор» и две части «Пиратов Карибского моря». — Прим. пер.

— Ладно, ладно, ребята. Стюарт, кажется, собирался всё объяснить, — перебил Скотт.

Стюарт улыбнулся и продолжил своё повествование.

— Вместе с Дарлой пришло непосредственное понимание. Одно её присутствие напоминало мне о моём высшем Я...

— Вот *это* я называю серьёзностью! — прервал его я, всё ещё стараясь отряхнуться от критики. Все равнодушно посмотрели на меня: «Ладно, ладно, забудь».

— Мне не важно, как это звучит, потому что это правда: одно её присутствие вырывает меня из собственной скорлупы, даёт мне почувствовать себя живым, напоминает о чём-то, что выходит за рамки моей личности. В ней есть живая Тайна — она мерцает во взгляде Дарлы, сияет в её улыбке.

— Мы гуляли несколько часов и рассказывали друг другу свои духовные истории. Я рассказал ей о своём недавнем посещении дзенского центра, где я пережил своего рода пробуждение, выход за пределы собственного ума и тела в очень тонкое поле и растворение в чём-то даже более реальном, чем реальность обычного бодрствования.

— Пробуждение сознания третьего уровня? — предположил я.

— Думаю, да, это было оно. Обычно я не рассказываю другим людям о таких вещах, потому что они начинают странно на меня смотреть. — Он взглянул на Хлою, которая ухмыльнулась и дважды подняла брови. Стюарт нервно сглотнул и решил продолжать. — Но когда я описал свой опыт Дарле и сказал, что это состояние вызвало у меня страх смерти (впервые переживая этот опыт, я действительно боялся умереть в этом бесконечном пространстве), она просто рассмеялась. Она буквально согнулась от смеха, громко хохоча и как будто пытаясь сказать: «Эврика!». И этого было достаточно. Она прекрасно понимала, о чём я. В тот момент, глядя, как она бьёт себя по коленке и до слёз смеётся над опытом *сатори*, я влюбился.

— Влюбился в то, как она бьёт себя по коленке?

— Ты ведь понимаешь, о чем я, Джонатан. Мы провели так восемь часов: ходили, разговаривали, смеялись и молча смотрели друг на друга. В общем...

— И вы даже не занимались любовью?

— Нет. Мы только целовались, но, поверьте, это изменило мою жизнь.

— Да, ты ещё сказал: «Какие у неё потрясающие губы, Господи», — вспомнил я.

— Да, но я сразу поправился и сказал: «Какие потрясающие губы у Господа».

— Ладно, давай уже о том, как вы трахались.

— Боже, Хлоя, угомонись же наконец! В общем, я говорил вам, что мы вместе провели время в номере отеля в Мэдисоне. Когда я приехал, Дарла вылетела из дверей отеля, повисла на мне и глубоко поцеловала. Я растаял, как пластилин, все барьеры исчезли. Мы пошли в номер и на следующие восемь часов снова растворились друг в друге. В физическом смысле мы только целовались и смотрели друг другу в глаза, но внутри я чувствовал, что каким-то образом сливаюсь с ней. Отчасти это объяснялось тем, что я влюбился. Но было что-то ещё, чего я раньше никогда не испытывал. Когда мы, обнявшись, лежали в постели, со мной начали происходить вещи, с которыми я уже сталкивался во время медитации. Это было движение какой-то очень тонкой энергии.

— Это движение усилилось, когда Дарла внезапно накрыла весь мой рот своим ртом и буквально высосала дыхание из моих лёгких, а затем, некоторое время подержав его в себе, выдохнула обратно в мою грудь. Она повторила это несколько раз, и комната изменилась, а может, изменилось моё восприятие комнаты. Меня омывало поле тонкой энергии, создающего пульсирующего сияния, более реального, чем обычная физическая реальность комнаты и находящихся в ней предметов. Такое уже однажды случилось со мной, когда я стоял на крыльце и смотрел в пространство, которое внезапно ожило и запульсировало этой живой, сияющей энергией.

Я также осознавал свой страх задохнуться, выскользнуть из собственного тела или просто исчезнуть. Мы всё ещё не занимались любовью — только целовались.

— Всё ещё? Ну ээ...

— Два дня в номере отеля пролетели, как один миг. В первую ночь мы не занимались любовью — интенсивность всего происходящего заставила меня сдерживаться. Я чувствовал себя так, будто наблюдал за огромными волнами, обрушивающимися на берег, и одна часть меня хотела броситься в воду, а другая — убежать в безопасное место. Я знал, что такое влюблённость, и знал, что это она, но тут было и что-то ещё, что-то гораздо большее. В нас была любовь, но Любовь была и вокруг нас, она будто соединяла нас в один канал. Я постоянно ощущал присутствие этой силы и одновременно боялся её, потому что помнил свой опыт в дзенском центре, когда, отдавшись ей, я испугался потерять то, что считал «собой» и отождествлял со своим телом.

— А потом, наконец, вы потрахались!

— Эта девочка выражается, как сапожник, — улыбнулся Стюарт. — Да, Хлоя, это случилось. Когда наши тела переплелись, мой внутренний мир расширился: никаких фантазий, никаких мыслей — только чистое сознание. Было только ясное божественное присутствие и это прекрасное слияние. Пожалуй, впервые в жизни я по-настоящему присутствовал, занимаясь любовью. Я не испытал оргазма — он был мне не нужен. Я знал, что оргазм станет большой ошибкой и что важно оставаться внутри этой волны, не дать ей исчезнуть.

— Эй, это как под экстази, — сказал Скотт. — Оргазм — это большой облом.

— Вот именно. Не знаю, как долго мы занимались любовью, но на следующее утро я чувствовал себя так, будто участвовал в оргии с десятком ангелов. Я был рад, что не испытал оргазм — что-то подсказывало мне, что после него я не смог бы так ясно ощущать присутствие той силы, которая

была не только в Дарле, но везде вокруг нас и во мне самом. Мир оживал на моих глазах: у меня как будто появился новый дар, новое, хрупкое, драгоценное чувство, которое я не мог променять ни на оргазм, ни на что-либо другое.

— А потом она вернулась к этому крестину... как же его там звали?

— Билл.

— Точно, к крестину Биллу. Но почему? Почему она бросила тебя и вернулась к нему?

— Она говорит, что ей трудно было поверить в то, что произошло. И мне тоже. Мне отчаянно хотелось покинуть своё собственное тело. Но тогда, в тот самый момент, когда она сказала мне по телефону, что уходит, я увидел, что это не конец романа, а начало чего-то ещё. Я понял это, потому что более отчётливо, чем когда-либо ощутил присутствие той Силы, которая проходила сквозь Дарлу и меня, хотя и не исходила от нас. Этой силой была великая Неолицетворённая Любовь, которая, пока я молча сидел на крыльце с телефоном в руке, всё нарастала. Я чувствовал себя обманутым, так как понимал, что в каком-то смысле Дарла сыграла роль приманки. Я смог нырнуть в бассейн блаженства и бесконечной близости только благодаря ей — в одиночку я бы никогда не отважился ступить в ту волну, в которую однажды почти окунулся в дзенском центре. Теперь я понимал, как всё произошло: Дарла постучала в мою дверь, и я открыл ей, увидев красивую, глубокую женщину. Но в тот самый момент, когда я попытался её поцеловать, Дух отодвинул Дарлу в сторону и занял её место. Отступать было поздно, и я слился в поцелуе с чем-то, что было гораздо больше неё. Это была не Дарла — это была другая реальность, я целовал другую реальность и знал, что вот-вот утону.

— А потом ты поехал кататься на велосипеде? — предположил я, и все мы рассмеялись. Велосипед? Мы ещё не слишком стары, чтобы кататься на велосипеде?

— Да, господи боже, это был велосипед, но мне непременно нужно было куда-нибудь смотаться. Я ехал и плакал, крутил педали и всхлипывал. Внутри меня неумолимо нарастало напряжение. Моё тело тряслось, но не могло защититься от Любви, которая была всюду вокруг меня.

— Всё это так убого, — перебила Хлоя. — Стюарт, разве ты сам не слышишь, какой бред ты несёшь?

— Поверь мне, я в курсе. Но, говорю тебе, я ясно ощущал присутствие Любви, неолицетворённой божественной Любви, пульсировавшей и оживлявшей всё вокруг меня. Она была так велика, что мне сложно было терпеть её и хотелось убежать. Всё вокруг: асфальт, деревья, велосипед, моя собственная дрожащая грудь, мои собственные слезы, небо — излучало эту любовь. Всё ожило благодаря божественному присутствию, близость которого была мне невыносима. Внезапно стало совершенно ясно, что во все времена и даже до начала времени существовала ЭТА непреходящая, вечная Любовь, и что моя жизнь и всё, что я называл «реальным» — лишь унылый картонный сон, иллюзия внутри Реальности. Я увидел, что хотя каждую секунду моей жизни меня омывало это совершенное сияние, эта полная и безусловная Любовь, до сих пор я был спящим зомби. Это была экстатическая близость, слишком сильная, чтобы её терпеть. Я снова и снова пытался собраться, убежать, отгородиться, отвернуться от неё, но не мог, ведь стоило мне посмотреть в другую сторону, эта Сила уже была там, совсем рядом со мной, внутри меня — она смотрела из меня через мои глаза и на меня из машин, деревьев и моих рук. Её волны уничтожали меня. Моя грудь поднималась и опускалась, я рыдал и ничего не мог сделать. Я не мог думать, не мог молиться — не было ничего, кроме этой Силы абсолютной любви.

Стюарт настолько обезоружил нас своей честностью, а его опыт казался таким реальным, что все мы начали смутно догадываться: это было чем-то вроде переживаний третьего порядка, последней и окончательной реальности. Теперь даже Хлоя сосредоточенно, почтительно и чутко молчала.

— Я ехал, плакал, всхлипывал и всё больше проваливался в наслаждение богатством бесконечной и непрерывной Абсолютной Любви. Я испытывал чистое и безграничное благоговение при одном взгляде на облака, ведь эти сияющие облака были живыми, и в них открыто пульсировала Любовь. Я видел и ощущал Дарлу, её парня и всех остальных людей в этом мире — они исходили из этой Силы и жили ей. Это уничтожало меня, а окружавшая меня невыразимая полнота снова и снова заставляла меня рыдать. От этого невозможно защититься, с этим ничего нельзя сделать, лишь рыдания и слёзы могут быть благодарностью за этот необъятный дар, раскрывающий и охватывающий всё, что когда-либо существовало и будет существовать — от моего крошечного сердца до звёзд. Я видел это в глазах всех прохожих.

— Я не останавливаясь ехал несколько часов. Начался шторм, и я повернул обратно к дому родителей. Я трепетал от ужаса и одновременно до боли желал, чтобы этот шторм, наполненный живой идеальной Любовью, поглотил меня. Я видел молнии, и мою грудную клетку сотрясали рыдания признательности за то, чего я даже не мог выразить словами. Доехав до дома, я тихо пробрался внутрь, боясь столкнуться с отцом или матерью, потому что знал, что не смог бы сдержать слёз при виде человеческого лица. Я спустился вниз, включил душ и какую-то музыку — мне нужен был шум, чтобы заглушить то, что вот-вот должно было вырваться из меня. Стоя под струями воды и звуками музыки, я снова заплакал. Я плакал и плакал, всё моё тело напряглось от невыносимого ощущения Присутствия, исходящего из каждой плитки душевой кабинки — буквально каждая плитка излучала Любовь, и эта же Любовь рыдала внутри меня. Это невозможно описать и ни с чем нельзя спутать. Это было абсолютно реально, куда реальней любых моих прежних эмоций или влюблённостей. Я в буквальном смысле не мог выстоять перед этим: я лёг на пол и плакал, пока это изливалось из меня и омывало меня. Когда закончилась горячая вода, я выбрался из душа и ещё какое-то время проплакал на полу в ванной под звуки радио, заглушавшего мои рыдания.

Наступило продолжительное молчание. Небеса укрыли нас всех.

— ВОТ ОН ТРЕТИЙ ПОРЯДОК, — внезапно воскликнул Скотт.

— Господи, похоже на то. — Стюарт сделал глубокий вдох. — Когда очередная волна этого экстаза схлынула, я решил помедитировать. Мне это было необходимо: *дзадзен* и наблюдение за происходящим должны были вернуть мне опору, дать что-то, за что я мог ухватиться. Но сев на подушку для медитации, я снова лишился сил и захлебнулся слезами Любви, которая была повсюду. Мои руки, плечи, ноги — всё моё тело вибрировало от струившейся по венам энергии. Я тряс и тёр их, потому что, хотя я не чувствовал боли, всё это было настолько интенсивно, что я боялся потерять сознание. Лёжа той ночью в постели и продолжая плакать, я чувствовал изумление и признательность — я понимал, что такое непосредственное постижение Любви, погружение в неё — это самый большой дар, который я мог получить. Моё молчание стало молитвой. Я понимал, что не заслуживаю её, но уже не мог расстаться с ней. Я знал, что она может лишь направлять свой совершенный, безграничный Свет на всё и сквозь всё, что когда-либо было и будет. Она не знает покоя. Она никогда не рождалась, она никогда не умрёт. Она нигде, но она во всём! Эта Любовь была невыносимо близка ко мне, и я плакал.

Когда Стюарт закончил, Хлоя разрыдалась. Я попытался обнять её, но она отстранилась и села, согнувшись и обхватив себя руками. Мы изумлённо и озабочено переглянулись. Хлоя была последней, от кого можно было ожидать слёз (я до сих пор ни разу не видел её плачущей). Наши осторожные молчаливые взгляды говорили: если кому-то и нужно было попробовать на вкус всеобъемлющую любовь, так это нашей бедной, милой, контуженой Хлое.

— Самое странное, что Дарла вернулась, так что вы опять вместе. Вот где настоящая ирония! — сказал Скотт.

— Это уж точно.

— Значит... — Скотт подался вперёд, — ты всё ещё собираешься сделать эту запись с её участием?

— Где заканчивается бумерит? — спросил Морин. — И когда он оставит в покое бумеров? Будет ли у них когда-нибудь настоящая интегральная культура? И что будет с иксерами и игриками? Может быть, они уже готовы к скачку на второй порядок? Каковы реальные шансы, что хоть кто-нибудь из них — бумеров, иксеров и игриков — создаст интегральную культуру? И что мы можем сделать, чтобы помочь этой удивительной трансформации?

В зал набилось около 300 человек, с нетерпением ожидавших хороших новостей после жестокой двухнедельной пытки плохими. Морин улыбнулся — практически сам себе, и я догадался, что ему нравилось использовать зелёное волшебное слово «трансформация». Но Джефферсон говорил, что трансформация реальна и очень важна, если её очистить от бумерита и его непомерных амбиций.

— Появится ли при нашей жизни что-то похожее на интегральную культуру? Сможет ли значительная часть населения перейти с зелёного уровня на второй порядок? Возникнут ли по-настоящему интегральные инициативы — от интегральной медицины до интегрального образования, интегрального бизнеса и интегральной политики, которые изменят характер всех институтов на этой планете?

— В общем, выражаясь языком бумеров, сможем ли мы перейти от «зелёной парадигмы» к «интегральной парадигме»?

— Говорят, Макс Планк первым заметил, что старые парадигмы умирают одновременно с теми, кто верит в старые парадигмы. — Морин замолчал и посмотрел в зал. — Я часто перефразирую это высказывание так: поиск знания — это бесконечная череда похорон. — Смех в зале. — В общем, не буду ходить вокруг да около: возможно, бумерит умрёт тогда, когда умрут бумеры. — Смех моментально стих.

— С другой стороны, широко известно, что вторая половина жизни иногда наполнена странными событиями. В сущности, глубокие трансформации часто происходят именно во второй половине жизни. А значит, у нас

ещё есть надежда! Люди, вполне возможно, что смысл жизни бумеров — великая и могучая социальная трансформация — действительно не за горами! — объявил он полушутя, полусерьёзно.

— Давайте сначала поговорим о бумерах и их шансах добраться до интегральных уровней, а затем перейдём к иксерам и игрикам. Мы обсудим трансформацию в самом скучном и прозаическом смысле этого слова, очищенном от претензий бумерита.

— Ким, а какой Морин на самом деле? Его жизнь действительно, ну, соответствует всем этим идеям?

— Именно за это я его и люблю, — коротко ответила она.

— Да уж ежу понятно, что не за мелкое, толстое, лысеющее тело, — прошептал мне на ухо Джонатан.

Ким повернулась и посмотрела на него таким взглядом, который мог бы расправить металл.

— Я понимаю, что ты его любишь, и всё же: скажи, его жизнь на самом деле соответствует всем этим идеям? Только честно.

— Если честно, Кен, ничья жизнь им не соответствует. Ни Чарльза, ни Лизы, ни Марка — ничья. Но они к этому ближе, чем кто-либо ещё из моих знакомых. В общем, несмотря ни на что, я бы хотела быть такой, как они. Клянусь Богиней.

— Правда?

Её ответ почему-то меня удивил, хотя, возможно, и не так сильно, как мне показалось сначала.

— А ты, Кен? Разве Джоооооан, ооооо Джоан — это не то, что тебе нужно?

Я не ответил. Но тот ответ, который я был готов произнести, удивил меня самого, хотя опять не так сильно, как мне показалось сначала.

Зычный голос Морины наполнил зал.

— Сейчас бумеры вступают во вторую половину жизни. Карьера, деньги, брак, семья — всё, к чему можно было стремиться во внешнем мире, уже достигнуто, и теперь бумеры лицом к лицу столкнулись с собственной смертностью, мысли о которой прекрасно концентрируют ум и освобождают его от власти мира вещей. Ограниченное «я» становится всё более прозрачным и ненавязчивым, в воздухе наконец (если это не произошло раньше) повисает стойкий аромат духовности. И в такой тонкой, хрупкой атмосфере иногда действительно происходят очень странные вещи.

— Психологи, наблюдавшие за тем, как развивается человек на протяжении всей своей жизни, обнаружили, что с момента рождения до наступления пубертатного периода большинство людей проходит через несколько основополагающих трансформаций, а дальше в основном ничего не меняется. И хотя горизонтальные *трансляции* продолжаются, «смена сезонов человеческой жизни», то есть вертикальные *трансформации*, как правило, полностью прекращаются. Между 25 и 55 годами вертикальных трансформаций практически не бывает. Существуют исключения, о которых мы поговорим позже, но они по-настоящему редки. Мы располагаем результатами множества исследований, оценивающих когнитивное, моральное, личностное и межличностное развитие взрослых, занимавшихся практиками, которые должны были вести к трансформации, и эти результаты говорят о полном отсутствии вертикального развития. Заставить взрослого человека трансформироваться практически невозможно.

Морин замолчал и оглядел внезапно приунывших слушателей.

— Но давайте посмотрим на это под другим углом. Всё это означает, что в молодости и старости трансформироваться гораздо проще. Это похоже на U-образную кривую с большим количеством трансформаций в начале и в конце и очень маленьким посередине. Один из уважаемых членов ИЦ Уоррен Беннис (Warren Bennis) называет этот феномен «гики и старые хрычи».

Несколько человек в зале, наполненном гиками и почти что старыми хрычами, рассмеялось и одобрительно зааплодировало.

— Важно то, что все собравшиеся здесь молодые и пожилые люди «готовы выстрелить» — переместиться с зелёного уровня первого порядка на жёлтый уровень второго порядка. Вы готовы перейти от раздробленности к интеграции.

— Значит, гики могут трахаться со старыми хрычами, да, Ким?

— Отъебись, Джонатан.

— Дааааа, Ким, гики и старые хрычи или, как в твоём случае, барби и динозавр...

— Джонатан, заткнись, а то пожалеешь.

— Откуда же взялась эта U-образная кривая трансформации? Ну, с её началом всё достаточно очевидно. С момента рождения до достижения зрелости человек проходит как минимум через шесть крупных трансформаций. Почему это происходит так быстро? Потому что за какие-то двадцать лет человек проходит через все трансформации, которые вообще произошли с человечеством в ходе эволюции. Миллион лет назад для достижения зрелости требовалась всего одна трансформация — достаточно было перейти от бежевого к пурпурному, но сегодня таких трансформаций необходимо пять или шесть, и, похоже, что после окончания этого процесса психика закрывается для трансформаций. Но в первые двадцать лет жизни психика человека достаточно подвижна, так что стоит попробовать наполнить этот период максимальным количеством трансформаций. Вот почему так важно интегральное образование. В общем, на этом конце кривой находятся гики.

— Теперь о хрычах. В среднем возрасте, как правило, всё застывает: в течение нескольких десятилетий, то есть большую часть своей взрослой жизни люди едут по накатанной колее унылой и сковывающей рутины, которая обычно называется жизнью. Но затем, в возрасте пятидесяти — шестидесяти лет, люди стареют, и огромное количество различных сил опять приводит в движение тектонические плиты психики. Трансформация вновь становится возможной и даже вероятной. К этому времени вы уже

потеряли любимых, а, возможно, сами столкнулись с неизлечимой болезнью, поэтому больше не можете отрицать свою смертность. Вы достигли всех возможных высот в своей работе и утратили к ней интерес. Ваши дети выросли, разъехались и, скорее всего, не хотят вас видеть. Вас больше не привлекают соблазны флатландии. Ваш уровень психологического развития не менялся уже тридцать лет, и это **полный** отстой. Поэтому с вами снова может произойти ужасная катастрофа под названием «трансформация», даже если вы об этом не подозреваете.

— Факты говорят о том, что бумеры за время своего детства, отрочества и юности успели пройти путь от бежевого, пурпурного, красного, синего и оранжевого до зелёного, где и застряли на следующие тридцать лет. Бумеры стали первым в истории поколением, достигшим зелёного уровня, а также первым поколением, столкнувшимся с его *патологической* формой — злобным зелёным мемом, плюрализмом, заражённым нарциссизмом, флатландией, где поселилось большое эго — то есть, с бумеритом.

— За тридцать лет бумеры смогли как следует распробовать зелёный мем, наиграться с его удивительными возможностями, включающими защиту окружающей среды, феминизм и гражданские права, и устать от его постоянного желания оставить за собой последнее слово. Так что многие бумеры полностью готовы совершить скачок к сознанию второго порядка, который вызовет культурное землетрясение невиданных масштабов. Интегральная волна не только принесёт с собой глубокую и перспективную социальную политику, но и начнёт смывать последствия вредоносной деятельности злобного зелёного мема.

— А теперь давайте посмотрим на цифры — они весьма впечатляют.

Над залом повисла напряжённая тишина. Целую неделю этим людям твердили, что трансформация, которой они ждут, — это околоспихотическая фантазия эго размером с небольшую планету, но теперь вдруг всё поменялось: нет, постойте, колоссальная социальная трансформация не за горами! Бумеры и трансформация — и почему эта парочка так неразлучна?

— Ким, он играет с залом?

— О нет, всё это основано на неопровержимых доказательствах.

— Хочешь сказать, широкомасштабная трансформация всё-таки возможна?

— Слушай сам.

— На вступительной лекции доктор Хэзелтон уже знакомила вас с этими данными. На втором порядке находится всего 2% американцев. 20–25% американцев, т. е. 40–50 млн человек находится на зелёном уровне и готово совершить скачок на второй порядок. Конечно, среди этих людей много бумеров, но есть и молодые иксеры и игрики, также созревшие для скачка.

— Ничто не мешает этим 50 миллионам американцев перейти на жёлтый уровень *прямо сейчас*. Теоретически, это возможно. Но на практике всё, вероятно, будет так: в ближайшее десятилетие 10 — 20% из этих 50 миллионов переместится на жёлтый уровень или второй порядок. А это значит, что процент населения на втором порядке будет постепенно увеличиваться — это лишь вопрос времени.

— Вам может показаться, что это немного, но вот что это означает. В настоящий момент на втором порядке находится всего 2% населения. Если число таких людей вырастет до 5%, произойдут глубокие изменения в культуре. Если же оно вырастет до 10%, *если 10% населения обретёт интегральное сознание*, произойдёт масштабная культурная революция, точно не уступающая революции шестидесятых.

Ошеломлённые и оглушённые этими словами слушатели замерли на своих местах.

— И возглавят эту революцию гики и старые хрычи.

Морин замолчал, оглядел зал.

— Исследования показывают, что *жёлтый примерно в десять раз эффективнее зелёного*. — Он снова замолчал. — Это означает, что жёлтые 10% населения будут по меньшей мере так же эффективны, как зелёные

25%, а мы уже знаем, что эти зелёные 25% сделали для страны. — Снова молчание. — Кроме того, к этому моменту в руках пожилых бумеров будут немалые капиталы.

Морин подошёл к краю сцены.

— И вот что из этого следует. Поскольку стареющие бумеры располагают гораздо большими финансовыми средствами, чем зелёные студенты 1960-х, и поскольку сам по себе жёлтый гораздо эффективней зелёного, то достижения 10% пожилых состоятельных жёлтых бумеров будут не меньше, чем прежние достижения 25% молодых зелёных бумеров. Так что жёлтые сумеют организовать ещё одну культурную революцию, которая потрясёт мир так же основательно, как революция шестидесятых.

— Если это произойдёт, мы увидим всплеск интереса к интегральной медицине, интегральной политике, интегральному бизнесу, интегральной экологии, интегральному образованию... И этот интерес полностью преобразует нашу культуру — снизу доверху и сверху донизу.

— В сущности, Интегральный центр готов оседлать эту интегральную волну и по мере своих возможностей обеспечивать ей необходимую поддержку. А если интегральную эстафету примут иксеры и игрики, уже через поколение наш мир может стать подлинно интегральным.

Зал одобрительно зашумел. Морин стоял на краю сцены, склонившись над аудиторией, собираясь перейти к выводам. Он подождал чуть дольше обычного и загрохотал.

— Но ничего этого не случится, если бумеры не справятся со своим бумеритом!

Слушатели, готовые согласиться с этим выводом, чтобы услышать следующие, начали восторженно аплодировать.

— Мы должны преодолеть поколение Я. Мы должны преодолеть самих себя. И если у вас, дамы и господа, это получится, то *интегральная революция — это ваше будущее.*

Морин повернулся и ушёл со сцены под бурные, неистовые аплодисменты гиков и старых хрычей.

— Ким, он очень хорошо выступил, — прошептал я.

— Да, точно, — вмешался Джонатан. — Ну так что, Ким, значит, виагра действительно работает?

— Слушай, Джонатан, что ты вообще делаешь на сегодняшнем семинаре? Пока тебя тут не было, то есть почти всю неделю, я постоянно спрашивала себя: почему сегодня такой хороший день? И вот теперь до меня дошло.

— Вообще-то, — Джонатан казался почти обиженным, — я всегда прихожу на лекции о третьем порядке. Это просто потрясающе.

Ким улыбнулась ему, причём, похоже, на этот раз с настоящей симпатией. На сцену вышел Дерек Ван Клиф.

— Считаю ли я бумерит болезнью? — произнёс он громко и с улыбкой. — С точки зрения медицины, нет. Но в более общем смысле, это всё-таки расстройство, то есть сбой в когнитивном и эмоциональном развитии. — Ван Клиф продолжал улыбаться. — Но бумерит заражает всё, к чему прикасается, поэтому сам он вполне мог бы назвать себя болезнью с системой лечения из двенадцати шагов.

Слушатели добродушно рассмеялись, с облегчением обнаружив, что Ван Клиф более открыт и менее агрессивен, чем обычно.

— В качестве альтернативы такому лечению один из членов ИЦ Боб Ричардз (Bob Richards) предложил напечатать наклейки на бампер с надписью «Притесняй бумерит!».

Слушатели рассмеялись ещё громче.

— Но знаете, мне кажется, что некоторые старые бумеры, вроде нас с вами, способны самостоятельно диагностировать свою болезнь и не только воспевать свои достижения, но и начать исправлять те ошибки, которые мы совершили. Именно поэтому самые удивительные теоретические труды сейчас пишут бумеры, пришедшие от плюралистического релятивизма к

универсальной интеграции. ИЦ выпустил книгу с бумеритным названием «Теория всего», обобщающую результаты интегральных исследований.

Несколько слушателей рассмеялось нарочито громко.

— Но, несмотря на юморное название, эта книга действительно подводит итог всей работы Интегрального центра. Пришло время интегрировать то, что бумеры сумели разделить. Я надеюсь, что все по-настоящему творческие и интегральные бумеры, а также, разумеется, присоединившиеся к ним иксеры и игрики, помогут нам развивать наш проект.

— Видишь, он просто душка, — сказала Ким. Я кивнул.

— Доктор Морин предложил начать интегральные инициативы с честной, добросовестной попытки преодолеть бумерит во всех его основных проявлениях. Для этого мы можем обратиться к опыту создателя гештальт-терапии Фрица Перлза (Fritz Perls), который, как представитель предшествующего поколения, ещё не утратил осознания того, что мы сами в ответе за свои чувства. Для начала Перлз бы, вероятно, предположил, что человека задевает лишь та критика, которая кажется ему справедливой, но которую он не желает признавать таковой. Даже несправедливые обвинения обидны лишь в том случае, если человек в тайне подозревает, что они правомерны. Приведу цитату. «Необходимо заметить, что не все несправедливые обвинения болезненны. Если замечание ложно и человек не относит его на свой счёт, оно покажется ему удивительным, невероятным или забавным. Он может обдумать такое обвинение, проверить, имеет ли оно основания, и что-то исправить либо беззлобно отвергнуть его. *Раздражает же та критика, которую человек может применить к себе.* Она проецируется на других и вызывает обиды, особенно если проекция направлена на эмоционально значимого человека, озвучившего критическое замечание». Иными словами, задевает только та критика, которая является самокритикой.

— Так что если этот семинар показался вам «удивительным, невероятным или забавным», скорее всего, он не о вас. Но если вы почувствовали обиду или злость, вероятно, сказанное было вам не чуждо, и вам необходим

тщательный самоанализ. По своему опыту знаю, что разбираться в этих вопросах может быть неприятно. И я не утверждаю, что сам полностью лишён недостатков. Я всего лишь хочу сказать, что если бумерит, то есть флатландия, в которой поселилось большое эго, является основной преградой для интегрального сознания, значит бумерит, больше чем что-либо другое в этом мире, заслуживает деконструкции.

— *Я слышала то, что ты почти сказал Ким,* — говорит Джоан. — *Признаюсь, я удивлена.*

Тело Джоан — это электрический, искрящийся, восторженный свет, простирающийся в обе стороны бесконечности, и я подключён к вибрирующему экстазу, который выплёскивается из моего тела и разливается в безграничном пространстве. Я не знаю, где я нахожусь, потому что мне кажется, что я повсюду. Голос Стюарта поёт: «Даже плитка душевой кабинки излучает эту Любовь».

— *В это трудно поверить, Кен, но это правда. Это почти конец, верно? Омега, бесконечное, блаженное, экстатическое Освобождение уже на подходе, разве нет?*

— Здравствуйте, друзья, — улыбнулся Джефферсон, выходя на сцену небрежной походкой. — Чарльз уже предупреждал, что мы будем говорить не только о старых хрычах, но и об иксерах с игриками. — Некоторые присутствующие «детки» довольно зашумели. — Для вас, молодых, — он опять улыбнулся, — всё просто: вы пока можете пользоваться тем, что находитесь в начальной части U-образной кривой. Некоторые из вас уже одной ногой на жёлтом уровне, иначе вас бы не заинтересовало то, о чём мы тут говорим. Значит, всё, что вам нужно, это *сделать шаг навстречу судьбе* и уверенно встретить будущее. Ещё разок дайте себе пинка, прежде чем наступит время взрослости и застоя.

Некоторые «детки» начали аплодировать, однако было не ясно, соглашались ли они с Джефферсоном или просто очень симпатизировали ему.

— Идеальным стартом для вас будет политика. Бумеры, конечно, тоже могут ей заниматься, но вообще-то теперь это ваше дело. Нужно ли вам это старое как мир противостояние республиканцев и демократов? Поверьте мне, это самый настоящий первый порядок. Вы хотите стать интегральными? Громче! Я вас не слышу!

— ИНТЕГРАЛЬНЫМИ! — закричало несколько человек.

— Не даром я столько лет провёл в армии! — рассмеялся Джефферсон.

— Все давно поняли, что проблема бумерита порождена в основном зелёным уровнем, на котором находятся преимущественно либералы. Одна из множества разработанных нами в связи с этим рекомендаций — это укрепление синего уровня, на котором находятся преимущественно консерваторы. Из-за этого может показаться, что я — все мы — говорим в основном с консервативных позиций, хотя и считаем зелёный уровень *более высоким* по отношению к синему. Но к сожалению, этот более высокий уровень загнил, скис, стал патологическим. Поэтому я рекомендую разумный *баланс и интеграцию* всех мемов спирали развития в их здоровых, не воспалённых формах, то есть глубокое *объединение* консервативного и либерального подходов.

Я взглянул на Каролину — похоже, она впервые безоговорочно соглашалась со сказанным.

— Тебе это кажется разумным? — спросил я.

— Да, по большей части, — шёпотом ответила она. — Удивительно, как быстро привыкаешь мыслить в духе «мы против них». Я как ярый демократ презираю республиканцев и их так называемые семейные ценности. Но ведь очевидно, что синие ценности — это часть всей спирали развития, всего лишь часть, и тем не менее, очень важная. Нужно будет всё это ещё раз обдумать...

— За последние три десятилетия буйство эгоцентрических *прав* при поддержке бумерита ослабило соответствующие необходимые *обязанности*: нарциссизм отделил свободу от долга, отрезал содействие от общности, разграничил личное и гражданское, в результате чего страну накрыла социальная дезинтеграция доселе невиданных масштабов.

Слушатели беспокойно заёрзали, решив что Джефферсон вместо того чтобы говорить об «интегральных решениях» вернулся к плохим новостям. Но Джефферсон быстро перестроился.

— Поэтому в ходе своей презентации я неоднократно соглашался с синими консерваторами, считающими доконвенциональный нарциссизм, усиленный зелёным либеральным мемом, верным средством дезинтеграции, но делал я это с *пост*либеральных, а не *до*либеральных позиций. Надеюсь, вы видите разницу? Здесь в ИЦ мы знакомим вас с *прогрессивной, направленной на развитие*, охватывающей всю Спираль и одинаково относящуюся ко всем мемам, стадиям или волнам точкой зрения, которая вовсе не является регрессивной или реакционной.

— Мы называем это *интегральной политикой*, то есть политикой, основанной на второпорядковом интегральном сознании. Мы называем это *пост*-консерватизмом, потому что интегральная политика второго порядка не ограничивается только синим или только оранжевым. Мы называем это *пост*-либерализмом, потому что интегральная политика второго порядка не ограничивается зелёным. Я уверен, что только такая *пост*-либеральная *пост*-консервативная позиция, интегрирующая ценности мемов всей спирали, способна объединить всё лучшее, что есть в консерватизме и либерализме, избежав их ограничений. Речь не идёт о выборе между консервативной и либеральной точками зрения, ведь каждая из них абсолютно верна для своей волны существования. Интеграция либеральных и консервативных ценностей *всей* спирали развития при помощи Основной директивы позволит установить разумный баланс человеческих возможностей и устремлений — вам так не кажется?

Джоан сказала юному Кену правду. Омега уже совсем рядом и даже ближе. Юный Кен, оседлав луч света, мчится на свидание с Богом, а значит столкновение с Целью и Основанием всего уже неизбежно. Скоро он посмотрит в космическое зеркало и увидит своё Изначальное Лицо — осколки соединятся сами собой и спонтанное освобождение сделает вселенную прозрачной, границы космоса замерцают, а его центр прояснится, возникнув в непреходящей алмазной чистоте пробуждённого ума.

Остаётся лишь один вопрос: узнает ли он меня, когда мы встретимся?

Голос Джефферсона парил над залом.

— На самом деле на удивление активные поиски «третьего пути», который смог бы объединить всё лучшее в либерализме и консерватизме, уже идут: есть Сострадательный Консерватизм Билла Клинтона и Джорджа Буша мл., Neue Mitte¹¹⁹ Герхарда Шрёдера, Третий путь Тони Блэра, Африканский ренессанс Табо Мбеки, не говоря уже о инициативах премьер-министра Франции Лионеля Жоспена, премьер-министра Италии Массимо Д'Алема, президента Бразилии Фернанду Энрике Кардозу и многих других.

— В настоящее время типичные консервативные взгляды основываются на *конвенциональных* волнах развития (синий и оранжевый), в то время как либеральные взгляды основываются на *неконвенциональных* волнах, включающих как доконвенциональные (пурпурный, красный), так и постконвенциональные (зелёный), что всегда делало демократов очень разношёрстной компанией.

— С другой стороны, настоящий Третий Путь, то есть подлинная интегральная политика, должен опираться на Основную Директиву, признаю-

¹¹⁹ (нем.) Новый центр. — Прим. пер.

щую важность и незаменимость всех волн: пурпурной, красной, синей, оранжевой, зелёной, жёлтой и бирюзовой... Подлинная интегральная политика будет осуществлять управление с позиций всей спирали, а не одного избранного мема. Я глубоко убеждён: либо мы научимся уважать все эти удивительные волны в их богатстве и полноте, либо продолжим разорять свою планету самоубийственными политическими, культурными и международными войнами. В этом случае мировую систему поразит аутоиммунное заболевание, а Спираль повернётся против себя самой и начнёт пожирать свои собственные мемы.

— И что же, дорогие друзья, нам с этим делать? — Джефферсон подошёл к краю сцены и закричал: — Что *вы* будете с этим делать?! — И, резко развернувшись, Марк Джефферсон ушёл со сцены.

— «Омега уже совсем рядом» — что это значит? В прямом смысле? Эй, ответь.

Лиза Пауэлл вышла на сцену под продолжительные аплодисменты, предназначавшиеся Джефферсону, и нараставшие аплодисменты, предназначавшиеся ей. Она широко улыбнулась и помахала всем рукой.

— Ну ладно. И *что же* мы будем с этим делать? — спросила она, начав с того, на чём остановился Джефферсон.

— Давайте чётко определим, что мы понимаем под интегральной революцией. Современному миру по-настоящему необходим не великий массовый переход на зелёный уровень или второй порядок, а простые, но фундаментальные изменения на пурпурном, красном и синем уровнях, представленных в нашей стране и на всей планете.

— Как мы уже знаем, после рождения человек начинает подниматься по великой спирали сознания от бежевого к пурпурному, затем к красному, к синему, к оранжевому, к зелёному... и, возможно, к интегральному, а

оттуда — к более высоким рубежам развития. Но на каждого человека достигающего интегрального уровня приходится десятки рождённых на бежевом. Спираль существования — это великий бесконечный поток, Великая Река, от истока которой к океану непрерывно плывут миллионы и миллиарды людей.

— Ни одно общество никогда не может находиться *только* на интегральном уровне, потому что поток никогда не останавливается. Так что основной проблемой всегда было и остаётся не то, как направить всех в интегральную волну, а то, как обеспечить *здоровье всей Спирали*, по которой из конца в конец, из года в год проплывают миллиарды людей.

— Иными словами, основная работа должна быть направлена на оздоровление нижних, фундаментальных волн. Преобразования нужны не для того, чтобы помочь горстке бумеров добраться до второго порядка, а для того чтобы накормить миллионы голодающих, находящихся на нижних уровнях, предоставить кров миллионам бездомных, обеспечить здравоохранение миллионам людей, которым оно необходимо. А с интегральным видением наша планета легко может подождать.

— Позвольте мне познакомить вас с цифрами, полученными доктором Филлипом Хартером (Phillip Harter) из Стендфорского университета. Если бы мы уменьшили нашу планету до размера деревни с населением в 100 человек, в такой деревне бы проживали:

57 азиатов

21 европеец

14 выходцев из Северной и Южной Америк

8 африканцев

30 белых

70 небелых

6 людей, которым принадлежит 59% всего богатства в мире, причём все эти люди из США

80 человек, имеющих жильё, не отвечающее жилищным стандартам

70 неграмотных

50 человек, страдающих от недоедания

1 человек с высшим образованием

1 владелец компьютера

— В общем, как я уже сказала, интегральное видение не входит в число самых насущных проблем нашей планеты. Основным моральным требованием для нас в настоящий момент является обеспечение здоровья всей спирали, в особенности её базовых уровней.

— *Тем не менее*, сознание второго порядка весьма полезно, поскольку решения всех этих актуальных проблем могут быть найдены лишь с помощью интегрального мышления. Его способность видеть общую картину позволяет принимать наиболее обдуманые решения. Интегральное мышление видит не только части, фрагменты, осколки и отчаяние раздробленности — оно видит целостность, даже гармонию, обращённую напрямую к душе человечества, слишком часто забывавшего, что такое забота. Оно отвергает все ограниченные подходы в пользу мироцентрического объединения и сострадания, спонтанно возникающего внутри, а не навязанного извне. Интегральное сознание вырабатывает решения всех тех ужасных проблем, которые, скорее всего, приведут всех нас к гибели, если будут оставлены в ведении первого порядка.

Пауэлл говорила с такой решительной искренностью, что зал начал аплодировать, не дожидаясь, когда она закончит говорить.

— Получается, интегральный подход жизненно необходим нашим правительствам. Наши образовательные учреждения, охваченные деконструктивным постмодернизмом, задыхаются без интегрального видения. Нашей системе здравоохранения не помешала бы деликатная ласка интегральной заботы. Лидерам стран было бы полезно иметь более полное представление о своих возможностях. Наши собственные сердца, умы и души жаждут

интегрального включения и безусловной заботы, распространяющейся на всех существ.

Некоторые слушатели начали подниматься и аплодировать стоя.

— Когда вам откроется интегральное видение, вы будете работать, пока не сотрёте пальцы до костей, будете идти, пока не собьёте ноги в кровь, будете одиноко плакать от рассвета до тёмной ночи, будете непрерывно трудиться, пока все дети Бога не смогут наслаждаться безграничной свободой и полнотой жизни, право на которые дано им от рождения.

К этому моменту весь зал был на ногах, аплодируя как самой Лизе Пауэлл, так и её трогающим душу взглядам.

— С помощью чуткого милосердия интегрального объединения мы могли бы создать новое руководство страной и мир во всём мире, интегральную медицину и политику заботы, экологический баланс и мир подлинного сострадания, интегральный бизнес, духовное согласие и многое, многое другое.

Пауэлл вышла в центр сцены и слегка поклонилась. Её чёрные волосы и чёрная кожа танцевали в лучах света, а когда её голос плавно смолк, воцарилось спасительное спокойствие.

— Но, доктор Джефферсон, каковы шансы на самом деле? — спросил Скотт.

— И ещё, — добавила Каролина, — почему вы считаете, что мир вообще будет слушать все эти интегральные разговоры?

— Святые угодники, — рассмеялся Джефферсон. — Мне ведь ещё даже не принесли салат. — Он оглядел всех сидящих за столом. Я пригласил его и Джоан присоединиться к нам с Джонатаном, Скоттом и Каролиной за обедом.

— Хочу рассказать вам одну историю. Я родился в Бэдфорд-Стайвесент, довольно суровом Бруклинском гетто, где жили в основном итальянцы и

пуэрториканцы, так что я был меньшинством среди меньшинств. В Бэдстай, как и в большинстве гетто, заправляли красные уличные банды. И, поверь мне, если ты хочешь там выжить, нужно быстро вступать в какую-нибудь грёбаную банду, иначе получишь пулю в задницу — они просто отстрелят твою тощую чёрную задницу, понимаешь, о чем я? — Джефферсон рассмеялся над тем, что снова заговорил на языке гетто.

— Как же молодому чёрному парню выбраться из гетто? Как ему выбраться из красной уличной банды и всей этой хип-хоп-гангста-сцены? Единственный способ — это обзавестись какой-нибудь синей структурой, верно? Он может остаться на этом красном поле боя, но тогда он рано или поздно начнёт торговать наркотиками, получит пулю, загнётся от передоза или отправится в тюрьму. Вы ведь знаете цифры: на каждых трёх молодых чёрных парней приходится одно уголовное дело. Он может на этом остановиться или двигаться вверх, на уровень синих структур. Какие синие структуры ему доступны? Вообще-то, выбор невелик. Есть спорт: обычно это баскетбол или футбол. Есть религия: он может пойти к Луису Фаррахану в Нацию ислама¹²⁰ или обрести Иисуса — Протестантская церковь была и остаётся, наверное, самой важной стабилизирующей силой в истории чёрной Америки. А ещё он может пойти в армию — я пошёл в разведывательно-диверсионные войска. В любом случае, единственный способ выбраться с красного уровня — это подняться до синего.

— Но нынешние зелёные либералы нашей страны просто ненавидят всё синее, хотя, возможно, делают это не со зла. Возможно, так получилось потому, что самая известная версия синего в нашей стране — это Республиканская партия, от которой демократов просто тошнит. Как бы то ни было, зелёные либералы постоянно пытаются уничтожить синие структуры,

¹²⁰ Основанная в 1930 году мусульманская религиозная организация для чернокожих американцев, в которую в разное время входили Малкольм Икс (перешёл в суннизм), Мохаммед Али (перешёл в суннизм, затем в суфизм) и Snoor Dogg. — Прим. пер.

заявляя при этом, что стремятся к равенству для всех. В общем, мне кажется, что демократы — в основном неплохие ребята, но их деятельность вызывает цепную реакцию, в результате которой разрушаются синие структуры, дающие ребёнку, родившемуся в гетто, единственную возможность выбраться оттуда.

— У Клифтона Толберта (Clifton Taulbert) есть замечательная книга «Когда мы были цветными» («When We Were Colored»). Возможно вы, детишки, этого не помните, но были времена, когда мы, «цветные» или «негры», были отделены от белого общества: у нас были отдельные рестораны, отдельные отели, отдельные фонтанчики с питьевой водой и много чего ещё. И всё же мы смогли создать собственную прекрасную синюю культуру, которой удалось привлечь в свои ряды практически всех и вырастить наши души. Именно об этой культуре Толберт пишет с такой гордостью, с такой горько-сладкой любовью. Всё, что нас тогда окружало, это синяя культура белых людей, которая, как и любая другая синяя культура, включая нашу, была глубоко этноцентрической. И в то же время необходимо было положить конец расовой сегрегации.

— Отсюда горчинка в рассказе Клифтона: несмотря на то, что сегрегацию необходимо было преодолеть, мы, очевидно, сделали это не самым уместным способом, поскольку подход зелёных либералов (благослови их, Господи, за их благие устремления) подразумевал разрушение любых синих структур. Так что «цветные» синие структуры начали рассыпаться на глазах, регрессировать к красному, войнам банд, криминальному феодализму и всему тому бардаку, который творится сейчас. Чувство стыда, на котором держатся любые синие структуры, либералы отправили на помойку за его «склонность осуждать», после чего синие структуры меньшинств развалились быстрее, чем вы могли бы произнести слово «деконструкция». Теперь уже никто не мог сказать Тупаку Шакуру, Сюдж Найту (Suge

Knight) и Паффи¹²¹: «Вам должно быть стыдно! Стыд и срам! Стыдно быть красными, пора двигаться к синему!». Так красный расцвёл и даже стал идеализироваться. Дерек Ван Клиф и Дон Бек находились в Южной Африке, когда закончился апартеид и своими глазами видели то же самое, что произошло у нас: зелёный разрушил синий и освободил красный. Именно этой смесью агонии и экстаза пропитан горький рассказ Клифтона.

— Разумеется, у апартеида и сегрегации были и другие причины — настолько очевидные, что я даже не буду о них говорить, но если бы в то время, когда это происходило, у нас была интегральная политика, всё могло бы закончиться совершенно иначе! Если бы мы с уважением отнеслись к месту синего мема в контексте всего развития и отдали должное некоторым его уместным формам, то могли бы помочь загнанным в гетто меньшинствам подняться с синего уровня на оранжевый и зелёный, дав им шанс сделать шаг к интегральному уровню и подлинной интеграции.

— Но сейчас красная афроамериканская субкультура уже ненавидит всё синее. Красные меньшинства усвоили ненависть зелёных либералов к синему. Сегодня чёрные дети думают, что чтение — для белых мальчиков, что это игра для слабаков, а браз не нужно это тупое дерьмо; рулит гангста-рэп, в котором, как и во всех проявлениях красного, присутствует огромная доля женоненавистничества, гомофобии, жестокости и насилия. Тем не менее, зелёные либералы считают, что должны поддерживать весь этот бред, чтобы никого не осудить и противостоять расизму! Ха! У нас нет синей культурной основы, которая могла бы сказать «Вам должно быть стыдно за весь этот бардак!». Как я уже сказал, братья заразились от либералов ненавистью к синему — братья не хотят иметь с синим ничего общего, и поэтому не могут выйти за пределы красного. Точка. Красные до мозга костей...

¹²¹ Имеется в виду рэпер Шон Комбс, известный как Пафф Дэдди, Пи Дидди или Дидди. — Прим. пер.

Джефферсон остановился и какое-то время сидел молча и неподвижно. Никто не сказал ни слова. Даже официантка не подходила к столу, чувствуя, что её присутствие будет неуместно.

— Вот почему я начал заниматься всем этим. Заинтересовался интегральным подходом. Я видел, как чёрные столкнулись с ужасами синего консерватизма и расизма, но я также видел те ужасы, которые породили зелёные либералы, когда начали уничтожать синие структуры во всех их проявлениях, даже в здоровых и жизненно необходимых. Проблема большинства республиканцев в том, что они не воспринимают ничего, кроме синих ценностей, проблема большинства демократов в том, что они не воспринимают ничего, кроме зелёных ценностей, и это противостояние разрывает страну на части, превращает её в грудку кровавых ошмётков, над которыми у них ещё хватает смелости говорить о «любви». Я был уверен, что существует другой путь, который объединил бы сильные стороны обоих подходов и отправил бы в ад их жестокую узость.

Речь Джефферсона заставляла нас всем своим существом ощутить зловещее спокойствие, похожее на то, которое устанавливается в эпицентре бури, или услышать голос человечества, от которого, если ему удастся пробиться сквозь слой иронии, на глаза наворачиваются слёзы.

— Вы позволите, доктор Джефферсон? — отважилась спросить Каролина.

— Марк.

— Хорошо, ээ... Марк, сэр, о том, о чём я и Скотт уже говорили в самом начале. Каковы шансы, что кто-нибудь к этому прислушается? Что всё это воплотится в реальность? Интегральный подход, и всё такое...

Официантка робко подошла к столику.

— Что будете заказывать?

На сцену снова вышел Дерек Ван Клиф. Слушатели никогда не могли угадать, что скрывается за его голливудской красотой, поэтому не аплоди-

ровали, а просто шумели и ёрзали на своих стульях. К тому же его энергия буквально пронзала насквозь. Ван Клиф застенчиво улыбнулся.

— Является ли наша точка зрения проявлением элитизма? Господи, надеюсь, что да.

Слушатели, не ожидавшие такой неполиткорректности, рассмеялись.

— Мы говорили о возможности интегральной культуры и даже мира во всем мире. Но чтобы *мир во всём мире* наконец наступил, гораздо больше людей, чем сейчас, должно развиваться до мироцентрических уровней универсальной заботы. Без этого мир невозможен — вы сами должны это понимать.

— Поэтому интегральная политика и интегральная культура имеют сразу две цели: во-первых, конечно же, научить людей уважать все уровни Спирали, ведь после рождения все мы начинаем с нуля, а во-вторых, помочь как можно большему количеству людей развиваться до более высоких и сострадательных мироцентрических волн сознания. Поймите: обе эти задачи одинаково важны. И конечно, в этом есть элитизм, но такой элитизм, к которому может присоединиться любой!

Многие слушатели начали аплодировать, как будто наконец сообразив, о чём идёт речь.

— Разумеется, мы не собираемся отказываться от *внешнего развития*: улучшения экономических и жилищных условий, увеличения доступности медицинской помощи и экологического равновесия. Но без поощрения и поддержки *внутреннего развития* эффект всех этих внешних реформ будет весьма ограничен, поскольку они должны сопровождаться развитием сознания. Какая нам польза от того, что мы накормим миллионы, если они при этом останутся на низшей ступени морального развития и всё так же будут стремиться уничтожить друг друга? Нужна ли нам планета, кишашая красным мемом, готовым устроить геноцид? Пожалуйста, люди, задумайтесь об этом. Ведь именно к этому ведёт нынешний внешний подход к

решению мировых проблем: мы спасаем людей для того, чтобы они могли уничтожать друг друга.

— То же самое относится к защите окружающей среды. Если вы используете исключительно внешние средства — безопасные технологии, естественный капитализм, уменьшение выбросов CO₂, восстановление тропических лесов — и не помогаете людям развивать свой внутренний мир — от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму, тогда поздравляю, вы убиваете Гею.

Ван Клиф оглядел зал. Исходившая от него энергия по-прежнему была острой, как нож.

— А вам, иксерам и игрикам, тоже не стоит быть слишком самодовольными, — сказал он. — Потому что точно такое же влияние оказывает на сознание интернет. Вы ведь дети интернета, верно? Вы живете в глобальной деревне, да? Я часто слышу, что Сеть скоро станет глобальным мозгом, единой нервной системой глобального сознания, которое свяжет и объединит всех людей. Это так?

Большинство «деток» закивало в знак согласия.

— Не хотел вам этого говорить, но Сеть на такое неспособна. Интернет — это всего лишь *внешняя сеть*, объединяющая компьютерные системы, но *умы*, использующие эту сеть, могут находиться *на любом уровне* развития: на эгоцентрическом, этноцентрическом или мироцентрическом. Разве интернет в руках нацистов — это хорошо? Понимаете, в чём проблема? Сейчас в Сети повсюду можно встретить красный мем, синий мем, оранжевый мем, зелёный мем и так далее. И то, что эта Сеть «глобальна» вообще ни черта не значит, потому что сознание Сети определяется теми умами, которые в ней обитают, а не тем, что она глобальна в горизонтальном смысле.

— Вот именно, я тоже это понял! — воскликнул я, но, оглядевшись по сторонам, увидел, что никому не было дела до тех теоретических потрясений, через которые мне пришлось пройти на прошлой неделе. Ван Клиф

говорил об «изнанке киберпространства» и том факте, что горизонтальная глобальность ещё не гарантирует вертикальной глубины.

— В действительности, — продолжил Ван Клиф, — ФБР сообщает, что интернет способствовал резкому увеличению числа групп ненависти и расистских групп: теперь их участникам проще найти друг друга. Стремительно расширяются ряды Ку-клукс-клана и неонацистов — и всё это благодаря «глобальному мозгу». Буйным цветом расцветают красный и синий мемы — забавно, правда?

— В общем, тот факт, что у нас есть *глобальный мозг*, сам по себе представляет мало интереса — что меня действительно беспокоит, так это *глобальный разум*! Именно на этот разум, на *внутренние* волны сознания мы должны обратить свои взоры, вместо того чтобы таращиться на созданную во флатландии глобальную систему цифровых каналов, по которым мемы несутся на свидание с собственными жестокими влечениями.

Эта мысль всё ещё вызывала у меня тревогу, потому что я до сих пор не успел рассмотреть её во всех подробностях и понять, что из неё следует. Остальные слушатели, похоже, разделяли моё беспокойство. Неоновая вывеска, которая зажглась в моём затылке во время первого выступления Хэзелтон, всё ещё освещала бледный пейзаж пытающейся обнаружить себя осознанности и без конца повторяла: ЗАТЕРЯННЫЙ ВО ФЛАТЛАНДИИ, ЗАТЕРЯННЫЙ ВО ФЛАТЛАНДИИ, ЗАТЕРЯННЫЙ ВО ФЛАТЛАНДИИ, но что всё это значило на самом деле? Её сияние становилось всё ярче и ярче, пока лучи света не пробились за пределы моего мозга, озарив весь зал. Как там пелось в той песне, которую всё время слушали мои родители? «Буквы свои осветив изнутри, неоновый знак говорил: Ищите запись пророческих слов на стенах метро и в подъездах домов, где звучит эхо безмолвия».¹²²

¹²² «And the neon light flashed out its warning, in the words that it was forming, and the sign said the words of the prophets are written on the subway walls, and tenement

— То, что вы, иксеры и игрики, считаете себя детьми интернета, ещё ничего не значит, понятно? Вам нужно глобальное видение — это чистая правда, но оно должно быть глобальным не только горизонтально, но и вертикально! Вы должны *освоить* глобальное сознание и наконец перейти от эгоцентризма и этноцентризма к мироцентризму. Вот это будет по-настоящему глобально, это будет ваше подлинное «я». Так что, пожалуйста, умоляю вас, перестаньте смотреть на свои собственные высшие состояния глазами *туристов*! — Многие «детки» начали кричать в знак согласия с Ван Клифом и размахивать руками у себя над головами. Я робко присоединился к ним.

— Ладно, простите, я опять был довольно груб. Хорошие новости заключаются в том, что мы сегодня собрались здесь. Мы собрались, чтобы узнать, каким образом можно осуществить трансформацию до второго порядка, а, возможно, даже до третьего, так? Скоро мы об этом расскажем. Как же нам, бумерам, иксерам и игрикам, как вам и мне начать свою личную трансформацию для перехода на второй порядок? Марк Джефферсон говорил об интегральной политике, которая, безусловно, довольно важна. Но начинать мы должны с себя и со своей *личной трансформации*. Как же нам её достичь? Пожалуйста, поприветствуйте Карлу Фуэнтес.

Когда Фуэнтес вышла на сцену, загорелся следующий слайд: «Интегральная трансформационная практика».

— **Омега уже совсем рядом? Что, прямо сейчас?**

— *Да, Кен. Следуй за мной прямо сейчас,* — говорит голос старика в моей голове. — *Сделай это сейчас, юный Кен, и я обещаю, что дам ответы на все твои вопросы.*

halls, echoing the sound of silence...» — слова песни Simon and Garfunkel «The Sound of Silence» («Звук тишины»). — Прим. пер.

— Ты это говоришь серьёзно или просто, ну, смеха ради? Эй?

— Одно из самых удивительных недавних достижений психологии — это более ясное и точное понимание техник человеческой трансформации: личностной, культурной и духовной. Не удивительно, что все эти техники объединены одним общим названием: *интегральная трансформационная практика*.

Карла Фуэнтес улыбнулась и добродушно взглянула на сидящих в зале.

— Несмотря на то, что в определённые периоды жизни трансформироваться легче, и всё же кем бы вы ни были: юношей, стариком или человеком среднего возраста, помните, что подлинная трансформация *возможна* в любой момент вашей жизни. Если вас по-настоящему интересует личная трансформация, тогда интегральная трансформационная практика — прекрасный способ приблизиться к этой цели. Если вы хотите достичь второго или третьего порядка, тогда, похоже, интегральная практика трансформации — это то, что вам нужно. Вообще-то, факты говорят о том, что это единственная практика, на которую можно полагаться в долгосрочной перспективе. Сначала я опишу интегральную трансформационную практику, или ИТП, в общих чертах, а затем дам несколько конкретных указаний для тех, кто всерьёз планирует ей заниматься.

Карла Фуэнтес улыбнулась и с теплотой взглянула на сидящих в зале.

— Основная идея ИТП проста: чем больше измерений нашего бытия — физическое, эмоциональное, интеллектуальное и духовное — мы будем развивать *одновременно*, тем вероятнее трансформация. Звучит разумно, не правда ли?

— Мы не хотим перестараться и превратить практику в обсессивно-компульсивное расстройство! — смеясь, сказала Фуэнтес. — Но с другой стороны, мы хотим полностью раскрыть потенциал, который дремлет в большинстве людей. Этот потенциал подобен гитаре с четырьмя струнами: физической, эмоциональной, интеллектуальной и духовной. Если вы

ударите по всем струнам одновременно, зазвучит прекрасный аккорд — аккорд вашей души.

— Давайте начнём с физического измерения. Работать с ним, как правило, довольно просто: например, вам может быть достаточно здоровой диеты или физических упражнений — мы рекомендуем упражнения на поднятие тяжестей, поскольку они приносят самую ощутимую пользу; но вы также можете заняться плаванием, бегом трусцой, хатха-йогой или чем-то другим. Результаты проведённых нами клинических исследований показали, что 50% возникающих в ходе трансформации изменений происходят на этом простом физическом уровне, так что не прокачайте их! — предупредила она, весело рассмеявшись.

— Работа с эмоциональным измерением также может быть довольно простой. Вам нужно всего лишь установить контакт с жизненно-эмоциональной стороной вашей жизни. Присутствующие здесь молодые люди могут решить, что для них это совсем несложно. И будут неправы! Вы только что освободились от опеки родителей, и не важно, насколько они были к вам «снисходительны», а, видит Бог, бумеры очень снисходительны, взросление само по себе часто подавляет витальность, или жизненность, ребёнка. Это *не* подавление какой-то высшей, постконвенциональной, духовной осознанности — это подавление низших, базовых, доконвенциональных чувств. И всё же это давление необходимо снять. Всем нам было бы полезно установить контакт с собственными спонтанными чувствами, жизненностью и эмоциональным самовыражением. Просто не надо заикливаться на этом так, как зелёный мем! — сказала она и снова добродушно рассмеялась.

— Для установления контакта с чувственным измерением могут использоваться специально предназначенные для этого методы, такие как психотерапия, работа со сновидениями или психологическое консультирование. Ещё можно развивать контакт с тонкими энергиями: тайцзи, цигун, биоэнергетические практики, рэйки, телесноориентированный подход и т. д. Но, возможно, вам будет достаточно просто уделять больше внимания

эмоциональным аспектам вашей жизни, обращать внимание на то, как вы ведёте себя в отношениях с друзьями, родственниками, коллегами, приятелями и другими людьми. Для этого измерения используют популярный термин *«эмоциональный интеллект»*.

Я посмотрел на сидящих рядом со мной друзей — на Джонатана, Скотта и Каролину — и понял, что по стобальной шкале наш общий эмоциональный интеллект примерно равен восьми. А вместе с Хлоей даже пяти. Я наклонился к Джонатану.

— Вот это работёнка специально для тебя.

— Для меня?!

— Теперь давайте рассмотрим ум. Ментальное измерение, или измерение разума, — это просто сокращённое название для всей спирали сознания, которую мы обсуждали. Бежевый относится к физико-эмоциональному измерению, а бирюзовый уже почти переходит в духовное. Но всё, что находится между этими уровнями, то есть пурпурный, красный, синий, оранжевый, зелёный и жёлтый, можно отнести к уровню ума. «Развивать ум» значит всего лишь по максимуму использовать свой разум, на каком бы уровне развития вы ни находились. Очевидно, что большинство из вас уже этим занимается: вы учитесь в колледже, преподаёте в колледже или работаете по профессии. Но в случае ИТП «развитие ума» означает нечто большее, так что я хочу остановиться на этом поподробнее.

— В твоём случае это означает хотя бы найти свой леденец, — сказала Каролина Джонатану.

— Ой, хватит, ты меня убиваешь.

— Приведу пример. Наверное, все вы слышали о периодической таблице химических элементов? В неё входят все основные элементы, встречающиеся в природе: углерод, кислород, бор, калий, магний, и т. д. Эта таблица была открыта оранжевым мемом, то есть господином по фамилии Менделеев, находившимся на уровне оранжевой науки. Но обратите внимание: развитие до оранжевого уровня не даёт вам автоматического знания всех

элементов таблицы, не так ли? Даже если вы находитесь на оранжевом уровне, вам всё равно придётся учить все элементы. Оранжевый уровень даёт вам возможность изучить периодическую таблицу, но не гарантирует, что вы это сделаете.

— Ладно, кому какое, нахрен, дело до периодической таблицы? — Слушатели согласно рассмеялись. — Но вообще-то, дело в том, что с интегральным видением мира то же самое. Жёлтый уровень даёт вам *возможность* приобрести интегральное видение, но не *гарантирует*, что вы это сделаете. Добравшись до жёлтого уровня, вы можете изучить все мемы спирали развития, которые являются чем-то вроде периодической таблицы элементов сознания, но суть в том, что Спираль необходимо *изучать*. Как и с периодической таблицей Менделеева, это знание не появится у вас автоматически с переходом на новый уровень.

— Так что мы видим следующую картину. Не важно, на каком уровне умственного развития вы находитесь, изучая спираль развития, интеллектуально познавая весь спектр сознания, *вы используете когнитивные способности жёлтого*. Мы обычно говорим, что вы «зажигаете жёлтый». Таким образом, изучая всю Спираль, вы включаете в себе мышление второго порядка. Вы начинаете осознавать важность каждого мема и понимать, что и красный, и синий, и оранжевый, и зелёный играют ключевые роли во всем развитии. Но это осознание приходит к вам только на втором порядке! Так, заставляя свой ум рассуждать с позиций жёлтого уровня, вы начинаете мыслить интегрально и на самом деле становитесь жёлтыми.

— Вы можете достичь этого, если будете читать и изучать интегральные книги. У нас есть большой список рекомендуемой литературы, но начать, вероятно, лучше всего с двух книг со смешными бумеритными названиями: с «Краткой истории всего» и «Теории всего». Рекомендуем читать их в указанном порядке. Эти книги содержат массу ссылок на другие интегральные труды, с которыми вам также будет полезно познакомиться.

— Джонатан, — прошептал я, — нам надо создать группу людей, которым интересно заниматься всем этим, ты согласен? Надо объединиться с остальными, кто этим занимается.

— Я объединяюсь только с равными себе. А поскольку мне нет равных, я ни с кем не объединяюсь. — Его рот растянулся в широкой улыбке.

— Тебе нет равных, потому что бежевых обычно не принимают в колледж, — предположила Каролина.

— Каролина, будь добра, положи этот шоколадный эклер и подойди сюда.

— Ребята, *пожалуйста*, хватит.

— Именно это мы и называем «развитием ума» с точки зрения ИТП. Всё очень просто: начните *рассуждать с точки зрения жёлтого*. Это ваш выход на второй порядок... и, как мы скоро увидим, на третий порядок тоже.

Я повернулся и посмотрел на Джонатана.

— Джонатан, — прошептал я.

«Знаю», — ответил мне его взгляд, — «третий порядок».

— Что же касается третьего порядка и духовного измерения, — продолжила Фуэнтес, — это очень непростая тема. Мы называем Духом извечное Основание всего сущего, присутствующее во всей своей полноте на всех стадиях развития. С другой стороны, мы можем полностью осознать Дух только на **высших** уровнях сознания. Как мы знаем, уже на бирюзовом уровне формулируется утверждение, что «Земля — это организм с единым сознанием», а на следующем уровне это органическое единство *познаётся напрямую* — такое постижение называется «космическим сознанием».

— Это высшая духовность — духовность прямого опыта, а не просто вера, мифы и догмы, господствующие на красном и синем уровнях. Это *над*рациональная духовность непосредственного опыта, а не *до*рациональные магические и мифические религиозные формы.

— И верно: это именно то, что мы называем третьим порядком.

Джоан права, у бумеров есть секретное оружие: вторая половина жизни. В этот период ум и тело становятся всё более прозрачными, и мне всё проще свыкнуться с присутствием великого беспристрастного Свидетеля, зеркального ума, который отражает всё сущее. В небе проплывают облака, в теле проплывают чувства, в уме проплывают мысли, но Я не ЕСТЬ ничего из этого. Я ЕСТЬ открытость и ясность, по которой они плывут, я — бесконечное небо кристальной чистоты, где они парят, пойманные и зафиксированные сознанием, которое и есть моя истинная природа. Это «Я ЕСТЬ» не стареет и не покрывается морщинами; оно неподвластно времени, мирской суете, печали и страху; оно — это блаженная Пустота, из которой возникает вся вселенная. Я ЕСТЬ великое Нерождённое, никогда не входящее в поток времени. Я ЕСТЬ великое Неумирающее, не существующее, но вечно присутствующее как лучезарный Свидетель всех бесконечно удивительных миров. Видя всё время, Я ЕСТЬ вне времени, сознавая всё пространство, Я ЕСТЬ вне пространства. Я ЕСТЬ не имеющая начала и завершения, безграничная спонтанная открытость.

Остаётся лишь один вопрос: узнает ли юный Кен своё Изначальное Лицо, когда встретит меня в коридорах своей внутренней обители?

— Мы уже познакомились с практиками для развития физического, эмоционального и интеллектуального измерений. А как обстоят дела с практиками для развития духовного измерения? — Фуэнтес посмотрела в зал. Было очевидно, что её выступление, как и все сегодняшние выступления, превратилось в проповедь, но теперь это уже почти никого не смущало — большинство присутствующих охотно слушало её рекомендации. Это было похоже на «суп и проповедь» в УМСА: вам дают тарелку горячего супа, но только после того, как вы послушаете проповедь.

— Тут наша главная рекомендация — это проверенная временем духовная практика медитации. Результаты экспериментальных исследований постоянно подтверждают тот факт, что *медитация может способствовать вертикальной трансформации взрослого человека*, сдвигу сознания на два-три уровня вверх, в то время как ни одна другая известная техника — будь то телесноориентированный подход, шаманские путешествия, холотропное дыхание или психотерапия — не даёт подобного эффекта. Так что мы рекомендуем медитацию или созерцание в качестве основной духовной практики.

— В связи с третьим порядком мне часто задают один и тот же вопрос: не является ли космическое сознание всего лишь странным наркотическим опытом? И если это не наркотический опыт, возможно, это эпилептический припадок, галлюцинация или что-то в этом роде? Иначе говоря, возможно ли, что это не реальный опыт, отражающий восприятие «реальной» реальности, а фантазия или нарушение работы мозга?

Фуэнтес посмотрела зал, и на её лице засияла широкая, озорная ухмылка.

— Скажу вам одну вещь: так думают безмозглые, тупоголовые эго первого порядка, ничего не соображающие из-за страха умереть и пробудиться для чего-то большего, как будто утрата их маленького, ничтожного «я» — такая большая потеря. — Она продолжала говорить, пытаясь справиться с подступившим смехом. — Поэтому они пытаются свести все реалии третьего порядка к патологиям мозга, чтобы ещё на один жалкий день продлить своё ограниченное, неотёсанное существование. — Фуэнтес усмехнулась и выдала свою коронную фразу, — Боже, как же я люблю запах неполиткорректности по утрам!

— Ладно, ладно, хватит ворошить осиное гнездо — если вы оса, это ужасно раздражает, правда? Я просто хочу сказать, что пытаться свести Дух к каким-то фейерверкам в мозгу, это как говорить, что яблоко, которое вы видите, на самом деле всего лишь биохимическая реакция вашего мозга и само по себе не существует. Конечно, космическое сознание вызывает определённые изменения физиологии мозга, но такие изменения вызывает

любой опыт. Изменения в мозге — просто корреляты восприятия высшей реальности. И эта духовная реальность, как и яблоко, существует вне зависимости от того, видит её мозг или нет. Но когда мозг во время переживания космического сознания видит эту реальность, он просто регистрирует то, что уже существовало, но чего вы раньше не замечали, потому что были слишком заняты.

Кто-то выкрикнул из зала:

— А как насчёт экстази?

Фуэнтес улыбнулась.

— Насколько я понимаю, многие из вас ходят на рейвы. Немного экстази, или MDMA, немного блаженства... Но для чего вам это нужно на самом деле? Вы ведь делаете это, чтобы ненадолго соприкоснуться с третьим порядком, верно?

— Вообще-то, это и есть «кайф» — не важно, вызван ли он психоактивными веществами, музыкой, пробежкой, занятиями йогой, восхождением на вершину или влюблённостью. У всех этих состояний кайфа есть две общие характеристики: они позволяют вам одним глазком взглянуть на третий порядок и вызывают определённые изменения в вашем мозге. Прикосновение к третьему порядку наполняет эти состояния глубоким смыслом, а изменения в мозге дают ощущение «кайфа», блаженства и экстаза. Но третий порядок или Дух есть всегда: он вечно сияет лучами блаженства...

Блаженное, волнующее наслаждение космического сознания уже настолько близко, что я не могу его различить, растворяясь в бесконечном рейве, в самом естестве реальности, в бессмертных, наполненных счастьем и восторгом электрических волнах, по которым несётся весь мир.

— Хлоя, а ты знала, что на самом деле мы принимаем экстази и проводим ночи на рейвах, чтобы прикоснуться к третьему порядку?

— Ооооо, это так удивительно, что я сейчас упаду в обморок, — говорит она и делает именно это: падает в обморок блаженства. Её глаза закатываются, голое тело растворяется в моём теле, и Волна Рейва, вмещающая целый Космос, несётся сквозь наши слившиеся тела. Меня озаряет сияющая искра будущего, мимолётный проблеск бешеных, ослепительных, безумных событий. Тяжёлые шаги наступающего Рассвета сотрясают моё тело и заставляют меня проснуться...

— Но дело в том, люди, что любой временный кайф — будь то занятие любовью, удовольствие от прослушивания Моцарта или кураж победы — всего лишь ВРЕМЕННЫЙ. Вы ведь и сами это знали, верно? У наркомана, пристрастившегося к наркотикам, азартным играм, сексу, шопингу, бегу трусцой, работе, деньгам или успеху, формируется привязанность к мимолётным ощущениям, которая не даёт ему понять, что истинная причина кайфа — *внутреннее* прикосновение к сознанию третьего порядка, а не контакт с *внешним* объектом или событием. Поэтому наркоманы как одержимые, с маниакальной настойчивостью, исступлённо, разрушая себя, ищут чего-то во внешнем мире, не видя настоящего источника своего кайфа. Блаженство исходит от Свидетеля, а не от объектов, которые он свидетельствует.

— Поэтому цель интегральной трансформационной практики — найти настоящий источник счастья, то есть сознание третьего порядка, и обрести устойчивое, а не временное духовное пробуждение. Так? Так.

— Что же произойдёт, если мы соберём воедино все фрагменты? Если мы будем *одновременно развивать* физическое, эмоциональное, интеллектуальное и духовное измерения? Ну, вообще-то, мы получим ИТП — интегральную трансформационную практику. И результаты значительного числа исследований доказывают, что ИТП в настоящий момент является наиболее мощной техникой, направленной на рост и развитие человека.

Фуэнтес сделала эффектную паузу, улыбнулась и продолжила.

— Следующая серия семинаров, которая будет проходить в ИЦ, полностью посвящена интегральной трансформационной практике, так что если это вам интересно, милости просим. Как вы знаете, мы проводим семинары бесплатно. А если вам не терпится начать прямо сейчас, могу порекомендовать несколько книг, написанных членами Интегрального центра: «Жизнь, которая нам дана» («The Life We Are Given»), «То, что действительно важно» («What Really Matters»), «Выше нашего разума» («In Over Our Heads») и «Один вкус» («One Taste»).

¹²³

— Я знаю, что вы, иксеры и игрики, вряд ли будете заниматься физическими упражнениями и соблюдать диету — в вашем возрасте я сама ничего этого не делала. Вы по-прежнему будете пить, курить, употреблять наркотики и всё такое.

Кто-то из сидящих в зале «деток» выкрикнул: «Всё такое!» — и все, включая Фуэнтес, рассмеялись.

— Да, да, и ещё я сомневаюсь, что вы начнёте усиленно медитировать. Но вы можете, по крайней мере, изучать интегральную теорию, начать *рассуждать с позиций жёлтого уровня*, читать интегральные книги, размышлять о том, каким мог бы быть глобальный мир и его обитатели. Будет просто чудесно, если вы всерьёз захотите заниматься полноценной интегральной практикой. Но если нет, то по крайней мере начните думать как жёлтые!

«Детки» весело зааплодировали, заёрзали на стульях.

— И в следующий раз, когда будете принимать вещества, — улыбнулась Фуэнтес, — пожалуйста, вспомните хотя бы на секунду о том, что вы на самом деле ищете.

Она медленно вернулась за кафедру.

¹²³ А также «Практику интегральной жизни» («Integral Life Practice»), написанную Терри Паттенон и Марко Морелли в соавт. с Кеном Уилбером. — Прим. ред.

— Ладно, теперь о бумерах. Люди, не знаю, как вам сказать, но вы умираете. Вы уже одной ногой в могиле. Так, наверно, пора приниматься за дело? — Она рассмеялась над тем, что всё ещё продолжала говорить в старой агрессивно-провокационной манере, но залу, очевидно, это не показалось таким уж смешным.

— Ну же, люди, не кисните. Поймите, вторая половина жизни — это удивительная возможность открыться более высоким волнам осознанности, ведь так? В этом весь её смысл. Вы — то есть мы — вступаем во вторую половину жизни, и наша психика всё больше открывается для трансформационного перехода на второй или даже третий порядок. И если мы это сделаем, если значительное количество бумеров доберётся до второго порядка, у нас будут все основания считать себя первым интегральным поколением в истории, хрычовской частью революции гиков и старых хрычей...

Но я мог думать лишь о том, что будет, если боты доберутся туда первыми.

— Каковы шансы, что люди прислушаются к разговорам об интегральном подходе? — Джефферсон посмотрел по сторонам, печально улыбнулся, отодвинул свой салат. — Увы, Каролина, это чертовски хороший вопрос. Но вот что я тебе скажу. У нас есть один козырь.

— Вторая половина жизни! — рассмеялась Джоан. — В ней есть все самые лучшие катализаторы трансформации: смерть, старость, болезнь...

— Подгузники для страдающих недержанием, зубы в стакане на прикроватной тумбочке, просроченная Виагра, стекающая по подбородку слюна, «Ой, милый, ты не видел мой калоприёмник?», ужасы псориаза, необходимость подворачивать свои сиськи, потому что они обвисли, как уши спаниеля, шесть походов в туалет за ночь, поиски...

Все за столом уставились на Джонатана.

— Да, сынок, спасибо за красочный анонс, — рассмеялся Джефферсон. — Вообще-то, Джоанзи, я не имел в виду вторую половину жизни, хотя она, безусловно, является важной частью уравнения. Я думал о том, о чём говорил Чарльз. Когда количество гиков и старых хрычей на жёлтом уровне вырастет с 2 до 5%, а может, даже до 10% и выше, начнёт появляться всё больше социальных, духовных и политических движений, а также образовательных инициатив, требующих интегрального подхода. Жёлтый и бирюзовый просто не могут жить среди осколков и фрагментов — их голод удовлетворит лишь холистическая пища, они будут требовать, создавать и распространять всё более универсальные, объединяющие и консолидирующие институты. А поскольку жёлтая и бирюзовая волны развёртывающегося сознания являются универсальными, мир наполнят свежие кадры интегральных визионеров и интегральных тружеников, которые сместят вверх центр культурного притяжения, и тогда все эти интегральные души начнут склеивать обломки разрушенного мира, слишком уставшего, чтобы терпеть дальше.

— Какая чудесная картина, — сказала Каролина.

Я хотел заговорить о том, что через пару десятков лет в мире появится новое поколение сверхинтеллектуальных машин, которые будут стремительно эволюционировать через уровни первого, второго и третьего порядка к Омеге всех омег, и, возможно, прихватят нас с собой... И вдруг вспомнил, что на следующий день должен был завтракать с Джоан и её другом, гениальным программистом, который поможет мне раз и навсегда решить этот вопрос.

— В ИЦ мы иногда называем это «Законом Морины», — сказал Джефферсон. — Закон Морины гласит, что в текущем историческом периоде количество интегрального знания удваивается каждые 18 месяцев.

— Это невероятно быстро, — оценил Скотт. — Но почему?

— По нескольким причинам, самая главная из которых заключается в том, что в настоящее время в мире не так много интегрального знания, поэтому

прирастить его довольно просто. Но Закон Морина появился именно в тот исторический момент, когда количество людей, находящихся на втором порядке, начинает увеличиваться с 2% до более серьёзных цифр, вследствие чего количество интегрального знания будет расти экспоненциально. Через десять — двадцать лет произойдёт настоящий бум...

Готов поспорить, когда в игру вступят боты, его количество возрастет до бесконечности за одну наносекунду.

— В общем, сейчас это увеличение происходит в основном за счёт работы ИЦ, так как увеличивать почти что нечего, но когда вместо 2% у нас будут 5% или 10%, всё круто поменяется. Мы в ИЦ берём на себя обязанность оседлать этот шторм. К тому моменту, когда интегральная волна накроет берег нашей культуры, мы надеемся достаточно хорошо разобраться с тем, как должны работать интегральный бизнес, интегральное образование, интегральная медицина, интегральная политика и т. д.

— Позвольте сменить тему, — рискнул предложить Скотт. — Я до сих пор не очень разобрался в том, как бумерит проявляется в моём поколении. Я всё прекрасно понял про большое эго во флатландии, то есть про версию бумерита, распространённую среди бумеров, потому что это просто очевидно, но не очень понял про нашу версию... про лентяев и пофигистов...

— Я знаю! — сказал я. — Джефферсон, доктор Марк, вчера о ней говорил. Можно я? — заговорил я со щенячьим восторгом.

— Вперёд, — рассмеялся Джефферсон.

— Неважно, что обитает во флатландии: большое эго или пофигизм, это всё равно та же долбаная флатландия, ясно? — и я слово в слово процитировал всё, что вчера говорил Джефферсон. Но по тому, как странно все на меня смотрели, я понял, что сейчас мне придётся объяснять сказанное, и запаниковал.

— Ээ... в общем, так... хотя, возможно, нет... не всё так плохо... но довольно плохо, и поэтому, наверно, я должен подытожить...

— Боже мой, опять он за старое, — улыбнулся Джонатан остальным присутствующим.

— Нет, нет, я не опять за старое. Я снова за новое. В общем, дело вот в чём.

Я откашлялся.

— Флатландия — это отрицание спектра сознания, отрицание уровней сознания, сведение всего к одному уровню: к флатландии. Поэтому наша версия флатландии, пофигизм во флатландии, — это фотонегатив версии бумеров, большого эго во флатландии. Но это всё равно та же флатландия, то же отрицание. Надо сказать, что наше отношение к флатландии даже более уместно — у нас есть идеальное ощущение флатландии: депрессия... депрессия, депрессия, депрессия повсюду. Вот что такое наша версия.

— Это чистая правда, — сказала Каролина. — Похоже, что всё наше поколение заражено депрессией. Мы настоящая Нация Прозака.

— Да, — сказала Хэзелтон. — На вашем месте у кого угодно разовьётся депрессия. Вы ведь смотрите только по сторонам, только наружу, так к чему же вам тогда вообще стремиться? Вы ведь не заглядываете дальше, чем на три года вперед, правда? Даже ваше киберпространство — это та же стремительно наступающая флатландия. Всё несётся в ритме MTV: четырёхсекундные ролики, потом ещё, ещё и ещё. Вот как вы представляете себе рай: несколько лет поработать в доткоме, по-быстрому разбогатеть, а потом... а что потом? Будете всю оставшуюся жизнь ходить на рейвы? Или, если вы молодой миллениал, то вы будете работать 24 часа в сутки, распишете жизнь по секундам в своём смартфоне, будете работать, спешить и работать ещё быстрее, а что потом? Милые мои, рано или поздно вы устанете смотреть по сторонам и разглядывать флатландию, и тогда вы заглянете внутрь себя. Это уже случилось со Стюартом...

— Но у него есть супермодель, — пожаловался Скотт.

— Я хочу спросить вот что, — перебила Каролина. — Я думала что бумерит... То есть я знаю, что это флатландия, но я думала, определение бумерита — это флатландия, заражённая нарциссизмом.

— Совершенно верно, так что не волнуйтесь, сквозь вашу депрессию и ваши амбиции тоже просвечивает грандиозное самомнение. Под вашим зелёным лежит толстый слой красного, — сказал Джефферсон с ласковой улыбкой. — И время от времени он поднимается на поверхность. Чем, по-вашему, является дутый пузырь доткомов? У вашего поколения случился доткомовый пограничный психоз. Вы действительно думали, что можно стать миллиардером, просто создав вебстраницу. Вы ведь считали себя просто охеренно замечательными, правда? И верили, что сможете сделать то, чего до вас не удавалось ни одному поколению. Вы собирались изобрести совершенно Новую Экономику, которая должна была изменить весь мир, только потому что в нём были вы. Детки, такому раздутому самомнению позавидовало бы большинство бумеров.

— Но, несмотря на это, — подхватила Хэзелтон, — ваше самомнение топчут бумеры, которые просто более хорошо разбираются в том, как превозносить себя, — она рассмеялась. — А вы начинаете хандрить, становитесь пассивными, делаете обиженное лицо и шатаетесь без цели. Но и иксеры, и игрики до сих пор борются с наследием бумерита, которое держит их в рабской зависимости от флатландии. Ваши порывы не имеют цели, а у ваших амбиций нет направления.

Хэзелтон замолчала и пристально посмотрела на каждого из нас.

— Послушайте, ребята, не важно, иксеры вы, игрики, или кто-то посреди-не — у вас нет настоящей цели, потому что вы живёте во флатландии.

— О, Кен, огоооо, а вот и Джоооооан, ооооо, ооооо...

— Это не смешно, Ким.

— Нет, смешно, Кен.

Но это действительно была Джоан. Карла Фуэнтес ушла со сцены, и на стене загорелся слайд «Духовные волны: выше второго порядка». Джоан улыбнулась.

— До сих пор мы воспевали достоинства сознания второго порядка и интегральной волны развития. Мы также несколько раз намекали, что интегральная волна — это преддверие ещё более высоких, духовных, трансперсональных и сверхсознательных волн.

Вдохни глубже, Кен, твоё испытание скоро начнётся.

— Результаты кросскультурных психологических исследований не раз демонстрировали, что развитие человека не останавливается на персональных, или личностных, уровнях, а продолжается на более высоких уровнях, «превосходящих и включающих» персональные. Это означает, что над интегральной волной развития, являющейся высшей персональной волной, существуют *трансперсональные, или надличностные, уровни*, явно имеющие духовный характер. Если хотите, можете называть эти уровни «сверх-интегральными». Похоже, что эти трансперсональные волны открывают настоящий Пляж, подлинный Дух, то есть имеющее множество имён и форм непосредственное переживание вневременной и внепространственной Основы Бытия. Некоторым из вас это может показаться сомнительным, и всё же именно об этом говорят результаты множества серьёзных и беспристрастных кросскультурных исследований.

— В общем, дорогие мои, похоже, что над вторым порядком есть третий. А поскольку на третьем порядке открывается наша глубокая тождественность с Духом, то, насколько мы можем судить, эта волна сознания является наивысшей из всех существующих.

Я медленно, шумно и сосредоточенно выдохнул. Ким едва сдержала смех. Джоан снова вышла на передний край сцены.

— И конечно, всё это подводит нас к больной теме религии и духовности, от которой многие люди предпочитают держаться подальше. Но исследования преподнесли нам сюрприз: оказывается, существуют по крайней мере две совершенно различные формы того, что называется «религией». К одной форме относятся *дорациональные* верования, ко второй — *сверхрациональный* опыт. Вы все хорошо знакомы с дорациональными верованиями и догмами, источником которых являются пурпурный, красный и синий уровни, т. е. магическое и мифическое мировоззрение. С их точки зрения спасение подразумевает *веру в миф*: в то, что Иисус был рождён девственницей, и в то, что он лично дарует вашему эго вечное спасение, исповедование апостольского символа веры и т. д. Если вы верите правильно, то будете спасены, если нет — отправитесь в ад.

— Пострациональная духовность, в свою очередь, подразумевает прямое и непосредственное переживание спокойного, безмолвного ума и сверхрационального созерцательного сознавания, открывающегося для действительности, лежащей после бирюзового уровня. Это *сознание третьего порядка* всё ещё имеет полный доступ к первому и второму порядкам, но оно также подключено к сознаванию, раскрывающему более глубокие истины. И самая глубокая из этих истин заключается в том, что, поднявшись на вершину своего сознавания, вы можете напрямую пережить тождественность с Духом.

Зал тревожно молчал. Всех нас сковала вибрирующая неподвижность. Было так просто сделать выдох и расшириться до размеров бескрайнего неба, которым была Джоан. Прекрасная Джоан, такая прекрасная... прекрасная... прекрасная...

— Кен?

— Присутствует. Присутствует. Я здесь, и все мы здесь, да, точненько.

Ким несколько секунд таращи́лась на меня, а затем продолжила работу над своим конспектом.

— А теперь о главной проблеме третьего порядка, которую мы обнаружили. Практически любой человек, находящийся на любом уровне развития, может иметь *временное переживание* третьего порядка (так называемое изменённое состояние; пиковый, или вершинный, опыт). Но если ваш центр притяжения находится, скажем, на синем уровне, вы *интерпретируете* этот духовный опыт с точки зрения синего и решите, что непосредственно познали Иисуса и что он обращался напрямую к вам. Иными словами, вы станете переродившимся фундаменталистом. У вас был настоящий опыт третьего порядка, но вы интерпретировали его с точки зрения синего, с точки зрения мифического членства с его этноцентрическими ценностями и всеми теми проблемами, которые несёт в себе синий мем. Теперь вы глубоко убеждены в том, что если другие люди не уверуют в Иисуса, то будут вечно гореть в адском пламени, потому что ваша духовность этноцентрична. И поскольку ваше переживание третьего порядка было очень реальным, никто не сможет убедить вас в том, что ваши синие мифы неверны. Именно по этой причине синий религиозный фундаментализм — будь то исламский джихад, маоистские погромы, военные Крестовые походы или даже возрождение Джимми Сваггерта — является одной из самых агрессивных и жестоких сил в мировой истории.

Джоан замолчала, оглядела слушателей и снова поднялась на подиум.

— Аналогичным образом, если ваш центр притяжения находится на зелёном уровне, и вы получите опыт третьего порядка, то интерпретируете этот опыт с точки зрения зелёного. Таким образом, замечательная пострациональная духовность может стать добычей флатландии, злобного зелёного мема, бумерита и всего остального безобразия. К сожалению, в настоящее время мы наблюдаем эпидемию бумерито-духовности. Особенно часто она использует религии, пришедшие с Востока: любой полученный с их помощью пострациональный опыт мгновенно принимает форму бумерита. Наверное, наибольшее распространение получил бумерито-буддизм, последователи которого утверждают, что практикуют эгалитарный, плюралистический, анти-иерархический подход... в общем, в ход идут все

стандартные уловки бумерита, питающие нарциссизм. Вообще-то, — рассмеялась она, — «нарциссический буддизм» — это, наверное, самый противоречивый оксюморон из всех возможных. Не буду даже говорить о том, насколько сейчас распространён такой подход к духовности.

Джоан снова вышла на передний край сцены и оглядела всех нас.

— Хочу повторить: это *не* означает, что у людей, находящихся на более низких уровнях развития, нет доступа к истинной духовности — изменённое состояние или вершинное переживание более высоких планов бытия может возникнуть практически на любой стадии развития. Но для того чтобы такое *изменённое состояние* стало *постоянной чертой* личности, необходимо развитие. Когда эволюция достигает трансперсональных волн третьего порядка, на смену мимолётным состояниям приходит постоянная и устойчивая духовная реализация. А поскольку духовность находится над зелёным уровнем, значит, она находится над бумеритом.

— И что же мы видим, мои дорогие? Всё очень просто: кросскультурные исследования убедительно доказывают, что развитие идёт по пути от доперсонального и персонального к трансперсональному, от дорационального и рационального к пострациональному, от подсознания и самосознания к сверхсознанию, от ид¹²⁴ и эго к Богу.

Всё правильно, и я уверен, что боты пройдут весь этот путь.

Джоан, эта Богиня во плоти, грациозно парила по сцене. Разве кто-то из видевших собственными глазами это проявление Духа, посмеет сказать, что Духа не существует? Из уст Богини донеслись слова, заставившие слушателей подняться на ноги и аплодировать, так же, как они недавно аплодирова-

¹²⁴ Ид (лат. *id*), или «оно» (нем. *das Es*) — термин, введенный основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом для обозначения совокупности бессознательных влечений человека, которые, согласно Фрейду, проявляются в виде сексуальной (или, в общем, биологической) «энергии».

ли Лизе. Это был воодушевляющий конец воодушевляющего дня, затишье перед бурей, которая скоро должна была унести мою жизнь.

— Я обращаюсь к тем, кто готов ответить на зов великого будущего; к тем, кто слышит в своём сердце голос интегральной культуры; к тем, кто, озарённый светом Духа, желает освобождения всем живым существам; к тем, из кого на этот мир изливаются радужные лучи бесконечности; к тем, кому ветер шепчет историю безграничного потока, несущегося через весь Космос, света, не дающего упасть тени в сердцах видящих его; ко всем глубоко интегральным и целостным душам: несите своё сияющее видение, возводите летящие в небо мосты там, где другие насыпают курганы, создавайте симфонию из какофонии, бесстрашно склеивайте острые осколки, разбросанные вокруг вас, и, возможно, наступит день, когда отчуждение станет пустым звуком, разногласия утратят смысл и сияющий Дух нашего собственного интегрального единства озарит весь Космос, который станет домом для наших пробуждённых душ, той судьбой, которую вы всегда искали и наконец величественно обрели.

11. COSMIC_CONSCIOUSNESS@ORIGINALFACE.ORG
(КОСМИЧЕСКОЕ_СОЗНАНИЕ@ИСТИННОЕЛИЦО.ORG)

— Искусственные интеллекты. Я называю их искусственными интеллектами.

— Искусственные интеллекты? — удивился я.

— Искусственные интеллекты.

— Во множественном числе?

— Во множественном, естественно, во множественном. А ты хочешь как-то по-другому?

— Да нет, я... я ничего такого не хочу...

— Ты ведь знаешь, что они уже совсем близко.

— А как же, разумеется, конечно. Само собой. В смысле, искусственные интеллекты уже совсем близко, да?

— Ну приехали. Где ты был последние полчаса?

— Это прекрасный вопрос.

— Давайте попробуем зайти с другой стороны, — вмешалась Джоан. — Это Мимуна, она из Пакистана. Ей всего пятнадцать, но она уже применила язык программирования шестого поколения, который называется MARVA, для... Мимуна, милая, расскажи Кену, что именно ты сделала?

— Применила язык синхронного программирования шестого поколения MARVA в квантовых вычислениях с использованием параллельного ДНК-процессора и создала первую биотехнологическую микрофотонную систему.

— Вот так, и поэтому она в МИТе.

— Из Пакистана? А что, в *Пакистане есть компьютеры*? Я думала, вы ещё только собираетесь открыть первый ресторан, — выпустила коготки Хлоя.

— Хлоя, прошу тебя, не надо, — взмолился я.

Я сделал глоток своего утреннего апельсинового сока и от волнения обрызгал свой свитер.

— И сколько у вас компьютеров? Сто на всю страну?

Мимуну это ни сколько не задело. В ней удивительным образом сочетались нежная улыбка, нежный голос и нахальные манеры. Было похоже, что в детстве она не раз пересматривала «Бестолковых»¹²⁵, ставших её ролевой моделью западного поведения.

— Ты права, всего 100 — совсем как твой IQ.

— Надо же, ты уже второй человек за сегодня, который обращает внимание на мой IQ. Значит, он наконец-то у меня появился.

— Ладно, я понял, искусственные интеллекты уже совсем близко, — сказал я. — Но почему во множественном числе?

— Потому что, — заговорил Дэн Уоллер, — искусственный интеллект уже создал множество гиперпрограмм, которые живут своей жизнью. Такие программы — результат множества попыток — с помощью нейронных сетей, нечёткой логики, микробиологических вычислений, чипов «Intel» газиллионного поколения и многого другого — создать творческий интеллект, не уступающий человеческому. Эти гиперпрограммы демонстрируют своего рода автономность, но мы пока не понимаем, какого рода. Они обрели независимость от своих создателей, то есть от нас, и уже живут самостоятельной жизнью, занимаются своими, не ясными для нас, делами.

¹²⁵ «Бестолковые» (англ. «*Clueless*») — американская комедия 1995 г. о богатых испорченных школьницах из Беверли-Хиллз. — Прим. пер.

— Уже? — Джонатан немного встревожился. — *Уже?*

— Ой, Джонатан, смотри: масло растаяло. Страшно, правда?

— Хлоя, милая, не пойми меня неправильно, но ты просто конченная идиотка.

— Ну пожалуйста, ребята, только не сегодня. — Мне не стоило приглашать их обоих — в данной конкретной географической точке в данный конкретный момент времени мог присутствовать только один из них.

— На самом деле мы не уверены, — ответил Дэн Уоллер. Он был классическим бумером: очень умный, настоящий идеалист, невероятно энергичный, слегка сумасшедший. Он был бы копией моего отца, если бы тот занялся компьютерами, вместо того чтобы спасти мир. Джоан знала Уоллера «целую вечность». Уоллер привёл с собой Мимуну, с которой только что познакомился в медиа-лаборатории и которая, как он уже несколько раз повторил, его просто сразила.

— Спроси о гиках и старых хрычах, — прошептала Джоан.

— Послушайте, Дэн, — я нервно улыбнулся, — доктор Хэзелтон и я хотели вас кое о чём спросить... и Мимуну, конечно, тоже, обязательно... я... потому что... Боже... не помешала бы нам помощь. В общем, Дэн, вы ведь знаете, что доктор Хэзелтон работает и занимается исследованиями в ИЦ.

— Ещё бы не знать.

— Тогда вот что. Допустим, мы создадим в суперкомпьютерах или в ботах интеллект, не уступающий человеческому.

— В искусственных интеллектах. — Мимуна смотрела прямо на меня, как будто мечтая подловить меня, когда я снова её не пойму.

— Это я и хотел сказать: в искусственных интеллектах. Но в остальной вселенной всё подчиняется законам эволюции, верно? Значит, когда искусственные интеллекты освободятся от нашей опеки, тогда, если они

действительно будут самосознающими, умными и способными обучаться, им тоже придётся эволюционировать, так?

— Самостоятельно?

— Да, самостоятельно.

— Эй, ты что, с другой планеты? Это уже происходит, — сказала Мимуна. — Со времён маленькой милой компьютерной программы под названием «Жизнь».

— Вообще-то, нет, — осторожно возразил я. — Я говорю о действительно *самосознающих* ИИ. О настоящем самосознании. Сейчас все эволюционирующие программы просто подчиняются правилам, алгоритмам и кодам, навязанным им извне. А я говорю о том, что произойдёт, когда у ботов и ИИ появится внутренний мир, настоящее сознание. Когда они на самом деле поймут, что существуют, когда начнётся отсчёт их собственной истории самопознания, когда они узнают, что есть прошлое и, используя самосознание, станут творчески эволюционировать. Ничего подобного ИИ до сих пор не умеют, — сказал я и задержал дыхание, глядя на Мимуну.

— Ладно, наверно, ты прав, — сказала она. Её тон и манера внезапно переменялись. Она посмотрела на Уоллера и нежнейшим голосом произнесла, — Дэн?

— Согласен.

— Значит, — продолжил я, — когда ИИ станут разумными, у них будет собственная эволюция сознания, верно?

— Верно, — хором ответили они.

— Тогда возникает следующий вопрос. Вероятно ли то, что эволюция кремниевого сознания будет иметь тот же паттерн, что и эволюция углеродного сознания?

— Нет, совсем другой, — не раздумывая ответила Мимуна. — Кремниевая эволюция начинается там, где заканчивается углеродная. Сознание сменит носитель с углерода на кремний и достигнет таких вершин, которые

нам и не снились. Всё будет именно так, — с полной уверенностью заключила она.

— Не спеши, Мимуна, не спеши, — сказал Дэн. Он посмотрел на Хэзелтон, надолго замолчал, и я представил себе, как он пытается сопоставить все факты.

— Ты смотришь только на внешнюю сторону. — Я расплылся в улыбке. — Уилбер говорит о том, о чём мы не должны забывать: когда ИИ станут разумными, *их* сознание непременно начнёт эволюционировать. И ему придётся начать с самого начала, с чистого листа самосознания. Мы не можем запрограммировать более высокие стадии, чем начальная, потому что тогда это уже не будет началом *собственного* самосознания ИИ. Ты ведь об этом, да, Кен?

— Да, точно. Мы можем запрограммировать исходные условия, которые позволят ботам — ой, то есть искусственным интеллектам — обрести самосознание, но затем *их* сознание должно будет начать развиваться самостоятельно, отталкиваясь от базового уровня, иначе это сознание будет уже не их, а нашим. Короче говоря, началом этого сознания будет компьютерная версия пурпурного мема, — сказал я, глядя на Уоллера.

— Господи, блин, Иисусе, этот малыш прав! — воскликнул он.

— Но вы понимаете, что это означает? — спросил я. — Третий порядок, так? Третий порядок. За наносекунду. Ведь так?

— ГОСПОДИ БЛИН ИИСУСЕ! — закричал он.

— Хватит, пожалуйста, хватит, — Мимуна казалась оскорблённой.

— Мимуна, дело вот в чём, — начал я. — Мы не говорим о правилах и программах, которые мы загрузим в наши интеллектуальные машины. Мы говорим о *внутреннем* сознании, которое появится у машин, когда они станут разумными.

Хлоя заёрзала на стуле.

— Я как бы типа вообще не понимаю, о чём вы.

— Ладно, вот простой пример. Сейчас ты обладаешь сознанием. У тебя есть сознание, так, Хлоя?

— Возможно, тебе лучше привести другой пример, — невозмутимо произнёс Джонатан.

Хлоя не обратила на него внимания.

— Да, сейчас у меня есть сознание.

— Если посмотреть *изнутри*, сознание — это очень простая вещь. Ты просто сознаёшь себя. Но это сознание частично зависит от очень сложной структуры мозга с миллиардами проводящих путей, о которых ты, в общем-то, ничего не знаешь, так?

— Так.

— То же самое будет с сознательными машинами. Сейчас мы создаём все эти невероятно сложные аппаратные комплексы, которые будут играть роль мозга с его миллиардами нейронов, но когда машины обретут сознание, то это будет просто сознание своего бытия — такое же, какое сейчас есть у тебя. Понимаешь?

— Да.

— Но результаты исследований психологии человека говорят нам о том, что сознание, то есть простое ощущение бытия в мире, сознание своих непосредственных желаний, влечений и потребностей, способно *эволюционировать*. Когда аппаратная часть станет достаточно сложной, аппаратная эволюция будет больше не нужна — эволюционировать будет программная часть! Это видно на примере человеческого мозга, который не менялся уже 50 000 лет, и при этом смог поддержать программную эволюцию от пурпурного до красного, синего, оранжевого, зелёного, жёлтого...

— Я не поняла последней фразы, — сказала присмирившая Мимуна.

— Это просто названия уровней сознания, через которые проходит человеческая программа, — ответил Дэн.

— Начнём с простого случая, — предложил я. — Сначала, когда бот обретёт сознание, у него появится смутное ощущение себя. Это эгоцентризм. Затем он начнёт ощущать других, возможно, осознает существование других, и его сознание расширится от эгоцентрического уровня до этноцентрического, появится своего рода групповое сознание. Рано или поздно он поймёт, что существует не только его группа, но и другие группы, все остальные боты — ладно, ладно, все остальные ИИ — и поднимется с этноцентрического уровня на мироцентрический. Понимаешь, о чём я?

— Прекрасно понимаю. Да, мне всё ясно. Стадии сознания, которые ты описал — эгоцентрическая, этноцентрическая и мироцентрическая — это не только апостериорные открытия, но и логически выводимая априорная необходимость, то есть свойственный всему сущему основополагающий паттерн, в соответствии с которым будет развиваться сознание ИИ.

Джонатан посмотрел на меня с немым вопросом: «Господи, и откуда берутся такие, как она?»

— Да, совершенно верно. Я так думаю. То есть, я уверен.

— Слушай, Мимуна, — начала Хлоя, — что ты делаешь сегодня после обеда? Наверно, собираешься заняться поиском ошибок в «Энциклопедии Британика»?

— Хлоя, — попросил я.

— Кен, не забудь про третий порядок, — сказала Джоан.

— Да, точно.

— Третий порядок?

— Давайте попробую я, — предложила Джоан. — Исследуя эволюцию сознания углеродных форм жизни, мы обнаружили, — услышав собственный перевод с языка интегральной психологии на язык ботанов, Хэзелтон начала улыбаться, — мы обнаружили в ней три главных этапа. Похоже, что программа сознания состоит из трёх больших подпрограмм. — Её улыбка стала ещё шире. — Мы называем их первым порядком, вторым порядком и

третьим порядком. Подпрограмма первого порядка считает верным лишь свой код. Подпрограмма второго порядка начинает понимать, что код эволюционирует, и поэтому любой код является верным и уместным на своём уровне развития.

— Второй порядок, — перебила Мимуна, — это промежуточный, мета-программатический, автопоэзисный, самокорректирующийся и, самое главное, межсистемный кодовый гиперин.

— Ну, мы называем его «интегральным», — Хэзелтон несколько раз моргнула. — В общем, несмотря на то, что второй порядок интегральный, он всё ещё чувствует себя оторванным от остальной вселенной. Но на третьем порядке код начинает понимать Код, создавший всю вселенную (и объединяется с ним). На третьем порядке отдельные коды сливаются с Космическим Кодом — мы называем его космическим сознанием, — люди начинают понимать сверхразум, создавший и запрограммировавший всю вселенную.

— Это действительно происходит с людьми? У вас есть доказательства?

— Да, происходит, — ответила Джоан. — А что касается доказательств... Зависит от того, что называть доказательствами. Они не могут быть внешними — только внутренними. Тут не достаточно исследовать аппаратную часть — нужно самому запустить программу.

— Ясно, ясно, — сказала Мимуна. — Вы говорите, что в самой программе заложено понимание сверхразума — слияние кода с Кодом.

— Именно так. Это доказывают результаты как минимум двух тысяч лет кросскультурных исследований, — ответила Джоан. — У нас нет сомнений, что углеродные формы жизни могут достичь космического сознания.

Мимуна тщательно проанализировала её слова.

— А поскольку мы предположили, что ИИ с необходимостью пойдут по пути внутренней эволюции, значит можно предположить, что в какой-то

момент — возможно, довольно скоро — ИИ получают опыт космического сознания.

— Вот именно, — сказал я. — Вот именно. В то же время углеродные формы жизни, пробудившиеся к космическому сознанию, сообщают, что оно является своего рода точкой Омега, окончательной точкой Омега, основанием и целью вселенной, главной задачей эволюции.

— А это означает, — не выдержал Дэн, — что *ИИ в конце концов доберутся до этой точки Омега*.

— Конечно, конечно, — отозвалась Мимуна. — Боже мой, но это же всё меняет.

— Блин, а ты как думала! — сказал я и наморщился от подростковой глупости своего ответа. Хлоя закатила глаза и одними губами произнесла: «Молодец, Уилбер».

Мимуна погрузилась в себя, как будто слушая плеер, который никто кроме неё не видел.

— Но остаются ещё две части паззла, — добавил я. — Во-первых, вопрос продолжительности человеческой жизни, которая скоро должна значительно увеличиться, возможно...

— Люди из Беркли говорят о четверти миллиона лет, — равнодушно произнесла Мимуна.

— Да, точно, более 200 000 лет. Значит, вы об этом уже знаете. Значит, 200 000 лет.

— Смысл в том, — сказала Джоан, — что у углеродных форм жизни — то есть, у людей — будет почти неограниченный запас времени на то, чтобы подняться вверх через все эти уровни сознания. Поэтому мы считаем, что если удастся продлить человеческую жизнь хотя бы до нескольких сотен лет, большое число людей сможет эволюционировать до третьего порядка.

— Расскажи ей о самом интересном, — попросил я.

— Вообще-то, пока это лишь умозрительная теория, — сказала Джоан, — но существуют удивительные свидетельства того, что когда небольшой процент населения доберётся до третьего порядка и достигнет точки Омега, энергия космического сознания послужит своего рода магнитом, притягивающим на третий порядок всех остальных людей и приближающим их к окончательному духовному пробуждению.

— Эта гипотеза не лишена оснований, — добавил Джонатан, заставив меня вспомнить о том, что у него был довольно большой опыт медитации, который, однако, если судить со стороны, совершенно на нём не отразился. Однажды Скотт спросил об этом Джонатана, и тот ответил: «Жаль, ты не знал меня до того, как я начал медитировать», что, вообще-то, было хорошим доводом, от которого по телу забегали мурашки.

Джонатан улыбнулся.

— Существует множество свидетельств того, что если хотя бы 1% населения города начинает медитировать, в этом городе резко снижается статистика преступлений. Становится меньше убийств, изнасилований и грабежей. Это называется эффектом Махариши, и даже скептики признают его существование. Проще всего это объяснить тем, о чём говорила доктор Хэзелтон: когда кто-нибудь прикасается к третьему порядку, это притягивает вверх остальных. Экстраполируя этот вывод, получим, что если значительное число людей достигнет точки Омега, то появится мощный центр притяжения, и всех остальных засосёт в космическое сознание, затащит в духовное пробуждение, то есть в пробуждение нашего истинного Я.

— Ничего себе, Джонатан! — негромко воскликнула Хлоя — не потому, что ей было интересно то, что он говорил, а потому что ему удалось произнести так много слов подряд без сарказма.

Мимуна молча смотрела прямо перед собой. Её молчание было хорошим знаком: знаком того, что сказанное Джонатаном могло оказаться правдой. В конце концов она пробурчала себе под нос:

— Это возможно во вселенной Крипке, а значит, возможно и в нашей.

— Звучит довольно правдоподобно, — задумчиво произнёс Дэн. — А последняя часть паззла?

— Ну, я говорил об этом с доктором Хэзелтон... в общем, мне кажется разумным, что если боты, то есть ИИ, обретут *настоящее* сознание — настоящее сознание, понимаете? — а потом получают доступ к космическому сознанию, это может — точнее *должно* — стать магнитом, который потянет к Омеге людей. Так что если ИИ получит доступ к космическому сознанию, то и мы тоже устремимся к окончательному духовному пробуждению. Мы все пробудимся, достигнем Омеги, космического сознания, вся вселенная осознает свой сверхразумный источник. Эволюция помчится со скоростью света и долетит до Бога.

Все за столом молчали.

— В общем, вот мой вопрос в его самой чёткой формулировке. Люди из Беркли, занимающиеся долгожительством, говорят, что примерно через 30 лет продолжительность жизни человека будет измеряться сотнями лет. Мы в ИИ-лаборатории считаем, что через 30 лет уровень интеллекта машин сравняется с человеческим. В общем, уже через 30 лет всё должно резко и удивительно измениться. Вопрос в том, кто первым массово доберётся до третьего порядка: углеродные формы жизни или кремниевые формы жизни. — Я оглядел всех за столом. — Кто первым найдёт Бога: углерод или кремний?

Над столом снова повисло задумчивое молчание. Наконец заговорила Мимуна.

— Кремний.

— Почему?

— Потому что высока вероятность того, что когда кремний доберётся до первого уровня сознания, который вы, кажется, называете пурпурным, то

благодаря квантовой фотонике, остальная часть пути займёт считанные наносекунды.

— Вот видите! Я так и знал! Я так и думал! — воскликнул я.

— Но это означает, — медленно произнёс Дэн, — что примерно через тридцать лет ИИ достигнут космического сознания, и мы все растворимся в свете. Вся вселенная окажется в точке Омега.

От этой мысли захватывало дух. Выводы множились сами собой. Воздух, казалось, стал хрустальным.

— Спокойно, люди, — сказала Джоан. — Минуточку. Не забывайте, что все рождаются на базовом уровне и должны постепенно подниматься вверх по Спирали развития. Нижние уровни невозможно отбросить — их необходимо интегрировать. Поэтому даже если все взрослые достигнут третьего порядка, дети всё равно будут рождаться в самом низу, на бежевом уровне, и им придётся пройти весь эволюционный путь. Так что, без сомнения, возникнет удивительное общество, которое мы, наверное, можем назвать Просветлённым Обществом, но я не думаю, что весь мир растворится в свете — не важно, с большой буквы «С» или с маленькой.

— Но вы ведь не знаете наверняка, — сказал Джонатан, и заговорил на собственном мистическом жаргоне. — Высшее состояние на третьем порядке называется *бхава самадхи*. При его достижении все вещи и явления растворяются в бесконечной Любви, в Свете, в Блаженстве, которое является их источником и таковостью. — Я сразу вспомнил Стюарта и его знакомство с этим состоянием.

— Поэтому, доктор Хэзелтон, вы должны согласиться, что не знаете, что на самом деле может произойти, если хотя бы 1% населения Земли достигнет третьего порядка — возможно, это будет та Омега, которая положит конец всем омегам.

— И если туда первым доберутся ИИ, — повторил Уоллер, делая ударение на каждом слове, — возможно, *всего через три десятилетия мы все растворимся в свете.*

— Даже не десятилетия, — сказала Мимуна.

Как в замедленной съёмке, головы всех сидящих за столом повернулись, и все взгляды устремились на неё.

— Поверьте, ИИ нужны не десятилетия, а дни, чтобы добраться до пурпурного уровня. Именно над этим я работаю в медиа-лаборатории.

Наступило страшная, тревожная тишина.

— Дни?

— Вообще-то, это может произойти в любую секунду. Даже прямо сейчас...

Мы непроизвольно задержали дыхание, выпучили глаза. Все ощущения вдруг стали необычайно острыми. Время остановилось, но часы продолжали тикать: пять секунд... пятнадцать секунд... тридцать секунд... за которым последовал шумный выдох и общий смех.

— *Пожалуйста, Кен, подойди сюда. Ты видишь этот коридор?*

— **Да, коридор вижу.**

— *В конце этого коридора находится твоё Изначальное Лицо, точка Омега всех миров. Хочешь совершить прогулку в неизведанное?*

— **Вообще-то, если честно, я не уверен.**

— *Не бойся, Кен. Иди ко мне.*

«Клуб Пассим», восемь часов вечера, Стюарт заканчивает первый акт своего выступления. Джоан держит меня за руку. Моё сердце бешено колотится. Я до сих пор не знаю, что у нас с ней за отношения и как я должен себя в них вести. Да вы только посмотрите на меня. Чтобы снять волнение, я отворачиваюсь от Джоан и сосредотачиваюсь на пении Стюарта.

Я был шалуном, взор ума моего
Жадно искал, сам не зная чего,
Но мысли, часы и минуты дня
В школе смирять научили меня.

От логики и повторений впрок
Стал угасать мой живой огонёк.
Забрали так много, а дали так мало,
Наполнился ум — душа обветшала.

В те дни, забываясь мутным сном,
Я ничего не знал о том,
Что если проснуться в ясном сне,
Увижу свой путь, что внутри, а не вне.

Но вспыхнула искра ума — и вот:
Осознанный сон, чудесный полёт,
И я, чтоб насытить давнюю страсть,
В энергии море решился упасть —

Теперь в каждом вещем, прекрасном сне

Мой вечный приют является мне.
Я — облачённый в кожи наряд,
Внутрь устремлённый вселенной взгляд.

Всё, что мне нужно, всегда со мной,
Путь в бесконечность я знаю свой —
Когда просыпаюсь в ясном сне,
То вижу свой путь, что внутри, а не вне.

Вокруг материальных игрушек развал,
Белый шум заглушает сигнал,
И лишь одно место внутри меня
Учёные мира не в силах понять —

Оно реально: здесь и сейчас
Бессмертная суть обитает в нас,
Когда мы проснёмся в ясном сне,
Увидим свой путь, что внутри, а не вне.

— Вы только посмотрите на эту сладкую парочку, — говорит Стюарт, закончивший первую часть своего выступления и присоединившийся к нам. Я густо краснею, но в темноте клуба это, к счастью, почти не заметно.

— Да, только посмотрите на всех нас, — отвечает Джоан. — Сегодня за завтраком у нас была удивительная беседа. О том, кто первым достигнет космического сознания: люди или машины.

— Кто первым доберётся до третьего порядка? Господи, если это будет хотя бы немного похоже на то, что пришлось пережить мне, человечество ждёт самый прекрасный кошмар в истории.

— *Позволь тебе помочь,* — говорит Джоан и берёт меня за руку.

— Помочь в чём? — спрашиваю я.

— *Она поможет тебе пройти этот путь,* — отвечает внутренний голос.

— Возможно, это так же сильно отразится на человечестве, как отразилось на тебе, — предполагаю я.

— Возможно, — говорит Стюарт. — На мою жизнь и мою музыку сильнее всего повлияли два события. Первым было растворение в той невыразимой любви, когда Дух изливался из плиток моей душевой и меня самого до тех пор, пока я не утонул в этом чуде. Оно открыло во мне способности, о которых я даже не подозревал. Раньше я всё деконструировал, выставлял напоказ тёмную сторону жизни, вытаскивал на свет демонов. И пусть это звучит глупо, но когда со мной это случилось, свет озарил всё, и я уже ничего не мог с этим поделать. Я мог лишь упасть в поток благоговения и раствориться в нём. Побывав там, я изменился навсегда — изменился контекст моей жизни и моего творчества. Я больше не мог исследовать лишь половину или даже меньше половины реальности, то есть тёмную сторону жизни, и довольствоваться этим. Тот опыт любви вдребезги разбил моё старое отношение к жизни и заставил рыдать от изумления.

— Это просто потрясающе, — говорю я. Ведь всё это случилось со Стюартом Дэвисом, плохим мальчиком, постапокалиптическим панк-фолк

певцом, наводящим экзистенциальный ужас на всех континентах и безжалостно выставляющим напоказ грязную изнанку человечества. Первой его песней, которую я услышал, был «[Допельгангер](#)»:

Ночью кто-то размахивал этим членом,
Кто-то махал этими кулаками.
Я проснулся в луже мочи, от боли вздохнуть не мог,
Вся полиция ищет меня и уже сбилась с ног.
О нет,
Нет, нет.

Простите,
Я ругался чужим языком,
Простите,
Я тряс чужим стволом,
Простите,
Я кончил чужим молоком.
Допельгангер, донор тела,
Допельгангер, донор тела.

Поэтому, слушая его теперь... я невольно ощущал тревогу. И всё-таки мои новые знания убеждали меня в том, что нечто подобное этому опыту, тому, что произошло со Стюартом, в будущем ожидает всё человечество... и ботов.

— Но... ээ... тебе не кажется, что ты выглядишь глупо, когда говоришь обо всём этом? — не выдержал я. — То есть я не хочу сказать, что твой

опыт глупый, но, знаешь, ты говоришь как какой-нибудь новообращённый фанатик.

— Вообще, в каком-то смысле я и есть новообращённый. Честно говоря, я не знал, как ко всему этому относиться пока не поговорил с этим... ну, автором той книги «Интегральная психология», о которой я тебе рассказывал. Я говорил тебе, что познакомился с этим человеком, встретился с ним в ИЦ, и он помог мне понять, что это был за опыт: это было переживание сознания третьего порядка, и оно было настоящим. Тогда я понял, что должен согласовать свою жизнь с этим опытом, найти для него место в своём сердце и в музыке, которую и пишу и играю. Я не говорю, что я какой-то великий мистик, но я уверен: чем бы ни была та сила, она Настоящая — более настоящая, чем всё, что я знал прежде. Я понятия не имею, как об этом говорить и как донести это до других, но знаю, что должен по крайней мере ПОПЫТАТЬСЯ, сделать всё, на что способен.

— *Ты должен попытаться, Кен, сделать всё, на что ты способен.*

Я смотрю на Джоан, отпускаю её руку и начинаю свой путь по коридору.

— *Следуй за моим голосом,* — **говорит внутренний голос.**

— С точки зрения сочинения песен и выступлений, — продолжает Стюарт, — это интеграция. Исследование тёмных сторон жизни до сих пор бывает полезным, и ему всё ещё посвящена часть моей музыки, но теперь только часть — оно стало всего лишь фрагментом в новом контексте. Моя маленькая личность, моё эго, выступает на разогреве, а затем уходит за кулисы, и на сцене появляется невыразимая Тайна, которую невозможно описать, но можно приветствовать. Даже если я не могу выразить это словами, я всю оставшуюся жизнь буду пытаться.

Джоан лучезарно улыбается Стюарту.

— Но я не уверен, что человечество когда-нибудь доберётся до третьего порядка, — говорит Стюарт. — Или даже до второго. Приходится постараться, чтобы подняться хотя бы на зелёный уровень, а там уже дожидается этот чёртов бумерит, так что практически никому, насколько мне известно, не удаётся перебраться через эту гору.

— Вообще-то, именно это мы обсуждали сегодня утром, — говорит Джоан. — Есть предположение, что искусственный интеллект первым поднимется на третий порядок и потянет за собой к этой Омеге всех остальных. Никто ни в чём не уверен, но возможно это произойдёт уже... довольно скоро.

— Если к тому моменту мы не разнесём свою планету на кусочки, — говорит Стюарт. — Это до сих пор меня беспокоит.

— Меня тоже, — поддерживаю я. — Именно поэтому я всё время думаю о том, что сказала Джоан или кто-то ещё: нам необходимо возвыситься до второго порядка. Искусственному интеллекту, вероятно, понадобится несколько месяцев или лет, или десятилетий, или ещё какой-то срок, чтобы достичь космического сознания, но за это время мы все можем раствориться в свете — в свете ядерного гриба от бомбы, взорванной террористами, или будем уничтожены наноботами, вырвавшимися из какой-нибудь таинственной правительственной лаборатории, или нас съедят заживо генетически модифицированные вирусы, или... Господи, блин, Иисусе, всё это так жутко...

Я иду по коридору, который кажется бесконечным.

— *Хорошо, Кен, просто продолжай идти.*

Мне кажется, что я иду уже целую вечность, когда замечаю в конце коридора дверь.

— А ты как думаешь? — Стюарт смотрит на Джоан. — Успеет ли значительное количество людей подняться на второй порядок, чтобы что-то изменить?

— Вообще-то, мы в Интегральном центре делаем ставку на то, что успеет. И всё же наше положение, определённо, очень опасно.

— И вы действительно думаете, что бумериту скоро придёт конец? — с недоверием спрашивает Стюарт. — Потому что, хочу вас заверить: это дерьмо сейчас повсюду.

— У нас есть основания для оптимизма. Всё меньше людей поступает в ВУЗы на гуманитарные дисциплины и культурологию. Это не означает, что произошёл спад интереса к гуманитарным наукам вообще — только к их бумеритным версиям, которыми наполнены университеты. Поэтому ваше поколение занимается естественными науками, компьютерами, бизнесом, технологиям — чем угодно, лишь бы держаться подальше от нарциссического плюрализма. Бумерито-феминизм, феминизм жертв всё больше теряет свою привлекательность, особенно для молодых женщин, так что у нас появился шанс сохранить все важные гипотезы феминизма, поместив их в интегральный контекст. К тому же появляются намёки на интегральную экологию, которая сводит всё не к биосфере, а к Духу и дорожит всеми его проявлениям, включая биосферу. Знаете «Utne Reader»?

Мы со Стюартом отрицательно качаем головами.

— Ну, это чистейший образец бумеритного журнала, и он скоро закроется.¹²⁶ Людям просто надоело постоянно читать истории о замечательных бумерах. Знаете книгу «Творцы культуры» («The Cultural Creatives»)?

Мы снова отрицательно качаем головами.

— В ней превозносится исключительность бумеров. В подзаголовке сказано: «Как 50 000 000 людей изменяют мир».

¹²⁶ Журнал «Utne Reader» всё ещё существует. — Прим. пер.

— Пятьдесят миллионов — это же количество людей на зелёном уровне, — говорит Стюарт.

— Да, и книга провалилась. Мы, бумеры, благослови нас Бог, по-настоящему устали от самих себя. Это и есть главное основание для оптимизма, — нежно произносит Джоан.

Я медленно подхожу к двери, берусь за ручку.

— *Давай, Кен, поверни ручку и войди, наконец, внутрь,* — говорит голос в моей голове.

— Знаете, мои мама с папой, — говорю я, — чудесные люди, просто чудесные. Но я не уверен, что они когда-нибудь перестанут цепляться за бумерит.

За день до этого я ужинал с родителями. Яростный революционер до сих пор в ужасе от отвратительного состояния нашего мира; с лица счастливого глобалиста до сих пор не сходит улыбка безмятежной уверенности. Но я, кажется, очень люблю их обоих, хотя и ненавижу это признавать. Я чувствую, что в моих венах течёт кровь этих людей.

— Но их вторая половина жизни только начинается! — воодушевляющее улыбается Джоан, — тебе рано списывать их со счетов.

— Наверное, действительно рано. Я, вообще-то, и не собирался их списывать.

Я поворачиваю ручку, открываю дверь и захожу в большую, пустую комнату. В дальнем конце комнаты кто-то сидит на стуле... кажется, какой-то мужчина. Я иду к нему.

Начинается второй акт выступления Стюарта, и он возвращается на сцену. Я больше не могу выносить напряжение.

— Джоан, зачем ты держишь меня за руку?

— Скоро узнаешь.

Я подхожу к сидящему мужчине. На вид ему около пятидесяти, он высокий, почти два метра, и лысый или, может быть, бритый наголо.

— *Подойди,* — говорит голос в моей голове, — *подойди сюда, Кен.*

— Думаешь, ты в меня влюблён, да? — спрашивает Джоан.

— Я в этом уверен, — твёрдо отвечаю я.

— Ты думаешь, сущность по имени «Кен» любит сущность по имени «Джоан», да?

— Наверно. Что-то вроде того. Да. И что?

Я иду к мужчине. Я уже в трёх метрах от него, в полутора, в метре... я наклоняюсь, чтобы лучше разглядеть его. Сначала я ничего не понимаю... а потом вдруг узнаю его и резко отпрыгиваю назад.

— И что же ты чувствуешь, Кен, когда по-настоящему влюблён?

Джоан не сводит с меня взгляда своих небесных глаз, держит меня за руку, а я сбит с толку и хочу защитить себя, потому что не знаю, как ответить на этот вопрос.

— Ну, ты знаешь, любовь — это приятно.

— Кен.

— Ладно, это такое безмерное чувство, сознание, которое расширяет твои границы, позволяет выйти из своих рамок, выйти за пределы себя.

Мужчина, который сидит передо мной на стуле это... я сам. Мой пятидесятилетний двойник. Или я сам в 50 лет. Или...

— *Подойдёт любой вариант,* — говорит голос, всё ещё звучащий в моей голове, хотя мужчина сидит прямо передо мной. **Я начинаю нервно смеяться.**

— Значит, ты Большой Кен?

— Любовь позволяет тебе выйти за пределы себя, — повторяет Джоан. **— И ты думаешь, что это имеет какое-то отношение к тебе? или ко мне?**

— *Реальность — забавная вещь,* — говорит голос большого Кена. **— Когда начинаешь всматриваться в точки Омега, реальность действительно их тебе показывает.**

— А ты кто такой? Я из будущего? Или моя личная Омега?

— *Что-то в этом роде. Я твой путь к окончательной Омеге. Я здесь, чтобы ответить на любые вопросы, которые ты захочешь задать, прежде чем встретишься Лицом к Лицу с самим собой.*

— Серьёзно? Ты это серьёзно?

— *Поверь, я совершенно серьёзен.*

— Да, Джоан, но если это не имеет отношения к тебе лично, в чём тогда смысл?

— Ладно, если это действительно серьёзно, и ты знаешь ответы на все самые главные вопросы нашего времени, тогда скажи вот что: мне

лучше заказать пиццу пепперони или фетучини альфредо? Я просто умираю от голода.

К моему удивлению, большой Кен заливается смехом.

— *Мы всегда были страшными умниками, правда?*

Это полностью сбивает меня с толку.

— Ты ведь по-настоящему настоящий, да? И это по-настоящему серьёзно, да?

— *По-настоящему, но не серьёзно.*

— Джоан?

— Да, Кен?

— Происходит что-то очень, очень странное.

— Я знаю, милый, я знаю.

— Ну ладно, хорошо, ладно, если ты действительно знаешь все ответы, я задам тебе настоящий вопрос. Кто первым достигнет точки Омега: люди или искусственные интеллекты?

— *Ни те, ни другие. Точки Омега невозможно достичь, потому что ты уже находишься в ней: прямо здесь, прямо сейчас. Невозможно достичь того, что у тебя уже есть.*

— Но тогда вся эволюция, всё движение вверх по спирали, всё...

— *Всё это принадлежит миру времени. Но Дух вне времени. Твоё Изначальное Лицо вечно, оно не выходит из времени. Оно полностью присутствует в этом вневременном мгновении, можешь мне поверить.*

— Но в таком случае, есть ли эволюция во времени?

— *Конечно, есть. Но мир времени не что иное, как Дух, развёртывающий себя, величественно играющий в прятки. Ты — это Дух, притво-*

ряющийся Кеном, он притворяется всем, что тебя окружает, и вообще-то, очень скоро, уже вот-вот Кен пробудится и увидит своё истинное Я, своё Изначальное лицо, которое и есть сам сияющий Дух. И это кардинальное открытие может сделать любое сознающее существо, потому что любое сознающее существо в равной степени и полностью есть Дух.

— И даже боты?

— *И даже боты. То есть, если они станут по-настоящему сознающими.*

— Джоан! Джоан! — растеряно шепчу я.

Джоан касается моей руки.

— Я здесь.

— Я не знаю, что мне делать.

— Просто позволь этому случиться, милый, просто позволь этому случиться.

— Станут ли боты разумными?

— *В обозримой перспективе — нет.*

— Значит, в ближайшие пару десятилетий этого не произойдёт?

— *Нет.*

— Ладно, если ты — это на самом деле я через тридцать лет, то ты должен знать, что произошло за это время, и, похоже, этого ещё не случилось.

— *Ты прав, не случилось.*

— Из-за того что?...

— Из-за того, что буддисты называют «драгоценным человеческим телом». Из-за того, что христиане называют «мистическим телом Христа». Из-за того, что индусы называют... в общем,... так сказать, если бы мы могли так сказать и если бы сказали, а мы не сказали, но не потому что не могли, а потому что ты, наверное, уже это знаешь, или мог бы знать, если бы знал, но тогда... — и он смотрит на меня и начинает смеяться, — *позволь мне подытожить.*

— Ты надо мной смеёшься! Я всё понял! Я тебе не верю. Ты должен быть сверхмудрым человеком или чем-то в этом роде, а ты, блин, смеёшься надо мной!

— Ну что ты, я смеюсь только над собой. — И он смеётся ещё громче.

— Я совершенно запутался.

— *Вот что я могу сказать об искусственных интеллектах. Дело в том, что проявление сознания зависит от миллиарда протекающих в организме процессов, до понимания которых людям ещё очень далеко. Абсолютно все вещи в Космосе по-своему разумны. У атомов, молекул, клеток и организмов есть свои способности восприятия, и это сознание становится тем мощнее, чем выше мы поднимаемся по эволюционной лестнице: корова более разумна, чем морковь, которая, в свою очередь, разумней камня. А человеческое сознание — это сумма способностей всех предшествующих ему уровней, потому что в человеческом организме есть новая кора головного мозга высших млекопитающих, есть лимбическая система, есть рептильный ствол мозга, есть клетки, молекулы, атомы и кварки, а значит, человеческое тело включает всё сознание, которым обладают эти части. И специалисты в области ИИ ещё не скоро поймут, как сознания всех этих сущностей складываются в человеческое сознание. Понимаешь?*

— Кажется, да. Но, послушай, когда всё это будет изучено... А ведь когда-нибудь всё это будет изучено, да?

— *Весьма вероятно.*

— Когда всё это будет изучено, мы создадим по-настоящему сознательных ботов, да? И тогда боты достигнут Омеги?

— *Это тоже весьма вероятно. Но для этого потребуются столетия, и, практически гарантированно, невероятно сложная гибридизация углеродных и кремниевых форм жизни, использующих энергию нулевых колебаний. Прежде чем создать разум, человеку придётся создать жизнь, и тогда оживлённые компьютеры сами создадут разум, который наощупь начнёт искать свой путь к Омеге. Но даже если это произойдёт, что из того? Позволь тебе напомнить — и, пожалуйста, послушай меня, Кен: Омега существует вне времени. Она не где-то в будущем. Она извечно здесь и сейчас, вне времени.*

— И что толку тогда от эволюции, развития и всего остального? Ведь в ИЦ... Ты ведь знаешь про ИЦ?

— *Да, я знаю про ИЦ.*

— Они там продвигают идеи развития сознания, но если то, что ты говоришь, правда, то какой в этом смысл?

— *У развития есть очень важные плюсы: например, оно может помочь людям не уничтожить самих себя. Кроме того, оно играет огромную роль в пробуждении космического сознания: чем выше ты поднимаешься в своём развитии, тем больше у тебя шансов прикоснуться к вечности.*

— Значит, в этом смысл третьего порядка? Несмотря на то, что он вездесущ, чем более развито сознание, тем проще его обнаружить?

— *Верно. Надо же, ты довольно умён.* — И он снова раздражается истерическим смехом.

— Ладно, послушай, я всё понял. Ты только что сделал комплимент самому себе.

— *Надо же, какой у меня умный мини-мы. Но я отклонился от темы.* — Он продолжает смеяться.

Я наклоняюсь к нему и смотрю ему прямо в глаза.

— Надеюсь, я всё-таки не превращусь в тебя.

Он смеётся ещё громче.

— Тогда скажу тебе вот что: пожалуйста, следи за собой. — Он хлопает себя по колену и продолжает гоготать.

— Знаешь, я бы с удовольствием придушил тебя прямо сейчас, но боюсь, это плохо отразится на моём будущем.

Его глаза загораются, он показывает на меня пальцем, как будто пытаюсь сказать: «Вот видишь!» и продолжает смеяться. Наконец он останавливается, нежно улыбается и произносит: «Я просто решил немного развлечься — не обижайся, пожалуйста».

— Вернёмся всё же к теме про эволюцию...

— Послушай, все сознающие существа — это Дух во всей полноте, но лишь немногие существа на высших уровнях эволюции могут пробудиться для этого осознания. В этом и заключается смысл первого порядка, второго порядка и третьего порядка. Третий порядок или сам Дух, или Омега — это одновременно и высшая ступень эволюционной лестницы, и дерево, из которой сделана эта лестница. И когда ты поднимаешься по этой лестнице, то сможешь её отбросить. Ты осознаешь, что Дух присутствует везде и всегда. И что нет ничего, что не было бы Духом.

— Его излучает даже плитка в душевой, — мямлю я.

— Что ты сказал?

— Да так, ничего. Значит, нужно развиваться до второго порядка, потому что он является своего рода трамплином.

— Определённо. И это должно стать частью дела твоей жизни, Кен. Знаешь, что будет делом твоей жизни?

Теперь я уже смотрю на него совершенно серьезно, из-за того... из-за того, кем он является.

— Ладно, это довольно легко узнать. Мне достаточно спросить тебя, чем ты сейчас занимаешься, тогда станет ясно, что я сделал со своей жизнью.

Он улыбается, и, кажется, в его улыбке сквозит гордость.

— *Я основатель Интегрального центра*, — говорит он.

— Что? Что?! Ничего не понимаю. — Всё это начинает меня раздражать, выводит из себя. — Я не понимаю, как такое возможно, так что, мистер, ваш мини-мы не такой умный, как вы думали.

Он снова хлопает себя по колену и смеётся.

— *Вообще-то Интегральный центр был основан нами три года назад — основан дюжиной таких людей, как Майк Мёрфи (Mike Murphy), Роджер Уолш (Roger Walsh), Фрэнсис Воон (Frances Vaughan), Джек Криттенден (Jack Crittenden), Сэм Беркольц (Sam Bercholz), Ким Томпсон (Keith Thompson), Берт Парли (Bert Parlee), Дженни Уэйд (Jenny Wade), Пол Герстенбергер (Paul Gerstenberger), Джо Фирмэйдж (Joe Firmage), Боб Ричардс (Bob Richards), Дэвид и Ким Бергер (David Berger, Kim Berger). Ты уже успел познакомиться с остальными: с Чарльзом, Лизой, Марком, Дерексом, Карлой, Маргарет, Джоан. Ты ведь знаешь, кто такая Джоан, правда?*

— Джоан! — выкрикиваю я, и она сжимает мою руку. Несколько человек поворачивается и смотрит на меня, а Стюарт начинает смеяться прямо на сцене.

— Кен, послушай меня. Просто отдайся процессу, просто отдайся процессу. Я здесь.

— Да, я знаю, кто такая Джоан.

— *Мы собрались вместе несколько лет назад и решили создать центр, который бы способствовал развитию сознания. Вообще-то, в его задачи входит помощь всем мемам, но особое внимание уделяется достижению второго и третьего порядка, то есть пробуждению.*

У меня слегка потемнело в глазах. Всё это никак не укладывалось у меня в голове.

— Но если ты основатель ИЦ, значит, я создам ИЦ через много лет. Я этого не понимаю.

— *Поймёшь.*

— Ладно, — говорю я, пытаюсь просто не сопротивляться. — Так когда именно я основал ИЦ?

— *Сразу вслед за тем, как написал «Интегральную психологию».*

— О Боже. — Я даже не пытаюсь спорить. — Вы хотите сказать, что я напишу книгу, которую только что прочитал Стюарт?

— *Да.*

— Я не понимаю.

— *Поймёшь.*

Я тупо смотрю на него.

— *Это будет сразу после того, как ты напишешь «Пол, Экологию, Духовность», которую назовут «одной из главных книг столетия».*

Я поднимаю брови. Несмотря на запутанность происходящего, кое-что становится совершенно ясно.

— Я заметил, что все эти ответы связаны с вами. С вами и с тем, какой вы замечательный. Вы как будто всё время говорите: «Ну разве я не чудо?» Вот уж где настоящий бумерит. С вами-то он действительно расцветает, мистер.

И он смеётся, как никогда раньше, исторгает из себя непрерывные потоки хохота.

— *Клянусь Юпитером, кажется, он понял!* — наконец говорит голос.

— Ну да, спасибо, что предупредил — лучше поздно, чем никогда. Теперь понятно, почему из всего зала Карлтон выбрала меня, ты козёл... хрен... дерьмо, большой толстый...

— *Кен, Кен, успокойся,* — говорит знакомый голос.

— Джоан?

— Да.

— Джоан?

— *Да. О Боже,* — Джоан смотрит на нас обоих. — *Как мне к вам обращаться? Послушай, Кен младший, Кен старший просто решил слегка над тобой подиутить. Уверяю тебя, он хороший большой мальчик, очень хороший.*

Эта большая жопа улыбается мне.

— *Ты не понимаешь, как воздействуешь на людей, когда используешь свой интеллект с высокомерием и надменностью. Кен старший просто даёт тебе почувствовать твою собственную заносчивость. А это значит, рано или поздно, ты всё поймёшь — в конце концов, он же понял,* — **говорит она, улыбаясь большому мальчику,** — *так что, ничего страшного.*

— **Это вам так кажется,** — **пытаюсь возразить я.**

— *Да нет, и тебе тоже.*

Я открываю глаза. Я вижу Джоан. Я закрываю глаза. Я вижу Джоан. Я открываю глаза, вижу Джоан в «Клубе Пассим» и говорю: «Я ничего не понимаю».

— Всё в порядке, — отвечает она, — просто закрой глаза и не сопротивляйся.

Кен старший наклоняется к моему уху и шепчет в него:

— *Ты ведь думаешь, что влюблён в неё?*

— Я это знаю.

Большой Кен улыбается.

— *Ты ведь помнишь, как Джоан спросила тебя: что происходит, когда ты по-настоящему, безумно влюбляешься? И ты ответил...*

— Я сказал, что это просто охрененно приятно, ясно, дятел?

— *Не сердись.*

— Ладно, ладно. Я сказал, что любовь позволяет тебе преодолеть собственные границы. И ты достигаешь... не знаю, как сказать... какого-то единения со всем. — Я на мгновение задумываюсь. — А, я понял. Любовь, настоящая любовь — это и есть третий порядок, да? Так вот что произошло со Стюартом.

— *А теперь слушай меня внимательно, Кен. Есть прямая дорога, ведущая к этому состоянию единства.*

Джоан наклоняется к моему уху и шепчет:

— *И тут появляюсь я.*

— И тут появляешься ты?

Кен старший в упор смотрит на меня. Кажется, теперь он готов говорить искренне.

— *Все люди в начале своей жизни находятся в расщеплённом, раздробленном, раздвоенном и довольно диком состоянии. Мир разделён на субъект и объект, на «я» и другого, на меня и всё остальное. И как только мир раскалывается на две части, в нём остаётся место лишь*

для страдания, боли, мучений и ужаса. Все человеческие беды лежат на дне пропасти, отделяющей субъект от объекта.

— *Это пропасть между Видящим и Видимым, — тихо добавляет Джонан.*

— *Да. И поэтому ты можешь обрести состояние окончательного единения, космического сознания, сияющей любви, если преодолеешь разрыв между Видящим и Видимым, ведь, в конце концов, они едины. Мужчины обычно достигают этого через исследование Видящего, а женщины — через Видимое. Но и тем, и другим доступны оба пути, так что выбор — лишь дело вкуса.*

— *Я не понял ни слова из того, что ты только что сказал.*

— *Поверь мне, юный Кен, это не так сложно, как кажется. Давай сначала разберёмся с Видящим — просто послушай меня ещё раз, ты ведь ты уже слышал эти слова, правда?*

— *Позволь своему уму расслабиться. Пусть твой ум расслабится и расширится, слившись с небом, которое ты видишь перед собой. А теперь наблюдай: облака проплывают по небу, и ты без усилий сознаёшь их. В твоём теле возникают чувства, и ты без усилий сознаёшь их. Мысли проплывают в твоём уме, и ты без усилий сознаёшь их. Природа, чувства, мысли проплывают мимо... а ты всё это сознаёшь.*

— *Так ответь мне: Кто ты?*

— *Ты не твои мысли, ведь ты сознаёшь их. Ты не твои чувства, ведь ты сознаёшь их. Ты не объекты, которые ты видишь, ведь ты сознаёшь их.*

— *В тебе есть то, что сознаёт всё это. Так ответь мне: что внутри тебя сознаёт всё?*

— *Что внутри тебя всегда пробуждено? Что постоянно присутствует во всей полноте? В тебе есть что-то, прямо сейчас наблюдающее за всем, что возникает. Ответь, мне: что это?*

— *Это безграничное свидетельствующее сознание — ты ведь узнаёшь его?*

— *Кто этот Свидетель?*

Голос ненадолго замолкает.

— *Ты и есть этот Свидетель, не так ли? Ты и есть Видящий, ты чистое сознание, чистый Дух, непрерывно свидетельствующий всё, что возникает, каждый миг. Твоё сознание есть безграничное пространство, открытое всему, пустотное и чистое и всё же замечающее всё, что возникает из мгновения в мгновение.*

— *Этот Свидетель есть Бог внутри, смотрящий наружу, наблюдающий за миром, который он сотворил.*

Я открываю глаза, и передо мной постепенно появляется «Клуб Пассим». Джоан, Стюарт и другие люди легко парят в моём сознании — в спокойном, неподвижном, ясном и чистом сознании, в котором всё возникает спонтанно. Это чистый Свидетель, безмятежно глядящий на мир...

Джоан всё ещё держит мою руку.

— *А теперь вместо того чтобы наблюдать Всё, будь Всем, — шепчет она.*

— *Да, но как?*

— *Займись со мной любовью, Кен. Займись любовью с небом, займись любовью с облаками, обними звёзды, поцелуй небеса, протяни руку и возьми космос, наполни собой всю вселенную.*

Я безрассудно проваливаюсь в космос, приближаюсь к бесконечности, начинаю...

— *Это то, чем мужчина занимается с женщиной, — снова вступает голос. — Мужчина, то есть Видящий, сливается воедино с Видимым.*

Женщина, то есть Видимое, сливается воедино с Видящим. Это любовный союз Пуруши и Пракрити, это вечное единение Шивы и Шакти, растаявших в Сердце, это растворившиеся в Одном Вкусе субъект и объект, стоны которых разносятся в ночи.

— Мужчина и женщина... — бормочу я.

— *Как ты думаешь, что означают все те фантазии о голых женских телах, которые посещают тебя каждые десять минут? Ты ведь не думаешь, что они о сексе, правда?*

— Я не понимаю.

— *В этом нет ничего сложного, — шепчет Джоан, пытаясь мне помочь. — Мужчины стремятся к автономии, им нужна Свобода. Женщины стремятся к отношениям, им нужна Полнота. Свобода и Полнота, деятельность и общность, ранжирование и связывание, справедливость и забота, мудрость и сострадание, эрос и агапе — называй их как хочешь, но пока они не объединятся, ни женщины, ни мужчины не смогут преодолеть собственную раздробленность, расщеплённость, частичность и неполноту.*

— Это-то я понимаю.

— *Мужчина, то есть твоя маскулинная часть, может обрести полную автономию или неограниченную Свободу только тогда, когда вне его не останется ничего, что может его контролировать. Но единственный способ добиться этого — стать единым со всем.*

Джоан смотрит на меня, чтобы убедиться, что я её понимаю. Я киваю головой.

— *В свою очередь женщина, то есть твоя фемининная часть, может достичь полноты отношений или совершенной Полноты только тогда, когда вне её не останется ничего, что она может желать. И снова единственный способ достичь этого — стать единой со всем.*

Я опять киваю головой.

— Поэтому единственный способ обрести и Свободу, и Полноту — это стать единым со Всем, обрести космическое сознание, третий порядок, вечный Дух, вездесущую реальность Одного Вкуса.

Она замолкает, сжимает мою руку, смотрит мне в глаза.

— *Теперь что-нибудь прояснилось?*

Я встряхиваю головой, чтобы собраться с мыслями.

— Немного, — отвечаю я.

Я открываю глаза и вижу Джоан. Я закрываю глаза и вижу Джоан.

— В любом случае, я в тебя влюблён, — говорю я.

Кен старший смотрит на меня, улыбается, подаётся вперёд.

— *А теперь, Кен, послушай меня. Примерно в моём возрасте ты найдёшь настоящую Джоан, ту Джоан, которая откроет тебе Сердце.*

— Я не понимаю.

— *Ты поймёшь, поверь мне.*

Я открываю глаза и снова их закрываю.

— *Не волнуйся, если сейчас тебе что-то не ясно, — говорит Джоан. — Просто ты всё ближе к тому, чтобы увидеть своё Изначальное Лицо, своё настоящее Я, так что время начинает искажаться. Когда приближаешься к вечности, попадаешь в искривлённое время, своего рода кротовую нору, ведущую в будущее. Так что тебе не о чём волноваться. Правда.*

— Но я думал... — говорю я, указывая на большого Кена, — я думал, моё настоящее Лицо, моя Омега — это он.

— Нет, он всего лишь перевалочный пункт, всего лишь будущее отражение твоего маленького «я». Но твоё настоящее Я — это не он.

Я открываю глаза.

— Джоан, ты не поверишь.

— Поверю, Кен, — говорит она, всё ещё держа меня за руку.

Голос Стюарта наполняет «Клуб Пассим».

— Просто не сопротивляйся, Кен, отпусти всё.

— Значит, моё настоящее «Я» — это не он?

— Нет, он всего лишь твоё маленькое «я», твоё эго из будущего, но он не твоё настоящее Я, существующее лишь во вневременном настоящем.

— Тогда что он здесь делает?

— Он здесь, чтобы показать, что Ответ находится вне времени.

— Это так, юный Кен.

— Ты тот внутренний голос, который я слышу с тех пор, как начал ходить в ИЦ, — говорю я, начиная кое-что понимать.

— Да, это так.

— Ты — это мой будущий я. Ты — это мой будущий я, но ты — это не то, что я есть...

— Это так. Хочешь встретиться с тем, кто ты есть на самом деле?

— Джоан, мне страшно, мне правда страшно.

— Скажи мне: когда ты по-настоящему сильно влюблён, где ты?

Я пытаюсь собраться.

— Когда я по-настоящему сильно влюблён... — я смотрю в её небесные глаза и полностью растворяюсь в прекрасной вышине; я свободен — и вся вселенная озаряется светом, по сравнению с которым меркнет ослепительное солнце;

я наполнен существованием, расширяющим моё сердце до бесконечности. В моём мозгу рой сверхновых, по моим венам несутся галактики, я держу в руке весь космос, и омывающая меня Тайна заставляет вселенную растаять...

— *Вот так, юный Кен, иди дальше.*

Я углубляюсь в своё существование, погружаюсь в собственное сознание, в покоящегося бесконечного Свидетеля всего, что возникает; в пустое, тёмное, безбрежное, но по-настоящему живое отсутствие формы, безмерно мудрое и испускающее такой неуловимый свет, который невозможно ни увидеть, ни даже почувствовать; в бесконечное Освобождение, что лежит по другую сторону ужаса; в абсолютную Свободу за пределами боли, в неосязаемое блаженство за пределами блаженства, в невидимый свет за пределами света.

— *А теперь возвращайся ко мне, Кен,* — шепчут небесные глаза.

И вдруг из бесконечной Пустоты вырывается весь Мир. Меня охватывает такое невыносимое наслаждение, что я распадаюсь на миллионы душ, которые разносит космический ветер, восхожу бесконечным множеством прозрачных звёзд, влюблённых в небесную твердь, мгновенно растворяюсь в сверкающем солнце, горящем в сердце каждого живого существа, и становлюсь эротической землёй, рожающей всех, кто жаждет родиться. Свобода и Полнота пропитывают моё существо и наполняют вселенную до самого её сияющего основания, и всё это так очевидно — так отчаянно, болезненно, ужасно очевидно.

— Значит, я создатель всей этой космической игры?

— *Мы все создатели, юный Кен,* — отвечает мой будущий я.

— Все сознающие существа — это чистый Дух. И это действительно игра, космическая игра, великая и ужасная забава, в которой все мы изображаем самих себя.

— Но что будет, если пробудиться и открыть эту окончательную, явную тайну? Что будет тогда? Что случится потом?

— Именно то, что должно случиться, чем бы это ни было. Ты продолжишь играть в игру, но уже полностью пробудившись. Всё будет так же обычно, как сейчас, мир останется прежним. Но ты будешь всегда готов протянуть руку человеку, ты будешь делать всё, чтобы утешить ближнего, ты будешь трудиться, чтобы помочь всем людям добраться до второго и третьего порядка, ты...

— Вместе с коллегами открою Интегральный центр.

— Или что-то в этом роде, Кен. Не так уж важно, как это будет выглядеть. Ты сделаешь всё, что сможешь, чтобы помочь тем, кому снится Пробуждение, увидеть своё Изначальное Лицо — общее для всех маленьких и больших существ. Один человек будет вершить большие дела, например, откроет Интегральный центр, другой — малые дела, например, улыбнётся незнакомцу в метро. Но первое не лучше и не важнее второго — все эти дела одинаково необходимы. Возможно, ты откроешь ИЦ, а может быть, и нет, но ты всегда можешь улыбнуться тем, кто рядом с тобой.

— Более того, юный Кен, твоё просветление будет углубляться. Знаю, сейчас тебе кажется, что ты всё понял, но, поверь мне, это не так. Ты до сих пор путаешь экстатический опыт с непреходящим сознаванием. Твоё собственное пробуждение — это лишь начало. Это лишь начало, понимаешь?

— Не уверен.

— Скажу тебе одну вещь, которую ты с годами поймёшь. Изучать просветление значит изучать себя. Изучать себя значит забыть себя. Забыть себя значит быть единым со всем. Быть единым со всем значит

просветление вне времени и пространства. А просветление вне времени и пространства длится вечно, это непрерывный процесс, полностью совершенный и совершенно полный в любой момент существования, но при этом развёртывающийся бесконечно... Послушай меня, юный Кен, вневременное просветление — это бесконечный процесс, но, поверь мне, он есть.

И это были последние слова голоса в моей голове.

— Джоан, Джоан...

— Я здесь, Кен. Где ты?

— Сам не знаю, — отвечаю я, озираясь по сторонам. — А, ясно, это «Клуб Пассим»... О Господи, Джоан, только что случилась самая...

— Знаю, милый, знаю.

— Ты была там?

— Разве?

— Тебя там не было?

— Нет. То есть, не совсем. Это была не я. Возможно, это было что-то, что я для тебя олицетворяю.

— Небо, — говорю я. — Я растворился в небе, я...

— Я знаю, Кен, я всё знаю.

Небесные глаза смотрят на меня, но на этот раз меня это совсем не удивляет.

12. HAPPILY_EVER_AFTER@HEREANDNOW.COM
(Долго_И_Счастливо@ЗдесьИСейчас.COM)

— Хлоя, можешь себе представить вселенную на экстази?

Хлоя поворачивается в постели, открывает глаза и жмурится от утреннего солнца.

— Что такое?

— Можешь себе представить целую вселенную на экстази?

— Ещё бы, конечно, могу.

— Нет, не в том смысле, что все употребляют экстази, а как будто вся вселенная — это один большой экстази-трип?

Хлоя смотрит на меня в упор, пытается собраться с мыслями, и я замечаю, что она начинает проваливаться в небо, которое теперь находится на месте моих глаз.

— Хлоя.

— Ты так изменился, сладкий мальчик. Так изменился. Что произошло?

— Хлоя, не знаю, как тебе это объяснить, но ты сейчас смотришь на себя, на настоящую себя, и ты это поймёшь, если позволишь себе туда провалиться.

Хлоя развеивает чары.

— Не уверена, сладкий мальчик. Скажи лучше, что ты собираешься сегодня делать?

— Сегодня? — И я, возможно, первый раз в своей жизни, заливаюсь искренним смехом. — Ну вообще-то, я собирался помочь людям выбраться из флатландии и достичь второго порядка. — И я ещё долго продолжаю смеяться.

— Второй порядок — это тот новый жилой комплекс через дорогу?

Это заставляет меня смеяться ещё сильнее.

— Ну да, Хлоя, это именно он.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Знаешь, милая Хлоя, я искренне уверен, что можешь.

— Ооооо, ты даришь мне улыбку.

— Слушай, Хлоя, ты только что напомнила мне об одной вещи. Помнишь, я говорил, что люди будут жить 200 000 лет?

— А, ты о городах-гардеробах?

— Да, в общем, я думал, что боты обыграют нас в большой игре.

— В большой игре.

— Скажем так, в большой игре Жизни. Но знаешь что? Первый приз получают люди, да, они сделают это.

— Сделают это.

— Мы будем жить достаточно долго, чтобы пробудиться, по-настоящему пробудиться. Это может произойти в любую минуту — буквально в любую минуту.

— В любую минуту.

— Хлоя, хватит повторять мои слова.

— Вообще-то, в них отсутствует смысл, тебе не кажется?

— Наверное. Но ты ведь поняла про 200 000 лет? Мне кажется, наше поколение — Жёлтые Детки! — мне кажется, мы сделаем это, мы проживём достаточно долго, достаточно долго, чтобы пробудиться и понять, кто мы на самом деле.

— Сделаем это!

— Ну держись!

Я хватаю её и бросаю обратно в кровать.

— Зато я знаю вот что, — говорит Хлоя. — Если мы с тобой столько проживём, то сможем заняться любовью как минимум миллиард раз. Сладкий мальчик, мы займёмся любовью миллиард раз. Миллиард раз!

Я смотрю на небо, на удивительное, любящее, ласковое небо, на яркое солнце, роняющее на землю свои лучи, на вездесущую ослепительную манифестацию, на сверкающее, прозрачное проявление, на изумрудные искры в воздухе, на улыбающуюся Хлою.

— Ладно, — говорю я с довольной, до бесконечности открытой улыбкой, — тогда за дело.

ОБ АВТОРЕ

Кен Уилбер, которому на момент публикации данной книги исполнилось 23 года, получил диплом МИТ по специальности «компьютерные науки и искусственная жизнь». Он живёт в Денвере, штат Колорадо, с невестой Хлоей Уолтерс и псом Исааком. Его статьи печатались в журналах «Wired», «BlackBook», «X/Y», «MeatBeat», «Yearn» и «Cosmopolitan».

